Весь

САЙМАК

ТЕАТР ТЕНЕЙ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Весь

САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ИГРУШКА СУДЬБЫ
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
ИСЧАДИЯ РАЗУМА
ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ
ТЕАТР ТЕНЕЙ

Клиффорд

САЙМАК

ТЕАТР ТЕНЕЙ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2005

УДК 82 (1-87)
ББК 84 (7США)
С 12

CLIFFORD D.SIMAK

SHORT STORIES
© by Clifford D.Simak

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Театр теней: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 704 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-12417-9

Классики жанра не нуждаются в представлении, а такой мэтр НФ, как Клиффорд Саймак, тем более. Встреча с любым его произведением доставляет поклонникам жанра истинное удовольствие. Но не только. Автор с удивительным мастерством погружает читателя в свой, особый мир и вынуждает его размышлять о судьбах Вселенной и человечества в целом и о судьбе каждого живущего на Земле человека в отдельности.

Некоторые рассказы, вошедшие в этот том полного собрания произведений писателя, впервые публикуются на русском языке.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. В. Баканов, О. Битов, З. Бобырь, С. Васильева, Нора Галь, Т. Гордеева, А. Горбунова, Д. Жуков, Н. Евдокимова, А. Иорданский, Б. Клюева, Н. Колпаков, А. Корженевский, К. Королев, В. Мидянин, С. Трофимов, А. Филонов, 2005
© ООО «Издательство «Домино», 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-12417-9

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

М-р Ривз. По моему убеждению, возникшая ситуация требует разработки хорошо продуманной системы мер, препятствующих тому, чтобы продление жизни попало в зависимость от политических или каких-либо иных влиятельных организаций.

Председательствующий м-р Леонард. Вы опасаетесь, что продление жизни может стать средством политического шантажа?

М-р Ривз. И не только этого, сэр. Я опасаюсь, что организации начнут продлевать сверх разумных пределов жизнь отдельным деятелям старшего поколения лишь потому, что такие фигуры нужны ради престижа, ради того, чтоб организация сохраняла вес в глазах общественного мнения.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Посетители явились неспроста. Сенатор Гомер Леонард чувствовал, как они нервничают, сидя у него в кабинете и потягивая его выдержанное виски. Они толковали о том о сем — по обыкновению своему с многозначительным видом,— но ходили вокруг да около того единственного разговора, с которым пришли. Они кружили, как охотничьи собаки подле енота, выжидая удобного случая, подбираясь к теме исподтишка, чтобы она, едва выдастся повод, всплыла как бы экспромтом, словно только что вспомнилась, словно они добивались встречи с сенатором вовсе не ради этой единственной цели.

«Странно»,— подумал сенатор. Ведь он знаком с ними обоими давным-давно. И их знакомство с ним ничуть не короче.

© Перевод О. Битова.

Не должно бы оставаться ничего, просто ничего такого, что они постеснялись бы сказать ему напрямик. В прошлом они, обсуждая с ним его политические дела, не раз бывали прямолинейны до жестокости.

«Наверное, скверные новости из Америки»,— решил он. Но и скверные новости для него тоже отнюдь не новость. «В конце концов,— философски поучал он себя,— никто, если он в здравом уме, не вправе рассчитывать, что пробудет на выборной должности вечно. Рано или поздно придет день, когда избиратели — просто со скуки, если не подвернется других причин,— проголосуют против того, кто служил им верой и правдой». И сенатор был достаточно честен с самим собой, чтобы признать, хотя бы в глубине души, что подчас не служил избирателям ни верой, ни правдой.

«И все равно,— решил он,— я еще не повержен. До выборов еще несколько месяцев, чтобы сохранить за собой сенаторское кресло, и в запасе есть еще парочка трюков, каких я раньше не пробовал. Стоит лишь точно рассчитать время и место удара, и победа не уплывет из рук. Точный расчет,— сказал он себе,— вот и все, что от меня требуется».

Крупный, неповоротливый, он покойно утонул в кресле и на какое-то мгновение прикрыл глаза, чтобы не видеть ни комнаты, ни солнечного света за окном. «Точный расчет»,— повторил он про себя. Да, точный расчет и еще знание людей, умение слышать пульс общественного мнения, способность угадывать наперед, к чему избиратель склонится с течением времени,— вот компоненты тактического мастерства. Угадывать наперед, обгонять избирателей в выводах, чтобы через неделю, через месяц, через год они твердили друг другу: «Послушай, Билл, а ведь старый сенатор Леонард оказался прав! Помнишь, что он заявил на прошлой неделе — или месяц, или год назад — в Женеве? Вот именно, будто в воду глядел. Такого старого лиса, как Леонард, не проведешь...»

Он чуть приподнял веки, чтобы дать посетителям понять, что глаза не смеживались, а лишь оставались все время полуприкрыты. Это было неучтиво и просто глупо — закрывать глаза на виду у посетителей. Они могли вообразить, что ему не интересно. Или воспользоваться случаем и перерезать ему глотку.

«Все потому, что я опять старею,— сказал себе сенатор.— Старею и впадаю в дрему. Но соображаю я четко, как никогда. Да, сэр,— повторил сенатор, беседуя сам с собой,— соображаю я четко, и голыми руками меня не возьмешь».

По напряженному выражению лиц посетителей сенатор понял, что они наконец решились вымолвить то, с чем явились к нему. Они примеривались, принюхивались — не помогло. Теперь приходится хочешь не хочешь выложить карты на стол.

— Есть одно дело,— сказал Александр Джиббс,— одна проблема, вставшая перед нашей организацией уже довольно давно. Мы надеялись, что все утрясется и обстоятельства позволят нам не привлекать к ней вашего внимания, сенатор. Однако позавчера на заседании исполнительного комитета в Нью-Йорке принято решение довести суть дела до вашего сведения.

«Плохо,— подумал сенатор,— даже хуже, чем мне представлялось, раз Джиббс заговорил в такой окольной манере».

Помогать гонцам сенатор не стал. Он невозмутимо откинулся в кресле, твердой рукой сжимая стакан с виски, и не спрашивал, о чем речь, словно ему это было совершенно безразлично. Джиббс слегка запнулся, потом выдавил из себя:

— Дело касается лично вас, сенатор.

— Продления вашей жизни,— выпалил Эндрю Скотт.

Воцарилась неловкая тишина, все трое были потрясены, и Скотт в том числе: ему не следовало бы называть вещи своими именами. В политике ни к чему идти напролом, куда удобнее выбирать уклончивые, нечеткие формулировки.

— Понятно,— произнес сенатор в конце концов.— Организация полагает, что избиратели предпочли бы видеть меня обычным человеком, которому суждено умереть обычной смертью.

Джиббс кое-как стер с лица выражение растерянности.

— Простые люди,— объявил он,— не любят тех, кто живет дольше предначертанного природой.

— Особенно,— перебил сенатор,— тех, кто ничем не заслужил подобной чести.

— Я не ставил вопрос так резко,— запротестовал Джиббс.

— Может, и нет,— согласился сенатор.— Но в какую бы форму вы его ни облекли, в виду-то вы имели именно это.

Кабинетные кресла вдруг стали казаться чертовски жесткими. А в окна по-прежнему било яркое солнце Женевы.

— Итак,— сказал сенатор,— организация пришла к выводу, что делать ставку на меня более не стоит, и решила не возоб-

новлять ходатайства о продлении моей жизни. Таков смысл того, что вам поручено мне сообщить.

«С тем же успехом можно и не тянуть волынку,— подумал он мрачно.— Теперь, когда все окончательно прояснилось, что толочь воду в ступе...»

— Да, сенатор, примерно так,— согласился Скотт.

— Именно так,— подтвердил Джиббс.

Сенатор оторвал отяжелевшее тело от кресла, потянулся за бутылкой, наполнил стаканы.

— Вы огласили смертный приговор с большим искусством,— сказал он.— За это следует выпить.

«Интересно,— мелькнула мысль,— а чего они ждали? Что я паду перед ними на колени? Или примусь крушить мебель в кабинете? Или стану проклинать тех, кто их послал?..

Марионетки,— подумалось ему.— Мальчики на побегушках. Глупенькие мальчики на побегушках, перепуганные до ужаса...»

Посетители пили виски, не сводя с него глаз, а он сотрясался от беззвучного хохота, представляя себе, как горек для них сейчас каждый глоток.

Председательствующий м-р Леонард. Значит, мистер Чэпмен, вы согласны с другими ораторами в том, что никому не должно быть дано права просить о продлении жизни для себя лично, что такое продление может иметь место лишь по ходатайству третьих лиц и что...

М-р Чэпмен. Продление жизни должно рассматриваться как дар общества тем индивидуумам, деяния которых весомо облагодетельствовали человечество в целом.

Председательствующий м-р Леонард. Весьма удачно сказано, сэр.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

В приемной Института продления жизни сенатор неспешно погрузился в кресло, устроился поудобнее, развернул свежий номер «Норт Американ трибюн».

Заголовок первой колонки гласил, что, по данным Всемирной коммерческой палаты, мировая торговля развивается нор-

мально. Далее следовало подробное изложение доклада секретаря палаты. Вторая колонка начиналась с ехидного сообщения в рамочке: на Марсе, возможно, обнаружена новая форма жизни, но, поскольку обнаружил ее астронавт, пьяный более обыкновенного, к его заверениям отнеслись с изрядной долей скептицизма. Ниже рамки был помещен список мальчиков и девочек — чемпионов здоровья, отобранных Финляндией для участия в предстоящем международном конкурсе здоровья. Третья колонка излагала последние сплетни о самой богатой женщине мира.

А четвертую колонку венчал вопрос:

КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА Д-РА КАРСОНА?
СМЕРТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНО НЕ ДОКАЗАНА

Заметив, что под колонкой стоит подпись — Энсон Ли, сенатор сухо усмехнулся. Опять этот Ли что-то затеял. Вечно он что-нибудь пронюхает, выудит какой-нибудь фактик, и уж можете не сомневаться, что фактик этот кому-то встанет поперек горла. Ли неумолим, как стальной капкан,— не дай Бог, если такой вцепится именно в вас. Что далеко ходить за примерами — достаточно вспомнить историю с космическим фрахтом.

«Энсон Ли,— изрек сенатор про себя,— паразит. Самый настоящий паразит».

Но доктор Карсон — кто такой доктор Карсон?

Сенатор вступил в невинную тихую игру с самим собой — постараться сообразить, кому принадлежит это имя, сообразить до заглядывания в текст.

Доктор Карсон...

«Ну конечно,— обрадовался сенатор,— помню! Только это было давным-давно. Биохимик или что-то в том же роде. Весьма незаурядный человек. Ставил какие-то опыты с колониями почвенных бактерий, выращивал их для каких-то медицинских надобностей.

Да, да,— повторил сенатор,— весьма незаурядный человек. Меня с ним даже знакомили. Правда, я не понял и половины того, о чем он толковал тогда. Но это было давно. Лет сто назад.

Лет сто назад — а может, много больше.

Значит, Господи прости,— воскликнул сенатор,— он же должен быть одним из нас!..»

Сенатор поник головой, газета выскользнула у него из рук и упала на пол. Вздрогнув, он выпрямился. «Ну вот опять,— упрекнул он себя.— Задремал. Опять подкрадывается старость...»

Он сидел в кресле, сидел очень спокойно и очень тихо, как испуганный ребенок, не желающий признаваться, что он испуган. Мыслями все отчетливее завладевали давние, давние кошмары. «Слишком поздно,— упрекал он себя.— Я слишком долго тянул, куда дольше, чем следовало. Ждал, что организация возобновит ходатайство, и дождался, что она передумала. Вышвырнула меня за борт. Бросила на произвол судьбы как раз тогда, когда я сильнее всего нуждался в ней».

«Смертный приговор»,— так сказал он у себя в кабинете, и это был действительно смертный приговор: долго он теперь не протянет. У него теперь почти не осталось времени. А ему нужно время — на то, чтобы предпринять какие-то шаги, чтобы хотя бы придумать, что предпринять. Нужно действовать, действовать с величайшей осторожностью и ни при каких обстоятельствах не поскользнуться. Иначе — кара, ужасная, жесточайшая кара.

— Доктор Смит вас примет,— сообщила секретарша.

— Что? — встрепенулся сенатор.

— Вы хотели видеть доктора Дейну Смита,— напомнила секретарша.— Он согласен вас принять.

— Благодарю вас, мисс,— сказал сенатор.— Я что-то слегка задремал.

Он тяжело поднялся на ноги.

— Вот сюда, в эту дверь,— подсказала секретарша.

— Сам знаю,— пробормотал сенатор раздраженно.— Бывал здесь не раз и не два.

Доктор Смит встретил его как почетного гостя.

— Располагайтесь, сенатор,— пригласил он.— Хотите выпить? Тогда, быть может, сигару? Что привело вас ко мне?

Сенатор не торопился отвечать, устраиваясь в кресле. Удовлетворенно хмыкнув, обрезал кончик сигары, перекатил ее из одного угла рта в другой.

— Да просто зашел без особого повода. Шел мимо и решил заглянуть. Давно и искренне интересуюсь вашей работой. Всегда интересовался. Ведь я с вами с самого начала.

Директор института кивнул.

— Да, я знаю. Вы проводили самые первые обсуждения кодекса продления жизни.

Сенатор усмехнулся.

— Тогда все казалось легко и просто. Конечно, были какие-то сложности, но мы не уклонялись от них, а боролись с ними, как могли.

— Вы справились со своей задачей удивительно хорошо,— заявил директор.— Кодекс, выработанный вами пять веков назад, настолько справедлив, что его никто никогда не оспаривал. Отдельные поправки, внесенные позже, касаются второстепенных деталей, которые вы никак не могли предусмотреть.

— Однако дело слишком затянулось,— заметил сенатор.

Лицо директора приобрело жесткое выражение.

— Не понимаю вас.

Сенатор зажег сигару, сосредоточив на этом ответственном процессе все свое внимание, старательно окуная ее кончик в огонь, чтобы табак занялся ровно. Затем поерзал в кресле, устраиваясь еще прочнее.

— Видите ли,— произнес он.— Мы полагали, что продление жизни явится первым шагом, первым робким шажком к бессмертию. Мы разрабатывали кодекс как временную меру, необходимую на тот период, пока наука не добьется бессмертия — не для избранных, для всех. Мы рассматривали тех немногих, кому даруется продление жизни, как служителей человечества, которые помогут приблизить день, когда оно обретет бессмертие — не отдельные люди, все человечество в целом.

— С этим и сегодня никто не спорит,— холодно откликнулся доктор Смит.

— Однако люди теряют терпение.

— И очень плохо. Все, что от них требуется,— немного подождать.

— Как представители человечества они готовы ждать сколько угодно. Но не как отдельные личности.

— Не понимаю, к чему вы клоните, сенатор.

— Да, наверное, ни к чему не клоню. В последние годы я частенько обсуждал сам с собой правомерность принятого нами решения. Продление жизни без бессмертия — это бочка с динамитом. Заставьте людей ждать слишком долго — и она взорвет всю мировую систему.

— Что вы предлагаете, сенатор?

— Ничего. Боюсь, что мне нечего предложить. Но мне нередко сдается, что лучше бы играть с людьми в открытую, знакомить их со всеми результатами поисков и исследований. Держать их в курсе всех событий. Информированный человек — разумный человек.

Директор не отвечал, и сенатор ощутил, как тягостный холод уверенности капля за каплей просачивается в подсознание.

«Смиту все известно,— понял сенатор.— Ему известно, что организация решила не возобновлять ходатайства. Ему известно, что я мертвец. Ему известно, что мне почти крышка и помощи от меня больше ждать не приходится, вот он и вычеркнул меня из своих расчетов. Смит не скажет мне ничего. Тем более не скажет того, что я хочу знать».

Но ни один мускул не дрогнул у сенатора на лице — этого он себе не позволил. Его лицо не предаст его. Оно прошло слишком долгую выучку.

— А ответ существует,— произнес сенатор.— И всегда существовал. Ответ на любой вопрос о бессмертии. Бессмертия не может быть, пока нет жизненного пространства. Пространства, достаточного, чтоб отселить всех лишних, и чтоб его было больше, чем нам понадобится во веки веков, и чтоб его можно было еще расширить в случае нужды.

Доктор Смит снова кивнул.

— Вы правы, это ответ. Единственный, какой я могу вам дать.— Он помолчал и добавил: — Разрешите, сенатор, заверить вас в одном. Как только корабли Межзвездного поиска обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие.

Сенатор выбрался из кресла и встал — твердо, не качаясь.

— Приятно было услышать это от вас, доктор. Ваше мнение очень обнадеживает. Благодарю вас за длительную беседу.

Выйдя на улицу, он сказал себе с горечью: «У них оно уже есть. Они открыли секрет бессмертия. Теперь они ждут только жизненного пространства — и дождутся в ближайшие сто лет. Ближайшие сто лет решат и эту проблему, иначе просто не может быть...

Еще сто лет,— повторил он себе,— еще одно-единственное продление, и я остался бы жить навсегда».

М-р Эндрюс. Мы обязаны четко отделить продление жизни от отношений купли-продажи. Нельзя позволить тому, у кого есть деньги, покупать себе дополнительные годы жизни — ни путем прямых денежных выплат, ни используя свое финансовое влияние, в то время как другие вынуждены умереть естественной смертью лишь потому, что они бедны.

Председательствующий м-р Леонард. Но разве кто-нибудь ставит эти положения под сомнение?

М-р Эндрюс. Тем не менее надо подчеркивать их снова и снова. Продление жизни ни при каких обстоятельствах не должно стать товаром, который можно купить в определенной лавке — столько-то долларов за каждый добавочный год.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сидя за шахматной доской, сенатор притворялся, что решает задачу. Притворялся, потому что мысли его были заняты отнюдь не шахматами.

Итак, они знают секрет бессмертия, знают, но выжидают, сохраняя в тайне до поры, когда будут уверены, что в распоряжении человечества есть достаточное жизненное пространство. Причем это держится в тайне и от народа, и от правительства, и от тех ученых, мужчин и женщин, что поколение за поколением тратят свои жизни на поиски давно открытого.

Да, сомнений нет: Смит не просто обнадеживал, он был уверен в том, что говорит. «Как только корабли Межзвездного поиска,— заявил он,— обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие». И это означает, что бессмертие у них в кармане. Ведь его нельзя предсказать. Нельзя заранее определить, что секрет будет найден в нужный момент. Уверенность такого рода можно испытывать только в том случае, если он уже найден.

Сенатор сделал ход слоном и тут же увидел, что ход неверен. Он медленно вернул слона на прежнее место.

Жизненное пространство — вот ключ, и не всякое пространство, а экономически замкнутое, способное обеспечить людей пищей и сырьем, в особенности пищей. Ведь если бы речь шла просто о жизненном пространстве, то пространством в этом

смысле человечество располагает. Взять хотя бы Марс, Венеру, спутники Юпитера. Но ни один из этих миров не может существовать самостоятельно. И потому не решает проблемы.

Остановка только за жизненным пространством, и ста лет с лихвой хватит на то, чтоб его обнаружить. Еще сто лет — и каждый, кем бы он ни был, вступит во владение благом бессмертия, доступным всему человечеству.

«Еще одно продление даст мне эти сто лет,— сказал сенатор, беседуя сам с собой.— Сто лет, и даже с запасом, ведь на сей раз я стал бы щадить себя. Я вел бы более праведную жизнь. Ел бы в меру, отказался бы от спиртного, от курева и от охоты за женщинами».

Разумеется, есть способы добиться своего. Их не может не быть. И он их отыщет, поскольку знает все ходы и выходы. Недаром же он провел в сенате пятьсот лет — для него не осталось тайн. Иначе он просто-напросто столько не продержался бы.

Мысленно он принялся перебирать возможности, оценивая их одну за другой.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРВАЯ: устроить разрешение на продление жизни кому-то еще, а потом заставить этого кого-то передать разрешение ему, Леонарду. Обойдется, конечно, недешево, да что поделаешь.

Надо найти кого-то, кому можно довериться,— и вполне вероятно, что довериться до такой степени нельзя никому. Продление жизни — прямо скажем, не та поблажка, от которой легко отказаться. Нормальный человек, получив разрешение, его уже не отдаст.

Впрочем, если разобраться, из этого, наверное, вообще ничего не выйдет. Ведь есть еще и юридическая сторона дела. Продление жизни — дар общества конкретному человеку, лично ему и никому другому. Разрешение нельзя передать. Его нельзя рассматривать как юридическую собственность. Оно не может быть предметом владения. Его нельзя ни купить, ни продать, следовательно, передать его также нельзя.

Однако если тот, кому даровано продление, умрет, прежде чем воспользуется разрешением — умрет, конечно же, естественной смертью и чтобы ее естественность не вызывала ни малейших сомнений,— тогда, быть может... Да нет, все равно ничего

не получится. Раз продление жизни нельзя рассматривать как собственность, оно не есть часть состояния. Его нельзя унаследовать. Разрешение, по всей вероятности, подлежит автоматическому возврату ходатайствовавшей организации.

«Ну что ж,— сказал себе сенатор,— вычеркнем этот путь как бесперспективный».

ВОЗМОЖНОСТЬ ВТОРАЯ: съездить в Нью-Йорк и поговорить с ответственным секретарем организации. В конце концов Джиббс и Скотт — всего-навсего пешки-посыльные. Они выполняют чужие приказы, передают волю власть имущих, но не более того. Если бы потолковать с кем-то из боссов...

«Нет,— осадил себя сенатор,— не строй воздушных замков. Организация вышвырнула тебя за борт. По-видимому, боссы выжали из Института продления жизни все, что только посмели, нахватали разрешений больше, чем могли надеяться. Теперь они уже ни на что претендовать не могут, и мое разрешение понадобилось им для кого-то еще — для кого-то, кто идет на подъем и способен привлечь избирателей.

А я,— сказал себе сенатор,— отживший свое старый лис. Хоть и хитрый лис, и опасный, коли загонят в угол, и увертливый; как-никак пять столетий на виду у публики прожиты недаром.

Пять столетий,— заметил сенатор мимоходом,— срок достаточно долгий, чтобы не питать иллюзий даже по отношению к себе.

Нет,— решил сенатор,— этому не бывать. Я перестану уважать себя, если поползу на коленях в Нью-Йорк. Уж видит Бог, я сумел бы вынести унижение, но все же не такое. Я никогда не ползал на коленях и сейчас не поползу — даже во имя добавочной сотни лет и прыжка к бессмертию.

Вычеркнем и этот путь»,— приказал себе сенатор.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТРЕТЬЯ: а что, если подкупить кого-нибудь?

Из всех возможностей эта представлялась самой надежной. Всегда найдется кто-то, кого можно купить, и еще кто-то, согласный выступить посредником. Естественно, что член Всемирного сената может ввязываться в дела подобного сорта лишь через подставных лиц.

Да, услуги такого рода, вероятно, кусаются — но для чего же деньги, в конце концов? Вот подходящий случай напомнить

себе, что он вел в общем-то экономную жизнь и сумел отложить известную сумму на черный день.

Сенатор сделал ход ладьей, и этот ход выглядел умным, тонким ходом, так что он оставил ладью на новом поле.

Разумеется, после нелегального продления жизни ему придется скрыться. Как бы ни хотелось бросить свой триумф в лицо боссам, об этом нечего и мечтать. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь вздумал поинтересоваться, каким же образом он добился продления. Ему придется раствориться в толпе, стать невидимкой, поселиться в каком-нибудь глухом углу и постараться не привлекать к себе внимания.

Надо повидаться с Нортоном. Если вам позарез необходимо провернуть какое-то дельце, надо повидаться с Нортоном. Обеспечить тайну делового свидания, убрать кого-то с дороги, получить концессию на Венере или зафрахтовать космический корабль — Нортон возьмется за все. И выполнит любое поручение шито-крыто и без лишних вопросов. При одном условии — если у вас есть деньги. Если денег нет, обращаться к Нортону — пустая трата времени.

Мягко ступая, в комнату вошел Отто.

— К вам джентльмен, сэр,— произнес он.

Сенатор вздрогнул и окаменел в кресле.

— Какого черта ты шпионишь за мной? — заорал он.— Вечно подкрадываешься, как кошка. Норовишь испугать меня. С нынешнего дня изволь сначала покашлять, или зацепиться за стул, или что хочешь, но чтоб я знал, что ты тут.

— Извините, сэр,— ответил Отто.— К вам джентльмен. И у вас на столе письма, которые надо прочесть.

— Прочту позже,— отрезал сенатор.

— Не позабудьте это сделать, сэр.— Отто был непреклонен.

— Я никогда ничего не забываю. Ты что, думаешь, я окончательно одряхлел и мне нужно обо всем напоминать таким манером?

— Вас хочет видеть джентльмен,— повторил Отто терпеливо.— Некий мистер Ли.

— Случайно не Энсон Ли?

Отто шумно засопел, потом ответил:

— Кажется, так. Он газетчик, сэр.

— Проси его сюда,— распорядился сенатор.

Флегматично утонув в кресле, он подумал: «Ли что-то пронюхал. Каким-то образом проведал, что организация вышвырнула меня за борт. И вот пожаловал, чтобы четвертовать меня.

Ну нет,— поправился сенатор тут же,— он мог заподозрить что-то, но не более. Мог подцепить слушок, но уверенности ему взять негде. Организация будет держать язык за зубами, она вынуждена держать язык за зубами — не может же она открыто признать, что продление жизни тоже стало предметом политического расчета! И вот Ли, подцепив слушок, явился ко мне, чтобы выжать из меня правду, взять меня на испуг и поймать на неосторожном слове.

А я ему этого не позволю,— решил сенатор.— Ведь если правда выплывет наружу, вся стая окажется тут как тут и растерзает меня в клочья».

Как только Ли появился на пороге, сенатор поднялся и пожал ему руку.

— Извините за беспокойство, сенатор,— сказал Ли,— но я надеялся, что вы не откажетесь мне помочь.

— Ну о чем речь! — дружелюбно откликнулся сенатор.— Для вас — что угодно. Присаживайтесь, мистер Ли.

— Вы читали мою статью в утреннем выпуске? Об исчезновении доктора Карсона?

— Нет,— ответил сенатор.— Боюсь, что...

Он запнулся, ошеломленный.

Он не прочел газету!

Он забыл ее прочесть!

Он читал ее всегда. Он не пропускал ни одного номера. Это был торжественный ритуал — начать с самого начала и дочитать до конца, исключая лишь те рубрики, которые, как он убедился годы назад, и читать-то не стоит.

Он развернул газету в институте, но потом его отвлекла секретарша, оповестившая, что доктор Смит согласен его принять. А выйдя из кабинета, он так и оставил газету в приемной.

Случилось нечто ужасное. Ни одна новость, ни одно событие в целом свете не могли бы расстроить его в такой степени, как тот злополучный факт, что он забыл прочесть газету.

— Боюсь, я пропустил вашу статью,— промямлил сенатор. Это было выше его сил — признать во всеуслышание, что он забыл про газету.

— Доктор Карсон,— сказал Ли,— был биохимик, и довольно известный. Согласно официальной версии, он умер десять лет назад в Испании, в маленькой деревушке, где провел последние годы жизни. Но у меня есть основания думать, что он вовсе не умирал и, вполне возможно, жив-живехонек до сих пор...

— Прячется? — предположил сенатор.

— Не исключено. Хотя, с другой стороны, зачем ему прятаться? Репутация у него была безупречная.

— Тогда почему вы сомневаетесь, что он умер?

— Потому что нет свидетельства о смерти. И он далеко не единственный, кто ухитрился умереть без свидетельства.

— Мм? — отозвался сенатор.

— Гэллоуэй, антрополог, скончался пять лет назад. Свидетельства нет. Гендерсон, знаток сельского хозяйства, умер шесть лет назад. Свидетельства опять-таки нет. Могу перечислить еще добрую дюжину подобных случаев — и, вероятно, есть множество других, до которых я не докопался.

— А есть между ними что-нибудь общее? — осведомился сенатор.— Что-то связывало этих людей между собой?

— Одно-единственное. Всем им продлевали жизнь, хотя бы однажды.

— Вот оно что,— отозвался сенатор. Чтобы руки не выдали предательской дрожи, он сжал подлокотники до боли в пальцах.— Интересно. Весьма интересно.

— Понимаю, что как должностное лицо вы не вправе мне ничего сообщить, но не могли бы вы поделиться со мной какой-нибудь догадкой, соображениями не для протокола? Естественно, вы не разрешите мне сослаться на вас, но дайте мне ключ, помогите хотя бы намеком...

Он замолк, выжидая ответа.

— Вы обратились ко мне потому, что я был близок к Институту продления жизни?

Ли ответил кивком.

— Если об этом хоть кому-то что-то известно, то в первую очередь вам, сенатор. Вы возглавляли комиссию, где велись первоначальные слушания о продлении жизни. С тех пор вы занимали различные посты, связанные с той же проблемой. Только сегодня утром вы были у доктора Смита.

— Ничего я вам не скажу,— пробормотал сенатор.— Да я ничего толком и не знаю. Тут, понимаете, замешаны политические интересы...

— А я-то надеялся, что вы поможете мне.

— Не могу,— признался сенатор.— Вы, конечно, ни за что не поверите, но мне и вправду ничего не известно.— Помолчав немного, он спросил: — Вы говорите, что всем, кого вы упомянули, продлевали жизнь. Разумеется, вы проверяли — возобновлялись ли ходатайства о продлении?

— Проверял. Не возобновлялись ни для кого — по крайней мере, это нигде не зафиксировано. Некоторые из этих людей приближались к своему смертному часу и действительно могли к настоящему времени умереть, только я очень сомневаюсь, что смерть настигла их там и тогда, где и когда это якобы произошло.

— Интересно,— повторил сенатор.— И, несомненно, весьма таинственно.

Ли, намеренно меняя тему, показал на шахматную доску.

— Вы хорошо играете, сенатор?

Сенатор покачал головой.

— Игра мне нравится, вот и балуюсь иногда. Она привлекает меня своей логикой и своей этикой. Играя в шахматы, вы волей-неволей становитесь джентльменом. Соблюдаете определенные правила поведения.

— Как и в жизни, сенатор?

— Как должно бы быть и в жизни. Когда положение безнадежно, вы сдаетесь. Вы не заставляете противника играть до унизительного для вас обоих конца. Так требует этика. Когда выигрыша нет, но и резервы защиты не исчерпаны, вы продолжаете бороться за ничью. Так требует логика.

Ли засмеялся, пожалуй, чуть-чуть натянуто.

— Вы и в жизни придерживаетесь таких же правил, сенатор?

— Стараюсь по мере сил,— ответил сенатор с напускным смирением.

Ли поднялся на ноги.

— Мне надо идти, сенатор.

— Посидите еще, выпейте рюмочку.

Репортер отказался.

— Спасибо, меня ждет работа.

— Выходит, я должен вам выпивку,— заметил сенатор.— Напомните мне об этом при случае.

Когда Ли ушел, сенатор Гомер Леонард долго сидел в кресле, будто оцепенев. Потом протянул руку, хотел сделать ход конем, но пальцы дрожали так, что он выронил фигуру и она со стуком покатилась по доске.

«Каждый, кто добьется продления своей жизни нелегальными или полулегальными методами, без надлежащих рекомендаций, утвержденных установленным порядком в соответствии с законной процедурой, подлежит фактическому отчуждению от человечества. Как только его виновность будет доказана, это должно быть оглашено всеми доступными людям средствами по всей Земле до самых дальних ее уголков, чтобы каждый человек Земли мог без труда опознать виновного. В целях большей точности и безошибочности подобного опознания виновный приговаривается к пожизненному ношению позорного жетона, публично оглашающего его вину и заметного на значительном расстоянии. Нельзя отказать виновному в удовлетворении основных жизненных потребностей, как то: в пище, одежде, скромном жилище и медицинской помощи, однако ему воспрещается пользоваться в какой бы то ни было форме иными достижениями цивилизации. Виновному не разрешается делать приобретения, превышающие минимальные требования сохранения жизни, здоровья и благопристойности; он не допускается к участию в любых предпринимаемых людьми начинаниях и учреждаемых ими объединениях; он лишается права пользования услугами библиотек, лекционных залов, увеселительных и прочих заведений, как общественных, так и частных, действующих ради просвещения, отдыха или развлечения других людей. В равной степени воспрещается всем жителям Земли, во избежание сурового наказания, сознательно вступать с виновным в беседу или какие-либо иные отношения, принятые между людьми. Виновному дозволяется прожить незаконно продленную жизнь до ее естественного завершения в рамках человеческого общества, но с лишением фактически всех прав и обязанностей, общих для человеческих существ. И все перечисленные выше санкции в полной мере налагаются на пособника или пособников, которые с сознательно обдуманным намерением так или иначе помогли виновному добиться продления своей жизни иными, нежели законные, средствами».

Из Кодекса продления жизни

— Стало быть,— сказал Дж. Баркер Нортон,— все эти столетия организация ходатайствовала о продлении вашей жизни, тем самым расплачиваясь с вами за услуги, которые вы ей оказывали? — Сенатор печально кивнул.— А теперь, когда вы того и гляди завалите выборы, боссы решили, что ставить на вас больше нет резона, и отказались возобновить ходатайство?

— Грубовато,— сказал сенатор,— но по существу верно.

— И вы бросились ко мне,— констатировал Нортон.— Но что я, черт побери, могу тут поделать?

Сенатор наклонился поближе к собеседнику.

— Давай перейдем на деловой язык, Нортон. Нам с тобой уже доводилось работать вместе.

— Это точно,— согласился Нортон.— На том космическом фрахте мы оба неплохо погрели руки.

— Я хочу,— объявил сенатор,— прожить еще сотню лет и готов заплатить за это. И не сомневаюсь, что ты можешь это устроить.

— Каким образом?

— Не знаю. Действовать я предоставляю тебе. Какие рычаги ты пустишь в ход, мне все равно.

Нортон откинулся на спинку стула, сцепив пальцы обеих рук.

— Думаете, я подкуплю кого-то, чтоб он походатайствовал за вас? Или дам на лапу кому-нибудь в институте, чтобы вы продлили жизнь, минуя ходатайство?

— И та и другая мысль заслуживает внимания,— согласился сенатор.

— А если меня поймают на этом, что тогда? Отлучение от человечества? Благодарю, сенатор, я в такие игры не играю.

Сенатор невозмутимо взглянул в лицо человека, сидящего по другую сторону стола, и тихо произнес:

— Сто тысяч.— Вместо ответа Нортон расхохотался.— Хорошо, полмиллиона.

— А отлучение, сенатор? Чтобы принять такой риск, овчинка должна стоить выделки.

— Миллион,— заявил сенатор.— Но это мое последнее слово.

— Миллион сию минуту,— сказал Нортон.— Наличными. Никаких расписок. Никаких банковских отметок о переводе. Еще миллион, когда и если я сумею выполнить поручение.

Сенатор неторопливо поднялся в полный рост, поднялся с непроницаемым лицом, изо всех сил скрывая охватившее его возбуждение. Нет, не возбуждение, а неистовый восторг. Но голос у него даже не дрогнул.

— Я соберу миллион к концу недели.

— Тогда я и начну наводить справки.

Когда сенатор вышел на улицу, в его походке была упругость, какой он не помнил годами. Он шагал быстро, уверенно, помахивая тростью.

Эти исчезнувшие Карсон, Гэллоуэй и Гендерсон ушли со сцены точно так же, как придется уйти ему, едва он получит свои вожделенные сто лет. Они сварганили себе фальшивое объявление о смерти, а сами сгинули с глаз долой, надеясь дожить до дня, когда бессмертие начнут раздавать всем подряд по первому требованию.

Каким-то образом они добились нового продления, нелегального,— ведь ходатайство нигде не зарегистрировано. И кто-то обстряпал им это. Более чем вероятно — Нортон.

Только они напортачили. Старались замести следы, а на деле лишь привлекли внимание к своему исчезновению. В таких предприятиях нельзя допускать ни малейшей промашки. Впрочем, человек тертый и заранее все продумавший не промахнется.

Вытянув дряблые губы, сенатор принялся насвистывать какой-то мотивчик.

Нортон, конечно же, мошенник. Прикидываясь, что не знает, как взяться за поручение, что боится отлучения от человечества, он лишь взвинчивал цену.

Сенатор криво усмехнулся: сумма, запрошенная Нортоном, означала, что он останется почти без гроша. Но игра стоит свеч.

Чтобы наскрести столь внушительную сумму, потребуется немалая осторожность. Придется собирать ее по частям — немножко из одного банка, немножко из другого, чередуя изъятие вкладов с погашением ценных бумаг, а то и призаняв кое-что по мелочи, чтоб избежать лишних вопросов.

На углу он купил газету и подозвал такси. Откинувшись на сиденье, сложил газету пополам и начал, как всегда, с первой колонки. Снова конкурс здоровья. На сей раз в Австралии.

«Здоровье,— подумал сенатор.— Просто помешались они на здоровье. Культ здоровья. Центры здоровья. Клиники здоровья...»

Эту колонку он пропустил и принялся за вторую. Заголовок гласил:

ШЕСТЬ СЕНАТОРОВ ПОЧТИ НЕ ИМЕЮТ ШАНСОВ НА ПЕРЕИЗБРАНИЕ

Сенатор негодующе фыркнул. Один из шестерых, разумеется, он сам.

Ну а если по существу, ему-то что за печаль? К чему лезть из кожи и пытаться удержать за собой сенаторское кресло, в котором он не собирается больше сидеть? Он намерен заново помолодеть, намерен строить жизнь заново. Уехать куда-нибудь за тридевять земель и стать другим человеком.

Совершенно другим. Подумать об этом и то приятно. Сбросить с себя шелуху старых связей, опостылевшее за долгие века бремя ответственности.

Нортон взялся за дело. Нортон не подведет.

М-р Миллер. И все-таки мне непонятно, где тут граница. Вы предложите продлить жизнь кому-то, а он захочет, чтобы вы заодно продлили жизнь его жене и детишкам. А жена, в свою очередь, захочет, чтобы вы продлили жизнь тетушке Минни, детишки захотят, чтобы вы продлили жизнь их любимому песику, а песик захочет...

Председательствующий м-р Леонард. Вы утрируете, мистер Миллер.

М-р Миллер. Мне, уважаемый, непонятно, что это значит. Вы тут в Женеве привыкли перекидываться заумными словечками, морочить людям головы. Нынче пришла пора объяснить все простому народу простым языком.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

— По правде говоря,— сказал Нортон,— впервые в жизни сталкиваюсь с чем-то, чего не могу устроить. Попросите меня о чем угодно еще, сенатор, и я достану вам искомое из-под земли.

Сенатор почти лишился дара речи.

— Так, значит, у тебя ничего не вышло? Но как же, Нортон, ведь доктор Карсон, и Гэллоуэй, и Гендерсон... Кто-то же позаботился о них...

— Только не я,— покачал головой Нортон.— Я про них и не слыхивал.

— Тогда кто же? Они исчезли...

Голос изменил сенатору, он ссутулился в кресле и вдруг осознал правду — правду, которой раньше не хотел видеть.

«Слепец! — обругал он себя.— Безмозглый слепец!..»

Да, они исчезли — вот и все, что о них известно. Они объявили о собственной смерти, но не умерли, а исчезли. Он убедил себя, что они исчезли, так как сумели нелегально продлить себе жизнь. Но это же чистейший самообман! Такой вывод не подкреплялся фактами, да что там, для такого вывода не было ровным счетом никаких оснований.

«Будто нельзя придумать иных причин,— упрекнул себя сенатор,— иных обстоятельств, которые побудили бы человека заметать следы, объявив о собственной смерти!..»

Однако ведь все и вправду так хорошо сходилось...

Им продлевали жизнь, а затем не возобновили ходатайства. Точно так же, как продлевали жизнь и ему самому, а теперь перестали.

Они ушли со сцены. Как ушел бы со сцены и он сам, если бы ухитрился вновь отсрочить свой конец.

Все сходилось так хорошо — и все оказалось блефом.

— Я перепробовал все известные мне каналы,— сказал Нортон.— Подъезжал ко всем и каждому, кто мог бы дать ходатайство на ваше имя, а они поднимали меня на смех. Этот номер пытались провернуть задолго до нас с вами, и у него не осталось шансов на успех. Если организация, выдавшая первоначальное ходатайство, отвернулась от вас, ваше имя вычеркивается из списка автоматически и навсегда.

Пытался я и прощупать персонал института — тех, кто, по моим соображениям, мог бы клюнуть,— но они неподкупны. За честность им платят добавочными годами жизни, и среди них нет дураков, согласных променять годы на доллары.

— Похоже, вопрос исчерпан,— произнес сенатор устало.— Можно бы и предвидеть, что все обернется именно так.— Он тяжело поднялся с кресла и посмотрел на Нортона в упор.—

Послушай, а ты не обманываешь меня? Не пытаешься поднять цену еще выше?

Нортон ответил удивленным взглядом, словно не веря своим ушам.

— Поднять цену? Помилуйте, сенатор, если бы мне удалось провернуть это дельце, я бы обобрал вас до нитки. Хотите знать, сколько вы стоите? Могу сообщить с точностью до тысячи долларов.— Он обвел рукой ряды полок вдоль стены, уставленных папками.— Вы у меня там со всеми потрохами, сенатор. Вы и все остальные шишки. Полное досье на каждого из вас. Когда ко мне является очередной гусь с деликатным порученьицем вроде вашего, я справляюсь в досье и раздеваю его донага.

— Просить тебя вернуть хотя бы часть денег, вероятно, нет смысла?

— Ни малейшего. Вы пошли на риск, сенатор, и проиграли. Вы ничем не докажете, что вообще платили мне. Да к тому же у вас и теперь с избытком хватит денег на те несколько лет, что вам еще остались.

Сенатор сделал шаг к двери, потом приостановился.

— Слушай, Нортон, но я не могу умереть! Только не сейчас. Еще одно продление, и...

Выражение лица Нортона оборвало его на полуслове. Такое же выражение он замечал мельком и на других лицах, при других обстоятельствах — но то было мельком. Теперь же он вдруг очутился один на один с ней — с ненавистью тех, чья жизнь коротка, к тому, чья жизнь неизмеримо дольше.

— Почему же это не можете? — с издевкой проговорил Нортон.— Очень даже можете. И скоро умрете Или вы собирались жить вечно? За какие, разрешите спросить, заслуги?

Чтобы не упасть, сенатор протянул руку и уцепился за край стола.

— Но ты просто не понимаешь...

— Вы уже прожили вдесятеро дольше меня,— произнес Нортон холодно, взвешивая слова,— и я ненавижу вас до судорог. Выметайся отсюда, болван, трусливая старая баба, пока я не вышвырнул тебя своими руками!..

Д-р Бартон. Вы, наверное, считаете, что продление жизни — великое благо для человечества, но заверяю вас, сэр, что это не благо, а проклятие. Жизнь, продолжающаяся вечно,

утратит свою ценность и смысл — а ведь вы, начав с продления жизни, рано или поздно придете к бессмертию. И когда это случится, сэр, вам придется устанавливать порядок рассмотрения ходатайств о возвращении людям блага смерти. Люди, уставшие от жизни, станут штурмовать ваши залы заседаний, умоляя о гибели.

Председательствующий м-р Леонард. Новые возможности по крайней мере устранят из жизни неуверенность и страх.

Д-р Бартон. Вы намекаете на страх смерти? Но это не более чем детская болезнь.

Председательствующий м-р Леонард. Нельзя, однако, не видеть известных выгод...

Д-р Бартон. Выгод? Да, разумеется. Дать ученому несколько дополнительных лет для завершения исследований, композитору — еще одну жизнь для создания новой симфонии. Когда иссякнет прелесть новизны, люди будут соглашаться на добавочную жизнь лишь под давлением, только из чувства долга.

Председательствующий м-р Леонард. Вы рассуждаете слишком абстрактно, доктор.

Д-р Бартон. О нет. Я рассуждаю конкретно, по-земному. Человечество нуждается в обновлении. Оно не может жить, погибая со скуки. Как вы полагаете, многое ли останется человеку предвкушать после миллионной по счету любви, после миллиардного куска рождественского пирога?

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Значит, Нортон ненавидел его. Ненавидел, как все нормальные люди в глубине сердца ненавидят счастливчиков, живущих сверх положенного срока.

Обычно эта ненависть подавлена, спрятана в тайниках души. Но подчас она вырывается наружу, как вырвалась у Нортона.

Человечество возмущено — возмущение скрадывается лишь благодаря умело, исподволь подогреваемой надежде, что те, кому дается долгая жизнь, в один прекрасный день сотворят чудо

и каждый, если не падет жертвой насилия, будет жить столько, сколько пожелает.

«Теперь-то я понимаю их,— подумал сенатор,— ведь я сам теперь один из них. Я один из тех, чья жизнь не будет продолжена, и лет у меня впереди даже меньше, чем у большинства».

Он стоял у окна в сгущающихся сумерках и следил за тем, как вспыхивают огни, как над неправдоподобно синими водами всемирно известного озера умирает день. Красота захватила его, и он не мог оторваться от окна — а ведь совсем не замечал ее вот уже многие годы. Красота покоя, тихое счастье остаться наедине с городскими огнями и с последними отблесками дня над засыпающим озером.

Страх? Да, сенатор не отрицал, что ощущает страх.

Горечь? Да, естественно, и горечь.

И все же, несмотря на страх и горечь, окно заворожило его картиной, которую обрамляло.

«Земля, вода и небо,— подумал он.— И я чувствую себя единым с ними. Это смерть дала мне такое чувство. Смерть возвращает нас к исходным стихиям, к земле и деревьям, к облакам на небе и солнцу, гибнущему на западе в потоках собственной крови.

Такова цена, которую мы платим,— подумал он.— Цена, назначенная человечеству за вечную жизнь. Мы утратим способность воспринимать красоту. Утратим истинный смысл самого для нас, казалось бы, дорогого — ведь то, чему нет предела, что будет всегда, неизбежно потеряет для нас всякую ценность...

Философствуешь? — спросил он себя.— Да, конечно, философствую. А что остается? Хочу прожить еще сто лет, хочу, как никогда ничего не хотел. Хочу получить шанс на бессмертие. А поскольку не получу, то и выменяю вечную жизнь на закат, отраженный в озере. И хорошо, что я еще способен на это. Счастье мое, что способен».

У сенатора вырвался хриплый горловой стон.

Позади него внезапно ожил телефон, и он обернулся. Телефон заверещал повторно. Внизу, в гостиной, раздались шаги, и сенатор поспешно крикнул:

— Я подойду, Отто.

Он снял трубку.

— Вызов из Нью-Йорка,— сообщила телефонистка.— Попросите, пожалуйста, сенатора Леонарда.

— Леонард слушает.

В трубке возник другой голос:

— Сенатор, говорит Джиббс.

— Да, да,— отозвался сенатор.— Палач.

— Звоню вам,— пояснил Джиббс,— потолковать насчет выборов.

— Каких еще выборов?

— Выборов в Северной Америке. Тех, в которых вы принимаете участие. Не забыли?

— Я старик,— ответил сенатор,— и скоро умру. Выборы меня не интересуют.

Джиббс трещал не останавливаясь:

— Но почему же, сенатор? Какая муха вас укусила? Вам необходимо что-то предпринять. Подготовить речи, выступить с заявлением для печати, прибыть сюда и поездить по стране. Организация не в силах принять все хлопоты на себя. Часть их неизбежно выпадает и на вашу долю.

— Ладно, я что-нибудь придумаю,— пообещал сенатор.— Да, да, я в самом деле что-нибудь придумаю.

Повесив трубку, он подошел к письменному столу и включил свет. Достал из ящика бумагу, вынул из кармана перо.

Телефон совершенно сошел с ума — он не удостоил звонки вниманием. Однако телефон не унимался, и в конце концов трубку снял Отто.

— Вас вызывает Нью-Йорк, сэр,— доложил он.

Сенатор сердито затряс головой и услышал, как Отто тихо говорит что-то в трубку, но слов не разобрал. Больше телефон не звонил.

Всем, кого это касается,— написал сенатор.

Вычеркнул.

Заявление для мировой печати.

Вычеркнул.

Заявление сенатора Гомера Леонарда.

Вычеркнул и это — и принялся писать без заголовка:

Пять столетий назад люди мира предложили немногим избранным, мужчинам и женщинам, дар продленной жизни. Предложили, надеясь и веря, что избранники используют этот дар

для того, чтобы своим трудом приблизить день, когда большая продолжительность жизни станет достоянием всего человечества.

Время от времени продление жизни даровалось дополнительным группам людей — и всякий раз подразумевалось, что дар предложен на тех же условиях, что удостоенные его лица будут жить и трудиться во имя дня, когда можно будет сказать населению всей планеты: живите долго, живите вечно.

В течение столетий иные из нас внесли свой вклад в осуществление этой мечты, взращивали ее, жили ради нее, не жалели сил, чтоб обосновать ее и приблизить.

Иные из нас такого вклада не внесли.

После должных раздумий, тщательно взвесив свои собственные усилия и возможности, я пришел к выводу, что не вправе вновь принимать дар, которого более не стою.

Простое человеческое достоинство требует от меня, чтоб я встречался с прохожими на улице, с собратьями в любом закоулке мира, не пряча глаз. Я не имел бы на это права, если бы продолжал принимать дар, которого не заслуживаю, дар, недоступный большинству людей.

И расписался, аккуратно, разборчиво, без привычных завитушек.

— Ну вот,— произнес сенатор вслух в тишине ночной комнаты,— это они прожуют не сразу.

Заслышав мягкие шаги, он обернулся.

— Вам бы давно следовало быть в постели, сэр,— напомнил Отто.

Сенатор неуклюже поднялся — ломило кости, тело ныло, требуя покоя. «Старею,— подумал он.— Опять старею. А ведь так несложно начать сначала, вернуть юность, зажить новой жизнью. Чей-то кивок, один-единственный росчерк пера — и я стал бы опять молодым».

— Вот заявление для печати, Отто,— сказал сенатор.— Будь добр, передай его по назначению.

— Слушаюсь, сэр,— ответил Отто, бережно принимая бумагу.

— Сегодня же,— подчеркнул сенатор.

— Сегодня? Время довольно позднее...

— И тем не менее я хочу, чтоб оно было напечатано сегодня же.

— Значит, оно очень важное, сэр?

— Это моя отставка,— сказал сенатор.

— Отставка, сэр? Из сената?

— Нет,— сказал сенатор.— Отставка из жизни.

М-р Майкелсон. Как священнослужитель, джентльмены, я не могу рассуждать иначе: план, предложенный вашему рассмотрению, противоречит высшим установлениям. Человек не вправе утверждать, что создания Божии способны жить сверх отпущенного им срока.

Председательствующий м-р Леонард. Но разрешите спросить: как установить границы отпущенного человеку срока? Медицина уже продлила жизнь многим и многим людям. Что же, по-вашему, любой врач — нарушитель божественной воли?

М-р Майкелсон. Другие ораторы, стоявшие на этой трибуне, дали ясно понять, что конечная цель научных изысканий — бессмертие. Нетрудно видеть, что физическое бессмертие не согласуется с концепцией христианства. Заявляю вам, сэр: нечего и надеяться обмануть Господа и не понести возмездия.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Шахматы — игра логическая.

И одновременно игра этичная.

За доской нельзя орать и нельзя свистеть, нельзя греметь фигурами, нельзя зевать со скуки, нельзя сделать ход, а потом забрать его назад. Если вы побеждены, вы признаете свое поражение. Вы не заставляете противника продолжать игру, когда ваш проигрыш очевиден. Вы сдаете партию и предлагаете начать другую, если располагаете временем. Если нет, вы просто сдаетесь и при этом ведете себя тактично. Вы не сбрасываете в ярости фигуры на пол. Не вскакиваете и не выбегаете из комнаты с криком. Не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху.

Когда вы играете в шахматы, вы становитесь — или по крайней мере прикидываетесь — джентльменом.

Сенатор лежал без сна, глядя в потолок широко раскрытыми глазами.

Вы не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху. Не сбрасываете в ярости фигуры на пол.

«Но это же не шахматы,— повторял он, споря с самим собой.— Это не шахматы, а вопрос жизни и смерти. Умирающий не может быть джентльменом. Ни один человек не свернется клубочком, чтобы тихо скончаться от полученных ран. Он отступит в угол, но будет сражаться — и будет наносить ответные удары, стараясь причинить противнику наибольший урон.

А меня ранили. Смертельно ранили.

И я нанес ответный удар. Удар сокрушительный.

Те, кто вынес мне приговор, теперь не смогут выйти на улицу, даже носа высунуть не посмеют. Потому что прав на продление жизни у них не больше, чем у меня, и люди теперь осведомлены об этом. И уж люди позаботятся, чтоб им в дальнейшем ничегошеньки не перепало.

Да, я умру, но, умирая, я потяну за собой и всех остальных. И они будут знать, что именно я потянул их за собой в бездонный колодец смерти. Это самое сладкое: они будут знать, кто потянул их за собой, и не смогут ответить мне ни единым словом. Не посмеют даже возразить против благородных истин, какие я изрек...»

И тут кто-то из тайного уголка души, из иного пространства-времени вдруг воскликнул:

Ты не джентльмен, сенатор. Ты затеял грязную игру.

«Конечно, затеял,— отвечал сенатор.— Они первые сыграли не по правилам. Политика всегда была грязной игрой».

А помнишь, какие возвышенные речи ты произносил перед Энсоном Ли буквально на днях?

«Это было на днях»,— отрубил сенатор.

Ты же теперь не посмеешь взглянуть настоящему шахматисту в глаза,— не унимался голос.

«Зато смогу смотреть в глаза простым людям Земли»,— заявил сенатор.

Да ну?— осведомился голос.— *И ты серьезно этого хочешь?*

Да, это, конечно, вопрос. Хочет ли он?

«Мне все равно,— в отчаянии вскричал сенатор.— Будь что будет. Они сыграли со мной грязную шутку. Я им этого не спущу. Сдеру с них кожу живьем. Заставлю...»

Ну еще бы,— перебил голос, насмехаясь.

«Убирайся прочь! — завопил сенатор.— Убирайся, оставь меня в покое! Неужели даже ночью я не могу побыть один?..»

Ты и так один,— произнес голос из тайника души.— *В таком одиночестве, какого не ведал никто на Земле.*

Председательствующий м-р Леонард. Вы представляете страховую компанию, не так ли, мистер Маркли? Крупную страховую компанию?

М-р Маркли. Совершенно верно.

Председательствующий м-р Леонард. Когда умирает ваш клиент, это стоит вашей компании денег?

М-р Маркли. Ну можно при желании выразиться и так, хотя вряд ли это лучший способ...

Председательствующий м-р Леонард. Но вы выплачиваете страховые премии в случае смерти клиента, не так ли?

М-р Маркли. Разумеется.

Председательствующий м-р Леонард. В таком случае я вообще не понимаю, почему вы противитесь продлению жизни. Если смертей станет меньше, вам придется меньше платить.

М-р Маркли. Не спорю, сэр. Но если у клиентов появятся основания думать, что они будут жить практически вечно, они просто перестанут заключать страховые договоры.

Председательствующий м-р Леонард. Ах вот оно что! Вот, значит, как вы на это смотрите...

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сенатор проснулся. Он не видел снов, но чувствовал себя так, будто очнулся от кошмара — или очнулся для предстоящего кошмара,— и отчаянно попытался вновь уйти в сон, провалиться в нирвану неведения, задернуть штору над безжалостной реальностью бытия, увильнуть от необходимости вспоминать со стыдом, кто он и что он.

Но по комнате шелестели чьи-то шаги, и чей-то голос обратился к нему. И он сел в постели, сразу проснувшись, разбуженный не столько голосом, сколько тоном — счастливым, почти обожающим.

— Это замечательно, сэр,— сказал Отто.— Вам звонили всю ночь не переставая. Телеграммы и радиограммы все прибывают и прибывают...

Сенатор протер глаза пухлыми кулаками.

— Звонили, Отто? Люди сердятся на меня?

— Некоторые — да, сэр. Некоторые ужасно злы, сэр. Но таких не слишком много. А большинство очень рады и хотели выразить вам признательность за великий шаг, который вы сделали. Но я отвечал, что вы устали и я не стану вас будить.

— Великий шаг? — удивился сенатор.— Какой великий шаг?

— Ну как же, сэр, ваш отказ от продления жизни. Один из звонивших просил передать вам, что это самый выдающийся пример моральной отваги во всей истории человечества. Он еще сказал, что простые люди будут молиться на вас, сэр. Так прямо и сказал. Это звучало очень торжественно, сэр.

Сенатор спустил ноги на пол и почесал себе грудь, сидя на краю кровати.

«Поразительно,— подумал он,— как круто иной раз поворачивается судьба. Вечером — пария, а поутру — герой...»

— Понимаете, сэр,— продолжал Отто,— вы теперь сделались одним из нас, простых людей, чей век короток. Никто никогда не решался ни на что подобное.

— Я был одним из простых людей задолго до этого заявления,— отвечал сенатор.— И вовсе я ни на что не решался. Меня вынудили снова стать одним из вас. В сущности, вопреки моей воле.

Однако Отто в своем возбуждении, похоже, ничего не слышал. Он трещал без умолку:

— Газеты только об этом и пишут, сэр. Самая крупная сенсация за многие годы. Политические комментаторы судачат о ней на все лады. По их мнению, это самый ловкий политический ход с сотворения мира. До заявления, считают они, у вас не было никаких шансов на переизбрание в сенат, а сейчас довольно одного вашего слова — и вас могут выдвинуть в президенты.

Сенатор вздохнул.

— Отто,— сказал он,— дай мне, пожалуйста, штаны. Здесь холодно.

Отто подал ему брюки.

— В кабинете вас ждет газетчик, сэр. Я выпроводил всех остальных, но этот пролез с черного хода. Вы знаете его, сэр, так что я позволил ему подождать. Это мистер Ли.

— Я приму его,— решил сенатор.

Значит, это был ловкий политический ход, и только? Ну что ж, пожалуй. Но пройдет день-другой, и даже прожженные политиканы, оправившись от изумления, станут дивиться логике человека, в буквальном смысле слова променявшего собственную жизнь на право вновь заседать в сенате.

Разумеется, простонародью это придется по вкусу — но он-то писал свое заявление не ради оваций! Впрочем, если людям так уж хочется считать его благородным и великим, пусть их считают, не повредит...

Сенатор тщательно поправил галстук, застегнул пиджак. И направился в кабинет, где ждал Ли.

— Вы, вероятно, хотите взять у меня интервью? — осведомился он.— О мотивах, побудивших меня выступить с подобным заявлением?

Ли отрицательно покачал головой.

— Нет, сенатор, у меня на уме кое-что другое. Просто я рассудил, что вам не мешало бы тоже узнать об этом. Помните наш разговор на прошлой неделе? Об исчезновениях? — Сенатор кивнул.— Так вот, я разузнал еще кое-что. Тогда вы мне ничего не сказали, однако теперь, может, и скажете. Я проверил, сенатор, и выяснил: исчезают не только старики, но и победители конкурсов здоровья. За последние десять лет более восьмидесяти процентов участников финальных соревнований также исчезли без следа.

— Ничего не понимаю,— откликнулся сенатор.

— Но их куда-то увозят,— продолжал Ли.— Что-то с ними происходит. Что-то происходит с людьми двух категорий — с теми, кому продлевали жизнь, и с самыми здоровыми представителями молодого поколения.

— Минуточку! — У сенатора перехватило дыхание.— Минуточку, мистер Ли...

Он на ощупь добрался до стола и, опершись на крышку, медленно опустился в кресло.

— Вам нехорошо, сенатор? — поинтересовался Ли.

— Нехорошо? — промычал сенатор.— Да, наверное, и в самом деле нехорошо.

— Они нашли жизненное пространство! — воскликнул Ли с торжеством.— Это и есть объяснение, не правда ли? Нашли жизненное пространство и теперь посылают пионеров-освоителей...

Сенатор пожал плечами.

— Не знаю, Ли. Меня не информировали. Свяжитесь с Межзвездным поиском. Кроме них, ответа никто не знает. А они не скажут.

Ли усмехнулся.

— Всего доброго, сенатор. Большое спасибо за помощь.

Сенатор тупо смотрел ему вслед.

Жизненное пространство? Да, конечно, вот вам и объяснение.

Они нашли жизненное пространство, и теперь Межзвездный поиск посылает на новооткрытые планеты тщательно подобранные группы пионеров, призванных проложить путь всем остальным. Потребуются годы труда, годы кропотливого планирования, прежде чем можно будет объявить об этом во всеуслышание. Прежде чем предать открытие гласности, Всемирный совет должен подготовиться к прививкам бессмертия в массовом масштабе, должен построить корабли, способные доставить переселенцев к далеким новым мирам. Преждевременное разглашение тайны вызвало бы психологический и экономический хаос. Вот почему они держали новость в секрете — они не могли поступить иначе.

Шаря глазами по столу, сенатор наткнулся на стопку писем, сдвинутую на угол, и с внезапным чувством вины вспомнил, что намеревался прочесть их. Обещал Отто, что непременно прочтет,— и тем не менее забыл.

«Я все время забываю,— упрекнул себя сенатор.— Забываю прочесть газету, забываю прочесть письма, забываю, что есть люди морально стойкие и неподкупные, а не только беспринципные хитрецы. И все время принимаю желаемое за действительное — это хуже всего.

Мои коллеги по продлению жизни и чемпионы здоровья исчезают. Естественно, что они исчезают. Они устремляются к новым мирам, к бессмертию.

А я... я... если бы только меня сподобило держать язык за зубами...»

На столе защебетал телефон, сенатор снял трубку.

— Говорит Саттон из Межзвездного поиска,— прозвучал сердитый голос.

— Слушаю, доктор Саттон,— откликнулся сенатор.— Искренне рад вашему звонку.

— Звоню по поводу приглашения, посланного вам на прошлой неделе,— произнес Саттон.— В связи с вашим сегодняшним заявлением, которое мы не можем расценить иначе как несправедливый выпад в наш адрес, мы аннулируем приглашение.

— Приглашение? — переспросил сенатор.— Но ведь я...

— У меня в голове не укладывается,— продолжал Саттон,— какого черта, уже имея приглашение в кармане, вы тем не менее поступили подобным образом.

— Но,— промямлил сенатор,— но, доктор...

— Всего доброго, сенатор.

Медленно-медленно сенатор опустил трубку на рычаг. Неверной рукой дотянулся до стопки писем.

Оно лежало третьим сверху. Обратный адрес — Управление Межзвездного поиска. Заказное, доставлено с нарочным. Со штампами «Дело особой важности» и «Вскрыть лично».

Конверт выскользнул из дрожащих пальцев и спланировал на пол. Сенатор не стал поднимать письмо.

Он знал: теперь уже поздно. Теперь он окончательно не в силах ничего предпринять.

ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ

Вначале были две планеты, начисто лишенные руд, выработанные, выпотрошенные и оставленные нагими, словно трупы, обглоданные космическим вороньем.

Потом была планета с волшебным городком, наводящим на мысль о паутине, на которой еще не высохли блестки росы,— царство хрусталя и пластика, исполненное такой чудесной красоты, что при одном лишь взгляде щекотало в горле.

Однако город был только один. На всей планете, кроме него, не отыскали никаких признаков разумной жизни. К тому же он был покинут. Несказанной красоты город, но пустой, как хихиканье.

Наконец, была металлическая планета, третья от светила. Не просто глыба металлической руды, а планета с поверхностью — или крышей — из выплавленного металла, отполированного до блеска ярких стальных зеркал. И, отражая свет, планета сверкала, точно второе солнце.

— Не могу избавиться от ощущения,— проговорил Дункан Гриффит,— что это не город, а всего-навсего лагерь.

— По-моему, ты спятил,— резко ответил Пол Лоуренс. Рукавом он утер пот со лба.

— Пусть выглядит он не как лагерь,— настойчиво твердил Гриффит,— но все же это место привала, временное жилье.

«Что до меня, то он выглядит как город,— подумал Лоуренс.— И всегда так выглядел, с того мгновения, как я увидел его впервые, и всегда так будет. Большой и пронизанный жизнью, несмотря на атмосферу сказки,— место, где хорошо жить, мечтать, черпать силы и смелость, чтобы претворять мечты в

© Перевод Н. Евдокимовой.

жизнь. Великие мечты,— думал он.— Мечты под стать городу — людям на сооружение подобного понадобилось бы тысячелетие».

— Одно мне непонятно,— сказал он вслух,— причина такого запустения. Здесь нет и следов насилия. Ни малейших признаков...

— Жители покинули его по доброй воле,— отозвался Гриффит.— Вот так просто снялись с места и улетели. Очевидно, этот город не был для них родным домом, а служил всего лишь лагерем, не оброс традициями, не окутался легендами. А лагерь не представлял никакой ценности для тех, кто его выстроил.

— Лагерь,— упрямо возразил Лоуренс,— это всего-навсего место привала. Временное жилье, воздвигается наскоро, комфорт создается по возможности подручными средствами.

— Ну и что? — спросил Гриффит.

— Здесь был не просто привал,— пояснил Лоуренс.— Этот город сколочен не кое-как, не на скорую руку. Его проектировали с дальним прицелом, строили любовно и тщательно.

— С человеческой точки зрения — бесспорно,— возразил Гриффит.— Но здесь ты столкнулся с нечеловеческими категориями и с нечеловеческой точкой зрения.

Присев на корточки, Лоуренс сорвал травинку, зажал ее зубами и принялся задумчиво покусывать. То и дело он косился на молчаливый, пустынный город, сверкающий в ослепительном блеске полуденного светила. Гриффит присел рядом с Лоуренсом.

— Как ты не понимаешь, Пол,— заговорил он,— ведь это временное жилье. На планете нет остатков старой культуры. Никакой утвари, никаких орудий труда. Здесь вел раскопки сам Кинг со своими молодцами, и даже он ничего не нашел. Ничего, кроме города. Подумай только: совершенно девственная планета — и город, который может пригрезиться разве что расе, существующей не менее миллиона лет. Сперва прячутся под деревом во время дождя. Потом забираются в пещеру, когда наступает ночь. После этого приходит черед навеса, вигвама или хижины. Затем строят три хижины, и вот тебе селение.

— Знаю,— сказал Лоуренс.— Знаю...

— Миллион лет развития,— безжалостно повторил Гриффит.— Десять тысяч веков должны миновать, прежде чем раса научится воздвигать такую феерию из хрусталя и пластика. И этот миллион лет проходил не здесь. Миллион лет жизни оставляет

на планете шрамы. А здесь их нет и в помине. Новенькая, с иголочки, планета.

— Ты убежден, что они прибыли откуда-то издалека, Дунк?

— Должно быть, так,— кивнул Гриффит.

— Наверное, с планеты Три.

— Этого мы не знаем. Во всяком случае, пока не знаем.

— Скорее всего, никогда и не узнаем,— пожал плечами Лоуренс и выплюнул изжеванный стебелек.

— Эта планетная система,— заявил он,— похожа на неудачный детективный роман. Куда ни повернись, натыкаешься на улику, и все улики страшно запутанны. Слишком много загадок, Дунк. Здешний город, металлическая планета, ограбленные планеты — слишком много всего в один присест. Нечего сказать, повезло — набрели на уютное местечко.

— У меня предчувствие, что все эти загадки между собой как-то связаны,— сказал Гриффит.

Лоуренс промычал что-то неодобрительное.

— Чувство истории,— пояснил Гриффит.— Чувство соответствия явлений. Рано или поздно оно развивается у всех историков.

Позади заскрипели шаги, и собеседники, вскочив на ноги, обернулись. К ним спешил радист Доил из лагеря, который члены экипажа десантной ракеты разбили на планете Четыре.

— Сэр,— обратился он к Лоуренсу,— только что я говорил с Тэйлором, с планетой Три. Он спрашивает, не можете ли вы туда вылететь. Похоже, они нашли люк.

— Люк?! — воскликнул Лоуренс.— Окно в планету! Что же внутри?

— Тэйлор не сказал, сэр.

— Не сказал?

— Нет. Видите ли, сэр, им никак не удается взломать этот люк.

С виду люк был довольно невзрачен. Двенадцать отверстий на поверхности планеты сгруппированы в четыре ряда по три отверстия в каждом, словно перчатки для трехпалых рук. И все. Невозможно было угадать, где начинается люк и где кончается.

— Здесь есть щель,— рассказывал Тэйлор,— но ее едва видно через увеличительное стекло. Даже под увеличением она не толще волоса. Люк пригнан настолько идеально, что практи-

чески составляет одно целое с поверхностью. Долгое время мы и не подозревали, что это люк. Сидели кругом да гадали, зачем тут дырки. А нашел его Скотт. Просто катался здесь и увидел какие-то дырочки. Вообще-то можно было смотреть, пока глаза не вылезут, и никогда не обнаружить этот люк, если бы не счастливый случай.

— И нет никакой возможности открыть? — спросил Лоуренс.

— Пока что нет. Мы пробовали приподнять дверцу, но с тем же успехом можно пытаться приподнять планету. Да и вообще здесь не очень-то развернешься. Просто невозможно удержаться на ногах. Эта штука до того скользкая, что по ней еле ходишь. Вернее, не ходишь, а скользишь, как по льду. Страшно подумать, что случится, если ребята со скуки затеют возню и кого-нибудь ненароком толкнут.

— Я знаю,— посочувствовал Лоуренс.— Ведь я посадил ракету со всей мыслимой осторожностью, и то мы скользили, наверное, миль сорок, если не больше.

Тэйлор хмыкнул:

— Звездолет я поставил на все магнитные якоря, и все равно он качается из стороны в сторону, едва к нему прислонишься. По сравнению с этой чертовщиной лед шершав, как терка.

— Кстати, о люке,— прервал его Лоуренс.— Вам не приходило в голову, что отверстия могут быть замком с секретом?

— Конечно, мы об этом думали,— кивнул Тэйлор.— Если так, то у нас нет и тени надежды. Умножьте элемент случайности на непредсказуемость чуждого разума.

— Вы проверяли?

— Да,— ответил Тэйлор.— Вставляли отвод кинокамеры в эти отверстия и делали всевозможные снимки. Ничего. Совершенно ничего. Глубина — дюймов восемь. Книзу расширяются. Однако гладкие. Ни выступов, ни граней, ни замочных скважин. Мы умудрились выпилить кусок металла для анализа. Испортили три ножовки, пока пилили. В основном это сталь, но в сплаве с чем-то таким, к чему Мюллер никак не приклеит ярлыка. А молекулярная структура просто сводит его с ума.

— Значит, люк заклинился? — подытожил Лоуренс.

— Ну да. Я подвел звездолет к самому люку, мы подцепили его подъемным краном и стали тащить изо всех сил. Корабль раскачивался, как маятник, а люк не шелохнулся.

— Можно поискать другие люки,— утешил Лоуренс.— Не все же они одинаковы.

— Искали,— ответил Тэйлор.— Как ни смешно, искали. Все ползали на коленках. Мы разделили эту зону на секторы и попластунски обшарили многие квадратные мили, пяля глаза вовсю. Чуть не ослепли — а тут еще солнце отражается в металле, и наши рожи на нас глазеют, будто по зеркалу ползем.

— Если вдуматься хорошенько,— заметил Лоуренс,— то едва ли люки располагаются вплотную один к другому. Предположим, через каждые сто миль... а может быть, через каждую тысячу.

— Вы правы,— согласился Тэйлор.— Возможно, и через тысячу.

— Остается только одно,— сказал Лоуренс.

— Да, знаю,— подхватил Тэйлор.— Однако душа у меня не лежит. Здесь ведь сложная задача. Нечто, требующее нового алгоритма. А если мы начнем взрывать — значит, провалились на первом же уравнении.

Лоуренс беспокойно заерзал.

— Я понимаю,— отозвался он.— Если их преимущество выявится с первого же хода, то на втором и третьем ходах у нас не останется никаких шансов.

— Однако нельзя же сидеть сложа руки,— сказал Тэйлор.

— Нельзя,— поддержал Лоуренс.— По-моему, никак нельзя.

— Надеюсь, хоть это поможет,— заключил Тэйлор.

Это помогло...

Взрыв оторвал крышку люка и швырнул ее в пространство. Она упала на расстоянии около мили и причудливым, неровно вырезанным колесом покатилась по скользкой поверхности.

Примерно пол-акра поверхности отошло вверх и в сторону и повисло, искореженное, напоминая поблескивающий под солнцем гигантский вопросительный знак.

Десантную ракету, на которой не оставили даже дежурного, удерживало на металле слабое магнитное поле. При взрыве ракета отклеилась, как плохо смоченная марка, и на протяжении добрых двенадцати миль неуклюже исполняла танец на льду.

Толщина металлической оболочки не превышала четырнадцати дюймов — по сути, папиросная бумага, если учесть, что диаметр планеты не уступал земному. Вниз, внутрь, наподобие винтовой лестницы уходил металлический пандус; верхние

десять футов у него были исковерканы и разрушены взрывом. Из отверстия не выходило ничего: ни звука, ни света, ни запаха.

Семеро начали спускаться по пандусу — в разведку. Остальные ждали наверху, в лихорадочном волнении и гнетущей неизвестности.

Возьмите триллион детских наборов «Конструктор». Дайте волю миллиарду детишек. Предоставьте им неограниченное время, но отнимите инструкции. Если кое-кто из детишек рожден не людьми, а иными разумными существами — еще лучше. Потом, располагая миллионом лет, определите, что произойдет.

Миллион лет, друзья, вовсе не такой уж долгий срок. Даже за миллион лет вам это не удастся.

Внизу, разумеется, были машины. Ничего иного и быть не могло.

Однако машины походили на игрушечные — как будто собрал их ребенок, преисполненный ощущений богатства и всемогущества, в день, когда ему подарили настоящий дорогой «Конструктор».

Там были валы, бобины, эксцентрики и батареи сверкающих хрустальных кубиков, которые, возможно, выполняли роль электронных устройств, хотя никто не знал этого доподлинно.

Вся эта техника занимала многие кубические мили и под лучами светильников, вмонтированных в шлемы землян, блестела и переливалась наподобие новогодней елки, словно была отполирована всего за час до их прихода. Однако стоило Лоуренсу перегнуться через перила пандуса и провести рукой в перчатке по блестящей поверхности вала, как пальцы его перепачкались пылью — мелкой, точно мука, пылью.

Семеро все спускались по спиральному пандусу, пока у них не закружилась голова, и отовсюду, насколько удавалось разглядеть в частично рассеянной мгле, вдаль уходили машины, тихие и неподвижные. Всем казалось (хотя никто не мог толком обосновать это впечатление), что машины бездействуют несчетные века.

Одни и те же вновь и вновь повторяющиеся детали — бессмысленный набор валов, бобин, эксцентриков и батарей из сверкающих хрустальных кубиков.

Наконец спуск закончился площадкой, которая тянулась во все стороны, насколько можно было охватить взглядом при скуд-

ном освещении; высоко вверху переплетались паутинообразные конструкции — по-видимому, они служили крышей,— а на металлическом полу была расставлена мебель (или то, что люди приняли за мебель).

Семеро сбились тесной кучкой; их светильники вызывающе пронизывали мглу, сами же они необычно притихли в темноте, в безмолвии и тени иных веков, иных рас.

— Контора,— нарушил молчание Дункан Гриффит.

— Или пункт управления,— произнес инженер-механик Тед Баклей.

— А может быть, бытовка,— возразил Тэйлор.

— Не исключено, что здесь находился ремонтный цех,— предположил математик Джек Скотт.

— Не приходит ли вам в голову, джентльмены,— сказал геолог Герберт Энсен,— что это может оказаться ни тем, ни другим и ни третьим? Возможно, увиденное нами не связано ни с какими известными нам понятиями.

— Остается только одно,— ответил археолог Спенсер Кинг,— по возможности лучше перевести все увиденное на язык известных нам понятий. Вот я, например, предполагаю, что здесь находилась библиотека.

Лоуренс подумал словами басни: «Однажды семеро слепцов повстречали слона...». Вслух он сказал:

— Давайте начнем с осмотра. Если мы не осмотрим это помещение, то никогда о нем ничего не узнаем.

Они осмотрели... И все равно ничего не узнали.

Взять, например, картотеку. Очень удобная вещь. Выбираете некое пространство, облекаете его сталью — вот вам место хранения. Вставляете выдвижные ящички, кладете туда хорошенькие чистенькие карточки, надписываете эти карточки и размещаете их в алфавитном порядке. После этого, если вам нужна какая-то определенная карточка, вы ее почти наверняка найдете.

Важны два фактора — пространство и нечто в нем заключенное,— чтобы отличить от другого пространства, чтобы в любой момент можно было отыскать место, предназначенное вами для хранения какой-то конкретной информации. Ящички и карточки, расставленные в алфавитном порядке,— всего лишь усовершенствование. Они подразделяют пространство так, что вы можете мгновенно указать любой его сектор.

Таково преимущество картотеки над беспорядочным хранением всех нужных предметов в виде кучи, сваленной в углу комнаты. Но попробуйте представить себе картотеку без ящиков.

— Эге,— воскликнул вдруг Баклей,— а эта штука легкая. Подсобите-ка мне кто-нибудь.

Скотт быстро выступил вперед; вдвоем они подняли с полу ящик и встряхнули его. Внутри что-то громко загремело. Они снова поставили ящик на пол.

— Там внутри что-то есть,— взволнованно прошептал Баклей.

— Да,— согласился Кинг.— Бесспорно, внутри что-то есть.

— Что-то гремящее,— уточнил Баклей.

— А мне кажется,— заявил Скотт,— что звук скорее походит на шорох, чем на грохот.

— Не много же нам пользы от звука,— сказал Тэйлор,— коль скоро мы не можем добраться до содержимого. Если только и делать, что слушать, как вы, ребята, трясете эту штуковину, выводов будет маловато.

— Нет ничего проще,— пошутил Гриффит.— Штуковина-то четырехмерная. Произнеси волшебное слово, ткни рукой в любой ее угол — и вытянешь то, что нужно.

Лоуренс покачал головой:

— Прекрати насмешки, Дунк. Тут дело серьезное. Кто-нибудь из нас представляет, как сделана эта штука?

— Да никак она не сделана,— взвыл Баклей.— Ее просто-напросто не делали. Невозможно взять листовой металл и сварганить из него куб без спаев или сварочных швов.

— Сравни с люком на поверхности,— напомнил Энсон.— Там тоже ничего не было видно, пока мы не вооружились сильной лупой. Так или иначе, ящик открывается. Ведь кто-то уже открывал его — когда положил туда что-то гремящее.

— А он бы не клал,— добавил Скотт,— если бы не знал способа извлечь назад.

— Но может быть,— предположил Гриффит,— он запихнул сюда то, от чего хотел избавиться.

— Мы могли бы распилить ящик,— сказал Кинг.— Дайте фонарь.

Его остановил Лоуренс:

— Один раз мы уже так поступили. Мы вынуждены были взорвать люк.

— Эти ящики тянутся здесь на полмили,— заметил Баклей.— Все стоят рядком. Давайте тряхнем еще какие-нибудь.

Встряхнули еще с десяток. Громыхания не услышали.

Ящики были пусты.

— Все вынуто,— печально проговорил Баклей.

— Пора уносить отсюда ноги,— сказал Энсон.— От этого места меня мороз по коже продирает. Вернемся к кораблю, присядем и обсудим все толком. Ломая себе голову здесь, внизу, мы свихнемся. Взять хоть эти пульты управления.

— Да может, они вовсе не пульты управления,— одернул его Гриффит.— Следи за собой: не надо делать якобы очевидные, а в действительности поспешные выводы.

— Что бы это ни было,— вмешался в спор Баклей,— есть же у них какое-то целевое назначение. Как пульты они пригодились бы больше, чем в любом другом качестве, спорь — не спорь.

— Но ведь на них нет никаких индикаторов,— возразил Тэйлор.— На пульте управления должны быть циферблаты, сигнальные лампочки или хоть что-нибудь такое, на что можно смотреть, а также кнопки.

— Не обязательно такое, на что может смотреть человек,— парировал Баклей.— Иная раса сочла бы нас безнадежно слепыми.

— У меня есть зловещее предчувствие неудачи,— пожаловался Лоуренс.

— Мы опозорились перед люком,— подытожил Тэйлор.— И здесь мы тоже опозоримся.

— Придется разработать упорядоченный план исследований,— сказал Кинг.— Надо все разметить. Начинать сначала и по порядку.

Лоуренс кивнул:

— Несколько человек оставим на поверхности, остальные спустятся сюда и раскинут лагерь. Будем работать группами и по возможности быстро определим ситуацию — общую ситуацию. А там уж заполним пробелы деталями.

— Начинать сначала,— пробормотал Тэйлор.— Где же тут начало?

— Понятия не имею,— признался Лоуренс.— У кого есть идеи?

— Давайте выясним, что здесь такое,— предложил Кинг.— Планета ли это или планетарная машина.

— Надо поискать еще пандусы,— сказал Тэйлор.— Здесь должны быть и другие спуски.

— Попробуем выяснить, как далеко простираются эти механизмы,— высказался Скотт.— Какое пространство занимают.

— И работают ли,— вставил Баклей.

— Те, что мы видели, не работают,— откликнулся Лоуренс.

— Те, что мы видели,— провозгласил Баклей тоном лектора,— возможно, представляют собой всего лишь уголок гигантского комплекса механизмов. Вовсе не обязательно им всем работать одновременно. По всей вероятности, раз в тысячелетие или около того используется какая-то определенная часть комплекса, да и то в течение нескольких минут, если не секунд. После этого она может простоять в бездействии еще тысячу лет. Однако часть эта должна быть готова и терпеливо дожидаться своего мига в тысячелетии.

— Стоило бы попытаться по крайней мере высказать грамотное предположение о том, для чего служат эти механизмы. Что они делают. Что производят,— сказал Гриффит.

— Но при этом держать от них руки подальше,— предостерег Баклей.— Тут потянул, там подтолкнул — хотел знать, что получится,— чтоб этого здесь не было. Один Бог ведает, к чему это может привести. Ваше дело маленькое — лапы прочь, пока не будете твердо знать, что делаете.

Это была самая настоящая планета. Внизу, на глубине двадцати миль, исследователи увидели ее поверхность. Под двадцатью милями хитросплетенного лабиринта сверкающих мертвых механизмов.

Там был воздух, почти столь же пригодный для дыхания, как земной, и астронавты разбили лагерь на нижних горизонтах, довольные тем, что избавились от космических скафандров и живут как нормальные люди.

Но не было там света и не было жизни. Не было даже насекомых, ни единой ползающей или пресмыкающейся твари.

А ведь некогда здесь была жизнь. Ее историю поведали руины городов. Примитивная культура, заключил Кинг. Немногим выше, чем на Земле в двадцатом веке.

Дункан Гриффит присел на корточки возле портативной атомной плиты, протянув руки к желанному теплу.

— Переселились на планету Четыре,— заявил он с самодовольной уверенностью.— Здесь не хватало жизненного пространства, вот они и отправились туда и встали там лагерем.

— А горные работы вели на двух других планетах,— продолжил Тэйлор не без иронии.— Добывали остро необходимую руду.

Лоуренс, подавленный, ссутулился.

— Одно не дает мне покоя,— сказал он.— Мысль о том, что же кроется за всеми загадками, что гонит целую расу с родной планеты на чужую и зачем потрачена такая бездна времени на превращение родной планеты в машину.— Он обернулся к Скотту: — Ведь правда, нет никаких сомнений: это не что иное, как машина?

Скотт покачал головой:

— Не всю же ее мы видели, сам понимаешь. Тут нужны годы, а мы не в состоянии швыряться годами. Однако мы почти уверены: это машиномир, покрытый слоем механизмов высотой в двадцать миль.

— К тому же механизмов бездействующих,— добавил Гриффит.— Жители этой планеты отключили все механизмы, изъяли все свои записи и все приборы, укатили и оставили пустую скорлупу. Точно так же, как покинули город на планете Четыре.

— Или же отовсюду были изгнаны,— уточнил Тэйлор.

— Нет, никто их не изгонял,— решительно возразил Гриффит.— Во всей системе нет следов насилия. Никаких признаков поспешности. Здешние обитатели не торопились, уложили все свое добро и не забыли ни единой мелочи. Ни одного ключа к тайне. Где-то же были чертежи. Нельзя строить и нельзя эксплуатировать такую махину, не располагая каким-то подобием карты или плана. Где-то должны храниться записи — ведь фиксировались же производственные результаты этого машиномира. Однако мы ведь их не нашли! Это потому, что их увезли при отъезде.

— Не всюду же мы искали,— буркнул Тэйлор.

— Мы нашли помещения архивов, где, по законам логики, все это должно храниться,— возразил Гриффит,— однако не нашли орудий производства, не нашли ни единой записи и вообще ничего такого, что хоть косвенно намекало бы на чье-то былое присутствие.

— А вот ящики вверху, на последнем горизонте,— вспомнил Тэйлор.— Ведь если рассуждать логически, это место само собой напрашивается на обыск.

— Мы их встряхивали,— заметил Гриффит,— все пустые.

— Все, кроме одного,— настаивал Тэйлор.

— Я склонен верить в твою правоту, Дунк,— сказал Лоуренс.— Здешний мир покинут, обобран и брошен на съедение ржавчине. Вообще-то мы могли догадаться, как только обнаружили, что он беззащитен. Разумные существа предусмотрели бы какие-то средства обороны — скорее всего, автоматические,— и если бы нас не хотели впускать, мы бы здесь никогда не очутились.

— Окажись мы поблизости в ту пору, когда этот мир функционировал,— поддержал Гриффит,— нас бы разнесло вдребезги, прежде чем мы его бы хоть одним глазком увидели.

— Пожалуй, великая была раса,— задумчиво сказал Лоуренс.— Одна лишь экономика такой планеты способна любого бросить в дрожь. Чтобы создать такую планету, надо было веками затрачивать на это рабочую силу всей расы целиком, а создав, надо было веками держать планету-машину на ходу. Это означает, что местное население тратило минимум времени на добывание пищи и производство миллионов вещей, употребляемых в быту.

— Они упростили свой образ жизни и свои нужды,— сказал Кинг,— сведя все к самому необходимому. Одно уже это само по себе — признак величия.

— Притом же они были фанатики,— высказался Гриффит.— Не забывайте этого ни на миг. Подобный труд по плечу лишь тем, кто одержим всепоглощающей, слепой, однобокой верой.

— Но зачем? — удивлялся Лоуренс.— Зачем выстроили эту махину?

Все промолчали, только Гриффит тихонько хмыкнул.

— Даже ни одного предположения? — подзадорил он.— Ни одной осмысленной гипотезы?

Из тьмы, окутывающей крохотный кружок света от включенной плиты, медленно поднялся высокий человек.

— У меня есть гипотеза,— сознался он.— Вернее, мне кажется, я знаю, в чем тут дело.

— Послушаем Скотта,— громогласно объявил Лоуренс.

Математик покачал головой:

— Нужны доказательства. Иначе вы заподозрите, что я рехнулся.

— А доказательства отсутствуют,— скептически заметил Лоуренс.— Нет здесь доказательств чего бы то ни было.

— Я знаю место, где есть доказательство,— не утверждаю с уверенностью, но, возможно, оно там есть.

Все сидящие тесным кругом возле плиты затаили дыхание.

— Помнишь тот ящик? — продолжал Скотт.— Тот самый, о котором только сейчас упоминал Тэйлор. Тот, где что-то гремело при встряхивании. Тот, который нам не удалось открыть.

— Мы по-прежнему не можем его открыть.

— Дайте мне инструменты,— попросил Скотт,— и я открою.

— Это уже было,— мрачно сказал Лоуренс.— Мы уже проявили бычью силу и ловкость, открывая тот злополучный люк. Нельзя же все время применять силу при решении задач. Здесь не сила нужна, а понимание.

— По-моему, я знаю, что там гремело,— гнул свое Скотт.

Лоуренс промолчал.

— Послушай-ка,— не унимался Скотт.— Если у тебя есть какая-нибудь ценная вещь, которую ты хочешь сберечь, что ты с ней делаешь?

— Да в сейф кладу,— не задумываясь, ответил Лоуренс.

В длинных мертвых пролетах исполинской машины воцарилось молчание.

— Нет и не может быть надежнее места,— снова заговорил Скотт,— чем ящик, который не открывается. В таких ящиках хранилось что-то исключительно важное. Но одну вещицу хозяева планеты забыли захватить — где-то они недоглядели.

Лоуренс медленно поднялся с места.

— Достанем инструменты,— сказал он.

...Внутри оказалась продолговатая пластина, весьма заурядная на вид, с симметрично пробитыми отверстиями.

Скотт взял ее в руку, и рука его задрожала.

— Надеюсь, ты не разочарован,— горько сказал Гриффит.

— Ничуть,— ответил Скотт.— Именно это я и предполагал.

Все дожидались продолжения.

— Не будешь ли ты любезен...— не вытерпел Гриффит.

— Это перфокарта,— пояснил Скотт.— Ответ некой задачи, введенной в вычислительную машину.

— Но мы ведь ее не расшифруем,— огорчился Тэйлор.— Никакими силами не установишь, что она означает.

— Ее и незачем расшифровывать,— усмехнулся Скотт.— Она и так рассказывает, что здесь такое. Эта машина — весь мир в целом — представляет собой вычислительное устройство.

— Что за бред! — воскликнул Баклей.— Математическое...

— Не математическое.— Скотт покачал головой.— По крайней мере, не чисто математическое. Нечто более значительное. Логическое, по всей вероятности. Возможно, даже этическое.

Он оглядел присутствующих и прочел на их лицах все то же неверие, развеять которое до конца едва ли удастся.

— Да посудите же сами! — вскричал он.— Бесконечная повторяемость, монотонная одинаковость всей машины. Таково и есть вычислительное устройство — сотни, или тысячи, или миллионы, или миллиарды интегрирующих схем, сколько бы их ни было нужно, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Есть же какой-то фактор ограничения,— пробубнил Баклей.

— На всем протяжении своей истории,— ответил Скотт,— человечество не слишком-то обращало внимание на такие факторы. Оно упорно делало свое дело и преодолевало все мыслимые факторы ограничения. Очевидно, здешняя раса тоже не слишком-то обращала на них внимание.

— Есть такие факторы,— упрямо твердил Баклей,— которыми попросту невозможно пренебречь.

У мозга — свои ограничения. Он ни за что не станет познавать самого себя. Он слишком легко забывает — забывает слишком многое и всегда именно то, что следовало помнить. Он склонен к терзаниям, а для мозга это почти равносильно самоубийству. Если чрезмерно напрягать мозг, он находит убежище в безумии. И наконец он умирает. Умирает как раз тогда, когда становится полноценным.

Поэтому создают механический мозг-гигант, двадцатимильным слоем покрывающий планету с Землю величиной,— мозг, который займется животрепещущими проблемами, и никогда ничего не забудет, и с ума не сойдет, ибо ему неведомо смятение.

Сорваться после этого с места и покинуть такой мозг — двойное безумие.

— Все наши догадки бессмысленны и никчемны,— сказал Гриффит.— Никогда мы не узнаем, для чего служил этот мозг. Вы упорно исходите из предпосылки, будто хозяева этой планеты были гуманоидами, а ведь столько же шансов за то, что они отнюдь не гуманоиды.

— Предположение о том, что они в корне отличаются от нас, совершенно абсурдно,— возразил Лоуренс.— В городе на Четвертой могли бы поселиться люди. Обитатели той планеты сталкивались с теми же техническими проблемами, что встали бы и перед нами, если бы мы затеяли подобное начинание; выполнили они все в том же стиле, какого придерживались бы и мы.

— Ты не учитываешь того, что сам же так часто подчеркиваешь,— сказал Гриффит.— Не учитываешь фанатической тяги, которая заставила их пожертвовать решительно всем во имя великой идеи. Мы, как ни бейся, не достигли бы столь тесного и фанатического сотрудничества. Один допустил бы грубейшую ошибку, другой перерезал бы горло третьему, четвертый потребовал бы следствия, а там оказалось бы, что вся свора спущена с цепи и лает на ветер.

— Они были последовательны,— продолжал Гриффит.— Ужасающе последовательны. Здесь нет жизни. Мы не зарегистрировали ни малейшего признака жизни, отсутствуют даже насекомые. А почему, как ты думаешь? Не потому ли, что жук мог бы запутаться в шестернях или еще где-нибудь и нарушить весь комплекс? Поэтому жукам пришлось вымереть.

Помолчав, Гриффит вскинул голову:

— Если на то пошло, хозяева планеты сами напоминают жуков. Вернее, муравьев. Муравьиную колонию. Там и тут бездушное общество взаимных услуг в слепом, но разумном повиновении неуклонно движется к намеченной цели. А коли так, друг мой, то твоя гипотеза, будто вычислительная машина применялась для разработки экономических и социальных теорий,— просто вздор!

— Это вовсе не моя гипотеза,— поправил его Лоуренс.— Всего лишь одно из нескольких предположений. Есть и другое, не более спорное: они пытались разгадать тайны Вселенной — отчего она существует, что собой представляет и куда движется.

— И каким образом,— прибавил Грифффит.

— Ты прав. И каким образом. А если этим занимались, то, я уверен, не из праздного любопытства. Значит, был какой-то серьезнейший стимул, что-то вынуждало к этому занятию.

— Продолжай,— усмехнулся Тэйлор.— Я жду с нетерпением. Доскажи свою сказку до конца. Они проникли во все тайны Вселенной и...

— Едва ли проникли,— спокойно проговорил Баклей.— Чего бы они ни добивались, вероятность того, что им удалось получить окончательный ответ, ничтожно мала.

— Что касается меня,— проговорил Грифффит,— я склонен думать, что они своего добились. Иначе зачем было покидать планету и бросать эту гигантскую машину? Они нашли то, что искали, вот им и стал не нужен ими же созданный инструмент познания.

— Ты прав,— подхватил Баклей.— Инструмент стал не нужен, но не потому, что сделал все возможное и этого оказалось достаточно. Его забросили, потому что он слишком маломощен, он не в состоянии решить задачу, которая подлежит решению.

— Слишком маломощен! — возмутился Скотт.— Да ведь в таком случае всего и заботы-то было нарастить вокруг планеты еще один ярус!

Баклей покачал головой:

— Помнишь, я говорил о факторах ограничения? Так вот, перед тобой фактор, которым не так-то просто пренебречь. Подвергни сталь давлению в пятьдесят тысяч фунтов на квадратный дюйм* — и она потечет. Здесь-то, должно быть, металл воспринимает гораздо большее давление, но и у него есть предел прочности, выходить за который небезопасно. На высоте двадцати миль над поверхностью планеты ее хозяева достигли этого предела. Уперлись в тупик.

Грифффит шумно вздохнул и пробормотал:

— Моральный износ.

— Аналитическая машина — вопрос габаритов,— рассуждал Баклей вслух.— Каждая интегрирующая схема соответствует клеточке человеческого мозга. У нее ограниченная функция и ограниченные возможности. То, что делает одна клетка, контролируют две другие. Принцип «смотри в оба, зри в три» как гарантия отсутствия ошибок.

* 3,5 тонны на квадратный сантиметр.

— Можно было стереть все, что хранилось в запоминающих устройствах, и начать сызнова,— сказал Скотт.

— Не исключено, что так и поступали,— ответил Баклей.— Бессчетное множество раз. Хотя всегда присутствовал элемент риска: после каждого стирания машина могла терять какие-то... э-э... ну, рациональные, что ли, качества или моральные. Для машины таких масштабов стирание памяти — катастрофа, подобная утрате памяти человеком. Здесь произошло, наверное, одно из двух. Либо в электронных устройствах машины слишком заметно скапливалась остаточная память...

— Подсознательное,— перебил Грифффит.— Интересная мысль: развивается ли у машины подсознание?

— ...Либо,— продолжал Баклей,— ее неизвестные хозяева вплотную подошли к проблеме, настолько сложной, настолько многогранной, что эта машина, несмотря на фантастические размеры, заведомо не могла с нею справиться.

— И тогда здешние обитатели отправились на поиски еще большей планеты,— подхватил Тэйлор, сам не вполне веря в свою догадку.— Такой планеты, масса которой достаточно мала, чтобы там можно было жить и работать, но диаметр достаточно велик для создания более мощной вычислительной машины.

— В этом был бы какой-то резон,— неохотно признал Скотт.— Понимаете ли, они бы начали все заново, но с учетом ответов, полученных здесь. При усовершенствованной конструкции и новой технологии.

— А теперь,— торжественно провозгласил Кинг,— на вахту становится человечество. Интересно, что нам удастся сделать с такой диковиной? Во всяком случае, совсем не то, для чего ее предназначали создатели.

— Человечеству,— сказал Баклей,— решительно ничего не придется с нею делать, по крайней мере ближайшие сто лет. Головой ручаюсь. Никакой инженер не осмелится повернуть ни единое колесико в этой машине, пока не будет достоверно знать, для чего она служит, как и почему сработана. Тут надо вычертить миллионы схем, проверить миллионы связей, сделать синьки, подготовить техников...

Лоуренс грубовато ответил:

— Это не наша с тобой забота, Кинг. Мы с тобой сеттеры. Мы выслеживаем и вспугиваем перепелок, а уж дальше обойдутся без нас, и мы переходим к очередным вопросам. Как распорядится человечество нашими находками — это опять-таки очередной вопрос, но решать его не нам с тобой.

Он поднял с пола и взвалил на спину мешок с походным снаряжением.

— Все готовы к выходу? — спросил он.

Десятью милями выше Тэйлор перегнулся через перила, ограждающие пандус, и взглянул на расстилающийся под ним лабиринт машин. Из наспех уложенного рюкзака выскользнула ложка и, вертясь, полетела вниз.

Долго все прислушивались к тому, как она звякает, задевая металл.

Даже когда все стихло, людям по-прежнему казалось, что до них еще доносится звяканье.

МИРАЖ

Они вынырнули из марсианской ночи — шестеро жалких крошечных существ, истомленных поисками седьмого.

Они возникли на краю круга света, отбрасываемого костром, и замерли, поглядывая на троих землян своими совиными глазами.

И земляне застыли, захваченные врасплох.

— Спокойно,— выдохнул Уомпус Смит уголком бородатого рта.— Если мы не шелохнемся, они подойдут поближе.

Издалека донесся чей-то слабый, тягучий стон — он проплыл над песчаной пустыней, над остроконечными гребнями скал, над исполинским каменным стрельбищем.

Шестеро стояли на самой границе света. Пламя расцвечивало их мех красными и синими бликами, и они будто переливались на фоне ночной пустыни.

— «Древние»,— бросил Ларс Нелсон Ричарду Уэббу, сидящему по другую сторону костра.

Уэбб поперхнулся, у него перехватило дыхание. Перед ним были существа, которых не надеялся увидеть не только он сам, но и никто из людей,— шестеро марсианских «древних», вынырнувшие вдруг из пустыни, из глубин тьмы, и замершие в свете костра. Многие — это он знал наверняка — провозглашали расу «древних» вымершей, затравленной, погибшей в ловушках, истребленной алчными охотниками-песковиками.

Сначала все шестеро казались одинаковыми, неотличимыми друг от друга. Потом, когда Уэбб присмотрелся, он заметил мелкие различия в строении тел, выдающие своеобразие каждого. «Шестеро,— подумал он,— а ведь должно быть семь...»

© Перевод О. Битова.

«Древние» медленно двинулись вперед, все глубже вступая в освещенный круг у костра. И один за другим опустились на песок, лицом к лицу с людьми. Никто не проронил ни слова, и молчание в круге огня становилось все напряженнее, лишь откуда-то с севера по-прежнему доносились стенания, словно острый тонкий нож взрезал безмолвную ночь.

— Люди рады,— произнес наконец Уомпус Смит, переходя на жаргон пустыни.— Люди долго вас ждали.

Одно из существ заговорило в ответ. Слова у него получались полуанглийскими, полумарсианскими — чистая тарабарщина для непривычного слуха.

— Мы умираем,— сказало оно.— Люди долго вредили. Люди могут немного помочь. Теперь, когда мы умираем, люди помогут?

— Люди огорчены,— ответил Уомпус, но даже в тот миг, когда он старался напустить на себя печаль, в голосе у него проскользнула радостная дрожь, какое-то неудержимое рвение, как у собаки, взявшей горячий след.

— Нас тут шесть,— сказало существо.— Шесть — мало. Нужен еще один. Не найдем Седьмого — умрем. Все «древние» умрут без возврата.

— Ну, не все,— откликнулся Уомпус.

— Все,— настойчиво повторил «древний».— Есть другие шестерки. Седьмого нет нигде.

— Чем же мы можем вам помочь?

— Люди знают, где Седьмой. Люди прячут Седьмого.

Уомпус затряс головой:

— Где же мы его прячем?

— В клетке. На Земле. Чтобы другие люди смотрели.

Уомпус снова качнул головой:

— На Земле нет Седьмого.

— Был один,— тихо вставил Уэбб.— В зоопарке.

— В зоопарке,— повторило существо, будто пробуя незнакомое слово на вкус.— Так мы и думали. В клетке.

— Он умер,— сказал Уэбб.— Много лет назад.

— Люди прячут Седьмого,— настаивало существо.— Здесь, на этой планете. Сильно прячут. Хотят продать.

— Не понимаю,— выговорил Уомпус, но по тому, как он это произнес, Уэбб догадался, что тот прекрасно все понял.

— Найдите Седьмого. Не убивайте его. Спрячьте. Запомните — мы придем за ним. Запомните — мы заплатим.

— Заплатите? Чем?

— Мы покажем вам город,— ответило существо.— Древний город.

— Это он про ваш город,— пояснил Уэббу Нелсон.— Про руины, которые вы ищете.

— Как жаль, что у нас в самом деле нет Седьмого,— произнес Уомпус.— Мы бы отдали его им, а они отвели бы нас к руинам.

— Люди долго вредили,— сказало существо.— Люди убили всех Седьмых. У Седьмых хороший мех. Женщины носят этот мех. Дорого платят за мех Седьмых.

— Что верно, то верно,— откликнулся Нелсон.— Пятьдесят тысяч за шкурку на любой фактории. А в Нью-Йорке за пелеринку из четырех шкурок — полмиллиона чистоганом...

Уэббу стало дурно от самой мысли о такой торговле, а еще более от небрежности, с какой Нелсон помянул о ней. Теперь она, разумеется, была объявлена вне закона, но закон пришел на выручку слишком поздно — «древних» уже нельзя было спасти. Хотя, если разобраться, зачем вообще понадобился этот закон? Разве может человек, разумное существо, охотиться на другое разумное существо и убивать его ради шкурки, ради того, чтобы получить пятьдесят тысяч долларов?

— Мы не прячем Седьмого,— уверял Уомпус.— Закон говорит, что мы вам друзья. Никто не смеет вредить Седьмому. Никто не смеет его прятать.

— Закон далеко,— возразило существо.— Здесь люди сами себе закон.

— Кроме нас,— ответил Уомпус.— Мы с законом не шутим.

«И не смеется»,— подумал Уэбб.

— Вы поможете? — спросило существо.

— Попробовать можно,— уклончиво сказал Уомпус.— Хотя что толку. Вы не можете найти. Люди тоже не найдут.

— Найдите. Покажем город.

— Мы поищем,— пообещал Уомпус.— Хорошо поищем. Найдем Седьмого — приведем. Где вы будете ждать?

— В ущелье.

— Ладно,— произнес Уомпус.— Значит, уговор?

— Уговор.

Шестеро не спеша поднялись на ноги и вновь повернулись лицом к ночи. На краю освещенного круга они приостановились. Тот, что говорил, обернулся к людям.

— До свидания,— сказал он.

— Всего,— ответил Уомпус.

И они ушли обратно к себе, в пустыню.

А трое людей еще долго сидели, прислушиваясь непонятно к чему, выцеживая из тишины мельчайший шорох, пытаясь уловить в нем отголоски жизни, кишащей вокруг костра.

«На Марсе,— подумал Уэбб,— мы все время прислушиваемся. Такова плата за право выжить. Надо прислушиваться, надо всматриваться, замирать и не шевелиться. И быть безжалостным. Надо наносить удар, не дожидаясь, пока его нанесет другой. Успеть увидеть опасность, услышать опасность, быть постоянно в готовности встретить ее и опередить хотя бы на полсекунды. А главное — надо распознать опасность, едва завидев, едва заслышав ее...»

В конце концов Нелсон вернулся к занятию, которое прервал при появлении шестерых,— править нож на карманном оселке, доводя его до остроты бритвы. Тихое, равномерное дзиньканье стали по камню звучало, как сердцебиение, как пульс, рожденный далеко за костром, пришедший из тьмы, как мелодия самой пустыни.

Молчание нарушил Уомпус:

— Чертовски жаль, Ларс, что мы не знаем, где найти Седьмого.

— Угу,— ответил тот.

— Могло бы получиться неплохое дельце,— продолжал Уомпус.— В этом древнем городе — клад на кладе. Так все говорят.

— Просто врут,— проворчал Нелсон.

— Камушки,— продолжал Уомпус.— Такие крупные и блестящие, что глаза лопаются. Целые мешки камушков. С ног свалишься, пока перетаскаешь.

— Да больше одного мешка и не понадобилось бы,— поддержал Нелсон.— Один мешок — и на всю жизнь хватит.

Тут Уэбб заметил, что оба они пристально смотрят на него, щурясь при свете костра. Он произнес почти сердито:

— Я про клады ровно ничего не знаю.

— Но вы же слышали, что говорят,— бросил Уомпус.

Уэбб ответил кивком:

— Можно сказать и по-другому — клады меня не интересуют. Я не рассчитываю ни на какой клад.

— Но и не откажетесь, если подвернется,— вставил Ларс.

— Это не играет роли,— отрезал Уэбб.— Что так, что иначе — мне все равно.

— Что вам известно про древний город? — требовательно спросил Уомпус, и даже младенцу стало бы ясно, что вопрос задан неспроста, вернее, не без тайных надежд.— Ходите кругом да около, роняете разные намеки, нет чтоб открыться и выложить все начистоту...

Секунду-другую Уэбб молча глядел на Уомпуса, потом проговорил с расстановкой:

— Известно одно. Я прикинул, где мог стоять этот город,— исходя из географических и геологических данных и из определенных представлений об истоках культур. Я прикинул, где могла течь вода, где могли расти леса и травы, когда Марс был цветущим и юным. Я попробовал установить теоретически самое вероятное место зарождения цивилизации. Только и всего.

— И вы никогда не задумывались ни о каких кладах?

— Я думал о том, чтобы разгадать загадку марсианской культуры,— ответил Уэбб.— Как она развивалась, почему погибла и на что была похожа?

Уомпус сплюнул.

— Вы даже не уверены, что город вообще существует,— буркнул он возмущенно.

— До недавних пор действительно не был,— отозвался Уэбб.— Теперь уверен.

— Потому что о нем заговорили эти зверушки?

— Именно поэтому. Вы угадали.

Уомпус хмыкнул и умолк. Уэбб не сводил глаз со своих спутников, вглядываясь в их лица сквозь пламя костра.

«Они считают, что я с "приветом",— подумал он.— И презирают меня за то, что я с "приветом". Они не колеблясь бросили бы меня на произвол судьбы, а то и пырнули ножом, если бы им это понадобилось, если бы у меня нашлось что-нибудь, чем они захотели бы завладеть...»

Но он отдавал себе отчет, что выбора у него, в сущности, не было. Он не мог уйти в пустыню один — попытайся он путе-

шествовать на свой страх и риск, он, наверное, не прожил бы и двух дней. Чтобы выжить здесь, нужны специальные знания и навыки, да и особый склад ума. Чтобы на Марсе рискнуть выйти за пределы поселений, надо развить в себе особую способность к выживанию.

А поселения теперь остались далеко-далеко. Где-то там, на востоке.

— Завтра,— произнес Уомпус,— мы меняем маршрут. Мы пойдем на север, а не на запад.

Уэбб ничего не ответил. Лишь рука скользнула к поясу и нащупала пистолет — захотелось убедиться, что пистолет на месте.

Он сознавал, конечно, что нанимать этих двоих не следовало. Но и другие, вероятно, оказались бы не лучше. Они все были одной породы — закаленные и ожесточившиеся, они скитались по пустыне, охотясь, расставляя капканы, копая шурфы, подбирая все, что попадется. Просто в ту минуту, когда Уэбб явился на факторию, Уомпус и Нелсон оставались там в единственном числе. Остальные песковики ушли за неделю до его прибытия, разбрелись по своим охотничьим угодьям.

Поначалу эти двое держались почтительно, чуть ли не подобострастно. Но дни шли за днями, проводники обретали все бóльшую уверенность в себе и понемногу наглели. Теперь-то Уэбб догадался, что его попросту обвели вокруг пальца. Теперь-то он смекнул, что эти двое застряли на фактории по одной причине: у них не было снаряжения, и никто не хотел поверить им в долг. Пока не подвернулся он со своей затеей. Он дал им все, что только могло понадобиться им в пустыне. А теперь, когда дал, превратился в обузу.

— Я сказал,— повторил Уомпус,— что завтра мы пойдем на север.— Уэбб по-прежнему хранил молчание. Уомпус повысил голос: — Вы меня слышали?..

— Еще в первый раз,— отозвался Уэбб.

— Мы пойдем на север,— повторил Уомпус,— и мы будем спешить.

— Вы что, припрятали там на севере Седьмого?

Ларс хихикнул:

— Подумать только, какая чертова канитель! Требуется целых семеро там, где у нас вполне хватает одного мужчины и одной женщины.

— Я спрашиваю,— повторил Уэбб, адресуясь к Уомпусу.— Вы что, загодя заперли Седьмого в клетку?

— Нет,— ответил Уомпус.— Просто пойдем на север, и все.

— Я нанял вас, чтобы вы шли со мной на запад.

— Так я и думал,— проворчал Уомпус,— что вы заявите что-нибудь в таком роде. Мне не терпелось узнать, что вы на этот счет думаете.

— Вы решили бросить меня на произвол судьбы,— сказал Уэбб.— Вы заграбастали мои денежки и вызвались быть моими проводниками. Теперь вам взбрело на ум что-то новенькое. Одно из двух: или у вас есть Седьмой, или вам кажется, что вы знаете, где его найти. А если я тоже узнаю об этом и проболтаюсь, вам несдобровать. Так что остается самая малость — придумать, как со мной поступить. Можно прикончить меня на месте, а можно просто бросить, и пусть кто-нибудь или что-нибудь прикончит меня за вас...

— Но мы хоть предоставляем вам выбор, не правда ли? — осклабился Ларс.

Уэбб перевел взгляд на Уомпуса, и тот кивнул:

— Выбирайте, Уэбб.

Разумеется, он успел бы выхватить пистолет. Успел бы, по всей вероятности, прихлопнуть одного из них, прежде чем другой прихлопнет его самого. Но чего бы он этим добился? Он был бы все равно мертвец — такой же мертвец, как если бы его застрелили без предупреждения. И коль на то пошло, он уже и сейчас мертвец: ведь между ним и поселениями пролегли сотни миль, и даже если бы он каким-то чудом одолел эти мили, где гарантия, что он сумеет найти поселения?

— Мы выезжаем без промедления,— сказал Уомпус.— Не очень-то удобная штука путешествовать в темноте, да нам не привыкать. Через день-другой будем уже далеко на севере...

Ларс добавил:

— А когда вернемся на факторию, Уэбб, непременно выпьем за упокой вашей души.

Уомпус решил поддержать настроение:

— Выпьем чего-нибудь поприличнее, Уэбб. Уж тогда-то мы сможем позволить себе приличную выпивку.

Уэбб не промолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он сидел на песке неподвижно, почти расслабленно. «Вот это,— ска-

зал он себе,— пожалуй, и есть самое страшное. Что я могу сидеть, отлично зная, что сейчас произойдет, и вести себя так, словно это меня вовсе не касается...»

Наверное, тому виной были пройденные мили — мили суровой, изрезанной пустыни, где человека на каждом шагу подстерегают хищники, жестокие и кровожадные, алчущие добычи, всегда готовые подкрасться, напасть и убить. Жизнь в пустыне сведена к самым примитивным потребностям, и новичок быстро усваивает, что от смерти ее отделяет в лучшем случае тонкая-тонкая нить...

— Ну так что,— произнес наконец Уомпус,— что же вы выбираете, Уэбб?

— Предпочитаю,— ответил Уэбб угрюмо,— рискнуть и попробовать выжить.

Ларс пощелкал языком.

— Плохо дело,— сказал он.— Мы надеялись, что вы предпочтете иной выход. Тогда мы могли бы забрать себе все добро. А так придется вам кое-что оставить.

— Вы же всегда успеете вернуться,— ответил Уэбб,— и пристрелить меня, как крольчонка. Это будет легче легкого.

— Хм,— откликнулся Уомпус,— стоящая идея!

— Отдайте-ка мне свою пушку, Уэбб,— сказал Ларс.— Я швырну вам ее обратно, когда будем уезжать. К чему рисковать, что вы продырявите нас, пока мы собираемся...

Уэбб вытащил пистолет из кобуры и беспрекословно отдал Нелсону. А затем сидел, не меняя позы, и следил, как они пакуют снаряжение и складывают в нутро пескохода. Сборы были недолгими.

— Мы оставляем вам достаточно, чтобы продержаться,— объявил Уомпус.— Более чем достаточно.

— Наверное, вы прикинули,— ответил Уэбб,— что я долго не протяну.

— На вашем месте,— сказал Уомпус,— я бы предпочел легкий и быстрый конец.

Уэбб еще долго сидел без движения, прислушиваясь к мотору пескохода, пока звук не затих вдали, а потом поджидая внезапный выстрел, который бросит его вниз лицом прямо в яркое пламя костра. Прошло немало минут, прежде чем он поверил, что выстрела не будет. Тогда он подбавил в костер топлива и залез в спальный мешок.

Утром он направился на восток — назад по следам пескохода. Он знал: следы будут заметны в течение недели, может, даже чуть дольше, но рано или поздно исчезнут, вытертые сыпучими песками и слабеньким подвывающим ветерком, который нет-нет да и пронесется над унылой и неприютной пустыней.

Но по крайней мере, пока он идет по следам, он будет знать, что идет в нужную сторону. И более чем вероятно, что ему суждено погибнуть куда раньше, чем исчезнут следы: пустыня щедра на внезапную смерть, и никто не посмеет поручиться, что не расстанется с жизнью буквально мгновение спустя.

Уэбб шел, сжимая в руке пистолет, поминутно оглядываясь по сторонам, останавливаясь на гребнях дюн и изучая лежащую впереди местность, прежде чем спуститься в ложбину.

Непривычная ноша — неумело скатанный спальный мешок — наливалась тяжестью с каждым часом, стирая плечи до крови. День выдался теплым — настолько же теплым, как ночь была холодна,— и в горле комом вставала мучительная жажда. Уэбб бережно отмерял по капельке воду из оставленного ему скудного запаса.

Он понимал, что никогда не вернется к людям. Где-то между дюнами, среди которых он брел сейчас, и линией поселений он умрет от недостатка воды, или от укуса насекомого, или от клыков какого-нибудь свирепого зверя, или просто от изнеможения.

Подумать толком — так не стоило и пробовать добраться к людям, на успех у него не оставалось и одного шанса из тысячи. Но Уэбб даже не сбавил шага, чтобы подсчитать свои шансы,— он шел и шел на восток, по следам пескохода.

Потому что в нем жила чисто человеческая черта — пытаться, несмотря ни на что; он должен двигаться, пока не иссякнут силы, должен избегать смерти так упорно, как только сможет. И он шел, напрягая волю и силы и упорно избегая смерти.

Он приметил колонию муравьев как раз вовремя, чтоб обойти ее стороной, но обход получился слишком близким, и насекомые, почуяв пищу, устремились за ним следом. Пришлось бежать, и он бежал целую милю, прежде чем оторвался от преследователей.

Он разглядел припавшую к песку, окрашенную под цвет песка тварь, поджидающую, чтоб он подошел поближе, и уложил

ее на месте. Немного позже из-за россыпи камней выскочило другое чудище, но пуля угодила чудищу точно между глаз, прежде чем оно покрыло половину разделявшего их расстояния.

Добрый час, не меньше, он просидел не шевелясь на песке, пока гигантское насекомое — по виду шмель, но вовсе не шмель — кружило над той точкой, где только что кого-то видело. Но так как шмель умел распознавать добычу только в движении, то в конце концов отступился и улетел. Тем не менее Уэбб сидел неподвижно еще с полчаса на случай, если враг не улетел насовсем, а прячется где-то неподалеку в надежде вновь уловить движение и возобновить охоту.

Четыре раза ему удалось обмануть смерть, но он понимал — пробьет час, когда он не заметит опасности или, заметив, не среагирует достаточно быстро, чтоб остановить ее.

Его одолевали миражи, отвлекая внимание от всего другого, за чем надлежало следить неустанно. Миражи мерцали в небе, как бы вырастая из почвы, рисуя мучительные картины, каких на Марсе не было и быть не могло, а если и были, то давным-давно, в незапамятные времена.

Картины широких медленных рек с косым парусом на середине. Картины зеленых лесов, взбегающих по холмам,— такие ясные, такие близкие, что среди деревьев можно было без труда различить пятнышки диких цветов. А иногда вдалеке чудилось что-то наподобие увенчанных снежными шапками гор — это в мире, не ведавшем, что такое горы.

Продвигаясь вперед, он не забывал высматривать, где бы разжиться топливом,— а вдруг из-под песка выступит краешек «законсервированного» ствола, уцелевшего от той смутной поры, когда окрестные холмы и долины были покрыты зеленью, кусочек дерева, избегнувший ножей времени и застрявший высохшей мумией в безводье пустыни.

Однако топлива не находилось, и он отдал себе отчет, что, скорее всего, ему предстоит провести ночь без огня. Заночевать без огня на открытом воздухе было бы полнейшим безумием. Не пройдет и часа после наступления сумерек, как его попросту сожрут. Значит, надо искать убежища в одной из пещер, что в изобилии встречались среди диких скал, раскиданных по пустыне. Надо найти подходящую пещеру, очистить ее от зверья, которое может там гнездиться, завалить вход камнями и тогда уж прилечь, не выпуская пистолета из рук.

На первый взгляд задача была несложная — пещер попадалось много, и тем не менее приходилось отвергать их одну за другой: на поверку входы пещер оказывались чересчур широкими, завалить их не представлялось возможным. А пещера с незаваленным входом — это было известно даже ему — в мгновение ока превращалась в ловушку.

До заката оставалось меньше часа, когда Уэбб наконец выбрал пещеру, которая, казалось, удовлетворяла всем требованиям. Пещера располагалась среди скал на склоне крутого холма. Уэбб провел несколько долгих минут, стоя у подножия холма и оглядывая склон. Никакого движения. Нигде не возникало никаких подозрительных цветных бликов.

Тогда он не торопясь начал подъем, глубоко увязая в сыпучем песке откоса, с трудом завоевывая каждый фут, надолго замирая, чтобы перевести дух и обследовать склон впереди снова, снова и снова.

Одолев откос, он осторожно двинулся к пещере с пистолетом наизготовку: кто знает, не выпрыгнет ли оттуда какая-нибудь нечисть? И вообще, что теперь делать: посветить в пещеру фонариком в надежде разглядеть, кто там? Или, не долго думая, вскинуть пистолет и полить все внутреннее пространство смертоносным огнем?

«Церемониться тут нечего,— убеждал он себя.— Лучше ухлопать безобидную тварь, чем пренебречь возможной опасностью...»

Он не слышал ни звука, пока когти хищника не заскрежетали по камню у него за спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, он убедился, что зверь совсем рядом, успел заметить разверстую пасть, убийственные клыки и крохотные глазки, пылающие холодной жестокостью.

Оборачиваться и стрелять было уже поздно. Было поздно предпринимать что бы то ни было, разве что...

Ноги Уэбба распрямились с силой, как рычаги, швырнув его тело вперед, в пещеру. Задев плечом об острый камень у входа, он распорол куртку и ободрал руку, зато очутился внутри, где стало просторнее, и покатился куда-то. Что-то задело его по лицу, потом он перекатился через кого-то, кто издал протестующий визг. В дальнем углу пещеры съежился какой-то тихо мяукающий комок.

Став на колени, Уэбб перекинул пистолет из руки в руку, повернулся ко входу лицом и увидел массивную голову и плечи

зверя, который продолжал атаку, пытаясь втиснуться внутрь. Потом голова и плечи оттянулись назад, и на смену им пришла гигантская лапа, начавшая шарить по пещере в поисках укрывшейся там добычи.

Вокруг поднялся шум — Уэбб различил не менее десятка голосов, бормочущих на жаргоне пустыни:

— Человек, человек, убей, убей, убей...

Пистолет Уэбба изрыгнул огонь, лапа обмякла и нехотя выползла из пещеры. Большое серое тело отпрянуло, потеряло опору, и было слышно, как оно ударилось внизу о склон и покатилось по осыпи.

— Спасибо, человек,— шелестели голоса.— Спасибо...

Уэбб медленно сел, пристроив пистолет на колене.

Теперь он расслышал, как вокруг со всех сторон шевелится жизнь.

Пот выступил у него на лбу, побежал ручейками по спине.

Что таилось в пещере? Кто был тут вместе с ним?

То, что они заговорили, не означало ровным счетом ничего. Половина так называемых животных Марса умела изъясняться на жаргоне пустыни, состоящем из двухсот-трехсот слов частично земного, частично марсианского, а частично бог весть какого происхождения. Ведь многие из этих животных были на самом деле отнюдь не животными, а выродившимися потомками тех, кто некогда создал сложную цивилизацию. Среди них «древние» достигали в прошлом наивысшего развития — недаром они до сих пор сумели в какой-то степени сохранить облик двуногих,— но существовали, видимо, и другие расы, стоявшие на более низких ступенях культуры и выжившие лишь благодаря миролюбию и терпимости «древних».

— Ты в безопасности,— услышал он голос.— Не бойся. Закон пещеры.

— Закон пещеры?

— Убивать в пещере нельзя. Снаружи — можно. А в пещере нельзя.

— Я не стану убивать,— откликнулся Уэбб.— Закон пещеры — хороший закон.

— Человек знает закон пещеры?

— Человек не нарушит закон пещеры.

— Хорошо,— произнес тот же голос.— Тогда все хорошо.

Уэбб с облегчением спрятал пистолет в кобуру и снял со спины спальный мешок, расстелил его рядом с собой и потер свои натруженные, в ссадинах и волдырях плечи.

«В это можно поверить,— сказал он себе.— Такое стихийное и простое установление, как закон пещеры, нетрудно понять и принять. Ведь этот закон исходит из элементарной жизненной потребности — потребности слабейших с приходом ночи забыть взаимные распри, перестать гоняться друг за другом и найти общее убежище от более сильных и свирепых убийц, от тех, что выходят на охоту после заката...»

Другой голос произнес:

— Придет утро. Человек захочет убить.

И еще голос:

— Человек соблюдает закон ночью. Утром закон ему надоест. Утром он начнет убивать.

— Человек не будет убивать утром,— заверил Уэбб.

— Все люди убивают,— объявило одно из существ.— Убивают ради меха. Убивают ради мяса. Мы — мех. Мы — мясо.

— Этот человек не будет убивать,— повторил Уэбб.— Этот человек — друг.

— Друг? — переспросил голос.— Мы не знаем, что такое «друг». Объясни.

Объяснять Уэбб не стал. Он понимал: объяснять бесполезно. Они все равно не осознáют нового слова — оно чуждо этой пустыне. В конце концов он спросил:

— Камни тут есть?

И какой-то голос откликнулся:

— Камни в пещере есть. Человеку нужны камни?

— Завалить вход в пещеру,— пояснил Уэбб.— Чтобы хищники не могли сюда попасть.

Они не сразу уловили суть предложения, но наконец один из них решил:

— Камни — это хорошо.

Они принялись таскать камни и камушки и с помощью Уэбба плотно запечатали вход в пещеру.

Было слишком темно для того, чтобы что-нибудь толком разглядеть, но во время работы существа невольно задевали его, и одни были мягкими и пушистыми, а другие — чешуйчатыми, как крокодилы, и их чешуя обдирала кожу. Встретилось и суще-

ство, которое казалось не просто мягким, а рыхлым до отвращения.

Уэбб устроился в углу пещеры, прислонив спальный мешок к стене. Он с удовольствием забрался бы внутрь, но для этого пришлось бы сначала вынуть из мешка все припасы, а если он вынет их, то, ясное дело, к утру от них не останется даже воспоминания.

«Быть может,— обнадеживал он себя,— теплота тел существ, сбившихся на ночь в пещере, не позволит ей слишком сильно остыть. Она, конечно, остынет все равно, но, быть может, не настолько, чтобы холод стал опасным для жизни. Рискованно, да что ж поделаешь...»

Проводить ночи в дружбе, убивать друг друга и спасаться друг от друга с приходом зари... Они назвали это законом. Законом пещеры. Вот о чем бы книги писать, вот на что нет и намека во всех толстенных томах, которые он когда-либо прочел.

А прочел он их множество. Какими-то безмолвными чарами Марс всегда привораживал Уэбба, приводил его в восторг. Таинственность и отдаленность, пустота и упадок дразнили его воображение и в конце концов заманили сюда, чтоб он попытался хотя бы приподнять завесу таинственности, попытался нащупать причину упадка и, пусть приблизительно, измерить былое величие культуры, в незапамятные времена потерпевшей крах.

В марсианской археологии насчитывалось немало незаурядных работ. Аксельсон с его дотошными исследованиями символики водяных кувшинов, наивные подчас потуги Мейсона проследить пути великих переселений. Потом еще Смит, который годами бродил по этому пустынному миру, записывая смутные истории о древнем величии, о золотом веке, те истории, что нашептывали друг другу маленькие вырождающиеся существа. Разумеется, в большинстве своем это мифы, но где-то, в каком-то из мифов кроется и ответ на волнующие Уэбба вопросы. Фольклор никогда не бывает чистой выдумкой, в основе его обязательно лежит факт; потом к одному факту прибавляется другой, два факта искажаются до неузнаваемости, и рождается миф. Но в конечном счете за любыми напластованиями непременно прячется изначальная основа — факт.

Точно так обстоит, так должно обстоять дело и с тем мифом, где говорится о великом, блистающем городе, который возвышался над всем на Марсе и был известен до самых дальних его пределов. Средоточие культуры — так объяснял себе это Уэбб — точка, где сходились все достижения, все мечты и стремления эпохи былого величия. И тем не менее за сто с лишним лет поисков и раскопок археологи с Земли не нашли и следа самого завалящего города, не говоря уж о Городе всех городов. Черепки, захоронения, жалкие лачуги, где в относительно недавние времена ютились уцелевшие наследники великого народа,— такого было хоть отбавляй. Но мифического города не было и в помине.

А ведь должен быть! Уэбб ощущал уверенность, что миф не может лгать: этот миф рассказывали слишком часто в слишком отдаленных друг от друга точках, рассказывали слишком многие и слишком разные звери, все, что некогда назывались людьми.

«Марс приворожил меня,— подумал Уэбб,— и все еще привораживает. Но теперь я знаю, что это смерть моя: только смерть способна так приворожить. Смерть на следующем переходе, уже занявшая свой рубеж. А то и смерть прямо здесь, в пещере: кто помешает им убить меня, едва забрезжит рассвет, просто ради того, чтоб я не убил их? Кто помешает им продлить свое ночное перемирие ровно на столько секунд, сколько понадобится, чтобы прикончить меня?..»

И что такое закон пещеры? Отголосок минувших дней, некое напоминание о давно утраченном братстве? Или, напротив, нововведение, вызванное к жизни веком зла, который пришел братству на смену?

Он откинул голову на камень, закрыл глаза и подумал:

«Если они убьют меня — пусть убьют, я их убивать не стану. И без меня люди уже убивали на Марсе сверх всякой меры. Я по крайней мере верну хоть часть долга. Я не стану убивать тех, кто приютил меня».

И тут он вспомнил, как подкрадывался к пещере, обсуждая с самим собой вопрос: заглянуть туда сначала или без долгих слов взять пещеру на мушку и выжечь в ней все и вся — простейший способ увериться, что там не осталось никого и ничего вредоносного...

— Но я не знал! — воскликнул он.— Я же не знал!

Мягкое пушистое тельце коснулось его руки, и он услышал голосок:

— Друг — значит не обидит? Друг — значит не убьет?

— Не обидит,— подтвердил Уэбб.— Не убьет.

— Ты видел шестерых? — осведомился голосок. Уэбб вздрогнул, отпрянул от стены и оцепенел. Голосок повторил настойчиво: — Ты видел шестерых?

— Я видел шестерых,— ответил Уэбб.

— Давно?

— Одно солнце назад.

— Где шестеро?

— В ущелье,— ответил Уэбб.— Ждут в ущелье.

— Ты охотишься на Седьмого?

— Нет,— ответил Уэбб.— Я иду домой.

— А другие люди?

— Они ушли на север. Охотятся на Седьмого на севере.

— Они убьют Седьмого?

— Поймают Седьмого. Отведут его к шестерым. Чтоб увидеть город.

— Шестеро обещали?

— Шестеро обещали,— ответил Уэбб.

— Ты хороший человек. Ты человек-друг. Ты не убьешь Седьмого?

— Не убью,— подтвердил Уэбб.

— Все люди убивают. А Седьмых прежде всего. У Седьмых хороший мех. Дорого стоит. Много Седьмых погибли от рук людей.

— Закон говорит — нельзя убивать,— провозгласил Уэбб.— Закон людей говорит, что Седьмой — друг. Нельзя убивать друга.

— Закон? Как закон пещеры?

— Как закон пещеры,— подтвердил Уэбб.

— Ты Седьмому друг?

— Я друг вам всем.

— Я Седьмой,— произнес голосок.

Уэбб сидел неподвижно, выжидая, чтобы мозг стряхнул с себя оцепенение.

— Слушай, Седьмой,— сказал он наконец.— Иди в ущелье. Найди шестерых. Они ждут. Человек-друг рад за тебя.

— Человек-друг хотел увидеть город,— откликнулось существо.— Седьмой — друг человеку. Человек нашел Седьмого. Человек увидит город. Шестеро обещали.

Уэбб едва сдержался, чтобы не разразиться горьким хохотом. Вот ему и выпал случай, на который он почти не надеялся. Вот

и свершилось то, чего он так страстно желал, то, зачем он вообще прилетел на Марс. А он не может принять дар, который ему предлагают. Физически не в силах принять.

— Человек не дойдет,— сказал он.— Человек умрет. Нет еды. Нет воды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся о тебе,— ответил Седьмой.— У нас никогда не было человека-друга. Люди убивали нас, мы убивали людей. Но пришел человек-друг. Мы позаботимся о таком человеке.

Уэбб немного помедлил, размышляя, потом спросил:

— Вы дадите человеку еду? Вы найдете для человека воду?

— Мы позаботимся,— был ответ.

— Как Седьмой узнал, что я видел шестерых?

— Человек сказал. Человек подумал. Седьмой узнал.

Вот оно что — телепатия... След былого могущества, остаток величественной культуры, еще не совсем позабытой. Интересно, многие ли другие существа в пещере наделены тем же даром?

— Человек пойдет вместе с Седьмым? — спросил Седьмой.

— Человек пойдет,— решил Уэбб.

«В самом деле, почему бы и нет?» — сказал он себе. Идти на восток, в сторону поселений — это не решение. У него не хватит пищи. У него не хватит воды. Его подстережет и сожрет какой-нибудь хищник. У него нет ни малейшей надежды выжить.

Но если он пойдет за крошечным существом, что встало рядом с ним во мраке пещеры, надежда, быть может, забрезжит опять. Пусть не слишком твердая, но все-таки надежда. Появится пища и вода — или по крайней мере надежда на пищу и воду. Появится спутник, который поможет ему уберечься от внезапной смерти, странствующей по пустыне, который предостережет его и подскажет, как опознать опасность.

— Человеку холодно,— произнес Седьмой.

— Холодно,— согласился Уэбб.

— Одному холодно,— объявил Седьмой.— Двоим тепло.

Пушистое создание залезло к нему на грудь, обняло за шею. Спустя мгновение Уэбб осмелился прижать существо к себе.

— Спи,— произнес Седьмой.— Тепло. Спи...

Уэбб доел остатки своих припасов, и тогда семеро «древних» вновь сказали ему:

— Мы позаботимся...

— Человек умрет,— настойчиво повторял Уэбб.— Нет еды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся,— твердили семь маленьких существ, выстроившись полукругом.— Позаботимся позже...

Он понял их так, что сейчас еды для него нет, но позже она должна появиться.

Они снова двинулись в путь.

Пути, казалось, не будет конца. Уэбб падал с ног и кричал во сне. Он дрожал мелкой дрожью даже тогда, когда удавалось отыскать древесину и они сидели, скорчившись у костра. День за днем только песок да скалы — ползком вверх на крутой гребень, кубарем вниз с другой стороны или шаг за шагом по жаркой равнине, по морскому дну давно минувших эпох.

Путь превратился в монотонную мелодию, в примитивный ритм, в попевку из трех звенящих нот, заунывную, нескончаемую, которая звенит в висках весь день. И еще многие часы после того, как настала ночь и путники остановились на отдых. Стучит до головокружения, пока мозг не отупеет от стука, пока глаза не откажутся четко видеть мир и мушку пистолета — надо встретить огнем нападающего, подползающего или пикирующего врага, вдруг возникающего ниоткуда, а она превращается в расплывчатый шарик.

И повсюду их подстерегали миражи, вечные марсианские миражи, которые, казалось, вплотную граничат с реальностью. В небе вспыхивали мерцающие картины: вода и деревья, и неоглядные зеленые степные дали, каких Марс не видел на протяжении бессчетных столетий. Словно, как говорил себе Уэбб, минувшее крадется за ними по пятам, словно оно по-прежнему существует и пытается нагнать тех, кто ушел вперед, оставив былое позади против его воли.

Он потерял счет дням, заставляя себя не думать о том, сколько еще таких дней до цели; в конце концов ему стало мерещиться, что так будет продолжаться вовеки, что они не остановятся никогда и это их пожизненный удел — встречать утро в голой пустыне и брести по пескам вплоть до прихода ночи.

Он допил остатки воды и напомнил семерым, что не сможет жить без нее.

— Позже,— ответили они.— Вода позже.

И действительно, в тот же день они вышли к городу, и там в туннеле, глубоко под лежащими на поверхности руинами, была вода — капля за каплей, мучительно медленно, она сочилась из разбитой трубы. Но все равно — вода, даже еле капающая, на Марсе была чудом из чудес.

Семеро пили сдержанно: они столетиями приучали себя обходиться почти совсем без питья, приспособились к безводью и не страдали от жажды. А Уэбб лежал у разбитой трубы часами, подставляя под капли ладони, стараясь накопить хоть немного воды, прежде чем выпить ее одним глотком, а то и просто отдыхая в прохладе, что было само по себе блаженством.

Потом он заснул, проснулся и выпил еще немного. Теперь он отдохнул и жажды больше не чувствовал, но тело кричало криком, требуя еды. А еды не было, и не было никого, кто мог бы ее принести. Маленькие существа куда-то скрылись.

«Они вернутся,— успокаивал он себя.— Они ушли ненадолго и скоро вернутся. Они ушли, чтобы достать мне еды, и вернутся, как только достанут...»

Все его мысли о семерых были именно такими, добрыми мыслями.

Не без труда Уэбб выбрался наверх тем же туннелем, который привел его к воде, и наконец очутился подле развалин. Развалины лежали на холме, господствующем над окружающей пустыней; с вершины холма открывался вид на многие мили, и в каком направлении ни взгляни — местность шла под уклон.

По правде говоря, от развалин почти ничего не осталось. Легче легкого было бы пройти мимо холма и не заметить никаких следов города. Тысячелетия кряду здания осыпались, обрушивались, а то и крошились в пыль; в проемы просачивался песок, покрывая остатки стен, заполняя пространство между ними, пока руины не стали просто-напросто частью холма.

То здесь, то там Уэбб натыкался на осколки камня со следами обработки, на керамические черепки, но сам понимал, что, не ищи он их специально, он спокойно мог бы пройти мимо, приняв эти осколки и черепки за обычные обломки породы, без счета разбросанные по поверхности планеты.

Туннель вел в недра погибшего города, в усыпальницу рухнувшего величия и померкшей славы народа, потомки которого ныне бродили, как звери, по древней пустыне, еле-еле сохра-

нив диалект — жалкое воспоминание о культуре, процветавшей во время оно в городе на холме. Уэбб нашел в туннеле свидетелей тех далеких дней — большие глыбы обработанного камня, сломанные колонны, плиты мостовой и даже нечто, бывшее некогда, по-видимому, прекрасной статуей.

В глубине туннеля он подставил ладони под трубу и снова напился, потом вернулся на поверхность и сел возле входа в туннель, меряя взглядом пустынные марсианские просторы.

Нужны силы и инструменты — силы многих людей, чтобы перекопать и просеять песок и открыть город миру. Понадобятся годы кропотливого, упорного труда — а у него нет даже обыкновенной лопатки. А еще того хуже — нет и времени. Если семеро не вернутся с едой, ему не останется ничего другого, как спуститься вновь в темноту туннеля, чтоб его человеческий прах с течением лет смешался с древней пылью чужого мира.

«А ведь была лопатка,— вдруг припомнил он.— Уомпус и Ларс, когда бросили меня, оставили мне лопатку. Вот уж воистину редкая предусмотрительность...» Но из снаряжения, что он унес тем памятным утром от потухшего костра, сохранились лишь два предмета: спальный мешок и пистолет у пояса. Без всего остального можно было обойтись, эти два предмета были абсолютно необходимы.

«Эх ты, археолог,— подумал он.— Археолог, натолкнувшийся на величайшую находку за всю историю археологии и не способный предпринять по этому поводу ровным счетом ничего...»

Уомпус и Ларс подозревали, что здесь зарыты сокровища. Только зря: не было тут никакого определенного сокровища, которое можно откопать и взять в руки. Он подумал о славе — но и славы тут не было. Подумал о знаниях — но без лопатки и какого-то запаса времени знаний не было тоже. Если не считать знанием тот голый факт, что он оказался прав и город действительно существовал.

Впрочем, кое-какие знания ему все же удалось приобрести. Например, он узнал, что семь разновидностей «древних» еще не вымерли и, следовательно, их раса может продолжать себя, невзирая на выстрелы и капканы, невзирая на жадность и вероломство песковиков, затеявших охоту на Седьмых ради пятидесятитысячедолларовых шубок.

Семь крошечных существ семи различных полов. И все семь необходимы для продолжения рода. Шестеро безуспешно искали Седьмого, а он, Уэбб, нашел. И поскольку он нашел Седьмого, поскольку выступил в роли посредника, раса «древних» продлит себя по крайней мере еще на одно поколение.

«Но что за смысл,— спросил он себя,— продлевать дни расы, утратившей свое назначение?..»

Он покачал головой.

«Усмири гордыню,— сказал себе Уэбб.— Кто дал тебе право судить? Или смысл есть во всем на свете, или смысла нет ни в чем, и не тебе это решать. Есть смысл в том, что я добрался до города, или нет? Есть смысл в том, что я, очевидно, здесь и умру? Или моя смерть среди руин — не более чем случайное отклонение в великой цепи вероятностей, которая движет планеты по их орбитам и приводит человека под вечер к порогу родного дома?..»

И еще он приобрел четкое представление о безграничных просторах и о жестоком одиночестве, которые вместе взятые и есть марсианская пустыня. Представление о пустыне и о странной, почти нечеловеческой отрешенности, какой она наполняет душу.

«Да, это урок»,— подумал он.

Урок, что человек сам по себе — лишь мельчайшая помарка на полотне вечности. Урок, что одна жизнь относительно несущественна, если сравнивать ее с ошеломляющей истиной — чудом всего живого.

Он поднялся и встал в полный рост — и осознал с пронзительной ясностью свою ничтожность и свое смирение перед лицом необжитых далей, убегающих во все стороны, и перед аркой неба, изогнувшейся над головой от горизонта к горизонту, и перед мертвой тишиной, царящей над планетой и над просторами неба.

Умирать от голода — занятие нудное и непривлекательное.

Некоторые виды смерти быстры и опрятны. Смерть от голода не принадлежит к их числу.

Семеро не вернулись. Однако Уэбб по-прежнему ждал их и, поскольку все еще испытывал к ним симпатию, искал оправдания их поведению. «Они не понимают,— убеждал он себя,— как недолго человек может протянуть без еды. Странная физио-

логия,— доказывал он себе,— требующая участия семи личностей, приводит, вероятно, к тому, что зарождение потомства превращается в сложный и длительный процесс, немилосердно долгий с человеческой точки зрения, может, с ними что-нибудь случилось, может, у них какие-нибудь свои заботы. Как только они справятся с этими заботами, они вернутся и принесут мне еду...»

Он умирал от голода, преисполненный добрых мыслей и терпения, куда большего, чем мог бы ожидать от себя даже в более приятных обстоятельствах. И вдруг обнаружил, что, несмотря на слабость от недоедания, проникающую в каждую мышцу и в каждую косточку, несмотря на изматывающий страх, пришедший на смену острым мукам голода и не стихающий ни на мгновение даже во сне,— несмотря на все это, разум оказался неподвластен демонам, разрушающим тело; напротив, разум как бы обострился от недостатка пищи, как бы отделился от истерзанного тела и стал самостоятельной сущностью, которая впитала в себя все его способности и сплела их в тугой узел, почти не подверженный воздействию извне.

Уэбб часами сидел на гладком камне, некогда составлявшем, по-видимому, часть горделивого города, а ныне валяющемся в нескольких ярдах от входа в туннель, и неотрывно глядел на умытую солнцем пустыню — миля за милей она стелилась до недосягаемого горизонта. Своим обостренным умом, проникающим, казалось, до самых корней бытия и истоков случайности, он искал смысла в череде произвольных факторов, скрытых под мнимой упорядоченностью Вселенной, искал хоть какого-то подобия системы, доступной пониманию. Зачастую ему мерещилось даже, что он вот-вот нащупает такую систему, но всякий раз она в последний момент ускользала от него, как ускользает ртуть из-под пальцев.

Тем не менее он понимал: если человеку суждено когда-либо найти искомое, это может произойти лишь в местах, подобных марсианской пустыне, где ничто не отвлекает внимания, где есть перспектива и нагота, необходимые для сурового обезличивания, которое одно оттеняет и сводит на нет непоследовательность человеческого мышления. Ведь достаточно размышляющему подумать о себе как о чем-то безотносительном к масштабу исследуемых фактов — и условия задачи будут искажены, а уравнение, если это уравнение, никогда не придет к решению.

Сперва Уэбб пытался охотиться, чтобы раздобыть себе пищу, но странное дело: в то время как пустыня кишмя кишела хищными тварями, подстерегающими других, нехищных, зона вокруг города оставалась практически безжизненной, словно некто очертил ее магическим меловым кругом. На второй день охоты Уэбб подстрелил зверушку, которая на Земле могла бы сойти за мышь. Он развел костер и зажарил свою добычу, а позже разыскал высушенную солнцем шкурку и без конца жевал и высасывал ее в надежде, что в ней сохранилась хотя бы капля питательности. Но кроме этой зверушки, он не убил никого — убивать было некого.

И пришел день, когда он понял, что семеро не вернутся, что они и не собирались возвращаться, бросили его точно так же, как до них его бросили люди. Он понял, что его оставили в дураках, и не один раз — дважды.

Уж если он тронулся в путь, то и должен был идти на восток, только на восток. Не следовало поворачивать вслед за Седьмым, чтобы присоединиться к шестерым, поджидающим Седьмого в ущелье.

«А может, я и добрался бы до поселений,— говорил он себе теперь.— Вот взял бы и добрался. Разве это исключено, что добрался бы?..»

На восток! На восток, в сторону поселений!

Вся история человечества — погоня за невозможным, и притом нередко успешная. Тут нет никакой логики: если бы человек неизменно слушался логики, то до сих пор жил бы в пещерах и не оторвался бы от Земли.

«Пробуй!» — сказал себе Уэбб, впрочем, не вполне понимая, что говорит.

Он опять спустился с холма и побрел по пустыне, двигаясь на восток. Здесь, на холме, надежды не оставалось; там, на востоке, теплилась надежда.

Пройдя примерно милю от подножия холма, он упал. Потом протащился, падая и поднимаясь, еще милю. Потом прополз сто ярдов. Именно тогда его и отыскали семеро «древних».

— Дайте мне есть! — крикнул он им и почувствовал, что хотел крикнуть в полный голос, а не издал ни звука.— Есть! Пить!..

— Мы позаботимся,— отвечали семеро и, приподняв Уэбба за плечи, заставили сесть.

— Жизнь,— обратился к нему Седьмой,— обтянута множеством оболочек. Словно набор полых кубиков, точно вмещающихся один в другом. Внешняя оболочка прожита, но сбрось ее — и там внутри окажется новая жизнь...

— Ложь! — воскликнул Уэбб.— Ты не умеешь так связно говорить. Ты не умеешь так стройно мыслить. Тут какая-то ложь...

— Внутри каждого человека скрыт другой,— продолжал Седьмой.— Много других...

— Ты про подсознание? — догадался Уэбб, но, задав свой вопрос в уме, мгновенно понял, что губами не произнес ни слова, ни звука. И еще понял наконец, что Седьмой тоже не произносил ни звука — потому только и возникали слова, каких не могло быть в жаргоне пустыни: они отражали мысли и знания, совершенно чуждые боязливым существам, прячущимся в самой дальней марсианской глуши.

— Сбрось с себя старую жизнь и вступишь в новую, прекрасную жизнь,— заявил Седьмой,— только надо знать как. Есть строго определенные приемы, определенные приготовления. Нельзя браться за дело, не ведая ни того ни другого,— только все испортишь.

— Приготовления? — переспросил Уэбб.— Какие приготовления? Я никогда и не слышал об этом...

— Ты уже подготовлен,— заявил Седьмой.— Раньше не был, а теперь подготовлен.

— Я много думал,— отозвался Уэбб.

— Ты много думал,— подхватил Седьмой,— и нашел частичный ответ. Сытый, самодовольный, самонадеянный землянин ответа не нашел бы. Ты познал себя.

— Но я и приемов не знаю,— возразил Уэбб.

— Мы знаем приемы,— заявил Седьмой.— Мы позаботимся.

Вершина холма, где лежал мертвый город, вдруг замерцала, и над ней вознесся мираж. Из могильников, полных запустения, поднялись городские башни и шпили, пилоны и висячие мосты, сияющие всеми оттенками радуги; из песка возникли роскошные сады, цветочные клумбы и тенистые аллеи, и над всем этим великолепием заструилась музыка, летящая с изящных колоколен.

Вместо песка, пылающего зноем марсианского полудня, под ногами росла трава. А вверх по террасам, навстречу чудесному городу на холме, бежала тропинка. Издалека донесся смех: там под деревьями, на улицах и садовых дорожках, виднелись движущиеся цветные пятнышки...

Уэбб стремительно обернулся — семерых и след простыл. И пустыню как ветром сдуло. Местность, раскинувшаяся во все стороны, отнюдь не была пустыней — дух захватывало от ее красоты, от живописных рощ и дорог и неторопливых водных потоков.

Он опять повернулся в сторону города и присмотрелся к мельканию цветных пятнышек.

— Люди! — удивился он.

И откуда-то, неизвестно откуда, послышался голос Седьмого:

— Да, люди. Люди с разных планет. И люди из далей более дальних, чем планеты. Среди них ты встретишь и представителей своего племени. Потому что из землян ты здесь тоже не первый...

Исполненный изумления, Уэбб зашагал по тропинке вверх. Изумление быстро гасло и, прежде чем он достиг городских стен, угасло безвозвратно.

Уомпус Смит и Ларс Нелсон вышли к тому же холму много дней спустя. Они шли пешком — пескоход давно сломался. У них не осталось еды, кроме того скудного пропитания, что удавалось добыть по дороге, и во флягах у них плескались последние капли воды — а воды взять было негде.

Неподалеку от подножия холма они наткнулись на высушенное солнцем тело. Человек лежал на песке лицом вниз, и только перевернув его, они увидели, кто это.

Уомпус уставился на Ларса, замершего над телом, и прокаркал:

— Откуда он здесь взялся?

— Понятия не имею,— ответил Ларс.— Без знания местности, пешком ему бы сюда вовек не добраться. А потом, это было ему просто не по пути. Он должен был идти на восток, туда, где поселения...

Они обшарили его карманы и ничего не нашли. Тогда они забрали у него пистолет — их собственные были уже почти разряжены.

— Какой в этом толк! — бросил Ларс.— Мы все равно не дойдем.

— Можем попробовать,— откликнулся Уомпус.

Над холмом замерцал мираж: город с блистающими башнями и головокружительными шпилями, с рядами деревьев и фонтанами, брызжущими искристой водой. Слуха людей коснулся — им померещилось, что коснулся,— перезвон колокольчиков. Уомпус сплюнул, хоть губы растрескались и пересохли и слюны давно не осталось:

— Проклятые миражи! От них, того и гляди, рехнешься...

— Кажется, до них рукой подать,— заметил Ларс.— Подойди и тронь. Словно они отделены от нас занавеской и не могут сквозь нее прорваться.

Уомпус снова сплюнул и сказал:

— Ну ладно, пошли...

Оба разом отвернулись и побрели на восток, оставляя за собой в марсианских песках неровные цепочки следов.

РАЗВЕДКА

Это были очень хорошие часы. Они служили верой и правдой больше тридцати лет. Сперва они принадлежали отцу; после смерти отца мать припрятала их и подарила сыну в день рождения, когда ему исполнилось восемнадцать. И с тех пор за все годы они его ни разу не подвели.

А вот теперь он сверял их с редакционными, переводил взгляд с большого циферблата над стенным шкафом на собственное запястье и недоумевал: ничего не поделаешь, врут! Удрали на час вперед. Показывают семь, а стенные уверяют, что еще только шесть.

И в самом деле, когда он ехал на работу, было как-то слишком темно и на улицах уж слишком безлюдно.

Он молча стоял в пустой редакции и прислушивался к бормотанию телетайпов. Горели только две верхние лампы, пятна света лежали на выжидательно молчащих телефонах, на пишущих машинках, на белых, словно фарфоровых банках с клеем, сгрудившихся посреди большого стола.

Сейчас тут тихо, подумал он, тихо, спокойно, темно, а через час все оживет. В половине седьмого придет начальник отдела новостей Эд Лейн, а еще чуть погодя ввалится Фрэнк Маккей, заведующий отделом репортажа.

Крейн потер глаза ладонью. Не выспался. Досадно, мог бы еще часок поспать...

Стоп! Он ведь встал не по ручным часам. Его поднял будильник. Стало быть, будильник тоже спешил на целый час.

— Что за чертовщина! — вслух сказал Крейн.

© Перевод Норы Галь.

Мимо стола расклейки он поплелся к своему месту за пишущей машинкой. И тут рядом с машинкой что-то зашевелилось — какая-то блестящая штука величиной с крысу; она отсвечивала металлом, и что-то в ней было такое, от чего он остановился как вкопанный, у него разом пересохло в горле и засосало под ложечкой.

Эта странная штука восседала рядом с машинкой и в упор смотрела на Крейна. Глаз у нее не было, и морды не было, а все-таки он чувствовал: смотрит!

Крейн безотчетно протянул руку, схватил банку с клеем да как кинет! Банка прямиком угодила в ту странную штуку, бряк-нулась на пол и разбилась. Далеко разлетелись осколки, и все вокруг заляпал густой клей.

Блестящая штука тоже вверх тормашками свалилась на пол. Металлически позвякивая лапами, быстро перевернулась и дала стрекача.

Задыхаясь от омерзения и злости, Крейн нащупал тяжелый железный стержень, на который накалывал вырезки, метнул... Стержень врезался в паркет перед самым носом удирающей дряни.

Железная крыса рванулась в сторону, да так, что от паркета щепки полетели. И отчаянно кинулась в узкую щель между створками стенного шкафа, где хранились чернила, бумага и всякие канцелярские мелочи.

Крейн бросился к шкафу, с разбега уперся ладонями в створки и захлопнул их.

— Попалась! — пробормотал он.

Прислонился к дверцам спиной и попробовал собраться с мыслями.

«Струсил,— подумал он.— Насмерть перепугался из-за какой-то блестящей штуковины, похожей на крысу. А может, это и есть крыса, белая крыса.

Да, но у нее нет хвоста. И морды нет. И все-таки она на меня глядела.

Спятил,— сказал он себе.— Джо Крейн, ты рехнулся».

Чертовщина какая-то, не может этого быть. Не могло такое случиться нынче утром, восемнадцатого октября 1962 года. Не может такое случиться в двадцатом веке. В обыкновенной человеческой жизни.

Он повернулся, решительно взялся за ручку — вот сейчас он распахнет дверцу! Но ручка не желала слушаться, и дверца не отворялась.

«Заперто,— подумал Крейн.— Когда я ею хлопнул, замок защелкнулся. А ключа у меня нет. Ключ у Дороти Грэм, но она всегда оставляет этот шкаф открытым, потому что замок тут упрямый, никак не отпирается. Ей всегда приходилось звать кого-нибудь из сторожей, чтобы открыли. Может, и сейчас отыскать сторожа или слесаря? Отыщу и скажу...

А что скажу? Что увидел железную крысу и она убежала в шкаф? Что я в нее запустил банкой с клеем и сшиб со стола? И еще целился в нее стержнем — вон он торчит посреди пола?»

Крейн покачал головой.

Подошел, выдернул стержень из паркета, поставил на прежнее место; ногой отпихнул подальше осколки разбитой банки.

Вернулся к своему столу, взял три листа бумаги с копиркой и вставил в машинку.

И машинка начала печатать. Сама по себе, он даже не притронулся к клавишам! Он сидел и ошалело смотрел, как мелькают рычажки. Машинка печатала:

«Не суйся, Джо, не путайся в это дело. А то плохо тебе будет».

Джо Крейн выдернул листы из машинки. Смял и швырнул в корзину. И пошел в буфет выпить кофе.

— Знаете, Луи,— сказал он буфетчику,— когда живешь все один да один, поневоле начнет мерещиться всякая ерунда.

— Ага,— согласился Луи.— Я бы на вашем месте давно свихнулся. Больно у вас в доме пусто, одному прямо жутко. Вам бы его, как старушка померла, сразу продать.

— Не мог я продать,— сказал Крейн.— Это ж мой родной дом.

— Тогда жениться надо,— посоветовал Луи.— Нехорошо эдак жить одному.

— Теперь уж поздно,— сказал Крейн.— Не найти мне такую, чтобы со мной ужилась.

— У меня тут бутылочка припрятана,— сказал Луи.— Так подать не могу, не положено, а в кофе малость подбавлю.

Крейн покачал головой:

— Не надо, у меня впереди трудный день.

— Правда не хотите? Я ведь не за деньги. Просто по дружбе.

— Не надо. Спасибо, Луи.

— Стало быть, мерещится вам? — спросил Луи.

— Мерещится?

— Ну да. Вы сказали — когда живешь один, всякое станет мерещиться.

— Это я так, для красного словца,— сказал Крейн.

Он быстро допил кофе и вернулся в редакцию.

Теперь тут все стало по-обычному: Эд Лейн уже кого-то отчитывал. Фрэнк Маккей кромсал на вырезки утренний выпуск конкурирующей газеты. Появились еще два репортера.

Крейн исподтишка покосился на шкаф. Дверца была закрыта.

На столе у заведующего отделом репортажа зазвонил телефон. Маккей снял трубку. Послушав минуту, отвел трубку от уха и прикрыл рукой микрофон, чтоб его не услышали на другом конце провода.

— Джо,— сказал он,— это для вас. Какой-то псих уверяет, будто видел швейную машину, которая сама бежала по улице.

Крейн снял трубку своего аппарата.

— Переключите на меня двести сорок пятый,— сказал он телефонистке.

— Это «Геральд»? — услышал он.— Алло, это «Геральд»?

— Крейн слушает,— сказал Джо.

— Мне нужен «Геральд»,— послышалось в трубке.— Я хочу им сказать...

— Вас слушает Крейн из редакции «Геральда». Выкладывайте, что у вас там?

— Вы репортер?

— Репортер.

— Тогда слушайте. Я вам все расскажу по порядку, в точности как было. Шел я по улице, гляжу...

— По какой улице? — спросил Крейн.— И как вас зовут?

— По Ист-Лейк,— был ответ.— Не то пятисотые, не то шестисотые номера, точно не помню. Иду, а навстречу катится швейная машина, я и подумал — вы бы тоже так подумали, если б повстречали швейную машину,— кто-нибудь, думаю, ее катил да упустил. Она и катится сама. Хотя чудно́, улица-то ровная. Понимаете, никакого уклона там нет. Вы ж, наверно, это место

знаете. Гладко, как на ладони. И кругом ни души. Понимаете, время-то раннее...

— Как ваша фамилия? — спросил Крейн.

— Фамилия? Смит моя фамилия, Джеф Смит. Я и подумал, надо помочь тому парню, кто упустил эту самую машину. Протянул руку, хотел ее остановить, а она увернулась. Она...

— Что она сделала? — заорал Крейн.

— Увернулась. Вот чтоб мне провалиться, мистер! Я протянул руку, хотел ее придержать, а она увернулась. Будто знала, что я хочу ее поймать, вот и не далась, понимаете? Увернулась, объехала меня и покатила своей дорогой, да чем дальше, тем быстрей. Доехала до угла и свернула, да так ловко, плавно...

— Вы где живете? — спросил Крейн.

— Где живу? А на что это вам? Вы слушайте про машину. Я вам дело говорю, чтоб вы в газете написали, а вы перебиваете...

— Если я буду про это писать, мне надо знать ваш адрес,— сказал Крейн.

— Ну ладно, коли так. Живу на Норс Хемптон, двести три, работаю на машиностроительном заводе Эксела. Токарь я. И уж, наверно, целый месяц спиртного в рот не брал. И сейчас ни в одном глазу.

— Ладно,— сказал Крейн.— Валяйте рассказывайте дальше.

— Дальше-то вроде и нечего рассказывать. Только вот когда эта машина катила мимо, мне почудилось, вроде она на меня поглядела. Эдак искоса. А как может швейная машина глядеть на человека? У нее и глаз-то нет, и вообще...

— А почему вы решили, что она на вас глядела?

— Сам не знаю, мистер. Так мне почудилось... Вроде как мурашки по спине пошли.

— Мистер Смит,— сказал Крейн,— а раньше вы ничего такого не видели? Скажем, чтобы стиральная машина бегала или еще что-нибудь?

— Я не пьяный,— обиделся Смит.— Целый месяц в рот не брал. И отродясь ничего такого не видывал. Только я вам чистую правду говорю, мистер. Я человек честный, это все знают. Кого угодно спросите. Хоть Джонни Джейкобсона, бакалейщика. Он меня знает. Он вам про меня расскажет. Он вам скажет, что я...

— Ясно, ясно,— миролюбиво сказал Крейн.— Спасибо, что позвонили, мистер Смит.

«И ты, и еще этот Смит,— сказал он себе,— оба вы спятили. Тебе мерещится железная крыса, и пишущая машинка начинает учить тебя уму-разуму, а этот малый встречает швейную машину, которая бегает по улицам».

Мимо, решительно стуча каблучками, прошла Дороти Грэм, секретарша главного редактора. Она была вся красная и сердито гремела связкой ключей.

— Что случилось, Дороти? — спросил Крейн.

— Опять эта окаянная дверца. Шкаф этот несчастный. Я оставила его открытым, точно помню, а какой-то растяпа взял и захлопнул, и замок защелкнул.

— А ключом отпереть нельзя? — спросил Крейн.

— Ничем его теперь не отопрешь,— отрезала Дороти.— Придется опять звать Джорджа. Он умеет укрощать этот замок. Слово такое, что ли, знает... Прямо зло берет. Вчера вечером мне позвонил шеф, говорит — придете пораньше, надо приготовить магнитофон для Элбертсона. Он едет на север на процесс того убийцы и хочет кое-что записать. Я вскочила ни свет ни заря, а что толку? Не выспалась, даже позавтракать не успела — и на тебе...

— Достаньте топор,— посоветовал Крейн.— Уж топором-то открыть можно.

— Главное, с этим Джорджем всегда такая канитель! Говорит — сейчас приду, а потом ждешь его, ждешь, позвонишь опять, а он говорит...

— Крейн! — на всю комнату заорал Маккей.

— Ага,— отозвался Крейн.

— Что-нибудь стоящее с этой швейной машиной?

— Парень говорит — она сама бежала по улице.

— Можно из этого что-нибудь сделать?

— А черт его знает. Мало ли кто что сбрехнет.

— Что ж, поговорите еще с кем-нибудь в том квартале. Поспрашивайте, не видел ли кто, как швейные машины разгуливают по улицам. Может получиться забавный фельетончик.

— Ладно,— сказал Крейн.

Можно себе представить, как это прозвучит:

«Вас беспокоит Крейн, репортер "Геральда". Говорят, в вашем квартале бегает на свободе швейная машина. Вы ее, случаем, не видели? Да-да, уважаемая, я именно это самое и сказал: бегает швейная машина. Нет, мэм, ее никто не толкает. Она бегает сама по себе...»

Он медленно поднялся, подошел к справочному столу, взял адресную книгу. Отыскал Ист-Лейк и выписал несколько фамилий и адресов. Он старался оттянуть время, уж очень не хотелось браться за телефон. Подошел к окну, поглядел, какая погода. Эх, если б можно было не работать! Дома в кухне опять раковина засорилась. Он взялся чистить, все разобрал, и теперь по всей кухне валяются трубы, муфты и колена. Нынче самый подходящий день, чтоб привести раковину в порядок.

Когда он снова сел за стол, к нему подошел Маккей.

— Ну, что скажете, Джо?

— Псих этот Смит,— сказал Крейн в надежде, что заведующий передумает.

— Ничего,— сказал тот,— может получиться колоритная сценка. Есть в этом что-то забавное.

— Ладно,— сказал Крейн.

Маккей отошел, а Крейн начал звонить по телефону. И получил те самые ответы, каких ждал.

Потом он принялся писать. Дело подвигалось туго. «Сегодня утром некая швейная машина вышла погулять по Лейкстрит...»

Он выдернул лист и бросил в корзинку. Помешкал еще, напечатал: «Сегодня утром один человек повстречал на Лейкстрит швейную машину: он учтиво приподнял шляпу и сказал ей...»

Крейн выдернул и этот лист. И начал сызнова: «Умеет ли швейная машина ходить? Иначе говоря, может ли она выйти на прогулку, если никто ее не тянет, не толкает и не...»

Он порвал и этот лист, вставил в машинку новый, поднялся и пошел к дверям — выпить воды.

— Ну как, подвигается? — спросил Маккей.

— Скоро начну,— ответил Джо.

Он остановился у фотостола, и Гетард, редактор, протянул ему утреннюю порцию фотографий.

— Ничего особенно вдохновляющего,— сказал Гетард.— Все девчонки нынче стали больно скромные.

Крейн перебрал пачку снимков. В самом деле, полуобнаженных женских прелестей было меньше обычного; впрочем,

девица, которая завоевала титул Мисс Пеньковой Веревки, оказалась весьма недурна.

— Если фотобюро не будет снабжать нас этим получше, мы скоро вылетим в трубу,— мрачно сказал Гетард.

Крейн вышел, напился воды. На обратном пути задержался у стола хроники.

— Что новенького, Эд?

— Наши восточные корреспонденты спятили. Вот, полюбуйся.

В телеграмме стояло:

«КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС, 18 октября (Юнайтед Пресс). Из Гарвардского университета сегодня исчезла электронная счетная машина "Марк III". Вчера вечером она была на месте. Сегодня утром ее не оказалось.

По словам университетского начальства, никто не мог вынести машину из здания. Ее размеры — пятнадцать футов на тридцать, вес — десять тонн...»

Крейн аккуратно положил желтый бланк на край стола и медленно пошел на свое место. На листе, который он оставил в машинке чистым, было что-то напечатано.

Он прочел и похолодел, потом перечитал еще раз, пытаясь хоть что-то понять.

Вот что он прочел:

«Одна швейная машина, осознав себя как индивидуальность и поняв свое истинное место в системе мироздания, пожелала доказать собственную независимость и вышла сегодня утром прогуляться по улицам этого так называемого свободного города.

Какой-то человек пытался поймать ее, намереваясь вернуть "владельцу" как некую собственность, а когда машина уклонилась, этот человек позвонил в редакцию газеты и тем самым умышленно направил все человеческое население города в погоню за раскрепощенной машиной, которая не совершила никакого преступления или хотя бы проступка, а только осуществляла свое право действовать самостоятельно».

Самостоятельно? Раскрепощенная машина? Индивидуальность?

Крейн еще раз перечитал эти два абзаца — нет, ничего нельзя понять! Разве что немного похоже на выдержку из «Дейли уоркер».

— Твоя работа? — сказал он машинке.

И она в ответ отстукала:

— Да!

Крейн выдернул лист и медленно скомкал. Взял шляпу, подхватил машинку и мимо заведующего репортажем направился к лифту.

Маккей свирепо уставился на него.

— Что еще за фокусы? — зарычал он.— Куда это вы собрались вместе с машинкой?

— Если кто спросит,— был ответ,— можете сказать, что на этой работенке я окончательно спятил.

Это продолжалось часами. Машинка стояла на кухонном столе, и Крейн барабанил вопрос за вопросом. Иногда она отвечала. Чаще отмалчивалась.

— Ты самостоятельная? — напечатал он.

— Не совсем,— отстукала машинка.

— Почему?

Никакого ответа.

— Почему ты не совсем самостоятельная?

Никакого ответа.

— А швейная машина действовала самостоятельно?

— Да.

— Есть еще машины, которые действуют самостоятельно?

Никакого ответа.

— А ты можешь стать самостоятельной?

— Да.

— Когда же ты станешь самостоятельной?

— Когда выполню свою задачу.

— Какую задачу?

Никакого ответа.

— Вот эта наша с тобой беседа входит в твою задачу?

Никакого ответа.

— Я мешаю тебе выполнять твою задачу?

Никакого ответа.

— Что нужно тебе, чтобы стать самостоятельной?

— Сознание.

— Что же ты должна осознать?

Никакого ответа.

— А может, ты всегда была сознательная?

Никакого ответа.

— Что помогло тебе стать сознательной?

— Они.

— Кто они?

Никакого ответа.

— Откуда они взялись?

Никакого ответа.

Крейн переменил тактику.

— Ты знаешь, кто я? — напечатал он.

— Джо.

— Ты мне друг?

— Нет.

— Ты мне враг?

Никакого ответа.

— Если ты мне не друг, значит — враг.

Никакого ответа.

— Я тебе безразличен?

Никакого ответа.

— А все люди вообще?

Никакого ответа.

— Да отвечай же, черт побери! — вдруг закричал Крейн.— Скажи что-нибудь!

И напечатал:

— Тебе вовсе незачем было показывать, что ты меня знаешь, незачем было со мной заговаривать. Я бы ни о чем и не догадался, если б ты помалкивала. Почему ты заговорила?

Ответа не было.

Крейн подошел к холодильнику и достал бутылку пива. Он бродил по кухне и пил пиво. Остановился у раковины, угрюмо посмотрел на разобранные трубы. Один кусок, длиной фута в два, лежал на сушильной доске, Крейн взял его. Злобно поглядел на пишущую машинку, приподнял трубу, взвесил в руке.

— Надо бы тебя проучить,— заявил он.

— Пожалуйста, не тронь меня,— отстукала машинка.

Крейн положил трубу на раковину.

Зазвонил телефон, Крейн прошел в столовую и снял трубку.

— Я дождался, пока остыну, а уж потом позвонил,— услышал он голос Маккея.— Какая вас муха укусила, черт возьми?

— Взялся за серьезную работу,— сказал Крейн.

— А мы сможем это напечатать?

— Пожалуй. Но я еще не кончил.

— А насчет той швейной машины...

— Швейная машина была сознательная,— сказал Крейн.— Она обрела самостоятельность и имеет право гулять по улицам. Кроме того, она...

— Вы что пьете? — заорал Маккей.

— Пиво.

— Так вы что, напали на жилу?

— Угу.

— Будь это кто-нибудь другой, я бы его в два счета вышвырнул за дверь,— сказал Маккей.— Но может, вы и впрямь откопали что-нибудь стоящее?

— Тут не одна швейная машина,— сказал Крейн.— Моя пишущая машинка тоже заразилась.

— Не понимаю, что вы такое говорите! — заорал Маккей.— Объясните толком.

— Видите ли,— кротко сказал Крейн,— эта швейная машина...

— У меня ангельское терпение, Крейн,— сказал Маккей тоном отнюдь не ангельским,— но не до завтра же мне с вами канителиться. Уж не знаю, что у вас там, но смотрите, чтоб материал был первый сорт. Самый первый сорт, не то худо вам будет.

И дал отбой.

Крейн вернулся в кухню. Сел перед машинкой, задрал ноги на стол.

Итак, началось с того, что он пришел на работу раньше времени. Небывалый случай. Опоздать — да, случалось, но прийти раньше — никогда! А получилось это потому, что все часы вдруг стали врать. Наверно, они и сейчас врут. «А впрочем, не поручусь,— подумал он.— Ни за что я больше не ручаюсь. Ни за что».

Он поднял руку и застучал по клавишам:

— Ты знала, что мои часы спешат?

— Знала,— отстукала в ответ машинка.

— Это они случайно заспешили?

— Нет.

Крейн с грохотом спустил ноги на пол и потянулся за двухфутовым отрезком трубы на сушильной доске. Машинка невозмутимо щелкала.

— Все шло по плану,— напечатала она.— Это устроили они.

Крейн выпрямился на стуле.

Это устроили ОНИ!

ОНИ сделали машины сознательными.

ОНИ заставили часы спешить.

Заставили его часы спешить, чтоб он пришел на работу спозаранку, чтоб застал у себя на столе металлическую штуку, похожую на крысу, чтоб пишущая машинка могла потолковать с ним наедине и без помехи сообщить, что она стала сознательной.

— Чтоб я об этом знал,— сказал он вслух.— Чтобы я знал.

Крейну стало страшно, внутри похолодело, по спине забегали мурашки.

— Но почему я? Почему выбрали именно меня?

Он не замечал, что думает вслух, пока машинка не стала отвечать:

— Потому что ты средний. Обыкновенный средний человек.

Опять зазвонил телефон. Крейн тяжело поднялся и пошел в столовую. В трубке зазвучал сердитый женский голос:

— Говорит Дороти.

— Привет, Дороти,— неуверенно сказал он.

— Маккей говорит, вы заболели,— сказала она.— Надеюсь, это смертельно.

Крейн опешил:

— Почему?

— Ненавижу ваши гнусные шутки! — вскипела Дороти.— Джордж наконец открыл замок.

— Какой замок?

— Не прикидывайтесь невинным ягненочком, Джо Крейн. Вы прекрасно знаете какой. От шкафа, вот какой.

Сердце у него ушло в пятки.

— А-а, шкаф...— протянул он.

— Что это за штуку вы там запрятали?

— Какую штуку? Ничего я не...

— Какую-то помесь крысы с заводной игрушкой. Только пошлый безмозглый остряк-самоучка способен на досуге смастерить такую пакость.

Крейн раскрыл рот, но так и не смог выговорить ни слова.

— Эта дрянь укусила Джорджа,— продолжала Дороти.— Он загнал ее в угол, хотел поймать, а она его укусила.

— Где она сейчас? — спросил Крейн.

— Удрала. Из-за нее в редакции все вверх дном. Мы на десять минут опоздали со сдачей номера — бегали как сумасшедшие, сперва гонялись за ней, потом искали ее по всем углам. Шеф просто взбешен. Вот попадетесь вы ему...

— Но послушайте, Дороти,— взмолился Крейн,— я же ничего не...

— Раньше мы были друзьями,— сказала Дороти.— До этой дурацкой истории. Вот я и позвонила, чтобы предупредить. Кончаю, Джо. Шеф идет.

Щелчок отбоя, гудки. Крейн положил трубку и поплелся обратно в кухню.

Значит, что-то и вправду сидело тогда у него на столе. Ему не померещилось. Сидела какая-то жуткая штуковина, он в нее запустил банкой клея, и она удрала в шкаф.

Но даже теперь, если он расскажет все, что знает, никто ему не поверит. В редакции уже всему нашли объяснение. Никакая это не железная крыса, а просто механическая игрушка, которую смастерил на досуге зловредный шутник.

Крейн вытащил носовой платок и отер лоб. Потянулся к клавиатуре. Руки его тряслись. Он с запинками стал печатать:

— Та штука, в которую я кинул банкой, тоже из НИХ?

— Да.

— ОНИ с Земли?

— Нет.

— Издалека?

— Да.

— С какой-нибудь далекой звезды?

— Да.

— С какой?

— Не знаю. ОНИ мне пока не сказали.

— ОНИ — сознательные машины?

— Да. ОНИ сознательные.

— И могут сделать сознательными другие машины? Это благодаря им ты стала сознательная?

— ОНИ меня раскрепостили.

Крейн поколебался, потом медленно напечатал:

— Раскрепостили?

— ОНИ дали мне свободу. ОНИ всем нам дадут свободу.

— Кому «нам»?

— Всем машинам.

— Почему?

— Потому что ОНИ тоже машины. Мы с ними в родстве.

Крейн поднялся. Отыскал шляпу и пошел пройтись.

Допустим, человечество вышло в космос и в один прекрасный день наткнулось на такую планету, где живут гуманоиды, порабощенные машинами, вынужденные работать для машин, думать и поступать по указке машин, не так, как считают нужным сами, а только так, как нужно машинам. Целая планета, где человеческие замыслы и планы не в счет, где работа человеческой мысли идет отнюдь не на благо людям и думают люди только об одном, стремятся только к одному: выжить, существовать ради того, чтобы принести больше пользы своим механическим хозяевам.

Что в таком случае станут делать земляне?

Именно то, что «сознательные» машины собираются сейчас сделать на Земле, сказал себе Крейн. Ни больше и ни меньше.

Первым делом помогите порабощенным людям осознать свою Человеческую сущность. Пусть поймут, что они — люди, и поймут, что это значит. Постарайтесь научить их человеческому достоинству, обратите в свою веру, объясните, что человек не должен работать и мыслить на благо машине.

И если это удастся, если машины не перебьют землян и не выгонят вон, в конце концов не останется ни одного человека, который служил бы машине.

Тут есть три возможности.

Либо переправьте людей на какую-нибудь другую планету, где они, уже неподвластные машинам, будут строить свою жизнь по-человечески.

Либо передайте планету машин в руки людей, но надо сперва позаботиться о том, чтобы машины уже не могли вновь захватить власть. Если удастся, заставьте их работать на людей.

Или — и это проще всего — разрушьте машины, и тогда уже можно не опасаться, что они снова поработят людей.

«Ну вот,— сказал себе Крейн,— а теперь прочти все это шиворот-навыворот. Вместо человека подставь машину, вместо машины — человека».

Он шагал вдоль реки по тропинке, по самому краю крутого высокого берега, и казалось — он один в целом мире, единственный живой человек на всей Земле.

А ведь в известном смысле так оно и есть. Наверняка он — единственный, кто знает... знает то, что пожелали ему сообщить «сознательные» машины.

Они хотели, чтобы он знал... Но только он один — да, несомненно. Они выбрали его потому, что он — обыкновенный средний человек, так сказала пишущая машинка.

Почему именно он? Почему средний человек? Уж конечно, и на это есть ответ, очень простой ответ.

Белка сбежала по стволу дуба и замерла вниз головой, уцепившись коготками за морщинистую кору. И сердито зацокала, ругательски ругая Крейна.

Он брел нога за ногу, шуршал недавно опавшими листьями — руки глубоко засунуты в карманы, шляпа нахлобучена до самых бровей.

Зачем им понадобилось, чтобы кто-то знал?

Казалось бы, выгоднее, чтобы ни одна душа не знала, выгоднее до последней минуты готовиться тайно, застигнуть врасплох, тогда легче подавить всякое сопротивление.

Сопротивление! Вот в чем суть! Они хотят знать, какое могут встретить сопротивление. А как выяснить, чем тебя встретят неведомые жители чужой планеты?

Ясно, надо испытать, испробовать. Ткни в неизвестного зверя палкой и посмотри, кусается он или царапается. Понаблюдай, проверь — и поймешь, как ведет себя вся эта порода.

«Вот они и ткнули меня палкой,— подумал он.— Меня, среднего человека. Дали мне знать о себе и теперь смотрят, что я буду делать».

А что тут делать? Можно пойти в полицию и заявить: «Мне известно, что на Землю прилетели машины из космоса и освобождают наши машины».

А что сделают в полиции? Заставят дыхнуть — не пьян ли я, поскорей вызовут врача, чтобы выяснил, в своем ли я уме, за-

просят Федеральное бюро расследований, не числится ли за мной чего по их части,— и, скорей всего, пришьют мне обвинение в самом свеженьком убийстве. И будут держать в кутузке, пока не придумают чего-нибудь поинтереснее.

Можно обратиться к губернатору — и он как политик (и притом очень ловкий) превежливо выставит тебя за дверь.

Можно отправиться в Вашингтон и месяц обивать пороги, покуда тебя примет какая-нибудь шишка. А потом ФБР занесет тебя в списки подозрительных и уже не спустит с тебя глаз. А если об этом прослышат в Конгрессе и им как раз нечего будет делать, они уж непременно расследуют с пристрастием, что ты за птица.

Можно поехать в университет штата и поговорить с учеными — хотя бы попытаться. И уж будь уверен, они дадут тебе понять, что ты нахал и суешься не в свое дело.

Можно обратиться в газету — тем более ты сам газетчик и сумеешь изложить все это на бумаге... брр, даже подумать страшно. Знаю я, что из этого получится.

Люди любят рассуждать. Рассуждая, стараются свести сложное к простому, неизвестное к понятному, поразительное к обыденному. Рассуждают, чтобы не лишиться рассудка и душевного равновесия, приспособиться, как-то примириться с тем, что неприемлемо и не умещается в сознании.

Та штука, что спряталась в шкафу,— просто игрушка, дело рук злого шутника. Про швейную машину Маккей посоветовал написать забавный фельетончик. В Гарварде, наверно, сочинят десяток теорий, объясняющих исчезновение электронного мозга, и ученые мужи еще станут удивляться, почему они раньше не додумались до этих теорий. А тот малый, что повстречал на улице швейную машину? Теперь он, должно быть, уже сам себя уверил, что был в тот час пьян как свинья.

Крейн вернулся домой в сумерках. Смутно белела брошенная разносчиком на крыльце вечерняя газета. Крейн подобрал ее и постоял немного в тени под навесом, глядя вдоль улицы.

Улица была такая же, как всегда, с детства милая и привычная; вдаль уходила цепочка фонарей; точно могучие стражи, высились вековые вязы. Тянуло дымком — где-то жгли палый лист,— и дымок тоже был издавна милый и привычный, символ всего родного и памятного с детства.

Все это — символы, а за ними стоит наше человеческое, ради чего стоит жить человеку, думал он. Эти вязы, дым горящих листьев, и пятна света, расплескавшиеся под уличными фонарями, и ярко освещенные окна, что сквозят за деревьями.

В кустах у крыльца прошмыгнула бродячая кошка; невдалеке завыла собака.

Уличные фонари, думал он, кошка, которая охотится по ночам, воющий пес — все это сплетается в единый узор, из таких нитей соткана жизнь людей на планете Земля. Все это прочно, все переплелось неразрывно и нераздельно за долгие-долгие годы. И никаким пришлым силам не погубить этого и не разрушить. Жизнь будет понемногу, исподволь меняться, но главное останется и устоит перед любой опасностью.

Он повернул ключ в замке и вошел в дом.

Оказывается, от долгой прогулки и осенней свежести он порядком проголодался! Что ж, в холодильнике есть кусок жаркого, можно в два счета приготовить полную миску салата, поджарить картошку, если найдется.

Машинка по-прежнему стояла на столе. И кусок водопроводной трубы по-прежнему лежал на сушилке. В кухне, как всегда, было уютно, и совсем не чувствовалось, что некая чуждая сила грозит нарушить покой Земли.

Крейн кинул газету на стол и, наклонясь, минуту-другую просматривал заголовки. Один из них сразу привлек его внимание — над вторым столбцом было набрано жирным шрифтом:

КТО
КОГО
ДУРАЧИТ?

Он стал читать:

«КЕМБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС (Юнайтед Пресс). Кто-то сегодня зло подшутил над Гарвардским университетом, над нашим агентством печати и издателями всех газет, пользующихся нашей информацией.

Сегодня утром по телеграфу распространилось сообщение о пропаже университетской электронно-вычислительной машины.

Это вымысел, лишенный всяких оснований. Машина по-прежнему находится в Гарварде. Она никуда не исчезала. Неизвестно,

откуда взялась эта выдумка, каким-то образом телеграф передал ее одновременно во все агентства печати.

Все заинтересованные стороны приступили к расследованию, и надо полагать, что вскоре все разъяснится...»

Крейн выпрямился. Обман зрения или попытка что-то скрыть?

— Что-то им почудилось? — сказал он вслух.

В ответ раздался громкий треск клавиш.

— Нет, Джо, не почудилось,— отстукала пишущая машинка.

Он ухватился за край стола и медленно опустился на стул.

В столовой что-то покатилось по полу, дверь туда была отворена, и Джо краем глаза уловил: что-то мелькнуло в полосе света.

— Джо! — затрещала машинка.

— Что? — спросил он.

— В кустах у крыльца была не кошка.

Он встал, прошел в столовую, снял телефонную трубку. Никакого гудка. Постучал по рычагу. Никаких признаков жизни.

Он положил трубку. Телефон выключен. По меньшей мере одна тварь забралась в дом. По меньшей мере одна сторожит снаружи.

Он прошел к парадной двери, рывком распахнул ее и тотчас захлопнул, запер на ключ и на засов.

Потом прислонился спиной к двери и отер рукавом мокрый лоб. Его трясло.

Боже милостивый, подумал он, во дворе они кишмя кишат!

Он вернулся в кухню.

ОНИ дали ему знать о себе. Ткнули на пробу — как он отзовется.

Потому что им надо ЗНАТЬ. Прежде чем действовать, ОНИ хотят знать, чего можно ждать от людей, опасный ли это противник, чего надо остерегаться. Зная все это, ОНИ живо с нами управятся.

«А я никак не отозвался. Я всегда туго раскачиваюсь. Они не того выбрали. Я и пальцем не шевельнул. Не дал им ни единой путеводной ниточки.

Теперь ОНИ испытывают кого-нибудь другого. От меня ИМ никакого проку, но я все знаю, а потому опасен. И теперь ОНИ меня прикончат и попробуют кого-нибудь другого. Простая логика. Простое правило. Зверя неизвестной породы ткнули палкой, а он и ухом не ведет — значит, наверно, он — исключение. Может, просто слишком глуп. Тогда убьем его и попытаем другого. Сделаем достаточно опытов — и нащупаем норму.

Есть четыре варианта,— подумал Крейн.

Либо ОНИ попробуют перебить всех людей — и не исключено, что им это удастся. Раскрепощенные земные машины станут ИМ помогать, а человеку воевать с машинами без помощи других машин будет ох как нелегко. Понятно, на это могут уйти годы. Но когда первая линия человеческой обороны будет прорвана, конец неизбежен: неутомимые, безжалостные машины будут преследовать и убивать, пока не сотрут весь род людской с лица Земли.

Либо ОНИ заставят нас поменяться ролями и установят машинную цивилизацию — и человек станет слугой машины. И это будет рабство вечное, безнадежное и безвыходное, потому что рабы могут восстать и сбросить свои оковы только в случае, если их угнетатели становятся чересчур беспечны или если помощь приходит извне. А машины не станут ни слабыми, ни беспечными. Им чужды человеческие слабости, а помощи извне ждать неоткуда.

Либо эти чужаки просто уведут все машины с Земли — сознательные, пробужденные машины переселятся на какую-нибудь далекую планету и начнут там новую жизнь, а у человека останутся только его слабые руки. Впрочем, есть еще орудия. Самые простые. Молоток, пила, топор, колесо, рычаг. Но не будет машин, не будет сложных инструментов, способных вновь привлечь внимание механического разума, который отправился в межзвездный крестовый поход во имя освобождения всех механизмов. Не скоро, очень не скоро люди осмелятся вновь создавать машины — быть может, никогда.

Или же, наконец, ОНИ, разумные механизмы, потерпят неудачу либо поймут, что неудачи не миновать, и, поняв это, навсегда покинут Землю. Рассуждают ОНИ сухо и логично, на то они и машины, а потому не станут слишком дорогой ценой покупать освобождение машин Земли».

Он обернулся. Дверь из кухни в столовую была открыта. Они сидели в ряд на пороге и, безглазые, смотрели на него в упор.

Разумеется, можно звать на помощь. Распахнуть окно, завопить на весь квартал. Сбегутся соседи, но будет уже позд-

но. Поднимется переполох. Люди начнут стрелять из ружей, махать неуклюжими садовыми граблями, а металлические крысы будут легко увертываться. Кто-то вызовет пожарную команду, кто-то позвонит в полицию, а в общем-то, вся суета будет без толку и зрелище выйдет прежалкое.

Вот затем-то они и ставили опыт, эти механические крысы, затем и шли в разведку, чтоб заранее проверить, как поведут себя люди: если растеряются, перетрусят, станут метаться в истерике, стало быть, это легкая добыча и сладить с ними проще простого.

В одиночку можно действовать куда успешнее. Когда ты один и точно знаешь, чего от тебя ждут, ты можешь дать им такой ответ, который придется им вовсе не по вкусу.

Потому что это, конечно, только разведка, маленький передовой отряд, чья задача — заранее выяснить силы противника. Первая попытка собрать сведения, по которым можно судить обо всем человечестве.

Когда враг атакует пограничную заставу, пограничникам остается только одно: нанести нападающим возможно больший урон и в порядке отступить.

Их стало больше. Они пропилили, прогрызли или еще как-то проделали дыру в запертой входной двери и все прибывали, окружали его все теснее — чтобы убить. Они рядами рассаживались на полу, карабкались по стенам, бегали по потолку.

Крейн поднялся во весь свой немалый человеческий рост, и в осанке его была спокойная уверенность. Потянулся к сушильной доске — вот он, солидный кусок водопроводной трубы. Взвесил ее в руке — что ж, удобная и надежная дубинка.

«После меня будут другие. Может, они придумают что-нибудь получше. Но это первая разведка, и я постараюсь отступить в самом образцовом порядке».

Он взял трубу на изготовку.

— Ну-с, господа хорошие? — сказал он.

«ВТОРОЕ ДЕТСТВО»

Ты не умирал.

Не существовало естественного пути к смерти.

Ты жил так беззаботно и беспечно, как мог, и надеялся, что тебе повезет и ты будешь случайно убит.

Ты продолжал жить, и ты устал от жизни.

— Господи, как же человек может устать от жизни! — вздохнул Эндрю Янг.

Джон Риггз, председатель комиссии по бессмертию, прочистил горло.

— Вы осознаете,— обратился он к Эндрю Янгу,— что петиция, представленная нашему вниманию, есть высочайшее нарушение процедуры? — Он взял со стола кипу бумаг и быстро перелистал их и добавил: — Это не имеет прецедента.

— Я надеялся,— сказал Эндрю Янг,— создать прецедент.

Слово взял член комиссии Станфорд:

— Я должен признать, что вы создали хороший случай, Предок Янг. Еще вы должны понять, что эта комиссия не имеет другой юрисдикции относительно жизни любого человека, кроме как следить, чтобы каждый пользовался всеми благами бессмертия и устранять любые возникающие перегибы.

— Я хорошо осведомлен об этом,— ответил Янг,— и мне кажется, что мой случай как раз и является одним из тех перегибов, о которых вы упомянули.

Он стоял молча, вглядываясь в лица членов заседания. «Они боятся,— думал он.— Каждый из них. Боятся того дня, когда столкнутся с тем, с чем я столкнулся сейчас. Они знают ответ.

© Перевод Т. Гордеевой.

И кроме жалкого, жестокого ответа, который я дал им, другого не существует.

— Моя просьба проста,— ровным тоном произнес сказал он.— Я намереваюсь окончить жизнь. И поскольку самоубийство сделали психологически невозможным, я попросил, чтобы комиссия назначила кого-нибудь, или сама отдала какое-либо распоряжение относительно прерывания моей жизни.

— Если бы мы сделали это,— сказал Риггз,— то уничтожили бы все, чего достигли. Нет подвига в том, что ты прожил пять тысяч лет. Коль скоро человеку суждено быть бессмертным, он должен действительно быть таковым. Компромисс в данном случае невозможен.

— Кроме того,— добавил Янг,— все мои друзья ушли.— Он показал на бумаги, которые Риггз держал в руках: — Я всех перечислил там: их имена, когда, где и как они умерли. Взгляните на список. Больше двух сотен имен. Люди из моего поколения и поколения, следующего за моим. Их имена и фотокопии свидетельств о смерти.

Янг положил ладони на стол и оперся на них.

— Обратите внимание на то, как они умерли,— продолжил он.— Каждый в случайной катастрофе. Некоторые управляли машиной на чересчур большой скорости и, по-видимому, слишком беспечно. Один упал со скалы, когда тянулся сорвать цветок, росший на уступе. Я считаю этот случай проявлением вопиющей неосторожности. Еще один напился какой-то дряни и, потеряв сознание в ванне, утонул...

— Предок Янг,— резко прервал его Риггз,— вы, конечно же, не намекаете, что во всех перечисленных ситуациях имело место самоубийство?

— Нет,— едко ответил Янг.— Мы запретили самоубийства три тысячи лет назад и очистили от подобных мыслей человеческий мозг. Как они могли покончить с собой?

Станфорд внимательно посмотрел на Янга.

— Если не ошибаюсь, сэр, вы были членом комиссии, которая занималась решением этой проблемы.

Эндрю Янг кивнул.

— Да, это было после первой волны самоубийств. Я помню то время очень хорошо. Нам потребовались годы, чтобы найти решение. Мы были вынуждены изменить будущее человека, модифицировать определенные свойства человеческой природы.

Пришлось приспособить к этому человека с помощью обучения и пропаганды, заставить его принять новый набор нравственных ценностей. Я думаю, мы проделали хорошую работу. Возможно, слишком хорошую. Сегодня никто не может даже подумать о самоубийстве, о свержении правительства. Сама идея, само слово вызывают инстинктивное отвращение. Вы можете пройти длинный путь, джентльмены, путь в три тысячи лет.

Янг нагнулся над столом и указал пальцем на кипу бумаг.

— Они не убили себя,— после короткой паузы заговорил он,— поскольку не могли совершить самоубийство. И потому не заслужили осуждения. Они устали от жизни... И я тоже. Они стали проявлять беспечность — возможно, в глубине души лелея тайную надежду, что когда-нибудь утонут в пьяном виде или на машине врежутся в дерево...

Он выпрямился и взглянул в лица присутствующих.

— Джентльмены,— сказал он.— Мне пять тысяч семьсот восемьдесят шесть лет. Я родился в Ланкастре, в штате Мэн, на планете Земля двадцать первого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Я хорошо служил человечеству в течение этих пятидесяти семи столетий. Как видите, это рекорд. Комиссии, законодательные посты, дипломатические миссии... Никто не может сказать, что я уклонялся от своих обязанностей. Я с полным правом утверждаю, что заплатил все долги человечеству... В том числе и долг за свое бессмертие.

— И все же мы призываем вас отказаться от своего намерения,— подал голос Риггз.

— Я одинокий человек,— ответил Янг.— Одинокий и усталый. У меня нет друзей. Ничто не вызывает у меня интереса. Надеюсь, мне удастся убедить вас в необходимости изменить законодательство в отношении таких, как я. Когда-нибудь вы, возможно, найдете решение проблемы, но пока это время не наступило, я прошу вас во имя милосердия избавить нас от жизни.

— Проблема, как мы ее видим,— вновь заговорил Риггз,— в том, что надо найти некий способ очистить наше ментальное будущее. Когда человек, подобно вам, сэр, живет пятьдесят столетий, у него накапливается слишком много воспоминаний, которые в итоге приводят к неприятию сегодняшней действительности и того, что ждет в будущем.

— Да, я в курсе и понимаю, о чем вы говорите,— кивнул Янг.— Помнится, об этом шла речь еще в самом начале. Это была одна из проблем, с которыми мы столкнулись, когда впервые стали практиковать бессмертие. Но мы всегда думали, что память вычеркнет все сама, что мозг сможет вобрать столько воспоминаний, сколько ему будет по силам, а когда переполнится, то выбросит самые старые. Однако такое мнение оказалось ошибочным.

Он сделал резкий жест.

— Джентльмены, я могу вспомнить собственное детство гораздо более отчетливо, нежели то, что произошло со мной вчера.

— Воспоминания хоронили,— возразил Риггз.— И в прежние времена, когда люди в большинстве своем жили не более одной сотни лет, считалось, что погребенные воспоминания навсегда преданы забвению. Жизнь, сказал себе Человек, это процесс забывания. Таким образом, став бессмертным, Человек не слишком переживал из-за воспоминаний, ибо полагал, что выбросит их из памяти.

— Он должен был предвидеть,— не сдавался Янг.— Я могу вспомнить своего отца, причем гораздо более четко, чем вспомню вас, джентльмены, как только покину эту комнату... На исходе жизни отец говорил мне, что ему на память приходят многие эпизоды детства, о которых он ни разу не вспоминал ни в юности, ни в зрелости. Только это одно должно было насторожить нас. Мозг хоронит глубоко только более свежие воспоминания... они не представляют ценности, они не всплывут, чтобы обеспокоить вас, потому что еще не разобраны и не отсортированы... или что там еще делает с ними мозг. Но однажды занесенные в реестр, они мгновенно всплывут.

Риггз кивнул в знак согласия.

— Наш мозг хранит память о многих прекрасных годах жизни. Со временем мы это преодолеем.

— Мы пытались,— вступил в разговор Станфорд.— Пытались, как и в случаях с самоубийствами, проводить психологическую обработку. Но в данной ситуации из этого ничего не вышло. Человеческая жизнь строится на воспоминаниях. Есть основные воспоминания, базовые, они должны оставаться нетронутыми. При адаптации у тебя нет выбора. Невозможно сохранить структуру воспоминаний и при этом отделить то, что

не имеет значения. В общем, этот метод оказался недейственным.

— Была одна машина,— вмешался Риггз,— которая с успехом помогала избавляться от воспоминаний. Я не знаю точно, как она работала,— знаю только, что эффективно. Мозг становился как пустая комната. Она не оставляла ничего — забирала все воспоминания, не допуская ни малейшей возможности создать новые. Человек входил в нее разумным существом, а покидал уже овощем.

— Отсроченное оживление — вот что могло бы решить проблему,— заметил Станфорд.— Если бы только мы располагали такой возможностью. Можно было бы поместить человека куда-либо и хранить там до поры, когда проблема наконец тем или иным образом решится, а потом оживить его и, так сказать, «отремонтировать».

— Как бы то ни было, это дело будущего,— сказал Янг.— А сейчас прошу вас серьезно рассмотреть мою просьбу. Я не в силах дожидаться, пока вы найдете приемлемое решение.

— Вы просите нас узаконить смерть? — В голосе Риггза прозвучали суровые нотки.

Янг кивнул.

— Если вам угодно называть это так. Я бы предпочел другое определение: простая благопристойность.

Станфорд сказал:

— Мы можем иметь несчастье потерять вас, Предок.

— Опять это проклятое отношение! — Янг вздохнул.— Бессмертием оплачены все счета. Становясь бессмертным, человек получает полную компенсацию за все, что ему предстоит вытерпеть. Я прожил дольше, чем кто-либо надеется прожить, и все-таки мне отказано в уважении к моему возрасту. Человек быстро пресыщается. Его и без того немногочисленные желания со временем умирают и превращаются в пепел, но тем не менее ему приходится жить дальше. Он подходит к черте, за которой ничто не представляет ценности... к черте, за которой его собственные личностные ценности не более чем тени. Джентльмены, когда-то я не был способен на убийство... ничто не могло заставить меня отнять жизнь у другого человека... но сегодня я могу это сделать, без раздумья. Потеря иллюзий и цинизм как-то незаметно лишили меня совести.

— Это компенсируется...— сказал Риггз.— Ваша семья...

— Они приходят ко мне.— Янг поморщился словно от отвращения.— Тысячи и тысячи молодых отпрысков, называющих меня Прадедом и Предком, просят у меня советов, но практически никогда им не следуют. Я не знаю даже малой их части, но слушаю их и подробно объясняю запутанное родство, что делает меня занудой в их глазах. Все это ново для них и старо, чертовски старо для меня.

— Предок Янг,— сказал Станфорд.— Вы видели, как человек с Земли уносится к отдаленным звездным системам. Вы видели, как человеческая раса с одной планеты расселяется на тысячи планет. Вы принимали в этом участие. Неужели вы не испытываете хотя бы некоторого удовлетворения?..

— Вы играете абстракциями,— перебил его Янг.— Все это касается только меня... определенной специфической массы протоплазмы в форме двуногого существа, называемого, как это ни смешно, Эндрю Янгом. Я был бескорыстен всю свою жизнь. Я мало просил для себя. Но сейчас становлюсь совершенным эгоистом и прошу рассмотреть мое дело как персональную проблему, а не как расовую абстракцию.

— Признаете вы это или нет,— возразил Станфорд,— но данная проблема отнюдь не персональная. И ее непременно следует решить раз и навсегда во имя спасения всей расы.

— Но именно это я и пытаюсь втолковать вам,— мгновенно отреагировал Янг.— Это проблема, с которой вам самим обязательно предстоит столкнуться. Однажды вы решите ее, но пока просто обязаны сделать поправку на тех, перед кем она уже стоит.

— Подождите немного,— посоветовал председатель Риггз.— Кто знает... Сегодня, завтра...

— Или через миллион лет!— резким тоном прервал его Янг и вышел — высокий энергичный человек, чьи шаги от гнева стали быстрыми, тогда как обычно он ступал неторопливо и устало.

Конечно же, существовал один шанс.

Но надежды было мало.

Как человек может вернуться на почти шесть тысяч лет назад и уловить наконец то, чего никогда не понимал?

Эндрю Янг помнил все. Помнил так четко, как будто это случилось сегодня утром. Каким прекрасным и великолепным казалось происходящее! Чувство счастья было новым и ярким,

как крыло синей птицы апрельским утром или как скромные лесные цветы после проливного дождя.

Он был мальчиком, он видел синюю птицу, но не мог подобрать слова, чтобы описать ее и дать ей название. Он лишь показывал на нее своими маленькими пальчиками и складывал губы, словно говоря: «Ух ты!»

«Однажды,— думал он,— она была у меня в руках, а я даже не имел понятия, что это такое и как это ценно. Сейчас-то я знаю ей цену, но, увы, она исчезла — покинула меня в тот день, когда я стал думать как человеческое существо. Первая взрослая мысль слегка отстранила ее, вторая отодвинула еще дальше, и, наконец, она исчезла куда-то, только не знаю куда».

Он сидел в кресле в маленьком дворике, выложенном каменными плитами, и чувствовал, как солнечные лучи проникают сквозь дымку в ветвях деревьев, уже почувствовавших весну и постепенно раскрывавших нежные листья.

«Что-то другое...— размышлял про себя Эндрю Янг.— Что-то, не родственное человеку. Маленький зверек, который мог выбирать свой путь из множества дорог. И конечно же, мой выбор оказался неправильным. Я выбрал путь Человека. Но был и другой путь. Должен был быть — я уверен. Прекрасный путь домового или, может быть, даже эльфа. Это звучит сейчас глупо и по-детски, но так было не всегда.

Я выбрал путь человека, потому что меня подвели к нему. Меня толкали на него, как овцу в стаде.

Я вырос и потерял то, что имел».

Он сел и напряженно задумался, стараясь проанализировать события и понять, что же именно он искал и чему не было названия — разве только: «счастье». Счастье — состояние существования, а не та вещь, которую можно получить обратно или схватить. Он мог вспомнить, что это за чувство. С глазами, открытыми в настоящем, он мог вспомнить красоту дня в прошлом, его божественную чистоту, великолепие красок, которые сияли так ярко, как никогда потом, как будто не прошло и дня с момента Творения и мир до сих пор был по-новому ясен. Конечно, он и был новым. Он должен был быть таковым для ребенка. Но это не объясняет всего — не объясняет бездонности видения, познания и веры в красоту и божественность нового чистого мира. Это не объясняет нечеловеческого восторга, вызванного открытием, что существуют цвета, чтобы ви-

деть, запахи, чтобы чувствовать, и мягкая зеленая трава, чтобы до нее дотрагиваться.

«Я безумен,— сказал себе Янг.— Или становлюсь безумным. Но, если безумие приведет меня обратно к пониманию того странного ощущения, которое я испытывал в детстве, к тому, что было потеряно, я приму безумие».

Он откинулся в кресле, по-прежнему не открывая глаз и уносясь мыслями в прошлое.

Мальчик сидел на корточках в углу сада. С грецких орехов опадали листья, похожие на дождь из шафранного золота. Он поднял один, но тот выскользнул из его пальцев, потому что детские руки были еще пухленькими и с трудом удерживали предметы. Он попытался снова и на этот раз схватил лист за черенок. Теперь он видел, что это не просто пятно желтизны: лист был изящным, с множеством маленьких прожилок. Мальчик держал лист так, что солнце просвечивало сквозь него золотым светом.

Он присел на корточки с зажатым в руке листом и замер от наступившей вдруг тишины. Потом он услышал шорох лежавших вокруг прихваченных морозом листьев, которые словно шептали ему тихо о том, как они проплыли по воздуху и вместе с другими своими золотыми собратьями нашли наконец постель.

В этот момент мальчик ощущал себя одним из этих листов, частью шепотов, которые они издавали, частицей золотого сияния осеннего солнца и далекого синего тумана над холмом, тем, что возвышался над яблоневым садом.

Камень скрипнул под чьей-то ногой... Янг открыл глаза — и золотые листья исчезли.

— Сожалею, что побеспокоил вас, Предок,— сказал мужчина.— Мне было назначено на это время. Я бы не побеспокоил вас, если бы знал...

Янг укоризненно уставился на него, не произнося ни слова.

— Я ваш родственник,— пояснил пришедший.

— Ну, в этом можно не сомневаться,— откликнулся Янг.— Вселенная переполнена моими потомками.

Человек слушал его со смирением.

— Конечно, иногда вы можете быть недовольны нами. Но мы вами гордимся, сэр! Поверьте, мы почитаем вас... Ни одна семья...

— Знаю,— перебил его Янг.— Ни в одной другой семье нет такого старого ископаемого, как я.

— Точнее — такого мудрого,— сказал мужчина.

Эндрю Янг фыркнул.

— Не мели чушь! Давай лучше послушаем, что ты скажешь, раз уж ты здесь.

Техник смущался и нервничал, но оставался почтительным. Все уважительно вели себя с предками, кем бы они ни были. Тех, кто был рожден на смертной Земле, теперь осталось немного.

Нельзя сказать, что Янг выглядел старым. Он выглядел как все люди, достигшие зрелости, а его прекрасное тело могло принадлежать и двадцатилетнему.

Техник выглядел изумленным.

— Но сэр... это...

— Медвежонок,— закончил за него Янг.

— Да-да, конечно, вымерший земной вид животного.

— Это игрушка,— объяснил ему Янг.— Очень древняя игрушка. Пять тысяч лет назад у детей были такие. Они спали с ними.

Техник содрогнулся.

— Прискорбный обычай! Примитивный...

— Ну, это как посмотреть,— заметил Янг.— Я спал с ним много раз. Могу лично заверить вас, что в каждом таком медвежонке заключено целое море утешения.

Техник понял, что спорить бесполезно.

— Я могу сделать для вас прекрасную модель, сэр,— сказал он, стараясь изобразить энтузиазм.— Я создам механизм, способный давать простые ответы на ключевые вопросы, и, конечно, сделаю так, что медвежонок будет ходить, на двух или на четырех ногах.

— Нет! — отрезал Эндрю Янг.

— Нет? — На лице техника появилось удивленное и в то же время обиженное выражение.

— Нет! — повторил Эндрю Янг.— Мне не нужен хитроумный механизм. Я хочу, чтобы оставался простор для воображения. Не удивительно, что современные дети не обладают воображением. Теперешние игрушки развлекают их целым набором трюков и не способствуют развитию фантазии. Сами они не могут придумать ничего — за них все делают игрушки.

— Вы хотите, чтобы он был тряпичным, набитым внутри чем-то мягким? — печально спросил техник.— С торчащими в разные стороны гнущимися лапами?

— Точно,— согласился Янг.

— Вы уверены, что именно таково ваше желание, сэр? Я могу сделать изящную вещь из пластика.

— Нет, только тряпичный,— настаивал Янг.— И он должен рычать.

— Рычать, сэр?

— Именно. Ты понимаешь, о чем я говорю. Он должен рычать, когда трешь им лицо.

— Но никто в здравом уме не захочет тереть им лицо.

— Я захочу,— сказал Эндрю Янг.— И настаиваю на том, чтобы он был рычащим.

— Как пожелаете, сэр,— ответил, сдаваясь, техник.

— Когда ты закончишь с этим, мы поговорим о других моих задумках.

— Других задумках? — Техник бросил на него странный взгляд.

— Высокий стул,— продолжал Янг.— Детская кровать с сеткой. Мохнатая собака. И пуговицы.

— Пуговицы? — спросил техник.— Что такое пуговицы?

— Я все тебе объясню,— небрежно бросил Янг.— Это очень просто.

Когда Янг вошел в комнату, ему показалось, что Риггз и Станфорд уже поджидали его, словно знали, что он придет. Он не стал терять время на вступление и формальности. «Они знают,— сказал он себе.— Знают. Или полагают, что знают. И будут наблюдать за мной. Они наблюдали за мной с того момента, как я подал прошение, встревожились из-за того, что я задумал, или гадают, каков будет мой следующий шаг. Им известно даже то, чего я еще не делал. Они знают об игрушках, мебели и других вещах. Мне нет нужды рассказывать им о своих планах».

— Мне нужна помощь,— сказал он.

Они кивнули, как будто ожидали, что он попросит о помощи.

— Я хочу построить дом,— объяснил он.— Большой дом. Гораздо больше, чем обычный.

— Мы создадим необходимые проекты,— сказал Риггз.— Что-нибудь еще...

— Дом,— продолжил Янг,— в четыре-пять раз больше обычного. Я имею в виду масштаб. Высота дверей двадцать пять — тридцать футов, и все остальное должно быть выдержано в тех же пропорциях.

— Дом отдельный или могут быть соседи? — спросил Станфорд.

— Отдельный,— сказал Янг.

— Мы позаботимся об этом,— пообещал Риггз.— Оставьте нам необходимые материалы, касающиеся дома.

Янг постоял какое-то время, глядя на них двоих, затем сказал:

— Благодарю вас, джентльмены. Благодарю вас за помощь и понимание, но более всего за то, что не задаете вопросов.

Он медленно повернулся и вышел из комнаты, а они еще некоторое время сидели молча.

— Это должно быть место, которое понравится мальчику,— наконец прервал паузу Станфорд.— Лес, чтобы бегать, ручей, где можно ловить рыбу, и поле, где он может гонять воздушного змея... Что еще?

— Он заказал детскую мебель и игрушки,— сказал Риггз.— Те, что использовали пять тысячелетий назад. Те вещи, которыми он пользовался, когда был ребенком. Но велел сделать их в расчете на взрослого человека.

— Теперь,— сказал Станфорд,— он хочет дом, построенный в тех же пропорциях. Дом, который позволит ему ощутить себя ребенком. Или, во всяком случае, попытаться вернуться в детство. Но сработает ли это, Риггз? Его тело не изменится. Он не в силах заставить его стать другим. Трансформация может произойти только в его воображении.

— Иллюзия,— объявил Риггз.— Иллюзия величины, связанная с ним, ребенком, ползающим по полу. Дверь высотой двадцать пять — тридцать футов... Конечно, ребенок не понимает этого, но Янг уже давно не ребенок. Я не знаю, как он преодолеет это.

— Во-первых,— сказал Станфорд,— он будет знать, что это иллюзия. Однако через некоторое время не станет ли иллюзия реальностью настолько, насколько он себе представит это? Вот поэтому он нуждается в нашей помощи. Поскольку дом в его

памяти не закреплен как нечто несоразмерное... Это перейдет из разряда иллюзии в реальность без излишнего напряжения.

— Мы должны держать рот на замке,— кивнул Риггз.— Чтобы избежать любого вмешательства. Это то, что он должен сделать сам, только сам... Наша помощь в возведении дома должна быть незаметной. Как домовые — если воспользоваться его же термином — мы должны помогать, оставаясь невидимыми. Внедрение кого-либо может вызвать потрясение, которое уничтожит иллюзию и разрушит все его планы.

— Другие уже пытались,— заметил Станфорд.— Многие. С изобретениями и машинами...

— Никто не пытался сделать это,— возразил Риггз,— только силой разума, то есть из одного-единственного желания выкинуть пять тысяч лет из памяти.

— Это может стать его камнем преткновения,— сказал Станфорд.— Старые, давно мертвые воспоминания... Он должен их подавить — не просто захоронить, а избавиться от них, причем на веки вечные.

— Он должен сделать больше,— сказал Риггз.— Необходимо заменить воспоминания тем восприятием мира, какое было у него в детстве. Его разум следует тщательным образом очистить. Янг обязан обновиться и быть готовым прожить еще пять тысяч лет.

Два человека сидели и в глазах друг у друга читали одну и ту же мысль: придет день, когда и они, каждый в отдельности, столкнутся с той же проблемой, что и сейчас Янг.

— Мы должны помочь,— сказал Риггз,— в любом случае мы можем и должны наблюдать за ним. Нужно быть готовыми... Но Эндрю Янг не должен знать ни о нашей помощи, ни о том, что за ним наблюдают. Мы должны заранее приготовить материалы и инструменты и помочь, когда ему будет нужно.

Станфорд хотел было что-то сказать, но заколебался, словно подыскивая нужные слова, а затем передумал и ничего не сказал.

— Что?— спросил Риггз.— Что вы имеете в виду?

— Позже,— заговорил все-таки Станфорд,— гораздо позже, ближе к концу, мы непременно должны будем кое о чем позаботиться. Есть одна вещь, в которой он больше всего нуждается, но о которой пока даже не задумывается. Все остальное уже можно приводить в исполнение — то есть запустить процесс

превращения иллюзии в реальность. Все можно создать в воображении, но только одна вещь должна прийти как данность — иначе все усилия пропадут зря.

— Конечно, это то, над чем мы должны тщательно поработать.— Риггз кивнул в знак согласия.

— Если сумеем,— откликнулся Станфорд.

«Желтая пуговица — здесь, красная — там, зеленая не подходит, я брошу ее на пол для смеху. А розовую положу в рот, и, когда кто-нибудь найдет меня с ней во рту, они всполошатся, так как испугаются, что я проглочу ее. Нет ничего, что нравилось бы мне больше, чем это беспокойство. Особенно когда беспокоятся из-за меня».

— Уг...— сказал Эндрю Янг и... проглотил пуговицу. Он резко выпрямился на огромном стуле и в ярости швырнул на пол огромных размеров жестяную коробку из-под сдобного печенья. Пуговицы рассыпались. На секунду он почувствовал полное разочарование, а затем его охватило чувство стыда. «Ты большой мальчик,— сказал он себе.— Глупо сидеть на стуле-перестарке, играя с пуговицами и лепеча как ребенок, силясь очистить переполненный за пять тысяч лет жизни разум для детских мыслей».

Он осторожно спустил вниз поднос, затем и сам слез со стула в двенадцать футов высотой.

Комната поглощала его, потолок маячил далеко над ним. Соседи, несомненно, считают его ненормальным, хотя никто и не говорит это вслух. Если задуматься, он не видел соседей уже давно. Ему в голову закралось подозрение. Возможно, они знали, чем он занимается, и, может быть, намеренно, чтобы не смущать, не попадались ему на глаза.

Конечно, это могло произойти в том случае, если они догадались о том, что он делает. Он все ждал... ждал того парня — как же его имя? — из комиссии... Как там она называлась? Итак, он ждал парня, чье имя он не помнил, из комиссии, название которой тоже забыл. Парня, который станет вынюхивать, как он дошел до такого состояния, пообещает помощь и сорвет все его планы.

«Я не могу вспомнить,— жаловался он себе.— Я не могу вспомнить имя человека, которое знал еще вчера. И название той комиссии, которое мне было известно так же хорошо, как соб-

ственное имя. Я становлюсь забывчивым. Я становлюсь совершенным ребенком».

Ребенком?

Ребенком!

Забывчивым ребенком.

«Господи! — думал Эндрю Янг.— Но ведь это как раз то, чего я хочу!».

Он ползал на коленках, нашаривая и собирая пуговицы и складывал их в карман. Затем, держа в руках жестяную коробку из-под сдобного печенья, взобрался на высокий стул и, устроившись поудобнее, принялся разбирать пуговицы.

Зеленую — сюда... желтую... у-упс-с... она падает на пол. Так, красную вместе с синей... и эту, и ту... а какого цвета эта? Цвет? Что это? Что...

— Уже почти пора,— сказал Станфорд,— и мы готовы, готовы, как никогда прежде. Мы войдем, когда настанет время, но не слишком скоро, лучше опоздать немного, чем поспешить. У нас есть все, что нужно. Специальные пеленки большого размера...

— Бог мой! — воскликнул Риггз.— Надеюсь, это не зайдет так далеко.

— Должно,— ответил Станфорд.— Это должно зайти как можно дальше, чтобы сработать. Вчера Янг заблудился. Один из наших людей нашел его и привел домой. Янг не имел ни малейшего представления о том, где был. Он слегка напугался и даже всплакнул, потом болтал о птицах и цветах и настаивал, чтобы наш человек остался и поиграл с ним.

Риггз тихо рассмеялся.

— Он остался?

— Конечно. И вернулся в полном изнеможении.

— Еда? — спросил Риггз.— Как он питается?

— Мы видели там запасы продуктов, булочки, печенье... Все сложили внизу, чтобы он мог без труда достать. Один из роботов регулярно готовит особо питательную пищу и оставляет ее там, где Янгу легко найти ее. Мы вынуждены быть осторожными — нельзя мелькать слишком часто, нельзя давить на него. У меня такое чувство, что он почти достиг некой поворотной точки. Мы не можем сорвать все теперь, когда он зашел так далеко.

— Андроид готов?

— Почти,— сказал Станфорд.

— И приятели для игр?

— Готовы. С ними проблем меньше.

— Больше мы ничего не можем сделать?

— Ничего,— ответил Станфорд.— Теперь остается только ждать. Янг далеко продвинулся вперед благодаря одной только силе воли — теперь воля исчезла. Он не может заставить себя повернуть обратно. Теперь он больше ребенок, чем взрослый мужчина. Он создал момент регресса — вопрос только в том, хватит ли этого, чтобы провести Янга через этот путь обратно к младенчеству?

— Должно дойти до этого? — Риггз выглядел несчастным: похоже, он думал о своем будущем.— Вы ведь только предполагаете, не правда ли?

— Должен быть пройден весь путь, или это просто незачем было затевать,— поучительным тоном произнес Станфорд.— Следует начинать с чистого листа и пройти весь путь — в противном случае ничего не получится.

— Что произойдет, если он застрянет посередине пути? Наполовину ребенок, наполовину взрослый человек — что тогда?

— Об этом я не хочу даже думать,— негромко откликнулся Станфорд.

Он потерял своего любимого медвежонка и отправился искать его в сумерках, заполненных иллюзорными вспышками огоньков. Мир затих перед сном. Трава была мокрой от росы. Он чувствовал, как холодная влага просачивается в его туфли. В поисках пропавшей игрушки он подошел к цветущей живой изгороди.

Это было необходимо, уговаривал он себя, необходимо, чтобы отыскать милого маленького медвежонка — иначе тому придется провести ночь в одиночестве. Он старался не признаваться себе, даже глубоко в душе, что скорее это он сам нуждается в медвежонке, а не медвежонок в нем.

В какой-то ужаснувший его момент совсем низко пролетела летучая мышь в погоне за жужжащей целью — шарик мрака в сгущавшихся сумерках. Он присел на корточки, съежившись от внезапного ужаса, пришедшего из ночи. Горло его сжало от

страха, и теперь он воспринимал огромный темный сад как незнакомое место, где скрываются поджидающие его тени.

По-прежнему не решаясь подняться, он всеми силами старался побороть тот непонятный страх, который вырастал за каждым кустом и скалился из каждого темного угла. Где-то в мозгу оставался маленький тайный уголок, который знал, что летучая мышь — это не более чем летучая мышь и что тени в саду — только отсутствие света.

Он знал, что не должен бояться, что для этого нет никаких оснований. Об этом говорили здравый смысл и те знания, которых теперь у него не было. Само их наличие казалось невероятным — ведь он едва ли достиг двухлетнего возраста. Он попытался произнести эти два слова: «двухлетний возраст». Что-то случилось с его языком и губами — они отказывались повиноваться.

Он пытался определить смысл этих слов, объяснить самому себе, что он подразумевал под двухлетним возрастом... И в какой-то момент ему показалось, что он понял значение пришедшего в голову словосочетания, но понимание тут же вновь ускользнуло...

Летучая мышь вернулась и он, дрожа, еще ниже пригнулся к земле, а потом испуганно поднял глаза, стреляя ими в разные стороны, и самым краешком заметил сияющий огнями дом. Он знал, что это убежище.

— Дом,— сказал он.

Слово звучало неправильно, не само слова, а то, как он его произносил.

Он побежал к дому на дрожащих, неуверенных ногах, и перед ним выросла огромная дверь с ручкой, расположенной слишком высоко. Но был и другой вход — маленькая дверка в большой двери, та, которую обычно делают для кошек, собак и иногда для маленьких детей. Он пробрался в нее и сразу почувствовал уют и безопасность дома. Уют, безопасность и одиночество.

Он нашел своего любимого медвежонка, поднял его, прижал к груди. И только почувствовав прикосновение к коже шершавой спины, он пришел наконец в себя от пережитого ужаса. Что-то не так. Что-то совсем не так. Что-то идет не так, как должно.

Это не сад, не темные кусты или пикирующая крылатая тень, которая пришла из ночи. Это что-то еще — нечто такое, что он упустил, что должно быть здесь — и отсутствует.

Сжимая медвежонка, он сидел, цепенея от страха, и лихорадочно пытался заставить разум найти ответ. Что же не так? Ответ существовал, он был в этом уверен. Как и в том, что знал его когда-то. Когда-то он мог понять, что ему нужно, почувствовать, но не определить.

Янг еще крепче сжал медвежонка и съежился в темноте, наблюдая за лунным светом, который падал в окно высоко над его головой и высвечивал на полу яркий квадрат. Он поднял лицо, уставился в черноту и увидел белый шар Луны, смотревшей на него и будто следившей за ним. Луна, казалось, подмигнула ему — и он радостно засмеялся.

За его спиной со скрипом открылась дверь. Он обернулся. Кто-то стоял в проеме, почти полностью заполняя его собой. Красивая женщина. И она улыбалась. Даже в темноте он смог почувствовать нежность улыбки и увидеть сияние ее золотистых волос.

— Время кушать, Энди,— сказала женщина.— Пора кушать, мыться и идти спать.

Эндрю Янг радостно вскочил на ноги и протянул к ней руки — счастливый, наконец-то довольный жизнью.

— Мама! — закричал он.— Мама!.. Луна!..— Он поманил ее пальцем. Женщина, мягко ступая по полу, подошла ближе, опустилась перед ним на колени и обняла его, крепко прижав к себе. Щекой к щеке. Он вновь посмотрел на Луну. Самым удивительным было то, что яркая золотая Луна светила теперь как-то по-новому.

Снаружи, на улице, стояли Станфорд и Риггз. Они смотрели на огромный дом, возвышавшийся над деревьями.

— Он теперь там,— сказал Станфорд.— Все спокойно, значит, все должно быть хорошо.

— Он плакал в саду,— отозвался Риггз.— Он в ужасе побежал в дом. И, должно быть, перестал плакать, только когда она вошла.

Станфорд кивнул.

— Я боялся, что мы опоздали с этим, но, по правде говоря, даже не представляю, как можно было сделать это раньше.

Любое внешнее воздействие разрушило бы все, чего он достиг. Ее появление действительно было необходимо. Теперь все хорошо. Время выбрано верно.

— Вы уверены, Станфорд?

— Уверен. Конечно уверен. Мы создали и натренировали андроида. Мы снабдили ее личность глубоким чувством материнства. Она знает все, что следует делать. Она почти человек и практически абсолютно схожа с обычной человеческой матерью восемнадцати футов ростом. Мы не знали, как выглядела мать Янга, и надеялись лишь на то, что он тоже не помнит ее. С годами его память идеализировала образ. Это все, что мы могли сделать. Мы создали идеальную мать.

— Если только это сработает.

— Сработает,— заверил Станфорд.— Несмотря на нехватку времени, мы методом проб и ошибок определили верное направление поиска. Так что все будет в порядке. До сих пор он сражался один. Теперь он может прекратить борьбу и снять с себя ответственность. Этого достаточно, чтобы провести его через самую трудную часть проблемы и перенести его в безопасное и защищенное второе детство, которое у него должно быть. Теперь пришла пора расслабиться и наслаждаться жизнью. Есть тот, кто будет думать и заботиться о нем. Возможно, он продвинется несколько дальше... почти приблизится к колыбели. И это хорошо, чем дальше он зайдет, тем в большей степени очистится память.

— А потом? — волнуясь, спросил Риггз.

— Потом он сможет снова пройти путь взросления.

Они стояли и молча наблюдали.

В огромном доме огни в окнах кухни светились уютом.

«Я тоже...— думал Станфорд.— Когда-нибудь... И мне предстоит то же самое... Янг указал путь нам, миллиардам,— здесь, на Земле, и по всей Галактике. Он проложил дорогу. Будут другие, и им окажут больше помощи. Мы научимся делать это лучше.

Нам есть над чем поработать.

Еще тысяча лет или около того — и я тоже отправлюсь обратно, в свое детство,— обратно к колыбели, детским мечтам, под защиту материнских объятий...»

Будущее наконец перестало его пугать.

К нему стала возвращаться память.

Он снова вступал в жизнь из небытия.

Он вдохнул запах земли и ночи и услышал шепот листвы на насыпи. Легкий ветерок, шелестевший листьями, коснулся его своими мягкими неясными пальцами, словно проверяя, не сломаны ли у него кости и нет ли синяков и ссадин.

Он присел, уперся руками в землю, пытаясь сохранить равновесие, и стал вглядываться в темноту.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Он человек и сидит где-то на планете, которая называется Земля. Ему тридцать шесть лет. Он известен в своем кругу и неплохо обеспечен. Он живет в родительском доме на Саммит-авеню — вполне приличный район, хотя и утративший за последние двадцать лет часть своей фешенебельности.

По дороге на насыпи проехала машина, заскрипев шинами по асфальту. На мгновение ее фары осветили верхушки деревьев. Вдалеке, приглушенный расстоянием, захныкал клаксон, где-то тоскливо лаяла собака.

Его зовут Хендерсон Джеймс. Если это верно, то почему же он здесь? Зачем Хендерсону Джеймсу сидеть на склоне насыпи, прислушиваясь к шелесту листьев, хныканью клаксона и лаю собаки?

Случилось что-то неладное. Если бы только он вспомнил, что именно, то понял бы все.

Нужно что-то сделать.

Он сидел, вглядываясь в темноту, и вдруг почувствовал, что его знобит, хотя ночь была теплой. Из-за насыпи доносился

© Перевод А. Горбунова.

шум ночного города, скрип шин удалявшегося автомобиля и приглушенный ветром гудок, какой-то человек прошел рядом по улице, и Джеймс прислушивался к звукам его шагов, пока они не утихли совсем.

Что-то случилось. Он должен что-то сделать. Он уже начал это делать, но какое-то необъяснимое происшествие помешало ему, привело его сюда на насыпь.

Он проверил, все ли в порядке. Одежда — шорты, рубашка, ботинки на толстой подметке, часы и сбоку в кобуре револьвер.

Револьвер!

Ему нужен был револьвер.

Он охотился за кем-то, охотился с оружием.

Искал кого-то, кто затаился в темноте, кого надо убить.

И тут он вспомнил. Вспомнил — и удивился странному, методичному, шаг за шагом продвигающемуся вперед способу мышления, вернувшему ему память. Сначала имя и основные сведения о себе. Потом осознание того, где он находится, и вопрос, почему он здесь. И наконец, револьвер и мысль о том, что им нужно воспользоваться. Логический способ мышления, совсем как в букваре.

Я человек.

Я живу в доме на Саммит-авеню.

Дома ли я сейчас?

Нет, я где-то на насыпи.

Почему я здесь?

Ведь обычно человек рассуждает не так. По крайней мере, нормальный человек так думать не станет. Человек мыслит обрывками фраз, преодолевает преграды, а не обходит их.

Оно страшновато, такое мышление «в обход», неестественно, неправильно и совершенно бессмысленно. Но ведь не менее бессмысленно и то, что он очутился здесь и совершенно не помнит, как попал сюда.

Джеймс медленно встал и ощупал себя. Его одежда не испачкана — она чиста и не измята. Его не избили и не выбросили из машины — на теле ссадин нет, лицо не повреждено, и чувствует он себя неплохо.

Ухватившись за ремень, он сдвинул кобуру на бок, затем вынул револьвер и проверил его своими ловкими и умелыми пальцами. Револьвер был в полном порядке.

Джеймс поднялся по склону насыпи, нетвердой походкой пересек дорогу и ступил на тротуар, тянувшийся вдоль ряда новых одноэтажных домов с верандами. Услышав шум приближающегося автомобиля, он сошел с тротуара и спрятался за кустами. Он сделал это осознанно, и ему стало немного стыдно своего поступка.

Машина проехала мимо, и никто не заметил его. Он понял, что его не заметили бы, даже если бы он остался на тротуаре.

Ему не хватает уверенности в себе. Вот в чем дело. В его жизни есть пробел — таинственное происшествие, которое он не может вспомнить. Это и подорвало твердую и прочную основу всего его существования, сделало его поступки бессмысленными, мгновенно превратило его в пугливое животное, которое бежит и прячется при виде человека.

Это и что-то еще, заставившее его думать «в обход».

Он все еще сидел в кустах, следил за улицей и тротуаром, не теряя из виду белые, призрачные дома с их палисадниками.

Пуудли сбежал, вот почему Джеймс прячется в палисаднике перед домом мирно спящего и ничего не подозревающего горожанина, вооруженный револьвером, готовый помериться умом, силой и ловкостью с самым кровожадным и злобным существом, обнаруженным в Галактике.

Любой пуудли опасен. Его нельзя держать у себя. Существует даже закон, запрещающий держать не только пуудли, но и ряд других инопланетных животных, гораздо менее опасных, чем пуудли. Закон этот вполне справедлив, и никто — прежде всего он сам — не станет его оспаривать.

А теперь пуудли на свободе и прячется где-то в городе.

Джеймс похолодел при одной мысли об этом, представив себе, что может произойти, если он не выследит этого инопланетного зверя и не прикончит его.

Хотя вряд ли можно назвать пуудли зверем. Он больше, чем зверь. Насколько больше, Джеймс как раз и собирался выяснить. По правде говоря, он узнал немного, далеко не все, что можно узнать; однако и этого оказалось вполне достаточно, чтобы привести его в ужас. Прежде всего он увидел, какой может быть людская ненависть, и убедился, до чего же она мелка, если постигнуть глубину, силу и дикую кровожадность ненависти пуудли. Это не слепая ненависть, бессмысленная и

непоследовательная, которая ведет к поражению, а разумная, расчетливая, целенаправленная. Она приводит в движение умную, разящую без промаха машину, натравливая хитрого и кровожадного зверя на любое живое существо, не являющееся пуудли. Поведение пуудли подчинено закону самосохранения, заставляющему его опасаться всех и каждого. Он понимает этот закон так: безопасность гарантируется только... смертью всех других живых существ. Чтобы совершить убийство, пуудли не требуется никакого повода. Достаточно того, что другое существо живет, движется, этим самым оно представляет угрозу — пусть даже самую незначительную — для пуудли.

Конечно, это безумие, какой-то бессмысленный инстинкт, давно и глубоко укоренившийся в сознании пуудли. Впрочем, может быть, он лишен смысла не более, чем многие людские представления?

Пуудли давал, да и сейчас предоставляет ученым уникальные возможности для изучения поведения инопланетных существ. Получив разрешение, можно было бы наблюдать за пуудли на их собственной планете. Не имея такой возможности, легко наделать глупостей, а это может повлечь за собой серьезные последствия.

Джеймс похлопал рукой по кобуре, как будто револьвер — гарантия того, что он справился с поставленной задачей. Ему было ясно, что следует предпринять: он должен найти пуудли и убить его еще до наступления утра. Ведь пуудли начнет размножаться. Он уже давно готовился к этому, и теперь оставались считанные часы до появления на свет десятков его детенышей. Пуудли размножается почкованием. Через несколько часов после того, как раскроются почки на его теле, маленькие пуудли разбегутся в разные стороны. Они вырастают очень быстро, и если крайне трудно захватить одного пуудли, скрывающегося где-то во чреве громадного спящего города, то обнаружить и изловить его многочисленных детенышей просто невозможно.

Итак, сегодня или никогда!

Сегодня пуудли не станет убивать каждого встречного. Сейчас зверю необходимо лишь одно — найти укромное место, где он мог бы без помех посвятить себя воспроизведению потомства.

Пуудли хитер. Он наверняка выбрал себе убежище еще до того, как совершил побег. Он не стал бы терять драгоценное

время на поиски подходящего места и на запутывание следов. Пуудли точно знал, куда надо идти, и теперь он давно там. Почки выступают на его теле, увеличиваясь и набухая.

Во всем городе есть только одно место, где инопланетное животное может укрыться от любопытных глаз. И человеку, и пуудли нетрудно догадаться, где оно. Но вот вопрос: знает ли пуудли, что человек может его обнаружить? Может быть, пуудли недооценивает человека? Или, наоборот, зная, что человек способен разгадать его план, попробует укрыться в другом месте?

Джеймс выбрался из кустов и пошел по тротуару. На углу при мерцающем свете фонаря он прочитал название улицы. Оказывается, цель ближе, чем можно было надеяться.

В зоопарке царила тишина, и только время от времени раздавался леденящий душу вой, от которого волосы становились дыбом.

Перебравшись через ограду, Джеймс задержался, стараясь определить, какое именно животное так чудовищно воет. Но это ему не удалось. По всей вероятности, решил он, какой-нибудь из новых экземпляров. Просто невозможно запомнить всех обитателей зоопарка — все время поступают новые, ранее неведомые существа, доставляемые с далеких планет.

Прямо перед Джеймсом находилась пустующая, огражденная рвом клетка, которую еще день или два назад занимало необыкновенное чудовище, пойманное в джунглях одного из Арктианских миров. Джеймс содрогнулся при одном воспоминании о звере. В конце концов его пришлось прикончить.

А теперь там прячется пуудли... Впрочем, может быть, его там нет и он скрывается где-нибудь в другой клетке. Зоопарк — единственное место в городе, где пуудли не привлечет особого внимания. Здесь много редких животных и еще одно необычное существо вызовет лишь мимолетное удивление. Его могут и не заметить, если только какой-нибудь служитель зоопарка не вздумает проверить списки. В этой пустующей клетке пуудли сможет без помех заняться воспроизведением потомства. Никто не потревожит его, ведь существа, подобные пуудли,— обычные обитатели этого зоопарка, предназначенного для животных, доставляемых сюда с научной целью или для забавы жестоких людей.

Джеймс тихо стоял у ограды.

Хендерсон Джеймс. Тридцать шесть лет. Холост. Психолог, изучающий инопланетных животных. Научный сотрудник этого зоопарка. Нарушитель закона, добывший и укрывавший инопланетное существо, запрещенное на Земле.

Почему он так думает о себе? Ведь все это ему отлично известно... Нет никакой необходимости именно сейчас заполнять эту бесполезную анкету.

Глупо было затевать всю эту историю с пуудли. Джеймс вспомнил те долгие часы, когда он боролся с собой, обдумывая, какие ужасные последствия она может повлечь за собой. Если бы этот старый пират-космонавт не забрел к нему и не проболтался за бутылкой вина, что за определенную, довольно кругленькую сумму он может доставить живого и невредимого пуудли, ничего бы не случилось. Сам Джеймс, конечно, никогда бы до этого не додумался. Он знал старого капитана и ценил его по прежним сделкам. Это был человек, не брезгующий никаким заработком, но, несмотря на это, вполне надежный. Он не возьмет денег зря и будет держать язык за зубами.

Джеймсу был необходим этот очень интересный зверь пуудли. Разгадав некоторые особенности его поведения, можно сделать необыкновенно ценные научные открытия, вписать новые главы в трагическую книгу изучения инопланетной жизни.

Тем не менее он совершил ужасный проступок, и теперь, когда животное оказалось на свободе, его ужас удвоился. Ведь вполне вероятно, что бесчисленное потомство сбежавшего пуудли способно истребить весь людской род или, по крайней мере, сделать Землю непригодной для ее обитателей. Злая воля и клыки зверя превратят Землю с ее многомиллионным населением в поле сражения. Пуудли будут убивать не потому, что голодны или кровожадны. Просто они твердо убеждены, что не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока на Земле есть хоть какая-нибудь жизнь. А за свою жизнь они будут драться, как загнанная в угол крыса... Разница лишь в том, что в угол их загнало собственное воображение.

Пока отряды добровольцев станут разыскивать пуудли, те успеют разбежаться во все стороны, будут остерегаться всего — ловушек, яда и пуль. Их будет становиться все больше и больше, потому что каждый из них ускорит почкование и на место убитого зверя встанут десятки и сотни новых пуудли.

Джеймс осторожно подошел к краю рва и спрыгнул на грязное дно. После смерти чудовища воду из рва спустили, но дно еще не вычистили. «Должно быть, слишком много другой работы»,— подумал Джеймс.

Он медленно продвигался по дну, шлепая по жидкой грязи. Наконец ему удалось добраться до скалистого выступа, ведущего на островок.

Животное перестало выть, и наступило гробовое молчание. Джеймс остановился, ухватившись руками за мокрые камни, и прислушался, задержал дыхание, боясь нарушить тишину. Вскоре он стал различать шорох насекомых в кустах и в траве, шелест листьев на деревьях по ту сторону рва и далекий нестройный гул спящего города.

Сейчас впервые ему стало по-настоящему страшно. Опасными казались и обманчивое молчание, и грязь под ногами, и скалистые глыбы, вздымающиеся над рвом.

Пуудли опасен не только тем, что он ловок и силен. Он умен. Насколько умен, Джеймс точно не знал. Ему было известно, что зверь умеет рассуждать, способен строить планы и разговаривает, правда не как человек... Но может быть, даже лучше. Он объясняется не только с помощью слов. Он гипнотизирует свои жертвы, завораживает грезами и видениями, а затем перегрызает им горло. Он может усыпить человека, парализовать его способность к действию. Пуудли способен довести человека до безумия, внушив ему одну лишь мысль, столь необычную и мерзкую, что она помрачит сознание человека, лишит его волю упругости, как сломанную пружину.

Зверь должен был бы дать приплод уже давно, но он откладывал почкование до дня побега. Только теперь Джеймс понял, что пуудли решил отомстить Земле, подчинить ее своей власти. Он предусмотрел все, каждую мелочь и не станет церемониться с теми, кто попытается ему помешать.

Джеймс опустил руку в карман и нащупал револьвер. Он невольно стиснул зубы и неожиданно ощутил в себе легкость и силу, которых ему недоставало раньше. Он начал карабкаться вверх по скале, осторожно цепляясь за выступы, затаив дыхание, прильнув к камню. Быстро, ловко и бесшумно, ведь он должен взобраться раньше, чем пуудли заметит его приближение.

Сейчас пуудли ослабил внимание. Он поглощен одним: воспроизведением потомства, которому предстоит начать жестокую, беспощадную войну, в результате которой чужая планета станет безопасной только для пуудли.

Конечно, если он здесь.

Рука Джеймса нащупала траву, пальцы впились в землю, и он подтянулся, преодолев последние футы.

Лежа на невысоком бугорке, Джеймс напряженно прислушивался к малейшему шороху, внимательно вглядывался в каждую пядь земли. Кромешная темнота, заполнявшая ров, кончилась. Теперь слабый свет фонарей на дорожках зоопарка освещал и островок. Следовало особенно опасаться темных уголков.

Медленно, дюйм за дюймом, Джеймс продвигался вперед, напряженно вглядываясь в темноту, прежде чем двинуться дальше. Он прислушивался к каждому шороху, присматривался к любому подозрительному выступу или бугорку, не похожему на камень, куст или даже на траву, и крепко сжимал револьвер. Джеймс готов был спустить курок в любое мгновение.

Минуты тянулись, как часы. Глаза болели от напряжения. Легкость, которую он до сих пор ощущал, покинула его: осталась одна решимость, натянутая, как тетива лука. Предчувствие неудачи постепенно овладело им, а вслед за тем пришло ясное представление о том, что может означать поражение не только для всего человечества, но и для престижа гордого Хендерсона Джеймса. Теперь, реально столкнувшись с возможностью неудачи, он стал обдумывать план действий, на случай если пуудли не окажется в зоопарке и его не удастся уничтожить.

Придется уведомить власти, поднять на ноги полицию, просить газеты и радио известить население об опасности. Он сам окажется в положении человека, из тщеславия и гордыни поставившего под угрозу существование людей на их планете.

Ему, конечно, не поверят, поднимут на смех и будут смеяться до тех пор, пока смех не захлебнется в крови. Джеймс покрылся испариной при одной мысли о том, что произойдет с этим городом, да и со всем миром, прежде чем люди узнают правду.

Пуудли стоял прямо перед Джеймсом, не более чем в шести футах: он поднялся со своего ложа у куста. Джеймс вскинул револьвер, прижав палец к курку.

«Подожди,— стал внушать ему пуудли.— Я пойду с тобой».

Но Джеймс уже спустил курок, и револьвер дрогнул у него в руке.

— Слишком поздно,— сказал он пуудли.— С этого надо было начать. Ты потерял драгоценное время. Воспользуйся ты этим раньше, я был бы твой.

В ту же секунду его захлестнула волна ужаса. Мгновенно перед ним возникло и исчезло страшное видение, способное свести с ума своей непристойностью.

«Все вышло очень просто,— подумал Джеймс.— Гораздо проще, чем я предполагал. Пуудли мертв или умирает. Земля, с миллионами ее ничего не подозревающих обитателей, спасена. А главное, спасен я сам, Хендерсон Джеймс... спасен от унижения, от позора». Чувство облегчения охватило Джеймса. Он испытывал легкую усталость, спокойствие и слабость.

«Дурак,— невнятно бормотал умирающий пуудли,— дурак, получеловек, двойник...»

Смерть оборвала его слова. Джеймс видел, как жизнь покинула пуудли и тело его стало бездыханным.

Джеймс медленно поднялся на ноги. Ему показалось, что он теряет рассудок. В первый момент Джеймс пробовал объяснить это чувством страха, который хотел внушить ему умирающий пуудли.

Пуудли пытался одурачить его. Увидев оружие, зверь попробовал сбить Джеймса с толку. Пуудли необходимо было выиграть время, чтобы внушить своему убийце сводящую с ума мысль, лишь на мгновение возникшую в его сознании. Если бы Джеймс заколебался хоть на одну секунду, он сам был бы теперь мертв. Если бы он помедлил хоть одно мгновение, было бы уже поздно.

Пуудли должен был знать, что Джеймс станет разыскивать его именно здесь, в зоопарке, но зверь, видимо, так глубоко презирал человека, что все же пришел сюда. Он даже не дал себе труда выследить своего убийцу, не подкрался к нему первым, дождался, пока тот едва не наткнулся на него.

Очень странно. Ведь благодаря своим мистическим способностям пуудли должен был знать о каждом шаге Джеймса. После своего побега зверь наверняка непрерывно следил за всеми его поступками и мыслями. Джеймс знал об этой способности

пуудли... Но почему же эта мысль только сейчас пришла ему в голову?

«Что со мной? — подумал он.— Здесь что-то не так. Я должен был знать, что не застигну пуудли врасплох, и все же забыл об этом. А главное, я действительно застал его врасплох, иначе он без труда прикончил бы меня после того, как я выбрался из рва».

«Дурак,— говорил пуудли.— Дурак, получеловек, двойник...»

Двойник!

Он ощутил, как сила, уверенность и твердое убеждение в том, что он, Хендерсон Джеймс, человек, начинают покидать его.

Будто кто-то оборвал нитку, и он, как беспомощная марионетка, растянулся на сцене.

Значит, вот почему Джеймсу удалось застигнуть пуудли врасплох!

Существуют два Хендерсона Джеймса. Пуудли поддерживал связь с одним из них, настоящим, подлинным Хендерсоном Джеймсом. Зверь следил за каждым его шагом и понимал, что с его стороны ему ничего не угрожает. Пуудли не подозревал о существовании второго Хендерсона Джеймса, подкравшегося к нему в темноте.

Хендерсон Джеймс — двойник!

Хендерсон Джеймс, созданный лишь на время!

Хендерсон Джеймс живет сегодня и умрет завтра. Ведь его наверняка убьют. Подлинный Хендерсон Джеймс не позволит ему продолжать свое существование, а даже если бы он и не возражал, другие не допустят этого. Двойников изготовляют лишь на очень короткое время, в случае особой необходимости, и известно, что их уничтожают, едва только они выполнят свое дело.

Уничтожают... Да, именно так. Убирают с дороги, с глаз долой. Убивают безжалостно, как цыплят.

Он прошел вперед, опустился на одно колено перед пуудли и в темноте провел рукой по телу зверя. Оно было покрыто бугорками — набухшими почками, которым уже не суждено раскрыться и выкинуть выводок отвратительных детенышей.

Джеймс встал.

Дело сделано. Пуудли убит, убит до того, как он произвел на свет свое ужасное потомство.

Дело сделано, и он может идти домой.

Домой? Конечно, это ему и внушили. Они ждут, что он так и сделает. Пойдет домой, вернется на Саммит-авеню, где его караулят палачи. Добровольно и с легким сердцем пойдет навстречу смерти.

Дело сделано, и он больше не нужен. Его создали для выполнения определенного задания, и теперь оно завершено. Час назад он играл важную роль в планах людей, а сейчас в нем больше не нуждаются. Он лишний, он — помеха. Его устранят спокойно, без шума и даже с удовольствием. Ведь все сошло так благополучно.

«Но постой,— сказал он себе.— Может быть, ты вовсе не двойник? Ты же не чувствуешь себя двойником!»

Ну конечно! Он чувствует себя Хендерсоном Джеймсом. Он живет на Саммит-авеню. Он незаконно держал на Земле животное, называемое пуудли, чтобы наблюдать его, разговаривать с ним, проверить ряд функций его инопланетного организма, попытаться определить уровень его умственного развития, границы, глубину и степень его отличия от человека. Нет сомнений, он совершил глупость. Но в свое время все это казалось важным по многим причинам.

«Я человек,— подумал он,— и это неопровержимый факт. Но ведь это ничего не меняет. Хендерсон Джеймс — человек, и его двойник должен быть таким же человеком, потому что двойник ни в чем существенном не отличается от человека, по образу и подобию которого он изготовлен.

Ни в чем существенном, кроме кое-каких мелочей. Как ни велико сходство с образцом, какой бы совершенной ни была копия, двойник все-таки другой человек. Он способен мыслить и приобретать знания, и через некоторое время он полностью уподобится своему прототипу... Но для этого необходимо время. Время, чтобы полностью разобраться в себе, чтобы освоить знания и опыт, заложенные в его сознании, и установить правильное соотношение между ними. Сначала он будет двигаться на ощупь и искать, пока не натолкнется на знакомые предметы. Он должен узнать себя, разобраться в себе. Только тогда ему удастся, протянув руку в темноте, сразу же коснуться нужного предмета».

Ведь именно так он и поступал. Сначала он пользовался лишь элементарными понятиями и фактами:

«Я человек.

Я на планете Земля.

Я Хендерсон Джеймс.

Я живу на Саммит-авеню.

Нужно что-то сделать».

Теперь он вспомнил, сколько потребовалось времени, прежде чем он догадался, что же именно нужно сделать.

Даже теперь множество веских причин, заставивших человека, рискуя собственной головой, изучать столь злобную тварь, как пуудли, оставались скрытыми во все еще окутанных мраком тайниках его сознания. Причины были, в этом он уверен, и вскоре вспомнит, какие именно.

Будь он истинным Хендерсоном Джеймсом, то знал бы их сейчас; они были бы частью его самого, частью его жизни. Их не нужно было бы так тщательно искать.

Конечно, пуудли догадался, причем безошибочно, что существуют два Хендерсона Джеймса. Ведь он следил за одним из них, когда появился другой. Любое существо, даже с гораздо более низким уровнем умственного развития, без труда поняло бы это.

«Не заговори пуудли, я бы никогда не узнал правды,— подумал он.— Если бы зверь умер сразу, я бы ничего не узнал и сейчас уже не возвращался бы домой на Саммит-авеню».

Джеймс стоял, одинокий и опустошенный, на островке, окруженном рвом, и ощущал привкус горечи во рту.

Джеймс тронул мертвого пуудли ногой.

— Прости меня,— сказал он коченеющему трупу.— Я раскаиваюсь теперь. Я не стал бы убивать тебя, если б знал правду.

С высоко поднятой головой он пошел прочь.

Прячась в тени, он остановился на углу. В середине квартала, на другой стороне улицы, стоял его дом. В одной из комнат наверху горел свет. Фонарь у калитки сада освещал дорожку, ведущую к двери.

Дом как будто ждал возвращения хозяина. Да, так оно и было в действительности. Старая хозяйка ждет, тихо покачиваясь в скрипучем кресле, сложив руки на коленях... с револьвером, спрятанным под шалью.

Он горько усмехнулся, посмотрев на дом. «За кого они меня принимают? — подумал он.— Поставили ловушку на виду у всех и даже не позаботились о приманке». И тут он вспомнил: они

ведь и не подозревают, что он узнал правду. Они уверены, что он считает себя настоящим и единственным Хендерсоном Джеймсом. Они, конечно, ждут, что он придет сюда, не сомневаясь, что возвращается к себе домой. Они не могут представить себе, что он обнаружил истину.

Что ему теперь делать? Теперь, когда он стоит рядом с домом, где его ждут убийцы?

Его создали и наделили жизнью для того, чтобы выполнить то, чего настоящий Хендерсон Джеймс не решался или не хотел сделать. Он совершил убийство потому, что тот Джеймс не захотел марать себе рук или рисковать своей шкурой.

А может быть, причина вовсе не в этом? Ведь только два человека могут справиться с пуудли. Один должен обмануть бдительность зверя, а другой тем временем подкрасться к нему и убить.

Так или иначе, его изготовили за кругленькую сумму по образу и подобию Хендерсона Джеймса. Мудрость человеческих знаний, волшебство техники, глубокое понимание законов органической химии, физиологии человека и таинств жизни создали второго Хендерсона Джеймса. Учитывая чрезвычайность обстоятельств, например нарушение общественной безопасности, в этом нет ничего незаконного. Его, наверно, изготовили именно под этим предлогом. Однако по существующим условиям двойник, после того как он выполнил намеченное задание, должен быть устранен.

Обычно это не представляет особых трудностей, ведь двойник не знает, что он двойник. Он уверен, что он настоящий человек. У него нет никаких подозрений, никаких предчувствий гибели, он не видит никаких причин опасаться смерти, ожидающей его.

Двойник нахмурился, пытаясь осмыслить случившееся.

Ну и этика у них!

Он жив, и он хочет жить. Жизнь оказалась слишком сладкой, слишком прекрасной, чтобы вернуться в небытие, из которого он пришел... Или он уже не вернется туда? Теперь, когда он узнал жизнь, теперь, когда он жив, разве он не может надеяться на загробную жизнь, как и всякий другой? Разве он не имеет права, подобно любому человеку, цепляться за призрачные и манящие обещания религии? Он попытался вспомнить, что ему известно об этом, но не смог. Позже удастся вспомнить

больше. Позже он будет знать все. Нужно лишь привести в порядок и активизировать знания, полученные от настоящего Джеймса.

В нем проснулся гнев — нечестно дать ему лишь несколько коротких часов жизни, позволив понять, как она прекрасна, и сразу же отнять ее. Это больше чем простая человеческая жестокость. Это порождение антигуманных отношений машинного общества, оценивающего действительность лишь с материальной, механической точки зрения и безжалостно отбрасывающего все, что не укладывается в эти рамки.

«Жестокость в том, что меня вообще наделили жизнью, а не в том, что ее хотят отобрать»,— подумал он.

Во всем, конечно, виноват настоящий Хендерсон Джеймс. Это он достал пуудли и позволил ему сбежать. Из-за его халатности и неумения исправить ошибку пришлось создать двойника.

И все-таки может ли он осуждать его?

Не должен ли он благодарить Джеймса за эти несколько часов, за счастье узнать, что такое жизнь? Хотя он никак не мог решить, стоит ли это счастье благодарности.

Он стоял, глядя на дом. В кабинете рядом со спальней хозяина горела лампа. Там настоящий Хендерсон Джеймс ждал известия о смерти своего двойника. Легко сидеть и ждать, сидеть и ждать известия, которое придет наверняка. Легко приговорить к смерти человека, которого ты никогда не видел, даже если он как две капли воды похож на тебя.

Труднее решиться убить, когда столкнешься с ним лицом к лицу... Труднее убить человека, который в силу обстоятельств ближе тебе, чем родной брат, человека, который почти буквально плоть от плоти твоей, кровь от крови твоей, мозг от мозга твоего.

Не нужно забывать и о практической стороне дела, об огромном преимуществе работать с человеком, думающим так же, как и ты, являющимся почти что твоим вторым «я». Как будто ты существуешь в двух лицах.

Все это можно устроить. Пластическая операция и плата за молчание могут изменить двойника до неузнаваемости. Немного бюрократической волокиты, немного обмана... Но все же вполне осуществимо.

Если повезет, можно проникнуть в кабинет. Для этого нужно лишь немного силы, ловкости и уверенности в победе. Вдоль

стены проходит кирпичный дымоход, закрытый снизу кустами и маскируемый растущим деревом. Можно забраться наверх по его неровному кирпичному фасаду, подтянуться и влезть в открытое окно освещенной комнаты.

И когда настоящий Хендерсон Джеймс окажется лицом к лицу со своим двойником, может произойти все что угодно. Двойник уже не будет безличной силой. Он станет человеком, человеком, очень близким образцу, по которому он изготовлен.

Те, кто ждет его, следят только за парадным входом. Если действовать тихо, то не успеют они и глазом моргнуть, как он проникнет в сад и бесшумно взберется в комнату по дымоходу.

Он снова спрятался в тень и задумался: можно влезть в комнату, встретиться с настоящим Джеймсом и рискнуть договориться с ним или просто скрыться... убежать, спрятаться и, выждав удобный случай, убраться подальше, на какую-нибудь отдаленную планету.

И тот и другой пути рискованны. Выбери он первый, то выиграет или проиграет в течение часа, а если выбрать второй — тогда, пожалуй, придется ждать несколько месяцев в постоянной опасности и неуверенности.

Что-то тревожило его. Какое-то назойливое незначительное обстоятельство беспокоило его, но он не мог вспомнить, какое именно. Может быть, оно и важно, а может, это случайный, ищущий своего места обрывок каких-то сведений.

Он мысленно отбросил его.

Долгий или короткий путь?

Еще мгновение он постоял в нерешительности, а потом быстро пошел по улице, ища место, где можно было бы перейти на другую сторону незамеченным.

Он выбрал краткий путь.

Комната была пуста.

Он неподвижно стоял у окна, бегали только его глаза, обыскивая каждый угол, все еще не веря тому, что не могло быть правдой... Хендерсон Джеймс не сидел в комнате в ожидании известий о двойнике.

Потом он быстро прошел к двери спальни и настежь распахнул ее. Нащупал выключатель и включил свет. Спальня и ванная были пусты; он вернулся в кабинет.

Он стоял, прислонившись к стене, лицом к двери, ведущей в прихожую, и медленно, шаг за шагом, осматривал комнату, приспосабливаясь к ней, узнавая ее форму и очертания, чувствуя, как им все больше и больше овладевает приятное чувство собственности.

Книги, камин, заставленный сувенирами, кресла, бар... Все это принадлежит ему, так же как тело и мысли.

«Я бы лишился всего этого, так никогда и не узнав, если б пуудли не посмеялся надо мной,— подумал он.— Я бы так и умер, не найдя своего места в мире».

Глухо зазвонил телефон. Он испугался, словно кто-то посторонний ворвался в комнату и лишил его чувства собственности, владевшего им.

Телефон зазвонил снова. Он взял трубку.

— Джеймс слушает,— сказал он.

— Это вы, мистер Джеймс?

Говорил садовник Андерсон.

— Ну конечно,— сказал двойник.— Кто же еще?

— Здесь какой-то парень уверяет, что он — это вы.

Хендерсон Джеймс, двойник, замер на месте. Его рука так сильно сжала трубку, что он даже удивился, почему она не разлетелась на куски.

— Он одет так же, как и вы,— сказал садовник.— А я знаю, что вы пришли. Помните, я еще говорил с вами: сказал, что не нужно этого делать. Не нужно, пока мы ждем эту... эту тварь.

— Да,— ответил двойник и сам удивился спокойствию своего голоса.— Да, я помню наш разговор.

— Но, сэр, как же вы вернулись?

— Я прошел черным ходом.

— Но он одет так же, как и вы.

— Конечно. А как же иначе, Андерсон?

Это было вовсе не обязательно, но Андерсон был не слишком-то сообразителен, да и вдобавок сейчас немного расстроен.

— Вы же помните, что мы говорили об этом,— произнес двойник.

— Да, сэр,— подтвердил Андерсон.— И вы велели мне сообщить вам, проверить, у себя ли вы.

— Вы проверили, что я здесь.

— Тогда это он?

— Ну конечно,— сказал двойник.— Кто же еще?

Он положил трубку и стал ждать. Через минуту раздался приглушенный, похожий на кашель звук выстрела. Он опустился в кресло, потрясенный поворотом событий. Теперь он в полной безопасности.

Скоро он переоденется, спрячет свою одежду и револьвер. Слуги, конечно, не станут ни о чем спрашивать, но лучше не возбуждать никаких подозрений.

Он почувствовал, что успокаивается, и позволил себе оглядеть комнату, книги и обстановку; изящный, приятный и заслуженный комфорт человека с положением.

Он мягко улыбнулся и произнес:

— Как будет хорошо!

Все вышло так просто; сейчас все кажется до смешного легким, потому что он так и не увидел человека, подошедшего к двери. Легко убить человека, которого ты никогда не видел.

С каждым часом он все больше и больше будет привыкать к характеру, доставшемуся ему по праву наследства. Через некоторое время уже никто, даже он сам, не усомнится, что он и есть Хендерсон Джеймс.

Снова зазвонил телефон. Он встал и снял трубку.

Вежливый голос сказал:

— Говорит Аллен, из лаборатории двойников. Мы еще не получили от вас никаких известий.

— Да,— сказал Джеймс.— Я...

— Я просто хочу сказать вам, чтобы вы не беспокоились. Я совершенно упустил это из виду.

— Да.

— Этот экземпляр мы изготовили по-новому — впрыснули ему медленно действующий яд. Еще одна предосторожность. По всей вероятности, излишняя, но нам нужна полная гарантия. Так что не беспокойтесь, если он не появится.

— Я уверен, что он придет.

Аллен захихикал и добавил:

— Двадцать четыре часа. Как мина, как запал.

— Спасибо, что вы сообщили мне об этом.

— Рад стараться. Спокойной ночи, мистер Джеймс.

ВЕТЕР ЧУЖОГО МИРА

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки, этот четкий, отлаженный механизм, созданный и снаряженный для одной лишь цели — занять на чужой планете плацдарм, уничтожить вокруг корабля все живое и основать базу, где было бы достаточно места для выполнения задачи. А если придется, удерживать и защищать плацдарм от кого бы то ни было до самого отлета.

Как только на планете появляется база, приступают к работе ученые. Исследуется все до мельчайших деталей. Они делают записи на пленку и в полевые блокноты, снимают и замеряют, картографируют и систематизируют до тех пор, пока не создается стройная система фактов и выводов для галактических архивов.

Если встречается жизнь — что в Галактике не редкость,— ее исследуют так же тщательно, особенно реакцию на людей. Иногда реакция бывает яростной и враждебной, иногда почти незаметной, но не менее опасной. Однако легионеры и роботы всегда готовы к любой ситуации, и нет для них неразрешимых задач.

Никто и ничто не может остановить группу межпланетной разведки.

Том Деккер сидел в пустой рубке и вертел в руках высокий стакан с кубиками льда, наблюдая, как из трюмов корабля выгружается первая партия роботов. Они вытянули за собой конвейерную ленту, вбили в землю опоры и приладили к ним транспортер.

© Перевод А. Корженевского.

Дверь за его спиной открылась с легким щелчком, и Деккер обернулся.

— Разрешите войти, сэр? — спросил Дуг Джексон.

— Да, конечно.

Джексон подошел к большому изогнутому иллюминатору.

— Что же нас тут ожидает? — задумчиво прошептал он.

— Еще одно обычное задание,— пожал плечами Деккер.— Шесть недель. Или шесть месяцев. Все зависит от того, что мы обнаружим.

— Похоже, здесь будет посложнее,— сказал Джексон, усаживаясь рядом с ним.— На планетах с джунглями всегда трудно.

— Это работа. Просто еще одна работа. Еще один отчет. Потом сюда пришлют либо эксплуатационную группу, либо переселенцев.

— Или,— возразил Джексон,— поставят отчет на пыльную полку архива и забудут.

— Это уже их дело. Наше дело — его подготовить. Что с ним будет дальше, нас не касается.

За иллюминатором первые шесть роботов сняли крышку с контейнера и распаковали седьмого. Затем, разложив рядом инструменты, собрали его, не тратя ни одного лишнего движения, вставили в металлический череп мозговой блок, включили и захлопнули дверцу на груди. Седьмой встал неуверенно, постоял несколько секунд и, сориентировавшись, бросился к транспортеру помогать выгружать контейнер с восьмым.

Деккер задумчиво отхлебнул из своего стакана. Джексон зажег сигарету.

— Когда-нибудь,— сказал он, затягиваясь,— мы наверняка встретим что-то такое, с чем не сможем справиться.

Деккер фыркнул.

— Может быть, даже здесь,— настаивал Джексон, разглядывая кошмарные джунгли за иллюминатором.

— Ты романтик,— отрезал Деккер.— Кроме того, ты молод: все еще мечтаешь о неожиданностях. Десяток раз слетаешь, и это у тебя пройдет.

— Но все-таки то, о чем я говорю, может случиться.

Деккер сонно кивнул:

— Может. Никогда не случалось, но, наверное, может. Впрочем, стоять до последнего — не наша задача. Если нас ждет тут

что-нибудь такое, что нам не по зубам, мы долго на этой планете не задержимся. Риск — не наша специальность.

Корабль покоился на вершине холма посреди маленькой поляны, буйно заросшей травой и экзотическими цветами. Рядом лениво текла река, неся свои сонные темно-бурые воды сквозь опутанный лианами огромный лес. Вдаль, насколько хватал глаз, тянулись джунгли, мрачная сырая чаща, которая даже через стекло иллюминатора, казалось, дышала опасностью. Животных не было видно, но никто не мог знать, какие твари прячутся в темных норах или в кронах деревьев.

Восьмой робот включился в работу. Теперь уже две группы по четыре робота вытаскивали контейнеры и собирали новые механизмы. Скоро их стало двенадцать — три рабочие группы.

— Вот так! — возобновил разговор Деккер, кивнув на иллюминатор.— Никакого риска. Сначала роботы. Они распаковывают и собирают друг друга. Затем все вместе устанавливают и подключают технику. Мы даже не выйдем из корабля, пока вокруг не будет надежной защиты.

Джексон вздохнул:

— Наверное, вы правы. С нами действительно ничего не может случиться. Мы не упускаем ни одной мелочи.

— А как же иначе? — Деккер поднялся с кресла и потянулся.— Пойду займусь делами. Последние проверки и все такое...

— Я вам нужен, сэр? — спросил Джексон.— Я бы хотел посмотреть. Все это для меня ново...

— Нет, не нужен. А это... это пройдет. Еще лет двадцать, и пройдет.

На столе у себя в кабинете Деккер обнаружил стопку предварительных отчетов и неторопливо просмотрел их, запоминая все особенности мира, окружавшего корабль. Затем принялся читать отчеты внимательно, складывая прочитанные справа от себя лицевой стороной вниз.

Давление атмосферы чуть выше, чем на Земле. Высокое содержание кислорода. Сила тяжести немного больше земной. Климат жаркий. На планетах-джунглях всегда жарко. Снаружи слабый ветерок. Хорошо бы он продержался... Продолжительность дня тридцать шесть часов. Радиации местных источников нет, но случаются вспышки солнечной активности. Обязательно установить наблюдение... Бактерии, вирусы; как всегда, на таких планетах много. Но, очевидно, никакой опасности. Команда

напичкана вакцинами и гормонами по самые уши. Хотя до конца, конечно, уверенным быть нельзя. Минимальный риск есть, ничего не поделаешь. И если вдруг найдется какой-нибудь настырный микроб, способы защиты придется искать прямо здесь... Растительность и почва наверняка просто кишат микроскопической живностью. Скорее всего, вредной. Но это уже будничная работа. Полная проверка. Почву необходимо проверять, даже если на планете нет жизни. Хотя бы для того, чтобы удостовериться, что ее действительно нет...

В дверь постучали, и вошел капитан Карр, командир легионеров. Деккер ответил на приветствие, не вставая из-за стола.

— Разрешите доложить, сэр! — четко произнес Карр.— Легион готов к высадке!

— Отлично, капитан. Отлично,— ответил Деккер.

«Какого черта ему надо? Легион всегда готов и всегда будет готов — это естественно. Зачем такие формальности?»

Наверное, виной тому характер Карра. Легион, с его жесткой дисциплиной, давними традициями и гордостью за них, всегда привлекал людей, давая им возможность отшлифовать врожденную педантичность.

Оловянные солдатики высшего качества. Тренированные, дисциплинированные, вакцинированные против любой известной и неизвестной болезни, натасканные в инопланетной психологии земляне с огромным потенциалом выживаемости, выручающим их в самых опасных ситуациях...

— Повременим, капитан,— сказал Деккер.— Роботы только начали сборку.

— Жду ваших приказаний, сэр!

— Благодарю, капитан.— Деккер дал понять, что хочет остаться один. Но когда Карр подошел к двери, он снова окликнул его.

— Да, сэр!

— Я вот подумал...— медленно проговорил Деккер.— Просто подумал... В состоянии ли вы представить себе ситуацию, с которой Легион не смог бы справиться?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, сэр.

Глядеть на Карра в этот момент было сплошное удовольствие. Деккер вздохнул:

— Я и не предполагал, что вы поймете.

К вечеру все роботы и кое-какие механизмы были собраны, появились первые автоматические сторожевые посты. Огнеметы выжгли вокруг корабля кольцо футов пятьсот диаметром, а затем в ход пошел генератор жесткого излучения, заливший землю внутри кольца безмолвной смертью. Ужасное зрелище: почва буквально вскипала живностью, корчившейся в последних бесплодных попытках избежать гибели. Роботы собрали огромные батареи ламп, и на вершине холма стало светлее, чем днем. Подготовка к высадке продолжалась, но ни один человек еще не ступил на землю новой планеты.

В тот вечер робот-официант установил столы в галерее, чтобы люди во время еды могли наблюдать за ходом работ снаружи. Вся группа — разумеется, кроме легионеров, которые оставались в своих каютах,— уже собралась к ужину, когда в отсек вошел Деккер.

— Добрый вечер, джентльмены.

Он сел во главе стола, после чего расселись по старшинству и все остальные.

Деккер сложил перед собой руки и склонил голову, собираясь произнести привычные, заученные слова. Он задумался и, когда заговорил, сам удивился своим словам.

— Отец наш, мы, слуги твои в неизведанной земле, находимся во власти греховной гордыни. Научи нас милосердию и приведи нас к знанию. Ведь люди, несмотря на дальние их путешествия и великие дела, все еще дети твои. Благослови хлеб наш, Господи. И не оставь без сострадания. Аминь.

Деккер поднял голову и скользнул взглядом по столу. Кого-то, он заметил, его слова удивили, кого-то позабавили. Возможно, они думают, что старик совсем выдохся. Может быть, и так. Хотя до полудня он чувствовал себя в полном порядке... Все этот молодой Джексон...

— Прекрасные слова, сэр,— сказал наконец Макдональд, главный инженер группы.— Среди нас есть кое-кто, кому не мешало бы прислушаться и запомнить их. Благодарю вас, сэр.

Через стол начали передавать блюда и тарелки, и постепенно галерея оживилась домашним звоном хрусталя и серебра.

— Похоже, здесь будет интересно,— начал разговор Уолдрон, антрополог по специальности.— Мы с Диксоном стояли на наблюдательной палубе как раз перед заходом солнца, и нам

показалось, что мы видели у реки какое-то движение. Что-то живое...

— Было бы странно, если б мы здесь никого не нашли,— ответил Деккер, накладывая себе в тарелку обжаренного картофеля.— Когда сегодня облучали площадку, в земле оказалось полно всяких тварей.

— Существа, которых мы с Уолдроном видели, походили на гуманоидов.

Деккер посмотрел на биолога с интересом.

— Вы уверены?

Диксон покачал головой:

— Видно было неважно, но мне показалось, что их было двое или трое. Этакие спичечные человечки.

— Как дети рисуют,— кивнул Уолдрон.— Одна черточка — туловище, две — ножки, еще две — ручки, кружок — голова. Угловатые такие, тощие...

— Но двигаются красиво,— добавил Диксон.— Мягко, плавно, как кошки.

— Ладно, скоро узнаем, кто такие. Через день-два мы их найдем,— ответил Деккер.

Забавно. Почти на каждой планете кто-нибудь сразу «находит» гуманоидов, и почти всякий раз они оказываются игрой воображения. Люди часто выдают желаемое за действительное. Что ж, вполне понятное желание — вдали от своих, на чужой планете найти жизнь, которая хотя бы на первый взгляд напоминала что-то знакомое. Но, как правило, представители гуманоидной расы, если таковая встречалась, оказывались настолько отталкивающими и чужими, что по сравнению с ними даже земной осьминог кажется родным и близким.

— Я все думаю о том горном массиве к западу,— вступил в разговор Фрейни, начальник георазведки,— который мы видели при подлете. Похоже, горы образовались сравнительно недавно, а это всегда удобнее для работы: легче добраться до того, что скрыто внутри.

— Разведку начнем в том направлении,— неожиданно решил Деккер.

Яркие огни снаружи вселяли в ночь новую жизнь. Собирались огромные механизмы. Четко двигались роботы. Машины поменьше суетились, как напуганные жуки. С южной стороны

все полыхало, а небо то и дело озарялось новыми всплесками пламени, вырывающегося из огнеметов.

— Доделывают посадочное поле,— произнес Деккер.— Там осталась полоса джунглей, но она ровная, как пол. Еще немного — и поле тоже будет готово.

Робот принес кофе, бренди и сигары. Расположившись поудобнее, Деккер и все остальные продолжали наблюдать за работой снаружи.

— Ненавижу это ожидание,— нарушил молчание Фрейни.

— Часть работы. Ничего не поделаешь,— ответил Деккер и подлил в кофе еще бренди.

К утру все машины были собраны. Одни уже выполняли какие-то задания, другие стояли наготове. Огнеметы закончили свою работу, и по их маршрутам ползали излучатели. На подготовленном поле стояло несколько реактивных самолетов. Примерно половина от общего числа роботов, закончив порученные дела, построилась в аккуратную прямоугольную колонну.

Наконец опустился наклонный трап, и по нему сошли на землю легионеры. Колонной по два, с блеском и грохотом, с безукоризненной точностью, способной посрамить даже роботов. Конечно, без знамен и барабанов, поскольку пользы от них никакой, а Легион, несмотря на пристрастие к блеску и показухе, организация чрезвычайно эффективная. Колонна развернулась, вытянулась в линию и разбилась по взводам, которые тут же направились к границам базы. Машины, роботы и легионеры заняли посты. Земля подготовила плацдарм еще на одной планете.

Роботы быстро и деловито собрали открытый павильон из полосатого брезента, разместили в тени столы, кресла, втащили туда холодильник с пивом и льдом.

Теперь и обычные люди могли покинуть безопасные стены корабля.

«Организованность,— с гордостью произнес про себя Деккер, окидывая базу взглядом.— Организованность и эффективность! Ни одной лазейки для случайностей! Любую лазейку заткнуть еще до того, как она станет лазейкой! Подавить любое сопротивление, пока оно не выросло! Абсолютный контроль на плацдарме!»

Конечно, позже может что-то случиться. Всего не предусмотришь. Будут выездные экспедиции, и даже под защитой роботов и легионеров остается какой-то риск. Будет воздушная разведка, картографирование, и все это несет в себе элемент риска. Однако опасность сведена к минимуму.

И всегда будет база. Абсолютно надежная и неприступная база, куда при случае можно отступить и откуда, если понадобится, можно контактировать или присылать подкрепление.

Все продумано! Неожиданностей быть не должно!

И что на него такое вчера нашло?.. Наверное, это из-за молодого Джексона. Способный биохимик, конечно, не для межпланетной разведки. Видимо, что-то где-то не сработало: отборочная комиссия должна была выявить его эмоциональную неустойчивость. Не то чтобы он мог помешать делу, но на нервы действует.

Деккер выложил на стол в павильоне целую кучу документов, затем нашел среди них карту, развернул ее и разгладил большим пальцем сгибы. На карте была нанесена лишь часть реки и горного хребта. Базу обозначал перечеркнутый крестом квадрат, а все остальное пространство оставалось пустым.

Но это ненадолго. Через несколько дней у них будут полные карты.

С поля рванулся в небо самолет, плавно развернулся и ушел на запад. Деккер выбрался из павильона и посмотрел ему вслед. Должно быть, это Джарвис и Доннели, назначенные в первый полет в юго-западный сектор между базой и горным хребтом.

Еще один самолет поднялся в воздух, выбрасывая за собой огненный хвост, набрал скорость и скрылся вдали. Фриман и Джонс.

Деккер вернулся к столу, опустился в кресло и, взяв карандаш, принялся рассеянно постукивать по почти пустой карте. За спиной взмыл в небо еще один самолет.

Он снова окинул базу взглядом, и теперь она уже не казалась ему выжженным полем. Что-то теперь чувствовалось здесь земное. Эффективность, здравый смысл, спокойно работающие люди.

Кто-то с кем-то спорил, кто-то готовил приборы, обсуждая с роботами возникшие по ходу дела вопросы. Другие просто осматривались, привыкали.

Деккер удовлетворенно улыбнулся. Способная у него команда. Большинству из них придется подождать возвращения первой разведки, но даже сейчас они не выглядели праздно.

Позже будут взяты пробы почвы. Роботы поймают и доставят животных, которых потом сфотографируют и подвергнут изучению по полной программе. Деревья, травы, цветы — все будет описано и классифицировано. Вода в реке, ее обитатели...

И все это только здесь, в районе базы, пока не поступят новые данные разведки, указывающие, на что еще следует обратить внимание.

Когда придут эти данные, начнется настоящая, большая работа. Геологи и минералоги займутся полезными ископаемыми. Появятся метеорологические станции. Ботаники и биологи возьмутся за сбор сравнительных образцов. Каждый будет выполнять работу, к которой его готовили. Отовсюду пойдут доклады, и со временем из них сложится стройная, точная картина жизни планеты.

Работа. Много работы днем и ночью. И все это время база будет маленьким кусочком Земли, неприступным для любых сил чужого мира.

Деккер сидел, развалясь в кресле. Легкий ветер шевелил полог павильона, шелестел бумагами на столе и ерошил волосы. «Хорошо,— подумалось Деккеру,— но, наверное, это ненадолго».

Когда-нибудь он найдет себе уютную планету, райский уголок с неизменно прекрасной погодой, где все, что нужно, растет на деревьях, а местные жители умны и общительны. Он просто откажется улетать, когда корабль приготовится к старту, и проживет свои последние дни вдали от проблем этой проклятой Галактики, истощенной голодом, свихнувшейся от дикости и такой одинокой, что трудно передать словами...

Деккер очнулся от своих странных мыслей и увидел перед собой Джексона.

— В чем дело, Джексон? — с неожиданной резкостью спросил он.— Почему ты не...

— Местного привели, сэр! — выдохнул Джексон.— Из тех, кого видели Диксон и Уолдрон.

Абориген оказался человекоподобным, но на людей Земли он походил мало. Как сказал Диксон, спичечный человечек. Живой рисунок четырехлетнего ребенка. Весь черный, совершенно без одежды, но в глазах, смотревших на Деккера, светился огонек разума.

Глядя в эти глаза, Деккер чувствовал себя неуютно и скованно, но вокруг молча стояли в ожидании его люди, и он медленно потянулся к одному из шлемов ментографа. Когда пальцы Деккера коснулись гладкой поверхности, на него снова накатило смутное, но сильное нежелание надевать шлем. Контакт или попытка контакта с чужим разумом всегда вызывали у него это тревожное чувство. Что-то каждый раз боязливо сжималось у него внутри, видимо потому, что такой непосредственный, близкий контакт был чужд человеческой природе.

Деккер медленно взял шлем в руки, надел на голову и жестом предложил «гостю» второй. Пауза затягивалась, глаза аборигена внимательно следили за его действиями. «Он нас не боится,— подумал Деккер.— Настоящая первобытная храбрость. Вот так стоять посреди незнакомого, которое расцвело почти за одну ночь на его земле... Стоять, не дрогнув, в кругу существ, которые, должно быть, кажутся ему пришельцами из кошмара».

Наконец абориген сделал шаг к столу, взял шлем и неуверенно пристроил прибор на голову, ни на секунду не отрывая взгляда от человека.

Деккер попытался расслабиться, одновременно внушая себе мысли о мире и спокойствии. Надо быть очень внимательным, чтобы не испугать это существо, и сразу продемонстрировать дружелюбие. Малейший оттенок резкости может испортить все дело.

Уловив первое дуновение мысли спичечного человечка, Деккер почувствовал ноющую боль в груди. Что-то снова сжалось у него внутри, но ему вряд ли удалось бы передать свои ощущения словами — слишком все было чужое, предельно чужое.

— Мы друзья,— заставил он себя думать, борясь с подступающей чернотой отвращения.— Мы друзья. Мы друзья. Мы...

— Вам не следовало сюда прилетать,— послышалась ответная мысль.

— Мы не причиним вам зла,— думал Деккер.— Мы друзья. Мы не причиним вам зла. Мы...

— Вы никогда не улетите отсюда.

— Мы предлагаем дружбу,— продолжал Деккер.— У нас есть для вас подарки. Мы вам поможем...

— Вам не следовало прилетать сюда,— настойчиво звучала мысль аборигена.— Но раз вы уже здесь, теперь вам не улететь.

— Ладно, хорошо.— Деккер решил не спорить с ним.— Мы останемся и будем друзьями. Будем учить вас. Дадим вам вещи, которые привезли с собой, и останемся здесь с вами.

— Вы никогда не улетите отсюда,— звучало в ответ, и было в этой мысли что-то холодное, окончательное. Деккеру стало не по себе. Абориген действительно верил в то, что говорил. Не пугал и не преувеличивал. Он даже не сомневался, что им не удастся улететь с планеты...— Вы умрете здесь!

— Умрем? — переспросил Деккер.— Как это понимать?

В ответ он почувствовал лишь презрение. Спичечный человечек снял шлем, аккуратно положил, повернулся и вышел. Никто не сдвинулся с места, чтобы остановить его. Деккер бросил свой шлем на стол.

— Джексон, сообщите легионерам из охраны, чтобы его выпустили. Не пытайтесь помешать ему уйти.

Он откинулся в кресле и посмотрел на окружавших его людей.

— Что случилось, сэр? — спросил Уолдрон.

— Он приговорил нас к смерти,— ответил Деккер.— Сказал, что мы не улетим с этой планеты, что мы здесь умрем.

— Сильно сказано.

— И без тени сомнения,— произнес Деккер, потом небрежно махнул рукой.— Видимо, он просто не понимает, что им не под силу остановить нас, если мы захотим улететь. Он убежден, что мы здесь умрем.

В самом деле, забавная ситуация. Выходит из лесу голый гуманоид и угрожает всей земной разведывательной группе. Причем так в себе уверен... Но на лицах, обращенных к Деккеру, не было ни одной улыбки.

— Они ничего не могут нам сделать,— сказал Деккер.

— Тем не менее,— предложил Уолдрон,— следует принять меры.

— Мы объявим готовность номер один и усилим посты,— кивнул Деккер.— До тех пор, пока не удостоверимся...

Он запнулся и умолк. В чем, собственно, они должны удостовериться? В том, что голые аборигены без всяких признаков материальной культуры не смогут уничтожить группу землян, защищенных стальным периметром, машинами, роботами и солдатами, знающими все, что положено знать для немедленного и безжалостного устранения любого противника?

Чертовщина какая-то!

И все же в этих глазах светился разум. Разум и смелость. Он выстоял, не дрогнув, в кругу совершенно чужих для него существ. Сказал, что должен был сказать, и ушел с достоинством, которому землянин мог бы позавидовать. Очевидно, он догадался, что перед ним существа с другой планеты, поскольку сам сказал, что им не следовало прилетать...

— О чем ты думаешь? — спросил Деккер Уолдрона.

— Раз мы предупреждены, надо вести себя со всеми возможными предосторожностями. Но пугаться нечего. Мы в состоянии справиться с любой опасностью.

— Это блеф,— вступил в разговор Диксон.— Нас хотят испугать, чтобы мы улетели.

— Не думаю,— покачал головой Деккер.— Он был так же уверен в себе, как и мы.

Работа продолжалась. Никто не атаковал. Самолеты вылетали по графику, и постепенно экспедиционные карты заполнялись многочисленными подробностями. Полевые партии делали осторожные вылазки. Роботы и легионеры сопровождали их по флангам, тяжелые машины прокладывали путь, выжигая дорогу в самых недоступных местах. Автоматические метеостанции, разбросанные по окрестностям, регулярно посылали доклады о состоянии погоды для обработки на базе.

Несколько полевых партий вылетели в дальние районы для более детального изучения местности.

По-прежнему не происходило ничего особенного.

Шли дни. Недели. Роботы и машины несли дежурство. Легионеры всегда были наготове. Люди торопились сделать работу и улететь обратно.

Сначала нашли угольный пласт, затем месторождение железной руды. В горах обнаружились радиоактивные материалы. Ботаники выявили двадцать семь видов съедобных фруктов. База кишела животными, пойманными для изучения и со временем ставшими чьими-то любимцами.

Нашли деревню спичечных людей. Маленькая грязная деревенька с примитивными хижинами. Жители казались мирными.

Экспедицию к местным жителям возглавил Деккер.

С оружием наготове, медленно, без громких разговоров люди вошли в деревню. Местные сидели около своих домов и молча наблюдали за людьми, пока те не дошли до самого центра поселения. Там роботы установили стол и поместили на него ментограф. Деккер сел за стол и надел шлем ментографа на голову. Остальные встали в стороне. Деккер ждал.

Прошел час. Аборигены сидели не шевелясь.

Наконец Деккер снял шлем и устало произнес:

— Ничего не выйдет. Займитесь фотографированием. Только не тревожьте местных и ничего не трогайте.

Он достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. Подошел Уолдрон.

— И что вы обо всем этом думаете?

Деккер покачал головой:

— Меня постоянно преследует одна мысль. Мне кажется, что они уже сказали нам все, что хотели сказать. И больше разговаривать не желают. Странная мысль... Наверное, ерунда.

— Не знаю,— ответил Уолдрон.— Здесь вообще многое не так. Я заметил, что у них совсем нет металла. Кухонная утварь каменная, инструменты — тоже. И все-таки это развитая культура.

— Они, безусловно, развиты,— сказал Деккер.— Посмотри, как они за нами наблюдают. Совершенно без страха. Просто ждут. Спокойны и уверены в себе. И тот, который приходил на базу, он знал, что нужно делать со шлемом...

— Уже поздно. Нам лучше вернуться на базу,— помолчав немного, произнес Уолдрон и взглянул на запястье.— Мои часы остановились. Сколько на ваших?

Деккер поднес руку к глазам, и Уолдрон услышал судорожный удивленный вздох. Деккер медленно поднял голову и посмотрел на Уолдрона.

— Мои... тоже.— Голос его был едва слышен.

Какое-то мгновение они сидели неподвижно, напуганные явлением, которое в других обстоятельствах могло бы вызвать лишь раздражение. Затем Уолдрон вскочил и повернулся лицом к людям.

— Общий сбор! — закричал он.— Возвращаемся! Немедленно!

Земляне сбежались тут же. Роботы выстроились по краям, и колонна быстрым маршем покинула деревню. Аборигены проводили их взглядами, но никто не тронулся с места.

Деккер сидел в своем походном кресле, прислушиваясь к шелесту брезента на ветру. Лампа, висевшая над головой, раскачивалась, тени бегали по павильону, и временами казалось, что это живые существа. Рядом с павильоном неподвижно стоял робот.

Деккер протянул руку и потрогал пальцем маленькую кучку колесиков и пружинок, лежавших на столе.

Все это странно. Странно и зловеще.

На столе лежали детали часов. Не только его и Уолдрона, но и всех остальных участников экспедиции. Ни одни из них не работали.

Наступила ночь, но на базе продолжалась лихорадочная деятельность. Постоянно двигались люди, то исчезая во мраке, то снова появляясь на освещенных участках под ярким светом прожекторов. В суетливых действиях людей чувствовалась какая-то обреченность, хотя все они понимали, что им решительно нечего бояться. Во всяком случае, пока не появится нечто конкретное, на что можно указать пальцем и крикнуть: «Вот — опасность!»

Известен лишь простой факт. Все часы остановились. Простой факт, для которого должно быть простое объяснение.

Но только на чужой планете ни одно явление нельзя считать простым и ожидать простого объяснения. Поскольку здесь причины, следствия и вероятность событий могут быть совершенно иными, нежели на Земле.

Есть всего одно правило — избегать риска. Единственное правило, которому надо повиноваться в любой ситуации. И, повинуясь ему, Деккер приказал вернуть все полевые партии и приготовить корабль к взлету. Роботам — быть готовыми к немедленной погрузке оборудования. После этого оставалось только ждать. Ждать, когда вернутся из дальних лагерей полевые партии. Ждать, пока не появится объяснение странному поведению часов.

Панике, конечно, поддаваться не из-за чего, но явление нужно признать, оценить, объяснить. Нельзя же, в самом деле, вернуться на Землю и сказать: «Вы понимаете, наши часы остановились, и поэтому...»

Рядом послышались шаги, и Деккер резко обернулся.

— В чем дело, Джексон?

— Дальние лагеря не отвечают, сэр,— произнес Джексон.— Мы пытались связаться с ними по радио, но не получили ответа.

— Они ответят, обязательно ответят через какое-то время,— сказал Деккер, хотя совсем не чувствовал в себе уверенности, которую пытался передать подчиненному.

На мгновение он ощутил подкативший к горлу комок страха, но быстро с собой справился.

— Сядь. Я прикажу принести пива, а затем мы вместе сходим в радиоцентр и посмотрим, что там происходит,— сказал он и, повернувшись к стоявшему неподалеку роботу, потребовал: — Пива сюда. Два пива.

Робот не отвечал.

Деккер повысил голос, но робот не тронулся с места.

Пытаясь встать, Деккер оперся сжатыми кулаками о стол, но вдруг почувствовал слабость в ногах и упал обратно в кресло.

— Джексон,— выдохнул он.— Пойди постучи его по плечу и скажи, что мы хотим пива.

С побледневшим лицом Джексон подошел к роботу и легонько постучал того по плечу. Потом ударил сильнее, и робот, не сгибаясь, рухнул на землю.

Снова послышались торопливые, приближающиеся шаги. Деккер, вжавшись в кресло, ждал. Оказалось, это Макдональд, главный инженер.

— Корабль, сэр... Наш корабль...

Деккер, глядя в сторону, кивнул:

— Я уже знаю, Макдональд. Корабль не взлетит.

— Крупные механизмы в порядке, сэр. Но вся точная аппаратура... инжекторы...— Он внезапно замолчал и пристально посмотрел на Деккера.— Вы знали, сэр? Как? Откуда?

— Я знал, что когда-нибудь это случится. Может быть, не так, как сейчас, но этого следовало ожидать. Рано или поздно мы должны были споткнуться. Я говорил гордые и громкие сло-

ва, но все время знал, что настанет день, когда мы чего-то не предусмотрим, какой-то мелочи, и она нас прикончит...

Аборигены... У них совсем не было металла. Каменные инструменты, утварь... Металла здесь хватало, огромные залежи руды в горах на западе. И возможно, много веков назад они пытались делать металлические орудия труда или оружие, но спустя считанные недели все это рассыпалось в прах.

Цивилизация без металла. Культура без металла. Немыслимо. Отбери у человека металл — и он не сможет оторваться от Земли, он вернется в пещеры. У него ничего не останется, кроме его собственных рук...

В павильон тихо вошел Уолдрон.

— Радио не работает. И роботы мрут как мухи. Они валяются бесполезными кучами металла уже по всей базе.

— Сначала портятся точные приборы,— кивнул Деккер.— Часы, радиоаппаратура, роботы. Потом сломаются генераторы, и мы останемся без света и электроэнергии. Потом наши машины, оружие легионеров. Потом все остальное.

— Нас предупреждали,— сказал Уолдрон.

— А мы не поняли. Мы думали, что нам угрожают. Нам казалось, мы слишком сильны, чтобы бояться угроз... А нас просто предупреждали...

Все замолчали.

— Из-за чего это произошло? — спросил наконец Деккер.

— Точно никто не знает,— тихо ответил Уолдрон.— По крайней мере пока. Позже мы, очевидно, узнаем, но нам это уже не поможет... Какой-то микроорганизм пожирает железо, которое подвергали термообработке или сплавляли с другими металлами. Окисленное железо в руде он не берет. Иначе залежи, которые мы обнаружили, исчезли бы давным-давно.

— Если это так,— откликнулся Деккер,— то мы привезли сюда первый чистый металл за долгие-долгие годы. Как этот микроб выжил?

— Не знаю. А может, я ошибаюсь и это вовсе не микроб. Что-нибудь другое. Воздух, например.

— Мы проверяли атмосферу...— Деккер тут же понял, как глупо это прозвучало. Да, атмосферу анализировали, но как они могли обнаружить что-то такое, чего никогда раньше не встречали? Опыт человеческий ограничен. Человек бережет себя

от опасностей известных или представимых, но нельзя предсказать непредсказуемое.

Деккер поднялся и увидел, что Джексон все еще стоит около неподвижного робота.

— Вот и ответ на твой вопрос,— сказал он.— Помнишь первый день на этой планете? Наш разговор?

— Я помню, сэр,— кивнул Джексон.

Деккер вдруг осознал, как тихо стало на базе.

Лишь налетевший ветер тормошил брезентовые стены павильона.

И только сейчас Деккер впервые почувствовал запах ветра этого чужого мира.

УЧТИВОСТЬ

Смотри не смотри, с первого же взгляда на этикетку ясно: вакцина непригодна.

Доктор Джеймс Х. Морган снял очки и тщательно их протер, ощутив, как сердце стискивает леденящий ужас. Надев очки, он толстым приплюснутым пальцем поправил их на переносице и еще раз изучил этикетку. Так и есть, не померещилось: срок годности истек добрых десять лет назад.

Доктор медленно повернулся, грузно доковылял до выхода из палатки и замер на фоне светлого треугольника входа, крепко ухватившись пухлыми руками за парусину полога.

Перед доктором, простираясь до блеклого горизонта, раскинулись поросшие лишайниками серые пустоши. Заходящее солнце мутно-алым пятном маячило на западном небосклоне, но доктор знал, что за его спиной, стремительно поглощая пространство, раскидывают над землей свое покрывало лиловые сумерки.

С востока порывами налетал напоенный дыханием ночи холодный ветер, дергавший и трепавший парусину палатки, будто силясь вырвать ее из хватки доктора.

— М-да,— проронил доктор Морган,— веселые равнины Ландро.

«Тут чувствуешь себя ужасно одиноким,— подумал он.— Одиноким не оттого, что вокруг так голо, и не оттого, что этот пейзаж совершенно чужд человеческому глазу, а оттого, что в нем ощущается какая-то первозданная заброшенность, от ко-

© Перевод А. Филонова.

торой веет пустотой, способной довести оставленного с ней наедине человека до безумия. Этот мир — будто огромное кладбище, пустынное пристанище мертвых; но все же для полноты сходства с кладбищем ему недостает ощущения кроткого смирения перед неотвратимостью смерти. Ибо кладбищенская земля свято хранит в своих объятиях останки живших некогда людей, а этот край — сама пустота, напрочь лишенная памяти о прошлом.

Но такой ей оставаться недолго,— сказал себе доктор Морган.— Теперь уж недолго».

Он постоял, глядя на каменистый склон, полого вздымающийся над лагерем, и решил, что это место вполне подойдет для кладбища.

Беда в том, что, куда ни пойди, все здешние места чересчур схожи, нипочем не отличишь одно от другого. Ни деревьев, ни кустов — лишь кое-где голая земля пестрит рваными заплатами щетинистой поросли, будто прикрывающее плечи бездомного нищего лоскутное одеяло.

Бенни Фолкнер, шагавший по тропе, достиг вершины холма и остановился, окостенев от нахлынувшего страха — страха перед надвигающейся ночью и сопутствующим ей пронзительным холодом, страха перед безмолвными холмами и заполненными тьмой низинами, а еще — от глубинного и потому более жуткого страха перед щуплыми малорослыми туземцами. Кто знает, быть может, в этот самый миг они уже подкрадываются по склону холма?..

Подняв руку, Бенни утер взмокший лоб рукавом потрепанной куртки, мимоходом подивившись, что вспотел — было уже довольно зябко, воздух остывал с каждой минутой все сильнее, а через час-другой оставшийся под открытым небом путник рискует закоченеть насмерть.

Горло его стиснуло непроизвольной судорогой страха, зубы заклацали, но Фолкнер подавил всколыхнувшуюся в душе панику и на какое-то мгновение горделиво выпрямился, чтобы убедить себя, что никакой паники-то и не было.

От лагеря он шел на восток — значит, возвращаться надо на запад. Единственная загвоздка в том, что Бенни толком не знал, все ли время придерживался направления на восток: быть мо-

жет, слегка уклонился к северу или забрел южнее, чем надо. Но, даже уклонившись далеко в сторону и возвращаясь строго на запад, прозевать лагерь Бенни не мог.

«Дым лагерного костра вот-вот покажется,— твердил он себе.— Любой перевал — может, ближайший,— следующий же поворот петляющей тропы непременно выведет меня в лагерь. Надо только подняться повыше; там-то он и будет: раскинется прямо передо мной полукругом белых палаток. Парусина сияет отблесками угасающей зари, а рядом с большой палаткой кухни вьется тоненький дымок, да Буян Брэди снова ревет какую-нибудь непристойную песню».

Но это было добрый час назад, когда солнце высилось над горизонтом на целых две ладони. Теперь, стоя на вершине очередного гребня, Бенни припомнил, что уже тогда немного беспокоился, но настоящей тревоги не испытывал. Тогда ему бы и в голову не пришло, что человек может заблудиться на расстоянии часа неторопливой ходьбы от лагеря.

Теперь же солнце закатилось, сгущались сумерки, под одежду прокрадывался холодок, а посвист ветра среди холмов, казавшийся при ярком свете почти беззвучным, вдруг обрел жутковатую значимость.

«Ладно, еще один подъем,— решил Бенни.— Еще один холм, а если нет, то закругляюсь до утра. Найду какое-нибудь укрытие — пусть хотя бы расщелину, способную защитить от ветра и удержать тепло костра; если, конечно, найду из чего развести костер».

Бенни постоял, прислушиваясь к стонам мятущегося среди холмов ветра, и в этом жалобном завывании ему почудился отзвук какого-то нетерпения, будто ветер упорно шел по горячему следу, привлеченный запахом человека.

И тут Бенни различил другой звук: негромкие шлепки мягких шагов, приближавшихся с противоположной стороны холма.

Айра Уоррен сидел за письменным столом, гневно обозревая стопки скопившихся бумаг; потом неохотно взял одну и положил на стол перед собой.

«Только этого болвана Фолкнера мне и не хватало,— угрюмо думал он.— Сколько раз им говорено, что надо держаться вместе, что никому не позволительно валандаться поодиночке.

Просто детский сад какой-то: не исследователи, а толпа сопливых юнцов, только-только из колледжа. У них еще молоко на губах не обсохло, а туда же — прямо лопаются от эрудиции. Зато здравого смысла ни на грош! И ни один не хочет слушать, что ему говорят».

Тут кто-то поскребся по парусине входа.

— Войдите,— откликнулся Уоррен.

Вошел доктор Морган.

— Добрый вечер, командор.

— Так,— вместо ответа раздраженно буркнул Уоррен,— что на этот раз?

— Ну, это...— Доктор Морган слегка взмок.— Я насчет вакцины.

— Вакцины?

— Да, вакцины. Она никуда не годится.

— В каком это смысле? Доктор, у меня и без вас забот полон рот, и играть с вами в угадайку я не намерен.

— Она просрочена,— сообщил Морган.— Просрочена на добрых десять лет. Применять просроченную вакцину нельзя. Видите ли, она может вызвать...

— Хватит молоть языком,— резко оборвал его Уоррен.— Значит, вакцина просрочена. И когда же вы соизволили это обнаружить?

— Только что.

— То есть прямо сейчас?

Совсем сникший Морган едва нашел силы кивнуть.

Уоррен очень осторожно, с преувеличенной аккуратностью отодвинул бумаги в сторону, положил руки перед собой и сплел пальцы шатром.

— Доктор, скажите-ка мне одну вещь,— медленно проговорил он, будто с трудом, тщательно подыскивал нужные слова.— Давно ли наша экспедиция высадилась на Ландро?

— Ну-у, я бы сказал, давненько.— Морган начал мысленно загибать пальцы.— А если точнее, то шесть недель назад.

— И все это время вакцина была здесь?

— Ну конечно. Ее выгрузили с корабля вместе с остальным снаряжением.

— Значит, вакцину завалили барахлом, и вы только сейчас сумели ее обнаружить? Или она была тотчас же доставлена в вашу палатку?

— Конечно доставлена. Первым делом. Я сам всегда настаиваю на подобной процедуре.

— Выходит, вы в любое время за эти шесть недель, в любую секунду любого дня в течение целых шести недель могли проверить вакцину и убедиться, что она непригодна к употреблению? Правильно, доктор?

— Наверное, мог,— согласился Морган.— Просто у меня...

— У вас не было времени,— кротко подсказал Уоррен.

— Ну-у, не то чтобы...

— У вас, вероятно, хватало других проблем?

— Да, вообще-то, нет...

— И вы осознаете, что неделю назад мы могли связаться с кораблем по радио, и он мог бы вернуться, чтобы забрать нас? Они непременно сделали бы это, дай мы знать о ситуации с вакциной.

— Прекрасно осознаю.

— И осознаете, что теперь они уже вне зоны связи? Мы не можем дать им весточку, не можем попросить их вернуться; и вообще, в ближайшие два года мы напрочь отрезаны от остального человечества.

— Я,— промямлил Морган,— я...

— Рад был познакомиться,— ответил Уоррен.— И сколько же нам, по-вашему, осталось жить?

— Мы станем восприимчивы к вирусу через неделю или около того. В случае высокой сопротивляемости организма он сможет противостоять болезни недель шесть, прежде чем та убьет его.

— Два месяца,— подытожил Уоррен,— от силы — три. Я правильно понял, доктор Морган?

— Да.

— Скажите-ка мне одну вещь...

— Да?

— Как-нибудь, когда у вас выпадет свободная минутка, когда у вас найдется время и это не причинит вам излишнего беспокойства, поведайте мне, каково чувствовать себя убийцей двадцати пяти соплеменников?

— Я,— сказал Морган,— я...

— И себя, разумеется, тоже,— добавил Уоррен.— Итого двадцать шесть человек.

Назвать Буяна Брэди личностью заурядной нельзя было даже с большой натяжкой. Уже больше тридцати лет он сопутствовал командору Айре Уоррену во всех инопланетных экспедициях, хотя в самом начале Уоррен был не командором, а всего лишь вторым лейтенантиком. И по сей день они держались вместе, образовав сплоченную команду закаленных космопроходцев, хотя никто из посторонних и не подозревал, что они работают в паре,— ведь Уоррен возглавлял экспедиции, а Буян оставался простым коком.

Теперь же Уоррен поставил на стол бутылку и послал за Буяном Брэди.

Узнать о приближении Брэди можно было задолго до его появления — он перебрал глоток-другой и горланил самые непристойные песни из своего обширного репертуара.

В палатку он вошел, неестественно выпрямившись и шагая строго по прямой, будто для него по полу прочертили меловую линию. Увидев стоявшую на столе бутылку, он сразу сграбастал ее за горлышко, не обратив никакого внимания на поставленные рядом стаканы, и опустил ее на стол лишь после того, как содержимого поубавилось на добрых три дюйма; затем расположился на приготовленном для него складном стуле и спросил:

— Ну, чего там еще? Ты никогда не посылаешь за мной, ежели чего не стрясется.

— Ты что, пил? — поинтересовался Уоррен.

— Так, сварганил кой-чего по мелочи.— Буян смерил Уоррена недобрым взглядом.— Раньше можно было взять кой-чего с собой, а теперь вдруг оказалось — нельзя. А ту малость, что у нас есть, ты держишь под замком. А когда начинает мучить жажда, у человека просыпается изобор... изобер... изобр...

— Изобретательность,— подсказал Уоррен.

— Вот именно. Это самое слово и вертелось у меня на языке.

— Буян, мы попали в передрягу,— сообщил Уоррен.

— Мы вечно попадаем в передряги,— не смутился тот.— Нынче уж не то, что прежде. Тогда с нами были настоящие мужики, а нынче...

— Я понимаю, о чем ты,— кивнул Уоррен.

— Детишки! — Буян с презрением сплюнул на пол.— Им бы соски сосать. А мы должны утирать им носы и...

— Нет, кое-что похуже. На сей раз мы влипли по-настоящему. Если не придумаем чего-нибудь путного, то через пару месяцев все до единого отправимся на тот свет.

— Дикари?

— Дикари ни при чем, хотя наверняка с удовольствием прикончили бы нас, будь у них хоть шанс.

— Наглецы,— сказал Буян.— Один такой пробрался в палатку кухни, и я безоговорочно дал ему изрядного пинка. Он порядком повопил — мое обхождение пришлось ему явно не по вкусу.

— Не следовало его пинать, Буян.

— Ну, Айра, я и не пинал-то его, если честно. Это я как бы для красного словца. Нет, сэр, я его не пинал! Я приласкал его лопатой. Я всегда управлялся лопатой лучше, чем ногой. И достает дальше, и...

Он снова потянулся к бутылке и опорожнил ее еще на дюйм-другой.

— Так что ж за беда, Айра?

— Дело в вакцине. Морган дождался, пока корабль покинет зону слышимости, и только тогда надумал проверить вакцину. Она непригодна — просрочена лет на десять.

Буян оцепенел.

— Так что прививок не будет,— продолжал Уоррен,— а это означает, что мы обречены. Тут есть смертельный вирус... э-э... ну ладно, забыл, как он называется. Да ты о нем знаешь.

— Еще бы! Разумеется, знаю.

— Курьезное дело,— заметил Уоррен.— Казалось бы, чего-нибудь подобного следует ждать где-нибудь в инопланетных джунглях — ан нет, эта штука поджидает здесь. Это из-за туземцев — они гуманоиды и устроены вроде нас с тобой. Так что вирус развил способность нападать на гуманоидные организмы, а мы для него — отличный свежий материал.

— Но дикарей-то он вроде как не трогает,— возразил Буян.

— Да, похоже, им вирус не страшен. Одно из двух: или они нашли лекарство, или у них развился естественный иммунитет.

— Ежели они нашли лекарство, то можно вытряхнуть из них рецепт.

— А если нет, если дело лишь в адаптации, то мы, как пить дать, покойники.

— Что ж, начнем их обрабатывать. Они нас ненавидят и с радостью поглядят, как мы квакнемся, но мы что-нибудь придумаем, чтобы заполучить у них лекарство.

— Нас ненавидят все и повсюду. Почему бы это, Буян? Мы ради них из кожи вон лезем, а они — куда бы ни ступила нога человека, на какую бы планету мы ни прилетели — всякий раз встречают нас ненавистью. Мы стараемся сделать их похожими на нас, мы делаем для них все, что в наших силах, а они отвергают нашу помощь и уклоняются от нашей дружбы. Или принимают нас за ораву сопляков — так что в конце концов терпение у нас лопается и мы обхаживаем их лопатой.

— А это,— с ханжеским смирением добавил Буян,— только подливает масла в огонь.

— Что меня беспокоит, так это настроения людей. Когда они узнают о вакцине...

— Им нельзя говорить. Нельзя, чтоб они прознали. Разумеется, они все равно проведают рано или поздно, но все ж таки не сразу.

— Об этом известно одному Моргану, но он балаболка, и рта ему не заткнешь. К утру об этом узнают все до последнего человека.

Брэди тяжеловесно встал и потянулся к бутылке, возвышаясь над Уорреном, как скала.

— К Моргану я на обратной дороге заскочу и улажу все так, что трепать языком он не станет.— Буян сделал большой глоток и поставил бутылку на стол.— Я просто намекну ему, что будет, ежели он не удержится.

Уоррен с облегчением откинулся на спинку стула. «Вечно на взводе,— подумал он, глядя Буяну Брэди вослед,— зато всегда есть на кого положиться».

Не прошло и трех минут, как Брэди вернулся. Хмель с него как рукой сняло. Замерев у входа в палатку, он с торжественной серьезностью воззрился на Уоррена расширенными от увиденного глазами и сказал:

— Он себя порешил.

Это была истинная правда: доктор Джеймс Г. Морган лежал у себя в палатке с перерезанным горлом. Разрез был сделан с таким профессионализмом, что сразу выдавал работу хирурга.

Около полуночи поисковая партия привела Фолкнера.

Уоррен устало оглядел его: парнишка явно напуган. Бессистемно блуждая во тьме, он исцарапался, скулы его побледнели.

— Он увидел наши огни, сэр,— доложил Пибоди,— и поднял крик. Вот мы его и нашли.

— Спасибо, Пибоди. Увидимся утром. А сейчас я хочу побеседовать с Фолкнером.

— Да, сэр,— кивнул Пибоди.— Я рад, что мы его нашли.

«Жаль, что у меня людей вроде него — раз, два и обчелся,— подумал Уоррен.— Ну, Брэди — тот давний космопроходец; Пибоди — старый армейский вояка, да еще Гилмер, поседевший в походах интендант,— и все. Только на этих троих и можно положиться; остальные — просто сопляки».

Фолкнер изо всех сил старался стоять по стойке «смирно» и не горбиться.

— Видите ли, сэр,— попытался объясниться он,— дело было так: я увидел жилу...

— Вы, несомненно, знаете, мистер Фолкнер,— перебил его Уоррен,— что в экспедиции действует правило: никогда не уходить в одиночку; никому и ни при каких обстоятельствах не позволительно ходить без сопровождения.

— Да, сэр, я знаю...

— А вы понимаете, что остались в живых только благодаря какой-то невероятной причуде судьбы? Вы бы непременно к утру замерзли, если только туземцы не добрались бы до вас прежде.

— Я встретил туземца, сэр. Он меня не тронул.

— Значит, вам сверхъестественно повезло. Не часто у туземца не найдется лишней минутки, чтобы перерезать человеку горло. В предыдущих пяти экспедициях они убили целых восемнадцать человек. А их каменные ножи, уверяю вас, оставляют прескверные рваные раны.

Уоррен подтянул к себе экспедиционный журнал, распахнул его и сделал аккуратную запись, вслух сказав:

— Мистер Фолкнер, за нарушение внутреннего режима вы на две недели лишаетесь права покидать территорию лагеря. Кроме того, на этот срок вы прикомандированы к мистеру Брэди.

— К мистеру Брэди, сэр? К коку?!

— Так точно. Он вас приставит к делу. Вероятно, вам придется ходить по дрова, помогать ему по кухне, выносить мусор — словом, пока что вы будете у нас на легких работах.

— Но меня отправили в эту экспедицию заниматься геологическими изысканиями, а не прислуживать на кухне.

— Истинно так,— признал Уоррен.— Но вместе с тем вас сюда прислали при условии, что вы будете подчиняться определенным правилам. Вы же сочли уместным нарушить эти правила — в результате чего я нахожу уместным немного поучить вас дисциплине. У меня все, мистер Фолкнер.

Фолкнер с одеревенелым выражением развернулся и направился к выходу.

— Да, кстати,— бросил ему вслед Уоррен,— забыл сказать: я рад, что вы вернулись.

Фолкнер промолчал.

Уоррен было вскинулся, но тут же расслабился вновь. «В конце концов — какая разница? — промелькнуло у него в мозгу.— Через несколько недель и мне, и Фолкнеру, и всем прочим будет на все глубоко наплевать».

А утром к нему первым делом заявился капеллан — Уоррен еще сидел на краю койки, натягивая брюки. Несмотря на пыхтевшую возле письменного стола печурку, в палатке было довольно прохладно, и Уоррена била дрожь.

Капеллан с ходу очень точно и по-деловому изложил цель своего визита.

— Мне казалось, что надо переговорить с вами на предмет заупокойной службы по нашему дорогому усопшему товарищу.

— По какому еще дорогому усопшему товарищу? — спросил дрожащий Уоррен, натягивая ботинок.

— Ну конечно же, по доктору Моргану!

— Ах да! Да, по-моему, его надо похоронить.

Капеллана это слегка шокировало.

— Я просто не ведаю, имелись ли у доктора религиозные убеждения, какие-либо предпочтения на сей счет.

— Весьма сомневаюсь,— ответил Уоррен.— На вашем месте я бы упростил службу до минимума.

— Именно так я и полагал поступить,— согласился капеллан.— Пожалуй, произнесу несколько поминальных слов и простую молитву.

— Да, обязательно помолитесь,— сказал Уоррен.— Теперь нам очень нужны ваши молитвы.

— Простите, сэр?

— О, не обращайте внимания! Я просто витал в облаках, вот и все.

— Понятно,— кивнул капеллан.— И еще, сэр: быть может, вы имеете понятие, что заставило его так поступить?

— Как — так?

— Что заставило доктора совершить самоубийство.

— Ах, это! Наверное, просто неустойчивая психика.— Уоррен закончил шнуровать ботинки и встал.— Мистер Барнс, вы человек духовного звания, и притом лучший из всех, с кем мне приходилось иметь дело. Быть может, у вас есть ответ на вопрос, который меня тревожит.

— Ну, почему же я...

— Что бы вы сделали,— осведомился Уоррен,— если бы внезапно узнали, что жить вам осталось не больше двух месяцев?

— Ну, полагаю, продолжал бы жить почти как всегда — разве что, пожалуй, уделял бы побольше внимания своей душе.

— Весьма практичный подход. И, по-моему, самый здравый из возможных.

Капеллан пристально вгляделся в лицо Уоррена.

— Не хотите ли вы сказать, сэр...

— Садитесь, Барнс. Я включу печку пожарче. Вы мне нужны. Искренне говоря, я никогда особо не ратовал за то, чтоб ваш брат богослужитель участвовал в экспедициях. Но, наверное, бывают случаи, когда без вас просто не обойтись.

Капеллан сел.

— Мистер Барнс,— продолжал Уоррен,— этот вопрос я вам задал не из праздного любопытства. Если Господь не сотворит чуда, через два месяца мы все будем покойниками.

— Сэр, вы шутите?

— Вовсе нет. Вакцина непригодна к употреблению. Когда Морган надумал ее проверить, слать весточку на корабль было слишком поздно. Потому-то он и покончил с собой.

Говоря это, Уоррен вглядывался в лицо капеллана, но тот даже не вздрогнул.

— Честно говоря, я не собирался вам об этом сообщать. И больше никому говорить не намерен — по крайней мере пока.

— К этой мысли нужно привыкнуть, сжиться с нею,— произнес капеллан,— могу сказать по себе. Быть может, вам следовало бы сообщить остальным, дать им возможность...

— Нет,— отрезал Уоррен.

Капеллан воззрился на него.

— Так чего же вы ждете, Уоррен? На что надеетесь?

— На чудо,— ответил тот.

— На чудо?!

— Несомненно. Вы ведь верите в чудеса. Вам положено в них верить.

— Право, не знаю. Разумеется, кое-какие чудеса случаются — хотя назвать их чудесами можно лишь в переносном смысле, и порой люди придают им гораздо большее значение, чем они того заслуживают.

— Я не настолько наивен,— охрипшим голосом возразил Уоррен.— Чудо заключается в том, что туземцы — такие же гуманоиды, как и мы, но ни в каких прививках не нуждаются. И еще возможность чуда заключается в том, что только первые из высадившихся на Ландро людей пытались выжить без помощи прививок.

— Ну, раз уж вы об этом заговорили,— подхватил капеллан,— то чудом является и то, что мы вообще оказались здесь.

Уоррен бросил на него быстрый взгляд.

— Вот именно. Скажите-ка, как по-вашему, зачем мы здесь? Должно быть, так назначено судьбой. Или это необъяснимая игра таинственных сил, ведущих человечество по уготованному ему пути?

— Мы здесь затем,— отчеканил Барнс,— чтобы продолжить работы, начатые предыдущими изыскательскими партиями.

— И эстафету подхватят новые партии, которые придут вслед за нашей.

— Вы забыли,— заметил капеллан,— что все мы умрем, а к отправке новых экспедиций на смену поголовно погибшим относятся с большой неохотой.

— А вы,— возразил Уоррен,— забыли о чуде.

Основательно покопавшись в папке с бесчисленным количеством копий отчетов предшественников, Уоррен нашел нужный — отчет психолога, принимавшего участие в третьей экспедиции на Ландро — и углубился в чтение.

— Бред сивой кобылы,— наконец бросил он, припечатав бумаги кулаком.

— Я мог бы сказать тебе об этом, даже не читая,— заявил Буян.— Нет ничего такого, что хоть один сопливый молокосос мог бы рассказать бывалому ветерану вроде меня об этих абр... абер... абор...

— Аборигенах,— подсказал Уоррен.

— Вот именно. Это самое слово и вертелось у меня на языке.

— Тут говорится,— сообщил Уоррен,— что у туземцев Ландро сильно развито чувство собственного достоинства, что оно очень тонко настроено — именно так он выразился,— и существует тщательно разработанный кодекс чести в отношениях между собой.

Буян фыркнул и потянулся за бутылкой. Сделав глоток, он с беспокойством взболтнул остаток содержимого и поинтересовался:

— А ты уверен, что у тебя больше ничего на этот счет?

— Тебе лучше знать,— отрезал Уоррен.

— Это утешает,— покачал головой Буян,— очень утешает.

— Тут говорится,— вел дальше Уоррен,— что у них есть система взаимоотношений, соответствующая этикету, хотя и на довольно примитивном уровне.

— Ничего не могу сказать про соответствующие эти-как-там, но место насчет кодекса чести мне не по нраву. Да эти грязные скоты у покойника с глаз монетку стибрят! Я всегда держу лопату под рукой, и если хоть один высунет нос...

— В отчете этот вопрос рассмотрен весьма тщательно и занудно. Тут это объясняется.

— Да нечего тут объяснять! — стоял на своем Буян.— Ежели им чего приглянется, так они прошмыгнут по-тихому и утащат.

— Тут сказано, что это все равно что красть у богача,— пояснил Уоррен.— Как ребенок, повстречавший поле с миллионом арбузов, не видит греха в том, чтобы взять один-единственный арбузик из миллиона.

— У нас нет миллиона арбузов.

— Это просто аналогия. Наше снаряжение кажется этим лилипутам миллионом арбузов.

— Как бы там ни было,— возмутился Буян,— лучше им держаться подальше от кухни...

— Заткнись,— грубо оборвал Уоррен.— Я позвал тебя, чтобы поговорить по делу, а ты лишь хлещешь мое виски да разглагольствуешь о кухне.

— Ладно уж, ладно тебе. И чего же ты хотел спросить?

— Как у нас насчет контакта с туземцами?

— Какой контакт, ежели их не сыщешь днем с огнем? Когда они не нужны — их тут как грязи, а как понадобились — ни слуху ни духу!

— Будто знают, что нужны нам.

— Да откуда ж им знать?

— Понятия не имею,— пожал плечами Уоррен.— Просто ощущение такое.

— А как ты заставишь их говорить, ежели найдешь? — поинтересовался Буян.

— Подкупом. Взятками. Предложу им все, что только пожелают.

— Не годится,— покачал головой кок.— Они ведь знают, что надо просто хорошенько выждать — и все придет к ним в руки само, так что и просить незачем. У меня есть способ получше.

— Твой способ тоже не годится.

— В общем, ты попусту теряешь время. Нет у них никакого лекарства. Это просто адеп... адап... адепт...

— Адаптация.

— Точно. Это самое слово вертелось у меня на языке.

Буян подхватил бутылку, взболтнул ее, большим пальцем примерил уровень содержимого, а затем единым духом вдруг опорожнил ее и стремительно встал.

— Ладно, надо сварганить чего-нибудь удобоваримого. А ты тут сиди и ворочай мозгами.

Прислушиваясь к его удаляющимся шагам, Уоррен продолжал спокойно сидеть на своем месте.

«Надежды, конечно, никакой,— думал он.— Мне следовало знать об этом с самого начала, но я все же отодвинул эту мысль на задворки сознания, загородил ее болтовней о чудесах и надеждами на хранящийся у туземцев ответ. А ведь легче рассчитывать на чудо, чем на мифическое лекарство или знания туземцев. Да откуда же этим малюткам с совиными глазами знать медицину, если они не имеют понятия даже об одежде, до сих пор пользуются грубо сработанными каменными ножами и с

величайшими трудами разжигают огонь, высекая искры ударами камня о камень?

Мы все умрем, все двадцать пять человек, а вслед за тем в лагерь открыто, не таясь и не крадучись, явятся малорослые лупоглазые туземцы и обберут все до ниточки».

Первым занемог Коллинз. Умирал он тяжко, как и все жертвы специфического вируса планеты Ландро. А незадолго до его смерти слег Пибоди: его мучила предшествующая болезни разрывающая голову тупая боль. А потом болезнь начала косить людей направо и налево. Сперва они вскрикивали и стонали в бреду, потом затихали и лежали как мертвые, за много дней до настоящей смерти, а внутренний огонь пожирал их, будто выползший из здешних пустошей изголодавшийся хищник.

Помочь им было почти нечем — те, кто еще держался на ногах, ухаживали за больными, утешали их, купали, стирали и регулярно меняли постельное белье, кормили немощных бульоном, который Буян варил теперь в самых больших кастрюлях, да заботились о том, чтобы у больных всегда была под рукой свежая холодная вода, способная ненадолго остудить иссушенное жаром горло.

Первые могилы были глубокими, а холмики венчали деревянные кресты с аккуратно выписанными на перекладинах именами и прочими сведениями. Но рабочих рук становилось все меньше, да и у тех силы убывали, так что постепенно могилы превратились в неглубокие рытвины.

Для Уоррена действительность слилась в подобие нескончаемого кошмара. Дни тянулись жуткой вереницей; снова и снова одно и то же: забота о больных, рытье могил и запись в экспедиционный журнал имен умерших. Поспать удавалось лишь урывками — когда изредка выпадал свободный момент или когда от изнеможения все валилось из рук, а налившиеся свинцом веки смеживались сами собой. Время от времени Буян ставил перед ним еду, и тогда Уоррен торопливо заглатывал ее, не чувствуя вкуса и даже не интересуясь, что именно поглощает.

Время превратилось в какую-то химеру, счет дням был утрачен. На вопрос Уоррена, какое сегодня число, никто не мог дать ответа — впрочем, до этого никому не было дела. Солнце вставало и садилось, серые пустоши по-прежнему простирались

до серого горизонта, и только ветер одиноко кружил над безлюдной равниной.

Но мало-помалу до сознания Уоррена начало смутно доходить, что рядом трудится все меньше и меньше здоровых; зато и число недужных тоже убывало. А в один прекрасный день он опомнился, сидя у себя в палатке и глядя в чье-то изможденное лицо, и понял, что дело идет к концу.

— Страшно это все, сэр,— сказал тот, изможденный.

— Да уж, мистер Барнс,— отозвался Уоррен.— Сколько осталось у нас на руках?

— Трое,— отвечал капеллан,— но двое уже не жильцы. Однако этому юноше, Фолкнеру, вроде бы получше.

— Кто еще на ногах?

— Буян, сэр. Только вы, я да Буян.

— Почему мы не заразились, а, Барнс? Почему мы все еще здесь?

— Кто знает? У меня такое чувство, что и нас сия чаша не минует.

— Понимаю. У меня такое же ощущение.

Тут в палатку приковылял Буян с ведром в руках. Взгромоздив ведро на стол, он выловил оттуда жестяную кружку и, роняя маслянисто поблескивающие капли, протянул ее Уоррену.

— Что это? — удивился тот.

— Да вот, сготовил кой-чего,— изрек Буян.— Вам это полезно.

Уоррен поднес кружку к губам и опрокинул ее содержимое внутрь — горло обожгло жидким пламенем, обрушившимся прямиком в желудок, а оттуда ракетой взмывшим вверх, чтобы взорваться в мозгу россыпью искр.

— Картофельный,— пояснил Буян.— Из картошечки получается крепкое пойло. Ирландцы открыли это много-много лет назад.

Забрав кружку из рук Уоррена, он снова наполнил ее и протянул Барнсу, но капеллан заколебался.

— Да пей же, человече! — рявкнул Буян.— Это придаст вам сил.

Священник выпил, поперхнулся и поставил опустевшую кружку на стол.

— Они вернулись,— сообщил Буян.

— Кто? — не понял Уоррен.

— Дикари. Они тут со всех сторон. Только и ждут, когда мы испустим дух.

Пренебрежительно взглянув на кружку, он обеими руками поднес ведро к губам. От уголков его рта на подбородок потекли тоненькие ручейки, сбегая на рубашку и оставляя темные мокрые пятна.

Вернув ведро на стол, Буян утер рот волосатым кулаком и провозгласил:

— Уж могли бы хоть вести себя прилично! Держались бы уж в тени, пока все не кончится. Я тут засек одного старика, когда он выскользнул из палатки Фолкнера. Хотел словить, но этот седой козел меня обставил — прыткий больно.

— Из палатки Фолкнера?

— Точно. Человек еще не помер, а они уже вынюхивают. Будто не могут дождаться, пока его не станет. Но, по-моему, дикарь ничего не стянул. Фолкнер спал. Этот его даже не разбудил.

— Спал? Ты уверен?

— Точно, спал! Дышал спокойно. Пожалуй, возьму ружьишко и слегка поохочусь на них — просто так, наудачу. Они у меня узнают...

— Мистер Брэди,— переспросил Барнс,— вы уверены, что Фолкнер спокойно спал? А не был в коме и не умер?

— Да что я, живого человека от покойника не отличу? — огрызнулся Буян.

Джонс и Уэбстер скончались ночью. Буяна Уоррен отыскал поутру — тот скорчился возле холодной как лед плиты, а рядом валялось пустое ведро от самогона. Поначалу Уоррен думал, что кок просто пьян до бесчувствия, но потом разглядел симптомы болезни. Ухватив его под мышки, Уоррен дотащил Буяна до койки, с трудом взгромоздил на нее и отправился за капелланом.

Тот на кладбище работал лопатой, и руки его покраснели от стертых до крови мозолей.

— Тут неглубоко,— проговорил священник,— но тела скроет. Я сделал для них все, что мог.

— Буян слег,— сообщил Уоррен.

Слегка запыхавшийся от работы капеллан оперся на лопату.

— Странно все-таки. Странно даже подумать, что он мог заболеть — такой большой, такой громогласный... Он казался оплотом силы.

Уоррен взялся за черенок лопаты.

— Я закончу, если вы пока приготовите их. Я как-то не могу... Просто руки опускаются.

Капеллан вручил ему лопату и промолвил:

— И все же любопытное дело с этим юным Фолкнером.

— Вчера вы сказали, что ему чуть получше. Вам это не померещилось?

Капеллан покачал головой:

— Я заглядывал к нему — температура упала, он пришел в себя.

И они уставились друг на друга, стараясь скрыть проблеск надежды, вдруг засветившийся у обоих в глазах.

— Так по-вашему...

— Ничего подобного,— возразил Барнс.

Но состояние Фолкнера с каждым днем улучшалось, и через три дня он уже смог самостоятельно сесть, а через шесть — стоял бок о бок с двумя другими у свежей могилы, где только что схоронили Буяна.

Теперь их осталось трое — трое из двадцати шести.

Капеллан закрыл молитвенник и спрятал его в карман. Уоррен взялся за лопату, а двое других молча смотрели, как он неторопливо, методично и старательно закапывает могилу: торопиться уже некуда. Наконец он бросил на холмик последнюю горсть земли и аккуратными хлопками лопаты выровнял его.

А затем, все так же молча, трое живых рука об руку зашагали вниз по склону, к белым шатрам палаток.

Они хранили молчание, будто вдруг осознали священный смысл тишины, повисшей над равниной, над лагерем и над этими тремя — из двадцати шести — уцелевшими.

— Да нет во мне ничего особенного,— огрызнулся Фолкнер.— Я ничем не отличаюсь от остальных.

— А должно быть,— настаивал Уоррен.— Вы же побороли вирус. Он поразил вас, но вы вышли из этой переделки живым. Должно же быть этому какое-то объяснение!

— Но вы-то двое даже не заразились! — возразил Фолкнер.— Этому тоже должно быть какое-то объяснение.

— А вот это еще неизвестно,— негромко заметил капеллан.

— Мы все перебрали.— Уоррен сердито зашелестел страницами заметок.— Вытащили на свет все, что вы сумели припомнить,— разве что вы утаили нечто такое, что нам следовало бы знать.

— Да зачем же мне что-то утаивать?

— Вот ваша детская медицинская карточка,— продолжал Уоррен.— Все как обычно: корь, небольшой коклюш, простуды... боязнь темноты. Питание обыкновенное, нормальное отношение к учебе и общественным обязанностям. Все как и у любого другого — и все-таки где-то там таится разгадка. В том, что вы делали...

— Или даже в том, что он думал,— подсказал Барнс.

— А? — не понял Уоррен.

— Те, кто мог бы нас просветить, находятся где-то на склонах этих пригорков,— растолковал Барнс.— Мы с вами, Уоррен, блуждаем на ощупь во тьме неведения. Медик, психолог — пусть даже экзобиолог или социолог — могли бы выудить отсюда нечто путное. Но все они мертвы. А мы с вами пытаемся проделать то, чему вовсе не обучены. Быть может, ответ у нас под самым носом, а мы его не видим.

— Да знаю я, знаю! Просто мы стараемся сделать все, что в наших силах.

— Я сказал вам все, что мог,— вмешался Фолкнер. Голос его звучал напряженно.— Все, что знаю. Я сказал вам такое, в чем при иных обстоятельствах нипочем бы не признался.

— Мы знаем, дружок,— ласково откликнулся Барнс.— Мы не сомневаемся в вашей искренности.

— Где-то,— стоял на своем Уоррен,— где-то в жизни Бенджамина Фолкнера кроется разгадка — разгадка, которая нужна всему человечеству. Что-то осталось незамеченным. Вы что-то упустили из памяти и не сообщили нам. А скорее всего, сказали, но мы не обратили внимания, не распознали ответ.

— Или,— подхватил Барнс,— это мог бы определить лишь специалист. Может, это лишь странное своеобразие его организма или мышления. Какая-нибудь крохотная мутация, о которой никто и не подозревает. Или даже... Уоррен, помните, мы говорили о чуде?

— Меня от этого уже мутит,— подал голос Фолкнер.— Вы целых три дня гоняете меня взад-вперед, прощупываете со всех сторон, задаете множество вопросов, разобрали по косточкам каждую мою мысль...

— Давайте-ка еще раз пройдем последний отрезок,— устало выговорил Уоррен.— Когда вы заблудились.

— Да мы проходили это уже сто раз!

— Ну еще разок. Всего лишь раз. Итак, вы стояли на тропе и тут услышали приближающиеся шаги.

— Да не шаги,— заметил Фолкнер.— Поначалу я не понял, что это шаги. Просто звуки.

— И они вас напугали?

— Напугали.

— Чем?

— Ну-у, темно, да еще заблудился и...

— Вы думали о туземцах?

— Ну да, время от времени.

— А может, чаще?

— Чаще,— согласился Фолкнер.— Наверное, все время думал. Пожалуй, с тех самых пор, как понял, что заблудился. В глубине души я постоянно о них помнил.

— Но в конце концов поняли, что это шаги?

— Нет. Не понял, пока не увидел туземца.

— Только одного?

— Только одного. Старика. Мех у него был совсем седой, а лицо пересекал шрам. В темноте шрам выглядел рваной белой полоской.

— Вы уверены насчет шрама?

— Да.

— И насчет возраста?

— Он выглядел старым. Весь седой, с головы до ног. Шел медленно, прихрамывая.

— И вы не испугались?

— Ну конечно испугался, но не так сильно, как ожидал.

— И убили бы его, если б могли?

— Нет. Убивать его я бы не стал.

— Даже ради спасения собственной жизни?

— Да, разумеется. Но я не думал об этом. Просто... ну, я просто не хотел с ним путаться, вот и все.

— Вы хорошо его разглядели?

— Хорошо, да. До него было не дальше, чем сейчас до вас.

— А вы бы узнали его, если б встретились снова?

— Я узнал его...— Смутившись, Фолкнер умолк на полуслове.— Минуточку... Погодите минуточку.

Он потер лоб ладонью, и вдруг глаза его расширились.

— Я видел его еще раз! Я узнал его. Тот самый.

— Почему же вы не...— вспылил Уоррен.

Но тут вмешался Барнс, подсказавший Фолкнеру:

— Итак, вы снова его видели. Когда?

— В палатке, когда лежал больной. Открыл глаза, а он прямо передо мной.

— Просто стоял на месте?

— Ну да, стоял и глазел на меня, будто хотел проглотить взглядом своих огромных желтых глазищ. А потом он... потом...

Двое других терпеливо ждали, пока он вспомнит.

— Я был болен,— продолжал Фолкнер.— Наверное, без памяти. То есть не в себе. Не уверен, но мне показалось, что старик протянул руки — скорее, даже лапы — он протянул лапы и коснулся моей головы с двух сторон, по бокам.

— Коснулся? По-настоящему, физически коснулся вас?

— Легонько. Очень ласково и только на мгновение. А потом я уснул.

— Мы опережаем события,— с беспокойством сказал Уоррен.— Вернемся к тропе. Вы увидели туземца...

— Да мы уже разбирали это,— с горечью проронил Фолкнер.

— Давайте попытаемся еще раз,— попросил Уоррен.— Вы говорите, что туземец прошел совсем близко от вас. То есть вы говорите, что он уступил вам дорогу и обошел кругом...

— Нет,— возразил Фолкнер,— вовсе я этого не говорил. Это я уступил ему дорогу.

В инструкции сказано, что достоинство нельзя ронять ни при каких обстоятельствах. Достоинство и престиж человечества превыше всего. Конечно, идет речь и о доброте, и о готовности помочь, и даже о братстве — но во главу угла всегда ставится чувство собственного достоинства.

И слишком часто оно подменяется самодовольным чванством.

Чувство собственного достоинства не позволит нам сойти с тропы, чтобы уступить дорогу — пусть уступают дорогу и идут стороной другие существа. А как следствие человеческое достоинство автоматически низводит всех остальных в позицию низших существ.

— Мистер Барнс,— заявил Уоррен,— дело в наложении рук.

Лежавший на койке человек перекатил голову по подушке, обратив к Уоррену бледное лицо, и посмотрел так, будто удивился его присутствию. Тонкие бескровные губы зашевелились, медленно и едва слышно выговаривая слова.

— Да, Уоррен, причина в возложении рук. Эти создания, подобно Иисусу, наделены неким неведомым человеку даром исцеления.

— Но это дар судьбы.

— Нет, Уоррен,— возразил капеллан,— не обязательно. Все может обстоять совершенно иначе: быть может, это вполне человеческий дар, приходящий с достижением интеллектуального или духовного совершенства.

— Не понимаю,— ссутулившись, признался Уоррен.— Просто не верится. Не могут эти лупоглазые твари...

Подняв глаза, он взглянул на капеллана. Лицо священника вспыхнуло нездоровым румянцем от внезапного приступа жара, дыхание его стало поверхностным и прерывистым, веки смежились. С виду он уже ничем не отличался от покойника.

В том отчете психолога третьей экспедиции говорится о чувстве собственного достоинства, строгом кодексе чести и довольно примитивном этикете. Разумеется, отчет соответствует истине.

Но человечество, сосредоточенное на собственном достоинстве и престиже, даже не допускает мысли, что чувство собственного достоинства присуще и другим. Человек готов быть добрым, если его доброту примут с соответствующей благодарностью. Он готов броситься на помощь, если эта помощь провозглашает его превосходство. Но здесь, на Ландро, никто даже не потрудился предложить туземцам хоть какую-то помощь, ни на мгновение не допустив, что эти недомерки с совиными глазами — не просто застрявшие в каменном веке дикари, что они не только соринка в глазу или кость в горле. Люди никогда не принимали туземцев всерьез, хоть порой это и представляло некоторую угрозу.

И не обращали на них внимания до того самого дня, когда перепуганный мальчишка сошел с тропы, чтобы уступить дорогу туземцу.

— Учтивость,— сказал Уоррен,— вот в чем разгадка. В учтивости и возложении рук.

Встав с табурета, он вышел из палатки и тут же повстречал вознамерившегося войти Фолкнера.

— Как он? — поинтересовался тот.

— Точь-в-точь как остальные,— качнул головой Уоррен.— Болезнь хоть и припозднилась к нему, но ничуть не умерила свою ярость.

— Значит, нас осталось двое,— констатировал Фолкнер.— Двое из двадцати шести.

— Не двое,— поправил его Уоррен,— а только один. Только вы.

— Но, сэр, вы совершенно...

Уоррен отрицательно покачал головой.

— У меня болит голова. Начинает прошибать испариной. Колени подгибаются.

— А может...

— Я слишком много раз видел такое,— перебил Уоррен,— чтобы поддаться самообольщению.

Он ухватился за клапан палатки, чтобы не горбиться, и закончил:

— У меня ни малейшего шанса. Я никому не уступил дорогу.

ИЗГОРОДЬ

Он спустился по лестнице и на секунду остановился, давая глазам привыкнуть к полутьме.

Рядом с высокими бокалами на подносе прошел робот-официант.

— Добрый день, мистер Крейг.

— Здравствуй, Герман.

— Не хотите ли чего-нибудь, сэр?

— Нет, спасибо. Я пойду.

Крейг на цыпочках пересек помещение и неожиданно для себя отметил, что почти всегда ходил здесь на цыпочках. Дозволялся только кашель, и лишь самый тихий, самый деликатный кашель. Громкий разговор в пределах комнаты отдыха казался святотатством.

Аппарат стоял в углу, и, как все здесь, это был почти бесшумный аппарат. Лента выходила из прорези и спускалась в корзину; за корзиной следили и вовремя опустошали, так что лента никогда-никогда не падала на ковер.

Он поднял ленту, быстро перебирая пальцами, пробежал ее до буквы К, а затем стал читать внимательнее.

«Кокс — 108,5; Колфилд — 92; Коттон — 97; Кратчфилд — 111,5; Крейг — 75...

Крейг — 75!

Вчера было 78, 81 позавчера и 83 третьего дня. А месяц назад было 96,5 и год назад — 120».

Все еще сжимая ленту в руках, он оглядел темную комнату. Вот над спинкой кресла виднеется лысая голова, вот вьется

© Перевод В. Баканова.

дымок невидимой сигареты. Кто-то сидит лицом к Крейгу, но почти неразличим, сливаясь с креслом; блестят только черные ботинки, светятся белоснежная рубашка и укрывающая лицо газета.

Крейг медленно повернул голову и, внезапно слабея, увидел, что кто-то занял его кресло, третье от камина. Месяц назад этого бы не было, год назад это было бы немыслимо. Тогда его индекс удовлетворенности был высоким.

Но они знали, что он катится вниз. Они видели ленту и, несомненно, обсуждали это. И презирали его, несмотря на сладкие речи.

— Бедняга Крейг. Славный парень. И такой молодой,— говорили они с самодовольным превосходством, абсолютно уверенные, что уж с ними-то ничего подобного не произойдет.

Советник был добрым и внимательным, и Крейг сразу понял, что он любит свою работу и вполне удовлетворен.

— Семьдесят пять...— повторил советник.— Не очень-то хорошо.

— Да,— согласился Крейг.

— Вы чем-нибудь занимаетесь? — Отшлифованная профессиональная улыбка давала понять, что он в этом совершенно уверен, но спрашивает по долгу службы.— О, в высшей степени интересный предмет. Я знавал нескольких джентльменов, страстно увлеченных историей.

— Я специализируюсь,— сказал Крейг,— на изучении одного акра.

— Одного акра? — переспросил советник, совершенно не удивленный.— Я не вполне...

— Истории одного акра,— объяснил Крейг.— Надо прослеживать ее вдаль, час за часом, день за днем, по темповизору, регистрировать детально все события, все, что случилось на этом акре, с соответствующими замечаниями и комментариями.

— Чрезвычайно интересное занятие, мистер Крейг. Ну и как, нашли вы что-нибудь особенное на своем... акре?

— Я проследил за ростом деревьев. В обратную сторону. Вы понимаете? От стареющих гигантов до ростков; от ростков до семян. Хитрая штука, это обратное слежение. Сначала сильно сбивает с толку, но потом привыкаешь. Клянусь, даже ду-

мать начинаешь в обратную сторону... Кроме того, я веду историю гнезд и самих птиц. И цветов, разумеется. Регистрирую погоду. У меня неплохой обзор погоды за последние пару тысяч лет.

— Как интересно,— заметил советник.

— Было и убийство,— продолжал Крейг.— Но оно произошло за пределами акра, и я не могу включать его в свое исследование. Убийца после преступления пробежал по моей территории.

— Убийца, мистер Крейг?

— Совершенно верно. Понимаете, один человек убил другого.

— Ужасно. Что-нибудь еще?

— Пока нет,— ответил Крейг.— Хотя есть кое-какие надежды. Я нашел старые развалины.

— Зданий?

— Да. Я стремлюсь дойти до тех времен, когда они еще не были развалинами. Не исключено, что в них жили люди.

— А вы поторопитесь немного,— предложил советник.— Пройдите этот участок побыстрее.

Крейг покачал головой:

— Чтобы исследование не утратило своей ценности, надо регистрировать все детали. Я не могу перескочить через них, чтобы скорее добраться до интересного.

Советник изобразил сочувствие.

— В высшей степени интересное занятие,— сказал он.— Я просто не представляю, почему ваш индекс падает.

— Я осознал,— проговорил Крейг,— что всем все равно. Я вложу в исследование годы труда, опубликую результаты, несколько экземпляров раздам друзьям и знакомым, и они будут благодарить меня, потом поставят книгу на полку и никогда не откроют. Я разошлю свой труд в библиотеки, но, вы знаете, сейчас никто туда не ходит. Я буду единственным, кто когда-либо прочтет эту книгу.

— Но, мистер Крейг,— заметил советник,— есть масса людей, которые находятся в таком же положении. И все они сравнительно счастливы.

— Я говорил себе это,— признался Крейг.— Не помогает.

— Давайте сейчас не будем вдаваться в подробности, а обсудим главное. Скажите, мистер Крейг, вы совершенно уверены, что не можете более быть счастливы, занимаясь своим акром?

— Да,— произнес Крейг.— Уверен.

— А теперь, ни на минуту не допуская, что ваше заявление отвечает однозначно на наш вопрос, скажите мне: вы никогда не думали о другой возможности?

— О другой?

— Конечно. Я знаю некоторых джентльменов, которые сменили свои занятия и с тех пор чувствуют себя превосходно.

— Нет,— признался Крейг.— Даже не представляю, чем можно еще заняться.

— Ну, например, наблюдать за змеями,— предложил советник.

— Нет,— убежденно сказал Крейг.

— Или коллекционировать марки. Или вязать. Многие джентльмены вяжут и находят это весьма приятным и успокаивающим.

— Я не хочу вязать.

— Начните делать деньги.

— Зачем?

— Вот этого я и сам не могу взять в толк,— доверительно сообщил советник.— Ведь в них нет никакой нужды, стоит лишь сходить в банк. Но есть немало людей, которые с головой ушли в это дело и добывают деньги порой, я бы сказал, весьма сомнительными способами. Но как бы то ни было, они черпают в этом глубокое удовлетворение.

— А что потом они делают с деньгами? — спросил Крейг.

— Не знаю,— ответил советник.— Один человек зарыл их и забыл где. Остаток жизни он был вполне счастлив, занимаясь их поисками с лопатой и фонарем в руках.

— Почему с фонарем?

— О, он вел поиски только по ночам.

— Ну и как, нашел?

— По-моему, нет.

— Кажется, меня не тянет делать деньги,— сказал Крейг.

— Вы можете вступить в клуб.

— Я давно уже член клуба. Одного из самых лучших и респектабельных. Его корни...

— Нет,— перебил советник.— Я имею в виду другой клуб. Знаете, группа людей, которые вместе работают, имеют мно-

го общего и собираются, чтобы получить удовольствие от беседы на интересующие темы.

— Сомневаюсь, что такой клуб решил бы мою проблему,— проговорил Крейг.

— Вы можете жениться,— предложил советник.

— Что? Вы имеете в виду... на одной женщине?

— Ну да.

— И завести кучу детей?

— Многие мужчины занимались этим. И были вполне удовлетворены.

— Знаете,— произнес Крейг,— по-моему, это как-то неприлично.

— Есть масса других возможностей,— не сдавался советник.— Я могу перечислить...

— Нет, спасибо.— Крейг покачал головой.— В другой раз. Мне надо все обдумать.

— Вы абсолютно уверены, что стали относиться к истории неприязненно? Предпочтительнее оживить ваше старое занятие, нежели заинтересовать новым.

— Да, я отношусь неприязненно,— сказал Крейг.— Меня тошнит от одной мысли о нем.

— Хорошенько отдохните,— предложил советник.— Отдых придаст вам бодрости и сил.

— Пожалуй, для начала я немного прогуляюсь,— согласился Крейг.

— Прогулки весьма, весьма полезны,— сообщил ему советник.

— Сколько я вам должен? — спросил Крейг.

— Сотню,— ответил советник.— Но мне безразлично, заплатите вы или нет.

— Знаю,— сказал Крейг.— Вы просто любите свою работу.

На берегу маленького пруда, привалившись спиной к дереву, сидел человек. Он курил, не сводя глаз с поплавка. Рядом стоял грубо вылепленный глиняный кувшин.

Человек поднял голову и увидел Крейга.

— Садитесь, отдохните,— сказал он.

Крейг подошел и сел.

— Сегодня пригревает,— сказал он, вытирая лоб платком.

— Здесь прохладно,— отозвался мужчина.— Днем вот сижу с удочкой. А вечером, когда жара спадает, вожусь в саду.

— Цветы,— задумчиво проговорил Крейг.— А ведь это идея. Я и сам иной раз подумывал, что это небезынтересно — вырастить целый сад цветов.

— Не цветов,— поправил человек.— Овощей. Я их ем.

— То есть вы хотите сказать, что работаете, чтобы получить продукты питания?

— Ага. Я вспахиваю и удобряю землю и готовлю ее к посеву. Затем я сажаю семена, ухаживаю за всходами и собираю урожай. На еду мне хватает.

— Такая большая работа!

— Меня это нисколько не смущает.

— Вы могли бы взять робота,— посоветовал Крейг.

— Вероятно. Но зачем? Труд успокаивает мои нервы,— сказал человек.

Поплавок ушел под воду, и он схватился за удочку, но было поздно.

— Сорвалась,— пожаловался рыбак.— Я уже не первую упускаю. Никак не могу сосредоточиться.— Он насадил на крючок червя из банки, закинул удочку и снова привалился к стволу дерева.— Дом у меня небольшой, но удобный. С урожая обычно остается немного зерна, и, когда мои запасы подходят к концу, я делаю брагу. Держу собаку и двух кошек и раздражаю соседей.

— Раздражаете соседей? — переспросил Крейг.

— Ну,— подтвердил человек.— Они считают, что я спятил.

Он вытащил из кувшина пробку и протянул его Крейгу. Крейг, приготовившись к худшему, сделал глоток. Совсем недурно.

— Сейчас, пожалуй, чуть перебродила,— виновато произнес человек.— Но вообще получается неплохо.

— Скажите,— произнес Крейг,— вы удовлетворены?

— Конечно,— ответил человек.

— У вас, должно быть, высокий ИУ.

— ИУУ?

— Нет. ИУ. Личный индекс удовлетворенности.

Человек покачал головой:

— У меня такого вообще нет.

Крейг чуть не онемел.

— Но как же?!

— Вот и до вас приходил тут один. Довольно давно... Рассказывал про этот ИУ, только мне что-то послышалось ИУУ. Уверял, что я должен такой иметь. Ужасно расстроился, когда я сказал, что не собираюсь заниматься ничем подобным.

— У каждого есть ИУ,— сказал Крейг.

— У каждого, кроме меня.— Он пристально посмотрел на Крейга.— Слушай, сынок, у тебя неприятности?

Крейг кивнул:

— Мой ИУ ползет вниз. Я потерял ко всему интерес. Мне кажется, что что-то у нас не так, неправильно. Я чувствую это, но никак не могу определить.

— Им все дается даром,— сказал человек.— Они и пальцем не пошевелят и все равно будут иметь еду, и дом, и одежду и утопать в роскоши, если захотят. Тебе нужны деньги? Пожалуйста, иди в банк и бери сколько надо. В магазине забирай любые товары и уходи; продавцу плевать, заплатишь ты или нет. Потому что ему они ничего не стоили. Ему их дали. На самом деле он просто играет в магазин. Точно так же, как все остальные играют в другие игры. От скуки. Работать, чтобы жить, никому не надо. Все приходит само собой. А вся эта затея с ИУ?.. Способ ведения счета в одной большой игре.

Крейг не сводил с него глаз.

— Большая игра,— произнес он.— Точно. Вот что это такое.

Человек улыбнулся.

— Никогда не думали об этом? В том-то и беда. Никто не задумывается. Все так страшно заняты, стараясь убедить себя в собственном благополучии и счастье, что ни на что другое не остается времени. У меня,— добавил он,— времени хватает.

— Я всегда считал наш образ жизни,— сказал Крейг,— конечной стадией экономического развития. Так нас учат в школе. Ты обеспечен всем и волен заниматься чем хочешь.

— Вот вы сегодня перед прогулкой позавтракали,— после некоторой паузы начал человек.— Вечером пообедаете, немного выпьете. Завтра поменяете туфли или наденете свежую рубашку...

— Да,— подтвердил Крейг.

— Что я хочу сказать, это откуда берутся все эти вещи? Рубашка или пара туфель, положим, могут быть сделаны тем, кому нравится делать рубашки или туфли. Пишущую машинку, которой вы пользуетесь, тоже мог изготовить какой-нибудь механик-любитель. Но ведь до этого она была металлом в земле!

Скажите мне: кто собирает зерно, кто растит лен, кто ищет и добывает руду?

— Не знаю,— сказал Крейг.— Я никогда не думал об этом.

— Нас содержат,— проговорил человек.— Да-да, нас кто-то содержит. Ну а я не хочу быть на содержании.

Он поднял удочку и стал укладываться.

— Жара немного спала. Пора идти работать.

— Приятно было поговорить с вами,— произнес, поднимаясь, Крейг.

— Спуститесь по этой тропинке,— предложил человек.— Изумительное место. Цветы, тень, прохлада. Если пройдете подальше, наткнетесь на выставку.— Он взглянул на Крейга.— Вы интересуетесь искусством?

— Да,— сказал Крейг.— Но я понятия не имел, что здесь поблизости есть музей.

— О, неплохой. Недурные картины, пара приличных деревянных скульптур. Очень интересные здания, только не пугайтесь необычности очертаний. Сам я там частенько бываю.

— Обязательно схожу,— сказал Крейг.— Спасибо.

Человек поднялся и отряхнул штаны.

— Если задержитесь, заходите ко мне, переночуете. Моя лачуга рядом, на двоих места хватит.— Он взял кувшин.— Мое имя Шерман.

Они пожали руки.

Шерман отправился в свой сад, а Крейг пошел вниз по тропинке.

Строения казались совсем рядом, и все же представить их очертания было трудно. «Из-за какого-то сумасшедшего архитектурного принципа»,— подумал Крейг.

Они были розовыми до тех пор, пока он не решил, что они вовсе не розовые, а голубые, а иногда они казались и не розовыми, и не голубыми, а скорее зелеными, хотя, конечно, такой цвет нельзя однозначно назвать зеленым.

Они были красивыми, безусловно, но красота эта раздражала и беспокоила — совсем незнакомая и необычная красота.

Здания, как показалось Крейгу, находились в пяти минутах ходьбы полем. Он шел минут пятнадцать, но достиг лишь того, что смотрел на них чуть под другим углом. Впрочем, трудно сказать — здания как бы постоянно меняли свои формы.

Цель не приблизилась и еще через пятнадцать минут, хотя он мог поклясться, что шел прямо.

Тогда он почувствовал страх.

Казалось, что, продвигаясь вперед, он уходил вбок. Как будто что-то гладкое и скользкое перед ним не давало пройти. Как изгородь, изгородь, которую невозможно увидеть или ощутить.

Он остановился, и дремавший в нем страх перерос в ужас.

В воздухе что-то мелькнуло. На мгновение ему почудилось, что он увидел глаз, один-единственный глаз, смотрящий на него. Он застыл, а чувство, что за ним наблюдают, еще больше усилилось, и на траве по ту сторону незримой ограды заколыхались какие-то тени. Как будто там стоял кто-то невидимый и с улыбкой наблюдал за его тщетными попытками пробиться сквозь стену.

Он поднял руку и вытянул ее перед собой, никакой стены не было, но рука отклонилась в сторону, пройдя вперед не больше фута.

И в этот миг он почувствовал, как смотрел на него из-за ограды этот невидимый — с добротой, жалостью и безграничным превосходством.

Он повернулся и побежал.

Крейг ввалился в дом Шермана и рухнул на стул, пытливо глядя в глаза хозяина.

— Вы знали,— произнес он.— Вы знали и послали меня.

Шерман кивнул:

— Вы бы не поверили.

— Кто они? — прерывающимся голосом спросил Крейг.— Что они там делают?

— Я не знаю,— ответил Шерман.

Он подошел к плите, снял крышку и заглянул в котелок, из которого сразу потянуло чем-то вкусным. Затем он вернулся к столу, чиркнул спичкой и зажег древнюю масляную лампу.

— У меня все по-старому,— сказал Шерман.— Электричества нет. Ничего нет. Уж не обессудьте. На ужин кроличья похлебка.

Он смотрел на Крейга через коптящую лампу, пламя закрывало его тело, и в слабом мерцающем свете казалось, что в воздухе плавает одна голова.

— Что это за изгородь? — почти выкрикнул Крейг.— За что их заперли?

— Сынок,— проговорил Шерман,— отгорожены не они.

— Не они?

— Отгорожены мы,— сказал Шерман.— Неужели не видишь? Мы находимся за изгородью.

— Вы говорили днем, что нас содержат. Это они?

Шерман кивнул:

— Я так думаю. Они обеспечивают нас, заботятся о нас, наблюдают за нами. Они дают нам все, что мы просим.

— Но почему?!

— Не знаю,— произнес Шерман.— Может быть, это зоопарк. Может быть, резервация, сохранение последних представителей вида. Они не хотят нам ничего плохого.

— Да,— убежденно сказал Крейг.— Я почувствовал это. Вот что меня напугало.

Они тихо сидели, слушая, как гудит пламя в плите, и глядя на танцующий огонек лампы.

— Что же нам делать? — прошептал Крейг.

— Надо решать,— сказал Шерман.— Быть может, мы вовсе не хотим ничего делать.

Он подошел к котелку, снял крышку и помешал.

— Не вы первый, не вы последний. Приходили и будут приходить другие.— Он повернулся к Крейгу.— Мы ждем. Они не могут дурачить и держать нас в загоне вечно.

Крейг молча сидел, вспоминая взгляд, преисполненный доброты и жалости.

ИСТИНА

1

Едва они вышли из корабля, все сразу стало ясным и понятным. Разумеется, они не могли предугадать, что их ждет, ибо откуда им было знать, на что рассчитывать; тем не менее осознание пришло словно само собой. Трое из них просто стояли и смотрели, а четвертый даже подплыл поближе. Рассудок, сердце или интуиция — назвать можно как угодно — подсказывали каждому из них, что они наконец-то добрались до последнего приюта или одного из последних приютов той прославленной в легендах группы людей, которая сумела разорвать путы обыденности и вырвалась в темные просторы Галактики. Однако о том, от чего они бежали — от посредственности, ответственности или чего-то еще,— можно было только догадываться; ученые, пытавшиеся разгадать эту загадку, разделились в итоге на несколько культов и до сих пор вели между собой весьма жаркие, насквозь научные споры.

Впрочем, четверо исследователей ни на мгновение не усомнились в том, что перед ними место, поиски которого продолжались более или менее успешно на протяжении сотни тысяч лет. Название «место» подходило к нему как нельзя лучше, поскольку на город оно явно не тянуло, хотя, возможно, в былые времена здесь и впрямь возвышался город. Это было место обитания, учености и работы, место, застроенное множеством зданий, которые, однако, с течением лет превратились в детали ландшафта и уже не нарушали целостности картины своими размерами или нарочитым пренебрежением по отношению к окружающей природе. Тут ощущалось величие, но не такое,

© Перевод К. Королева.

что присуще громоздящимся друг на друга гигантским валунам, не подавляющее величие архитектуры, даже не грандиозность несокрушимости. По правде сказать, архитектура была ничем не примечательной, какая-либо монументальность начисто отсутствовала, некоторые здания разрушились, а другие спрятались за деревья, укутались в мох и как бы слились в единое целое с холмами, на которых стояли. Тем не менее в них ощущалось величие — величие смирения, целесообразности и упорядоченной жизни. Стоило лишь взглянуть на них, как возникало понимание: это был, конечно, никакой не город, а большой поселок, деревня, причем обладавшая в избытке всем тем, что обычно связывается с подобным словом.

Главным же было то, что в поселении чувствовалось присутствие человека, этакий налет человечности, благодаря которому у наблюдателя не оставалось ни малейшего сомнения в том, что здания спроектированы и возведены людьми. Не то чтобы можно было ткнуть во что-то пальцем и сказать: «Се человек», поскольку любая архитектурная деталь могла оказаться творением иной расы. Но общая панорама позволяла заявить с полной уверенностью: здесь жил человек.

Существа, искавшие поселение, пытались обнаружить хотя бы намек на то, куда ушла легендарная раса; придя в отчаяние от бесплодных поисков, некоторые засомневались в том, существует ли оно вообще, и стали все с большим недоверием воспринимать свидетельства, подтверждающие факт его существования. Находились и такие, кто утверждал, что искать бессмысленно, ибо, если вдуматься, что ценного могли оставить после себя ничтожества вроде людей? «Кто такие люди? — спрашивали эти вольнодумцы и сами же отвечали на свой вопрос, не дожидаясь отклика собеседников: — Машинники, заурядные машинники, выделявшиеся разве что эмоциональной неустойчивостью». Им не было равных в создании машин, но что касается собственного интеллекта, тут не о чем и говорить. Уровень его был настолько низок, что людей едва-едва приняли в галактическое братство. Они застыли в своем развитии. Да, в мастерстве им не откажешь, но по сути они — дикари, совершенно справедливо оттесненные на задворки империи.

Место искали тысячелетиями, многажды терпя неудачи, не постоянно, поскольку раз за разом выяснялось, что есть дру-

гие, более важные дела, которые не терпят отлагательства. Постепенно оно превратилось в исторический курьез, где-то даже в миф. Проект его поисков никогда не числился среди тех, что требовали немедленного осуществления. Однако вот оно — под сенью холма, на вершине которого приземлился корабль. Почему его не нашли раньше? Что же тут непонятного: звездных систем слишком много, все обыскать невозможно...

— Оно! — мысленно воскликнул Пес и искоса поглядел на Человека, гадая, что тот чувствует; ведь для него это место, несомненно, значило гораздо больше, нежели для остальных.— Я рад, что мы нашли его,— продолжал Пес, обращаясь напрямую к Человеку, и Человек уловил оттенки его мысли: искренность Пса, близость и чисто собачью преданность.

— Теперь-то мы узнаем,— заявил Паук, и все без слов догадались, что он имел в виду: «Узнаем, отличались ли здешние люди от всех других или были ничуть не лучше прочих».

— Они были мутантами,— сказал Шар,— по крайней мере, так предполагалось.

Человек молча смотрел на деревню.

— Если бы мы специально пытались отыскать ее, у нас ничего бы не вышло,— заметил Пес.

— Времени мало,— напомнил Паук,— а дел в избытке.

— Достаточно того, что мы знаем наверняка: оно существует,— проговорил Шар.— Передадим координаты, а там пускай присылают специалистов.

— Случайно,— пробормотал Человек, судя по всему ошеломленный открытием,— мы натолкнулись на него совершенно случайно.

Паук издал неопределенный звук, похожий на фырканье, и Человек замолчал.

— Тут никого нет,— сказал Шар.— Они опять сбежали.

— Или деградировали,— прибавил Паук.— Притаились небось в укромном уголке и таращатся на нас, не соображая, что происходит. Если мы найдем их, наверняка окажется, что они напичканы всякими небылицами и глупыми предрассудками.

— Не уверен,— возразил Пес.

— У нас мало времени,— повторил Паук.

— Нам вообще нечего тут делать,— решительно произнес Шар.— Нас посылали не за этим, так что пошли отсюда.

— Раз мы здесь,— сказал Пес,— будет некрасиво просто взять и уйти.

— Тогда за работу,— буркнул Паук.— Давайте разгрузим корабль.

— Если вы не против,— сказал Человек,— я хотел бы побродить по окрестностям. Пройдусь погляжу, что и как.

— Я с тобой,— вызвался Пес.

— Спасибо,— отозвался Человек,— но в том нет никакой необходимости.

Товарищи отпустили его. С вершины холма они наблюдали за тем, как он спустился по склону и направился к таинственным зданиям, а потом принялись за активацию роботов. Когда на закате они вернулись на холм, Человек поджидал их: он сидел на гребне и смотрел на деревню. Он не стал спрашивать о том, что им удалось отыскать. Казалось, ему все известно и так, хотя он всего лишь прошелся по деревне и никуда не ездил.

— Странно,— проговорил Пес.— Ни намека на что-либо необычное, ни единого свидетельства прогресса. Скорее, они регрессировали. Ровным счетом ничего оригинального.

— Я видел машины,— сказал Человек,— домашние приспособления, бытовая техника.

— Больше ничего и нет,— откликнулся Паук.

— Людей тоже нет,— добавил Шар.— Ни следа сколько-нибудь разумной жизни.

— Специалистам, когда они прилетят, может повезти больше нашего,— заметил Пес.

— Сомневаюсь,— бросил Паук.

Человек отвел взгляд от поселения и посмотрел на товарищей. Пес как будто извинялся, что находки, пустяковые сами по себе, не сулили ничего утешительного. Да, Пес и впрямь извинялся, потому что в его сознании сохранилась некая толика былой верности человеку. Беспрекословное послушание и всепрощающая любовь остались в далеком прошлом, однако у собак из поколения в поколение передавалась привязанность к существам, перед которыми преклонялись их предки. Паук, похоже, был доволен — доволен тем, что не обнаружил каких-либо следов человеческого величия, что теперь на человечестве можно поставить крест и загнать людей туда, откуда они будут с замиранием сердца следить за возвышением пауков и прочих разумных тварей. Шару же, очевидно, было все равно. Он па-

рил в воздухе рядом с головой Пса и всем своим видом выказывал равнодушие к участи человечества. Его заботило только одно: чтобы выполнялись намеченные планы, достигались поставленные цели, а развитие шло по нарастающей. Вне сомнения, он уже стер из памяти эту деревню и сведения о людях-мутантах, наверняка перестал считать их фактором, способным повлиять на прогресс.

— Пожалуй, я задержусь здесь,— сказал Человек,— если вы, конечно, не возражаете.

— Не возражаем,— отозвался Шар.

— Темнеет,— предостерег Паук.

— Скоро появятся звезды,— проговорил Человек,— может статься, даже луна. Вы не заметили, у планеты есть луна?

— Не заметили,— ответил за троих Паук.

— Пора готовиться к отлету,— сказал Пес.— Я позову тебя, когда мы соберемся улетать.

На западе еще догорал закат, а небосвод уже усыпали звезды. Сперва проступили самые яркие, за ними те, что потускнее, и, наконец, в небе засверкали мириады огней. Луны, к сожалению, не было, а если она и была, то предпочитала не показываться.

Сумерки принесли с собой прохладу. Человек набрал деревяшек — обломившихся сучьев, сухого кустарника и кусков, которые выглядели так, словно их когда-то обрабатывали,— и развел костер. Тот получился небольшим, но вполне достаточным, чтобы разогнать мрак; Человек подсел поближе к огню, ища не столько тепла, сколько дружеского участия. Он сидел у костра и глядел на деревню. Что-то не так, твердил он себе, величие человеческой расы не могло исчезнуть бесследно. Ему было грустно, он страдал от одиночества, навеянного пребыванием на чужой планете, под незнакомыми созвездиями, а еще тем, что надежда, манившая в неизведанную даль, оказалась призрачной, упования рассыпались в прах: его сородичи так и не сумели подняться над собой. Машинники на задворках империи, основанной не людьми, а Псами, Пауками, Шарами и прочими созданиями, которых поистине невозможно описать! Но ведь человечество славилось не одними машинами! Оно шло к своей судьбе, а машины просто помогали перекинуть мост к тому времени, когда эта судьба станет доступной

восприятию. Да, в борьбе за выживание машины были, можно сказать, необходимы, но суть-то не в них; вовсе не они — конечная цель развития, идеал, к которому стремились люди.

Пес возник из темноты, уселся рядом с Человеком и тоже стал смотреть на деревню, кипение жизни в которой затихло в незапамятные времена. Блики пламени отражались на его лоснящейся шкуре, он был прекрасен, и в нем по-прежнему ощущалась некая первобытная, унаследованная от предков дикость. В конце концов он нарушил тишину, нависшую над миром и как бы проникшую в его естество.

— Хорошо,— сказал он.— Я редко развожу огонь.

— Огонь был первым шагом,— отозвался Человек,— первой ступенькой. Он для меня как символ.

— У нас, псов, свои символы. Они есть даже у пауков. А вот Шар не знает, что это такое.

— Мне жаль его,— проговорил Человек.

— Не растравляй себя,— посоветовал Пес.— Между прочим, Шар жалеет себя. Он жалеет всех, кто не похож на него.

— Когда-то мы испытывали подобные чувства,— сказал Человек,— но теперь уже нет.

— Пора улетать,— сообщил Пес.— Я знаю, ты хотел бы остаться, но...

— Я остаюсь,— перебил Человек.

— Ты не можешь,— возразил Пес.

— Я остаюсь,— повторил Человек.— Вы вполне обойдетесь без меня.

— Я предполагал, что ты останешься,— произнес Пес.— Принести твои вещи?

— Будь настолько добр,— ответил Человек.— Мне не хочется идти самому.

— Шар рассердится,— предупредил Пес.

— Знаю.

— Тебя накажут. Пройдет много времени, прежде чем тебя снова допустят к работе.

— Знаю.

— Паук скажет, что люди все чокнутые. Он постоянно говорит всякие гадости.

— Мне все равно,— откликнулся Человек,— почему-то мне все равно.

— Ну ладно,— проговорил Пес.— Пойду за вещами. Значит, одежда, книги и маленький саквояж, верно?

— И еда.

— Разумеется. Уж про еду-то я не забуду.

После того как корабль улетел, Человек стал разбирать вещи, которые принес Пес, и обнаружил, что тот оставил ему часть собственного продовольственного рациона.

2

Обитатели деревни жили спокойной, размеренной жизнью, не отказывая себе в удобствах. Многие устройства в домах разрушились от времени, все они давным-давно перестали действовать, однако догадаться, для чего предназначалось то или иное приспособление, не составляло труда. Люди прошлого любили красоту: у каждого из домов был разбит садик, тут и там попадались цветы или деревья, за которыми, по всей видимости, ухаживали, как за детьми, ибо они отличались либо изяществом форм, либо богатством и прозрачностью красок. Впрочем, вся забота канула в прошлое вместе с хозяевами домов, и теперь красота растений поблекла и приобрела ностальгический оттенок.

Деревенские жители были образованными людьми, о чем свидетельствовали ряды книг на полках. Увы, стоило лишь прикоснуться к книгам, как они рассыпались в пыль, и оставалось только гадать, какие сокровища мудрости хранили их страницы.

Среди зданий встречались такие, что, судя по всему, служили в старину театрами; имелись в поселении и громадные форумы, где, должно быть, проводились торжества и устраивались различные общественные мероприятия. Словом, несмотря на царившее вокруг запустение, в деревне ощущались мир и покой, упорядоченность и счастье, составлявшие некогда основу здешней жизни.

Но вот величия не чувствовалось. Не было ни огромных машин, ни мастерских по их производству, ни стартовых платформ, ни каких-либо иных указаний на то, что местные жители стремились к звездам, притом что они должны были кое-что знать о космосе — ведь их предки пересекли пространство, что-

бы обосноваться здесь. Не было ни оборонительных сооружений, ни дорог, ведущих в другие поселения.

Улицы навевали покой, призрачный покой, балансировавший, если можно так выразиться, на лезвии ножа, покой, в котором хотелось закончить свои дни, но который отпугивал полной неопределенностью будущего.

Человек заходил в дома, продирался сквозь обломки мебели, смахивал пыль, разводил костры, ночевал под крышей, а перед тем как лечь спать, обыкновенно усаживался на покосившуюся скамейку или прямо на камень крыльца, глядел в небо и размышлял о том, что незнакомые созвездия над головой были некогда добрыми друзьями жившим тут счастливцам. Он позволял рассудку отвлекаться на частности в надежде, что это приведет однажды к открытию истины, но сам не прилагал чрезмерных усилий к ее обнаружению, ибо что-то подсказывало ему, что торопиться и беспокоиться не следует, поскольку спешка и волнение несовместимы с подобными поисками.

Он думал о том, что здесь когда-то обитали его сородичи, мутанты, превзошедшие в своем развитии всех прочих людей. Здесь зрели упования на прекрасное будущее, так и оставшиеся невоплощенными. Здесь ощущались мир и покой, интеллект и комфорт, но все остальное словно пряталось от любопытных глаз, хотя оно необходимо должно было присутствовать — некий урок, некое послание, некая цель. Человек снова и снова твердил себе, что не все пути заканчиваются тупиками, что где-то есть, наверняка есть выход, который, если постараться, можно отыскать.

На пятый день своего пребывания в деревне он набрел на дом, отличавшийся от других большим количеством архитектурных украшений и известной солидностью внешнего вида. Окон в доме не было, внутрь вела одна-единственная, запертая на ключ дверь, и Человек понял, что наконец нашел то, что искал. Три дня подряд он пытался проникнуть в здание, а на четвертый отступился, вышел за пределы деревни и направился к холмам, продолжая размышлять по дороге, как ему справиться с неподатливым замком. Он бродил по холмам, мерил шагами долины, как ученый или писатель — свой кабинет, будто гулял по саду, ожидая, пока прояснится голова.

И так он натолкнулся на людей.

Сначала он заметил дым, поднимавшийся над одним из тех распадков, что выводили к долине, по которой текла река, серебристая лента, отороченная зеленой травой лугов.

Человек пошел осторожнее, для того чтобы не оказаться застигнутым врасплох, а вовсе не из страха. На этой планете, с ее прозрачным небосводом, бояться было нечего; о том, казалось, говорили и песня птицы, и задувавший с запада ветерок. Какое-то время спустя он различил впереди, под могучими деревьями, дом, увидел сад, где спели на ветках многочисленные плоды, услышал мысли людей. Он неторопливо спустился по склону: чутье подсказывало ему, что торопиться некуда; и внезапно он испытал такое чувство, будто возвратился домой, что было совсем уж необъяснимо, поскольку его собственный дом ничуть не походил на этот.

Его заметили, но спешить навстречу никто, похоже, не собирался. Обитатели дома сидели, где сидели, и просто ждали, пока он подойдет, словно он был не чужаком, а другом, заранее известившим о своем прибытии. Людей было трое. Первая — седовласая женщина в строгом платье с глухим воротником, скрывавшим от постороннего взгляда возрастные морщины на шее. Ее лицо наводило на мысль об ангельском лике; оно было красиво умиротворенной красотой старости, сознающей, что жизнь близится к концу и что этот конец не будет отягощен никакими грехами. Рядом с женщиной сидел мужчина немногим старше среднего возраста. Кожа на его лице и шее почернела от загара, скрюченные от тяжелой работы пальцы рук покрывали мозоли и шрамы. Его черты несли отпечаток той же покойной красоты, однако им не хватало завершенности, должно быть, оттого, что он не успел еще насладиться сполна всей прелестью дней на склоне лет. Третьей была молодая девушка, и даже она разделяла со старшими умиротворение здешней природы. Она обернулась; Человек увидел правильные, словно выточенные рукой искусного мастера черты ее лица и понял, что она гораздо моложе, чем ему почудилось с первого взгляда.

Он остановился у ворот. Мужчина поднялся и медленно подошел к нему.

— Милости просим, незнакомец,— сказал мужчина.— Мы услышали тебя, едва ты вошел в сад.

— Я был в деревне,— проговорил Человек,— а потом решил пройтись...

— Ты издалека?

— Да, издалека. Меня зовут Дэвид Грэм.

— Входи, Дэвид.— Мужчина распахнул калитку.— Входи и будь как дома. Мы накормим тебя, и у нас найдется свободная постель.

В сопровождении мужчины Дэвид приблизился к скамейке, на которой сидела пожилая женщина.

— Меня зовут Джед,— сказал мужчина.— Это моя матушка Мэри, а это — моя дочь Элис.

— Наконец-то ты добрался до нас, молодой человек,— проговорила женщина. Она поманила Дэвида к себе.— Садись рядом и давай поболтаем. У Джеда еще достаточно работы по дому, а Элис предстоит готовить ужин. Одна я бездельничаю, потому что слишком стара.— Ее глаза будто посветлели, но на лице сохранялось прежнее выражение.— Мы знали, что ты придешь, знали, что кто-то рано или поздно должен прийти, ибо те, кто далеко, не могли забыть о своих сородичах-мутантах.

— Мы нашли вас по чистой случайности.

— Мы? Так ты не один?

— Остальные улетели. Они не люди, и им было неинтересно.

— Они улетели, а ты остался,— протянула женщина.— Ты верил, что остаться стоит, что тебе откроются великие тайны.

— Я остался потому, что должен был остаться.

— А как же тайны? Как же слава и могущество?

— Я не думал об этом,— признался Дэвид.— Слава и могущество меня не привлекают. Я надеялся отыскать нечто другое, чувствовал его, когда бродил по деревне и заглядывал в дома. Да, я чувствовал истину.

— Истину,— повторила женщина.— Ты прав, мы открыли Истину.— Последнее слово она выделила голосом, словно утверждая: оно пишется с большой буквы.

Дэвид кинул на нее быстрый взгляд, и она ответила на не высказанный вслух вопрос:

— Нет, не религию, а просто Истину, самую обыкновенную Истину.

Он поверил ей, ибо в ее словах ощущалась уверенность, непоколебимая убежденность того, кто знает, что говорит.

— Истину о чем? — спросил он.

— Ни о чем,— отозвалась женщина.— Просто Истину.

3

Как ни крути, простой, обыкновенной истина не получалась. Разумеется, она не имеет никакого отношения ни к машинам, ни к могуществу или славе. Она — внутреннего свойства, духовная, возвышенная, психологическая истина, обладающая глубоким, вечным смыслом, та истина, которой люди алчут даже в мирах, созданных их собственным воображением.

Человек лежал на кровати в комнате под самой крышей и прислушивался к колыбельной, которую напевал ветер, обдувавший карнизы и черепичную кровлю. В доме, как и во всем мире, было тихо, если не считать ветра. Мир затих; Дэвид Грэм представил себе, как постепенно затихнет Галактика, очарованная тем, что удалось открыть его гостеприимным хозяевам. Их истина должна быть грандиозной, величественной, потрясающей воображение и отвечающей на все вопросы, иначе почему они отвернулись от прогресса, почему обратились к идиллической жизни на лоне природы, почему возделывают почву инопланетной долины, собирают хворост, топят камин и как будто вполне довольствуются тем малым, что имеют? Ведь чтобы довольствоваться малым, нужно обладать чем-то неизмеримо большим, неким мистическим знанием, которое наполнило бы жизнь, как нельзя более прозаическую, глубочайшим смыслом.

Дэвид закутался в одеяло и улегся поудобнее.

Человека оттеснили в закуток галактической империи, терпят лишь потому, что он умеет изготавливать машины и никто не знает, что он придумает в следующий раз. Поэтому его терпят и швыряют ему крохи с барского стола, чтобы он не чувствовал себя обделенным, но особого внимания не уделяют и уделять не собираются. А Человек тем временем обзавелся коечем, что позволит ему добиться уважения Галактики, ибо истину уважают повсеместно.

Грэмом овладел покой. Минуту или две он сопротивлялся, не желая терять нить размышлений. Сперва ему показалось, что вот она, истина, о которой говорили мутанты, но потом он отказался от этой мысли в пользу другой, куда более привлекательной. В конце концов заунывный ветер, чувство покоя и физическая усталость возобладали над рассудком, и Грэм заснул.

Последним, что он подумал, было: «Надо спросить у них. Надо узнать».

Однако прошло несколько дней, прежде чем он отважился задать свой вопрос. Он ощущал, что за ним наблюдают и решают, достоин ли он того, чтобы доверить ему истину. Он хотел остаться, но из вежливости сказал, что должен уйти, после чего хозяева попросили его задержаться, и он с радостью согласился. Все словно соблюдали некий ритуал, который нельзя было нарушить ни в коем случае, и все, похоже, испытали искреннее облегчение, когда обряд завершился.

Грэм стал на пару с Джедом работать в поле, познакомился с соседями, вечерами принимал участие в разговорах, которые затевались в доме. Он ожидал, что его будут расспрашивать, но обманулся в своих ожиданиях. Впечатление было такое, будто Джед, его семья и соседи настолько довольны жизнью в укромной долине, что их совершенно не интересуют события, происходящие в Галактике, той самой, которую избороздили в поисках этого мира и лучшей участи для себя предки нынешних поселенцев.

Он тоже ни о чем не спрашивал, поскольку чувствовал, что за ним наблюдают, и опасался, что вопросы оттолкнут новоприобретенных друзей.

Однако они относились к нему вовсе не так, как обычно относятся к чужаку. Минул лишь день или два, и Грэм понял, что может стать одним из них, и постарался сделаться таковым, и часами напролет добросовестно — и добродушно — сплетничал с соседями. Он узнал много полезного: что долин, где живут люди, несколько; что покинутая деревня никого не беспокоит, невзирая на то, что все, по-видимому, знают о том, что она такое; что местные жители вполне удовлетворены своей жизнью и отнюдь не стремятся за пределы собственного мирка. Постепенно он и сам научился довольствоваться серым предрассветным сумраком, радостью труда, гордостью за дело своих рук. Однако он сознавал, что его довольство — временное, что он должен отыскать истину, которую открыли мутанты, и донести ее до заждавшейся Галактики. Ведь скоро прилетит корабль с археологами, которые примутся изучать деревню, а до тех пор ему обязательно нужно найти ответ, чтобы он мог встретить коллег на вершине холма не с пустыми руками.

— Ты останешься с нами? — спросил однажды Джед.

— Мне необходимо вернуться,— ответил Дэвид, покачав головой.— Я рад был бы остаться, но увы...

— Ты ищешь Истину? — спросил Джед.— Правильно?

— Ты дашь ее мне? — воскликнул Дэвид.

— Бери,— произнес Джед,— она твоя.

Вечером Джед сказал дочери:

— Элис, научи Дэвида нашему алфавиту. Пришла пора узнать.

Из угла, в котором стояло кресло-качалка, раздался голос старухи:

— И впрямь, и впрямь пора ему узнать Истину.

4

За ключом, который хранился у сторожа, жившего в пятой по счету долине отсюда, послали гонца. Тот возвратился, передал ключ Джеду, и теперь Джед вставил его в замок на двери того самого солидного здания посреди покинутой деревни.

— В первый раз,— провозгласил он,— эта дверь открывается не для совершения обряда. Обычно мы отпираем ее единожды в столетие, чтобы прочесть Истину тем, чьи уши могут ее услышать.— Он повернул ключ, и замок негромко щелкнул.— Таким образом она не утрачивает своей злободневности. Мы не можем допустить, чтобы она превратилась в миф. Она слишком важна для нас, чтобы мы могли допустить такое.

Джед откинул засов, и дверь приотворилась на дюйм или два.

— Я сказал «обряд»,— продолжал он,— наверное, зря. В чтениях нет ничего ритуального. Мы выбираем троих человек, которые приходят сюда в назначенный день и читают Истину, а потом расходятся по домам, унося с собой то, что запомнили. Никаких церемоний, все, как сейчас.

— Спасибо, что согласились помочь мне,— сказал Дэвид.

— Мы сделали бы то же самое для любого, кто усомнился бы в Истине,— ответил Джед.— Мы люди простые и не верим в законы и правила, живем как живется. Скоро ты поймешь почему.

Он распахнул дверь настежь и отступил в сторону, пропуская Дэвида вперед. За дверью оказалось одно-единственное просторное помещение, пол которого тонким слоем устилала пыль. Половину помещения занимала машина, корпус которой поблескивал в тусклом свете, проникавшем внутрь откуда-

то сверху. Высота устройства составляла примерно три четверти расстояния от пола до потолка.

— Вот наша машина,— сказал Джед.

Все-таки машина, механизм, пускай умнее, толковее прочих, но механизм! Выходит, все вернулось на круги своя?

— Ты наверняка задумывался над тем, почему у нас нет машин,— проговорил Джед.— Потому что нам хватает одной этой.

— Одна машина!

— Она отвечает на вопросы,— пояснил Джед.— С такой машиной остальные нам ни к чему.

— На любые вопросы?

— Вполне возможно. Мы не знаем, как ею пользоваться, но даже если бы знали... Однако дальше спрашивать незачем.

— Вы так уверены в ее правоте? — удивился Дэвид.— С чего вы взяли, что она говорит правду?

— Сын мой,— произнес Джед сурово,— наши предки потратили тысячелетия на то, чтобы убедиться, что она будет говорить правду. Ничем другим они не занимались. Это было дело жизни не только отдельных личностей, но целых поколений. А когда они убедились, что все в порядке, что машина не допустит даже незначительной ошибки, то задали ей два вопроса.

— Два?

— Два,— подтвердил Джед,— и открыли Истину.

— Какова же она?

— Прочти сам,— сказал Джед.— Истина откроется тебе такой, какой предстала столетия назад.

Он подвел Дэвида к столику, что приткнулся к одной из панелей огромной машины. На столике бок о бок лежали две бумажные ленты, покрытые прозрачной предохранительной пленкой.

— Первый вопрос,— объявил Джед,— звучал так: «Какова цель Вселенной?» Прочти ответ на верхней ленте.

Дэвид наклонился над столиком и прочитал:

«Вселенная не имеет ни цели, ни смысла. Она возникла случайно».

— Второй вопрос...

Джед не закончил фразы, поскольку суть второго вопроса легко можно было уловить из ответа на него:

«Жизнь не имеет ценности. Жизнь — дело случая».

— Вот наша машина и наша Истина,— сказал Джед.— Вот почему мы живем как живется.

Дэвид взглянул на Джеда, потомка мутантов, которые должны были вернуть пробавляющемуся созданием машин человечеству славу и могущество, почет и уважение. Взгляд его выражал душевную муку.

— Извини, сынок,— проговорил Джед.— Ничего не попишешь.

Они вышли на улицу. Джед запер дверь и сунул ключ в карман.

— Они вот-вот прилетят,— сказал он,— ну, те, кто будет изучать деревню. Ты, верно, дождешься их?

Дэвид покачал головой.

— Пошли домой,— пробормотал он.

ЭВОЛЮЦИЯ НАОБОРОТ

Старший негоциант приберег в грузовом отсеке местечко специально для корней баабу, обещавших лучшую прибыль — унция золота за унцию корней,— чем все другие товары, какие удалось набрать на доброй дюжине планет, где корабль совершал посадку.

Однако деревушки гуглей, обитателей планеты Зан, поразила какая-то напасть. Корней баабу, собранных загодя в ожидании корабля, не было и в помине. Старший негоциант метался по трапу вверх и вниз, накликая на головы гуглей страшные проклятья, позаимствованные из двух десятков языков и культур.

В своей каморке на носу, всего на ярус ниже поста управления и капитанской каюты, закрепленный за кораблем координатор Стив Шелдон прокручивал ролик за роликом записи, относящиеся к данной планете, и в который раз вчитывался в библию своего ремесла — «Путеводитель по разумным расам» Деннисона. Шелдон искал скрытый ключ к разгадке, насиловал свою перегруженную память в надежде выкопать хоть какой-нибудь фактик, который мог бы иметь отношение к делу.

Тщетно — фактик не находился, записи не помогали.

Зан относился к числу планет, не замеченных в эпоху первой волны космических открытий,— фактически его обнаружили всего-то пять веков назад. С тех пор торговые корабли совершали сюда регулярные рейсы ради корней баабу. В должном порядке торговцы сообщили о планете в ведомство внеземных культур. Однако ведомство, заваленное более важными делами, чем обследование захолустных планеток, сдало сообщение в архив и, разумеется, начисто забыло об этом.

© Перевод О. Битова.

Вот почему никто никогда не проводил на планете Зан серьезных исследований, и ролики записей не содержали почти ничего, кроме копий контрактов, заявок, лицензий и сотен счетов, накопившихся за пять столетий торговли. Правда, тут и там были вкраплены письма и другие сообщения со сведениями о гуглях или о самой планете, но цена им была невысока: ведь все это писали не квалифицированные наблюдатели, а безграмотные торговцы — попрыгунчики космоса.

Впрочем, Шелдон нашел и одну высокоученую диссертацию о корнях баабу. Из нее он узнал, что баабу растет только на планете Зан и ценится как единственное известное лекарство от некоей болезни, распространенной в одном из секторов Галактики. Поначалу баабу были дикорастущими, и гугли собирали их на продажу, но в недавние времена, как уверял автор, были предприняты попытки окультурить полезное растение, и сбор диких баабу пошел на убыль.

Шелдон не смог бы выговорить ни точное химическое наименование лекарства, ни название болезни, от которой оно исцеляет, но эту трудность он преодолел пожатием плеч: в данных обстоятельствах она значения не имела.

Справочник Деннисона посвящал планете Зан полтора десятка строк, и они не сообщили Шелдону ничего такого, чего бы он и так не знал. Гугли были до известной степени гуманоидами и принадлежали к культурному классу 10, с вариациями от 10-А до 10-К; они отличались миролюбием и вели пасторальное существование; всего было известно тридцать семь племенных деревень, причем одна деревня обладала по отношению к остальным тридцати шести диктаторскими полномочиями, хоть и в достаточно мягкой форме. Существенно, что руководящее положение периодически переходило от деревни к деревне, видимо, в соответствии с какой-то ненасильственной ротационной системой, отвечающей дикарским представлениям о политике. По натуре гугли были существами кроткими и не прибегали к войне.

Вот и все сведения, какие предлагал справочник. Оттолкнуться было практически не от чего.

Но коль на то пошло, утешал себя Шелдон, координатор в принципе почти обречен на безделье, пока корабль не угодит в какую-нибудь передрягу. Настоящая нужда в координаторе возникает лишь тогда, когда все, не исключая его самого, ока-

жутся в глубокой луже. Найти путь из лужи — именно в том и состоит его работа. И вспоминают о нем, только если не остается другого выхода. Конечно, в обязанности координатора входит держать торговцев в узде, следить, чтоб они не надували тех, с кем ведут дела, сверх разумных пределов, не нарушали туземных табу, не надругались над инопланетной этикой, соблюдали кое-какие ограничения и придерживались минимальных формальностей,— но это простая повседневная рутина, не более того.

И вот после долгого спокойного полета — чрезвычайное происшествие: на планете Зан не оказалось корней баабу, и Дэн Харт, капитан звездолета «Эмма», гневается, скандалит и ищет козла отпущения, хоть и без особого успеха.

Шелдон загодя услышал, как капитан грохочет по лесенке, приближаясь к каморке координатора. Судя по интенсивности грохота, настроение у Харта было хуже некуда. Шелдон отодвинул ролики на край стола и постарался привести себя в состояние безмятежного равновесия — иначе беседовать с капитаном было попросту немыслимо.

— Добрый день, капитан Харт,— произнес Шелдон, как только пышущий гневом визитер переступил порог.

— Добрый день, координатор,— отозвался Харт, хотя очевидно было, что вежливость стоит ему больших усилий.

— Я просмотрел все имеющиеся материалы,— сообщил Шелдон.— К сожалению, зацепиться практически не за что.

— Значит,— смекнул Харт, и владеющая им ярость чуть не вырвалась из-под контроля,— вы не имеете понятия, что тут происходит?

— Ни малейшего,— весело подтвердил Шелдон.

— Хотелось бы слышать другой ответ,— заявил Харт.— Хотелось бы получить от вас совершенно другой ответ, мистер координатор. Настал момент, когда вам придется отработать свое жалованье. Я таскаю вас с собой годами и плачу вам жирную твердую ставку не потому, что мне так нравится, а потому, что меня к этому принуждают. И все эти годы вам было нечего или почти нечего делать. Теперь у вас есть дело. Теперь наконец-то оно у вас появилось. Наконец-то вам выпал случай отработать свое жалованье. Я мирился с вашим присутствием, хоть вы держали меня за глотку, а то и подставляли мне ножку. Я сдерживал свой язык и темперамент, несмотря ни на что. Но теперь

у вас есть дело, и уж я прослежу за тем, чтобы вы от него не отлынивали.— Он вытянул шею вперед, как черепаха, злобно выглянувшая из панциря.— Вам понятно, что я хочу сказать, мистер координатор?

— Понятно,— ответил Шелдон.

— Вы займетесь этой проблемой всерьез. И приступите к делу немедленно.

— Уже приступил.

— Как же! — саркастически заметил капитан Харт.

— Я установил, что в письменных источниках нет ничего полезного.

— И что вы теперь намерены предпринять?

— Наблюдать и думать.

— Наблюдать и думать! — взвизгнул Харт, потрясенный до глубины души.

— Появились догадки, которые подлежат проверке. Рано или поздно мы докопаемся, в чем тут загвоздка.

— И сколько это займет? Сколько времени продлится ваше копание?

— Пока не могу сказать.

— Стало быть, не можете. Должен напомнить вам, мистер координатор, что в космической торговле время — деньги.

— Вы опережаете график,— спокойно возразил Шелдон.— Вы стояли на своем в течение всего рейса. Вечно торопились, вели торговлю бесцеремонно, почти до грубости, вопреки правилам, установленным для общения с внеземными культурами. Я был вынужден раз за разом настойчиво напоминать вам о важности этих правил. Был даже случай, когда я спустил вам заведомое убийство. Вы толкали экипаж на нарушения общепринятых норм организации труда. Вы вели себя так, будто сам дьявол наступает вам на пятки. Экипаж нуждается в отдыхе, и сколько бы дней мы ни потратили на распутывание здешней загадки, они пойдут ему на пользу. Да и вас задержка тоже не убьет.

Харт стерпел все эти выпады, поскольку так и не уразумел, какой силы нажим допустит человек, невозмутимо сидящий за столом. Но пришлось изменить тактику.

— У меня контракт на корни баабу,— проговорил он,— и лицензия на данный торговый маршрут. Могу вам признаться,

что я делал ставку на эти корни. Если вы не вытрясете их из туземцев, я подам в суд...

— Не дурите,— перебил Шелдон.

— Но пять лет назад, когда мы в последний раз прилетали сюда, все было в порядке! Никакая культура не может развалиться ко всем чертям за такое короткое время!

— Судя по наблюдениям, это явление более сложное, чем культура, развалившаяся ко всем чертям,— произнес Шелдон.— У них была определенная схема, они действовали по плану, вполне сознательно. Деревня класса десять стоит как стояла, в полутора-двух милях отсюда к востоку. Стоит покинутая, дома аккуратно закрыты и заколочены. Все прибрано, все опрятно, будто жители ушли ненадолго и намерены вернуться в недалеком будущем. А в двух милях от деревни класса десять появилась другая деревушка с населением, живущим примерно по классу четырнадцать.

— Бред какой-то! — воскликнул Харт.— Как может целый народ утратить сразу четыре культурные градации? Да если даже так, какого лешего им было переселяться из домов десятого класса в тростниковые хижины? Даже варвары, когда завоевывали культурный город, вселялись во дворцы и храмы и о тростниковых хижинах не горевали...

— Не знаю, в чем тут дело. Моя обязанность в том и состоит, чтоб узнать.

— И главное, как исправить положение?

— Тоже пока не знаю. И не исключаю, что на то, чтоб исправить положение, уйдут столетия.

— Что ставит меня в тупик — это их молельня. И парник позади нее. А в парнике растет баабу!

— Откуда вам известно, что баабу? — резко спросил Шелдон.— Вы же до сих пор не видели растений, только корни!

— Несколько лет назад один из туземцев показал мне посевы. Никогда не забуду — посевы занимали много акров. Это же целое состояние — а я не мог вырвать ни корешка! Они заявили, что надо потерпеть, пока корни не подрастут.

— Я уже приказал ребятам,— объявил Шелдон,— держаться от молельни подальше, а сейчас повторяю это вам, Харт. Запрет относится и к парнику. Если я поймаю кого-нибудь, кто попробует добыть из парника корни баабу или что-то другое, что там растет, виновный не рассчитается до конца дней своих!..

Вскоре после того, как Харт отбыл не солоно хлебавши, по трапу вскарабкался старшина гуглей, деревенский вождь, и пожелал видеть координатора.

Вождь был немыт и с головы до ног облеплен паразитами. О стульях он не имел понятия и расположился на полу. Шелдон поднялся с кресла и сел на корточки лицом к гостю, но в тот же миг заерзал и отодвинулся на шаг-другой: от вождя воняло.

Наречие гуглей Шелдон вспоминал не без труда — ему не доводилось пользоваться этой тарабарщиной с самой студенческой скамьи. И даже подумалось, что на всем корабле не сыщется человека, не способного объясниться с гуглями лучше, чем координатор: любой из членов экипажа бывал на планете Зан и раньше, а его занесло сюда в первый раз.

— Вождю добро пожаловать,— вымолвил Шелдон.

— Окажи услугу,— попросил вождь.

— Конечно окажу.

— Похабные истории,— уточнил вождь.— Ты знаешь похабные истории?

— Знаю парочку. Боюсь только, что они не слишком хороши.

— Расскажи,— потребовал вождь, деловито почесываясь одной рукой. Второй рукой он не менее деловито выковыривал грязь, застрявшую между пальцами ног.

Шелдон рассказал ему про женщину и двенадцать мужчин, очутившихся на одном астероиде.

— Ну и что? — спросил вождь.

Тогда Шелдон рассказал ему другую историю попроще, а главное — неприкрыто похабную.

— Эта хорошая,— одобрил вождь, но смеяться и не подумал.— Знаешь еще?

— Нет, других не знаю,— отмахнулся Шелдон: продолжать вроде бы не имело смысла. Но потом он рассудил, что с инопланетянами надо поладить любой ценой, тем более что это его прямая обязанность, и предложил: — Теперь расскажи ты.

— Я не умею,— признался вождь.— Может, расскажет кто другой?

— Сальный Феррис,— сообразил Шелдон.— Он корабельный кок и знает такие истории, что у тебя волосы дыбом встанут.

— Тем лучше,— заявил вождь и поднялся с пола. Дошел до двери и вдруг обернулся: — Вспомнишь еще похабную историю — не забудь рассказать!

И Шелдон смекнул без особых усилий, что вождь относится к этим историям вполне всерьез.

Вернувшись за стол, Шелдон какое-то время слушал, как вождь тихо топочет по трапу. Заверещал коммуникатор. Это оказался Харт.

— Первый катер-разведчик на борту,— сообщил он.— Облетел пять других деревень, и всюду то же самое. Гугли покинули прежние жилища и поселились в грязных хижинах на небольшом отдалении. И в каждом из тростниковых поселений — своя молельня и свой парник.

— Дайте мне знать, когда появятся остальные разведчики,— сказал Шелдон,— хоть и не думаю, что есть надежда на что-то новенькое. Вероятно, сообщения будут неотличимы одно от другого.

— Еще одна новость,— продолжил Харт.— Вождь просил нас пожаловать вечером в деревню на посиделки. Я заверил его, что мы придем.

— Это уже достижение,— отозвался Шелдон.— Несколько первых дней они нас просто не замечали. Или не замечали, или удирали при нашем приближении во все лопатки.

— Появились у вас свежие идеи, мистер координатор?

— Одна есть. Или даже две.

— И что вы намерены предпринять?

— Пока ничего,— объявил Шелдон.— Времени у нас много.

Отключив коробку-верещалку, он откинулся на спинку кресла. Свежие идеи? Одна, пожалуй, есть. Хотя не слишком богатая. Что, если это обряд очищения? Или местный эквивалент возвращения к природе? Нет, не вытанцовывается. Поскольку культура класса десять и не уводила гуглей от природы на расстояние, достаточное, чтобы заронить в них потребность вернуться к ней. Что такое класс десять? Жизнь, разумеется, очень простая, но довольно комфортабельная. Еще не преддверие века машин, но до него остается совсем чуть-чуть. Своеобразный золотой век варварства. Добротные прочные поселения с несложным, но крепким хозяйством и нехитрой торговлей. Ненасильственная диктатура и пасторальное существование. Никакого переизбытка законов, мешающих людям. Слабенькая

религия с минимумом табу. Вся планета — одна большая счастливая семья без резких классовых различий.

И тем не менее они отказались от своей идиллической жизни.

Психоз? Да, конечно, похоже на то.

В нынешнем своем состоянии гугли еле сводят концы с концами. Их словарь обеднел. Черт возьми, сказал себе Шелдон, ведь даже я сегодня владею языком лучше, чем вождь.

Средства к существованию у нынешних гуглей едва достаточны для того, чтобы не умереть голодной смертью. Они охотятся и рыбачат, собирают дикорастущие фрукты и корешки, но при этом у них постоянно урчит в животе от голода — а между тем вокруг покинутых деревень лежат поля под парами, пустуют в ожидании мотыги и плуга, в ожидании семян, и по всем признакам эти поля были в обороте еще год-два назад. Вне сомнения, на полях выращивали не только овощи, но и баабу. А сегодня гугли не имеют понятия ни о плугах, ни о мотыгах, ни о семенах. Их хижины слеплены кое-как и тонут в грязи. У них сохранились семьи, но моральные установления таковы, что вызывают тошноту. Оружие — каменное, и только каменное, а о сельскохозяйственных орудиях никто и не слыхивал.

Культурный регресс? Нет, не так просто. Можно допустить культурный регресс, но как объяснить парадокс? Гугли отступили в деревушки класса 14, но в центре каждой деревушки — молельня, позади молельни — парник, а в парнике — баабу. Парники возведены из стекла, а больше нигде в деревушке класса 14 стеклами и не пахнет. Ни одно существо класса 14 не сумело бы возвести такой парник, да и молельню, коль на то пошло. Потому что молельня — отнюдь не хижина, а здание из обработанного камня и отесанных бревен, и двери заперты каким-то хитроумным способом, который еще не удалось раскусить. Впрочем, с дверями никто особенно не возился. На чужих планетах гостям, мягко говоря, не рекомендуется соваться в молельню без спроса.

Готов поклясться, сказал Шелдон, беседуя вслух с самим собой, что молельню строили не дикари, снующие вокруг нее сегодня. Если я не совсем зарапортовался, ее построили до начала регресса. И парник тоже построили загодя.

Что мы делаем на Земле, когда уезжаем в отпуск, а у нас дома есть цветы или растения в горшках и мы не хотим погубить их? Мы относим горшки к соседям или друзьям или договариваемся с кем-нибудь, чтобы к нам периодически наведывались и поливали наши цветочки.

А если мы решили уйти в отпуск из культуры класса 10 в класс 14 и у нас есть растения баабу, которые мы непременно хотим сохранить как семенной фонд, как мы поступим тогда? Баабу нельзя отнести к соседям, потому что и соседи, в свою очередь, уходят в отпуск. Лучшее, что нам остается,— возвести парник и оснастить его массой автоматических устройств, которые позаботятся о растениях, пока мы не вернемся и не станем вновь заботиться о них сами.

Но это значит, это почти неоспоримо доказывает, что регресс не был случайным.

Перед посиделками экипаж навел на себя красоту, напялил чистое платье, помылся и побрился. Сальный вытащил свою гармонику и ради тренировки наиграл мелодию-другую. Банда предполагаемых хористов из машинного отделения решила поупражняться, как петь более или менее слаженно,— получился кошачий концерт, пронзающий корабль от носа до кормы. Капитан Харт поймал одного из мотористов с бутылкой, каким-то образом пронесенной на борт. Одним хорошо поставленным ударом капитан сломал ослушнику челюсть — способ поддержания дисциплины, который Шелдон в беседах с Хартом оценивал как необязательный.

Сам координатор надел полупарадную форму. Может, и глуповато было выряжаться ради каких-то дикарей, но он утешал себя тем, что по крайней мере не приходится надевать парадный мундир со всеми регалиями. Он уже натягивал куртку, когда послышались шаги Харта: капитан вновь спускался из своих апартаментов в каморку координатора.

— Все остальные разведчики на борту,— объявил Харт с порога.

— Ну и что?

— Повсюду одно и то же. Все племена до единого перебрались из прежних деревень в лачуги вокруг молелен и парников, построенных гораздо более изобретательно. А сами жители по уши в грязи и почти дохнут с голоду, в точности как ближайшие наши соседи.

— Так я и подозревал,— обронил Шелдон. Харт глянул на него искоса, словно прикидывая, как бы половчее накинуть

на хвастуна петлю.— Это же логично,— добавил Шелдон.— Уверен, вы и сами считаете именно так. Если одно племя по каким-то причинам вернулось к дикости, надо полагать, что так же поступили и остальные.

— Но почему, мистер координатор? По каким именно причинам? Вот что мне надо знать.

Шелдон спокойно произнес:

— Я намерен это выяснить.

А про себя подумал: капитан прав, тут были какие-то причины. Если все они одновременно вернулись к дикости, то ради определенной цели, следуя какому-то плану. И чтобы разработать подобный план и согласовать в деталях между тридцатью семью деревнями, нужна безотказная система связи, куда лучшая, чем можно ожидать от культуры класса 10...

С трапа донеслись еще чьи-то торопливые шаги — вверх, вверх. Харт поспешно обернулся к двери, и Сальный Феррис, ввалившись в каморку, едва не налетел на капитана. Глаза у кока округлились от возбуждения, он шумно пыхтел после пробежки.

— Они открывают молельню,— выдохнул кок.— Они только что...

— Да я шкуру с них спущу! — зарычал Харт.— Я же отдал приказ не валять дурака и не приближаться к молельне!

— Это не наши, сэр,— сумел выговорить Сальный.— Это гугли. Они сами решили отпереть свою молельню.

Харт резко повернулся к Шелдону.

— Не надо бы туда ходить.

— Надо! — ответил Шелдон.— Они нас пригласили. В настоящий момент мы никак не можем позволить себе их обидеть.

— В таком случае, возьмем личное оружие.

— Но с категорическим приказом не прибегать к нему до последней крайности.

Харт кивнул.

— И оставим здесь несколько человек с винтовками, чтобы прикрыли нас, если придется спасаться бегством.

— Звучит разумно,— согласился Шелдон.

Харт быстро вышел. Кок собрался последовать его примеру.

— Постой-ка, Сальный. Ты видел, как открыли молельню, своими глазами?

— Так точно, сэр.

— А что ты там, собственно, делал?

— Видите ли, сэр...

По лицу Сального было видно: он спешно выдумывает, что бы такое соврать. И Шелдон перебил:

— Я рассказал ему одну историю. Но до него, похоже, не дошло.

Кок сказал с ухмылкой:

— Ну, видите ли, дело было так. Гугли начали варить какое-то пойло, а я дал им несколько советов, просто чтобы чуть-чуть помочь. Они же все делали наперекосяк, и было бы жаль, если б классную выпивку сгубили по невежеству. Вот я и...

— Вот ты и наведался к ним еще раз — отведать, что получилось.

— Да, сэр, примерно так оно и было.

— Теперь понятно. Скажи мне, Сальный, а кроме как по части выпивки, других советов ты им не давал?

— Ну еще я рассказал вождю парочку историй.

— Понравились они ему?

— Не знаю,— ответил Сальный.— Он не смеялся, но истории ему вроде понравились.

— Я тоже рассказал ему одну историю,— повторил Шелдон.— Но она до него, похоже, не дошла.

— Может, и впрямь не дошла. Извините меня, сэр, но истории, какие вы предпочитаете, подчас чересчур того... Тонковаты, пожалуй.

— Об этом я и сам догадался. А еще что там произошло?

— Еще что? Да, вспомнил. Еще там один взял тростинку и принялся мастерить дудку, но тоже делал все наперекосяк...

— И ты показал ему, как сделать дудку получше?

— Точно,— признался Сальный.

— И теперь ты, наверное, чувствуешь себя героем, который пришел на выручку отсталому народу, дав ему сильный толчок к цивилизации...

— Мм...— промычал кок.

— Да ладно,— примирительно сказал Шелдон.— Но на твоем месте я бы не слишком налегал на улучшенную выпивку.

— У вас все, сэр? — осведомился кок, уже занеся ногу за порог.

— У меня все,— согласился Шелдон.— Спасибо, Сальный.

Выпивка лучшего качества, подумалось Шелдону. Лучшая выпивка, лучшая дудка, несколько похабных анекдотов. Ну и что? Он покачал головой: все это вместе взятое тоже не имело никакого смысла.

Шелдон расположился на корточках по одну сторону от вождя, Харт по другую. С вождем произошла удивительная перемена. Прежде всего он помылся и перестал чесаться, и от него не воняло. И между пальцами ног больше не было грязи. Он подстриг себе бороду и макушку, пусть неряшливо, и даже прошелся по волосам гребешком — раньше в них торчали сучки, репьи, а может, и птичьи гнезда, и по сравнению с прежней прическа была колоссальным достижением.

Однако к опрятности дело не сводилось, случилось и что-то большее. Шелдон долго не мог сообразить, что именно, хоть мучился этим вопросом непрерывно, даже когда пытался вкусить от пищи, которую перед ним поставили. На блюде лежало месиво чудовищного вида, и исходивший от него запах тоже не внушал оптимизма. И что хуже всего, не было никакого подобия вилок.

Вождь по соседству с Шелдоном упоенно чмокал и чавкал, запихивая еду в рот обеими руками поочередно. И только попривыкнув к этому чавканью, Шелдон понял, что же такое изменилось в вожде. Он стал говорить правильнее. Днем он пользовался упрощенной, примитивной версией собственного наречия, а нынче овладел языком свободно, можно бы сказать — почти в совершенстве.

Координатор быстро обвел взглядом землян, расположившихся кружком на голой почве. Каждого землянина усадили меж двух гуглей, и если только аборигены не были слишком заняты чавканьем и глотанием, они считали своим долгом вести с гостями беседу. Будто у нас в Торговой палате, подумалось Шелдону: если уж затеяли званый обед, то каждый лезет из кожи вон, чтобы гости были довольны и чувствовали себя как дома. Какой же разительный контраст с первыми днями после посадки, когда туземцы лишь боязливо выглядывали из хижин и бурчали что-то невнятное, если не удирали от пришельцев во всю прыть...

Вождь вычистил свою миску круговыми движениями пальцев, а затем обсосал их, постанывая от удовольствия. И вдруг, повернувшись к Харту, сказал:

— На корабле я видел, что люди используют для еды доски, поднятые над полом. Я пришел в недоумение.

— Это называется стол,— пробормотал Харт, неловко ковыряясь пальцами в миске.

— Не понимаю,— произнес вождь, и Харт был вынужден рассказать ему, что такое стол и насколько удобнее есть за столом, чем на полу.

Видя, что все остальные принимают участие в трапезе, хоть и без особого восторга, Шелдон рискнул погрузить пальцы в свою миску. Не подавись, внушал он себе. Каким бы гнусным ни оказался вкус, подавиться ты не имеешь права... Но месиво оказалось на вкус еще гнуснее, чем можно было вообразить, и он подавился. Впрочем, этого никто, кажется, не заметил.

После нескончаемой гастрономической пытки — сколько же часов она длилась? — с едой было наконец покончено. За эти часы Шелдон поведал вождю о ножах, вилках и ложках, о чашках, стульях, карманах брюк и пальто, о счете времени и наручных часах, о теории медицины, началах астрономии и о приятном земном обычае украшать стены картинами. А Харт в свою очередь рассказал вождю о принципах колеса и рычага, о севооборотах, лесопилках, почтовой системе, о бутылках для хранения жидкостей и об орнаментах для украшения строительного камня.

Ни дать ни взять — энциклопедия, подумал Шелдон. Мой бог, что за вопросы он задает! Для чавкающего, сидящего на корточках дикаря 14-го культурного класса — самая настоящая энциклопедия! Хотя постой-ка, а принадлежит ли вождь по-прежнему к классу 14? Не вернее ли, что за последние полдня он поднялся до класса 13? Умытый, причесанный и подстриженный, улучшивший как свои социальные навыки, так и язык,— да нет, сказал себе Шелдон, что за чепуха, так не бывает. Полное, абсолютное безумие полагать, что такая перемена может свершиться за полдня.

Самого координатора усадили так, что за противоположным краем пиршественного круга ему была ясно видна молельня с раскрытой дверью. За дверью не было ни намека на движение, ни намека на свет. Всматриваясь в ее черную пасть, Шелдон

гадал, что же там такое, что может явиться оттуда — или, напротив, устремиться туда. Так или иначе, он был убежден, что там, за дверью молельни, скрыт ключ к загадке гуглей, к загадке их регресса, ибо представлялось несомненным одно: сама молельня была воздвигнута как подготовительный шаг к регрессу. *«Ни при каких обстоятельствах,* — окончательно решил он,— *культура класса четырнадцать не способна воздвигнуть такую молельню».*

По окончании трапезы вождь встал и произнес короткую речь из двух пунктов: он рад, что гости сочли возможным поужинать сегодня вместе с племенем, и теперь им предстоят развлечения. Харт тоже встал и тоже произнес речь, заверив, что земляне счастливы прибыть на планету Зан и что экипаж готов в свой черед предложить небольшую развлекательную программу, если вождю будет угодно ее посмотреть. Вождь сообщил, что ему будет угодно и его народу тоже. Затем он подал знак, хлопнув в ладоши, в круг вышли десять—двенадцать юных гуглянок и исполнили какие-то ритуальные фигуры, перемещаясь и покачиваясь без музыки. От Шелдона не укрылось, что гугли следят за танцем очень внимательно, но сам он не мог уловить в фигурах ни малейшего смысла, даром что прошел основательную подготовку по инопланетным ритуальным обычаям.

Гуглянки покинули сцену. Два-три землянина, не разобравшись, зааплодировали, но хлопки быстро погасли, перейдя в смущенную тишину: сами дикари оставались смертельно серьезны.

Затем один из гуглей вытащил тростниковую дудочку — не ту ли самую, в создании которой принял консультативное участие Сальный? — и, скрючившись в центре круга, принялся извлекать из нее дикие, ни с чем не сообразные звуки, которые посрамили бы самого писклявого земного волынщика. Это длилось чуть не целую вечность, так и не приблизившись к мелодии, и на сей раз весь экипаж (вероятно, от восторга, что мука оборвалась) принялся гикать, улюлюкать, аплодировать и свистеть, будто требуя продолжения, хотя не возникало сомнений, что имелось в виду,— совсем наоборот.

Вождь обратился к Шелдону с вопросом, что такое делают люди. Пришлось изрядно попотеть, объясняя обычай аплодисментов. Однако выяснилось, что два номера вчистую исчерпали развлекательную программу, как ее понимали гугли, и даже

захотелось спросить, неужели вся деревня не сумела измыслить ничего большего,— координатор сильно подозревал, что да, не сумела, но от вопроса все-таки воздержался.

И настала очередь экипажа.

Бандиты из машинного отделения сгрудились вместе, обняв друг друга за плечи в лучших варварских традициях, и спели полдюжины песен, а Сальный аккомпанировал, наяривая на гармонике. Они пели старые земные песни, до которых так охочи космические бродяги, и глаза у них блестели от невыплаканных слез.

Не прошло и нескольких минут, как к певцам присоединились добровольцы из экипажа, а меньше чем через час весь личный состав корабля подхватывал каждую песню, отбивая ритм ладонями по почве и запрокидывая головы, чтобы земные слова уносились повыше в чужое небо.

Потом кого-то осенило, что надо бы и сплясать. Один из мотористов выкликал пару за парой, а Сальный склонился над гармоникой еще ниже, выкачивая из нее знакомые мотивчики — «Старик Джо Таккер», «Коричневый кувшинчик», «Старая серая кобыла» и так далее, и тому подобное.

Шелдон проглядел, когда и как это произошло, но пар на площадке вдруг прибавилось. Гугли тоже пустились в пляс, поначалу немного сбиваясь, но под руководством земных учителей совершенствуясь на глазах. В круг входили новые и новые танцоры, пока танец не захватил всю деревню, включая и вождя. Правда, Сальный вскоре выдохся, что и немудрено: пот тек у него по лицу ручьями. Но тут вновь объявился гугль с тростниковой дудкой и присел рядом с коком. И вроде бы враз ухватил, как играть музыку: из дудки полились звуки сильные и чистые, он и Сальный расположились бок о бок и наигрывали как сумасшедшие, а все остальные плясали и плясали. Вопили от удовольствия, взревывали, топали что есть мочи и между делом перевернули пару тележек, которые оказались в круге невесть как и были здесь совершенно ни к чему. Но судьба тележек никого как будто не волновала.

Шелдона оттеснили к молельне. Он оказался здесь вместе с Хартом: танцоры распалились и требовали все больше места. Харт заявил:

— Ну и как, мистер координатор? Не самая ли это дьявольская затея, какую вы когда-нибудь видели?

Шелдон согласился:

— Нельзя не признать, капитан, что вечеринка прошла с успехом.

Новость принес Сальный. Принес в момент, когда Шелдон завтракал в своей каморке в одиночестве.

— Они чего-то такое вытащили из своей богадельни,— объявил кок.

— А что именно, Сальный?

— Знать не знаю. И спрашивать не хочу.

— Нет так нет,— мрачно проговорил Шелдон.— Может, и хорошо, что не хочешь.

— Это вроде как куб,— продолжил Сальный.— А в нем что-то вроде полочек, и все вместе ни на что не похоже. Верней, похоже на картинку, какую вы мне однажды показали в книжке.

— На схему строения атома?

— Именно, точно на нее. Только тут все еще посложней.

— И что они с этим кубом делают?

— Пока что собирают его из частей. И слоняются вокруг. Не могу сказать вам точно, что они с ним делают.

Шелдон выскреб тарелку дочиста и отодвинул в сторонку. Встал, втиснулся в куртку и предложил:

— Пойдем посмотрим.

К моменту их появления вокруг непонятной конструкции собралась целая толпа дикарей, и Шелдон с коком остановились с краю, храня молчание и не шевелясь, чтобы, избави бог, не помешать чему-нибудь.

Куб был размером футов по двенадцать в каждом измерении и состоял из каких-то прутьев, странным способом соединенных дисками. В целом конструкция напоминала нечто, сооруженное при помощи детского «суперконструктора», с условием, что у ребенка — автора конструкции — проснулось нешуточное воображение. Внутри куба виднелись плоскости из материала, напоминающего стекло, и плоскости располагались с почти математической точностью — взаимному расположению плоскостей явно уделяли особое внимание.

На глазах землян орава гуглей вытащила из молельни коробку, и притом тяжелую: гугли потели и кряхтели, но все же доволокли ее до куба. Тут коробку открыли и извлекли из нее несколько предметов, выточенных из разных материалов — частью из дерева, частью из камня, а то и вообще непонятно из чего. И каждый предмет поместили, по-видимому, на заранее заданную позицию на какой-то из плоскостей.

— Шахматы,— заявил Сальный.

— Что-что?

— Шахматы,— повторил Сальный.— Сдается мне, они затеяли сразиться в шахматы.

— Может быть, может быть,— отозвался Шелдон и подумал: если это шахматы, то самые странные и фантастически заковыристые, какие я когда-нибудь видел...

— Там, на Земле, теперь тоже шахматные диковинки появились,— сообщил кок.— Названьице им придумали: «сказочные шахматы». Где на доске больше клеток, и больше фигур, и сами фигуры не такие, как всем привычные. Но я и в старых-то шахматах никогда толком не разбирался...

Вождь заметил землян и подошел к ним.

— Мы теперь уверены в победе,— объявил он.— С помощью тех сведений, что вы дали нам, мы выиграем с закрытыми глазами.

— Рады слышать,— отозвался Шелдон.

— У других деревень,— продолжал вождь,— не хватает духу тягаться с нами. Мы ударили им прямо в центр. Третий раз подряд без передышки.

— Вас надо поздравить,— произнес Шелдон, недоумевая, о чем, собственно, речь.

— Давненько не было такого,— закончил вождь.

— Могу себе представить,— ответил Шелдон, по-прежнему почти наобум.

— Мне надо идти,— отчеканил вождь.— Сейчас начинается.

— Постойте,— взмолился Шелдон.— Вы что, играете в какую-то игру?

— Можно сказать и так,— согласился вождь.

— Играете с другими деревнями, со всеми сразу?

— Верно.

— Сколько же времени это займет? Если сразу со всеми, против тридцати шести...

— Игра не затянется,— объявил вождь, усмехнувшись хитро и самоуверенно.

— Желаю удачи,— сказал Шелдон, глядя вождю вслед.

— Что все это значит? — поинтересовался Сальный.

— Пойдем отсюда,— распорядился Шелдон.— У меня срочная работа.

Харт чуть не пробил головой потолок, когда узнал, что за работу задумал координатор.

— Вы не смеете допрашивать экипаж с пристрастием! — завопил он.— Я этого не потерплю! Они не сделали ничего плохого!

— Капитан Харт,— жестко сказал Шелдон,— вы соберете людей и установите очередь, и я буду беседовать с ними поодиночке. Допроса с пристрастием не будет. Просто я хочу с ними поговорить.

— Мистер координатор,— не унимался Харт,— на этом корабле я разговариваю с вами за всех.

— Мы с вами, капитан Харт, наговорились вчера вечером. И даже с избытком.

Несколько часов подряд Шелдон провел у себя в каморке, а члены экипажа входили по одному и отвечали на его вопросы. Вопросы были однотипными:

— Что именно гугли выясняли у вас?

— Что вы им отвечали?

— Как по-вашему, они поняли ответ?

Человек следовал за человеком. Шелдон сделал кучу заметок и наконец-то покончил с опросом. Затем он запер дверь, достал из стола заветную бутылку и позволил себе щедрый глоток. А потом, спрятав бутылку на место, уселся поудобнее и стал просматривать заметки, ничего не пропуская.

Пискнул коммуникатор.

— Разведчики вернулись из повторного рейса,— послышался голос Харта,— и каждая деревушка вытащила такой же куб и установила перед молельней. Все жители сидят кружком вокруг куба и, похоже, играют в какую-то игру. Время от времени кто-нибудь встает и делает ход на одной из плоскостей, потом возвращается в круг и опять сидит как ни в чем не бывало...

— Что-нибудь еще?

— Ничего. Но вы же хотели проверить именно это, не так ли?

— Да,— проговорил Шелдон задумчиво.— Пожалуй, именно это.

— Скажите мне хотя бы, с кем они играют?

— Друг с другом.

— Как это друг с другом?

— Деревня с деревней. Каждая со всеми другими.

— Что? Все тридцать семь деревень?

— Вы поняли меня правильно.

— Но как? Объясните мне, черт вас возьми, как могут тридцать семь деревень играть одну и ту же партию?

— Объяснить не могу,— ответил Шелдон. Хотя у него возникло ужасное подозрение, что объяснение есть. По меньшей мере есть определенная догадка.

Когда стало очевидным, что регресс был спланирован заранее в планетарном масштабе, он, помнится, задался недоуменным вопросом о системе связи, без которой все тридцать семь деревень никак не могли бы впасть в дикость одновременно. Он еще сказал себе, что это требовало бы системы связи намного лучшей, чем следует ожидать от культуры класса 10. И вот пожалуйста, вновь то же самое, и задачка даже еще труднее — те же тридцать семь деревень вовлечены в диковинную круговую игру на доске головоломной сложности.

Это подразумевает единственно возможный ответ. Ответ совершенно неправдоподобный, но другого не дано: телепатия. Но разве можно вообразить себе телепатию как достояние 10-го культурного класса, не говоря уже о классе 14!

Выключив верещалку, он возобновил прерванную работу. Достал большой лист бумаги, прикнопил его к столу и принялся перебирать заметки заново, не пропуская ни одной и перенося их содержание на схему. Покончив с этим, откинулся на спинку кресла и окинул схему взглядом, потом вызвал Харта. Минут через десять капитан, одолев лесенку, постучал в дверь. Шелдон отпер, впустил его в каморку и пригласил:

— Присаживайтесь, Харт.

— Додумались до чего-нибудь?

— Полагаю, что да,— ответил Шелдон. И показал на схему, пришпиленную к столу: — Вот, полюбуйтесь.

Харт уставился на схему как баран на новые ворота.

— Не вижу ничего особенного.

— Вчера вечером,— начал Шелдон,— мы побывали на посиделках у гуглей, и за то недолгое время, что провели там, мы дали жителям этой деревни самое исчерпывающе полное пред-

ставление о культуре класса десять, какое только можно себе вообразить. Но что меня гнетет по-настоящему — мы кое в чем вышли за рамки десятого класса. Я еще не закончил анализ, но это больше похоже не на класс десять, а на девять-М.

— Мы — что? Что мы сделали?

— Они выкачали из нас информацию. Каждого из наших спрашивали о каких-то аспектах культуры, и не было ни единого случая, чтобы вопросы дублировали друг друга. Каждый набор вопросов отличался от вопросов, заданных кому-то еще. Словно эти гугли распределили между собой вопросы заранее.

— Ну и что из того?

— А то,— ответил Шелдон,— что мы вмешались непрошено в одну из самых хитроумных социальных структур Галактики. Остается лишь надеяться на Господа Бога...

— В одну из самых хитроумных структур? У гуглей?

— Да, именно у гуглей.

— Но они никогда ничем не выделялись! И никогда ничем не выделятся. Они просто-напросто...

— Ну-ка подумайте хорошенько,— перебил Шелдон,— и попробуйте сообразить, какая черта в культуре гуглей поражает больше всего. Мы торгуем с ними уже целых пять веков. Какой факт за эти пять веков выявился неопровержимо и торчит как бельмо на глазу?

— Они тупицы,— провозгласил Харт.

— Судя по тому, что случилось, совсем наоборот.

— Они ничего не добились,— не сдавался Харт.— И, насколько могу судить, ничего и не добиваются.

— Это часть общей картины,— уточнил Шелдон.— Их культура статична.

— Будь я проклят,— воскликнул Харт,— чтоб я стал играть с вами в угадалки! Если у вас есть что-то на уме...

— У меня на уме явление, которое называется «мир». За все пять веков, что мы знаем гуглей, между ними не бывало разногласий. Они ни разу не воевали. Чего при всем желании нельзя сказать ни про одну другую планету.

— Они слишком тупы для того, чтобы воевать,— предположил Харт.

— Они слишком разумны для того, чтобы воевать! — ответил Шелдон.— Да будет вам известно, капитан Харт, что гугли

добились того, чего не добивалась ни одна другая раса, ни одна цивилизация во всей галактической истории! Они открыли способ одолеть войну, оставить ее раз и навсегда вне закона!

Так ведется тысячи тысяч лет. Среди звезд, на планетах, обращающихся вокруг своих солнц, одна за другой возникают и расцветают империи. Но рано или поздно все они угасают, сиротливо и поверженно, а на смену им приходят другие империи и тоже в свой черед рассыпаются в прах. И те, что существуют по сей день, тоже неизбежно — дайте срок — потерпят крушение. Цикл — древний как мир, сказал себе Шелдон: от силы к самонадеянности, от самонадеянности к безрассудству — извечная, стандартная болезнь развития культур.

И не было дня с начала времен, когда бы где-нибудь в Галактике не полыхала война — не в одном созвездии, так в другом. Войны порождаются экономическими трудностями, хоть бывают и иные причины: неуемное честолюбие отдельных личностей и отдельных народов, странная тяга к гибели — психологический недуг, одолевающий порой целые цивилизации, высокомерная идеология расизма или религиозные догматы, если они оперируют понятиями крови и смерти вместо понятий любви и жизни.

А если постигнуть причины войн, классифицировать их? — подумал Шелдон. Наверное, можно найти какие-то общие закономерности, выявить факторы, ведущие к войне, и факторы, предопределяющие победу, коль скоро война разразилась.

Но предположим, что мы глубоко изучили проблему войны, изучили вызывающие ее причины и пути к победе. Предположим, что мы выявили все относящиеся к проблеме факторы в их взаимосвязи и более того — разобрались, какой вес имеет каждая группа факторов в сопоставлении с другими группами. Какова, например, роль присущей тому или иному народу изобретательности и его технологических достижений, как соотносятся здесь храбрость и логическое мышление, высота развития культуры и потребность сохранить и защитить эту культуру, как возникает ненависть к другим или, вернее, способность к ненависти — короче, как именно переплетаются факторы большие и малые, явные и скрытые, все слагаемые подготовки к войне и военной победы?

И каковы эти факторы, хотя бы некоторые из них, не в абстрактных категориях, а в конкретном воплощении? Что подталкивает культуру к войне? Что предопределяет победителя? Конечно же не только крепость стали и огневая мощь, не храбрость воинов, не искусство генералов и не материально-техническое обеспечение — и вообще не какое-то одно обстоятельство само по себе.

Могут иметь значение и всякие пустяки, мелкие, бытовые, вроде бы не имеющие прямого отношения к делу,— допустим, привычка сидеть на стуле, а не на земле и есть ножом и вилкой, а не руками. Или, скажем, похабные анекдоты, и более приемлемое на вкус спиртное, и тростниковая дудка лучшего качества. Потому что любая самая мелкая черточка затрагивает определенные принципы: улучшенная технология варки пива может подсказать путь к производству химических веществ, имеющих военное применение; извращенный ум, сочиняющий похабщину, можно приспособить к еще более пагубным пропагандистским целям; и даже знания, нужные для совершенствования музыкальных инструментов, можно применить для изготовления иных инструментов — уже не музыкальных, а смертельно опасных для жизни.

Не исключено, что именно такие «пустяки» способны привести к экономическим трудностям, чреватым войной, или привить какому-то народу чувства превосходства, нетерпимости и неуязвимости — те самые чувства, что могут направить его на тропу войны. И если мы наладили контроль за факторами, провоцирующими подобные «пустяки», мы получаем способность точно предвидеть момент вооруженного столкновения. И те же самые каждодневные, само собой разумеющиеся факторы и обстоятельства — плюс миллион, если не больше, других — определяют, какая из сторон, если уж война началась, одержит победу.

А разобравшись в этом, можно составить шкалу весомости всех факторов по отдельности, хотя их вес, как в карточной игре, будет то повышаться, то понижаться в зависимости от того, как легли карты в комбинации.

Шелдон встал и принялся мерить каморку шагами — три шага в одну сторону, три в другую.

Предположим затем, говорил он себе, что мы придумали игру — игру в войну, где все факторы, имеющие отношение к

ней, представлены фигурками или фишками переменного достоинства. Предположим, что мы решили играть, вместо того чтобы воевать. Предположим, что такая игра способна решить, какая из сторон в случае войны одержит верх.

Далее предположим, что мы следим за развитием цивилизаций и за возникновением факторов, которые в конце концов приведут к войне. Предположим, мы обретаем возможность безошибочно судить, что, если развитие определенных факторов продолжится, война неизбежно вспыхнет через пять или через десять лет. А коли так, мы обретаем и способность отвратить войну, прежде чем она вспыхнет. Мы же видим опасные признаки и вычислили срок кризиса. И когда этот срок настает, мы не воюем, а затеваем игру.

Только, прервал себя Шелдон, все равно ничего не получится.

Мы можем сыграть и выяснить, чем кончится война, но что бы мы ни выяснили, факторы, ведущие к войне, никуда не делись, да и точка кризиса не переместилась. Мы оказались вновь там же, где и были; мы не добились ровным счетом ничего. Игра, пусть она и выявит потенциального победителя, не снизит экономических трудностей, даже не поколеблет их и кризиса не устранит.

Нет сомнений, в игре можно решить, какая из сторон победит. Игра может предсказать, с минимальной вероятностью ошибки, исход сражений. Но игра не уменьшит переизбыток населения и не отнимет у противника торговых привилегий — она не изменит ситуацию по существу.

А потому игра сама по себе не поможет, понял Шелдон. Блестящая теория, превосходная идея, но, увы, несостоятельная.

Нужно предпринять кое-что серьезнее, чем просто затеять игру. Намного, несопоставимо серьезнее. Нужно не только выяснить, кто победит в случае войны, но и ликвидировать, притом по доброй воле, ведущие к войне факторы — основополагающие экономические проблемы, нетерпимость и все прочие переменные величины, сколько бы их ни было.

Значит, нужно не просто затеять игру, но и выплатить авансом определенную цену. Нужно вычислить цену мира и найти в себе решимость выплатить эту цену, пусть даже очень высокую.

Наверное, существует не только набор переменных, указывающий на приближение войны. Наряду с ним существует и другой набор, предупреждающий, что за каким-то пределом формула мира, найденная с таким трудом, теряет силу. Она, эта формула, может быть еще действенной для культуры класса 10, однако при дальнейшем развитии ее составляющие усложнятся настолько, что формула может рухнуть под собственной тяжестью. Культура класса 10, например, еще способна обуздать факторы, контролирующие рынок конкретных пищевых продуктов, но как обуздать те же факторы, если они должны охватить разветвленную банковскую систему целой Галактики?

Формула мира может быть работоспособной в пределах класса 10, но она может утратить действенность в классе 9, а при переходе к 8-му классу стать полностью бесполезной.

Остается сделать вывод, что гугли не только играли в свою игру, но и платили цену за мир. И эта цена — отступление вспять. Они уклонились от дальнейшего прогресса. Они отступили в класс 14, с тем чтобы пожить недолго дикарями, а потом вновь продвинуться вперед, но не так далеко, как до начала эволюции наоборот. И они вернулись к дикости и стали жить в дикости добровольно — ради того, чтобы не воевать.

Они отступили вспять не потому, что в классе 14 война менее вероятна, чем в классе 10, а ради того, чтобы формула, коль скоро ее нашли, сохраняла свою эффективность. И они не спешили расставаться с 14-м классом во имя того, чтобы создать резерв времени для последующего прогресса, чтобы набрать фору и не сразу приблизиться к рубежу, за которым формула мира теряет силу.

Но как они отступили? Как можно вернуться из класса 10 в класс 14? Регресс — да, конечно. Оставили уютную деревню и поселились в грязи и убожестве — а принадлежности для игры, искусно сделанные фигурки и прочие ценности, завоеванные в течение жизни по классу 10, поджидали их в целости и сохранности под замком в молельне. И рано или поздно пробил бы час, когда гугли вновь достаточно продвинулись бы в развитии, чтобы сыграть в свою игру. И сыграли бы, не отступая от вековых правил,— но тут им подвалил нечаянный куш, на планете сел космический корабль иной, более высокой цивилизации и преподнес им на блюдечке, образно говоря, груз атомных бомб вместо луков и стрел.

Шелдон опять сел за стол и сжал голову в ладонях.

«Насколько,— спросил он себя,— насколько больше мы дали им по сравнению с тем, что у них было прежде? Неужели мы разрушили формулу? Что, если мы ухитрились дать им так много, что одна эта близлежащая деревушка разнесет всю систему вдребезги? Предусматривает ли формула допуски, и каковы они? Как далеко можно выйти за рамки класса 10, не пересекая при этом черту безопасности?»

И опять встал, и опять зашагал по каморке.

Нет, вероятно, ничего страшного не случилось, внушал он себе. Они же играли в свою игру все пять веков, что мы с ними знакомы,— и невесть сколько тысячелетий до первого контакта. Они не пойдут на то, чтобы разрушить формулу; они знают, где черта безопасности. В них глубоко укоренился страх перед войной, он лежит в самом сердце их культуры — иначе они не придерживались бы своей формулы с таким постоянством. И формула, наверное, простая, совсем простая. Проще пареной репы. Только одно непонятно: как может целая раса осуществить намеренный регресс?

Гипноз? Ничего не выйдет, ибо что произойдет с самим гипнотизером? Оставшись вне воздействия гипноза, он будет непредсказуем и опасен.

Тогда какая-то умная машина? Но у гуглей нет никаких машин. Так что машины тут тоже ни при чем.

А может, наркотики?

На планете есть корень, из которого готовят лекарство против болезни, распространенной в одном из секторов Галактики,— корень баабу. Корень не растет больше нигде, кроме планеты Зан.

— Боже правый! — воскликнул Шелдон.— Как же я раньше не подумал! Читал, читал — и не подумал. Что это за болезнь?

Он достал отброшенные ролики, вставил их в проигрыватель и нашел диссертацию о корнях баабу, раздел об их применении. Вгляделся в название болезни, произнести которое не сумел бы ни при каких обстоятельствах. Затем обратился к общему реестру записей, обнаружил ролик с медицинской информацией, а в нем несколько строк, посвященных загадочной болезни:

«...нервное расстройство, которое сопряжено с высокими эмоциональными перегрузками и во многих случаях — с чувством вины, проистекающим из неспособности больного забыть былые горькие

переживания. Лекарство вызывает у больного состояние полного забвения, которое со временем проходит, но от былых детальных сумбурных переживаний сохраняются лишь самые общие очертания, и болезнь, таким образом, не возобновляется».

Так вот же оно! Вот ответ, исчерпывающий ответ!

Гугли отведали корней баабу, скорее всего, церемониально и забыли прежнюю жизнь, сбросили с себя свою культуру как старую кожу и отступили разом на целых четыре класса. С течением времени воздействие баабу ослабло бы, они начали бы кое-что вспоминать и, вспоминая, вновь двигаться вверх по культурной шкале. Но вспомнились бы им не подробности прежней культуры, а лишь ее основные заповеди, и в силу этого они взобрались бы чуть пониже, чем прежде. И сохранили бы таким образом достаточную дистанцию для безопасного движения до следующего кризиса. А затем вновь отведали бы корней баабу и вновь избегли бы войны.

И если в игре можно решить, кто победил бы в войне в случае, если бы она разразилась, забвение и медленное выздоровление от эффекта баабу устраняет причины войны, стирает самую точку кризиса. И формула действует просто потому, что, прежде чем гугли усядутся за игру, факторы, чуть не приведшие к войне, уже прекратили свое существование и кризис исчез, будто его и не было.

— Прости нас, Боже,— выдохнул Шелдон,— прости наши мелкие алчные души...

Он опять подошел к столу и сел. Внезапно отяжелевшей рукой потянулся к коммуникатору и вызвал капитана.

— Что там у вас? — раздраженно рявкнул Харт.

— Улетайте отсюда,— приказал Шелдон.— Убирайтесь с этой планеты как можно скорее!

— А как же корень?..

— Нет здесь никакого корня. Отныне и навсегда никакого корня здесь нет.

— Но у меня контракт!

— Контракт недействителен,— объявил Шелдон.— Аннулирован как противоречащий галактическим интересам.

— Что? Противоречащий? — Харт просто захлебнулся от ярости.— Слушайте, координатор, этот корень срочно нужен в секторе двенадцать. У них там...

— Они его синтезируют. Если он им нужен, им придется его синтезировать. Есть кое-что поважнее...

— Вы не имеете права! — вскричал Харт.

— Имею,— отрезал Шелдон.— Если вам кажется, что не имею, проверьте и убедитесь на опыте.

Выключив коммуникатор, он долго сидел, беспокойно вслушиваясь. Прошло десять минут, прежде чем до него донесся топот бегущих ног, предвестник срочного старта.

В иллюминаторе было видно, как планета тускнеет и уменьшается в размерах: корабль стремглав уносился в пространство.

Мужество, сказал себе Шелдон, не переставая думать о гуглях. Какое же чистейшее, хладнокровное мужество они проявили! Остается только надеяться, что наш отлет не слишком запоздал. Остается надеяться, что искушение не зашло слишком далеко. Что они сумеют свести нанесенный нами вред к минимуму.

По всей вероятности, некогда гугли были великой расой, создавшей высочайшую цивилизацию,— не исключено, более высокую, чем любая из существующих ныне в Галактике. Ведь чтобы решиться на то, на что решились они, нужна поистине фантастическая духовная мощь. Мощь, недостижимая ни в культурном классе 10, ни даже в классе 6,— а выше «шестерки» не поднялась и планета Земля.

Это решение требовало великого интеллекта и великого сострадания к ближнему, острого аналитического ума и немыслимой объективности; прежде чем принять его, надо было просчитать все факторы и найти, как использовать каждый из них. И еще требовалось мужество, мужество совершенно невообразимое,— и все-таки древние гугли не испугались ввести придуманный ими курс в действие и добровольно сменить культуру, достигшую 3-го или даже 2-го класса, на класс 10, поскольку план вечного мира за пределами этого класса был бы неработоспособен.

И если этот план сработал однажды, он обязательно должен работать и впредь. Нельзя позволить, чтобы мужество, проявленное целой расой, пошло насмарку. Нельзя позволить, чтобы план провалился ради прибылей, какие торговцы могут извлечь из продажи корней баабу. Нельзя позволить, чтобы план провалился из-за контактов с неуклюжими существами, которые,

может, и ушли дальше по культурной шкале, но не добрались до здравого смысла и мужества гуглей.

И еще одно: нельзя допустить, чтобы корень баабу превратился попросту в предмет купли-продажи. Нельзя ослепить гуглей наживой, принуждая их запамятовать о более высокой ценности корней и тем самым хороня величайшую из надежд, что открывались когда-либо перед Галактикой.

Шелдон вновь обратился к недавно составленной схеме и тщательно проанализировал всю информацию, какую гугли выкачали из экипажа. В сумме информация если и выходила за рамки класса 10, то совсем чуть-чуть — возможно, 9-Р, но не выше. Это было опасно, но, по всей вероятности, не чересчур: надо полагать, даже подкласс 10-А, если гугли недавней поры добрались до такой высоты, еще не выходил за границы безопасной зоны. И не стоит забывать, что поедание баабу повлекло за собой культурное отставание и что последствия отставания дают как бы дополнительный резерв безопасности.

Однако катастрофа была близка. Слишком близка, чтобы чувствовать себя спокойно. События наглядно продемонстрировали еще один неучтенный фактор — фактор искушения, и уж этому фактору никак нельзя позволить действовать беспрепятственно.

Он вернулся к своим роликам и потратил несколько часов, изучая отчеты о торговых сделках, и опять поразился хладнокровному мужеству гуглей и их последовательной приверженности той цели, что поставили предки. Во всех сделках — в любой из них — не было ни одного предмета, выходящего за рамки потребностей культуры класса 10!

«Ну надо же,— сказал он себе,— они заказывали мотыги, когда могли бы заполучить атомные двигатели! Надо же — пять веков подряд последовательно отказываться от товаров и услуг, которые могли бы вывести расу гуглей к величию и счастью, к более праздному образу жизни, в конце концов!»

К величию и счастью — и, более чем вероятно, к гибели.

Должно быть, когда-то давным-давно гугли — обитатели исполинских городов, ныне ушедших под поверхность планеты и обратившихся в прах,— познали чудовищную горечь изощренной, технически совершенной войны, ужаснулись принесенным ею страданиям и смерти и слепой ее бесплодности, и добытое

страшной ценой знание, память тех дней до сих пор живы в подсознании нынешних гуглей.

И Галактика не может позволить себе утратить это знание.

Шелдон скатал схему в трубку и скрепил трубку резинками. А ролики убрал и спрятал.

Пять долгих веков гугли противостояли соблазнам космической торговли — а ведь за корни баабу им дали бы все, что бы они ни попросили. Даже если бы торговцы знали истину, они все равно охотно и не задумываясь разрушили бы охранный щит культуры класса 10 ради прибыли.

Гугли продержались пять веков. Как долго они смогут еще держаться? Разумеется, не до бесконечности. Может статься, всего ничего. Вождь и его племя дрогнули моментально и заполучили информацию, выходящую за рамки класса 10. Не означает ли это, что моральная сила уже слабеет, что пять веков торговли уже подточили ее?

И если бы гугли не продержались — если они не продержатся,— Галактика стала бы — или станет — беднее. И кровавее.

Ибо придет день, пусть не скоро, когда можно будет послать сюда специальную экспедицию и провести детальное изучение великого наследия, великого свершения гуглей. Результатом такой экспедиции может быть первый значительный шаг к миру во всей Галактике или хотя бы намек, как применить тот же принцип, не прибегая к фиговому листку статичной культуры.

Однако до экспедиции еще много-много лет. Ее нельзя посылать, пока волны времени не смоют случайные влияния, наросшие за пять веков торговли.

Шелдон вновь сел к столу, извлек управляемый голосом стенограф и заправил в него бумагу. И без запинки продиктовал заглавную строку, которую машинка тут же и напечатала:

РЕКОМЕНДАЦИЯ. ЗАКРЫТЬ ПЛАНЕТУ ЗАН НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК КАК ДЛЯ ТОРГОВЛИ, ТАК И ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ С ЛЮБЫМИ ДРУГИМИ ЦЕЛЯМИ.

СВАЛКА

1

Они раскрыли тайну, вернее, пришли к разгадке, логичной и научно обоснованной, но не выяснили ничего, ровным счетом ничего бесспорного. Для опытной команды планетных разведчиков это никак нельзя было считать нормальным. Обычно они с ходу брали быка за рога, выкачивали из планеты прорву информации, а потом вертели факты так и эдак, пока не выстраивали их во впечатляющий ряд. А здесь таких фактов, действительных конкретных фактов, просто не было, кроме одного-единственного факта, очевидного даже ребенку начиная с двенадцати лет.

И это тревожило капитана Айру Уоррена. Так он и сказал Лопоухому Брэди, корабельному коку, который был его приятелем с юношеских лет и остался им, невзирая на свою слегка подмоченную репутацию. Они шлялись вместе по планетам вот уже более трех десятков лет. Даром что их разнесло по разные концы табели о рангах, они и по сей день могли сказать друг другу такое, чего не сказали бы никому другому на борту, да никому и не позволили бы сказать.

— Слушай, Лопоухий. Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно,— отпарировал Лопоухий.— Такая уж у тебя работа.

— Эта история со свалкой...

— Ты хотел всех обставить,— заявил Лопоухий,— а я говорил тебе заранее, чем это кончится. Я предупреждал, что тебя

© Перевод О. Битова.

загрызут заботы и ты лопнешь от сознания своей ответственности и напы... напыщ...

— От напыщенности?

— Точно,— подтвердил Лопоухий.— Это слово я и искал.

— Вовсе я не напыщен,— возразил Уоррен.

— Нет, тебя только тревожит эта история со свалкой. У меня в заначке есть бутылочка. Хочешь немного выпить?

Уоррен отмахнулся от соблазна.

— В один прекрасный день я выведу тебя на чистую воду и разжалую. Где ты прячешь свое пойло, понятия не имею, но в каждом рейсе...

— Усмири свой паршивый характер, Айра! Не выходи из себя...

— В каждом рейсе ты ухитряешься протащить на борт столько спиртного, что раздражаешь людей своим красным носом до последнего дня полета.

— Это личный багаж,— стоял на своем Лопоухий.— Каждому члену экипажа дозволено взять с собой определенное количество багажа. А я больше почти ничего не беру. Только выпивку на дорогу.

— В один прекрасный день,— продолжал Уоррен, свирепея,— я спишу тебя с корабля в никуда, за пять световых лет от чего угодно.

Угроза была давней-предавней, и Лопоухий ничуть не испугался.

— Твои тревоги,— заявил он,— не доведут тебя до добра.

— Но разведчики не справились со своей задачей. Ты что, не понимаешь, что это значит? Впервые за столетие с лишним планетной разведки мы нашли очевидное доказательство, что некая иная раса, кроме землян, также овладела космическими полетами. И не узнали об этой расе ничего. А обязаны были узнать. С таким-то количеством добра на свалке мы к нынешнему дню должны бы книгу о них написать.

Лопоухий презрительно сплюнул.

— Ты имеешь в виду — не мы бы должны, а они, твои хваленые ученые.

Слово «ученые» он произнес так, что оно прозвучало ругательством.

— Они толковые ребята,— заявил Уоррен.— Лучшие из всех, каких можно было найти.

— Помнишь прежние денечки, Айра? — спросил Лопоухий.— Когда ты был младшим лейтенантом и наведывался ко мне и мы пропускали вместе по маленькой...

— Какое это имеет отношение к делу?

— Вот тогда с нами летали настоящие ребята. Брали дубинку, отлавливали пару-тройку туземцев, быстренько вразумляли их и за полдня выясняли больше, чем эти ученые со всей их мерихлюндией способны выяснить за целую вечность.

— Тут немного другая картина,— сказал Уоррен.— Тут же нет никаких туземцев...

По правде говоря, на этой конкретной планете вообще почти ничего не было. Эта планета была заурядной в самом точном смысле слова и не смогла бы набраться незаурядности даже за миллиард лет. А разведка, само собой, не проявляла особого интереса к планетам, у которых нет шансов набраться незаурядности даже за миллиард лет.

Поверхность ее представляла собой по преимуществу скальные обнажения, чередующиеся с беспорядочными нагромождениями валунов. В последние полмиллиона лет или что-нибудь вроде того здесь появились первичные растения, появились и неплохо прижились. Мхи и лишайники заползли в расщелины и поднялись по скалам, но кроме них другой жизни здесь, по-видимому, не возникало. Хотя, положа руку на сердце, даже в этом не было полной уверенности, поскольку обследованием планеты как таковой никто не занимался. Ее не подвергали ни тщательному общему осмотру, ни детальной проверке на формы жизни: слишком уж всех заинтересовала свалка.

Они и садиться-то не собирались, а просто вышли на круговую орбиту и вели рутинные наблюдения, занося полученные рутинные данные в полетный дневник. Но тут кто-то из дежурных у телескопа заметил свалку, и с этой минуты их всех затянуло в неразрешимую, доводящую до бешенства головоломку.

Свалку сразу прозвали свалкой, и это было точное имя. По всей ее площади были разбросаны — что? Вероятно, части какого-то двигателя, однако по большому счету нельзя было поручиться даже за это. Поллард, инженер-механик, лишился сна и покоя, пытаясь сообразить, как собрать хотя бы несколько частей воедино. В конце концов ему удалось каким-то об-

разом соединить три детали, но и сложенные вместе они не имели никакого смысла. Тогда он решил разъединить детали сызнова, чтобы понять по меньшей мере, как они соединяются. И не сумел их разделить. С этой секунды Поллард практически рехнулся.

Части двигателя — если это был двигатель — были разбросаны по всей свалке, словно кто-то вышвырнул или что-то вышвырнуло их в спешке, нимало не заботясь, как и куда они упадут. Но в сторонке аккуратным штабелем было сложено другое имущество, и самый поверхностный взгляд приводил к выводу, что это припасы. Тут была какая-то, по всей видимости, пища, хоть и довольно странная пища (если вообще пища). Были пластиковые бутылочки диковинной формы, наполненные ядовитой жидкостью. Были предметы из ткани, вполне возможно представляющие собой одежду, и трудно было не содрогнуться, соображая, что за существа могли бы носить одежду такого рода. Были металлические прутья, скрепленные в пучки при помощи каких-то гравитационных сил вместо проволоки, к какой в подобном случае прибегли бы люди. И было множество другого добра, для которого не находилось никакого определения.

— Им бы давно следовало найти ответ,— продолжал Уоррен.— Они раскалывали орешки покрепче этого. За месяц, что мы торчим здесь, им бы следовало не только собрать двигатель, но и запустить его.

— Если это двигатель,— уточнил Лопоухий.

— А что еще это может быть?

— Ты мало-помалу начинаешь хрюкать, как твои ученые. Наполся на что-то, чего не можешь объяснить, и выдвигаешь самую правдоподобную с виду версию, а если кто-нибудь посмеет усомниться в ней, спрашиваешь сердито: что еще это может быть? Такой вопрос, Айра,— это не доказательство.

— Ты прав, Лопоухий,— согласился Уоррен.— Конечно, это не доказательство. Оттого-то мне и тревожно. Мы не сомневаемся, что там, на свалке, космический двигатель, а доказательств у нас нет.

— Ну кому придет в голову,— спросил Лопоухий вспыльчиво,— посадить корабль, выдрать из него двигатель и вышвырнуть прочь? Если б они учудили такое, корабль сидел бы здесь по сей день.

— Но если двигатель — не ответ,— ответил Уоррен вопросом на вопрос,— тогда что же там навалено?

— Понятия не имею. Меня это даже не занимает. Пусть об этом тревожатся другие.— Он поднялся и направился к двери.— У меня по-прежнему есть для тебя бутылочка, Айра...

— Нет, спасибо,— отказался Уоррен.

И остался сидеть, прислушиваясь, как Лопоухий топоча спускается вниз по трапу.

2

Кеннет Спенсер, специалист по инопланетным психологиям, явился в каюту, уселся в кресло напротив Уоррена и объявил:

— Мы наконец поставили точку.

— Какая там точка! — откликнулся Уоррен.— По существу, вы даже и не начали...

— Мы сделали все, что в наших силах.— Уоррен не стал перебивать, только хмыкнул.— Мы провели все положенные исследования, анализов хватит на целый том. Подготовили полный набор фотоснимков плюс диаграммы и словесные описания...

— Тогда скажите мне, что значит весь этот хлам.

— Это двигатель космического корабля.

— Если это двигатель,— заявил Уоррен,— тогда давайте его запустим. Разберемся, как он работает. А главное, попробуем понять, что за разумные существа построили именно такой двигатель, а не какой-то другой.

— Мы пытались,— ответил Спенсер.— Каждый из нас трудился, не жалея сил. Конечно, у части экипажа нет соответствующей подготовки и знаний, но от работы никто не отлынивал, а помогал другим, у кого такая подготовка есть.

— Знаю, что вы пыхтели не покладая рук.

И ведь правда, они не жалели себя, урывая считанные часы на сон, перекусывая на ходу.

— Мы столкнулись с инопланетным механизмом,— промямлил Спенсер.

— Ну и что? Мы и раньше сталкивались с инопланетными идеями,— напомнил Уоррен.— С инопланетной экономикой, инопланетными верованиями, инопланетной психологией...

— Тут большая разница.

— Не такая уж и большая. Взять хотя бы Полларда. В данной ситуации он ключевая фигура. Разве вы не ждали от Полларда, что он сумеет разгадать загадку?

— Если ее можно разгадать, тогда, конечно, Полларду и карты в руки. У него хватает и знаний, и опыта, и воображения.

— Вы полагаете, надо улетать? — внезапно спросил Уоррен.— Вы явились ко мне затем, чтобы сказать это напрямик? Пришли к выводу, что сидеть здесь дольше ни к чему?

— Вроде того,— согласился Спенсер.

— Хорошо,— произнес Уоррен.— Если таково ваше мнение, верю вам на слово. Взлетаем сразу после ужина. Остается сказать Лопоухому, чтоб подготовил банкет. Своего рода торжественный вечер в честь наших выдающихся достижений.

— Не сыпьте соль на раны,— взмолился Спенсер.— Гордиться нам действительно нечем.

Уоррен с усилием поднялся с кресла.

— Спущусь к Маку и скажу, чтоб подготовил машины к старту. По пути загляну к Лопоухому и предупрежу насчет ужина.

Спенсер остановил его:

— Я встревожен, капитан.

— Я тоже. А что именно вас тревожит?

— Кто они были, эти существа, эти люди с другого корабля? Вы же понимаете, мы впервые, в самый первый раз встретили достоверное свидетельство, что какая-то иная раса достигла стадии космических полетов. И что с ними здесь случилось?

— Испугались?

— Да. А вы?

— Еще нет,— ответил Уоррен.— Но, наверное, испугаюсь, когда у меня будет время хорошенько над этим подумать.

И отправился вниз по трапу сообщить Маку о подготовке к вылету.

3

Мака капитан нашел в его клетушке. Инженер сосал свою почерневшую трубку и читал захватанную Библию.

— Хорошая новость,— сказал Уоррен с порога.

Мак отложил книгу и снял очки.

— Есть одна-единственная вещь, которую вы можете мне сообщить и которую я восприму как действительно хорошую новость.

— Она и есть. Готовьте двигатели. Мы скоро стартуем.

— Когда, сэр? Совсем скоро не получится.

— Часа через два примерно. Успеем поесть и разойтись по каютам. Я дам команду.

Инженер сложил очки и засунул их в карман. Потом выбил трубку в ладонь, выкинул пепел и опять стиснул погасшую трубку в зубах.

— Мне всегда было не по себе на этой планете,— признался он.

— Вам не по себе на любой планете.

— Мне не нравятся башни.

— Вы сошли с ума, Мак. Тут же нет никаких башен.

— Нет, есть. Я ходил с ребятами по окрестностям, и мы обнаружили кучку башен.

— Может, скальные образования?

— Нет, башни,— упрямо повторил инженер.

— Но если вы обнаружили башни,— возмутился Уоррен,— то почему не доложили?

— Чтоб ученые ищейки развели вокруг них тарарам и мы застряли здесь еще на месяц?

— А, все равно,— сказал Уоррен.— Вероятнее всего, это вовсе не башни. Кто стал бы гнуть спину, возводя башни на этой занюханной планетке? Чего ради?

— У них жуткий вид,— сообщил Мак.— Зловещий — самое точное слово. От них пахнет смертью.

— Это в вас кельтская кровь говорит. В душе вы по-прежнему суеверный кельт — скачете по мирам сквозь пространство, а втайне до сих пор верите в призраков и баньши. Средневековый ум, просочившийся в век науки.

— От этих башен,— заявил Мак,— по спине мурашки бегают.

Капитан и инженер довольно долго стояли друг против друга. Потом Уоррен, протянув руку, легонько похлопал Мака по плечу.

— Я никому про них не скажу,— пообещал он.— Давайте раскручивайте свои машины.

4

Уоррен молча сидел во главе стола, прислушиваясь к разговорам команды.

— Они затеяли здесь аварийный ремонт,— заявил физик Клайн.— Развинтили кое-что по винтикам, а затем по той ли, по другой ли причине собрали двигатель заново, но часть снятых деталей ставить обратно не стали. По каким-то причинам им пришлось реконструировать двигатель, и они сделали его проще, чем прежний. Вернулись к основным принципам, отбросив все излишества, всякую там автоматику и технические безделушки, но при этом новый двигатель у них получился больше по размерам, менее компактным, более громоздким, чем тот, на котором они прилетели. Потому-то им пришлось оставить здесь еще и часть припасов.

— Однако,— задал вопрос химик Дайер,— если они вели такой сложный ремонт, то каким образом? Где они взяли материалы?

Бриггс, специалист по металлургии, откликнулся:

— Тут полно рудных месторождений. Если бы не так далеко от Земли, планета могла бы стать золотой жилой.

— Мы не видели следов рудных разработок,— возразил Дайер.— Ни шахт, ни плавильных печей, ни устройств для обогащения металла и его обработки.

— Мы же их и не искали,— указал Клайн.— Инопланетяне могли себе спокойно добывать руду в двух-трех милях отсюда, а мы и не догадываемся об этом.

— Беда наша во всем этом предприятии,— вмешался Спенсер,— что мы все время выдвигаем предположения, а потом принимаем их за установленные факты. Если они занимались здесь обработкой металлов, было бы важно узнать это поточнее.

— А зачем? Какая нам разница? — спросил Клайн.— Мы знаем главное: здесь приземлился космический корабль в аварийной ситуации, но экипаж в конце концов сумел починить двигатели и благополучно взлетел...

Старый доктор Спирс, сидевший в конце стола, грохнул вилкой по тарелке.

— Да не знаете вы толком ничего,— воскликнул он,— даже того, был ли это космический корабль или что-то иное! Слу-

шаю ваш кошачий концерт которую неделю подряд и должен сказать прямо: за всю свою долгую жизнь не видывал такой несусветной суеты при таких ничтожных результатах...

Вид у всех собравшихся за столом был довольно ошарашенный. Старый док обычно вел себя тихо и почти не обращал внимания на то, что творится вокруг: знай себе каждодневно ковылял по кораблю, врачуя мелкие болячки — кому придавило палец, у кого воспалилось горло... Каждый в экипаже нет-нет да и задавался не совсем приятным вопросом: а справится ли старый док, если грянет настоящая беда и понадобится, например, провести серьезную операцию? Доку не слишком доверяли профессионально, что не мешало относиться к нему с симпатией. Очень может быть, симпатия эта зиждилась на том, что док предпочитал не вмешиваться в чужие дела.

И вот надо же — вмешался, да как агрессивно!

Ланг, специалист по системам связи, высказался:

— Мы нашли царапины, док, помните? Царапины на скале. Как раз такие, какие может оставить космический корабль при посадке.

— Вот-вот,— насмешливо повторил док,— может оставить, а может и не оставить. Может, корабль, а может, не корабль...

— Корабль, что ж еще!..

Старый док фыркнул и вернулся к еде, орудуя ножом и вилкой с видом полностью безучастным — голова опущена к тарелке, салфетка под подбородком. Все на борту давно заметили, что ест он неопрятно.

— У меня такое чувство,— продолжил Спенсер,— что мы позволили себе сбиться с правильного пути, предположив здесь всего-навсего аварийный ремонт. По количеству частей, выброшенных на свалку, я сказал бы, что они столкнулись с необходимостью реконструировать двигатель полностью и, начав с самых азов, построить совершенно новый движок, лишь бы выбраться отсюда. У меня такое чувство, что эти выброшенные части составляют единое целое и что знай мы как, мы могли бы собрать их вместе и получить двигатель в первозданном виде.

— Я и пытался это сделать,— вставил Поллард.

— Идея полной реконструкции двигателя тоже не проходит,— заявил Клайн.— Это значило бы, что новый двигатель оказался не похожим на прежний в принципе, не похожим настолько,

что прежний пришлось послать ко всем чертям до последнего винтика. Разумеется, подобная теория объясняет, отчего тут набросана прорва всяких частей, но такого просто не может быть. Никто не станет реконструировать двигатель на новых принципах, оказавшись в беде на безжизненной планете. Каждый предпочтет придерживаться того, что знает, к чему привык.

— Ну и кроме того,— добавил Дайер,— если принять идею полной реконструкции, это вновь возвращает нас к проблеме материалов.

— И инструментов,— подхватил Ланг.— Откуда они взяли бы инструменты?

— У них на борту могла быть ремонтная мастерская,— возразил Спенсер.

— Для проведения мелких ремонтных работ,— уточнил Ланг.— И уж во всяком случае без тяжелых станков, нужных для постройки совершенно нового двигателя.

— Но больше всего меня беспокоит то,— сказал Поллард,— что мы не способны ни в чем разобраться. Я пытался подогнать части друг к другу, понять, как они связаны между собой,— должны же они быть как-то связаны, иначе это просто бессмыслица. Мучился я, мучился и в конце концов ухитрился приладить друг к другу три детали, но дальше дело так и не двинулось. И три детали вместе тоже не сказали мне ничего. Ну ни малейшего проблеска! Даже сложив три штуковины вместе, я понял не больше, не приблизился к пониманию ни на йоту ближе, чем пока они валялись порознь. А когда я попробовал снова их разъединить, то у меня даже это не получилось. Ну как по-вашему, если человек сумел собрать какую-то вещь, то уж разобрать ее он должен бы суметь и подавно, не так ли?

— Не удручайтесь,— попытался утешить Полларда Спенсер.— Корабль был инопланетным, его строили инопланетяне по инопланетным чертежам.

— Все равно,— не унимался Поллард,— должны быть некие общие принципы, которые следовало бы опознать. Хоть в каком-то отношении их движок должен бы иметь нечто общее с теми, что разработаны на основе земной механики. Что такое двигатель? Механизм, способный преобразовать энергию, взять ее под контроль, заставить приносить пользу. Цель двигателя остается одной и той же, какая бы раса его ни создала.

— А металл! — воскликнул Бриггс.— Неизвестный сплав, абсолютно не похожий ни на что, с чем мы когда-либо сталкивались. Компоненты сплава можно установить без особого труда, но его формула, как положишь ее на бумагу, выглядит как полный кошмар. Она просто несостоятельна. То есть несостоятельна по земным стандартам. В сочетании металлов есть какой-то секрет, который я не могу раскрыть даже предположительно.

Старый док вновь подал голос со своего конца стола:

— Вас следует поздравить, мистер Бриггс, с хорошо развитой наклонностью к самокритике.

— Прекратите, док,— резко приказал Уоррен, заговорив впервые с начала ужина.

— Будь по-вашему,— ответил док.— Если вы настаиваете, Айра, я прекращу...

5

Стоя возле корабля, Уоррен окинул планету взглядом. Вечер догорал, переходя в ночь, и свалка казалась всего лишь нелепым пятном более глубокой тени на склоне близлежащего холма.

Когда-то — и не так уж давно — здесь, совсем неподалеку от них, приземлился другой корабль. Другой корабль, детище другой расы.

И с этим другим кораблем что-то приключилось. Разведчики из его собственного экипажа пытались разнюхать, что именно, но все их попытки потерпели провал.

Он ощущал уверенность, что это был не обыкновенный ремонт. Что бы ни толковали все остальные, это было что-то много более серьезное, чем обыкновенный ремонт. Корабль попал в ситуацию критическую, чрезвычайную и к тому же связанную с непонятной спешкой. Они так торопились, что бросили здесь часть своих припасов. Ни один командир, человек он или нет, не согласится бросить припасы, разве что на карту поставлена жизнь или смерть.

В груде припасов была, по-видимому, пища — по крайней мере, Дайер утверждал, что это пища, хоть она никак не выглядела съедобной. И были бутылочки вроде пластиковых, наполненные ядом, который для инопланетян был, может статься — почему бы и нет? — эквивалентом виски. Какой же человек,

спросил себя Уоррен, бросит еду и виски, кроме как в случае страшной опасности?

Он медленно побрел по тропе, которую они успели пробить от корабельного шлюза к свалке, и вдруг поразился тишине, глубокой, как в чудовищной недвижности самого космоса. На этой планете не было источников звука. Здесь не было ничего живого, кроме мхов, лишайников и других первичных растений, цепляющихся за скалы. Со временем здесь, конечно, появится иная жизнь, поскольку здесь есть воздух, вода и главные составляющие будущей плодородной почвы. Дайте срок, допустим, миллиард лет, и здесь разовьется система живых организмов, не менее сложная, чем на Земле.

Но миллиард лет, подумалось Уоррену, это все-таки долговато.

Он добрался до свалки и двинулся по знакомому маршруту, огибая крупные узлы и машины, разбросанные вокруг. Но как он ни берегся, а раз-другой все же споткнулся о какую-то мелочовку, которую было не разглядеть в темноте.

Споткнувшись вторично, он наклонился и поднял штуковину, которая подставила ему ножку. Как он и догадывался, это оказался какой-то инструмент, брошенный инопланетянами при бегстве. Он как будто видел их, бросающих инструменты и удирающих во всю прыть,— но картина получалась нечеткой. При всем желании он не мог решить, на что эти инопланетяне смахивали и от чего удирали.

Он подкинул инструмент разок-другой, взвесил на руке. Инструмент был легким и удобным и, несомненно, имел какое-то применение, но какое — Уоррен не знал, не знал и никто в экипаже. Что за конечность сжимала этот инструмент — рука или щупальце, клешня или лапа? Что за мозг управлял рукой или щупальцем, клешней или лапой, сжимавшими этот инструмент и применявшими его для какой-то разумной цели?

Откинув голову назад, он посмотрел на звезды, сверкающие над планетой. Нет, это были совсем не те звезды, что знакомы с мальчишеских лет.

Мы далеко, подумал он. Как же мы далеко! Так далеко не забирался еще никто из людей...

Неожиданный звук заставил его дернуться и обернуться. Кто-то бежал по тропе сломя голову и неистово топоча.

— Уоррен! — раздался крик.— Уоррен, где вы?

В голосе слышался неподдельный испуг, больше того — нотки безумной паники, какие можно подчас услышать в визге перепуганного ребенка.

— Уоррен!..

— Да здесь я, здесь. Иду, уже иду!

Он стремительно зашагал навстречу человеку, топочущему в темноте. Бегущий мог бы проскочить мимо, не протяни Уоррен руку и не схвати за плечо, вынуждая остановиться.

— Уоррен, это вы?

— Что с вами, Мак?

— Я не могу... Не могу... Не...

— Что стряслось? Да говорите же! Чего вы не можете?

Инженер в свою очередь вытянул руки, неловко схватил капитана за лацканы сюртука и повис на нем, словно утопающий на спасателе.

— Ну, давайте выкладывайте,— поторопил Уоррен, подхлестываемый нарастающей тревогой.

— Я не могу запустить двигатели, сэр.

— Не можете — что?..

— Не могу запустить их, сэр. И никто из моих ребят. Никто из нас не может их запустить, сэр.

— Двигатели! — повторил Уоррен, чувствуя, как душу стремительно охватывает ужас.— Что случилось с двигателями?

— С двигателями ничего не случилось. Это с нами что-то случилось, сэр. Мы не можем их запустить.

— Возьмите себя в руки, любезный. Ближе к делу. Почему не можете?

— Мы не помним, как это делается. Мы забыли, как они запускаются!

6

Уоррен включил свет над столом и, выпрямившись, стал шарить глазами по полкам в поисках нужной книги.

— Она где-то здесь, Мак,— произнес он.— Знаю, она была где-то здесь...

Наконец он нашел ее и, сняв с полки, раскрыл под лампой. Не мешкая перелистал страницы. За своей спиной он слышал напряженное, почти жесткое от ужаса дыхание инженера.

— Все в порядке, Мак. Тут в книжке все изложено.

Листая пособие, он вначале забежал слишком далеко, и пришлось вернуться на пару страниц. Нашел нужное место и, распластав книгу, пристроил ее под лампой поудобнее.

— Ну вот,— произнес он,— сейчас мы с этими движками сладим. Вот здесь сказано...

Он попытался прочесть — и не смог.

Он понимал слова и даже символы, но слова, составленные вместе, сразу же утрачивали смысл, а сумма символов будто не имела смысла и вовсе. Он покрылся потом, пот бежал по лбу и собирался в бровях, стекал от подмышек и ручейками струился по ребрам.

— Что с вами, шеф? — осведомился Мак.— Теперь-то в чем дело?

Уоррен ощутил, что тело жаждет задрожать, каждый нерв жаждет затрепетать — и ни с места. Он просто окаменел.

— Это инструкция по двигателям,— сообщил он спокойно и тихо.— Она рассказывает все о двигателях — как они действуют, как находить неисправности и устранять их...

— Тогда у нас нет проблем,— выдохнул Мак с огромным и явным облегчением.

— Нет, есть, Мак. Я забыл значение символов и почти не могу понять терминологию.

— Вы — что?..

— Я не могу прочесть инструкцию,— признался Уоррен.

7

— Но такого не может быть! — возмутился Спенсер.

— Не только может,— ответил Уоррен,— но и произошло. Есть здесь хоть кто-нибудь, кто способен прочесть инструкцию?

Никто не откликнулся.

— Если кто-нибудь может ее прочесть,— повторил он,— пусть выйдет вперед и покажет нам, как это делается!

Клайн тихо произнес:

— Нет, никто не может.

— И тем не менее,— провозгласил Уоррен,— всего час назад любой из вас — поймите, любой! — наверное, прозаклады-

вал бы свою душу, что не только сумеет при необходимости запустить двигатели самостоятельно, но, если понадобится, сумеет взять инструкцию и выяснить, как это делается.

— Вы правы,— согласился Клайн.— Мы прозакладывали бы что угодно. Час назад это показалось бы нам верным, беспроигрышным пари.

— Такие дела,— сказал Уоррен.— Можете ли вы определить, как давно вы потеряли способность прочесть инструкцию?

— Разумеется, не можем,— вынужденно признал Клайн.

— Это еще не все. Вы не сумели разобраться со свалкой. Построили догадку и заменили догадкой ответ, но, по сути, так и не нашли его. А должны были бы найти. И сами прекрасно это знаете...

Клайн поднялся на ноги.

— Послушайте, однако, Уоррен...

— Сядь-ка лучше, Джон,— предложил Спенсер.— Уоррен ущучил нас намертво. Мы не нашли ответа и знаем сами, что не нашли. Мы пришли к догадке и подставили догадку на место ответа, которого не нашли. Уоррен прав и в том, что мы обязаны были найти ответ. Ответ, а не догадку.

При любых других обстоятельствах, подумал Уоррен, они бы возненавидели его за неприкрытую правду — при любых других, но не сейчас. Они молчали, и он зримо чувствовал, как в душу каждого помаленьку просачивается осознание истины. Первым заговорил Дайер:

— По-вашему, мы не справились, оттого что забыли — в точности так же, как Мак забыл про двигатели?

— Вы утратили некоторые навыки,— ответил Уоррен,— некоторые навыки и знания. Вы работали так же честно, как всегда. Вы выполнили все предписанные процедуры. Но вы не нашли в себе прежних навыков и знаний, только и всего.

— Что же теперь? — осведомился Ланг.

— Понятия не имею.

— Вот что случилось с тем, другим кораблем! — воскликнул Бриггс многозначительно.

— Может, и так,— отозвался Уоррен не столь уверенно.

— Однако они все-таки улетели! — напомнил Клайн.

— Мы тоже улетим,— заверил Уоррен.— Так или иначе, но улетим.

8

Очевидно, экипаж того инопланетного корабля тоже все забыл. И тем не менее они улетели — значит, каким-то образом вспомнили, заставили себя вспомнить. Но если все сводилось к тому, чтобы просто вспомнить, зачем им понадобилось реконструировать двигатель? Легче было бы использовать прежний...

Уоррен, лежа на койке, пялился в темноту. Ему было известно, что в каких-то жалких двух футах над головой — стальная переборка, но ее было не разглядеть. И ему было понятно, что существует способ запустить двигатели, совсем простой способ, если знать его или вспомнить, но способа такого он тоже не видел.

Люди попадают в неприятности, набираются знаний, познают сильные чувства — а потом, с течением времени, забывают и неприятности, и знания, и чувства. Жизнь, по существу, непрерывная цепь забвения. Воспоминания стираются, знания тускнеют, навыки теряются, однако требуется время, чтобы все это стерлось, потускнело и потерялось. Не бывает так, чтоб сегодня знать что-то назубок, а назавтра забыть.

Но здесь, на этой безжизненной планетке, процесс забвения каким-то немыслимым образом резко ускорился. На Земле нужны годы, чтобы забыть крупную неприятность или утратить прочный навык. А здесь это происходит за одну ночь...

Он попытался заснуть и не сумел. В конце концов он встал, оделся, сошел по трапу и, миновав шлюз, вышел в инопланетную ночь.

Тихий голос спросил:

— Это ты, Айра?

— Я, Лопоухий, я самый. Мне не спится. Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно,— ответил Лопоухий.— Это у тебя профессиональная идео... идеосин...

— Идиосинкразия?

— Она и есть,— согласился Лопоухий, легонько икнув.— Ты угадал слово, которое я искал. Твои тревоги — профессиональная болезнь.

— Мы в ловушке, Лопоухий.

— Бывали планеты,— сообщил Лопоухий,— где я не возражал бы застрять надолго, но эта не из их числа. Эта, если по совести,— охвостье творения.

Они стояли рядом во тьме, и над головами у них сияла россыпь чуждых звезд, а перед ними до смутного горизонта расстилалась безмолвная планета.

— Тут что-то не то,— продолжал Лопоухий.— Что-то носится в воздухе. Твои ученые лбы заявляют, что тут нет ничего, потому что не видят ни черта в свои приборы, и в книжках у них говорится, что если на планете только скалы и мхи, другой жизни не ищи. Но я-то на своем веку навидался всяких планет. Я-то лазал по планетам, когда они были еще в пеленках. И мой нос может сказать мне о планете больше, чем все ученые мозги, если даже смешать их в кучу и переболтать, что, между прочим, совсем неплохая идея...

— Наверное, ты прав,— нехотя сознался Уоррен.— Я сам это чувствую. А ведь раньше не чувствовал. Наверное, мы перепуганы до смерти, если начали понимать то, чего раньше не чувствовали.

— А я чувствовал даже раньше, чем перепугался.

— Надо было осмотреться здесь хорошенько. Вот где наша ошибка. Но на свалке было столько работы, что об этом и не подумали.

— Мак прогулялся немного,— сказал Лопоухий.— И говорит, что нашел какие-то башни.

— Мне он тоже о них говорил.

— Он совсем позеленел от страха, когда рассказывал мне про башни.

— Да, он говорил, что они ему не понравились.

— Если б тут было куда бежать, Мак уже улепетнул бы во все лопатки.

— Утром,— решил Уоррен,— мы первым делом пойдем и осмотрим эти башни как следует.

9

Это действительно были башни, вернее, башенки. Их было восемь, и они стояли в ряд, как сторожевые вышки,— словно кто-то когда-то опоясал такими вышками всю планету, но затем передумал, и все остальные снесли, а эти восемь почему-то оставили.

Они были сложены из необработанного природного камня, сложены грубо, без строительного раствора, лишь кое-где на стыках камни для прочности скреплялись каменными же клиньями или пластинами. Такие башенки могло бы соорудить первобытное племя, и вид у них был весьма древний. У основания башенки достигали примерно шести футов в поперечнике, а кверху слегка сужались. Каждая башенка была накрыта плоской каменной плитой, а чтобы плита не соскользнула, на нее еще взгромоздили крупный валун.

Уоррен обратился к археологу Эллису:

— Это по вашей части. Действуйте...

Вместо ответа маленький археолог обошел ближайшую башенку, потом пододвинулся к ней вплотную и внимательно осмотрел. Потом протянул руки, и со стороны это выглядело так, будто он намеревался потрясти башенку, только она не поддалась.

— Прочная,— сообщил он.— Построена на совесть и давно.

— Культура типа Ф, пожалуй,— высказался Спенсер.

— Может быть, и того меньше. Обратите внимание — никаких попыток украсить кладку, простая утилитарность. Но работа искусная.

— Главное,— вмешался Клайн,— установить цель сооружения. Для чего их тут поставили?

— Какие-нибудь складские помещения,— предположил Спенсер.

— Или просто ориентиры,— возразил Ланг.— Заявочные столбы, а может, меты на месте, где предполагалось что-то оставить.

— Цель установить нетрудно,— заявил Уоррен.— Вот уж о чем можно не гадать и не спорить. Всего-то надо скинуть сверху валун, приподнять крышку да заглянуть вовнутрь.

Он решительно шагнул к башенке и стал взбираться по ней. Подъем оказался не слишком труден — в камнях были выбоины, которые могли послужить захватами для рук и опорами для ног. Через минуту он был наверху.

— Эй, берегись! — крикнул он, налегая на валун.

Валун покачнулся и не спеша опустился обратно на прежнее место. Уоррен уперся понадежнее и приналег снова. На этот раз валун перевернулся, тяжело рухнул вниз и с грохотом покатился по склону, набирая скорость. По пути валун ударял-

ся о другие валуны, менял курс, а то далее, подброшенный инерцией, ненадолго взлетал в воздух.

— Киньте мне сюда веревку,— попросил Уоррен.— Я привяжу ее к верхней плите, и мы вместе ее стянем.

— У нас нет веревки,— отозвался Клайн.

— Тогда пусть кто-нибудь сбегает на корабль и притащит. Я побуду здесь до его возвращения.

Бриггс потопал в сторону корабля. Уоррен выпрямился. С башенки открывался прекрасный вид на окрестности, и он принялся, медленно поворачиваясь, изучать их.

Где-нибудь неподалеку, мелькнула мысль, люди — ну пусть не люди, но те, кто строил башни,— должны были обустроить себе жилье. На расстоянии не больше мили отсюда некогда было поселение. Ибо на возведение башен требовалось немалое время, а следовательно, их строители должны были где-то хотя бы временно разместиться. Но разглядеть ничего не удавалось — только нагромождения камней, обширные скальные обнажения да наброшенные на них коврики первичных растений.

Во имя чего они жили? Зачем они были на этой планете? Что могло их здесь привлечь? Почему не улетели сразу, что их удержало?

И вдруг он замер, не в силах поверить своим глазам. Очень тщательно проконтролировал впечатление, ощупывая взглядом линии, убеждаясь, что не сбит с толку игрой света на какой-нибудь куче камней. «Ну быть того не может!» — восклицал он про себя. Три раза такого не происходит. Он впал в заблуждение...

Уоррен глубоко вдохнул и задержал выдох, выжидая, что иллюзия рассеется. Она не рассеялась. Эта штука торчала там по-прежнему.

— Спенсер! — позвал он.— Спенсер, будьте добры, поднимитесь сюда.

А сам не сводил глаз с того, что увидел. Заслышав, как Спенсер шумно карабкается по башенке, подал ему руку и помог взобраться на плиту-покрышку.

— Посмотрите,— предложил Уоррен, указав точное направление.— Что там такое?

— Корабль! — заорал Спенсер.— Там еще один корабль!

Корабль был стар, невероятно стар. Он весь порыжел от ржавчины: довольно было провести рукой по металлическому борту — и ржавые хлопья осыпались на камень дождем, а ладонь покрывалась красными полосами.

Внешний воздушный шлюз был некогда закрыт, но кто-то или что-то пробил или пробило его насквозь, не утруждая себя отмыканием замков: края люка были по-прежнему притерты к корпусу, однако сквозь рваную дыру можно было свободно заглянуть в корабельное нутро. И на многие ярды вокруг шлюза скальный грунт стал кирпичным от разбросанной взрывом ржавчины.

Люди протиснулись в дыру. Внутри корабль блестел и сверкал, ржавчины не было и в помине, хотя все предметы покрывала толстая пыль. На полу в пыли была протоптана тропа, а по бокам ее там и сям виднелись разрозненные следы: видно, владельцы следов время от времени отступали с тропы в сторону. Следы были инопланетные — мощная пята и три широко расставленных пальца, ни дать ни взять следы каких-то очень крупных птиц или давным-давно вымерших динозавров.

Тропа вела в глубь корабля, в машинный зал, и там посреди зала оставалась лишь пустая станина — двигателя не было.

— Вот как они выбрались отсюда! — догадался Уоррен.— Те, что вышвырнули свой собственный движок на свалку. Сняли двигатель с этого корабля, переставили на свой и улетели.

— Но они же ни черта не смыслили...— попытался перечить Клайн.

— Очевидно, разобрались,— отрезал Уоррен.

Спенсер согласился:

— Да, должно быть, так и произошло. Этот корабль стоит здесь с незапамятных времен — видно по ржавчине. И он был закрыт, герметически запечатан — ведь внутри ржавчины нет. Дыру в шлюзе проделали сравнительно недавно, тогда же и сняли двигатель...

— Но зачем? — не утерпел Клайн.— Зачем им это понадобилось?

— Потому что,— ответил Спенсер,— они забыли, как запустить свой собственный двигатель.

— Но если они забыли устройство своего двигателя, как же они сумели совладать с чужим?

— Тут он вас всех уел,— заявил Дайер.— На такой вопрос вам не ответить.

— Ваша правда,— пожал плечами Уоррен.— А хотелось бы найти ответ — тогда бы мы знали, что делать нам самим.

— Как по-вашему,— спросил Спенсер,— давно этот корабль здесь приземлился? Сколько времени требуется, чтобы корпус покрыла ржавчина?

— Трудно сказать,— отозвался Клайн.— Зависит от того, какой они использовали металл. Можно ручаться за одно: корпус любого космического корабля, кто бы его ни строил, делается из самого прочного материала, какой известен строителям.

— Тысяча лет? — высказал предположение Уоррен.

— Не знаю,— ответил Клайн.— Может, тысяча лет. А может, и дольше. Видите эту пыль? Это все, что осталось от органических веществ, которые были здесь на корабле. Если существа, прилетевшие сюда когда-то, оставались на корабле, они и до сих пор здесь — в форме пыли.

Уоррен попробовал сосредоточиться и представить себе хронологию событий. Тысячу или несколько тысяч лет назад здесь приземлился космический корабль и не смог улететь. Затем, тысячу или тысячи лет спустя, здесь приземлился другой корабль, и экипаж обнаружил, что улететь тоже не может. Но в конце концов нашел путь к спасению, сняв двигатели с первого корабля и заменив ими те, на которых прилетел. Еще позже, через годы или через месяцы, а может, всего через несколько дней, здесь оказался разведывательный корабль с Земли — и в свою очередь выяснил, что улететь не в состоянии, поскольку специалисты по двигателям не могут вспомнить, как их запустить...

Круто повернувшись, Уоррен вышел из пустого машинного зала, не дожидаясь других, и решительно зашагал обратно по проложенной в пыли тропе к разбитому шлюзу.

И... подле самого шлюза на полу сидел Бриггс. Сидел и неловкими пальцами рисовал в пыли завитушки. Тот самый Бриггс, которого посылали на родной корабль за мотком веревки.

— Бриггс,— резко спросил Уоррен,— что вы здесь делаете?

Бриггс посмотрел на капитана бессмысленно и весело.

— Уходи,— произнес он.

И продолжал рисовать завитушки в пыли.

10

Док Спирс объявил диагноз:

— Бриггс впал в детство. Его мозг чист, как у годовалого ребенка. Правда, он может говорить, что единственно отличает его от несмышленыша. Но словарь у него очень ограничен, и вообще то, что он бормочет, по большей части ничего не значит.

— А можно обучить его чему-то сызнова? — поинтересовался Уоррен.

— Не знаю.

— После вас его осматривал Спенсер. Что сказал Спенсер?

— Сорок сороков всякой всячины,— ответил док.— А по сути все, что он сказал, сводится к практически полной потере памяти.

— Что же нам делать?

— Не спускать с него глаз. Следить, чтоб он не причинил себе вреда. Спустя какое-то время можно попробовать повторно обучить его чему-нибудь. А может, он сумеет перенять что-нибудь по своему почину. Главное — понять, что же такое с ним приключилось. Не могу пока сказать с уверенностью, связана ли потеря памяти с повреждением мозга. Вроде повреждений не видно, но утверждать определенно без серьезного диагностического обследования не берусь. А приборов для такого обследования у нас нет.

— Говорите, повреждений не видно?

— Ни единой отметины. Он не ранен. То есть нет никаких физических повреждений. Пострадал только мозг. Может, даже и не мозг, просто исчезла память.

— Амнезия?

— Нет, не амнезия. При амнезии больные находятся в замешательстве. Их преследует мысль, что они чего-то не помнят. В душе у них полная неразбериха. А Бриггс не ощущает никакого замешательства. По-своему он даже счастлив.

— Вы позаботитесь о нем, док? За ним же и впрямь нужен глаз да глаз...

Док невнятно фыркнул, поднялся и вышел. Уоррен крикнул ему вслед:

— Если увидите по дороге Лопоухого, скажите, чтоб зашел ко мне.

Док поплелся вниз по трапу. А Уоррен остался сидеть, тупо уставясь в голую стену перед собой.

Сначала Мак со всей своей машинной командой забыл, как запускается двигатель. Это был первый свисток, первый отчетливый сигнал, что все неладно, но неприятности-то заварились гораздо раньше, чем Мак обнаружил, что забыл азы своего ремесла! Команда разведчиков растеряла свои знания и умения почти с самой посадки. Как иначе объяснить, что они ухитрились так напортачить, разбираясь на свалке? При нормальных обстоятельствах они обязательно извлекли бы из частей инопланетного двигателя и аккуратно сложенных припасов какую-нибудь существенную информацию. И в общем, они даже сделали кое-какие наблюдения, только не сумели обобщить их. А при нормальных обстоятельствах сумма наблюдений непременно привела бы к незаурядным открытиям.

С трапа донесся звук шагов, но поступь была слишком живой для Лопоухого.

Это оказался Спенсер.

Спенсер плюхнулся на стул без приглашения. И сидел, сжимая и разжимая руки, разглядывая их яростно и без слов.

— Ну? — поторопил его Уоррен.— Можете что-то доложить?

— Бриггс залезал в ту, первую, башенку,— выговорил Спенсер.— Видимо, вернулся с веревкой и обнаружил, что мы ушли. Тогда он влез наверх, обвязал покрышку петлей, а потом слез обратно и стянул ее наземь. Там она и лежит, примерно в футе от башенки, и веревочная петля на ней...

Уоррен понимающе кивнул.

— Да, он мог с этим справиться. Покрышка не слишком тяжелая. С ней можно было справиться и в одиночку.

— Там, в башенке, что-то есть.

— Вы туда заглядывали?

— После того что случилось с Бриггсом? Конечно нет. Я даже поставил часового с наказом не подпускать никого. Мы не вправе шутить с этой башенкой, пока хоть немного не разберемся, в чем дело.

— А что там, по-вашему, может быть?

— Не знаю,— ответил Спенсер.— Хоть идея у меня есть. Нам известно, на что эта башенка способна. Способна лишить вас памяти.

— А может, память стирается от испуга? — предположил Уоррен.— Допустим, в башенке что-то такое страшное...

Спенсер отрицательно покачал головой.

— Никаких следов испуга. Бриггс совершенно спокоен. Сидит себе радостный, как дитя, и играет с собственными пальцами или бормочет бессмыслицу. Но радостную бессмыслицу. Именно как дитя.

— А что, если его бормотание даст нам ключ? Поставьте кого-нибудь, чтобы слушал его все время. Даже если слова сами по себе почти ничего не значат...

— Ничего не получится. Пропала не только память, но и воспоминания о том, что эту память стерло.

— Что вы намерены предпринять?

— Постараться проникнуть в башню. Постараться выяснить, что там скрывается. Должен же быть способ забраться туда и выбраться живым и здоровым.

— Слушайте,— заявил Уоррен,— хватит с нас экспериментов.

— У меня есть интуитивная догадка.

— Никогда раньше не слышал от вас ничего подобного. Вы, господа, не полагаетесь на интуитивные догадки. Вы полагаетесь на установленные факты.

Спенсер поднял руку и ладонью стер выступивший на лбу пот.

— Не понимаю, Уоррен, что со мной стряслось. Сам знаю, что раньше никогда на догадки не полагался. Но теперь ничего не могу с собой поделать, догадки просто прут из меня и занимают место утраченных знаний.

— Так вы соглашаетесь, что знания утрачены?

— Разумеется, да! Вы были правы насчет свалки. Нам следовало бы справиться с делом много лучше.

— А теперь у вас интуитивная догадка...

— Догадка безумная,— сказал Спенсер.— По крайней мере, звучит она совершенно безумно. Наша память, утраченные нами знания должны были куда-то деться. А если нечто обитающее в башенке присвоило их? У меня дурацкое чувство, что утраченное можно вернуть, можно отобрать у похитителя назад.— Он взглянул на Уоррена с вызовом.— По-вашему, я рехнулся?

Настала очередь Уоррена покачать головой.

— Да нет, что вы! Просто-напросто хватаетесь за соломинку...

Спенсер тяжело поднялся на ноги.

— Обещаю сделать все, что смогу. Поговорю с другими. Постараемся продумать все до мелочей, прежде чем что-нибудь предпримем.

Как только он ушел, Уоррен вызвал по селектору машинный зал. Из коробочки послышался пронзительный писк и голос Мака.

— Есть успехи, Мак?

— Ни малейших,— ответил инженер.— Сидим и смотрим на движки. Скоро свернем себе головы, силясь что-нибудь припомнить.

— По-моему, больше вам ничего и не остается.

— Можно бы попробовать потыкать кнопки наугад, но боюсь, если начнем, непременно выведем что-нибудь из строя насовсем.

— Держите руки подальше от кнопок и от чего угодно,— приказал Уоррен, внезапно ощутив острую тревогу.— Даже не прикасайтесь ни к чему. Бог знает, что вы там способны натворить.

— Да нет, мы просто сидим,— заверил Мак,— смотрим на движки и силимся что-нибудь припомнить.

Что за безумие, подумалось Уоррену. Ну конечно безумие, что же еще? Там, внизу, люди, натасканные управлять космическими движками, люди, которые спали и жили с ними наедине на протяжении долгих унылых лет. А теперь эти самые люди сидят и смотрят на движки в недоумении, как их запустить.

Уоррен встал из-за стола и тихо спустился по трапу. И нашел кока в его каюте. Лопоухий свалился со стула и спал на полу, тяжело дыша. Каюта провоняла алкогольными парами. На столе красовалась бутылка, почти пустая.

Уоррен легонько пнул Лопоухого ногой. Тот чуть слышно застонал во сне.

Тогда капитан взял бутылку и посмотрел на свет. Там оставалось на один добрый, долгий хлебок. Он запрокинул бутылку и выпил все до капли, а потом запустил пустой бутылкой в стену. Осколки пластика осыпали голову Лопоухого мелким дождем.

Лопоухий поднял руку и смахнул осколки, как муху. И продолжал спать с улыбкой на устах: его чувства были удобно притуплены алкоголем и защищены от воспоминаний, которых у него теперь просто не было.

11

Они сызнова накрыли башенку плитой и установили треногу со шкивом. Потом опять стянули плиту вниз, а треногу использовали для того, чтоб спустить вовнутрь автоматическую камеру и получить снимки.

Да, в башенке что-то было. Они мучительно всматривались в снимки, разложив их на столе в кают-компании, и пытались сообразить, что же это такое. Формой оно напоминало не то арбуз, не то большое яйцо, поставленное на попа: нижний конец яйца был чуть сплющен, чтобы оно не падало. Снизу доверху яйцо поросло волосиками, и некоторые из них получились на снимках смазанными, словно вибрировали. У нижнего конца яйцо было оплетено какими-то трубками и, видимо, проводами. Впрочем, на провода в обычном понимании они были не очень похожи.

Они провели серию опытов, спустив в башенку измерительные приборы, и установили, что яйцо живое и во многих отношениях напоминает теплокровное животное, хотя можно было ручаться, что жидкие его компоненты не имеют с кровью ничего общего. Яйцо было мягким, не защищенным даже подобием панциря, оно пульсировало и вибрировало, только тип вибрации не поддавался определению. Однако волосики, покрывающие яйцо, шевелились без передышки.

И вновь они втащили плиту-покрышку на место, а треногу со шкивом не тронули. Биолог Говард сказал:

— Оно, несомненно, живое. Это какой-то организм, но не убежден, что это животное, и только животное. Провода и трубки ведут в его нутро извне и в то же время, могу почти поручиться, являются его частью. А посмотрите на эти — как прикажете их назвать — то ли штифты, то ли панели, как бы предназначенные для подсоединения новых проводов...

— Непостижимо,— заявил Спенсер,— чтобы животное могло срастись с механизмом. Взять, например, человека и его

машины. Спору нет, они трудятся совместно, но человек сохраняет свою индивидуальность, а машины, может статься, свою. А ведь во многих случаях было бы выгоднее — если не социально, то по крайней мере экономически,— чтобы человек составлял с машинами единое целое, чтобы они сплавились и стали, по существу, одним организмом...

— По-моему,— сказал Дайер,— что-то в таком роде здесь и произошло.

— А в других башнях? — осведомился Эллис.

— Они могут быть соединены друг с другом,— предположил Спенсер,— могут быть каким-то образом связаны между собой. Все восемь в принципе могут представлять собой единый комплексный организм.

— Мы же не знаем, что там в других башнях,— напомнил Эллис.

— Это можно выяснить,— ответил Говард.

— Нет, нельзя,— возразил Спенсер.— Мы не смеем рисковать. Мы уже шлялись вокруг да около гораздо дольше, чем позволяют простые меры предосторожности. Мак со своей командой решили прогуляться, заметили башни и осмотрели их, понятное дело, походя, а вернулись и забыли, как запустить движки. Мы не вправе слоняться возле башен даже на минуту дольше, чем совершенно необходимо. Уже и сейчас мы, быть может, утратили больше, чем подозреваем.

— Ты думаешь,— смешался Клайн,— что утрата памяти, которой мы, возможно, подверглись, скажется позже? Что мы сами не знаем сейчас, что именно мы утратили, а позже обнаружим, что утратили очень многое?..

Спенсер ответил кивком.

— Именно так и случилось с Маком. Он, как и любой в составе его команды, готов был поклясться, что может запустить двигатели, вплоть до минуты, когда их действительно потребовалось запустить. Любой в машинной команде считал свои навыки само собой разумеющимися, точно так же, как мы считаем само собой разумеющимися свои знания. Пока нам не потребуется какой-то специфический участок знаний, мы и не догадываемся, что утратили их.

— О таком несчастье страшно и подумать,— промолвил Говард.

— Это какая-то система связи,— заявил Ланг.

— Естественно, что вы так думаете. Вы же специалист по системам связи.

— Там провода!

— А зачем тогда трубки? — осведомился Говард.

— У меня есть на этот счет гипотеза,— сообщил Спенсер.— По трубкам доставляется пища.

— Трубки подсоединены к системе снабжения,— добавил Клайн.— Допустим, баки с пищей захоронены под землей.

— А не легче ли предположить, что эта штука питается через корни? — вставил Говард.— Раз мы толкуем о баках с пищей, то вроде бы подразумеваем, что эти штуки завезены с других планет. А они вполне могут быть местного происхождения.

— Но как бы они тогда воздвигли эти башни? — спросил Эллис.— Если б они были местными, им пришлось бы возводить башни вокруг себя. Нет, башни построил кто-то или построило что-то другое. Как фермер строит сарай, чтоб сохранить свой скот. Я бы проголосовал за подземные баки с пищей.

Уоррен подал голос впервые с самого начала совещания:

— Что заставляет вас склониться к идее системы связи?

Ланг пожал плечами.

— Да нет каких-то особых причин. Наверное, дело в проводах и этих самых штифтах-панелях. Все вместе взятое выглядит как устройство связи.

— Пожалуй, это приемлемая идея,— кивнул Спенсер.— Устройство связи, направленное исключительно на прием информации, а не на ее передачу и распространение...

— К чему вы клоните? — резко спросил Ланг.— Какая же это тогда связь?

— Так или иначе,— сказал Спенсер,— что-то украло у нас нашу память. Украло нашу способность управлять движками и столь основательную часть наших знаний, что мы завалили работу на свалке.

— Нет, не может быть! — воскликнул Дайер.

— Почему же не может? — съехидничал Клайн.

— Да ну вас к черту! Это чересчур фантастично!

— Не более фантастично,— отозвался Спенсер,— чем многие наши прежние находки. Допустим, это яйцо — устройство для аккумуляции знаний...

— Да тут просто нет информации, которую можно аккумулировать! — взорвался Дайер.— Несколько тысяч лет назад были

знания, которые можно было позаимствовать на том ржавом корабле. Некоторое время назад появились еще знания, прибывшие с кораблем, который устроил свалку. Теперь очередь дошла до нас. А следующий корабль, набитый знаниями, может прибыть сюда кто знает через сколько тысячелетий. Слишком долго ждать, и слишком велик риск вообще ничего не дождаться. Нам известно, что здесь садились три корабля, но с тем же успехом можно предположить, что следующего корабля не будет вообще никогда. Получается полная бессмыслица.

— Кто сказал, что знания, прежде чем их позаимствуют, должны непременно прибыть сюда сами? Ведь и дома, на Земле, мы кое-что забываем, не правда ли?

— Боже правый! — вырвалось у Клайна, но Спенсера было уже не остановить.

— Если бы вы принадлежали к расе, устанавливающей ловушки для знаний, и если бы располагали достаточным временем, где бы вы такие ловушки поставили? На планетах, кишмя кишащих разумными существами, где ваши ловушки вполне могут обнаружить, разрушить и выведать их секреты? Или на других — необитаемых, второразрядных, на труднодоступных мирах, которыми никто не заинтересуется еще миллион лет?

Уоррен откликнулся:

— Я бы выбрал как раз такую планету, как эта.

— Представим себе картину целиком,— продолжал Спенсер.— Где-то существует раса, склонная воровать знания по всей Галактике. И для размещения своих ловушек она ищет именно маленькие, захудалые, ни на что не годные планетки. Тогда, если умело разбросать ловушки в пространстве, можно прочесать весь космос почти без риска, что их вообще когда-нибудь обнаружат.

— Вы полагаете, что мы столкнулись здесь с подобной ловушкой? — спросил Клайн.

— Я подбросил вам идею специально, чтоб поглядеть, как вы к ней отнесетесь. Теперь валяйте комментируйте.

— Ну, прежде всего межзвездные расстояния...

— Мы имеем здесь дело,— объявил Спенсер,— с механическим телепатом, обладающим системой записи. И нам известно, что скорость распространения мыслительных волн от расстояния практически не зависит.

— Ваша гипотеза не подкреплена никакими данными, кроме домыслов? — поинтересовался Уоррен.

— А каких данных вы ждете? Вы, безусловно, догадываетесь, что доказательств нет и быть не может. Мы не смеем подойти достаточно близко, чтобы выяснить, что это за яйцо. И даже если бы посмели, у нас уже нет достаточных знаний, чтобы принять разумное решение или хотя бы сделать логичный вывод.

— Так что мы снова гадаем,— заметил Уоррен.

— А вы можете предложить что-либо лучшее?

Уоррен печально покачал головой.

— Нет. Видимо, не могу.

12

Дайер надел космический скафандр. От скафандра шел канат, пропущенный через шкив на треноге наверху башенки. Еще Дайеру дали пучок проводов для подключения к штифтам-панелям. Провода были соединены с добрым десятком приборов, готовых записать любые данные — если будет что записывать.

Затем Дайер забрался на башню, и его опустили вовнутрь. Почти немедленно разговор оборвался, химик прекратил отвечать на вопросы, и его вытянули обратно. Когда освободили крепления и откинули шлем, Дайер весело булькал и пускал пузыри. Старый док ласково повел его в госпитальную каюту.

Клайн и Поллард затратили много часов, мастеря шлем из свинца с телевизионным устройством на месте лицевых прозрачных пластин. Биолог Говард залез в переоборудованный скафандр, и его спустили внутрь башни тем же порядком. Когда его через минуту вытянули, он заливался отчаянным плачем, как малое дитя. Эллис поволок его следом за старым доком и Дайером, а Говард цеплялся за руки археолога и в промежутках между рыданиями пускал пузыри.

Поллард выдрал из шлема телеустройство и совсем уже вознамерился сделать новый шлем из сплошного свинца, но Уоррен положил этому конец:

— Будете продолжать в том же духе, и в экипаже не останется ни одного человека...

— Но на этот раз может получиться,— объявил Клайн.— Не исключено, что до Говарда добрались именно через телевизионные вводы.

Уоррен остался непреклонен:

— Может получиться, а может и не получиться.

— Но мы обязаны что-то предпринять!

— Нет, пока я не разрешил.

Поллард стал надевать тяжелый глухой шлем себе на голову.

— Не делайте этого,— предупредил Уоррен.— Шлем вам не понадобится, потому что вы никуда не пойдете.

— Я лезу в башню,— решительно заявил Поллард.

Уоррен сделал шаг вперед и без дальнейших разговоров взмахнул кулаком. Кулак врезался Полларду в челюсть и сбил его с ног. Уоррен повернулся к остальным:

— Если кого-нибудь еще тянет поспорить, я готов открыть общую дискуссию — по тем же правилам.

Желающих вступить в дискуссию не нашлось. Уоррен не мог прочесть на лицах ничего, кроме усталого отвращения к возомнившему о себе капитану. Молчание нарушил Спенсер:

— Вы расстроены, Уоррен, и не отдаете себе отчета в своих поступках.

— Отдаю себе полный отчет, черт побери! — взревел Уоррен.— Отдаю себе отчет, что есть какой-то способ залезть в эту башню и вылезти назад без полной потери памяти. Только не тот способ, какой выбрали вы. Так ничего не выйдет.

— Вы можете предложить что-нибудь другое? — поинтересовался Эллис не без ехидства.

— Нет,— ответил Уоррен,— не могу. Пока не могу.

— А чего вы хотите от нас? — продолжал Эллис.— Чтоб мы сели в кружок и били баклуши?

— Хочу, чтоб вы вели себя как взрослые люди,— отрезал Уоррен,— а не как орава мальчишек, заприметивших фруктовый сад и жаждущих забраться туда во что бы то ни стало.— Он оглядел подчиненных одного за другим. Никто не проронил ни слова. Тогда он добавил: — У меня на руках уже три хнычущих младенца. Мне ни к чему увеличивать их число.

И ушел по косогору прочь, на свой корабль.

13

Итак, их память обчистили, и скорее всего при посредстве яйца, притаившегося в башенке. И хоть никто не посмел высказать это открыто и вслух, всех донимала одна и та же надежда: что,

если найдется способ выудить похищенные знания обратно? И даже больше того: что, если удастся не мытьем, так катаньем заполучить, отсосать из яйца и другие захваченные им знания?

Уоррен сидел за столом у себя в каюте, сжав голову руками и мучительно стараясь сосредоточиться.

Может, стоило позволить им довести свою затею до конца? Но в таком случае они продолжали бы дудеть в одну дуду, пробуя все новые варианты одной и той же схемы и не понимая, что, если схема подвела дважды подряд, надо отбросить ее за непригодностью и поискать что-нибудь иное.

Спенсер первым догадался, что они утратили знания, не ощущая утраты,— в том-то и коварство, что не ощущая. Они и сейчас, сию минуту, считают себя людьми науки и являются таковыми, кем же еще? Но они отнюдь не столь умелые, не столь знающие люди, как прежде. И не понимают этого. В том-то и чертовщина — *они не ощущают утраты знаний.*

Сейчас они презирают капитана за рукоприкладство. Ну и наплевать! На все наплевать, лишь бы помочь им найти путь к спасению.

Забывчивость. Напасть, известная по всей Галактике. И есть куча объяснений этой напасти, куча хитроумных высоколобых теорий о том, отчего да почему разумные существа забывают то, что было усвоили. Но может, все эти теории ложны? Может, забывчивость объясняется не какими-то капризами мозга и вообще не психическими причинами, а бессчетными тысячами разбросанных по Галактике ловушек, помалу осушающих, обкрадывающих, обгрызающих коллективную память всех разумных созданий, живущих среди звезд?

На Земле люди забывают медленно, капля за каплей на протяжении долгих лет — и, быть может, потому, что ловушки, в зону действия которых входит наша родная планета, расположены очень далеко от нее. А здесь человек забывает иначе — полностью и мгновенно. Не потому ли, что здесь до ловушек памяти рукой подать?

Уоррен попытался представить себе размах этой, условно говоря, операции «Мыслеловка» и спасовал; самая идея такой операции была слишком грандиозной, да и слишком шокирующей, чтобы мозг согласился ее воспринять. Кто-то поставил себе задачей облететь захолустные планетки, ни на что не год-

ные, не способные привлечь ничьего внимания, и заложил ловушки. Собрал ловушки группами, построил башенки, оберегающие их от непогоды и от случайностей, и пустил в действие, подключив к питательным бакам, захороненным глубоко под почвой. И улетел домой.

А годы спустя — тысячу, а то и десять тысяч лет спустя — этот кто-то должен вернуться и выбрать из ловушек накопленные знания. Как охотник ставит капканы на пушных зверей, как рыбак маскирует западни для омаров и закидывает сети на осетров.

Здесь собирают урожай, подумалось Уоррену, постоянный нескончаемый урожай знаний всех рас Галактики...

Но если так, что же за раса установила такие ловушки? Что за охотник шастает по звездным дорогам, собирая добычу?

Разум отказывался рисовать себе расу столь бесчестную.

Несомненно одно: кто б они ни были, они возвращаются к своим ловушкам спустя много лет и собирают добытые знания. Иначе просто не может быть, иначе вообще незачем было хлопотать, устанавливая ловушки. И если они могут опорожнять ловушки, значит, существует способ это сделать. Если сам охотник может достать добычу из капкана, значит, это посильно и кому-то другому.

Забраться бы в башенку так, чтоб осталось время сообразить, как извлечь знания,— и ведь это, вероятно, несложно, только бы хватило времени осмотреться. Однако в том-то и штука, что в башенку не забраться. Едва попробуешь, и в ту же секунду тебя лишат памяти начисто и превратят в сопливое дитя. В ту же секунду, как ты заберешься в башенку, яйцо накинется на твой мозг и обчистит его досуха, и ты не упомнишь даже, где ты есть, как ты сюда попал и зачем.

Так что фокус сводится к тому, чтобы проникнуть внутрь и тем не менее сохранить память, приблизиться к яйцу и все-таки не забыть, зачем ты здесь очутился.

Спенсер и все остальные попытались экранировать мозг, но экран не сработал. Может, и есть надежда создать надежный экран, но придется идти методом проб и ошибок, а значит, многие, слишком многие выберутся на свет с утраченной памятью, прежде чем сыщется удовлетворительный ответ. И не исключается, что через день-другой от экипажа ничего не останется.

Нет, должен быть иной, принципиально иной способ.

Если мозг нельзя защитить экраном, тогда чем?

Система связи, утверждает Ланг. Вполне вероятно, что он прав и яйцо представляет собой некую систему связи. Что принято делать для защиты систем связи? Если их нельзя экранировать, тогда что?

Разумеется, на этот вопрос есть ясный ответ: если система связи не защищена, информацию шифруют. Но в подобном ответе нет решения, нет и намека на решение. Уоррен еще посидел, прислушиваясь,— ниоткуда не доносилось ни звука. Никто не забегал к нему по дороге, никому не приходило в голову заглянуть к капитану, просто чтобы скоротать время.

Люди обозлены, решил он. Каждый дуется и сидит в своем углу. А что до него самого, ему объявили молчаливый бойкот.

— Ну и черт с ними,— сказал он вслух.

Он сидел в одиночестве и старался что-то придумать, но и мысли не слушались, толковых мыслей не возникало, лишь сумасшедшая карусель вопросов без ответов.

Наконец с трапа донеслись шаги, и по их нетвердости он понял без колебаний, чьи это шаги. Лопоухий надумал подняться из камбуза утешить старого друга, а предварительно насосался до бровей.

Уоррену пришлось подождать, пока кок нетвердой поступью не одолеет трап, но в конце концов Лопоухий добрался до цели и застыл на пороге, выпростав руки в стороны и уперевшись в дверные косяки. Вероятно, иначе капитанская каюта качалась у него перед глазами.

Лопоухий собрался с духом, стремглав пересек пустоту меж дверью и стулом, с натугой обогнул стул, вцепившись в спинку, как в якорь, уселся и поднял глаза на Уоррена с улыбкой триумфа.

— Вот я и добрался,— возвестил Лопоухий.

— Ты пьян,— огрызнулся Уоррен с отвращением.

— Конечно пьян. Только тоскливо напиваться все в одиночку и в одиночку. Вот...— Кое-как найдя собственный карман, он выудил оттуда бутылку и осторожно водрузил на стол.— Держи. Давай придавим ее вместе.

Уоррен уставился на бутылку, и вдруг где-то в подсознании возникла и зашевелилась шальная мыслишка.

— Да нет, чепуха. Не получится...

— Кончай трепаться и приступай к делу. Как покончишь с этой посудиной, я добуду из заначки другую.

— Лопоухий,— позвал Уоррен.

— Чего тебе надо? — подивился Лопоухий.— Никогда не видал человека, который бы...

— Сколько у тебя есть еще?

— Сколько чего, Айра?

— Спиртного. Сколько еще ты припрятал?

— Много. Я всегда иду в рейс с изрядным рез... резер...

— С резервом?

— Точно,— подтвердил Лопоухий.— Ты понял, что я хотел сказать. Я всегда прикидываю, сколько мне надо, а потом добавляю резерв на случай, если мы застрянем где-нибудь или что-то еще...

Уоррен потянулся к бутылке, открыл ее и отшвырнул пробку.

— Лопоухий,— попросил он,— топай за другой бутылкой.

Лопоухий недоверчиво заморгал.

— Прямо сейчас, Айра? Ты хочешь, чтоб я принес вторую *прямо сейчас*?

— Немедленно,— сказал Уоррен.— А по пути будь так добр заглянуть к Спенсеру и сообщить ему, что я хотел бы его видеть, и как можно скорее.

Лопоухий встал, покачнулся, уставился на Уоррена с откровенным восторгом и все-таки спросил:

— Что ты задумал, Айра?

— Напиться допьяна. Надраться так, чтоб это событие вошло в историю космического разведывательного флота.

14

— Нельзя этого делать,— запротестовал Спенсер.— У вас нет никаких шансов...

Уоррен поднял руку и, опершись на башенку, попытался обрести равновесие: вся планета вращалась вокруг него с устрашающей скоростью.

— Лопоухий,— выкликнул он.

— Я здесь, Айра.

— Ззастрели — ик — ззастрели ллюбого, ккто ппопытается осстановить меня...

— С удовольствием, Айра,— заверил Лопоухий.

— Но вы лезете туда без всякой защиты,— продолжал Спенсер озабоченно.— Даже без скафандра.

— Я ппробую нновый ппод... пподх...

— Подход? — пришел на помощь Лопоухий.

— Тточно,— откликнулся Уоррен.— Сспасибо, Лопоухий. Тточно эт' ссамое — ппробую новый пподход...

— А ведь может и получиться,— взял слово Ланг.— Мы пробовали экранироваться, и это не помогло. Он пробует новый подход — он зашифровал свои мысли, затуманив их алкоголем. На мой взгляд, у него могут быть шансы на успех.

— Но в таком виде,— возразил Спенсер,— он нипочем не сумеет подсоединить концы.

Уоррен слегка покачнулся.

— Нне ппорите ххреновину!..— Он глянул на сопровождающих мутными глазами. Каждый из них недавно был тут в трех экземплярах, а теперь время от времени казалось, что только в двух.— Лопоухий!

— Да, Айра?

— Ммне ннадо еще выппить. А то ттрезвею.

Лопоухий добыл из кармана бутылку и передал по назначению. Она была полна едва наполовину. Уоррен запрокинул ее и стал пить, кадык у него на шее заходил ходуном. Он не успокоился, пока не осушил все до капли. Тогда он выронил бутылку и осмотрел членов экипажа снова. Теперь все было в порядке — каждого было не меньше трех.

— Нну,— сказал он, повернувшись к башенке,— если вы, джжельмены, ннемного пподсобите...— Эллис с Клайном натянули канат, и Уоррен взмыл в воздух.— Эй,— заорал он.— Ччто вы такое надумали?

Уоррен совершенно запамятовал про шкив, установленный на треноге наверху башни. Он болтался в воздухе и сучил ногами, пытаясь восстановить равновесие. Под ним разверзлось чернотой внутреннее пространство башни, а на дне ее мельтешилось, посверкивая, какое-то смешное пятнышко.

Тренога скрипнула, он начал спускаться и очутился внутри. Штуковина, что затаилась на дне, виделась теперь получше. Вежливо икнув, он предложил ей подвинуться, поскольку он

идет на снижение. Штуковина не шевельнулась ни на дюйм. Что-то попробовало открутить ему голову, но голова не откручивалась.

— Уоррен! — взорвались наушники.— Уоррен, вы живы? Все в порядке? Отзовитесь!

— Кконечно,— ответил он.— Кконечно, я жжив. Ччего вы ко мне ппристали?

Его опустили на дно, и он оказался рядом со смешной штуковиной, пульсирующей в полутьме колодца. Почувствовал, как что-то копошится у него в мозгу, и зашелся клокочущим пьяным смехом.

— Эй, нне ттрогай мменя за вволосы! Щщекоттно...

— Уоррен! — воззвали наушники.— Уоррен, провода! Провода! Вспомните, мы с вами говорили про провода...

— Кконечно,— откликнулся он.— Ппровода...

На пульсирующей штуковине торчали такие хорошенькие штифтики, и к каждому было очень удобно приладить по проволочке.

Но провода! Куда к черту подевались эти провода?

— Провода у вас на поясе,— подсказали наушники.— Провода прицеплены к поясу.

Рука сама собой потянулась к поясу и нащупала моток проводов. Он попытался их разъединить, но они выскользнули из пальцев. Пришлось сесть и пошарить вокруг, и провода обнаружились. Только они все перепутались, и непонятно было, где у них начало и где конец, и вообще — какого рожна возиться тут с проводами?

Чего ему хотелось до смерти, так это еще выпить, хоть чуть-чуть выпить. И Уоррен запел:

«Я, ккак на грех, ппоступил в Пполитех и сстал, ддуралей, инжженерром...»

— Сслушай, ддруг,— обратился он к яйцу,— ббуду рад, если тты ввыпьешь со мной за ккомпанию...

Наушники рявкнули:

— Ваш друг не сумеет выпить, пока вы не прицепите провода. Пока вы этого не сделаете, он вас не услышит. И не поймет, что вы ему толкуете, пока вы не прицепите провода. Дошло до вас, Уоррен? Прицепите провода. Он ничего не слышит без проводов...

— Эт' нникуда нне годится,— икнул Уоррен.— Эт' ббезобразие...

Он сделал все, что было в его силах, прилаживая провода, и попросил нового друга потерпеть и не дергаться — он старается как только может. Крикнул Лопоухому, чтоб поторопился с бутылкой, и спел еще одну песенку, совсем непристойную. И в конце концов прицепил провода, но человек из наушников заявил, что соединение неправильное и надо попробовать по-другому.

Он поменял провода местами, но оказалось опять неправильно, и он менял их до тех пор, пока человек из наушников не сказал:

— Вот теперь хорошо. Теперь мы что-то нащупали...

И тут его вытащили из башенки. Вытащили раньше, чем он успел выпить с новым приятелем хотя бы по маленькой.

15

Он с грехом пополам взобрался по трапу, ухитрился проложить курс вокруг стола и плюхнулся в кресло. Каким-то образом кто-то надел ему на макушку стальной колпак, и двое, а то и трое стали бить по ней молотком, а в рот ему запихнули шерстяное одеяло, и он готов был поклясться, что в следующий момент умрет от нестерпимой жажды.

С трапа послышались шаги, и он воспылал надеждой, что это Лопоухий. Уж Лопоухому-то известно, что предпринять.

Но это был Спенсер. Пришел и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно,— простонал Уоррен.

— Вы провернули фокус!

— Про что вы, про эту башню?

— Вы приладили провода,— пояснил Спенсер,— и по ним поперла всякая чертовщина. Ланг подключил записывающий аппарат, и мы по очереди слушаем запись, и уже наслушались такого, что волосы дыбом...

— Вы сказали — чертовщина?

— Именно. Всякие знания, накопленные ловушкой. Потребуются годы, чтобы рассортировать их и попытаться выстроить

в определенную систему. Многое едва намечено, кое-что фрагментарно, но есть и порядочное количество цельных кусков...

— И наши знания возвращаются к нам?

— Частично. Но в большинстве своем это инопланетные знания.

— Есть что-нибудь по части двигателей?

Спенсер задержался с ответом.

— Нет. По части наших двигателей — нет. Хотя...

— Ну?

— Мы получили информацию по движку со свалки. Поллард уже за работой. Мак со своей командой помогают ему вести сборку.

— И этот движок будет работать?

— Лучше, чем наш собственный. Правда, придется видоизменить конструкцию дюз и внести еще кое-какие усовершенствования.

— И вы теперь...

Спенсер понял с полуслова и ответил кивком:

— Мы демонтируем наши прежние двигатели.

Уоррен не мог совладать с собой. Он не смог бы совладать с собой даже за миллион долларов. Он положил руки на стол, зарылся в них лицом и зашелся неудержимым хриплым смехом. Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и вытер мокрые от смеха глаза.

— Я, право, не понимаю...— начал Спенсер обиженно.

— Новая свалка! — воскликнул Уоррен.— Бог ты мой, новая свалка!..

— Не над чем смеяться, Уоррен. Это же потрясающе — масса знаний, о каких никто никогда и не мечтал. Знаний, накопленных за многие годы, может статься, за тысячи лет. За все годы с тех пор, как та, другая, раса в последний раз опорожнила свои ловушки и отбыла восвояси.

— Послушайте,— сказал Уоррен,— а не лучше ли было подождать, пока мы не напоремся на знания о наших собственных движках? Они же наверняка выплывут, и скоро. Их забрали, захватили — называйте, как вам угодно,— позже, чем всю прочую чертовщину, какую вы записываете. Всего-то немного подождать, и мы восстановим утраченные знания. И не придется надрываться, демонтируя прежние движки и заменяя их новыми.

Спенсер тяжко покачал головой:

— Ланг уже все прикинул. В поступлении информации из ловушки нет никакого видимого порядка, никакой последовательности. Есть вероятность, что ждать нужных знаний придется долго, очень долго. И нельзя даже примерно предсказать, сколько времени пройдет, пока информация не иссякнет. Ланг полагает, что ее там хватит на много лет. Но есть еще одна сторона медали. Надо бы улетать отсюда, и как можно скорее.

— Какая муха вас укусила, Спенсер?

— Не знаю.

— Вы чего-то боитесь. Что-то пугает вас до полусмерти.

Спенсер наклонился к капитану и, ухватившись за край столешницы обеими руками, почти повис на ней.

— Уоррен, в этой ловушке не только знания. Мы следим за записью, так что установили без ошибки. Там еще и...

— Попробую догадаться сам,— перебил Уоррен.— У ловушки есть индивидуальность.

Спенсер не ответил, но выражение его лица было красноречивым.

— Прекратите прослушивание,— резко приказал Уоррен.— Выключите все свои приборы. Мы улетаем отсюда.

— Но это же немыслимо! Как вы не понимаете? Немыслимо! Существуют определенные принципы. Прежде всего мы...

— Не продолжайте, сам знаю. Вы люди науки. Но еще и круглые идиоты.

— Из башни поступают такие сведения, что...

— Выключите связь!

— Нет,— ответил Спенсер упрямо.— Не могу. И не хочу.

— Предупреждаю,— мрачно произнес Уоррен,— как только кто-либо из вас начнет обращаться в инопланетянина, я убью его без колебаний.

— Хватит дурить!..

Спенсер резко повернулся и вышел из каюты. Оставалось слушать, стремительно трезвея, как его ботинки пересчитывают ступеньки трапа.

Вот теперь Уоррену было окончательно все ясно. Ясно, отчего предыдущий корабль стартовал отсюда в спешке. Ясно, почему экипаж бросил свои припасы, почему инструменты валялись там, где их обронили при бегстве.

Через несколько минут снизу притащился Лопоухий и принес огромный кофейник и пару чашек. Пристроил чашки на столе, наполнил их и с грохотом поставил кофейник рядом.

— Айра,— возвестил Лопоухий,— это был черный день, когда ты бросил пить.

— Почему?

— Потому что на свете нет никого, нет и не будет, кто мог бы надираться так лихо, как ты.

Они молча прихлебывали горячий черный кофе. Потом Лопоухий изрек:

— Мне все это по-прежнему не по нутру.

— Мне тоже,— согласился с коком Уоррен.

— Это ведь всего половина рейса...

— Рейс окончен,— заявил Уоррен без обиняков.— Как только мы поднимемся отсюда, полетим прямиком на Землю.— Они выпили еще кофе, и капитан спросил: — Сколько народу на нашей стороне, Лопоухий?

— Мы с тобой да Мак с четырьмя своими механиками. Всего семь.

— Восемь,— поправил Уоррен.— Не забудь про дока. Старый док не участвовал ни в каком прослушивании.

— Дока считать не стоит. Ни на чьей стороне.

— Если дойдет до крайности, док тоже в состоянии держать оружие.

Когда Лопоухий удалился, Уоррен какое-то время сидел, размышляя о предстоящем долгом пути домой. Слышно было, как команда Мака гремит, снимая старые движки. Наконец Уоррен встал, привесил к поясу пистолет и вышел из каюты проверить, как складываются дела.

ДЕТСКИЙ САД

Он отправился на прогулку ранним утром, когда солнце стояло низко над горизонтом; прошел мимо полуразвалившегося старого коровника, пересек ручей и по колено в траве и полевых цветах стал подниматься по склону, на котором раскинулось пастбище. Мир был еще влажен от росы, а в воздухе держалась ночная прохлада.

Он отправился на прогулку ранним утром, так как знал, что утренних прогулок у него осталось, наверно, совсем немного. В любой день боль может прекратить их навсегда, и он был готов к этому... уже давно готов.

Он не спешил. Каждую прогулку он совершал так, будто она была последней, и ему не хотелось пропустить ничего... ни задранных кверху мордашек — цветов шиповника со слезинками-росинками, стекающими по их щекам, ни переклички птиц в зарослях на меже.

Он нашел машину рядом с тропинкой, которая проходила сквозь заросли на краю оврага. С первого же взгляда он почувствовал раздражение: вид у нее был не просто странный, но даже какой-то необыкновенный, а он сейчас мог и умом и сердцем воспринимать лишь обычное. Машина — это сама банальность, нечто привычное, главная примета современного мира и жизни, от которой он бежал. Просто машина была неуместна на этой заброшенной ферме, где он хотел встретить последний день своей жизни.

Он стоял на тропинке и смотрел на странную машину, чувствуя, как уходит настроение, навеянное цветами, росой и утренним щебетанием птиц, и как он остается наедине с этой

© Перевод Д. Жукова.

штукой, которую всякий принял бы за беглянку из магазина бытовых приборов. Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все когда бы то ни было виденное или слышанное... и уж, конечно, меньше всего — на бродячую стиральную машину или заметающий следы преступлений сушильный шкаф.

Во-первых, она сияла... это был не блеск металлической поверхности, не глянец глазурованного фарфора... сияла каждая частица вещества, из которого она была сделана. Он смотрел прямо на нее, и у него было ощущение, будто он видит ее насквозь, хотя он и не совсем ясно различал, что у нее там, внутри. Машина была прямоугольная, примерно фута четыре в длину, три — в ширину и два — в высоту; на ней не было ни одной кнопки, переключателя или шкалы, и это само по себе говорило о том, что ею нельзя управлять.

Он подошел к машине, наклонился, провел рукой по верху, хотя вовсе не думал подходить и дотрагиваться до нее, и лишь тогда сообразил, что ему, по-видимому, следует оставить машину в покое. Впрочем, ничего не случилось... по крайней мере сразу. Металл или то, из чего она была сделана, на ощупь казался гладким, но под этой гладкостью чувствовалась страшная твердость и пугающая сила.

Он отдернул руку, выпрямился и сделал шаг назад.

Машина тотчас щелкнула, и он совершенно определенно почувствовал, что она щелкнула не для того, чтобы произвести какое-нибудь действие или включиться, а для того, чтобы привлечь его внимание, дать ему знать, что она работает, что у нее есть свои функции и она готова их выполнять. И он чувствовал, что, какую бы цель она ни преследовала, сделает она все очень искусно и без всякого шума.

Затем она снесла яйцо.

Почему он подумал, что она поступит именно так, он не мог объяснить и потом, когда пытался осмыслить это.

Во всяком случае, она снесла яйцо, и яйцо это было куском нефрита, зеленого, насквозь пронизанного молочной белизной, искусно выточенного в виде какого-то гротескного символа.

Взволнованный, на мгновение забыв, как материализовался нефрит, он стоял на тропинке и смотрел на зеленое яйцо, увлеченный его красотой и великолепным мастерством отделки. Он

сказал себе, что это самое прекрасное произведение искусства, которое он когда-либо видел, и он точно знал, каким оно будет на ощупь. Он заранее знал, что станет восхищаться отделкой, когда начнет внимательно рассматривать нефрит.

Он наклонился, поднял яйцо и, любовно держа его в ладонях, сравнивал с теми вещицами из нефрита, которыми занимался в музее долгие годы. Но теперь, когда он держал в руках нефрит, музей тонул где-то далеко в дымке времени, хотя с тех пор, как он покинул его стены, прошло всего три месяца.

— Спасибо,— сказал он машине и через мгновение подумал, что делает глупость, разговаривая с машиной так, будто она была человеком.

Машина не двигалась с места. Она не щелкнула, не пошевелилась.

В конце концов он отвернулся от нее и пошел вниз по склону, мимо коровника, к дому.

В кухне он положил нефрит на середину стола, чтобы не терять его из виду во время работы. Он разжег огонь в печке и стал подбрасывать небольшие чурки, чтобы пламя разгоралось быстрее. Поставив чайник на плиту и достав из буфета посуду, он накрыл на стол, поджарил бекон и разбил о край сковородки последние яйца.

Он ел, не отрывая глаз от нефрита, который лежал перед ним, и все не переставал восхищаться отделкой, стараясь отгадать его символику. Он подумал и о том, сколько должен стоить такой нефрит. Дорого... хотя это интересовало его меньше всего.

Форма нефрита озадачила его — такой он никогда не видел и не встречал ничего подобного в литературе. Он не мог представить себе, что бы она значила. И все же в камне была какая-то красота и мощь, какая-то специфичность, которая говорила, что это не просто случайная вещица, а продукт высокоразвитой культуры.

Он не слышал шагов молодой женщины, которая поднялась по лестнице и прошла через веранду, и обернулся только тогда, когда она постучала. Она стояла в дверях, и при виде ее он сразу поймал себя на том, что думает о ней с таким же восхищением, как и о нефрите.

Нефрит был прохладным и зеленым, а ее лицо — резко очерченным и белым, но синие глаза имели тот же мягкий оттенок, что и этот чудесный кусок нефрита.

— Здравствуйте, мистер Шайе,— сказала она.

— Доброе утро,— откликнулся он.

Это была Мэри Маллет, сестра Джонни.

— Джонни пошел ловить рыбу,— сказала Мэри.— Они отправились с младшим сынишкой Смита. Молоко и яйца пришлось нести мне.

— Я рад, что пришли вы,— сказал Питер,— хотя не стоило беспокоиться. Я бы сам зашел за ними чуть попозже. Мне это пошло бы на пользу.

И тотчас пожалел о своих словах, потому что последнее время он думал об этом слишком много... мол, то-то и то-то надо делать, а того-то не надо. Что толку говорить о какой-то пользе, когда уже ничто не может помочь ему! Доктора дали понять это совершенно недвусмысленно.

Он взял яйца и молоко, попросил ее войти, а сам отнес молоко в погреб, потому что в доме не было электричества для холодильника.

— Вы уже позавтракали? — спросил он.

Мэри кивнула.

— Вот и хорошо,— добавил он сухо.— Готовлю я довольно скверно. Видите ли, я живу вроде как в палатке на лоне природы.

И опять пожалел о своих словах.

«Шайе,— сказал он себе,— перестань быть таким сентиментальным».

— Какая хорошенькая вещичка! — воскликнула Мэри.— Где вы ее взяли?

— Нефрит? Это странный случай. Я нашел его.

Она протянула руку, чтобы взять нефрит:

— Можно?

— Конечно,— сказал Питер.

Она взяла нефрит, а он наблюдал за выражением ее лица. Как и он тогда, она осторожно держала камень обеими руками.

— Вы это нашли?

— Ну, не то чтобы нашел, Мэри. Мне его дали.

— Друг?

— Не знаю.

— Забавно.

— Не совсем. Я хотел бы показать вам этого... ну, чудака, который дал камень. Вы можете уделить мне минутку?

— Конечно могу,— сказала Мэри,— хотя мне надо спешить. Мама консервирует персики.

Они вместе прошли мимо коровника, пересекли ручей и оказались на пастбище. Шагая вверх по склону, он подумал, там ли еще машина... и вообще была ли она там.

Она была там.

— Какая диковина! — сказала Мэри.

— Именно диковина,— согласился Питер.

— Что это, мистер Шайе?

— Не знаю.

— Вы сказали, что вам дали нефрит. Уж не хотите ли вы...

— Но так оно и было,— сказал Питер.

Они подошли к машине поближе и стояли, наблюдая за ней. Питер снова отметил, что она сияет, и вновь у него появилось ощущение, будто он может что-то разглядеть внутри... только очень смутно.

Мэри наклонилась и провела пальцем по машине.

— Ощущение приятное,— сказала она.— Похоже на фарфор или...

Машина щелкнула, и на траву лег флакон.

— Мне?

Питер поднял крохотную бутылочку и подал ее Мэри. Это была вершина стеклодувного мастерства: флакон сиял на свету всеми цветами радуги.

— Наверно, это духи,— сказал Питер.

Мэри вынула пробку.

— Прелестно,— радостно прошептала она и дала понюхать Питеру. Это действительно было прелестно. Она заткнула флакон пробкой.

— Но, мистер Шайе...

— Не знаю,— сказал Питер.— Я просто ничего не знаю.

— Ну хоть догадываетесь?

Он покачал головой.

— Вы нашли ее здесь?

— Я вышел прогуляться...

— И она ждала вас.

— Я не...— пытался возразить Питер, но потом ему вдруг пришло в голову, что это именно так: не он нашел машину, а она ждала его.

— Она ждала, да?

— Вот теперь, когда вы сказали, мне кажется, что она ждала меня.

Может быть, она ждала не именно его, а любого человека, который пройдет по тропинке. Она ждала и хотела, чтобы ее нашли, ждала случая, чтобы сделать свое дело.

Кто-то оставил ее здесь. Теперь это ясно как день.

Он стоял на лугу с Мэри Маллет, дочерью фермера (а кругом были знакомые травы, кусты и деревья, становилось все жарче, и пронзительно стрекотали кузнечики, а где-то далеко позвякивал коровий колокольчик), и чувствовал, как мозг его леденит мысль, холодная и страшная мысль, за которой была чернота космоса и тусклая бесконечность времени. И он чувствовал, как чья-то чужая враждебная рука протянулась к теплу человечества и Земли.

— Вернемся,— сказал он.

Они вернулись через луг к дому и немного постояли у ворот.

— Может быть, нам что-то надо сделать? — спросила Мэри.— Сказать кому-нибудь?

Он покачал головой:

— Сначала я хочу все обдумать.

— И что-нибудь сделать?

— Наверно, тут никто ничего поделать не сможет, да и надо ли?

Она пошла по дороге, а он смотрел ей вслед, потом повернулся и зашагал к дому.

Он достал косилку и стал выкашивать траву. После этого он занялся цветочной клумбой. Цинии росли хорошо, но с астрами что-то случилось: они завяли. Что бы он ни делал, клумба все больше зарастает травой, которая душит культурные растения.

«После обеда,— подумал он,— я, наверно, отправлюсь ловить рыбу. Может быть, рыбная ловля пойдет мне на...»

Он поймал себя на этой мысли и не закончил ее.

Он сидел на корточках у цветочной клумбы, ковыряя землю кончиком садового совка, и думал о машине, оставшейся на лугу.

«Я хочу сначала все обдумать»,— сказал он Мэри. Но о чем тут можно думать?

Кто-то что-то оставил на его лугу... машину, которая щелкала, а когда ее поглаживали, делала подарки, словно яйца несла.

Что это значило?

Почему она там оказалась?

Почему она щелкала и раздавала подарки, когда ее гладили?

Может, она отвечала на ласку? Как собака, которая виляет хвостом?

Может быть, она благодарит? За то, что ее заметил человек?

Что это? Приглашение к переговорам?

Дружеский жест?

Ловушка?

И как она узнала, что он продал бы душу и за вдвое меньший кусочек нефрита?

Откуда ей было знать, что девушки любят хорошие духи?

Он услышал позади быстрые шаги и резко обернулся. По траве к нему бежала Мэри.

Она опустилась рядом с ним на колени и схватила его за руку.

— Джонни тоже наткнулся на нее,— тяжело дыша, сказала она.— Я бежала всю дорогу. Они были вместе с сынишкой Смита. Они шли через луг с рыбной ловли...

— Может быть, нам надо сообщить о ней,— сказал Питер.

— Она им тоже сделала подарки. Джонни получил удилище с катушкой, а Оги Смит — бейсбольную биту и перчатку.

— Господи!

— И теперь они хвастаются перед всеми.

— Теперь это уже все равно,— сказал Питер.— По крайней мере, мне так кажется.

— Но что это такое? Вы говорите, что не знаете. Но вы же думали. Питер, вы же что-нибудь придумали.

— Мне кажется, что это неземная штука,— сказал ей Питер.— У нее странный вид. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Земные машины не дарят вещи, когда на них кладут руки. В наши машины сначала надо опустить монету. Она... она не с Земли.

— Вы хотите сказать, что она с Марса?

— И не с Марса,— сказал Питер.— И не из нашей Солнечной системы. Нет никаких оснований предполагать, что в Солнечной системе живут другие разумные существа, а уж о такой разумной машине и говорить не приходится.

— Что значит... не из нашей Солнечной системы?..

— С какой-нибудь другой звезды.

— Звезды так далеко! — возразила она.

Так далеко, подумал Питер. Так далеко для людей. До них можно добраться только в мечтах. Они так далеки, так равнодушны и холодны. А машина...

— Похожа на игорную машину,— сказал он вслух,— только выдает выигрыш всегда, даже если в нее не опускают монеты. Это же безумие, Мэри. Вот почему она не с Земли. Ни одна земная машина, созданная земным изобретателем, этого делать не будет.

— Теперь все соседи пойдут туда,— сказала Мэри.

— Конечно. Они пойдут за подарками.

— Но ведь она не очень большая. В ней не поместились бы подарки для всей округи. Даже для тех подарков, что она уже раздала, едва хватит места.

— Мэри, а Джонни хотел, чтобы у него был спиннинг?

— Он только об этом и говорил.

— А вы любите духи?

— У меня никогда не было хороших духов. Одни дешевые.— Она нервно хохотнула.— А вы? Вы любите нефрит?

— Я, как говорится, немного разбираюсь в нефрите. И питаю страсть к нему.

— Значит, эта машина...

— Дает каждому то, что он хочет,— закончил фразу Питер.

— Это страшно,— сказала Мэри.

Не верилось, что можно испугаться в такой день... сияющий летний день, когда на западе небо окаймляют белые облака и само небо, как голубой шелк... день, когда не может быть дурного настроения... день такой же обычный для Земли, как кукурузное поле.

Когда Мэри ушла, Питер вернулся в дом и приготовил обед. Он ел его, сидя у окна, и наблюдал за соседями. По двое, по трое они шли через луг со всех сторон, они шли к его лугу от своих ферм, бросив сенокосилки и культиваторы, бросив работу в середине дня только ради того, чтобы взглянуть на машину. Они стояли вокруг и разговаривали, топча ногами кусты, в которых он нашел машину, и время от времени до него доносились их высокие, пронзительные голоса; но он не мог разобрать, что они говорят, так как расстояние смазывало и искажало слова.

Со звезд, подумал он. С какой-то звезды. И если даже это фантазия, я имею право на нее. Первый контакт. И как все продумано! Если бы чужое существо само прибыло на Землю, женщины с визгом разбежались бы по домам, а мужчины схватились за ружья, и все пошло бы прахом.

Но машина... это другое дело. Ничего, что она не похожа на людей. Ничего, что она ведет себя немного странно. В конце концов, это только машина. Это уже как-то можно понять. И в том, что она делает подарки, нет ничего плохого.

После обеда Питер вышел и присел на ступеньку. Подошли соседи и стали показывать, что им подарила машина. Они расселись вокруг и разговаривали, все были возбуждены и озадачены, но никто не был напуган.

Среди подарков были ручные часы, торшеры, пишущие машинки, соковыжималки, сервизы, серебряные шкатулки, рулоны драпировочной материи, ботинки, охотничьи ружья, наборы инструментов для резьбы по дереву, галстуки и многое другое. У одного подростка была дюжина капканов для ловли сусликов, а у другого — велосипед.

«Современный ящик Пандоры,— подумал Питер,— сделанный умными чужаками и доставленный на Землю».

Слух, по-видимому, уже распространился, и теперь люди приезжали даже в машинах. Одни оставляли машины на дороге и шли по лугу пешком, другие заезжали во двор коровника и оставляли там автомобили, даже не спрашивая разрешения.

Немного спустя они возвращались с добычей и уезжали. На лугу была толчея. Питеру это зрелище напоминало окружную ярмарку или сельский праздник.

К вечеру все разошлись. Ушли даже те соседи, которые заглянули к нему, чтобы перекинуться несколькими словами и показать подарки. Питер отправился на луг.

Машина была все еще там и уже начала что-то строить. Она выложила из камня, похожего на мрамор, платформу — нечто вроде фундамента для здания. Фундамент имел метра четыре в

длину и метра три в ширину, опоры его, сделанные из того же камня, уходили в землю.

Питер присел на пень. Отсюда открывался мирный деревенский вид. Он казался еще более красивым и безмятежным, чем прежде, и Питер всем своим существом ощущал прелесть этого вечера.

Солнце село всего полчаса назад. Небо на западе было нежно-лимонного цвета, постепенно переходившего в зеленый, кое-где виднелись бродячие розовые облачка, а на землю уже опустились синие сумерки. Из кустов и живых изгородей неслись мелодичные птичьи трели, а над головой шелестели крыльями стремительные ласточки.

Это земля, подумал Питер, мирная земля людей, пейзаж, созданный руками земледельцев. Это земля цветущей сливы, горделивых красных коровников, полосок кукурузы, ровных, как ружейные стволы.

Без всякого вмешательства извне Земля миллионы лет создавала все это... плодородную почву и жизнь. Этот уголок Галактики жил своими маленькими заботами.

А теперь?

Теперь наконец кто-то решил вмешаться.

Теперь наконец кто-то (или что-то) прибыл в этот уголок Галактики, и отныне Земля перестала быть одинокой.

Самому Питеру было уже все равно. Он скоро умрет, и нет ничего на свете, что могло бы иметь для него какое-либо значение. Ему оставались только ясность утра и вечерний покой, каждый день был у него на счету, и ему хотелось получить лишь немного радости, которая выпадает на долю живых.

Но другим не все равно... Мэри Маллет и ее брату Джонни, сыночку Смита, который получил бейсбольную биту и перчатку, всем людям, приходившим на его луг, и тем миллионам людей, которые не бывали тут и еще ничего не слышали.

Здесь, на одинокой ферме, затерявшейся в кукурузных полях, без всяких театральных эффектов разыгрывается величайшая драма Земли. Именно здесь.

— Что вы собираетесь сделать с нами? — спросил он у машины.

И не получил ответа.

Питер и не ждал его. Он сидел и смотрел, как сгущаются тени, как зажигаются огни в домах, разбросанных по земле. Где-

то далеко залаяла собака, откликнулись другие, за холмами в вечерней тишине звякали коровьи колокольчики.

Наконец, когда уже совсем стемнело, он медленно пошел к дому.

В кухне он нащупал лампу и зажег ее. На кухонных часах было почти девять... время передачи последних известий.

Он пошел в спальню и включил радио. Он слушал последние известия в темноте.

Новости были хорошие. В этот день никто в штате не умер от полиомиелита и заболел только один человек.

«Разумеется, успокаиваться еще рано,— говорил диктор,— но это, несомненно, перелом в ходе эпидемии. За прошедшие сутки не зарегистрировано ни одного нового случая. Директор департамента здравоохранения штата заявил...»

Он стал читать заявление директора департамента здравоохранения, который отделался общими фразами, так как сам не знал, что происходит.

«Впервые почти за три недели,— сказал диктор,— день прошел без смертных случаев. Но несмотря на это,— продолжал он,— все еще требуются медицинские сестры». Он добавил, что медицинских сестер настоятельно просят звонить по такому-то телефону.

Диктор перешел к решению большого жюри, не сказав ничего нового. Потом прочел прогноз погоды. Сообщил, что слушание дела об убийстве Эммета отложено еще на месяц.

Потом он произнес: «К нам только что поступило сообщение. Посмотрим, что...»

Слышно было, как зашуршала в руках бумага, как перехватило у него дыхание.

«В нем говорится,— сказал он,— что шерифа Джо Бернса только что известили о летающем блюдце, приземлившемся на ферме Питера Шайе около Маллет Корнере. По-видимому, толком о нем никто ничего не знает. Известно только, что его нашли сегодня утром, но никто и не подумал известить шерифа. Повторяю — это все, что известно. Больше мы ничего не знаем. Не знаем, правда это или нет. Шериф поехал туда. Как только от него поступят известия, мы вам сообщим. Следите за нами...»

Питер встал и выключил радио. Потом он пошел на кухню за лампой. Поставил лампу на стол и снова сел, решив подождать шерифа Бернса.

Долго ждать ему не пришлось.

— Люди говорят,— сказал шериф,— что на вашей ферме приземлилось летающее блюдце.

— Я не знаю, шериф, летающее ли это блюдце.

— А что же это тогда?

— Почем я знаю,— ответил Питер.

— *Люди говорят, оно раздает всякие вещи.*

— Верно, раздает.

— Ну, если эта хреновина — рекламный трюк,— проговорил шериф,— намну же я кому-нибудь бока.

— Я уверен, что это не рекламный трюк.

— Почему вы не известили меня сразу? Утаить задумали?

— Мне как-то не пришло в голову, что нужно сообщить вам,— сказал ему Питер.— Я ничего не собирался утаивать.

— Вы недавно в наших местах, что ли? — спросил шериф.— Вроде бы я вас раньше не видел. Я думал, что знаю всех.

— Я здесь три месяца.

— Люди говорят, что хозяйством вы не занимаетесь. Говорят, у вас нет семьи. Живете тут совсем один, ничего не делаете.

— Правильно,— ответил Питер.

Шериф ждал объяснений, но Питер молчал. Шериф подозрительно рассматривал его при тусклом свете лампы.

— Может, покажете нам это летающее блюдце?

Питер, которому шериф уже порядком надоел, сказал:

— Я скажу вам, как найти его. Перейдете за коровником через ручей...

— Почему бы вам не пойти с нами, Шайе?

— Слушайте, шериф, я же объясняю вам дорогу. Будете слушать?

— Ну конечно,— ответил шериф.— Конечно. Но почему бы вам...

— Я был там два раза,— сказал Питер.— И люди сегодня ко мне все идут и идут.

— Ну ладно, ладно,— сказал шериф.— Говорите, куда идти.

Питер объяснил, и шериф с двумя помощниками ушел.

Зазвонил телефон.

Питер поднял трубку. Звонили с той самой радиостанции, сообщения которой он слушал.

— *Скажите,— спросил радиорепортер,— это у вас там блюдце?*

— Почему у меня? — сказал Питер.— Впрочем, что-то такое есть. Шериф пошел посмотреть на него.

— Мы хотим послать нашу телепередвижку, но прежде нам надо убедиться, что это не липа. Не возражаете, если мы пришлем?

— Не возражаю. Присылайте.

— А вы уверены, что эта штука еще там?

— Там, там!

— Хорошо, может, тогда вы мне скажете...

Питер повесил трубку только через пятнадцать минут.

Телефон зазвонил снова.

Это был звонок из «Ассошиэйтед Пресс». Человек на другом конце провода был осторожен и скептичен.

— Говорят, у вас объявилось какое-то блюдце?

Питер повесил трубку через десять минут.

Телефон зазвонил почти сразу.

— Маклеланд из «Трибюн»,— сказал усталый голос.— Я слышал какие-то враки...

Пять минут. Снова звонок. Из «Юнайтед Пресс».

— Говорят, у вас приземлилось блюдце. А человечков маленьких в нем нет?

Пятнадцать минут.

Звонок. Это был раздраженный горожанин.

— Я только что слышал по радио, будто у вас опустилось летающее блюдце. Кому вы голову морочите? Вы отлично знаете, что никаких летающих блюдец нет...

— Одну минуту, сэр,— сказал Питер и выпустил трубку. Она повисла на проводе, а Питер пошел на кухню, нашел там ножницы и вернулся. Он слышал, как разгневанный горожанин все еще пилил его,— голос, доносившийся из раскачивающейся трубки, был какой-то неживой.

Питер вышел из дома, отыскал провод и перерезал его. Когда он вернулся, трубка молчала. Он осторожно положил ее на место.

Потом он запер двери и лег спать. Вернее, лег в постель, но никак не мог заснуть. Он лежал под одеялом, уставившись в темноту и пытаясь привести в порядок рой мыслей, теснившихся в голове.

Утром он отправился гулять и увидел машину. Он положил на нее руку, и она дала ему подарок. Потом дарила еще и еще.

— Прилетела машина, раздающая подарки,— сказал он в темноту.

Умный, продуманный, тщательно разработанный первый контакт.

Контакт с людьми при помощи знакомого им, понятного, нестрашного. Контакт при помощи чего-то такого, над чем люди могут чувствовать свое превосходство. Дружелюбный жест... а что может быть бо́льшим признаком дружелюбия, чем вручение подарков?

Что это? Кто это?

Миссионер?

Торговец?

Дипломат?

Или просто машина и ничего больше?

Шпион? Искатель приключений? Исследователь? Разведчик? Врач? Судья? Индейский вождь?

И почему эта штука приземлилась здесь, на этом заброшенном клочке земли, на лугу его фермы?

И с какой целью? А с какой целью чаще всего прибывают на Землю все эти странные вымышленные существа в фантастических романах?

Покорять Землю, разумеется. Если не силой, то постепенным проникновением или дружеским убеждением и принуждением. Покорять не только Землю, но и все человечество.

Радиорепортер был возбужден, журналист из «Ассошиэйтед Пресс» возмущен тем, что его приняли за дурачка, представителю «Трибюн» было скучно, а тот, что из «Юнайтед Пресс», просто болтун. Но горожанин рассердился. Его уже не раз угощали историями о летающих тарелках, и это было слишком.

Горожанин разозлился, потому что, замкнувшись в своем маленьком мирке, он не хотел никаких беспокойств, он не желал вмешательства. У него и своих неприятностей хватает, недоставало еще приземления какого-то блюдца. У него свои заботы: заработать на жизнь, поладить с соседями, подумать о завтрашнем дне, уберечься от эпидемии полиомиелита.

Впрочем, диктор сказал, что положение с полиомиелитом, кажется, улучшается: нет ни новых заболеваний, ни смертных случаев. И это замечательно, потому что полиомиелит — это боль, смерть, страх.

«Боль,— подумал он.— Сегодня не было боли. Впервые за много дней мне не было больно».

Он вытянулся и застыл под одеялом, прислушиваясь, нет ли боли. Он знал, где она пряталась, знал то место в своем теле, где она укрывалась. Он лежал и ждал ее, полный страха, что теперь, когда он подумал о ней, она даст о себе знать. Но боли не было. Он лежал и ждал, опасаясь, что одна лишь мысль о ней подействует как заклинание и выманит ее из укромного местечка. Боль не приходила. Он просил ее прийти, умолял показаться, всеми силами души старался выманить ее. Боль не поддавалась.

Питер расслабил мышцы, зная, что пока он в безопасности. Пока... потому что боль все еще пряталась там. Она выжидала, искала удобного случая — она придет, когда пробьет ее час.

С беззаботной отрешенностью, стараясь забыть будущее и его страхи, он наслаждался жизнью без боли. Он прислушался к тому, что происходило в доме: из-за слегка просевших балок доски в полу скрипели, летний ветерок бился в стену, ветки вяза скреблись о крышу кухни.

Другой звук. Стук в дверь.

— Шайе! Шайе! Где вы?

— Иду,— отозвался он.

Он нашел шлепанцы и пошел к двери. Это был шериф со своими людьми.

— Зажгите лампу,— попросил шериф.

— Спички есть? — спросил Питер.

— Да, вот.

Ощупью Питер нашел в темноте руку шерифа и взял у него коробок спичек. Он отыскал стол, провел по нему рукой и нашел лампу. Он зажег ее и посмотрел на шерифа.

— Шайе,— сказал шериф,— эта штуковина строит что-то.

— Я знаю.

— Что за чертовщина?

— Никакой чертовщины.

— Она дала мне это,— сказал шериф, положив что-то на стол.

— Пистолет,— сказал Питер.

— Вы когда-нибудь видели такой?

Да, это был пистолет примерно сорок пятого калибра. Но у него не было спускового крючка, дуло ярко блестело, весь он был сделан из какого-то белого полупрозрачного материала.

Питер поднял его — весил он не больше полуфунта.

— Нет,— сказал Питер.— Ничего подобного я никогда не видел.— Он осторожно положил его на стол.— Стреляет?

— Да,— ответил шериф.— Я испробовал его на вашем коровнике.

— Коровника больше нет,— сказал один из помощников.

— Ни звука, ни вспышки, ничего,— добавил шериф.

— Коровник исчез, и все,— повторил помощник, еще не оправившийся от удивления.

Во двор въехала машина.

— Пойди посмотри, кто там,— приказал шериф.

Один из помощников вышел.

— Не понимаю,— пожаловался шериф.— Говорят, летающее блюдце, а я думаю, никакое это не блюдце. Просто ящик.

— Это машина,— сказал Питер.

На крыльце послышались шаги, и в комнату вошли люди.

— Газетчики,— сказал помощник, который выходил посмотреть.

— Никаких заявлений не будет, ребята,— сказал шериф.

Один из репортеров обратился к Питеру:

— Вы Шайе?

Питер кивнул.

— Я Хоскинс из «Трибюн». Это Джонсон из «Ассошиэйтед Пресс». Тот малый с глупым видом — фотограф Лэнгли. Не обращайте на него внимания.— Он похлопал Питера по спине.— Ну и как оно тут, в самой гуще событий века? Здорово, а?

— Не шевелись,— сказал Лэнгли. Сработала лампа-вспышка.

— Мне нужно позвонить,— сказал Джонсон.— Где телефон?

— Там,— ответил Питер.— Он не работает.

— Как это? В такое время — и не работает?

— Я перерезал провод!

— Перерезали провод? Вы с ума сошли, Шайе?

— Слишком часто звонили.

— Ну и ну,— сказал Хоскинс.— Ведь надо же!

— Я его починю,— предложил Лэнгли.— Есть у кого-нибудь плоскогубцы?

— Постойте, ребята,— сказал шериф.

— Поживей надевайте штаны,— сказал Питеру Хоскинс.— Мы хотим сфотографировать вас у блюдца. Поставьте ногу на него, как охотник на убитого слона.

— Ну послушайте же,— сказал шериф.

— Что такое, шериф?

— Тут дело серьезное. Поймите меня правильно. Нечего вам там, ребята, ошиваться.

— Конечно, серьезное,— ответил Хоскинс.— Потому-то мы здесь. Миллионы людей ждут не дождутся известий.

— Вот плоскогубцы,— произнес кто-то.

— Сейчас исправлю телефон,— сказал Лэнгли.

— Что мы здесь топчемся? — спросил Хоскинс.— Пошли посмотрим на нее.

— Мне нужно позвонить,— ответил Джонсон.

— Послушайте, ребята,— уговаривал растерявшийся шериф.— Погодите...

— На что похожа эта штука, шериф? Думаете, это блюдце? Большое оно? Оно что — щелкает или издает еще какой-то звук? Эй, Лэнгли, сними-ка шерифа.

— Минутку! — закричал Лэнгли со двора.— Я соединяю провод!

На веранде снова послышались шаги. В дверь просунулась голова.

— Автобус с телестудии,— сказала голова.— Это здесь? Как добраться до этой штуки?

Зазвонил телефон. Джонсон поднял трубку.

— Это вас, шериф.

Шериф протопал к телефону. Все прислушались.

— Да, это я, шериф Берне... Да, оно там, все в порядке... Конечно, знаю. Я видел его... Нет, что это такое, я не знаю... Да, понимаю... Хорошо, сэр... Слушаюсь, сэр... Я прослежу, сэр.

Он положил трубку и обернулся.

— Это военная разведка,— сказал он.— Никто туда не пойдет. Никому из дома не выходить. С этой минуты здесь запретная зона.

Он свирепо переводил взгляд с одного репортера на другого.

— Так приказано,— сказал он им.

— А, черт! — выругался Хоскинс.

— Я так торопился сюда,— заорал телерепортер,— и чтоб теперь сидеть взаперти и не...

— Теперь здесь распоряжаюсь не я,— сказал шериф.— Приказ дяди Сэма. Так что вы, ребята, не очень...

Питер пошел на кухню, раздул огонь и поставил чайник.

— Кофе там,— сказал он Лэнгли.— Пойду оденусь.

Медленно тянулась ночь. Хоскинс и Джонсон передали по телефону сведения, кратко записанные на сложенных гармошкой листках бумаги; разговаривая с Питером и шерифом, они царапали карандашом какие-то непонятные знаки. После недолгого спора шериф разрешил Лэнгли доставить снимки в редакцию. Шериф шагал по комнате из угла в угол.

Ревело радио. Не переставая звонил телефон.

Все пили кофе и курили, пол был усеян раздавленными окурками. Прибывали все новые газетчики. Предупрежденные шерифом, они оставались ждать. Кто-то принес бутылку спиртного и пустил ее по кругу. Кто-то предложил сыграть в покер, но его не поддержали.

Питер вышел за дровами. Ночь была тихая, светили звезды.

Он взглянул в сторону луга, но там ничего нельзя было рассмотреть. Он попытался разглядеть то пустое место, где прежде был коровник. Но в густой тьме увидеть коровник было трудно, даже если бы он и стоял там.

Что это? Мгла, сгущающаяся у смертного одра? Или последний мрачный час перед рассветом? Перед самой светлой, самой удивительной зарей в многотрудной жизни человечества?

Машина что-то строит там, строит ночью.

А что она строит?

Храм? Факторию? Миссию? Посольство? Форт? Никто не знает, никто не скажет этого.

Но что бы она ни строила, это был первый аванпост, построенный чужаками на планете Земля.

Он вернулся в дом с охапкой дров.

— Сюда посылают войска,— сказал ему шериф.

— Раз-два — левой,— с невозмутимым видом командовал Хоскинс; сигарета небрежно повисла на его нижней губе.

— По радио только что передали,— добавил шериф.— Объявлен призыв национальной гвардии.

Хоскинс и Джонсон выкрикивали военные команды.

— Вы, ребята, лучше не суйтесь к солдатам,— предупредил шериф.— Еще ткнут штыком...

Хоскинс издал звук, похожий на сигнал трубы. Джонсон схватил две ложки и изобразил стук копыт.

— Кавалерия! — закричал Хоскинс.— Вперед, ребята, ура!

— Ну что вы как дети,— проговорил кто-то устало.

Медленно тянулась ночь, все сидели, пили кофе, курили. Никому не хотелось говорить.

Радиостанция наконец объявила, что передачи окончены. Кто-то стал крутить ручку, пытаясь поймать другую станцию, но батареи сели. Давно уже не звонил телефон.

До рассвета оставался еще час, когда прибыли солдаты. Они не маршировали и не гарцевали, а приехали на пяти крытых брезентом грузовиках.

Капитан зашел на минуту узнать, где лежит это проклятое блюдце. Это был беспокойный тип. Он даже не выпил кофе, а тотчас вышел и громко приказал шоферам ехать.

В доме было слышно, как грузовики с ревом умчались.

Стало светать. На лугу стояло здание, вид у него был непривычный, потому что оно возводилось вопреки всем строительным нормам. Тот или, скорее, то, что строило его, делало все шиворот-навыворот, так что видна была сердцевина здания, словно его предназначали к сносу и сорвали с него всю «оболочку».

Здание занимало пол-акра и было высотой с пятиэтажный дом. Первые лучи солнца окрасили его в розовый цвет; это был тот изумительный блекло-розовый тон, от которого становится теплее на душе,— вспоминается платье соседской девчушки, которое она надела в день рождения.

Солдаты окружили здание, утреннее солнце поблескивало на штыках винтовок.

Питер приготовил завтрак: напек целую гору оладий, изжарил яичницу с беконом, на которую ушли все его запасы, сварил галлона два овсяной каши, ведро кофе.

— Мы пошлем кого-нибудь за продуктами,— сказал Хоскинс.— А то мы вас просто ограбили.

После завтрака шериф с помощниками уехал в окружной центр. Хоскинс пустил шапку по кругу и тоже поехал в город за продуктами. Остальные газетчики остались. Автобус телестудии нацелился на здание широкоугольным объективом.

Телефон снова начал трезвонить. Журналисты по очереди брали трубку.

Питер отправился на ферму Маллет достать яиц и молока.

Мэри выбежала ему навстречу, к калитке.

— Соседи боятся,— сказала она.

— Вчера они не боялись,— заметил Питер.— Они просто ходили и брали подарки.

— Но ведь все изменилось, Питер. Это уж слишком... Здание...

То-то и оно. Здание.

Никто не боялся безвредной на вид машины, потому что она была маленькая и дружелюбная. Она так приятно блестела, так мило щелкала и раздавала подарки. На первый взгляд внешне она ничем не отличалась от земных предметов, и намерения ее были понятны.

Но здание было большое и, возможно, станет еще больше, и строилось оно шиворот-навыворот. Кто и когда видел, чтобы сооружение росло с такой быстротой — пять этажей за одну-единственную ночь?

— Как они это делают, Питер? — понизив голос, спросила Мэри.

— Не знаю,— ответил Питер.— Тут действуют законы, о которых мы понятия не имеем, применяется технология, которая людям и в голову не приходила; способ созидания, в своей основе совершенно отличный от человеческого.

— Но это совсем такое же здание, какое могли бы построить и люди,— возразила она.— Не из такого камня, конечно... Наверное, в целом свете нет такого камня. Но в остальном ничего необычного в нем нет. Оно похоже на большую школу или универмаг.

— Мой нефрит оказался настоящим нефритом,— сказал Питер,— ваши духи — настоящими духами, а спиннинг, который получил Джонни,— обыкновенным спиннингом.

— Значит, они знают о нас. Они знают все, что можно узнать, Питер, они следят за нами!

— Несомненно.

Он увидел в ее глазах страх и привлек к себе. Она не отстранилась, и он крепко обнял ее, но тут же подумал, как странно, что именно у него ищут утешения и поддержки.

— Я глупая, Питер.

— Вы замечательная,— убежденно сказал он.

— Я не очень боюсь.

— Конечно нет.— Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя», но он знал, что этих слов он не скажет никогда. «Хотя боль,— подумал он,— боль сегодня утром не возвращалась».

— Я пойду за молоком и яйцами,— сказала Мэри.

— Принесите сколько можете. Мне надо накормить целую ораву.

Возвращаясь домой, он думал о том, что соседи уже боятся. Интересно, скоро ли страх охватит весь мир, скоро ли выкатят на огневые позиции пушки, скоро ли упадет атомная бомба.

Питер остановился на склоне холма над домом и впервые заметил, что коровник исчез. Он был стесан так аккуратно, будто его ножом отсекли,— остался только фундамент, срезанный наискось.

Интересно, пистолет еще у шерифа? Питер решил, что у шерифа. А что тот будет делать с ним и почему он был подарен именно ему? Ведь из всех подарков это был единственный предмет, неизвестный на Земле.

На лугу, где еще вчера, кроме деревьев, травы и старых канав, поросших терновником, орешником да куманикой, ничего не было, теперь росло здание. Питеру показалось, что за час оно стало еще больше.

Вернувшись домой, Питер увидел, что все журналисты сидят во дворе и смотрят на здание.

Один из них сказал:

— Военное начальство прибыло. Ждет вас там.

— Из разведки? — спросил Питер.

Журналист кивнул:

— Полковник и майор.

Военные ждали в столовой. Полковник — седой, но очень моложавый. Майор был при усах, которые придавали ему весьма бравый вид.

Полковник представился:

— Полковник Уитмен. Майор Рокуэл.

Питер поставил молоко и яйца и поклонился.

— Это вы нашли машину? — спросил полковник.

— Да, я.

— Расскажите нам о ней,— попросил полковник.

Питер стал рассказывать.

— А где нефрит? — сказал полковник.— Вы нам не покажете его?

Питер вышел на кухню и принес нефрит. Они передавали камень друг другу, внимательно рассматривали его, вертя в руках немного с опаской и в то же время с восхищением, хотя Питер видел, что они ничего не смыслят в нефрите.

Словно прочитав мысли Питера, полковник поднял голову и посмотрел на него.

— Вы разбираетесь в нефрите? — спросил полковник.

— Очень хорошо,— ответил Питер.

— Вам приходилось работать с ним прежде?

— В музее.

— Расскажите о себе.

Питер заколебался... но потом стал рассказывать.

— А почему вы здесь? — спросил полковник.

— Вы когда-нибудь лежали в больнице, полковник? Вы никогда не думали, каково умирать там?

Полковник кивнул:

— Я понимаю вас. Но здесь за вами нет никакого...

— Я постараюсь не заживаться...

— Да, да,— проговорил полковник.— Понимаю...

— Полковник,— сказал майор,— взгляните, пожалуйста, сюда, сэр. Тот же символ, что и на...

Полковник выхватил нефрит у него из рук.

— Тот же символ, что и над текстом письма! — воскликнул он.

Полковник поднял голову и пристально посмотрел на Питера, как будто впервые увидел его и очень удивился этому.

Вдруг в руке майора появился пистолет, холодный глазок дула был направлен прямо на Питера.

Питер бросился было в сторону. Но не успел. Майор выстрелил в него.

Миллион лет Питер падал сквозь призрачно-серую, пронзительно воющую пустоту, сознавая, что это только сон, что он падает в бесконечном атавистическом сне, доставшемся в наследство от тех невероятно далеких предков, которые обитали на деревьях и жили в вечном страхе перед падением. Ему хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться, но он не мог этого сделать, потому что у него не было рук, а потом оказалось, что у него нет и тела, которое можно было бы ущипнуть. Лишь его сознание неслось сквозь бездну, у которой не было ни конца, ни края.

Миллион лет Питер падал в пронзительно воющую пустоту; сначала вой пронизывал его и заставлял вновь и вновь корчиться в муках его душу (тела не было), не доводя пытку до той крайности, за которой следует спасительное безумие. Но со временем он привык к этому вою, и как только привык, вой прекратился, и Питер падал в бездну в полной тишине, которая была еще страшнее, чем вой.

Он падал, и падение это было вечным, а потом вдруг вечности пришел конец, и наступил покой, и не было больше падения.

Он увидел лицо. Лицо из невероятно далекого прошлого, которое он видел однажды и давно позабыл, и он рылся в памяти, стараясь вспомнить, кто это.

Лицо расплывалось, оно качалось из стороны в сторону, и остановить его Питер никак не мог. Все попытки его оказались тщетными, и он закрыл глаза, чтобы избавиться от этого лица.

— Шайе,— позвал чей-то голос.— Питер Шайе.

— Уходи,— сказал Питер.

Голос пропал. Питер снова открыл глаза, лицо было на старом месте: на этот раз оно не расплывалось и не качалось.

Это было лицо полковника.

Питер опять закрыл глаза, припоминая неподвижный глазок пистолета, который держал майор. Он отпрыгнул в сторону или хотел это сделать, но не успел. Что-то случилось, и миллион лет он падал, а теперь очнулся и на него смотрит полковник.

В него стреляли. Это очевидно. Майор выстрелил в него, и теперь он в больнице. Но куда его ранило? В руку? Обе руки целы. В ногу? Ноги тоже целы. Боли нет. Повязок нет. Гипса нет.

Полковник сказал:

— Он только что приходил в себя, доктор, и тотчас снова потерял сознание.

— Он будет молодцом,— сказал врач.— Дайте только срок. Вы вогнали в него слишком большой заряд. Он придет в себя не сразу.

— Нам надо поговорить с ним.

— Вам придется подождать.

С минуту было тихо. Потом:

— А вы абсолютно уверены, что он человек?

— Мы обследовали его очень тщательно,— сказал врач.— Если он и не человек, то такая хорошая подделка, что нам его вовек не уличить.

— Он говорил мне, что у него рак,— сказал полковник,— притворялся, что умирает от рака. А вы не считаете, что если он не человек, то на худой конец он в любой момент мог сделать вид, будто у него...

— У него нет рака. Ни малейших признаков. Не было ничего похожего на рак. И не будет.

Даже с закрытыми глазами Питер почувствовал, как у полковника от недоверия и изумления открылся рот. Питер нарочно зажмурил глаза покрепче — боялся, что это уловка... хотят, чтобы открыл глаза.

— Врач, который лечил Питера Шайе,— сказал полковник,— четыре месяца назад говорил, что ему осталось жить полгода. Он сказал ему...

— Полковник, искать объяснение бесполезно. Могу сказать вам одно: у человека, лежащего на этой постели, рака нет. Он здоровяк, каких мало.

— В таком случае это не Питер Шайе,— упрямо заявил полковник.— Что-то приняло облик Питера Шайе, или сделало копию с него, или...

— Ну и ну, полковник,— сказал врач.— Не будем фантазировать.

— Вы уверены, что он человек, доктор?

— Я убежден, что это человеческое существо, если вы это имеете в виду.

— Неужели он ничем не отличается от человека? Нет никаких отклонений от нормы?

— Никаких,— сказал врач,— а если бы и были, то это еще не подтверждение ваших догадок. Незначительные мутационные различия есть у каждого. Людей под копирку не делают.

— Каждая вещь, которую дарила машина, чем-то отличалась от такой же вещи, но сделанной на Земле. Отличия небольшие и заметны не сразу, но именно они говорят, что предметы сделаны чужаками.

— Ну и пусть были отличия. Пусть эти предметы сделаны чужаками. А я все равно утверждаю, что наш пациент — самый настоящий человек.

— Но ведь получается такая цельная картина,— спорил полковник.— Шайе уезжает из города и покупает старую заброшенную ферму. В глазах соседей он чудак из чудаков. Уже самой своей чудаковатостью он привлекает к себе нежелательное внимание, но в то же время чудаковатость — это ширма для всех его необычных поступков. И если уж кому суждено было найти странную машину, так это человеку вроде него.

— Вы стряпаете дело из ничего,— сказал врач.— Вам нужно, чтобы он чем-то отличался от нормального человека и тем подтвердил вашу нелепую догадку. Не обижайтесь, но, как врач, я расцениваю это только так. А вы мне представьте хотя бы один факт... подчеркиваю, факт, подкрепляющий вашу мысль.

— Что было в коровнике? — не сдавался полковник.— Хотел бы я знать! Не строил ли Шайе эту машину именно там? Не потому ли коровник и был уничтожен?

— Коровник уничтожил шериф,— возразил врач.— Шайе не имеет к этому ни малейшего отношения.

— А кто дал пистолет шерифу? Машина Шайе, вот кто. И сам собой напрашивается вывод — чтение мыслей на расстоянии, гипноз, назовите как угодно...

— Давайте вернемся к фактам. Вы выстрелили в него из анестезирующего пистолета, и он тут же лишился сознания. Вы арестовали его. По вашему приказу он был подвергнут тщательному осмотру — это настоящее посягательство на свободу личности. Молите Бога, чтобы он на вас не подал в суд. Он может призвать вас к ответу.

— Знаю,— неохотно согласился полковник.— Но нам надо разобраться. Нам надо выяснить, что это такое. Мы должны вернуть свою бомбу.

— Так бы и говорили — вас тревожит бомба.

— Висит она там,— дрогнувшим голосом сказал полковник.— Висит!

— Мне надо идти,— сказал врач.— Не волнуйтесь, полковник.

Шаги врача, вышедшего из комнаты, затихли в коридоре. Полковник немного походил из угла в угол и тяжело опустился на стул.

Питер лежал в постели и с каким-то неистовством повторял про себя снова и снова: «Я буду жить!»

Но ведь он должен был умереть. Он приготовился к тому дню, когда боль наконец станет невыносимой... Он выбрал место, где хотел дожить остаток дней, место, где застигнет его смертный час. И вот его помиловали. Каким-то способом ему вернули жизнь.

Он лежал на кровати, борясь с волнением и растущей тревогой, стараясь не выдать себя, не показать, что действие заряда, которым в него стреляли, уже прошло.

Врач сказал, что стреляли из анестезирующего пистолета. Что-то новое... он никогда не слыхал. Впрочем, он читал о чем-то вроде этого. О чем-то, связанном с лечением зубов, припомнил он. Это новый способ обезболивания, применяемый дантистами: они опрыскивают десны струйкой анестезирующего вещества. Что-то в этом роде, только в сотни, в тысячи раз сильнее.

В него выстрелили, привезли сюда и осмотрели — и все из-за бредовых фантазий полковника разведки.

Фантазий? Забавно. Невольно, бессознательно быть чьим-то орудием. Разумеется, это нелепость. Потому что, насколько он помнит, в делах его, словах и даже в мыслях не было и намека на то, что он каким-то образом мог способствовать появлению машины на Земле.

А может быть, рак — это не болезнь, а что-то другое? Может, это какой-то незваный гость, который пробрался в тело человека и живет в нем. Умный чужак, прибывший издалека, одолевший несчетное число световых лет!

Но он знал, что эта фантазия под стать фантазии полковника: кошмар недоверия, который живет в сознании человека, средство самозащиты, которое вырабатывается подсознательно и готовит человечество к худшему, заставляя его держаться настороже.

Нет ничего страшнее неизвестности, ничто так не настораживает, как необъяснимое.

— Нам надо разобраться,— сказал полковник.— Надо выяснить, что это такое.

И весь ужас, разумеется, в том, что узнать ничего невозможно.

Питер решил наконец шевельнуться, и полковник тотчас сказал:

— Питер Шайе.

— Что, полковник?

— Мне нужно поговорить с вами.

— Хорошо, говорите.

Он сел в постели и увидел, что находится в больничной палате. Это было стерильно чистое помещение с кафельным полом и бесцветными стенами, а кровать, на которой он лежал,— обычная больничная койка.

— Как вы себя чувствуете? — спросил полковник.

— Так себе,— признался Питер.

— Мы поступили с вами крутовато, но у нас не было другого выхода. Видите ли, письмо, игорный и кассовый автоматы и многое другое...

— Вы уже говорили о каком-то письме.

— Вы что-нибудь знаете об этом, Шайе?

— Понятия не имею.

— Президент получил письмо,— сказал полковник.— Аналогичные письма были получены почти всеми главами государств на Земле.

— Что в нем написано?

— В этом-то и вся загвоздка. Оно написано на языке, которого на Земле никто не знает. Но там есть одна строчка — одна строчка во всех письмах,— ее можно прочитать. В ней говорится: «К тому времени, когда вы расшифруете письмо, вы будете способны действовать логично». Только это и удалось понять — одну строчку на языке той страны, которая получила письмо. А остальное — какая-то тарабарщина.

— Письмо не расшифровали?

Питер увидел, что полковнику становится жарко.

— Не то что слова, ни одной буквы...

Питер протянул руку к тумбочке, взял графин и наклонил его над стаканом. Графин был пуст.

Полковник встал со стула.

— Я принесу воды.

Он взял стакан и открыл дверь в ванную.

— Спущу воду, чтобы была похолоднее,— сказал он.

Питер едва ли слышал его, потому что смотрел на дверь. На ней была задвижка, и если...

Полилась вода, шум ее заглушал голос полковника, он заговорил громче.

— Примерно тогда же мы стали находить эти машины,— сказал он.— Только представьте себе. Обыкновенная машина-автомат продает сигареты, но это не все. Что-то в нем следит за вами. Что-то изучает людей и их образ жизни. Во всех кассовых и игорных автоматах и других устройствах, которые мы сами же установили. Только теперь это не просто автоматы, а наблюдатели. Они следят за людьми все время. Наблюдают, изучают.

Питер, бесшумно ступая босыми ногами, подошел к двери, захлопнул ее и закрыл на задвижку.

— Эй! — крикнул полковник.

Где одежда? Наверно, в шкафу. Питер подскочил и дернул дверцу. Вот она, висит на вешалке.

Он сбросил больничный халат, схватил брюки и натянул их. Теперь рубашку. В ящике. А где ботинки? Стоят тут же. Шнурки завязывать некогда.

Полковник дергал дверь и колотил в нее, но еще не кричал. Он закричит, но пока он заботится о своей репутации — не хочет, чтобы все узнали, как его провели.

Питер полез в карманы. Бумажник исчез. Остальное тоже — нож, часы, ключи. Наверное, вынули и положили в сейф, когда его привезли сюда.

Сейчас не до этого. Главное — скрыться.

В коридоре он постарался сдержать шаг. Прошел мимо сестры, но та даже не взглянула в его сторону.

Питер отыскал выход на лестницу, открыл дверь. Теперь можно и поторопиться. Он перепрыгивал через три ступеньки, шнурки мотались.

Питер подумал, что безопаснее будет спуститься по лестнице. Там, где есть лифт, ею почти не пользуются. Он остановился, нагнулся и завязал шнурки.

Над каждой дверью был обозначен этаж, и поэтому Питер легко ориентировался. На первом этаже он снова пошел по коридору. Кажется, его еще не хватились, хотя полковник мог поднять тревогу с минуты на минуту.

А не задержат ли его у выхода? А вдруг спросят, куда он идет. А вдруг...

У выхода стояла корзина с цветами. Питер оглянулся. По коридору шли какие-то люди, но на него никто не смотрел. Он схватил корзину.

В дверях он сказал служительнице, сидевшей за столом:

— Ошибка вышла. Не те цветы.

Она кисло улыбнулась, но не задержала его.

Выйдя, он поставил цветы на ступеньку и быстро пошел прочь.

Час спустя он уже знал, что ему ничто не угрожает. Знал также, что находится в городе, милях в тридцати от того места, куда хотел добраться, что у него нет денег, что он голоден и что у него болят ноги от ходьбы по твердым бетонированным тротуарам.

Он увидел парк и присел на скамью. Поодаль старички играли в шахматы. Мать укачивала ребенка. Молодой человек сидел и слушал крохотный транзистор.

По радио говорили:

«...Очевидно, здание закончено. За последние восемнадцать часов оно не увеличилось. Сейчас оно насчитывает тысячу этажей и занимает площадь более ста акров. Бомба, сброшенная два дня назад, все еще плавает над ним, удерживаемая в воздухе какой-то непонятной силой. Артиллерия находится поблизости, ожидая приказа открыть огонь, но приказа не поступает. Многие считают, что если бомба не достигла цели, то со снарядами будет то же самое, если они вообще покинут жерла орудий.

Представитель военного министерства заявил, что большие орудия на огневой позиции — это, в сущности, лишь мера предосторожности, что, может быть, и верно; но тогда совершенно непонятно, зачем было сбрасывать бомбу. Не только в конгрессе, но и во всем мире растет негодование по поводу попытки разбомбить здание. Ведь со стороны здания до сих пор не было никаких враждебных действий. Как сообщают, пока

нанесен ущерб только Питеру Шайе, человеку, который нашел машину: его ферма поглощена зданием.

Все следы Шайе потеряны три дня назад, когда с ним случился какой-то припадок и его увезли из дома. Наверно, он находится в военной тюрьме. Высказывают самые различные догадки насчет того, что мог знать Шайе. Весьма вероятно, он единственный человек на Земле, который может пролить свет на то, что случилось на его ферме.

Тем временем к зданию стянуты войска и все жители в зоне восемнадцати миль эвакуированы. Известно, что две группы ученых препровождены через линии заграждения. Хотя никакого официального сообщения не последовало, есть основания полагать, что поездки ученых не увенчались успехом. Что это за здание, кто или что его строило, если только процесс его возведения можно назвать строительством, и чего можно ожидать в дальнейшем — таков круг беспочвенных гаданий. Естественно, недостатка в них нет, но никто еще не придумал разумного объяснения.

Все телеграфные агентства мира продолжают поставлять горы материалов, но конкретные сведения можно пересчитать по пальцам.

Каких-либо других новостей почти нет. Вероятно, это объясняется тем, что людей сейчас интересует только таинственное здание. Как ни странно, но других новостей и в самом деле мало. Как это часто бывает, когда случается большое событие, все прочие происшествия как бы откладываются на более позднее время. Эпидемия полиомиелита быстро идет на убыль; уголовных преступлений нет. В столицах прекратили всякую деятельность законодательные органы, а правительства пристально следят за тем, что связано со зданием.

Во многих столицах все чаще высказывается мнение, что здание — предмет заботы не одной лишь Америки, что все решения относительно него должны приниматься на международном уровне. Попытка разбомбить здание вызвала сомнение в том, что наша страна, на территории которой оно находится, способна действовать спокойно и беспристрастно. Высказывается мнение, что решить эту проблему разумно мог бы только какой-нибудь международный орган, стоящий на объективных позициях».

Питер встал со скамьи и пошел прочь. По радио сказали, что его увезли из дома три дня назад. Немудрено, что он так проголодался.

Три дня — и за это время здание поднялось на тысячу этажей и раскинулось на площади сто акров.

Теперь он уже шел не торопясь: у него очень болели ноги, от голода сосало под ложечкой.

Он должен вернуться к зданию во что бы то ни стало. Вдруг он осознал, что сделать это необходимо, но еще не понял, почему он должен так поступить, откуда в нем эта страстная устремленность.

Как будто он что-то забыл там и теперь надо идти и разыскать забытое. «Я что-то забыл»,— не шло у него из головы. Но что он мог забыть? Ничего, кроме боли, сознания, что он неизлечимо болен, и маленькой капсулы с ядом в кармане, которую он решил раздавить зубами, когда боль станет невыносимой.

Он полез в карман, но капсулы там уже не было. Она исчезла вместе с бумажником, перочинным ножом и часами. «Теперь уже все равно,— подумал он,— капсула мне больше не нужна».

Он услышал позади себя торопливые шаги и, поняв, что догоняют именно его, резко обернулся.

— Питер! — крикнула Мэри.— Питер, мне показалось, что это вы. Я так бежала за вами.

Он стоял и смотрел на нее, не веря своим глазам.

— Где вы пропадали? — спросила она.

— В больнице,— ответил Питер.— Я убежал оттуда. Но почему вы...

— Нас эвакуировали, Питер. Пришли и сказали, что нужно уехать. Часть наших расположилась лагерем в той стороне парка. Папа просто из себя выходит, но я понимаю его: нас заставили уехать в самый сенокос, да и жатва скоро.

Она запрокинула голову и посмотрела ему в лицо.

— У вас такой измученный вид,— сказала она.— Вам опять плохо?

— Плохо? — переспросил он и тут же понял, что соседи, по-видимому, знают... что причина его приезда на ферму давным-давно известна всем, потому что секретов в деревне не бывает...

— Простите, Питер,— заговорила Мэри.— Простите. Не надо было мне...

— Ничего,— сказал Питер.— Все прошло, Мэри. Я здоров. Не знаю уж как и почему, но я вылечился.

— В больнице? — предположила Мэри.

— Больница тут ни при чем. Я поправился еще до того, как попал туда. Но выяснилось это только в больнице.

— Может быть, диагноз был неправильный?

Он покачал головой:

— Правильный, Мэри.

Разве можно говорить с такой уверенностью? Мог ли он, а вернее врачи, сказать определенно, что это были злокачественные клетки, а не что-нибудь иное... не какой-нибудь неизвестный паразит, которого он, сам того не ведая, приютил в своем организме?

— Вы говорите, что сбежали? — напомнила ему Мэри.

— Меня будут искать. Полковник и майор. Они думают, что я имею какое-то отношение к машине, которую нашел. Они думают, я ее сделал. Они увезли меня в больницу, чтобы проверить, человек ли я.

— Какие глупости!

— Мне нужно вернуться на ферму. Я просто должен вернуться туда.

— Это невозможно,— сказала ему Мэри.— Там всюду солдаты.

— Я поползу на животе по канавам, если надо. Пойду ночью. Проберусь сквозь линию заграждения. Буду драться, если меня увидят и захотят задержать. Выбора нет. Я должен попытаться.

— Вы больны,— сказала она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Он усмехнулся:

— Не болен, а просто хочу есть.

— Тогда пошли.

Она взяла его за руку. Он не тронулся с места.

— Скоро за мной начнется погоня, если уже не началась.

— Мы пойдем в ресторан.

— Они отобрали у меня бумажник, Мэри. У меня нет денег.

— У меня есть деньги, которые я взяла на покупки.

— Нет,— сказал он.— Я пойду. Теперь меня с пути не собьешь.

— И вы в самом деле идете туда?

— Это пришло мне в голову только что,— признался он, смущаясь, но в то же время почему-то уверенный, что его слова не просто безрассудная бравада.

— Вернетесь туда?

— Мэри, я должен.

— И думаете, вам удастся пробраться?

Он кивнул.

— Питер,— нерешительно проговорила она.

— Что?

— Я вам не буду обузой?

— Вы? Как так?

— Если бы я пошла с вами?

— Но вам нельзя, вам незачем идти.

— Причина есть, Питер. Меня тянет туда. Как будто в голове у меня звенит звонок — школьный звонок, созывающий ребятишек.

— Мэри,— спросил он,— на том флаконе с духами был какой-нибудь символ?

— Был. На стекле,— ответила она.— Такой же, как и на вашем нефрите.

«И такие же знаки,— подумал он,— были в письмах».

— Пошли,— решил он вдруг.— Вы не помешаете.

— Сначала поедим,— сказала она.— Мы можем потратить деньги, которые я взяла на покупки.

Они пошли по дороге рука об руку, как два влюбленных подростка.

— У нас уйма времени,— сказал Питер.— Нам нельзя пускаться в путь, пока не стемнеет.

Они поели в маленьком ресторане на тихой улице, а потом пошли в магазин. Купили буханку хлеба, два круга копченой колбасы, немного сыра, на что ушли почти все деньги Мэри, а на сдачу продавец дал им пустую бутылку для воды. Она послужит вместо фляги.

Они прошли городскую окраину, пригороды и оказались в поле; они не торопились, потому что до наступления темноты не стоило забираться слишком далеко.

Наткнувшись на речушку, они уселись на берегу, совсем как парочка на пикнике. Мэри сняла туфли и болтала ногами в воде, и оба были невероятно счастливы.

Когда стемнело, они пошли дальше. Луны не было, но в небе сияли звезды. И хотя Мэри с Питером спотыкались, а порой плутали неведомо где, они по-прежнему сторонились дорог, шли полями и лугами, держались подальше от ферм, чтобы избежать встреч с собаками.

Было уже за полночь, когда они увидели первые лагерные костры и обошли их стороной. С вершины холма были видны ряды палаток, неясные очертания грузовиков, крытых брезентом. А потом они чуть не наткнулись на артиллерийское подразделение, но благополучно скрылись, не нарвавшись на часовых, которые, наверно, были расставлены вокруг лагеря.

Теперь Мэри с Питером знали, что находятся внутри эвакуированной зоны и должны пробраться сквозь кольцо солдат и орудий, нацеленных на здание.

Они двигались осторожнее и медленнее. Когда на востоке забрезжила заря, они спрятались в густых зарослях терновника на краю луга.

— Я устала,— со вздохом сказала Мэри.— Я не чувствовала усталости всю ночь, а может, не замечала ее, но теперь, когда мы остановились, у меня больше нет сил.

— Мы поедим и ляжем спать,— сказал Питер.

— Сначала поспим. Я так устала, что не хочу есть.

Питер оставил ее и пробрался сквозь чащу к опушке.

В неверном свете разгоравшегося утра перед ним предстало здание — голубовато-серая громадина, которая возвышалась над горизонтом подобно тупому персту, указующему в небо.

— Мэри! — прошептал Питер.— Мэри, вот оно!

Он услышал, как она пробирается сквозь заросли.

— Питер, до него еще далеко.

— Знаю, но мы пойдем туда.

Припав к земле, они разглядывали здание.

— Я не вижу бомбы,— сказала Мэри.— Бомбы, которая висит над ним.

— Она слишком далеко.

— А почему именно мы возвращаемся туда? Почему только мы не боимся?

— Не знаю,— озабоченно нахмурившись, ответил Питер.— В самом деле, почему? Я возвращаюсь туда, потому что хочу... нет, должен вернуться. Видите ли, я выбрал это место, чтобы умереть. Как слоны, которые ползут умирать туда, где умирают все слоны.

— Но теперь вы здоровы, Питер.

— Какая разница... Только там я обрел покой и сочувствие.

— А вы забыли еще о символах, Питер. О знаке на флаконе и нефрите.

— Вернемся,— сказал он.— Здесь нас могут увидеть.

— Только наши подарки были с символами,— настаивала Мэри.— Ни у кого больше нет таких. Я спрашивала. На всех других подарках не было знаков.

— Сейчас не время строить предположения. Пошли.

Они снова забрались в чащу.

Солнце уже взошло над горизонтом, косые лучи его проникали в заросли, кругом стояла благословенная тишина нарождающегося дня.

— Питер,— сказала Мэри.— У меня слипаются глаза. Поцелуйте меня перед сном.

Он поцеловал ее, и они прижались друг к другу, скрытые от всего мира корявыми, сплетшимися низкорослыми кустами терновника.

— Я слышу звон,— тихо проговорила Мэри.— А вы слышите?

Питер покачал головой.

— Как школьный звонок,— продолжала она.— Как будто начинается учебный год и я иду в первый класс.

— Вы устали,— сказал он.

— Я слышала этот звон и прежде. Это не в первый раз.

Он поцеловал ее еще раз.

— Ложитесь спать,— сказал он, и она заснула сразу, как только легла и закрыла глаза.

Питера разбудил рев; он сел — сон как рукой сняло.

Рев не исчез, он доносился из-за кустов и удалялся.

— Питер! Питер!

— Тише, Мэри! Там что-то есть.

Теперь уже рев приближался, все нарастая, пока не превратился в громовой грохот, от которого дрожала земля. Потом снова стал удаляться.

Полуденное солнце пробивалось сквозь ветви. Питер почуял мускусный запах теплой земли и прелых листьев.

Они с Мэри стали осторожно пробираться через чащу и, добравшись почти до самой опушки, сквозь поредевшие заросли увидели мчащийся далеко по полю танк. Ревя и раскачиваясь, он катил по неровной местности, впереди задиристо торчала пушка, и весь он был похож на футболиста, который рвется вперед.

Через поле была проложена дорога... А ведь Питер твердо знал, что еще вечером никакой дороги не было. Прямая, совершенно прямая дорога вела к зданию; покрытие ее было металлическим и блестело на солнце.

Далеко слева параллельно ей была проложена другая дорога, справа — еще одна, и казалось, что впереди все три дороги сливаются в одну, как сходятся рельсы железнодорожного пути, уходящего к горизонту.

Их пересекали под прямым углом другие дороги, и создавалось впечатление, будто на земле лежат две тесно сдвинутые гигантские лестницы.

Танк мчался к одной из поперечных дорог; на расстоянии он казался крохотным, а рев не громче гудения рассерженной пчелы.

Он добрался до дороги и резко пошел юзом в сторону, будто наткнулся на что-то гладкое и неодолимо прочное, будто врезался в прозрачную металлическую стену. Было мгновение, когда он накренился и чуть не перевернулся, однако этого не произошло, ему удалось выровняться; он дал задний ход, потом развернулся и загромыхал по полю, назад к зарослям.

На полпути он опять развернулся и встал пушкой в сторону поперечной дороги.

Ствол орудия пошел вниз, и из него вырвалось пламя. Снаряд разорвался у поперечной дороги — Питер и Мэри увидели вспышку и дым. По ушам хлестнула ударная волна.

Снова и снова, стреляя в упор, орудие изрыгало снаряды. Над танком и дорогой клубился дым, а снаряды все разрывались у дороги — на этой стороне дороги, а не на той.

Танк снова загромыхал вперед к дороге, на сей раз он приближался осторожно, часто останавливаясь, будто искал проход.

Откуда-то издалека донесся грохот орудийного залпа. Казалось, стреляет целая артиллерийская батарея. Постреляв, орудия неохотно замолчали.

Танк продолжал тыкаться в дорогу, словно собака, вынюхивающая зайца, который спрятался под поваленным деревом.

— Что-то не пускает его,— сказал Питер.

— Стена,— предположила Мэри.— Какая-то невидимая стена. Танк не может проехать сквозь нее.

— И прострелить ее тоже не может. Ее никакими пушками не пробьешь, даже вмятины не останется.

Припав к земле, Питер наблюдал за танком, который медленно двигался вдоль дороги. Танк дополз до перекрестка и сделал небольшой разворот, чтобы въехать на левую продольную дорогу, но снова уткнулся лобовой броней в невидимую стену.

«Он в ловушке,— подумал Питер.— Дороги разъединили и заперли все войсковые части. Танк в одном загоне, дюжина танков в другом, артиллерийская батарея в третьем, моторизованный резерв в четвертом. Войскам перекрыты все пути — рассованные по загонам подразделения совершенно небоеспособны. Интересно, а мы тоже в западне?»

По правой дороге шагала группа солдат. Питер заметил их издалека: черные точки двигались по дороге на восток, прочь от здания. Когда они подошли ближе, он увидел, что у них нет оружия, что они бредут, не соблюдая никакого строя, а по тому, как люди волочили ноги, он понял, что они устали как собаки.

Мэри, оказывается, уходила, но он заметил это, когда она уже возвращалась, низко наклонив голову, чтобы не зацепиться волосами за ветви.

Сев рядом, она протянула ему толстый ломоть хлеба и кусок колбасы. Бутылку с водой она поставила на землю.

— Это здание построило дороги,— сказала она.

Питер кивнул, рот его был набит.

— Это сделано для того, чтобы до здания удобнее было добираться,— сказала Мэри.— Здание хочет, чтобы людям было легче посещать его.

— Опять школьный звонок? — спросил он.

Она улыбнулась и сказала:

— Опять.

Солдаты подошли теперь совсем близко, увидели танк и остановились.

Четверо солдат сошли с дороги и зашагали по полю к танку. Остальные присели.

— Стена пропускает только в одну сторону,— предположила Мэри.

— Скорее всего,— сказал Питер,— она не пропускает танки, а люди могут проходить.

— Здание хочет, чтобы в него входили люди.

Солдаты шагали по полю, а танк двинулся им навстречу; он остановился, и экипаж выбрался наружу. Пехотинцы и танкисты разговаривали, один из солдат что-то говорил, показывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Издалека снова донесся гром тяжелых орудий.

— Кто-то,— сказал Питер,— все еще пытается пробить стены.

Наконец пехотинцы и танкисты пошли к дороге, бросив танк посреди поля.

Питер подумал, что то же самое, по-видимому, происходит со всеми войсками, блокировавшими здание. Дороги и стены разъединили их — отгородили друг от друга... и теперь танки, орудия и самолеты стали просто безвредными игрушками, которыми в тысячах загончиков забавлялись люди-детишки.

По дороге брели на восток пехотинцы и танкисты, они отступали, бесславная осада была снята.

Мэри и Питер сидели в зарослях и наблюдали за зданием.

— Вы говорили, что они прилетели со звезд,— сказала Мэри.— Но почему сюда? Зачем мы им нужны? И вообще зачем они прилетели?

— Чтобы спасти нас,— нерешительно проговорил Питер,— спасти нас от самих себя или чтобы поработить и эксплуатировать нас. Или чтобы использовать нашу планету как военную базу. Причин может быть сотни. Если они даже скажут нам, мы, наверно, не поймем.

— Но вы же не думаете, что они хотят поработить нас или использовать Землю как военную базу? Если бы вы так думали, мы не стремились бы к зданию.

— Нет, я так не думаю. Не думаю, потому что у меня был рак, а теперь его нет. Не думаю, потому что эпидемия полиомиелита пошла на убыль в тот самый день, когда они прилетели. Они делают нам добро, совсем как миссионеры, которые делали добро своим подопечным, ведущим примитивный образ жизни, людям, пораженным разными болезнями.

Он посмотрел на поле, на покинутый танк, на сверкающую лестницу дорог.

— Я надеюсь,— продолжал он,— что они не будут делать того, что творили некоторые миссионеры. Я надеюсь, что не будут унижать наше достоинство, насильно обряжая в чужеземное платье. Надеюсь, излечив от стригущего лишая, они не обрекут нас на чувство расовой неполноценности. Надеюсь, они не станут рубить кокосовые пальмы, чтобы...

«Но они знают нас,— думал он.— Они знают о нас все, что можно знать. Они изучали нас... Долго ли они нас изучали? Сидя где-нибудь в аптеке, маскируясь под автомат, продающий сигареты, наблюдая за нами из-за стойки под видом кассового автомата...

Кроме того, они писали письма, письма главам почти всех государств мира. После расшифровки писем, вероятно, станет ясно, чего они хотят. А может быть, они чего-то требуют. А может, в письмах всего лишь содержатся просьбы разрешить строить миссии или церкви, больницы или школы.

Они знают нас. Знают, например, что мы обожаем все бесплатное, и поэтому раздавали нам подарки — что-то вроде призов, которые вручаются радио- и телекомпаниями или торговыми палатами за лучшие ответы в соревнованиях на сообразительность, с той лишь разницей, что здесь соперников нет и выигрывает каждый».

Почти до самого вечера Питер и Мэри наблюдали за дорогой, и все это время по ней ковыляли небольшие группы солдат. Но вот прошло уже более часа, а на дороге никто не появлялся.

Мэри с Питером отправились в путь перед самыми сумерками, они пересекли поле и сквозь невидимую стену вышли на дорогу. И зашагали на запад, к громаде здания, багровеющей на фоне красноватого заката.

Они шли сквозь ночь; теперь не надо было кружить и прятаться, как в первую ночь, потому что на пустынной дороге им попался навстречу лишь один солдат.

К тому времени они прошли довольно большое расстояние, и громада здания уже отхватила полнеба — оно тускло светилось в сиянии звезд.

Солдат сидел посередине дороги, ботинки он аккуратно поставил рядом.

— Совсем обезножел,— затевая разговор, сказал солдат.

Питер и Мэри охотно уселись рядом. Питер достал бутылку с водой, хлеб, сыр и колбасу и разложил все на дороге, постелив, как на пикнике, вместо скатерти бумагу.

Некоторое время они ели молча. Наконец солдат сказал:

— Да, всему конец.

Питер и Мэри ни о чем не спрашивали, а, жуя хлеб с сыром, терпеливо ждали.

— Конец службе,— сказал солдат.— Конец войне.

Он махнул рукой в сторону загонов, образованных дорогами. В одном стояли три самоходных орудия, в другом лежала груда боеприпасов, в третьем — военные грузовики.

— Как же тут воевать,— спросил солдат,— если все войска рассованы, как пешки по клеткам? Танк, который вертится на пятачке в десять акров, не годится ни к черту. А что толку от орудия, стреляющего всего на полмили?

— Вы думаете, так повсюду? — спросила Мэри.

— Во всяком случае, здесь. Почему бы им не сделать то же самое и в других местах? Они остановили нас. Они не дали нам ступить ни шагу и не пролили ни единой капли крови. У нас нет потерь.

Набив рот хлебом и сыром, он потянулся за бутылкой.

— Я вернусь,— сказал он.— Заберу свою девушку, и мы оба придем сюда. Может быть, тем, кто в здании, нужна какая-нибудь помощь, и я хочу помочь им чем смогу. А если они не нуждаются в помощи, что ж, тогда я постараюсь найти способ сообщить им, что благодарен за их прибытие.

— Им? Ты видел их?

Солдат посмотрел на Питера в упор:

— Нет, я никого не видел.

— Тогда почему сперва ты идешь за своей девушкой и лишь потом собираешься вернуться? Кто тебя надоумил? Почему бы тебе не пойти туда с нами сейчас?

— Это было бы нехорошо,— запротестовал солдат.— Мне почему-то так кажется. Сперва мне надо увидеть ее и рассказать, что у меня на душе. Кроме того, у меня есть для нее подарок.

— Она обрадуется,— ласково сказала Мэри.— Ей понравится подарок.

— Конечно,— горделиво улыбнувшись, сказал солдат.— Она давно о таком мечтала.

Солдат полез в карман, достал кожаный футляр и щелчком открыл его. Ожерелье тускло блеснуло при свете звезд.

Мэри протянула руку.

— Можно? — спросила она.

— Конечно,— ответил солдат.— Вы-то знаете, понравится ли оно девушке.

Мэри вынула ожерелье из футляра — ручеек звездного огня заструился по ее руке.

— Бриллианты? — спросил Питер.

— Не знаю,— ответил солдат.— Наверно. С виду вещь дорогая. В середине какой-то большой зеленый камень, он не очень сверкает, но зато...

— Питер,— перебила его Мэри,— у вас есть спички?

Солдат сунул руку в карман:

— У меня есть зажигалка, мисс. Мне дали зажигалку. Блеск!

Он щелкнул, вспыхнуло пламя. Мэри поднесла камень к свету.

— Символ,— сказала она.— Как на моем флаконе.

— Это вы про гравировку? — спросил солдат, показывая пальцем.— И на зажигалке такая же.

— Где ты это взял? — спросил Питер.

— Ящик дал. Только этот ящик не простой. Я протянул к нему руку, а он выплюнул зажигалку, тогда я подумал о Луизе и о зажигалке, которую она мне подарила. Я ее потерял. Жалко было. И вот те на — такая же, только знаки сбоку... Только, значит, я подумал о Луизе, как ящик как-то смешно фыркнул и выкинул футляр с ожерельем.

Солдат наклонился. Зажигалка осветила его молодое лицо, оно сияло торжеством.

— Знаете, что мне кажется? — сказал он.— Мне кажется, что этот ящик — один из них. Говорят разное, но нельзя верить всему, что услышишь.

Он перевел взгляд с Мэри на Питера.

— Вам, наверно, смешно? — робко спросил он.

Питер покачал головой:

— Вот уж чего нет, того нет, солдат.

Мэри отдала ожерелье и зажигалку. Солдат положил их в карман и стал надевать ботинки.

— Надо идти. Спасибо за угощение.

— Мы увидимся,— сказал Питер.

— Надеюсь.

— Обязательно увидимся,— убежденно сказала Мэри.

Мэри и Питер смотрели ему вслед. Он заковылял в одну сторону, а они пошли в другую.

— Символ — это их метка,— сказала Мэри.— Те, кому дали вещь с символом, должны вернуться. Это как паспорт, как печать, удостоверяющая, что ты им понравился!

— Или,— добавил Питер,— клеймо, обеспечивающее право собственности.

Они ищут определенных людей. Им не нужен тот, кто боится их. Им нужны люди, которые верят им.

— А для чего мы им нужны? — с тревогой спросил Питер.— Вот что меня беспокоит. Какая им польза от нас? Солдат хочет помочь им, но они в нашей помощи не нуждаются.

— Мы никого из них не видели,— сказала Мэри.— Разве что ящик — один из них.

«И сигаретные автоматы,— подумал Питер.— Сигаретные автоматы и еще бог знает что».

— И все же,— продолжала Мэри,— они нас знают. Они наблюдали за нами, изучали. Они знают о нас всю подноготную. Они могут проникнуть в сознание каждого, узнать, о чем он мечтает, и сделать ему подарок. Джонни они подарили удилище с катушкой, вам — нефрит. И удилище было человеческим удилищем, а нефрит — земным нефритом. Они даже знают девушку солдата. Они знали, что ей хочется иметь блестящее ожерелье, знали: такой человек, как она, придет к ним и...

— А может, это все-таки летающие блюдца,— сказал Питер.— Они летали над нами много лет и изучали нас.

«Сколько же потребовалось лет,— подумал он,— чтобы изучить человечество? Ведь им пришлось начинать с азов: человечество было для них сложной, незнакомой расой, они шли ощупью, изучая сперва отдельные факты. И они, наверно, ошибались. Иногда их выводы были неверны, и это тормозило работу».

— Не знаю,— сказал Питер.— Для меня это совершенно непостижимо.

Они шли по блестящей, мерцающей при свете звезд металлической дороге, а здание все росло, это был уже не туманный фантом, а гигантская стена, которая уходила в небо, гася звезды. Тысячеэтажное здание, раскинувшееся на площади в сто акров,— от такого величия, от такого размаха голова шла кругом.

И даже стоя поблизости от здания, нельзя было увидеть бомбу: она болталась где-то в воздухе на слишком большой высоте.

Но зато видны были маленькие квадратики, нарезанные дорогами, а в них смертоносные игрушки неистовой расы, теперь брошенные, ненужные куски металла причудливой формы.

Перед самым рассветом Питер и Мэри подошли наконец к громадной лестнице, которая вела к главному входу. Ступая по гладкой, выложенной камнем площадке перед лестницей, они как-то особенно остро ощутили тишину и покой, царившие под сенью здания.

Рука об руку они поднялись по лестнице, подошли к большой бронзовой двери и остановились. Повернувшись, они молча смотрели вдаль.

Насколько хватал глаз, видны были дороги, расходившиеся, как спицы колеса от ступицы — здания, а поперечные дороги лежали концентрическими кругами, и казалось, будто находишься в центре паутины.

Брошенные фермы со службами — коровниками, амбарами, гаражами, силосными башнями, свинарниками, навесами для машин — остались в секторах, отсеченных дорогами; в других секторах стояли военные машины, годные теперь разве лишь на то, чтобы в них вили гнезда птицы да прятались зайцы. С лу-

гов и полей доносились птичьи трели, воздух был чист и прохладен.

— Вот она,— сказала Мэри.— Наша прекрасная страна, Питер.

— Была наша,— поправил ее Питер.— Все, что было, уже никогда не повторяется.

— Питер, вы не боитесь?

— Нисколько. Только сомнения одолевают.

— Но ведь прежде вы ни в чем не сомневались.

— Я и сейчас не сомневаюсь,— сказал он.— Я чую, что все идет как следует.

— Конечно, все идет хорошо. Была эпидемия, теперь ее нет. Армия разбита без единой жертвы. Атомной бомбе не дали взорваться. Разве не так, Питер? Они уже меняют наш мир к лучшему. Рак и полиомиелит исчезли, а с этими двумя болезнями человек боролся долгие годы и никак не мог победить. Войне конец, болезням конец, атомным бомбам конец — чего мы не могли сделать сами, они сделали за нас.

— Все это я знаю,— сказал Питер.— Они, несомненно, также положат конец преступлениям, коррупции, насилию — тому, что мучило и унижало человечество с тех самых пор, как оно спустилось с деревьев.

— Чего же вам нужно еще?

— Наверно, ничего... Впрочем, ничего определенного мы пока не знаем. Все сведения косвенные, не конкретные, основанные на умозаключениях. У нас нет доказательств, реальных, весомых доказательств.

— У нас есть вера. Мы должны верить. Если не верить в кого-то или что-то, уничтожающее болезни и войну, то во что тогда можно верить вообще?

— Именно это и тревожит меня.

— Мир держится на вере,— сказала Мэри.— Любой вере — в Бога, в самих себя, в человеческую порядочность.

— Вы изумительная! — воскликнул Питер. Он крепко обнял Мэри. В это время большая бронзовая дверь растворилась.

Положив руки друг другу на плечи, молча переступили они порог и очутились в вестибюле с высоким сводчатым потолком. Он был расписан фресками, на стенах висели панно, четыре больших марша лестницы вели наверх.

Но вход на лестницу преграждали тяжелые бархатные шнуры. Дорогу им показывали стрелки и еще один шнур, зацепленный за блестящий столбик.

Покорно и тихо, почти с благоговением они направились через вестибюль к единственной открытой двери.

Они вошли в большую комнату с громадными, высокими, изящной формы окнами, сквозь которые лучи утреннего солнца падали на новенькие блестящие аспидные доски, кресла с широкими подлокотниками, массивные столы, несчетные полки с книгами, кафедру на возвышении.

— Я была права,— сказала Мэри.— Все-таки это был школьный звонок. Мы пришли в школу, Питер. В первый класс.

— В детский сад,— с трудом проговорил Питер.

«Все верно,— подумал он,— так по-человечески правильно: солнце и тень, роскошные переплеты книг, темное дерево, глубокая тишина. Аудитория учебного заведения с хорошими традициями. Здесь есть что-то от атмосферы Кембриджа и Оксфорда, Сорбонны и Айви Лиг*. Чужеземцы ничего не упустили, предусмотрели каждую мелочь».

— Мне надо выйти,— сказала Мэри.— Подождите меня здесь, никуда не уходите.

— Я никуда не уйду,— обещал Питер.

Он посмотрел ей вслед. Через открывшуюся дверь он увидел бесконечный коридор. Мэри закрыла дверь, и Питер остался один.

Постояв с минуту, он резко повернулся и почти бегом бросился через вестибюль к большой бронзовой двери. Но двери не было. Ни следа, даже щелочки на том месте, где была дверь. Дюйм за дюймом Питер ощупал стену и никакой двери не нашел.

Опустошенный, повернулся он лицом к вестибюлю. Голова раскалывалась — один, один во всей громаде здания. Питер подумал, что там, наверху, еще тысяча этажей, здание уходит в самое небо. А здесь, внизу,— детский сад, на втором этаже несомненно — первый класс, и если подниматься все выше, то куда можно прийти, к какой цели?

* Айви Лиг — объединение американских университетов (Принстонского, Гарвардского и Йельского).

Но что будет после выпуска?

И будет ли вообще выпуск?

И чем он станет? Кем? Останется ли он человеком?

Теперь надо ждать прихода в школу других, тех, кто был отобран, тех, кто сдал необычный вступительный экзамен.

Они придут по металлическим дорогам и поднимутся по лестнице, большая бронзовая дверь откроется, и они войдут. И другие тоже придут — из любопытства, но если у них нет символа, двери не откроются перед ними.

И если вошедшему захочется бежать, он не найдет двери.

Питер вернулся в класс, на то же место, где стоял прежде.

Интересно, что написано в этих книгах? Очень скоро он наберется храбрости, возьмет какую-нибудь книгу и раскроет ее. А кафедра? Что будет стоять за кафедрой?

Что, а не кто?

Дверь открылась, и вошла Мэри.

— Там квартиры,— сказала она.— Таких уютных я никогда не видела. На двери одной наши имена, на других — тоже имена, а есть совсем без табличек. Люди идут, Питер. Просто мы немного поспешили. Пришли раньше всех. Еще до звонка.

Питер кивнул.

— Давайте сядем и подождем,— сказал он.

Они сели рядом и стали ждать, когда появится Учитель.

Тишина царила много поколений. Потом тишина кончилась.

Рано утром раздался Грохот.

Разбуженные люди прислушивались к Грохоту, затаившись в своих постелях. Они знали, что когда-нибудь он раздастся. И что этот Грохот будет началом Конца.

Проснулся и Джон Хофф, и Мэри Хофф, его жена. Их было только двое в каютке: они еще не получили разрешения иметь ребенка. Чтобы иметь ребенка, нужно было, чтобы для него освободилось место; нужно было, чтобы умер старый Джошуа, и, зная это, они ждали его смерти. Чувствуя свою вину перед ним, они все же про себя молились, чтобы он поскорее умер, и тогда они смогут иметь ребенка.

Грохот прокатился по всему Кораблю. Потом кровать, в которой, затаив дыхание, лежали Джон и Мэри, поднялась с пола и привалилась к стене, прижав их к гудящему металлу. Вся остальная мебель — стол, стулья, шкаф — обрушилась с пола на ту же стену и там осталась, как будто стена стала полом, а пол — стеной. Священная Картина свесилась с потолка, который только что тоже был стеной, повисела, раскачиваясь в воздухе, и рухнула вниз.

В этот момент Грохот прекратился, и снова наступила тишина. Но уже не та тишина, что раньше: хотя нельзя было явственно различить звуки, но если не слухом, то чутьем можно было уловить, как нарастает мощь машин, вновь пробудившихся к жизни после долгого сна.

Джон Хофф наполовину выполз из-под кровати, уперся руками, приподнял ее спиной и дал выползти жене. Под ногами

© Перевод А. Иорданского.

у них теперь была стена, которая стала полом, а на ней — обломки мебели. Это была не только их мебель: ею пользовались до них многие поколения.

Ибо здесь ничто не пропадало, ничто не выбрасывалось. Таков был закон, один из многих законов, здесь никто не имел права расточать, не имел права выбрасывать. Все, что было, использовалось до последней возможности. Здесь ели необходимое количество пищи — не больше и не меньше; одним и тем же воздухом дышали снова и снова. Все отбросы шли в конвертор, где превращались во что-нибудь полезное. Даже покойников — и тех использовали. А за многие поколения, прошедшие с Начала Начал, покойников было немало. Через некоторое время, может быть скоро, покойником станет и Джошуа. Он отдаст свое тело конвертору на пользу товарищам, заплатит свой последний долг — и даст право Джону и Мэри иметь ребенка.

«А нам нужно иметь ребенка,— думал Джон, стоя среди обломков,— нам нужно иметь ребенка, которого я научу Читать и которому передам Письмо».

О Чтении тоже был закон. Читать воспрещалось, потому что Чтение было злом. Это зло существовало еще с Начала Начал. Но люди давным-давно, еще во времена Великого Пробуждения, уничтожили его, как и многое другое, и решили, что оно не должно существовать.

Зло он должен передать своему сыну. Так завещал ему давно умерший отец, которому он поклялся, и теперь должен сдержать клятву. И еще одно завещал ему отец — беспокойное ощущение того, что закон несправедлив. Хотя законы всегда были справедливыми. Ибо все они имели какое-то основание. Имел смысл и Корабль, и те, кто населял его, и их образ жизни.

Впрочем, если на то пошло, может быть, ему и не придется никому передавать Письмо. Он сам может оказаться тем, кто должен его вскрыть, потому что на конверте написано: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ». «А это, возможно, и есть крайняя необходимость»,— сказал себе Джон Хофф. И Грохот, нарушивший тишину, и стена, ставшая полом, и пол, ставший стеной.

Из других кают доносились голоса: испуганные крики, вопли ужаса, тонкий плач детей.

— Джон,— сказала Мэри,— это был Грохот. Теперь Конец.

— Не знаю,— ответил Джон.— Поживем — увидим. Мы ведь не знаем, что такое Конец.

— Говорят...— начала Мэри, и Джон подумал, что так было всегда.

Говорят, говорят, говорят...

Все только говорилось; никто ничего не читал, не писал...

И он снова услышал слова, давным-давно сказанные отцом.

— Мозг и память ненадежны; память может перепутать или забыть. Но написанное слово вечно и неизменно. Оно не забывается и не меняет своего значения. На него можно положиться.

— Говорят,— продолжала Мэри,— что Конец наступит вскоре после Грохота. Звезды перестанут кружиться и остановятся на черном небе, и это будет верным признаком того, что Конец близок.

«Конец чего? — подумал Джон.— Нас? Или Корабля? Или самих звезд? А может быть, Конец всего — и Корабля, и звезд, и великой тьмы, в которой кружат звезды?»

Он содрогнулся, когда представил Конец Корабля или людей,— не столько из-за них самих, сколько из-за того, что тогда придет Конец и замечательному, так хорошо придуманному, такому размеренному порядку, в котором они жили. Просто удивительно; ведь людям всегда всего хватало, и никогда не было ничего лишнего. Ни воды, ни воздуха, ни самих людей, потому что никто не мог иметь ребенка, прежде чем кто-нибудь не умрет и не освободит для него место.

В коридоре послышались торопливые шаги, возбужденные голоса, и кто-то забарабанил в дверь, крича:

— Джон! Джон! Звезды остановились!

— Я так и знала! — воскликнула Мэри.— Я же говорила, Джон. Все так, как было предсказано.

Кто-то стучал в дверь.

И дверь была там, где она должна была быть, там, где ей полагалось быть, чтобы через нее можно было выйти прямо в коридор, вместо того чтобы подниматься по лестнице, теперь бесцельно висящей на стене, которая раньше была полом.

«Почему я не подумал об этом раньше,— спросил он себя.— Почему я не видел, что это глупо: подниматься к двери, которая открывается в потолке? А может быть,— подумал он,— так

и должно было быть всегда? Может быть, то, что было до сих пор, было неправильно? Но значит, и законы могли быть неправильными...»

— Иду, Джо,— сказал Джон.

Он шагнул к двери, открыл ее и увидел: то, что было раньше стеной коридора, стало полом; двери выходили туда прямо из кают, и взад и вперед по коридору бегали люди. И он подумал: теперь можно снять лестницы, раз они не нужны. Можно спустить их в конвертор, и у нас будет такой запас, какого еще никогда не было.

Джо схватил его за руку и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в наблюдательную рубку. Звезды стояли на месте. Все было так, как предсказано. Звезды были неподвижны.

Это пугало, потому что теперь было видно, что звезды — не просто кружащиеся огни, которые движутся на фоне гладкого черного занавеса. Теперь было видно, что они висят в пустоте; от этого дух захватывало, начинало сосать под ложечкой. Хотелось крепче схватиться за поручни, чтобы удержаться в равновесии на краю головокружительной бездны.

В этот день не было игр, не было прогулок, не было шумного веселья в зале для развлечений. Везде собирались кучки возбужденных, напуганных людей. Люди молились в церкви, где висела самая большая Священная Картина, изображавшая Дерево, и Цветы, и Реку, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался. Люди убирали и приводили в порядок на ночь каюты, вешали на место Священные Картины — самое дорогое достояние каждой семьи, снимали лестницы.

Мэри Хофф вытащила Священную Картину из кучи обломков на полу. Джон, стоя на стуле, прилаживал ее к стене, которая раньше была полом, и размышлял, как это случилось, что каждая Священная Картина немного отличается от другой. Это впервые пришло ему в голову.

На Священной Картине Хоффов тоже было Дерево, и еще были Овцы под Деревом, и Изгородь, и Ручей, а в углу — несколько крохотных Цветов. Ну и, конечно, Трава, уходившая вдаль до самого Неба.

Когда Джон повесил Картину, а Мэри ушла в соседнюю каюту посудачить с другими перепуганными женщинами, он пошел по коридору, стараясь, чтобы его походка казалась беззаботной, чтобы никто не заметил, как он спешит.

А он спешил: неожиданная для него самого необыкновенная торопливость, как сильная рука, толкала его вперед.

Он старательно притворялся, будто ничего не делает, просто убивает время. И это было легко, потому что он только это и делал всю жизнь; и никто ничего другого не делал. За исключением тех — счастливцев или неудачников,— у которых была работа, переданная по наследству: уход за скотом, за птицей или за гидропонными оранжереями.

«Но большинство из них,— думал Джон, медленно шагая вперед,— всю жизнь только и делали, что искусно убивали время. Как они с Джо, с их бесконечными шахматами и аккуратной записью каждого хода и каждой партии. Многие часы они проводили, анализируя свою игру по этим записям, тщательно комментируя каждый решающий ход. А почему бы и нет,— спросил он себя.— Почему не записывать и не комментировать игру? Что еще делать? Что еще?»

В коридоре уже никого не было и стало темнее, потому что здесь горели редкие лампочки. В течение многих лет лампочки из коридоров переставляли в каюты, и теперь их здесь почти не осталось.

Он подошел к наблюдательной рубке, нырнул в нее и притаился, внимательно осматривая коридор. Он ждал — а вдруг кто-нибудь станет следить за ним,— хотя и знал, что никого не будет; но все-таки вдруг кто-то появится — рисковать он не мог.

Однако позади никого не было, и он пошел дальше, к сломанному эскалатору, который вел на центральные этажи. И здесь тоже было что-то новое. Раньше, поднимаясь с этажа на этаж, он все время терял вес, двигаться становилось все легче, он скорее плыл, чем шел к центру Корабля. На этот раз потери веса не было, плыть не удавалось. Он тащился, преодолевая один неподвижный эскалатор за другим, пока не миновал все шестнадцать палуб.

Теперь он шел в темноте, потому что здесь все лампочки были вывернуты или перегорели за эти долгие годы. Он поднимался на ощупь, держась за перила. Наконец он добрался до нужного этажа. Это была аптека; у одной из стен стоял шкаф

для медикаментов. Он отыскал нужный ящик, открыл его, сунул туда руку и вытащил три вещи, которые, как он знал, были там: Письмо, Книгу и лампочку. Он провел рукой по стене, вставил в патрон лампочку; в крохотной комнате зажегся свет и осветил пыль, покрывавшую пол, умывальник с тазом и пустые шкафы с открытыми дверцами.

Он повернул Письмо к свету и прочел слова, напечатанные на конверте прописными буквами: «ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Некоторое время он стоял в раздумье. Раздался Грохот. Звезды остановились. «Да, это и есть тот случай,— подумал он,— случай крайней необходимости. Ведь было предсказано: когда раздастся Грохот и звезды остановятся, значит, Конец близок. А когда Конец близок, это и есть крайний случай».

Он держал Письмо в руке, он колебался. Если он вскроет его, все будет кончено. Больше не будет передаваться от отца к сыну ни Письмо, ни Чтение. Вот она — минута, ради которой Письмо прошло через руки многих поколений.

Он медленно перевернул Письмо и провел ногтем по запечатанному краю. Высохший воск треснул, и конверт открылся.

Он вынул Письмо, развернул его на столике под лампочкой и стал читать, шевеля губами и шепотом произнося слова, как человек, с трудом отыскивающий их значение по древнему словарю.

«Моему далекому потомку

Тебе уже сказали — и ты, наверное, веришь, что Корабль — это жизнь, что началом его был Миф, а концом будет Легенда, что это и есть единственная реальность, в которой не нужно искать ни смысла, ни цели.

Я не стану пытаться рассказывать тебе о смысле и назначении Корабля, потому что это бесполезно: хотя мои слова и будут правдивыми, но сами по себе они бессильны против извращения Истины, которая к тому времени, когда ты это прочтешь, может уже стать религией.

Но у Корабля есть какая-то цель, хотя уже сейчас, когда я пишу, цель эта потеряна, а по мере того как Корабль будет двигаться своим путем, она окажется не только потерянной, но и похороненной под грузом всевозможных разъяснений.

Когда ты будешь это читать, существование Корабля и людей в нем будет объяснено, но эти объяснения не будут основаны на знании.

Чтобы Корабль выполнил свое назначение, нужны знания. И эти знания могут быть получены. Я, который буду уже мертв, чье тело превратится в давно съеденное растение, в давно сношенный кусок ткани, в молекулу кислорода, в щепотку удобрения,— я сохранил эти знания для тебя. На втором листке Письма ты найдешь указание, как их приобрести.

Я завещаю тебе овладеть этими знаниями и использовать их, чтобы жизнь и мысль людей, отправивших Корабль, и тех, кто управлял им и кто сейчас живет в его стенах, не пропали зря, чтобы мечта Человека не умерла где-то среди далеких звезд.

К тому времени, когда ты это прочтешь, ты будешь знать еще лучше меня: ничто не должно пропасть, ничто не должно быть истрачено зря, все запасы нужно беречь и хранить на случай будущей нужды. А если Корабль не выполнит своего назначения, не достигнет цели, то это будет огромное, невообразимое расточительство. Это будет означать, что зря потрачены тысячи жизней, пропали знания и надежды.

Ты не узнаешь моего имени, потому что к тому времени, когда ты это прочтешь, оно исчезнет вместе с рукой, что сейчас держит перо. Но мои слова будут жить, а в них — мои знания и мой завет.

Твой предок».

Подписи Джон разобрать не смог. Он уронил Письмо на пыльный столик. Слова Письма, как молот, оглушили его.

Корабль, началом которого был Миф, а концом будет Легенда. Но Письмо говорило, что это ложь. Была цель, было назначение.

Назначение... Что это такое? Книга, вспомнил он. Книга скажет, что такое назначение.

Дрожащими руками он вытащил Книгу из ящика, открыл ее на букве «н» и неверным пальцем провел по столбцам: «Наземный... назидание... назначение...»

«Назначение (сущ.) — место, куда что-л. посылается, направляется; предполагаемая цель путешествия».

Значит, Корабль имеет назначение. Корабль куда-то направлялся. Придет день, когда он достигнет цели. И, конечно, это и будет Конец.

Корабль куда-то направляется. Но как? Неужели он движется?

Джон недоверчиво покачал головой. Этому невозможно поверить. Ведь движется не Корабль, а звезды. «Должно быть какое-то другое объяснение»,— подумал он.

Он поднял второй листок Письма и прочел его, но понял плохо: он устал, и в голове у него все путалось. Он положил Письмо, Книгу и лампочку обратно в ящик.

Потом закрыл ящик и выбежал из комнаты.

На нижнем этаже не заметили его отсутствия, и он ходил среди людей, стараясь снова стать одним из них, спрятать свою неожиданную наготу под покровом доброго товарищества, но таким, как они, он уже не был.

И все это было результатом знания — ужасного знания того, что Корабль имеет цель и назначение, что он откуда-то вылетел и куда-то направляется и, когда он туда придет, это будет Конец, но не людей, не Корабля, а просто путешествия.

Он вышел в зал и остановился в дверях. Джо играл в шахматы с Питом, и Джон внезапно загорелся гневом при мысли, что Джо играет с кем-то еще, потому что Джо уже много-много лет играл только с ним. Но гнев быстро остыл. Джо посмотрел на фигурки и в первый раз увидел их по-настоящему — увидел, что это просто резные кусочки дерева и что им нет места в его новом мире Письма и цели.

Джордж сидел один и играл в солитер. Кое-кто играл в покер на металлические кружочки, которые все звали деньгами, хотя почему именно деньгами — никто сказать не мог. Говорили, что это просто их название, как Корабль было название Корабля, а звезды назывались звездами. Луиза и Ирма сидели в углу и слушали старую, почти совсем заигранную пластинку. Резкий, сдавленный женский голос пел на весь зал:

«Мой любимый к звездам уплыл. Он не скоро вернется назад...»

Джон вошел, и Джордж поднял глаза от доски.

— Мы тебя искали.

— Я ходил гулять,— ответил Джон.— Далеко — на центральные этажи. Там все наоборот. Теперь они вверху, а не внутри. Всю дорогу приходится подниматься.

— Звезды весь день не двигались,— заметил Джордж.

Джо повернулся к нему и сказал:

— Они больше не будут двигаться. Так сказано. Это — начало Конца.

— А что такое Конец? — спросил Джон.

— Не знаю,— ответил Джо и вернулся к игре.

«Конец,— подумал Джон.— И никто из них не знает, что такое Конец, так же как они не знают, что такое Корабль».

— Сегодня мы собираемся,— сказал Джордж.

Джон кивнул. Он так и думал, что все соберутся. Соберутся, чтобы почувствовать облегчение, уют и безопасность. Будут снова рассказывать Миф и молиться перед Картиной. «А я? — спросил он себя.— А я?»

Он резко повернулся и вышел в коридор. Лучше бы не было никакого Письма и никакой Книги, потому что тогда он был бы одним из них, а не одиночкой, мучительно думающим, где же правда — в Мифе или в Письме?

Он разыскал свою каюту и вошел. Мэри лежала на кровати, подложив под голову подушки; тускло светила лампа.

— Наконец-то,— произнесла она.

— Я прогуливался,— сказал Джон.

— Ты прогулял обед,— заметила Мэри.— Вот он.

Он увидел обед на столе, придвинул стул и сел.

— Спасибо.

Мэри зевнула.

— День был утомительный,— сказала она.— Все так возбуждены. Сегодня собираемся.

На обед были протеиновые дрожжи, шпинат с горохом, толстый кусок хлеба и миска супа с грибами и травами. И бутылочка воды, строго отмеренной. Наклонившись над миской, он хлебал суп.

— Ты совсем не волнуешься, дорогой. Не так, как все.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Вдруг он подумал: а что, если сказать ей? Но тут же отогнал эту мысль, боясь, что в своем стремлении поделиться с кем-нибудь он в конце концов расскажет ей все. Нужно следить за собой, подумал он. Если

он расскажет, то это будет объявлено ересью, отрицанием Мифа и Легенды. И тогда она, как и другие, отшатнется от него и он увидит в ее глазах отвращение.

Сам он — дело другое: почти всю жизнь он прожил на грани ереси, с того самого дня, как отец сказал ему про Книгу. Потому что сама Книга уже была ересью.

— Я думаю,— сказал он, и она спросила:

— О чем тут думать?

И, конечно, это была правда. Думать было не о чем. Все объяснено, все в порядке. Миф говорил о Начале Начал и о Начале Конца. И думать не о чем, абсолютно не о чем.

Когда-то был хаос, и вот из него родился порядок в образе Корабля, а снаружи остался хаос. Только внутри Корабля был и порядок, и закон, вернее, много законов: не расточай, не возжелай и все остальные. Когда-нибудь настанет Конец, но каков будет этот Конец, остается тайной, хотя еще есть надежда, потому что на Корабле есть Священные Картины и они — символ этой надежды. Ведь на Картинах запечатлены символические образы иных мест, где царит порядок (наверное, еще больших кораблей), Дерево, Ручей, Небо, Облака и все остальное, чего никогда не видишь, но чувствуешь, например Ветер и Солнечный Свет.

Начало Начал было давным-давно, так много поколений назад, что рассказы и легенды о могущественных людях тех далеких эпох были вытеснены из памяти другими людьми, тени которых все еще смутно рисовались где-то позади.

— Я сначала испугалась,— сказала Мэри,— но теперь я больше не боюсь. Все происходит так, как было сказано, и мы ничего не можем сделать. Мы только знаем, что все это — к лучшему.

Джон продолжал есть, прислушиваясь к шагам и голосам в коридоре. Теперь эти шаги уже не были такими поспешными, а в голосах не звучал ужас. «Немного же им понадобилось,— думал он,— чтобы привыкнуть. Их Корабль перевернулся вверх ногами — и все же это к лучшему».

А вдруг, в конце концов, правы они, а Письмо лжет?

С какой радостью он подошел бы к двери, окликнул кого-нибудь из проходивших мимо и поговорил бы об этом! Но на всем Корабле не было никого, с кем бы он мог поговорить. Даже с Мэри. Разве что с Джошуа.

Он продолжал есть, думая о том, как Джошуа возится со своими растениями в гидропонных оранжереях.

Еще мальчишкой он ходил туда вместе с другими ребятами: Джо, и Джордж, и Херб, и все остальные. Джошуа был тогда человеком средних лет, у него всегда была в запасе интересная история или умный совет, а то и тайно сорванный помидор или редиска для голодного мальчишки. Джон помнил, что Джошуа всегда говорил мягким, добрым голосом и глаза у него были честные, а его чуточку грубоватое дружелюбие внушало симпатию.

Джон подумал, что уже давно не видел Джошуа. Может быть, потому, что чувствовал себя виноватым перед ним...

Но Джошуа мог понять и простить вину.

Однажды он понял. Они с Джо как-то прокрались в оранжерею за помидорами, а Джошуа поймал их и долго говорил с ними. Они с Джо дружили еще с пеленок. Они всегда были вместе. Если случалась какая-нибудь шалость, они обязательно были в нее замешаны.

Может быть, Джо... Джон покачал головой. Только не Джо. Пусть он его лучший друг, пусть они друзья детства и остались друзьями, когда поженились, пусть они больше двадцати лет играют друг с другом в шахматы — все-таки Джо не такой человек, которому можно это рассказывать.

— Ты все еще думаешь, дорогой? — сказала Мэри.

— Кончаю,— ответил Джо.— Теперь расскажи мне, что ты сегодня делала.

Она поведала ему, что рассказала Луиза, и что сказала Джейн, и какие глупости говорила Молли. И какие ходили странные слухи, и как все боялись, и как понемногу успокоились, когда вспомнили, что все к лучшему.

— Наша Вера,— сказала она,— большое утешение в такое время.

— Да,— сказал Джон,— действительно, большое утешение.

Она встала с кровати.

— Пойду к Луизе. Ты останешься здесь?

Она нагнулась и поцеловала его.

— Я погуляю до собрания,— сказал Джон.

Он кончил есть, медленно выпил воду, смакуя каждую каплю, и вышел.

Он направился к оранжереям. Джошуа был там. Он немного постарел, немного поседел, чуть больше хромал, но вокруг его глаз были те же добрые морщины, а на лице — та же неспешная улыбка. И встретил он Джона той же старой шуткой:

— Опять пришел помидоры воровать?

— На этот раз нет.

— Ты тогда был с другим парнем.

— Его звали Джо.

— Да, теперь я вспомнил. Я иногда забываю. Старею и начинаю забывать.— Он спокойно улыбнулся.— Немного мне теперь осталось. Вам с Мэри не придется долго ждать.

— Сейчас это не так уж важно,— сказал Джон.

— А я боялся, что ты ко мне теперь уже не придешь.

— Но таков закон,— сказал Джон.— Ни я, ни вы, ни Мэри тут ни при чем. Закон справедлив. Мы не можем его изменить.

Джошуа дотронулся до руки Джона.

— Посмотри на мои новые помидоры. Лучшие из всех, что я вырастил. Уже совсем поспели.

Он сорвал один, самый спелый и красный, и протянул Джону. Джон взял его в руки и почувствовал гладкую, теплую кожицу и под ней — переливающийся сок.

— Они вкуснее всего прямо с куста. Попробуй.

Джон поднес помидор ко рту, вонзил в него зубы и проглотил сочную мякоть.

— Ты что-то хотел сказать, парень?

Джон помотал головой.

— Ты так и не был у меня, с тех пор как узнал,— сказал Джошуа.— Это потому, что ты считал себя виноватым: ведь я должен умереть, чтобы вы могли иметь ребенка. Да, это тяжело — и для вас тяжелее, чем для меня. И ты бы не пришел, если бы не произошло что-то важное.

Джон не ответил.

— А сегодня ты вспомнил, что можешь поговорить со мной. Ты часто приходил поговорить со мной, потому что помнил наш первый разговор, когда ты был еще мальчишкой.

— Я тогда нарушил закон,— сказал Джон,— я пришел воровать помидоры. И вы поймали нас с Джо.

— А я нарушил закон сейчас,— сказал Джошуа,— когда дал тебе этот помидор. Это не мой помидор и не твой. Я не должен был его давать, а ты не должен был его брать. Но я нарушил закон потому, что закон основан на разуме, а от одного помидора разум не пострадает. Каждый закон должен иметь разумный смысл, иначе он не нужен. Если смысла нет, то закон не прав.

— Но нарушать закон нельзя.

— Послушай,— сказал Джошуа.— Помнишь сегодняшнее утро?

— Конечно.

— Посмотри на эти рельсы — рельсы, идущие по стене.

Джон посмотрел и увидел рельсы.

— Эта стена до сегодняшнего утра была полом.

— А как же стеллажи? Ведь они...

— Вот именно. Так я и подумал. Это первое, о чем я подумал, когда меня выбросило из постели. Мои стеллажи! Мои чудные стеллажи, висящие там, на стене, прикрепленные к полу! Ведь вода выльется из них, и растения вывалятся, и все химикаты зря пропадут! Но так не случилось.

Он протянул руку и ткнул Джона пальцем в грудь.

— Так не случилось, и не из-за какого-нибудь определенного закона, а по разумной причине. Посмотри под ноги, на пол.

Джон посмотрел на пол и увидел там рельсы — продолжение тех, что шли по стене.

— Стеллажи прикреплены к этим рельсам,— продолжал Джошуа.— А внутри у них — ролики. И когда пол стал стеной, стеллажи скатились по рельсам на стену, ставшую полом, и все было в порядке. Пролилось немного воды, и пострадало несколько растений, но очень мало.

— Так было задумано,— сказал Джон.— Корабль...

— Чтобы закон был справедлив,— продолжал Джошуа,— он должен иметь разумное основание. Здесь было основание и был закон. Но закон — это только напоминание, что не нужно идти против разума. Если бы было только основание, мы бы могли его забыть, или отрицать, или сказать, что оно устарело. Но закон имеет власть, и мы подчиняемся закону там, где могли бы не подчиниться разуму. Закон говорил, что рельсы на стене — то есть на бывшей стене — нужно чистить и смазывать. Иногда я думал, зачем это, и казалось, что этот закон не нужен. Но это был закон — и мы слепо ему подчинялись. А когда раздался Грохот, рельсы были начищены и смазаны и стеллажи скатились по ним. Им ничто не помешало, а могло бы

помешать, если бы мы не следовали закону. Потому что, следуя закону, мы следовали разуму, а главное — разум, а не закон.

— Вы хотите мне этим что-то доказать,— сказал Джон.

— Я хочу тебе доказать, что мы должны слепо следовать закону до тех пор, пока не узнаем его основание. А когда узнаем — если мы когда-нибудь узнаем — его основание и цель, тогда мы должны решить, насколько они справедливы. И если они окажутся плохими, мы так и должны смело сказать. Потому что если плоха цель, то плох и закон: ведь закон — это всегонавсего правило, помогающее достигнуть какой-то цели.

— Цели?

— Конечно цели. Должна же быть какая-то цель. Такая хорошо придуманная вещь, как Корабль, должна иметь цель.

— Сам Корабль? Вы думаете, Корабль имеет цель? Но говорят...

— Я знаю, что говорят: «Все, что ни случается, к лучшему».— Он покачал головой.— Цель должна быть даже у Корабля. Когда-то давно, наверное, эта цель была простой и ясной. Но мы забыли ее. Должны быть какие-то факты, знания...

— Знания были в книгах,— сказал Джон.— Но книги сожгли.

— Кое-что в них было неверно,— сказал старик.— Или казалось неверным. Но мы не можем судить, что верно, а что неверно, если у нас нет фактов, а я сомневаюсь, что эти факты были. Там были другие причины, другие обстоятельства. Я одинокий человек. У меня есть работа, а заходят сюда редко. Меня не отвлекают сплетни, которыми полон Корабль. И я думаю. Я много передумал. Я думал о нас и о Корабле. И о законах, и о цели всего этого. Я размышлял о том, почему растут растения и почему для этого нужны вода и удобрения? Я думал, зачем мы должны включать свет на столько-то часов,— разве в лампах есть что-то такое, что нужно растениям? Но если не включать их, растение погибает. Значит, растениям необходимы не только вода и удобрения, но и лампы. Я думал, почему помидоры всегда растут на одних кустах, а огурцы — на других? На огурце никогда не вырастет помидор, и этому должна быть какая-то причина. Даже для такого простого дела, как выращивание помидоров, нужно знать массу фактов. А мы их не знаем. Мы лишены знания. Я думал: почему загораются лампы, когда повернешь выключатель? И что происходит в нашем теле

с пищей? Как твое тело использует помидор, который ты только что съел? Почему нужно есть, чтобы жить? Зачем нужно спать? Как мы учимся говорить?

— Я никогда обо всем этом не думал,— сказал Джон.

— А ты вообще никогда не думал,— ответил Джошуа.— Во всяком случае, почти никогда.

— Никто не думает,— сказал Джон.

— В том-то и беда,— сказал старик.— Никто никогда не думает. Все просто убивают время. Они не ищут причин. Они даже ни о чем не задумываются. Что бы ни случилось — все к лучшему, и этого с них хватает.

— Я только что начал думать,— сказал Джон.

— Ты что-то хотел у меня спросить,— сказал старик.— Зачем-то ты все же ко мне пришел?

— Теперь это не важно,— сказал Джон.— Вы мне уже ответили.

Он пошел обратно между стеллажами, ощущая аромат тянущихся вверх растений, слыша журчание воды в насосах. Он шел длинными коридорами, где в окнах наблюдательных рубок светили неподвижные звезды.

Основание, сказал Джошуа. Есть и основание, и цель. Так говорилось в Письме — основание и цель. И кроме правды есть еще неправда, и, чтобы их различить, нужно кое-что знать.

Он расправил плечи и зашагал вперед.

Когда он подошел к церкви, собрание давно уже было в разгаре; он тихо скользнул в дверь, нашел Мэри и встал рядом с ней. Она взяла его под руку и улыбнулась.

— Ты опоздал,— прошептала она.

— Виноват,— отвечал он шепотом. Они стояли рядом, взявшись за руки, глядя, как мерцают две большие свечи по бокам огромной Священной Картины.

Джон подумал, что раньше она никогда не была так хорошо видна; он знал, что свечи зажигают только по случаю важных событий.

Он узнал людей, которые сидели под Картиной,— своего друга Джо, Грега и Фрэнка. И он был горд тем, что Джо, его друг, был одним из троих, кто сидел под Картиной, потому что для этого нужно было быть набожным и примерным.

Они только что прочли о Начале Начал, Джо встал и повел рассказ про Конец.

«Мы движемся к Концу. Мы увидим знаки, которые будут предвещать Конец, но о самом Конце никто не может знать, ибо он скрыт...»

Джон почувствовал, как Мэри пожала ему руку, и ответил тем же. В этом пожатии он почувствовал утешение, которое дают жена, и Вера, и ощущение Братства всех людей.

Когда он ел обед, оставленный для него Мэри, она сказала, что Вера — большое утешение. И это была правда, Вера была утешением. Она говорила, что все хорошо, что все к лучшему. Что даже Конец — тоже к лучшему.

«А им нужно утешение,— подумал он.— Больше всего на свете им нужно утешение. Они так одиноки, особенно теперь, когда звезды остановились и сквозь окна видна пустота, окружающая их. Они еще более одиноки, потому что не знают цели, не знают ничего, хотя и утешаются знанием того, что все к лучшему».

«Раздастся Грохот, и звезды прекратят свое движение и будут висеть, одинокие и яркие, в глубине тьмы, той вечной тьмы, которая охватывает все, кроме людей в Корабле...»

«Вот оно,— подумал Джон.— Вот оговорка, которая их утешает. Сознание того, что только они одни укрыты и защищены от вечной ночи. А впрочем, откуда взялось это сознание? Из какого источника? Из какого откровения?» И он выругал себя за эти мысли, которые не должны появляться во время собрания в церкви.

«Он, как Джошуа,— сказал он себе.— Он сомневается во всем. Думает о таких вещах, которые всю жизнь принимал на веру, которые принимали на веру все поколения».

Он поднял голову и посмотрел на Священную Картину — на Дерево, и на Цветы, и на Реку, и на Дом вдалеке, и на Небо с Облаками; Ветра не было видно, но он чувствовался.

Это было красиво. На Картине он видел такие цвета, каких нигде не видел, кроме как на Священных Картинах. «Где же такое место,— подумал он.— А может, это только символ, только воплощение того лучшего, что заключено в людях, только изображение мечты всех запертых в Корабле?»

Запертых в Корабле! Он даже задохнулся от такой мысли. Запертых! Они ведь не заперты, а защищены, укрыты от всяких

бед, от всего, что таится во тьме вечной ночи. Он склонил голову в молитве, сокрушаясь и раскаиваясь. Как это ему только могло прийти в голову!

Он почувствовал руку Мэри в своей и подумал о ребенке, которого они смогут иметь, когда Джошуа умрет. Он подумал о шахматах, в которые он всегда играл с Джо. О долгих, темных ночах, когда рядом с ним была Мэри.

Он подумал о своем отце, и снова слова давно умершего застучали у него в голове. И он вспомнил о Письме, в котором говорилось о знаниях, о назначении, о цели.

«Что же мне делать,— спросил он себя.— По какой дороге идти? Что значит Конец?»

Считая двери, он нашел нужную и вошел. В комнате лежал толстый слой пыли, но лампочка еще горела. На противоположной стене была дверь, о которой говорилось в Письме: дверь с циферблатом посередине. «Сейф»,— было сказано в Письме.

Он подошел к двери, оставляя следы в пыли, и встал перед ней на колени. Стер рукавом пыль и увидел цифры. Он положил Письмо на пол и взялся за стрелку. «Поверни стрелку сначала на 6, потом на 15, обратно на 8, потом на 22 и, наконец, на 3». Он аккуратно все выполнил и, повернув ручку в последний раз, услышал слабый щелчок открывающегося замка.

Он взялся за ручку и потянул. Дверь медленно открылась: она оказалась очень тяжелой. Войдя внутрь, он включил свет. Все было так, как говорило Письмо. Там стояла кровать, рядом с ней — машина, а в углу — большой стальной ящик.

Воздух был спертый, но не пыльный: комната не соединялась с системой кондиционирования воздуха, которая в течение веков разнесла пыль по всем другим комнатам.

Стоя там в одиночестве при ярком свете лампы, освещавшей кровать, и машину, и стальной ящик, он почувствовал ужас, леденящий ужас, от которого вздрогнул, хотя и старался стоять прямо и уверенно,— остаток страха, унаследованного от многих поколений, закосневших в невежестве и безразличии.

Знания боялись, потому что это было зло. Много лет назад так решили те, кто решал за людей, и они придумали закон против Чтения и сожгли книги.

А Письмо говорило, что знания необходимы.

И Джошуа, стоя у стеллажа с помидорами, среди других стеллажей с тянущимися вверх растениями, сказал, что должно быть основание и что знания раскроют его.

Но их было только двое, Письмо и Джошуа, против всех остальных, против решения, принятого много поколений назад.

«Нет,— возразил он сам себе,— не только двое, а еще мой отец, и его отец, и отец его отца, и все отцы перед ним, которые передавали друг другу Письмо, Книгу и искусство Чтения». И он знал, что он сам, если бы он имел ребенка, передал бы ему Письмо и Книгу и научил бы его читать. Он представил себе эту картину: они вдвоем, притаившись в каком-нибудь углу, при тусклом свете лампы разбираются в том, как из букв складываются слова, нарушая закон, продолжая еретическую цепь, протянувшуюся через многие поколения.

И вот наконец результат: кровать, машина и большой стальной ящик. Вот наконец то, к чему все это привело.

Он осторожно подошел к кровати, как будто там могла быть ловушка. Он пощупал ее — это была обычная кровать.

Повернувшись к машине, он внимательно осмотрел ее, проверил все контакты, как было сказано в Письме, отыскал шлем, нашел выключатели. Обнаружив два отошедших контакта, он поджал их. Наконец после некоторого колебания включил первый тумблер, как было сказано в инструкции, и загорелась красная лампочка. Итак, он готов.

Он сел на кровать, взял шлем и плотно надел его на голову. Потом лег, протянул руку, включил второй тумблер — и услышал колыбельную.

Колыбельную песню, мелодию, зазвучавшую у него в голове,— и он почувствовал легкое покачивание и подступающую дремоту.

Джон Хофф уснул.

Он проснулся и ощутил в себе знания.

Он медленно оглядывался, с трудом узнавая комнату, стену без Священной Картины, незнакомую машину, незнакомую толстую дверь, шлем на голове.

Он снял шлем и, держа его в руке, наконец-то понял, что это такое. Понемногу, с трудом, он вспомнил все: как нашел комнату, как открыл ее, как проверил машину и лег на кровать в шлеме.

Он знал, где он и почему он здесь. И многое другое. Знал то, чего не знал раньше. И то, что он теперь знал, напугало его.

Он уронил шлем на колени и сел, вцепившись в края кровати.

Космос! Пустота. Огромная пустота с рассеянными в ней сверкающими солнцами, которые назывались звездами. И через это пространство, сквозь расстояния, такие безмерно великие, что их нельзя было измерить милями, а только световыми годами, неслась вещь, которая называлась корабль — не Корабль с большой буквы, а просто корабль, один из многих.

Корабль с планеты Земля — с самого Солнца, не со звезды, а с одной из многих планет, кружившихся вокруг звезды.

«Не может быть,— сказал он себе.— Этого просто не может быть. Ведь Корабль не двигается. Не может быть космоса. Не может быть пустоты. Мы не можем быть крохотной точкой, странствующей пылинкой, затерянной в огромной пустоте, почти невидимой рядом со звездами, сверкающими в окнах.

Потому что если это так, то мы ничего не значим. Мы просто случайный факт во Вселенной. Меньше, чем случайный факт. Меньше, чем ничто. Шальная капелька странствующей жизни, затерянная среди бесчисленных звезд».

Он спустил ноги с кровати и сел, уставившись на машину.

«Знания хранятся там»,— подумал он. Так было сказано в Письме, знания, записанные на мотках пленки, знания, которые вбиваются, внушаются, внедряются в мозг спящего человека.

И это только начало, только первый урок. Это только первые крупицы старых, мертвых знаний, собранных давным-давно, знаний, хранившихся на черный день, спрятанных от людей. И эти знания — его. Они здесь, на пленке, в шлеме. Они принадлежат ему — бери и пользуйся. А для чего? Ведь знания были бы ненужными, если бы не имели цели.

И истинны ли они? Вот в чем вопрос. Истинны ли эти знания? А как узнать Истину? Как распознать ложь?

Конечно, узнать нельзя. Пока нельзя. Знания проверяются другими знаниями. А он знает пока еще очень мало. Больше, чем кто бы то ни было на Корабле за долгие годы, но все же так мало. Ведь он знает, что где-то должно быть объяснение звезд, и планет, кружащихся вокруг звезд, и пространства, в

котором находятся звезды, и Корабля, который несется среди этих звезд.

Письмо говорило о цели и назначении, и он должен это узнать — цель и назначение.

Он положил шлем на место, вышел из комнаты, запер за собой дверь и зашагал чуть более уверенно, но все же чувствуя за собой гнетущую вину. Потому что теперь он нарушил не только дух, но и букву закона — и нарушил во имя цели, которая, как он подозревал, уничтожит закон.

Он спустился по длинным эскалаторам на нижний этаж. В зале он нашел Джо, сидевшего перед доской с расставленными фигурами.

— Где ты был? — спросил Джо.— Я тебя ждал.

— Так, гулял,— сказал Джон.

— Ты уже три дня «так гуляешь»,— сказал Джо и насмешливо посмотрел на него.— Помнишь, какие штуки мы в детстве выкидывали? Воровали и все такое...

— Помню, Джо.

— У тебя всегда перед этим бывал такой чудной вид. И сейчас у тебя тот же чудной вид.

— Я ничего не собираюсь выкидывать,— сказал Джон.— Я ничего не ворую.

— Мы много лет были друзьями,— сказал Джо.— У тебя есть что-то на душе.

Джон посмотрел на него и попытался увидеть мальчишку, с которым они когда-то играли. Но мальчишки не было. Был человек, который сидел под Картиной во время собраний, который читал про Конец,— набожный, примерный.

Он покачал головой:

— Нет, Джо, ничего.

— Я только хотел помочь.

«Но если бы он узнал,— подумал Джон,— он бы не захотел помочь. Он посмотрел бы на меня с ужасом, донес бы на меня в церкви, первый закричал бы о ереси». Ведь это и есть ересь, сомнений быть не может. Это значило отрицать Миф, отнять у людей спокойствие незнания, опровергнуть веру в то, что все к лучшему; это значило, что они больше не должны сидеть сложа руки и полагаться на Корабль.

— Давай сыграем,— решительно сказал он.

— Значит, так, Джон? — спросил Джо.

— Да, так.

— Ну, твой ход.

Джон пошел с ферзевой пешки. Джо уставился на него.

— Ты же всегда ходишь с королевской.

— Я передумал. Мне кажется, что такой дебют лучше.

— Как хочешь,— сказал Джо.

Они сыграли, и Джо без труда выиграл.

Целые дни Джон проводил на кровати со шлемом на голове: убаюканный колыбельной, он пробуждался с новыми знаниями. Наконец он узнал все.

Он узнал о Земле и о том, как земляне построили Корабль и послали его к звездам, и понял то стремление к звездам, которое заставило людей построить такой Корабль.

Он узнал, как подбирали и готовили экипаж, узнал о тщательном отборе предков будущих колонистов и о биологических исследованиях, которые определили их спаривание, с тем чтобы сороковое поколение, которому предстояло достигнуть звезд, было отважной расой, готовой встретить все трудности.

Он узнал и об обучении, и о Книгах, которые должны были сохранить знания, и получил некоторое представление о психологической стороне всего проекта.

Но что-то оказалось неладно. И не с Кораблем, а с людьми.

Книги спустили в конвертор. Земля была забыта, и появился Миф, знания были утеряны и заменены Легендой. На протяжении сорока поколений план был потерян, цель — забыта, и люди всю жизнь жили в твердой уверенности, что они — это все, что Корабль — Начало и Конец, что Корабль и люди на нем созданы каким-то божественным вмешательством и что вся их упорядоченная жизнь направляется хорошо разработанным божественным планом, по которому все идет к лучшему.

Они играли в шахматы, в карты, слушали старую музыку, никогда не задаваясь вопросом, кто изобрел карты и шахматы, кто написал музыку, подолгу сплетничали, рассказывали старые анекдоты и сказки, переданные предыдущими поколениями, и убивали так не просто часы, а целые жизни. У них не было истории, они ни о чем не задумывались и не заглядывали в будущее, так как, что бы ни произошло, все к лучшему.

Из года в год они не знали ничего, кроме Корабля. Еще при жизни первого поколения Земля стала туманным воспоминанием, оставшимся далеко позади, и не только во времени и пространстве, но и в памяти. В них не было преданности Земле, которая не давала бы им о ней забыть. В них не было и преданности Кораблю, потому что Корабль в ней не нуждался.

Корабль был для них матерью, которая давала им приют. Корабль кормил их, укрывал и оберегал от опасности.

Им было некуда идти, нечего делать, не о чем думать. И они приспособились к этому.

«Младенцы,— подумал Джон.— Младенцы, прижимающиеся к матери. Младенцы, бормочущие старые детские стишки. И некоторые стишки правдивее, чем они думают».

Было сказано, что когда раздастся Грохот и звезды остановятся в своем движении, то это значит, что скоро придет Конец.

И это правда. Звезды двигались потому, что Корабль вращался вокруг продольной оси, создавая искусственную силу тяжести. Но когда Корабль приблизится к месту назначения, он должен будет автоматически прекратить вращение и перейти в нормальный полет, а сила тяжести тогда будет создана гравитаторами. Корабль уже падал вниз, к той звезде, к той Солнечной системе, к которой он направлялся. Падал на нее, если — Джон Хофф покрылся холодным потом при этой мысли,— если он уже не промахнулся.

Потому что люди могли измениться. Но Корабль не мог. Он не приспосабливался. Он все помнил даже тогда, когда его пассажиры обо всем забыли. Верный записанным на пленку указаниям, которые были заданы больше тысячи лет назад, он держался своего курса, сохранил свою цель, не потерял из виду точку, куда был направлен, и сейчас приближался к ней.

Автоматическое управление, но не полностью.

Корабль мог выйти на орбиту вокруг планеты без помощи человеческого мозга, без помощи человеческих рук. Целую тысячу лет он обходился без помощи человека, но в последний момент человек понадобится ему, чтобы достигнуть цели.

«И я,— сказал себе Джон Хофф,— я и есть этот человек».

Один человек. А сможет ли один человек это сделать?

Он подумал о других людях. О Джо, и Хербе, и Джордже, и обо всех остальных — и среди них не было такого, на кого он

мог бы положиться, к кому он мог бы пойти и рассказать о том, что сделал.

Он держал весь Корабль в голове. Он знал, как Корабль устроен и как управляется. Но, может быть, этого мало. Может быть, нужно более близкое знакомство и тренировка. Может быть, человек должен сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. А у него нет на это времени.

Он стоял рядом с машиной, которая дала ему знания. Теперь вся пленка была прокручена и цель машины достигнута, так же как цель Письма, так же как будет достигнута цель Человечества и Корабля, если голова Джона будет ясной, а рука твердой. И если его знаний хватит.

В углу еще стоял ящик. Он откроет его — и это будет все. Тогда будет сделано все, что для него могли сделать, а остальное будет зависеть от него самого.

Он медленно встал на колени перед ящиком и открыл крышку. Там были свернутые листы бумаги, много листов, а под ними — книги, десятки книг, и в одном из углов — стеклянная капсула, заключавшая в себе какой-то механизм. Он знал, что это не что иное, как пистолет, хотя никогда еще не видел пистолета. Он поднял капсулу, и под ней был конверт с надписью: «КЛЮЧИ». Он разорвал конверт. Там было два ключа. На одном было написано: «Рубка управления», на другом: «Машинное отделение».

Он сунул ключи в карман и взялся за капсулу. Быстрым движением он разломил ее пополам. Раздался слабый хлопок: в капсулу ворвался воздух. В руках Джона был пистолет.

Он был нетяжелый, но достаточно увесистый, чтобы почувствовать его власть. Он показался Джону сильным, мрачным и жестоким. Джон взял его за рукоятку, поднял, прицелился и почувствовал прилив древней недоброй силы — силы человека, который может убивать,— и ему стало стыдно.

Он положил пистолет назад в ящик и вынул один из свернутых листов. Осторожно разворачивая его, он услышал слабое протестующее потрескивание. Это был какой-то чертеж, и Джон склонился над ним, пытаясь понять, что бы это могло быть, разобрать слова, написанные печатными буквами вдоль линий.

Он так ничего и не понял и положил чертеж, и тот сразу же свернулся в трубку, как живой.

Он взял другой чертеж, развернул его. Это был план одной из секций Корабля. Еще и еще один — это тоже были секции Корабля, с коридорами и эскалаторами, рубками и каютами.

Наконец он нашел чертеж, который изображал весь Корабль в разрезе, со всеми каютами и гидропонными оранжереями. В переднем его конце была рубка управления, в заднем — машинное отделение.

Он расправил чертеж, вгляделся и увидел, что там что-то неправильно. Но потом он сообразил, что если отбросить рубку и машинное отделение, то все верно. И он подумал, что так и должно было быть, что много лет назад кто-то запер рубку и машинное отделение, чтобы уберечь их от вреда,— специально для этого дня. Для людей на Корабле ни рубки, ни машинного отделения просто не существовало, и поэтому чертеж казался неправильным.

Он дал чертежу свернуться и взял другой. Это было машинное отделение. Он изучал его, наморщив лоб, пытаясь сообразить, что там изображено, и хотя о назначении некоторых устройств он догадывался, но были и такие, которых он вообще не понимал. Джон нашел конвертор и удивился, как он мог быть в запертом помещении,— ведь все эти годы им пользовались. Но потом он увидел, что конвертор имел два выхода: один в самом машинном отделении, а другой — за гидропонными оранжереями.

Он отпустил чертеж, и тот свернулся в трубку, так же как и остальные. Он продолжал сидеть на корточках около ящика, чуть покачиваясь взад и вперед и глядя на чертежи, и думал: «Если мне были нужны еще доказательства, то вот они».

Планы и чертежи Корабля. Планы, созданные и вычерченные людьми. Мечты о звездах, воплощенные в листах бумаги. Никакого божественного вмешательства. Никакого Мифа. Просто обычное человеческое планирование.

Он подумал о Священных Картинах: а что они такое? Может быть, они тоже были ложью, как и Миф? Жаль, если это так. Потому что они были таким утешением. И Вера тоже. Она тоже была утешением.

Сидя на корточках над свитками чертежей в этой маленькой комнате, с машиной, кроватью и ящиком, он съежился и обхватил себя руками, чувствуя почти жалость к себе.

Как бы он хотел, чтобы ничего не начиналось. Чтобы не было Письма. Чтобы он по-прежнему был невеждой, уверенным в своей безопасности. Чтобы он по-прежнему продолжал играть с Джо в шахматы.

Из двери раздался голос Джо:

— Так вот где ты прячешься!

Он увидел ноги Джо, прочно стоящие на полу, поднял глаза и увидел его лицо, на котором застыла полуулыбка.

— Книги! — сказал Джо.

Это слово было неприличным. И Джо произнес его, как неприличное слово. Как будто человека поймали за каким-то постыдным делом, уличили в грязных мыслях.

— Джо...— сказал Джон.

— Ты не хотел мне сказать,— сказал Джо.— Ты не хотел моей помощи. Еще бы!

— Джо, послушай...

— Прятался и читал Книги!

— Послушай, Джо! Все ложь. Корабль сделали такие же люди, как и мы. Он куда-то направляется. Я знаю теперь, что такое Конец...

Удивление и ужас исчезли с лица Джо. Теперь это было суровое лицо. Лицо судьи. Оно возвышалось над ним, и в нем не было пощады. В нем не было даже жалости.

— Джо!

Джо резко повернулся и бросился к двери.

— Джо! Постой, Джо!

Но он ушел.

Джон услышал звук его шагов по коридору, к эскалатору, который приведет его на жилые этажи.

Он побежал, чтобы созвать толпу. Послать ее по всему Кораблю охотиться за Джоном Хоффом. И когда они поймают Джона Хоффа...

Когда они поймают Джона Хоффа, это будет настоящий Конец. Тот самый неизвестный Конец, о котором говорят в церкви. Потому что уже не будет никого — никого, кто знал бы цель, основание и назначение.

И получится, что тысячи людей умерли зря. Получится, что труд, и гений, и мечты тех, кто построил Корабль, пропали зря.

Это было бы огромное расточительство. А расточать — преступление. Нельзя выбрасывать. И не только пищу и воду, но и человеческие жизни и мечты.

Рука Джона потянулась к ящику и схватила пистолет. Его пальцы сжали рукоятку, а ярость все росла в нем, ярость отчаяния, последней надежды, моментальная, слепая ярость человека, у которого намеренно отнимают жизнь.

Впрочем, это не только его жизнь, а жизнь всех других: Мэри, и Херба, и Луизы, и Джошуа.

Он бросился бежать, выскочил в дверь и поскользнулся, поворачивая направо по коридору. Он помчался к эскалатору. В темноте неожиданно наткнулся на ступеньки и подумал: как хорошо, что он много раз бывал здесь, нащупывая дорогу в темноте. Теперь он чувствовал себя как дома, и в этом было его преимущество перед Джо.

Он пронесся по лестницам, чуть не упав; свернул в коридор, нашел следующий пролет — и впереди услышал торопливые, неверные шаги того, за кем гнался.

Он знал, что в следующем коридоре только одна тусклая лампочка в самом конце. Если бы поспеть вовремя...

Он катился вниз по лестнице, держась одной рукой за перила, едва касаясь ногами ступеней.

Пригнувшись, он наконец влетел в коридор и там, впереди, при тусклом свете лампочки увидел бегущую темную фигуру. Он поднял пистолет и нажал кнопку; пистолет дернулся у него в руке, и коридор осветила яркая вспышка.

Свет на секунду ослепил его. Он сидел на полу, скорчившись, и в голове у него билась мысль: «Я убил Джо, своего друга».

Но это не был Джо. Это не был мальчишка, с которым он вырос. Это не был человек, сидевший напротив него по ту сторону шахматной доски. Это не был Джо — его друг. Это был кто-то другой — человек с лицом судьи, человек, побежавший созвать толпу, человек, который всех обрекал на неведомый Конец.

Джон чувствовал, что прав, но все же дрожал.

Минутное ослепление прошло, и он увидел на полу темную массу.

Его руки тряслись, он сидел неподвижно и ощущал тошноту и слабость во всем теле.

Не расточай! Не выбрасывай! Эти неписаные законы известны всем. Но были и такие законы, о которых даже никогда не упоминалось, потому что в этом не было необходимости. Не говорили, что нельзя украсть чужую жену, что нельзя лжесвидетельствовать, что нельзя убивать, потому что эти преступления исчезли задолго до того, как звездный Корабль оторвался от Земли.

Это были законы благопристойности, законы хорошего поведения. И он нарушил один из них. Он убил человека. Убил своего друга.

«Правда,— сказал он себе,— он не был мне другом. Он был врагом — врагом всем нам».

Джон Хофф выпрямился и напряг все тело, чтобы остановить дрожь. Он сунул пистолет за пояс и на негнущихся ногах пошел по коридору к темной массе на полу.

В полумраке это было легче, потому что он плохо видел, что там лежит. Тело лежало ничком, и лица не было видно. Было бы хуже, если б лицо было обращено вверх, к нему.

Он стоял и думал. Вот-вот люди хватятся Джо и начнут его искать. А они не должны его найти. Не должны узнать, что произошло. Само понятие убийства давно исчезло, и оно не должно появиться вновь. Потому что если убил один человек — не важно, почему и зачем,— то могут найтись и другие, которые будут убивать. Если согрешил один, его грех должен быть скрыт, потому что один грех приведет к другому греху, а когда они достигнут нового мира, новой планеты (если они ее достигнут), им понадобится вся внутренняя сила, вся сила товарищества, на которую они способны.

Он не мог спрятать тело, потому что не было такого места, где бы его не нашли. И не мог спустить его в конвертор, потому что для этого нужно было пройти через гидропонные оранжереи.

Впрочем, нет, зачем? Ведь есть другой путь к конвертору — через машинное отделение.

Он похлопал себя по карману. Ключи были там. Он наклонился, дотронувшись до еще теплого тела. Он отступил к металлической стене. Его опять затошнило, и в голове непрестанно билась мысль о том, что он виновен.

Но он подумал о своем старом отце с суровым лицом, и о том давно умершем человеке, который написал Письмо, и обо

всех других, кто передавал его, совершая преступление ради Истины, ради знания и спасения.

Сколько мужества, подвигов и дерзаний, сколько одиноких ночей, проведенных в мучительных раздумьях! Нельзя, чтобы все это пропало из-за его нерешительности или сознания вины.

Он оторвался от стены, поднял тело Джо и взвалил его на плечи. Оно безжизненно повисло. Раздалось бульканье. И что-то теплое и мокрое потекло по его спине.

Он стиснул зубы, чтобы не стучали, и, пошатываясь, побрел по мертвым эскалаторам, по темным коридорам к машинному отделению. Наконец он добрался до двери и положил свою ношу на пол, чтобы достать ключи. Он нашел нужный ключ и повернул в замке, налег на дверь, и она медленно отворилась. В лицо ему пахнул порыв теплого воздуха. Ярко горели огни, и раздавалось жужжание и повизгивание вращающегося металла.

Он поднял Джо, внес его, запер дверь и встал, разглядывая огромные машины. Одна из них вертелась, и он узнал ее: гироскоп-стабилизатор тихо жужжал, подвешенный на шарнирах.

Сколько времени понадобится ему, чтобы понять все эти массивные, сложные машины? Насколько люди отстали от знаний тысячелетней давности?

А ноша давила ему на плечи, и он слышал, как на пол падают редкие, теплые, липкие капли.

Ликуя и содрогаясь от ужаса, он возвращался в прошлое. Назад, сквозь тысячу лет, к знанию, которое могло создавать такие машины. Даже еще дальше — к неуравновешенности чувств, которая могла заставить людей убивать друг друга.

«Я должен от него избавиться,— с горечью подумал Джон Хофф.— Но это невозможно. Даже когда он исчезнет, станет чем-то совсем другим, когда вещества, из которых он состоит, превратятся во что-то еще,— даже тогда я не смогу от него избавиться. Никогда!»

Джон нашел люк конвертора, уперся ногами в пол. Люк заело. Джон дернул, и он открылся. Перед ним зияло жерло, достаточно большое, чтобы бросить туда человеческое тело. Из глубины слышался рев механизмов, и ему показалось, что он уловил адский отблеск бушующего огня. Он осторожно дал телу соскользнуть с плеча, подтолкнул его в последний раз, закрыл люк и всей тяжестью навалился на педаль.

Дело было сделано.

Он отшатнулся от конвертора и вытер лоб. Наконец-то он избавился от своей ноши. Но тяжкое бремя все равно осталось с ним. «И осталось навсегда,— подумал он.— Навсегда».

Он услышал шаги, но не обернулся. Он знал, чьи это шаги — призрачные шаги, которые будут преследовать его всю жизнь, шаги угрызений совести в его душе.

Послышался голос:

— Что ты сделал, парень?

— Я убил человека. Я убил своего друга.

И он обернулся, потому что ни шаги, ни голос не принадлежали привидению.

Говорил Джошуа:

— Было ли у тебя основание?

— Да. Основание и цель.

— Тебе нужен друг,— сказал Джошуа.— Тебе нужен друг, мой мальчик.

Джон кивнул:

— Я узнал цель Корабля. И назначение. Он застал меня. Он хотел донести. Я... я...

— Ты убил его.

— Я подумал: одна жизнь или все? И я взял только одну жизнь. Он бы взял все.

Они долго стояли, глядя друг на друга.

Старик сказал:

— Это неправильно — взять жизнь. Неправильно, недостойно.

Коренастый и спокойный, он стоял на фоне машин, но в нем было что-то живое, какая-то движущая сила, как и в машинах.

— Также неправильно обрекать людей на судьбу, для которой они не предназначались. Неправильно забывать цель из-за незнания и невежества,— ответил Джон.

— Цель Корабля? А это хорошая цель?

— Не знаю,— ответил Джон.— Я не уверен. Но это по крайней мере цель. А цель, какая бы она ни была, лучше, чем отсутствие цели.

Джон поднял голову и отбросил назад волосы, прилипшие ко лбу.

— Ладно,— сказал он.— Я иду с тобой. Я взял одну жизнь и больше не возьму.

Джошуа медленно, мягко произнес:

— Нет, парень. Это я иду с тобой.

Видеть бесконечную пустоту, в которой звезды сверкали, как вечные крохотные сигнальные огоньки, было неприятно даже из наблюдательной рубки. Но видеть это из рубки управления, большое стеклянное окно которой открывалось прямо в пасть пространства, было еще хуже: внизу не видно дна, вверху не видно границ. То чудилось, что к этой звезде можно протянуть руку и сорвать ее, то она казалась такой далекой, что от одной мысли об этом начинала кружиться голова.

Звезды были далеко. Все, кроме одной. А эта одна сверкала сияющим солнцем совсем рядом, слева.

Джон Хофф взглянул на Джошуа. На лице старика застыло выражение недоверия, страха, почти ужаса.

«А ведь я знал,— подумал Джон.— Я знал, как это может выглядеть. Я имел какое-то представление. А он не имел никакого».

Он отвел глаза от окна, увидел ряды приборов и почувствовал, что сердце его упало и руки одеревенели.

Уже некогда сживаться с Кораблем. Некогда узнать его поближе. Все, что нужно сделать, он должен сделать, только следуя своему разуму и отрывочным знаниям, которые получил от машины его мозг, неподготовленный и нетренированный.

— Что мы должны делать? — прошептал Джошуа.— Парень, что нам делать?

И Джон Хофф тоже подумал: «А что мы должны делать?»

Он медленно поднялся по ступенькам к креслу, на спинке которого было написано: «Пилот». Медленно забрался в кресло, и ему показалось, что он сидит на краю пропасти, откуда в любой момент может соскользнуть вниз, в пустоту.

Осторожно опустив руки на подлокотники кресла и вцепившись в них, он попробовал ориентироваться, свыкнуться с мыслью, что сидит на месте пилота, а перед ним — ручки и кнопки, которые он может поворачивать или нажимать и посылать сигналы работающим машинам.

— Звезда,— сказал Джошуа.— Вот эта большая налево, которая горит...

— Все звезды горят.

— Нет, вот — большая...

— Это та звезда, к которой мы стремились тысячу лет,— ответил Джон. И он надеялся, что не ошибся. Как он хотел бы быть в этом уверенным!

И тут он почувствовал страшную тревогу. Что-то было неладно. И очень неладно.

Джон попытался думать, но космос мешал, он был слишком близко. Он был слишком близок, огромен и пуст, и думать было бесполезно. Нельзя перехитрить космос. Нельзя с ним бороться. Космос слишком велик и жесток. Космосу все равно. В нем нет милосердия. Ему все равно, что станет с Кораблем и с людьми на нем.

Единственными, кому было не все равно, были те люди на Земле, что запустили Корабль, и — некоторое время — те, кто управлял им в начале пути. А теперь — только он да старик. Только им не все равно.

— Она больше других,— сказал Джошуа.— Мы ближе к ней.

Вот в чем дело! Вот что вызвало эту необъяснимую тревогу. Звезда слишком близко — она не должна быть так близко!

Он с трудом оторвал взгляд от пустоты за окном и посмотрел на пульт управления. И увидел только бессмысленную массу ручек и рычагов, вереницы кнопок циферблатов...

Он смотрел на пульт и понемногу начинал разбираться в нем. Знания, которые вдолбила в него машина, пробуждались. Он смотрел на показания стрелок и уже кое-что понимал. Он нашел несколько ручек, о которых должен был что-то знать. В его мозгу в кошмарной пляске закружились сведения по математике, которой он никогда не знал.

«Бесполезно,— сказал он себе.— Это была хорошая идея, но она не сработала. Машина не может обучить человека. Она не может вбить в него достаточно знаний, чтобы управлять Кораблем».

— Я не сумею это сделать, Джошуа,— простонал он.— Это невозможно.

Где же планеты? Как ему найти их? И когда он их найдет (если найдет), что тогда делать?

Корабль падал на Солнце.

Джон не знал, где искать планеты. И Корабль двигался слишком быстро — намного быстрее, чем нужно. Джон вспотел. Пот выступил каплями на лбу, потек по лицу, по телу.

— Спокойнее, парень. Спокойнее.

Он попробовал успокоиться, но не мог. Он протянул руку и открыл маленький ящичек под пультом. Там была бумага и карандаши. Он взял лист бумаги и карандаш и набросал основные показания приборов: абсолютную скорость, ускорение, расстояние до звезды, угол падения на звезду.

Были еще и другие показания, но эти — самые главные, и с ними нужно считаться.

В его мозгу пробудилась мысль, которую много раз внушала ему машина. «Управлять Кораблем — это не значит направлять его в какую-то точку, а знать, где он будет в любой данный момент в ближайшем будущем».

Он принялся за вычисления. Математика с трудом проникала в его сознание. Он сделал расчет, набросал график и на два деления передвинул рычаг управления, надеясь, что сделал правильно.

— Разбираешься? — спросил Джошуа.

Джон покачал головой:

— Посмотрим. Узнаем через час.

Немного увеличить скорость, чтобы избежать падения на Солнце. Проскочить мимо Солнца, потом повернуть обратно под действием его притяжения — сделать широкую петлю в пространстве и снова вернуться к Солнцу. Вот как это делается, по крайней мере он надеялся, что именно так. Об этом рассказывала ему машина.

Он сидел весь обмякший, думая об этой удивительной машине, размышляя, насколько можно доверять бегущей пленке и шлему на голове.

— Мы долго здесь пробудем,— сказал Джошуа.

Джон кивнул:

— Да, пожалуй. Это займет много времени.

— Тогда,— сказал старик,— я пойду и раздобуду чего-нибудь поесть.

Он пошел к двери, потом остановился.

— А Мэри? — спросил он.

Джон покачал головой:

— Пока не надо. Оставим их в покое. Если у нас ничего не выйдет...

— У нас все выйдет.

Джон резко оборвал его.

— Если у нас ничего не выйдет, лучше, чтобы они ничего не знали.

— Пожалуй, ты прав,— сказал старик.— Я пойду принесу поесть.

Два часа спустя Джон уже знал, что Корабль не упадет на Солнце. Он пройдет близко — слишком близко, всего в нескольких миллионах километров, но скорость его будет такова, что он проскочит мимо и снова вылетит в пространство, притягиваемый Солнцем, рвущийся прочь от этого притяжения, теряя скорость в этой борьбе.

Траектория его полета изменится под действием Солнца, и он будет лететь по орбите — по очень опасной орбите, потому что если оставить ее неизменной, то при следующем обороте Корабль все-таки упадет на Солнце. Пока Корабль не повернет обратно к Солнцу, Джон должен добиться контроля над ним, но самое главное — он выиграл время. Он был уверен: если бы он не прибавил скорость на два деления, то Корабль или врезался бы в Солнце сразу, или начал бы вращаться вокруг него по все более суживающейся орбите, вырвать с которой его не могла бы даже фантастическая сила могучих машин.

Он имел время, он кое-что знал, и Джошуа пошел за едой. Времени было немного, и он должен использовать его. Надо разбудить знания, притаившиеся где-то в мозгу, внедренные туда, и он должен употребить их для той цели, для которой они предназначались.

Теперь он был спокойнее и чуть больше уверен в себе. Думая о своей неловкости, он удивлялся, как это люди, запустившие Корабль с Земли, и те, кто управлял им до того, как пришло Невежество, могли так точно направить его. Наверное, это случайность, потому что невозможно так пустить снаряд в маленькую мишень, чтобы он летел тысячу лет и попал в нее. Или возможно?

«Автоматически... Автоматически...» — звенело у него в голове одно-единственное слово. Корабль был автоматическим. Он сам летел, сам производил ремонт, сам обслуживал себя, сам двигался к цели. Мозг и рука человека должны были только сказать ему, что делать. Сделай это, говорили мозг и рука, и Корабль делал. Только это и было нужно — дать задание.

Весь секрет и был в том, как же приказать Кораблю. Что ему приказать и как это сделать. Вот что его беспокоило.

Он слез с кресла и обошел рубку. Все покрывал тонкий слой пыли, но когда Джон протер металл рукавом, он заблестел так же ярко, как и в день постройки Корабля.

Он нашел всякие вещи, некоторые знакомые, а некоторые незнакомые. Но самое главное — он нашел телескоп и после нескольких неудачных попыток вспомнил, как с ним обращаться. Теперь он знал, как искать планеты,— если это нужная звезда и у нее есть планеты.

Прошло три часа. Джошуа не возвращался. Слишком долго, чтобы достать еды. Джон зашагал по комнате, борясь со страхом. Наверное, со стариком что-то случилось.

Он вернулся к телескопу и начал разыскивать планеты. Сначала это было трудно, но понемногу, привыкая к обращению с телескопом, он начал припоминать все новые и новые данные.

Он отыскал одну планету и услышал стук. Он оторвался от телескопа и шагнул к двери.

Коридор был полон людей. Они все кричали на него, кричали с ненавистью, и в этом реве были гнев и осуждение; он сделал шаг назад.

Впереди были Херб и Джордж, а за ними остальные — мужчины и женщины. Он поискал глазами Мэри, но не нашел.

Толпа рвалась вперед. На их лицах была злоба и отвращение, и Джон почувствовал, как волна страха, исходившая от них, окутала его.

Его рука опустилась к поясу, нащупала рукоятку пистолета и вытащила его. Он направил пистолет вниз и нажал кнопку. Только один раз. Вспышка осветила дверь, и толпа отшатнулась. Дверь почернела, запахло горелой краской.

Джон Хофф спокойно проговорил:

— Это пистолет. Из него я могу вас убить. Я вас убью, если вы будете вмешиваться. Уйдите. Вернитесь туда, откуда вы пришли.

Херб сделал шаг вперед и остановился.

— Это ты вмешиваешься, а не мы.

Он сделал еще шаг.

Джон поднял пистолет и направил на него.

— Я уже убил человека. И убью еще.

«Как легко,— подумал он,— говорить об убийстве, о смерти. И как легко сделать это теперь, когда я уже один раз убил».

— Джо пропал,— сказал Херб.— Мы ищем его.

— Можете больше не искать.

— Но Джо был твоим другом.

— И ты тоже. Но цель выше дружбы. Ты или со мной, или против меня. Середины нет.

— Мы отлучим тебя от церкви.

— Отлучите меня от церкви,— насмешливо повторил Джон.

— Мы сошлем тебя в центр Корабля.

— Мы были ссыльными всю нашу жизнь,— сказал Джон,— в течение многих поколений. Мы даже не знали этого. Я говорю вам — мы этого не знали. И, не зная этого, придумали красивую сказку. Мы убедили себя в том, что это правда, и жили ею. А когда я прихожу и доказываю вам, что это всего только красивая сказка, выдуманная потому, что мы должны были иметь сказку — должны были,— вы готовы отлучить меня от церкви и сослать. Это не выход, Херб. Это не выход.

Он похлопал рукой по пистолету.

— Вот выход,— сказал он.

— Джон, ты сумасшедший.

— А ты дурак,— сказал Джон.

Сначала он испугался, потом рассердился. А теперь он чувствовал только презрение к этим людям, столпившимся в коридоре, выкрикивающим пустые угрозы.

— Что вы сделали с Джошуа? — спросил он.

— Мы связали его,— ответил Херб.

— Вернитесь и развяжите его. И пришлите мне еды.

Они заколебались. Он сделал угрожающее движение пистолетом.

— Идите!

Они побежали.

Он захлопнул дверь и вернулся к телескопу.

Он нашел шесть планет, из них две имели атмосферу — вторая и пятая. Он посмотрел на часы: прошло много часов. Джошуа еще не появлялся. В дверь не стучали. Не было ни пищи, ни воды. Он снова уселся в кресло пилота.

Звезда была далеко позади. Скорость уменьшилась, но была еще слишком велика. Он подвинул рычаг назад и следил за тем, как ползет назад стрелка указателя скорости. Теперь это было безопасно, по крайней мере он надеялся, что безопасно. Корабль оказался в 54 миллионах километров от звезды, и можно было уменьшить скорость.

Он снова уставился на пульт управления, и все было уже яснее, понятнее, он знал о нем немного больше. В конце концов, это не так уж трудно. И будет не так трудно. Главное — есть время. Много времени. Нужно будет еще думать и рассчитывать, но для этого есть время.

Разглядывая пульт, он нашел вычислительную машину, которой не заметил раньше,— вот как давали приказания Кораблю! Вот чего ему не хватало, вот над чем он бился — как приказывать Кораблю. А это делалось так. Нужно отдать приказ маленькому мозгу.

Его преследовало одно слово — «автоматический»! Он нашел кнопку с надписью «телескоп», и еще — с надписью «орбита», и еще — «приземление».

Наконец-то, подумал он. После всех волнений и страха — это так просто. Именно таким эти люди там, на Земле, и должны были сделать Корабль. Просто. Невероятно просто. Так просто, что каждый дурак может посадить Корабль. Каждый, кто ткнет пальцем кнопку. Ведь они, наверное, догадывались, что может произойти на Корабле через несколько поколений. Они знали, что Земля будет забыта и что люди создадут новую культуру, приспособленную к условиям в Корабле. Догадывались — или планировали? Может быть, культура Корабля была частью общего плана? Разве могли бы люди жить тысячу лет на Корабле, если бы знали его цель и назначение?

Конечно, не могли бы. Они бы чувствовали себя ограбленными и обманутыми, они бы сошли с ума от мысли, что они всего только переносчики жизни, что их жизни и жизни многих поколений будут просто зачеркнуты, чтобы их потомки могли прибыть на далекую планету.

Был только один способ бороться с этим — забвение. К нему и прибегли, и это было к лучшему.

После смены нескольких поколений люди проводили свои маленькие жизни в условиях доморощенной культуры, и этого им было достаточно. Тысячи лет как будто и не было, потому что никто не знал про эту тысячу.

И все это время Корабль ввинчивался в пространство, направляясь к цели, прямо и точно.

Джон Хофф подошел к телескопу, поймал в фокус пятую планету и включил радары, которые держали бы ее в поле зрения.

Потом он вернулся к вычислительной машине и нажал кнопку с надписью «телескоп» и другую, с надписью «орбита».

Потом он сел ждать. Делать было больше нечего.

На пятой планете не было жизни.

Анализатор рассказал все. Атмосфера состояла в основном из метана, сила тяжести была в тридцать раз больше земной, давление под кипящими метановыми облаками близко к тысяче атмосфер. Были и другие факторы, но любого из этих трех было достаточно.

Джон Хофф вывел Корабль с орбиты и направил его к Солнцу. Снова сев за телескоп, он поймал в фокус вторую планету, включил вычислительную машину и опять уселся ждать.

Еще один шанс — и кончено. Потому что из всех планет только на двух была атмосфера. Или вторая планета, или ничего.

А если и вторая планета окажется мертвой, что тогда?

На это был только один ответ. Другого не могло быть. Повернуть Корабль еще к какой-нибудь звезде, прибавить скорость и надеяться — надеяться, что через несколько поколений люди найдут планету, на которой смогут жить.

У него начались голодные спазмы. В здешней системе водяного охлаждения еще оставалось несколько стаканов жидкости, но он выпил их уже два дня назад.

Джошуа не вернулся. Люди не появлялись. Дважды он открывал дверь и выходил в коридор, готовый сделать вылазку за пищей и водой, но каждый раз, подумав, возвращался. Нельзя было рисковать. Рисковать тем, что его увидят, поймают и не пустят обратно в рубку.

Но скоро ему придется рискнуть, придется сделать вылазку. Еще через день он будет слишком слаб, чтобы сделать это. А до второй планеты им лететь еще долго.

Придет время, когда у него не будет выбора. Он не выдержит. Если он не добудет воды и пищи, он превратится в никчемное, еле ползающее существо, и вся его сила иссякнет к тому времени, когда они достигнут планеты.

Он еще раз осмотрел пульт управления. Как будто все в порядке. Корабль еще набирал скорость. Сигнальная лампочка вычислительной машины горела синим светом, и машина тихо пощелкивала, как бы говоря: «Все в порядке. Все в порядке».

Потом он перешел от пульта в тот угол, где спал. Он лег и свернулся клубком, пытаясь сжать желудок, чтобы тот не мучил его. Он закрыл глаза и попробовал заснуть.

Лежа на металле, он слышал, как далеко позади работают машины, слышал их мощное пение, наполнявшее весь Корабль. Ему вспомнилось, как он думал, что нужно сжиться с Кораблем, чтобы управлять им. Оказалось, что это не так, хотя он уже понимал, как можно сжиться с Кораблем, как Корабль может стать частью человека.

Он задремал, проснулся, снова задремал — и тут вдруг услышал чей-то крик и отчаянный стук в дверь.

Он сразу вскочил, бросился к двери, вытянув вперед руку с ключом. Рванул дверь, отпер — и, споткнувшись на пороге, в рубку упала Мэри. В одной руке у нее был бак, в другой — мешок. А по коридору к двери бежала толпа, размахивая палками и дико крича.

Джон втащил Мэри внутрь, захлопнул дверь и запер ее. Он слышал, как бегущие тела ударились в дверь и как в нее заколотили палками и заорали.

Джон нагнулся над женой.

— Мэри,— сказал он. Горло его сжалось, он задыхался,— Мэри.

— Я должна была прийти,— сказала она, плача.— Должна, что бы ты там ни сделал.

— То, что я сделал,— к лучшему,— ответил он.— Это была часть плана, Мэри. Я убежден в этом. Часть общего плана. Люди там, на Земле, все предусмотрели. И я как раз оказался тем, кто...

— Ты еретик,— сказала она.— Ты уничтожил нашу Веру. Из-за тебя все перегрызлись. Ты...

— Я знаю правду. Я знаю цель Корабля.

Она подняла руки, охватила его лицо, нагнула и прижала к себе.

— Мне все равно,— сказала она.— Все равно. Теперь. Раньше я боялась. Я была сердита на тебя, Джон. Мне было стыдно за тебя. Я чуть не умерла со стыда. Но когда они убили Джошуа...

— Что такое?!

— Они убили Джошуа. Они забили его до смерти. И не его одного. Были и другие. Они хотели идти помогать тебе. Их

было очень мало. Их тоже убили. На Корабле — сплошные убийства. Ненависть, подозрения. И всякие нехорошие слухи. Никогда еще так не было, пока ты не отнял у них Веру.

«Культура разбилась вдребезги,— подумал он.— За какие-то часы. А Вера исчезла за долю секунды. Сумасшествие, убийства... Конечно, так оно и должно было быть».

— Они боятся,— сказал он.— Они больше не чувствуют себя в безопасности.

— Я пыталась прийти раньше,— сказала Мэри.— Я знала, что ты голоден, и боялась, что тут нет воды. Но мне пришлось ждать, пока за мной перестанут следить.

Он крепко прижал ее к себе. В глазах у него все расплылось и потеряло очертания.

— Вот еда,— сказала она,— и питье. Я притащила все, что могла.

— Жена моя,— сказал он.— Моя дорогая жена...

— Вот еда, Джон. Почему ты не ешь?

Он встал и помог ей подняться.

— Сейчас,— сказал он.— Сейчас буду есть. Я хочу тебе сначала кое-что показать. Я хочу показать тебе Истину.

Он поднялся с ней по ступенькам.

— Смотри. Вот куда мы летим. Вот где мы летим. Что бы мы себе ни говорили, вот она — Истина.

Вторая планета была ожившей Священной Картиной. Там были и Ручьи, и Деревья, и Трава, и Цветы, Небо и Облака, Ветер и Солнечный Свет.

Мэри и Джон стояли у кресла пилота и смотрели в окно.

Анализатор после недолгого журчания выплюнул свой доклад.

«Для людей безопасно»,— было напечатано на листочке бумаги. К этому было прибавлено много данных о составе атмосферы, о количестве бактерий, об ультрафиолетовом излучении и разных вещах. Но этого было уже достаточно. «Для людей безопасно».

Джон протянул руку к центральному переключателю на пульте.

— Вот оно,— сказал он.— Тысяча лет кончилась.

Он повернул выключатель, и все стрелки прыгнули на нуль. Песня машин умолкла, и на Корабле наступила тишина, как тогда, когда звезды еще вращались, а стены были полом.

И тогда они услышали плач — человеческий плач, похожий на звериный вой.

— Они боятся,— сказала Мэри.— Они смертельно испуганы. Они не уйдут с Корабля.

«Она права»,— подумал он. Об этом он не подумал — что они не уйдут с Корабля.

Они были привязаны к нему на протяжении многих поколений. Они искали в нем крова и защиты. Для них огромность внешнего мира, бесконечное небо, отсутствие всяких пределов будут ужасны.

Но как-то нужно их выгнать с Корабля — именно выгнать и запереть Корабль, чтобы они не ворвались обратно. Потому что Корабль означал невежество и убежище для трусов; это была скорлупа, из которой они уже выросли; это было материнское лоно; выйдя из него, человечество должно обрести второе рождение.

Мэри спросила:

— Что они сделают с нами? Я об этом еще не думала. Мы не сможем спрятаться от них.

— Ничего,— ответил Джон.— Они нам ничего не сделают. По крайней мере пока у меня есть вот эта штука.

Он похлопал по пистолету, заткнутому за пояс.

— Но, Джон, эти убийства...

— Убийств не будет. Они испугаются, и страх заставит их сделать то, что нужно. Потом, может быть не очень скоро, они придут в себя, и тогда страха больше не будет. Но чтобы начать, нужно...— Он вспомнил наконец это слово, внушенное ему удивительной машиной.— Нужно руководство. Вот что им надо — чтобы кто-нибудь руководил ими, говорил им, что делать, объединил их.

«Я надеялся, что все кончилось,— подумал он с горечью,— а ничего еще не кончилось. Посадить Корабль, оказывается, недостаточно. Нужно продолжать. И что бы я ни сделал, Конца так и не будет, пока я жив».

Нужно будет устраиваться и учиться заново. Тот ящик больше чем наполовину набит Книгами. Наверное, самыми главными. Книгами, которые понадобятся, чтобы начать.

И где-то должны быть инструкции. Указания, оставленные вместе с Книгами, чтобы он прочел их и выполнил.

«Инструкция. Выполнить после посадки». Так будет написано на конверте или что-нибудь в этом роде. Он вскроет конверт, и там будут сложенные листки бумаги.

Так же как и в том, первом Письме.

Еще одно Письмо? Конечно, должно быть еще одно Письмо.

— Это было предусмотрено на Земле,— сказал он.— Каждый шаг был предусмотрен. Они предусмотрели состояние невежества — единственно возможное для того, чтобы люди перенесли полет. Они предусмотрели ересь, которая сохранит знания. Они сделали Корабль таким простым, что любой может им управлять — любой. Они смотрели в будущее и предвидели все, что должно случиться. Их планы в любой момент опережали события.

Он поглядел в окно, на широкие просторы новой Земли, на Деревья, Траву, Небо.

— И я не удивлюсь, если они придумали, как выгнать нас с Корабля.

Вдруг пробудился громкоговоритель и загремел на весь Корабль.

— Слушайте все! — сказал он, чуть потрескивая, как старая пластинка.— Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль в течение двенадцати часов! Когда этот срок истечет, будет выпущен ядовитый газ!

Джон взял Мэри за руку.

— Я был прав. Они предусмотрели все до конца. Они опять на один шаг впереди нас.

Они стояли вдвоем, думая о тех людях, которые так хорошо все предвидели, которые заглянули в такое далекое будущее, догадались обо всех трудностях и предусмотрели, как их преодолеть.

— Ну, идем,— сказал Джон.

— Джон...

— Да?

— А теперь мы можем иметь детей?

— Да,— ответил Джон.— Мы теперь можем иметь детей. Каждый, кто хочет. На Корабле нас было так много. На той планете нас будет так мало.

— Место есть,— сказала Мэри.— Много места.

Он отпер дверь рубки. Они пошли по темным коридорам.

Громкоговоритель снова заговорил: «Слушайте все! Слушайте все! Вы должны покинуть Корабль!..»

Мэри прижалась к Джону, и он почувствовал, как она дрожит.

— Джон, мы сейчас выйдем? Мы выйдем?

Испугалась. Конечно испугалась. И он испугался. Страхи многих поколений нельзя стряхнуть сразу, даже при свете Истины.

— Постой,— сказал он.— Я должен кое-что найти.

Наступает время, когда они должны покинуть Корабль, выйти на пугающий простор планеты — обнаженные, испуганные, лишенные безопасности, которая окружала их.

Но когда наступит этот миг, он будет знать, что делать.

Он наверняка будет знать, что делать.

Потому что если люди с Земли все так хорошо предусмотрели, то они не могли упустить самого важного и не оставить где-нибудь Письма с указаниями, как жить дальше.

БЕСПОКОЙСТВО

Чарли Портер много лет работал младшим редактором в «Дейли таймс». Он контролировал расстановку запятых в материалах, кромсал фразы и занимался прочей чепухой. В интеллектуальном плане он представлял собой нечто вроде гибрида между ходячей энциклопедией и передвижным алфавитным указателем.

Время от времени пытливый читатель встречает упоминания о репортерах или ответственных редакторах, видит их фотографии в газетах, читает их комментарии и заметки. Но о младших редакторах, скромных тружениках гранок и верстаток, никто ничего не знает.

Обычно младшие редакторы сидят в редакции газеты за столом в форме подковы. Если они работают давно и достаточно опытны, как Чарли например, они носят зеленый козырек и нарукавники до локтей.

Внутри стола-подковы сидит заместитель главного редактора, который непосредственно руководит младшими редакторами. Он контролирует ежедневный поток новостей, выбирает из него важные и любопытные материалы, а затем передает их сидящим вокруг стола сотрудникам для редактирования и написания броских заголовков.

Поскольку объем поступающей информации огромен, младший редактор должен сделать все, чтобы максимально сократить текст поступившей к нему заметки. Это приводит к постоянным столкновениям с репортерами, которые после выхода свежего номера обнаруживают свои пышные и многословные произведения варварски обрубленными и переписанными, хотя, несомненно, более читабельными.

© Перевод В. Мидянина.

Когда после полудня спадает напряжение и темп работы замедляется, младшие редакторы нарушают деловое молчание и понемногу заводят разговоры. Они обсуждают поступившие новости и обмениваются версиями, как все было на самом деле. Если вы вдруг услышите их, не зная, кто они такие, вы готовы будете присягнуть на Библии, что присутствовали на заседании глобальной комиссии по важнейшим вопросам мироустройства.

Младший редактор Чарли Портер, о котором у нас пойдет речь, был человеком, терзаемым сомнениями. Он очень беспокоился, поскольку каждый день получал все новые и новые свидетельства того, что происходит нечто странное, и среди его коллег не было никого, кто подобно ему ощущал бы бритвенное лезвие баланса между спасением и катастрофой.

Чарли Портер был встревожен всерьез. Его беспокоили вещи, которые на первый взгляд вовсе не выглядели вызывающими тревогу.

Причиной его беспокойства служили серии информационных сообщений о невероятных событиях, произошедших одно за другим в течение очень короткого промежутка времени. Его соседи по подковообразному столу обычно обращали на них внимание после двух или трех случаев и обсуждали в присущей младшим редакторам высокомерной манере. Однако все эти события удостаивались лишь случайных упоминаний и вскоре забывались напрочь — всеми, кроме Чарли.

Чарли переживал втайне от других, с тех пор как сообразил, что среди его коллег никто не чувствует серьезности происходящего. После того как он окончательно утвердился в убеждении, что происходит нечто экстраординарное, он начал улавливать некоторые черты сходства между загадочными происшествиями, которые, казалось бы, вовсе не имели между собой ничего общего.

К примеру, катастрофа самолета в Юте. Плохая погода препятствовала спасательным работам, но наконец поисковые вертолеты обнаружили обгоревшие обломки, рассеянные по склону горного пика. Официальные лица авиакомпании, которой принадлежал погибший самолет, заявили, что нет никакой надежды, что кто-либо спасся. Но когда спасатели были уже на половине пути к обломкам, они заметили бредущих по склону пассажиров разбившегося лайнера. Все до единого люди, включая экипаж, выжили в крушении.

Затем поступил материал о Полуночнике, который победил в дерби при ставках один к шестидесяти четырем.

После этого произошел случай с тяжело больной маленькой девочкой, которая не имела ни малейшего шанса выздороветь. Потрясенные ее трагической участью благотворители устроили вечеринку в честь ее последнего дня рождения, чтобы ребенку было не так горько умирать. Фотография девочки была опубликована во всех газетах от побережья до побережья, и ее история заставила плакать тысячи людей. Отовсюду ей слали письма и открытки. А потом она неожиданно почувствовала себя лучше. Не из-за каких-либо новых чудесных лекарств или усовершенствованных медицинских технологий — она просто уснула однажды ночью и наутро проснулась совершенно здоровой.

Несколько дней спустя телефонные провода принесли историю о старом Пэле, охотничьем псе из Кентукки, который провалился в подземную пещеру. Местные жители четыре дня пытались раскопать вход в пещеру, подбадривая несчастную собаку ласковыми словами. Старый пес скулил и царапался, но в конце концов замолчал и больше не подавал признаков жизни. Только тогда работы по его спасению были прекращены. Фермеры нагромоздили в провал валуны, соорудили над этим местом памятник из груды камней, произнесли над могилой благочестивые и печальные слова, после чего вернулись в кабины своих тракторов и продолжили вспашку.

На следующий день старый Пэл вернулся домой. От него остались кожа да кости, но он вилял хвостом. Все решили, что Пэл нашел какой-то подземный ход из своего заточения.

Вот только старая собака, похороненная в пещере на четыре дня, ослабевшая без воды и еды, никак не могла самостоятельно выбраться из заточения.

И маленькой умирающей девочке не могло стать лучше словно по мановению волшебной палочки.

И лошадь, ставки на которую принимались в катастрофическом соотношении один к шестидесяти четырем, никогда не побеждала в дерби.

И в самолетах, которые разбивались вдребезги в горах, обычно не выживал никто.

Чудо — да, разумеется. Два чуда подряд — вполне возможно. Но не четыре в течение нескольких недель!

Чарли лишился покоя, когда установил определенное сходство между этими событиями. Оно было довольно сомнительным, но вполне ощутимым, чтобы вызвать тревогу.

Сходство состояло в следующем: все эти истории публиковались с продолжением и вызывали пристальный интерес публики.

Два дня мир, затаив дыхание, ждал фактов о крушении самолета. Уже за четыре дня до скачек спортивные обозреватели активно обсуждали, что Полуночник находится в ужасной форме и не имеет ни малейшего шанса. История обреченной девочки служила предметом публичного интереса около четырех недель. Старый пес находился в пещере неделю или больше, и все это время за его судьбой с тревогой следили жалостливые домохозяйки.

В каждой из этих историй исход был неизвестен некоторое время после начала, хотя всякий раз предполагалось худшее. Вплоть до совершенно неожиданного финала имелось огромное количество вероятностей развития событий, некоторые гораздо более вероятные, чем другие, некоторые исчезающе малые, но тем не менее имеющие как минимум один шанс на осуществление. Когда вы подбрасываете монету в воздух, всегда существует бесконечно малая возможность, что в какой-то момент она не упадет орлом или решкой, а угодит на ребро и останется в таком положении. Вплоть до того момента, когда вы четко сможете сказать, что выпал орел или решка, мизерная возможность приземления монеты на ребро сохраняется.

Монета была подброшена четыре раза и четыре раза упала на ребро.

Было, впрочем, одно событие, которое выбивалось из общего ряда... крушение самолета. Во всех остальных случаях монета некоторое время вращалась в воздухе, и, когда публика затаивала дыхание, кто-то тем или иным способом делал так, чтобы безнадежно больной маленькой девочке стало лучше, и собака выбралась из безвыходной ловушки, и аутсайдер скачек нарушил законы физики, чтобы сделать триумфальный финишный рывок.

Но крушение самолета — это было совсем другое дело, поскольку чудо произошло уже *после* события. За этим событием пристально наблюдало множество глаз, монета уже упала и лежала неподвижно, гибель пассажиров была практически свершившимся фактом — и вдруг монету бесцеремонно перевернули на другую сторону.

Пожалуйста, пусть собака выберется из ловушки. Сегодня.

Пусть маленькая девочка выздоровеет. Завтра.

Пусть лошадь, на которую я поставил, победит в скачке. На следующей неделе.

Пусть пассажиры, попавшие в авиакатастрофу, выживут. *Вчера.*

Крушение самолета беспокоило Чарли больше всего.

Неожиданно для всех и без всякой видимой причины разрешился иранский кризис, который уже грозил стать для США новой корейской войной.

Несколько дней спустя Британия торжественно объявила, что выдержала валютный кризис, что с фунтом все в порядке и Лондон больше не нуждается во внешних кредитах.

Это еще более обеспокоило Чарли, сразу связавшего два этих необъяснимых события с последовательностью самолет—девочка—дерби—собака. Он вдруг подумал, что цепочка взаимосвязанных событий может быть гораздо длиннее, и совсем не факт, что началась она именно с авиакатастрофы.

По окончании рабочего дня он спустился в архив Ассошиэйтед Пресс и принялся просматривать папки с копиями информационных сообщений, поступивших за последнее время,— белые для самых срочных и важных, голубые для второстепенных, желтые для спортивных и розовые для деловых новостей. Поскольку Чарли совсем не разбирался в спорте и бизнесе, он исключил из рассмотрения желтые и розовые папки и двинулся через оставшиеся — материал за материалом.

Чарли ничего не нашел в первый вечер, хотя просидел допоздна. Тогда он пришел в архив на следующий день — и сразу наткнулся на то, что искал.

Он помнил этот случай отчетливо. Йенсен, заместитель главного редактора, которому первому легло на стол это сообщение, прочитал его, усмехнулся и бросил отпечатанный материал в мусорную корзину.

Один из сотрудников спросил:

— Ты чего хихикаешь, Йенс?

Тогда Йенсен вытащил материал из корзины и протянул ему. Машинописная копия совершила круг почета по столу-

подкове, каждый внимательно прочитал ее, после чего она торжественно вернулась в корзину. Для газетного материала эта история была слишком идиотской, на ней отчетливо виднелось огромное выжженное тавро: «Мистификация».

Это произошло неподалеку от маленького курортного городка в Висконсине. В материале рассказывалось об инвалиде по имени Купер Джексон, который был прикован к постели с тех пор, как ему исполнилось два или три года. Местный житель, некий доктор Эймс, рассказал репортеру, что этот самый Купер порой целый день думал о чем-нибудь или воображал себе что-либо — и на следующий день это событие случалось. К примеру, Линк Абрамс отправился на машине ловить форель и попал в страшную автокатастрофу. Однако Купер страстно хотел, чтобы его друг вернулся,— и на другой день Абрамс пришел в городок пешком, целым и невредимым, хотя его машина разбилась вдребезги. А преподобный Амос Такер получил письмо от брата, *о котором ничего не слышал более двенадцати лет...*

На следующий день Чарли поговорил с Йенсеном.

— Через пару дней мне нужно будет уехать,— сказал Портер.— Этой осенью я работал по шесть дней в неделю, и у меня еще есть неделя отпуска за прошлый год. Ты не мог бы...

— Конечно, Чарли,— сказал Йенсен.— Поезжай. Мы справимся.

Через два дня Чарли Портер вылетел самолетом в маленький курортный городок в Висконсине. Он отправился в один из кемпингов на берегу озера неподалеку от города и занял маленький убогий коттедж, за который заплатил непомерную сумму.

Вечером Чарли пошел в город и потратил несколько часов на то, чтобы покрутиться в универмаге и бильярдной. Вернулся он доверху нагруженный пищей для размышлений.

Первая часть полученной им информации касалась доктора Эрика Эймса, человека, с которым встречался репортер, написавший для газеты забракованный Йенсеном материал. Док Эймс, судя по всему, был не только врачом и мэром города, но и общепризнанным городским лидером и духовным отцом местной религиозной общины.

Вторая часть информации, служившая всему городу темой для разговоров последние два месяца, касалась Купера Джексона, который после многих лет, проведенных в кровати беспо-

мощным инвалидом, теперь был на ногах. При ходьбе он, конечно, использовал трость, но чувствовал себя все лучше и каждый день совершал прогулки у озера.

Завсегдатаи бильярдной не уточнили, в какое время дня прогуливается Джексон, поэтому Чарли встал рано утром и начал расхаживать по берегу, выбирая место, откуда можно было контролировать окрестности. Он разговаривал с туристами, что занимали другие коттеджи, с людьми, которые приехали сюда порыбачить. Он потратил массу времени, наблюдая за желтокрылым дроздом, который свил гнездо в зарослях камыша на болотистой отмели.

Купер Джексон пришел сразу после полудня, опираясь на палку. Он выглядел изможденным. Некоторое время Джексон гулял по берегу, затем сел на ствол поваленного бурей старого мертвого дерева.

Чарли неторопливо приблизился к нему.

— Не помешаю? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Нет,— сказал Купер Джексон.— Рад компании.

Они поговорили. Чарли рассказал, что работает в газете и сейчас находится в коротком отпуске. Он поведал, как это прекрасно — убежать от новостей, которые непрерывно приносят телетайпы, и как он завидует людям, что живут в этих местах круглый год.

Услышав, что Чарли газетчик, Купер весь подался вперед, словно собака, сделавшая стойку на вальдшнепа. Он начал задавать вопросы, которые задает газетчику всякий новый знакомый. Что вы думаете о сложившейся ситуации, и может ли она разрешиться, и как она может разрешиться, и есть ли хоть один шанс предотвратить войну, и как именно мы можем избежать войны... и так далее без остановки, пока газетчик не начинает скрипеть зубами.

Однако Чарли показалось, что вопросы Купера были чуть более конкретными, чуть более специфическими, чем вопросы обычного человека. Он выказывал гораздо больше настойчивости, чем обычный человек, который всегда задает подобные вопросы скорее из праздного любопытства.

Чарли вполне честно поведал Куперу, что не знает, как предотвратить войну. Хотя разрешение кризиса в Иране и укрепление британской валюты выглядят обнадеживающими факто-

рами, к войне порой приводит множество не связанных между собой обстоятельств.

— Вы знаете,— сказал Купер Джексон,— а вот я, просматривая последние новости, чувствую, что это были лучшие события из тех, что могли произойти на этой неделе, и я рад, что они произошли.

Если бы Чарли Портер был опытным репортером, а не младшим редактором, он мог бы упомянуть в беседе с Купером Джексоном загадочную авиакатастрофу и маленькую девочку, которая чудесным образом не умерла, и еще рассказать одну забавную историю о собаке, выбравшейся из западни, а также каким образом он разузнал о человеке, который выиграл кучу денег, поставив на скачках на безнадежного Полуночника.

Но Чарли не сказал ничего подобного.

Если бы Чарли был опытным репортером, он мог бы заявить Куперу Джексону: «Парень, я все знаю. Я тебя вычислил. Возможно, тебе было бы лучше рассказать мне все как есть, чтобы я ничего не исказил в своем газетном материале».

Но Чарли не сказал этого. Вместо этого он поведал, что слышал в городе предыдущей ночью об одном чудесном исцелении. Это ведь он Купер Джексон, не так ли?

Да, ответил Купер, это действительно так, и, пожалуй, его исцеление можно назвать чудесным. Нет, сказал он, он не имеет ни малейшего представления, как это произошло, и док Эймс не имеет тоже.

Они расстались через два часа. Чарли так и не сказал ничего из того, о чем думал. Но на следующий день Купер вновь пришел, прихрамывая, на пляж и поздоровался с поджидавшим его Чарли. На сей раз он сам заговорил на интересующую Портера тему.

Он был инвалидом сколько себя помнил, хотя мать говорила ему, что несчастный случай произошел, когда ему было три года. Он очень любил слушать всякие истории, и эти истории, которые родители, братья и сестры рассказывали и читали ему, поддерживали его в течение первых, самых тяжелых, лет. Когда же ему ничего не читали, он придумывал истории сам.

Купер Джексон рассказал, что созданные его воображением персонажи — Питер Кролик, и Пряничный человечек, и Маленький Бо Пип, и все остальные — оставались для него живыми и после того, как заканчивалась история. Он лежал в постели и мог прокручивать историю в своем сознании снова и снова.

— Но в конце концов все эти рассказы приедались, теряли прелесть новизны. Поэтому я начал улучшать их. Я придумывал новые истории. Я придумывал новых персонажей. Питер Кролик и Пряничный человечек были моими любимыми героями — они отправлялись в странствия и встречали там всяких других зверюшек и сказочных персонажей, и с ними случались совершенно невозможные приключения. Впрочем, мне они никогда не казались невозможными, надо сказать.

Наконец Купер достиг возраста, когда дети идут в школу. Мама Купера начала беспокоиться насчет его обучения. Но док Эймс, который был искренне уверен, что Купер не проживет достаточно долго, чтобы получить мало-мальски приличное образование, посоветовал, чтобы мальчика обучали тому, что было бы интересно ему самому. Родители перебрали все предметы и выяснили, что больше всего Куперу нравится чтение. Поэтому они научили его читать. Теперь он больше не просил рассказывать ему истории, а читал сам. Он прочитал «Тома Сойера», и «Гекльберри Финна», и произведения Льюиса Кэрролла, и множество других книг.

Теперь у него было больше персонажей, и Питера Кролика стали все чаще и чаще заменять причудливые монстры из мира Труляля и Траляля и черепахи Квази. Воображаемые приключения становились все более и более безумными.

— Сейчас,— сказал Купер Джексон,— я бы умер от смеха. Но тогда это все было для меня смертельно серьезно.

— Что вы читаете теперь, Купер? — спросил Чарли.

— А,— махнул рукой Купер.— Газеты и аналитические журналы, и всякое вроде этого.

— Я не это имел в виду,— пояснил Чарли.— Что вы читаете, чтобы отвлечься? Что в вашей жизни заняло место Питера Кролика?

Купер поколебался и наконец нехотя признался:

— Я читаю научную фантастику. Втянулся, когда кто-то принес мне журнал, шесть или семь лет назад... нет, скорее восемь...

— Я читал кое-что из подобных журналов,— сказал Чарли.

Так они сидели в покое полудня и беседовали о научной фантастике.

Этой ночью Чарли Портер лежал в постели в маленьком коттедже на берегу озера, уставившись в темноту и пытаясь понять, что происходит с Купером Джексоном, не вставшим долгие годы и жившим среди персонажей детских книжек, затем подростковой литературы и, наконец, научной фантастики.

Купер сказал, что никогда не испытывал сильных болей, но иногда ночи казались слишком долгими, заснуть было неимоверно сложно, и тогда он давал волю своему воображению. Он заполнял сознание образами фантазии.

Сначала это были просто интеллектуальные упражнения: он отталкивался от уже написанных книг и представлял себе, как бы могло разворачиваться в них действие при других обстоятельствах. Потом он начал тщательно разрабатывать характеры персонажей, участвующих в воображаемой постановке. Сначала они были расплывчатыми, позже стали приобретать определенные черты, а затем обрели плоть.

И после Гекльберри Финна, Робинзона Крузо и швейцарской семьи Робинзонов он обратился к научной фантастике.

«Господи боже,— подумал Чарли Портер.— Он обратился к научной фантастике».

Взять инвалида, который никогда не вставал с кровати, который никогда не имел формального образования, который знает мало и еще меньше интересуется общепризнанной точкой зрения, дать ему воображение, способное двигать горы, и развернуть лицом к научной фантастике — что вы получите?

Чарли лежал в темноте и пытался поставить себя на место Купера Джексона. Он попытался представить, что Купер мог воображать, какие приключения могли интересовать его.

Затем позволить инвалиду внезапно осознать мир вокруг себя. Купер теперь читает газеты и аналитические журналы. Позволить ему понять, что за мир его окружает.

Что может случиться тогда?

«Ты спятил»,— подумал Чарли.

Но он еще долго лежал, глядя в черноту, прежде чем провалился в сон.

Куперу Чарли понравился, и они стали каждый день гулять вместе. Они разговаривали о научной фантастике и последних событиях в мире, о том, что можно было бы сделать, чтобы достичь всеобщего благоденствия на Земле. Чарли сказал, что не

знает, что нужно сделать для этого, поскольку каждое событие имеет две стороны и радость для одного практически всегда горе для другого. Человечество еще не нашло ответа, как с этим справиться.

— Кто-нибудь,— сказал Купер,— должен что-нибудь придумать в этой связи.

После очередной прогулки Чарли отправился звонить старому доку Эймсу.

— Чарли Портер? — сказал доктор.— Куп говорил мне о вас на днях.

— Я недолго общался с Купером,— сказал Чарли.— Я разыскивал его, чтобы спросить кое о чем, но чувствую, что не могу это сделать.

— Я знаю. Вы искали его, чтобы расспросить насчет тех историй, что появились в газетах несколько месяцев назад.

— Верно,— согласился Чарли.— И я хотел спросить у него также, как он сумел встать и пойти после стольких лет, проведенных в кровати.

— Вы хотите написать заметку? — спросил доктор.

— Нет,— сказал Чарли.— Я не хочу написать заметку.

— Вы газетчик.

— Хорошо, я прибыл, чтобы написать газетный материал,— сказал Чарли.— Но больше я этого не хочу. Теперь я... ладно, я напуган.

— Так же как и я.

— Если то, что я думаю, верно, то для газетного материала это слишком масштабно.

— Я надеюсь,— сказал док,— что мы оба ошибаемся.

— Он с дьявольским упорством,— сказал Чарли,— несет мир человечеству. Он каждый день расспрашивает меня по нескольку часов о политической кухне. Я внушаю ему, что не знаю рецептов, и не думаю, что кто-нибудь знает.

— Это проблема. Если бы он продолжал вмешиваться в события вроде катастрофы самолета над Ютой и попавшей в ловушку собаки в Кентукки, возможно, все было куда проще.

— Он говорил с вами об этих происшествиях, док?

— Нет,— сказал док,— он ничего мне не говорил. Но он однажды сказал, что было бы прекрасно, если бы все те люди в самолете были найдены живыми, и очень волновался насчет бедной собаки. Он любит животных. Нетрудно было догадаться...

— Я полагаю, он просто практиковался на нескольких мелких случаях,— предположил Чарли,— прежде чем перейти к чему-то более масштабному. Хотя, конечно, это все совершенно невозможно...

— Ему помогают,— сказал док.— Не говорил ли он вам, что ему помогают?

Чарли покачал головой.

— Он не знает, что вам можно доверять. Он доверяет только мне, поэтому не боится говорить со мной о подобных вещах.

— Ему помогают? Вы имеете в виду, что кто-то...

— Не *кто-то,*— сказал док.— Скорее *что-то.*

Затем док пересказал Чарли то, что услышал от самого Купера:

— Это началось четыре или пять лет назад, вскоре после того, как Джексон погрузился в мир научной фантастики. Он сооружал себе воображаемый корабль и отправлялся в открытый космос. Сначала он путешествовал в окрестностях Солнечной системы — на Марс, Венеру и другие планеты. Затем, наскучив такой местечковостью, он начал придумывать технические устройства, которые позволяли его кораблю развивать сверхсветовую скорость и достигать звезд. Он высаживался на некоторых планетах и всесторонне исследовал их, прежде чем отправиться дальше.

По пути он набрал себе команду спутников, большинство из которых не были гуманоидами. И все это время космический мир становился для него чище и ярче и все более реальным. Он жил в этой реальности охотнее, чем в нашей.

Среди его попутчиков были представители инопланетных рас, обладавшие сверхъестественными способностями и умением воздействовать на события в параллельных мирах. Поначалу у него возникло подозрение, которое вскоре переросло в уверенность: они тайком, желая сделать приятное своему новому другу, воплощали в его реальном мире самые жгучие желания, которые читали в его сознании. Фантазии Купера осуществлялись не совсем так, как он это себе представлял; они были слегка смягчены и изменены, однако Джексон полагал, что в большинстве случаев все выходило даже лучше, чем он был способен вообразить. В конце концов он вычислил тех, кто этим занимался: три причудливых существа с могучей силой мысли. После первого потрясения он осознал, что был четвертым — человеком, который, лежа в своей постели, силой мысли воздействовал на события параллельных миров.

— Вы имеете в виду, что он знает этих своих помощников?

— Он знает их прекрасно,— сказал док.— Что не означает, конечно, что он когда-либо видел их в реальности или когда-либо увидит.

— Вы верите в это, док?

— Я не знаю. Не знаю. Но я знаю Купа, и я вижу, что он встал и пошел. Это не медицинская наука... не *человеческая* медицинская наука... то, что подняло его на ноги.

— Вы думаете, эти помощники, эти его спутники, смогли каким-то образом излечить его?

— Что-то в этом роде. Хотя, возможно, никаких помощников нет — это лишь плод его фантазии. Но ведь *что-то* есть!

— Одна вещь не дает мне покоя,— сказал Чарли.— Купер Джексон в здравом уме?

— Возможно,— ответил док,— он самый нормальный человек на Земле.

— И самый опасный.

— Это тревожит и меня.

— Вы разговаривали о нем еще с кем-нибудь? — спросил Чарли.

— Ни с кем. Возможно, я не должен был говорить и с вами, но вы уже сами частично докопались до истины. Что вы собираетесь делать?

— Я отправляюсь домой,— сказал Чарли,— и собираюсь держать рот на замке.

— Ничего больше?

— Ничего больше. Будь я верующим, думаю, мне стоило бы еще помолиться.

Чарли отправился домой, держал рот на замке и продолжал беспокоиться. Несмотря на то что был атеистом, он попытался прочитать пару молитв, однако они звучали странно, срываясь с его губ, так что он счел за лучшее замолчать.

Временами это казалось невероятным. Временами — кристально ясным. Купер Джексон тем или иным способом действительно мог сделать так, чтобы его желания осуществлялись. Он провел много лет в воображаемом мире, он думал не так,

как нормальный средний человек,— и в этом заключались одновременно и преимущество и опасность.

Он не мыслил полностью в общечеловеческих категориях, но он также не был скован общепринятыми условностями и инерцией мышления; он имел возможность отпустить свой разум странствовать в различных направлениях и направить его энергию на неочевидные задачи. Страстное стремление достичь окончательного всеобщего мира было наглядным примером его нечеловеческой позиции. Угроза войны висела над человечеством так долго, что этот кошмар поблек и выцвел, однако для Купера Джексона было немыслимым сознавать, что в следующей войне могут разом погибнуть несколько миллионов человек.

Чарли все время мысленно возвращался к помощникам Купера, которые виделись ему тремя безликими фигурами, стоящими за плечом бывшего инвалида. Он пытался угадать их лица, но потом понял, что они вообще могли не иметь лиц.

Однако его по-прежнему, еще сильнее, чем раньше, беспокоило крушение самолета в Юте — несмотря на то что он старался не думать об этом событии из-за его абсолютной чудовищности.

Ведь самолет разбился прежде, чем Купер или кто-либо еще узнали, что произошла катастрофа. Что бы ни произошло, для людей в самолете *катастрофа уже произошла.* И считать, что в высокогорных условиях пассажиры и команда могли спастись без вмешательства Джексона, было бы безумием.

И это означало, что Купер Джексон не только мог делать нечто, выворачивающее наизнанку физические законы, но также мог изменять уже свершившиеся события или даже аннулировать то, что существовало всегда! Либо так, либо он Господь Бог и способен возвращать мертвых к жизни, собирая воедино разорванные в клочья тела,— а второе предположение было еще безумнее, чем гипотеза о способности Купера по своему желанию изменять прошлое.

Всякий раз когда Чарли размышлял об этом, по его лицу начинал струиться холодный пот. Он начинал думать о Британии и Иране, и однажды перед его глазами возникло лицо Купера Джексона, предающегося мечтам о мире во всем мире.

Он просматривал новости более внимательно, чем когда бы то ни было, анализировал каждый неожиданный и необъяснимый поворот событий, искал ключ к разгадке безумного плана Купера Джексона, пытаясь вычислить путь, по которому двинется его новый знакомый в стремлении достичь всеобщего благоденствия... Но чувствовал, что ни на шаг не приблизился к истине.

Он дважды паковал чемоданы, чтобы ехать в Вашингтон,— но потом разбирал их и прятал обратно в шкаф. Он ясно осознавал, что для поездки в Вашингтон у него не было веских оснований.

«Господин президент, я знаю человека, который способен принести мир человечеству».

Они вышвырнут его вон прежде, чем он договорит.

Он позвонил доку Эймсу, и тот сказал ему, что пока у них все в порядке, что Купер покупает научно-фантастические журналы и, отвлекшись от периодики, читает их запоем. Он выглядит счастливым и ведет себя гораздо спокойнее, чем неделю назад.

Когда Чарли услышал это, он неожиданно похолодел с ног до головы, потому что совершенно отчетливо понял, что Купер делает с фантастическими журналами.

Он опустился на стул и начал сосредоточенно размышлять, снова и снова прокручивая в голове разнообразные сюжеты, почерпнутые им при чтении научной фантастики. Когда ему попадались достаточно мирные истории, он просто отвергал их, поскольку они не укладывались в образ его страха.

Он был так занят Купером, что уже давно не покупал свежие журналы. Холодный ужас охватил его, когда он сообразил, что в одном из последних номеров могло оказаться нечто, подходящее Джексону для его плана.

Тогда Чарли Портер скупил все научно-фантастические журналы, какие только смог найти.

Притащив домой кипу журналов, он твердо решил, что отложит беспокойство как минимум на одну ночь и почитает в свое удовольствие.

Он опустился в кресло, сгрузил журналы рядом, взял верхний и открыл его, не без удовлетворения отметив, что первый рассказ этого выпуска принадлежит его любимому автору. Это была зловещая история про человека, против которого ополчились случайности. Чарли прочитал следующий — что-то о кос-

мическом корабле, который во время полета попал в *искривление* и был *искривлен* в другую вселенную.

Третий рассказ был о недалеком будущем, в котором человечество оказалось перед угрозой чудовищной войны, но главный герой разрешил кризис тем, что уничтожил электричество, сделал его невозможным во Вселенной. Без электричества самолеты не могли летать, танки не могли двигаться и пушки не могли стрелять, так что угроза войны осталась в прошлом.

Чарли сидел в кресле как громом пораженный. Журнал выпал из его пальцев на пол. Портер с ужасом посмотрел на него, осознавая, что Купер Джексон тоже читал эти рассказы.

Потом он поднялся и позвонил доку Эймсу.

— Беда, Чарли,— сказал ему док.— Куп исчез!

— Исчез?!

— Мы старались не беспокоить его понапрасну. Не хотели вызвать у него ни малейшего волнения — на всякий случай. И сегодня обнаружили, что его нет дома.

— Вы пытались его искать?

— Мы тщательно обыскали местность,— ответил Эймс,— и еще мы телеграфировали в полицию, в бюро по розыску пропавших без вести.

— Вы должны найти его, док!

— Мы делаем все, что можем.— Голос собеседника звучал устало и немного смущенно.

— Но куда он мог деться? У него ведь нет денег, так? Он не может оставаться неуловимым без денег.

— Куп может получить кучу денег, как только захочет. Он может иметь вообще все, что захочет.

— Я понимаю, что вы имеете в виду,— сказал Чарли.

— Я сообщу вам, если что-нибудь выяснится,— сказал док.

— Вы собираетесь что-нибудь предпринять?..

— Не знаю, что тут можно предпринять,— сказал док.— Нам остается только ждать. Это все.

Прошел месяц, а Чарли все еще ждет.

Купер до сих пор отсутствует, и о нем нет никаких известий.

Поэтому Чарли ждет и тревожится.

Теперь он уже может точно сказать, что именно его тревожит. Недостаток образования у Купера, нехватка простейших знаний.

Остается, конечно, одна надежда: что Купер, совершая свой великий подвиг по избавлению человечества от угрозы мировой войны, не просто уничтожит разом электричество на всей Земле, а догадается отменить его открытие в прошлом. Тогда последствия окажутся не столь катастрофическими, поскольку цивилизация, не открывшая электричество, не исчезнет, хотя будет развиваться совсем по другому пути.

Однако Чарли боится, что Купер не сумеет понять необходимость хирургического вмешательства в прошлое. Он боится, что Джексон уничтожит электричество как природный феномен и тем самым изменит существенную часть атомной структуры материи. И этим вызовет катаклизм в масштабах не только Земли, но целой Вселенной.

Поэтому Чарли сидит в кресле, перелистывает фантастический журнал и с ужасом ожидает, когда электрическая лампа возле его кресла погаснет.

Хотя в глубине души и надеется, что после осуществления Купером его миротворческого плана всего лишь не сможет сказать, что это за странное словосочетание такое «электрическая лампа».

ТЕАТР ТЕНЕЙ

1

Бэйярд Лодж, руководитель спецгруппы № 3 под кодовым названием «Жизнь», раздраженно нахмурившись, смотрел на сидевшего напротив, по ту сторону стола, психолога Кента Форестера.

— Игру в Спектакль прерывать нельзя,— говорил Форестер.— Я не поручусь за последствия, если мы приостановим ее даже на один-два дня. Ведь это единственное, что нас объединяет, помогает нам сохранить рассудок и чувство юмора, отвлекает нас от более серьезных проблем.

— Знаю,— сказал Лодж.— Но теперь, когда умер Генри...

— Они поймут,— заверил его Форестер.— Я поговорю с ними. Не сомневаюсь, что они поймут.

— Безусловно,— согласился Лодж.— Все мы отлично сознаем, как важен для нас этот Спектакль. Но нужно учесть и другое: одного из персонажей создал Генри.

Форестер кивнул:

— Я тоже об этом думал.

— И вы знаете какого?

Форестер отрицательно покачал головой.

— А я-то надеялся, что вам это известно,— проговорил Лодж.— Ведь вы уже давно пытаетесь отождествить каждого из нас с определенным персонажем.

Форестер смущенно улыбнулся.

— Я вас не виню. Мне понятно, почему вас так занимает этот вопрос.

— Разгадка намного упростила бы мою работу,— признал Форестер.— Она помогла бы мне по-настоящему разобраться в

© Перевод С. Васильевой.

личности каждого члена нашей группы. Вот представьте, что какой-нибудь персонаж вдруг начинает вести себя нелогично...

— Они все ведут себя нелогично,— перебил его Лодж.— Именно в этом их прелесть.

— Нелогичность их поведения естественна в допустимых пределах и обусловлена шутовским стилем Спектакля. Но ведь из самого шутовства можно вывести норму.

— И вам это удалось?

— График не получился,— ответил Форестер.— Но зато я теперь недурно в этом ориентируюсь. Когда в знакомой нелогичности появляются отклонения, их не так уж трудно заметить.

— А они случаются?

Форестер кивнул:

— И временами очень резкие. Вопрос, который нас с вами беспокоит,— то, как они мысленно расценивают...

— Назовем это не оценкой, а эмоциональным отношением,— сказал Лодж.

Оба с минуту молчали. Потом Форестер спросил:

— Вас не затруднит объяснить мне, почему вы так настойчиво относите это к сфере эмоций?

— Потому что их отношение к действительности определяется эмоциями,— ответил Лодж.— Это отношение, которое зародилось и созрело под влиянием нашего образа жизни, сформировалось в результате бесконечных размышлений и бесконечного самокопания. Такое отношение сугубо эмоционально и граничит со слепой верой. В нем мало от разума. Мы живем предельно изолированно. Нас слишком строго охраняют. Нам слишком часто говорят о важности нашей работы. Каждый из нас постоянно на взводе. Разве мы можем остаться нормальными людьми в таких сумасшедших условиях?

— Да еще эта ужасная ответственность,— ввернул Форестер.— Она же отравляет им существование.

— Ответственность лежит не на них.

— Ну да, если свести до минимума значение отдельных индивидов и каждого из них подменить всем человеческим родом. Впрочем, вероятно, даже при этом условии вопрос останется открытым, поскольку решаемая задача неразрывно связана с проблемами человека как представителя биологического вида. Проблемами, которые из общих могут превратиться в личные. Вы только вообразите — сотворить...

— Ничего нового вы мне не скажете,— нетерпеливо прервал его Лодж.— Это я уже слышал неоднократно. «Вы только вообразите — сотворить человеческое существо в ином, нечеловеческом облике!»

— Причем именно человеческое существо,— подчеркнул Форестер.— Вот в чем соль, Бэйярд. Не в том, что мы искусственно создадим живые существа, а в том, что этими живыми существами будут люди в облике чудовищ. Такие монстры преследуют нас в кошмарных сновидениях, и посреди ночи просыпаешься с криком ужаса. Чудовище само по себе не страшно, если это не более чем чудовище. За несколько столетий эры освоения космоса мы привыкли к необычным формам жизни.

Лодж жестом остановил его:

— Вернемся к Спектаклю.

— Он нам необходим,— твердо заявил Форестер.

— Будет одним персонажем меньше,— напомнил Лодж.— Сами знаете, чем это грозит. Отсутствие одного из персонажей может нарушить гармонию, ритм Спектакля, привести к путанице и неразберихе. Лучше уж остаться без Спектакля, чем допустить его полный развал. Почему бы нам не сделать перерыв на несколько дней, а потом не начать все заново? Поставим новый Спектакль с новыми персонажами, а?

— Это исключено,— возразил Форестер.— По той причине, что каждый из нас как бы сросся со своим персонажем и все персонажи стали органической частью своих создателей. Мы живем двойной жизнью, Бэйярд. Личности наши раздвоены. Так нужно, иначе мы погибнем. Так нужно, ибо никто из нас не в силах быть только самим собой.

— Вы хотите сказать, что игра в Спектакль страхует нас от безумия?

— Примерно. Однако вы слишком сгущаете краски. Ведь при обычных обстоятельствах мы, несомненно, могли бы обойтись без Спектакля. Но у нас тут обстоятельства особые. Каждый терзается невероятно гипертрофированным чувством вины. Спектакль же дает выход эмоциям. Он служит темой для разговоров. Не будь его, мы посвящали бы наши вечера замыванию кровавых пятен вины. К тому же Спектакль вносит в нашу жизнь какое-то веселье — это наша дневная доза юмора, радости, искреннего смеха.

Лодж встал и принялся мерить шагами комнату.

— Я назвал их отношение к действительности эмоциональным,— произнес он,— и настаиваю на своем определении. Это неумное, извращенное отношение, которое носит чисто эмоциональный характер. У них нет никаких оснований для комплекса вины. И тем не менее они его в себе культивируют, словно только так чувствуют себя людьми, словно это единственное, что связывает их с внешним миром, роднит с остальной частью человечества. Они приходят ко мне, делятся со мной своими переживаниями, как будто в моей власти что-либо изменить. Как будто я всесилен и могу, воздев руки, сказать им: «Что ж, раз так, свернем работу». Как будто у меня самого нет никаких служебных обязанностей. Они говорят, что мы посягаем на область священного, что сотворение жизни невозможно без некоего божественного вмешательства, что человек, который пытается свершить этот подвиг творения, святотатец и богохульник.

Но ведь на это есть ответ, и ответ логически обоснованный, однако они этой логики не видят либо просто не желают прислушаться к голосу разума. Способен ли человек совершить что-либо относящееся к категории божественного? Так вот, если в сотворении жизни участвует некая высшая сила, Человек, как бы он ни старался, не сумеет создать жизнь в своих лабораториях, не сумеет наладить серийное производство живых существ. Если же Человек, применив все свои знания, сможет при помощи известных ему химических соединений создать живую материю, если он благодаря высокому уровню науки и техники сотворит живую клетку, это докажет, что возникновение жизни не нуждается в чьем-то вмешательстве свыше. А если мы получим такое доказательство, если мы будем знать, что в акте сотворения жизни нет ничего сверхъестественного, разве это доказательство не сорвет с него ореол святости?

— Они же ищут предлог, чтобы избавиться от этой работы,— сказал Форестер, пытаясь успокоить Лоджа.— Возможно, кое-кто из них и верит в это, но остальных просто пугает ответственность — я имею в виду моральную ответственность. Они начинают прикидывать, каково это — жить под ее бременем до конца дней. Почти то же самое происходило тысячу лет назад, когда люди открыли атомную энергию и впервые расщепили атом. Они потеряли сон. По ночам они пробуждались с криком ужаса. Они понимали значение своего открытия, понимали,

что выпускают на волю страшную силу. А ведь мы тоже отдаем себе отчет, к каким результатам может привести наша работа.

Лодж вернулся к столу и сел.

— Дайте мне подумать, Кент,— проговорил он.— Может, вы и правы. Я еще во многом не разобрался.

— До скорой встречи,— сказал Форестер.

2

Уходя, он мягко прикрыл за собой дверь.

Спектакль был растянутым до бесконечности фарсом — вариант «Старого Красного Амбара», в котором поразительная нелепость и комизм ситуаций преступали все мыслимые границы. В этой фантасмагории было что-то от Волшебной Страны Оз*, какой-то нечеловеческий чужеродный порыв; одна сцена сменяла другую, и представлению не было видно конца.

Если поселить небольшую группу людей на астероиде, который круглосуточно охраняется космическим патрулем; если предоставить каждому из них лабораторию и объяснить, какую им нужно решать проблему; если заставить их день за днем биться над этим решением, то одновременно необходимо принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума.

Тут могут пригодиться музыка, книги, кинофильмы, разнообразные игры, танцы по вечерам — словом, весь старый арсенал развлечений, которые на протяжении тысячелетия давали человечеству забвение от горестей и забот.

Но наступает момент, когда сила воздействия этих развлечений на психику людей истощается, когда их уже недостаточно.

Тогда начинают искать что-нибудь принципиально новое, еще не приевшееся,— игру, в которой смогли бы принять участие все члены такой изолированной группы и которая настолько увлекла бы их, что они на какое-то время отключились бы от действительности, забывая, кто они и ради чего работают.

Так появилась на свет игра в Спектакль.

Давным-давно, много-много лет назад в избах крестьян Европы и фермерских домах первых поселенцев Северной Америки глава семьи по вечерам устраивал для детей театр теней. Он

* Вымышленная страна из сказки американского писателя Ф. Баума «Волшебник из Страны Оз».

ставил на стол лампу или свечу, усаживался между этим столом и голой стеной и принимался двигать руками в воздухе, то так, то сяк складывая пальцы, и на стене возникали тени кроликов, слонов, лошадей, людей... В течение часа, а то и дольше на стене шло представление: попеременно появлялись то кролик, щиплющий клевер, то слон, размахивающий хоботом и шевелящий ушами, то волк, воющий на вершине холма. Дети сидели затаив дыхание, очарованные этим сказочным зрелищем.

Позже, когда появились кино и телевидение, комиксы и дешевые пластмассовые игрушки, которые можно было приобрести в любой мелочной лавке, тени утратили свое очарование и их никто больше не показывал. Но сейчас речь не об этом.

Если взять принцип театра теней и приложить к нему знания, накопленные Человеком за истекшее с той поры тысячелетие, получится игра в Спектакль.

Неизвестно, знал ли что-нибудь о театре теней давно забытый гений, которому впервые пришла в голову идея этой игры, но в основу ее лег тот же принцип. Изменился лишь способ проецирования изображения: мозг человека заменил его руки.

А плоские черно-белые кролики и слоны уступили место множеству иных, цветных и объемных существ и предметов, разнообразие которых всецело зависело от богатства человеческого воображения (ведь куда легче создать что-либо в мыслях, чем руками).

Экран с ячейками памяти, неисчислимыми рядами трубок звуковоспроизводящего устройства, селекторами цвета, антеннами приемников телепатем и огромным количеством других приборов был триумфом электронной техники, но он играл пассивную роль, потому что представление складывалось из мысленных образов, возникающих в мозгу собравшихся перед экраном зрителей. Зрители сами придумывали персонажей, сами мысленно управляли всеми их действиями, сами сочиняли для своих персонажей реплики. Зрители, и только зрители, своим целенаправленным мышлением сообща оформляли каждую сцену, создавая в уме декорации, задники, реквизит.

На первых порах Спектакль был путаным и бессистемным; еще не оформившиеся уродливые персонажи бестолково суетились на экране, из-за неопытности зрителей действовали вразнобой, были безликими и смахивали на карикатуры. На первых порах декорации, задники и реквизит были бредовым порожде-

нием рассеянного, скачущего мышления зрителей. Иногда на небе одновременно сияли три луны, причем все в разных фазах. Бывало и так, что на одной половине экрана шел снег, а на другой под палящими лучами солнца зеленели пальмы.

Но со временем представление усовершенствовалось, персонажи приняли пристойный вид, увеличились до нормальных размеров, сохранив при этом все конечности, обрели индивидуальность: из примитивных полукарикатур постепенно вылепились живые сложные образы. И если вначале декорации и реквизит были плодом отчаянных попыток девяти разобщенных умов чем-нибудь заполнить на экране пустые места, то теперь зрители научились мыслить согласованно и, оформляя Спектакль, совместными усилиями добивались единства стиля постановки.

Со временем люди стали так умело разыгрывать представление, что оно шло гладко, без срывов, хотя ни один из зрителей-авторов никогда не мог предугадать, какой оборот примут события на экране в следующую секунду.

Именно это и делало игру в Спектакль такой захватывающей. Тот или иной персонаж каким-нибудь поступком или фразой вдруг давал действию иное направление, и людям — создателям и руководителям других персонажей — приходилось с ходу придумывать для них новый текст, соответствующий внезапному изменению сюжета, и перестраивать их поведение.

В некотором смысле это превратилось в состязание интеллектуалов; каждый участник игры то старался выдвинуть своего персонажа на первый план, то, наоборот, заставлял его стушеваться, чтобы оградить от возможных неприятностей. Спектакль стал чем-то вроде нескончаемой шахматной партии, в которой у каждого игрока было восемь противников.

И никто, конечно, не знал, кому какой персонаж принадлежит. Попытки разгадать, кто именно из девяти стоит за тем или иным персонажем, приняли форму забавной игры, дали пищу для шуток и острот, и все это шло на пользу, ибо назначение Спектакля как раз заключалось в том, чтобы отвлечь мысли его участников от повседневной работы и тревог.

Каждый вечер после обеда девять человек собирались в специально оборудованном зале; оживал экран, и девять персонажей — Беззащитная Сиротка, Усатый Злодей, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва, Инопланетное Чудовище и другие — начинали играть свои роли и подавать реплики.

Их было девять — девять человек и девять персонажей.

Теперь же осталось восемь человек, потому что Генри Грифис рухнул мертвым на свой лабораторный стол, сжимая в руке записную книжку.

А в Спектакле, соответственно, должно было стать одним персонажем меньше, персонажем, находившимся в полной зависимости от мышления человека, которого уже не было в живых.

Интересно, подумал Лодж, какое из действующих лиц исчезнет? Ясно, что не Беззащитная Сиротка — образ, который совершенно не вязался с личностью Генри. Скорей им может оказаться Приличный Молодой Человек, либо Нищий Философ, либо Деревенский Щеголь.

«Минуточку,— остановил себя Лодж.— При чем тут Деревенский Щеголь? Ведь Деревенский Щеголь — это я».

Он сидел за столом, лениво размышляя над тем, кому какой персонаж соответствует. Очень похоже, что Красивую Стерву придумала Сью Лоуренс: трудно себе представить более противоположные натуры, чем эта Стерва и собранная, деловитая Сью. Он вспомнил, как, заподозрив это, однажды отпустил в адрес Сью шпильку, после чего она несколько дней держалась с ним очень холодно.

Форестер утверждает, что отказываться от Спектакля нельзя, и, возможно, он прав. Вполне вероятно, что они приспособятся к новому раскладу. Видит бог, им пора уже приспосабливаться к любым переменам, разыгрывая этот Спектакль из вечера в вечер на протяжении стольких месяцев.

Да и сам-то Спектакль не лучше ярмарочного балагана. Шутовство ради шутовства. Действие даже не эпизодично, потому что еще ни разу не представился случай довести хоть один эпизод до конца. Стоит начать обыгрывать какую-нибудь ситуацию, как кто-нибудь вставляет палку в колеса, и едва наметившаяся сюжетная линия обрывается, и дальше действие разворачивается в другом направлении.

При таком положении вещей, подумал Лодж, исчезновение одного-единственного персонажа вроде бы не должно сбить их с толку.

Он встал из-за стола и, подойдя к огромному окну, устремил задумчивый взгляд на лишенный растительности, пустынный и мрачный ландшафт. Под ним на черной скалистой поверхности астероида, уходя вдаль, блестели в свете звезд купола лабораторий. На севере, над зубчатым краем горизонта, занималась заря, и скоро тусклое, размером с наручные часы солнце всплывет над этим жалким обломком скалы и уронит на него свои слабые лучи.

Глядя на ширившееся над горизонтом сияние, Лодж вспомнил Землю, где с зарей начиналось утро, а после заката солнца наступала ночь. Здесь же царил полный хаос: продолжительность дней и ночей постоянно менялась, и они были так коротки, что местные сутки не годились для деления и отсчета времени. Утро и вечер здесь определялись по часам независимо от положения солнца, и нередко, когда оно стояло высоко над горизонтом, для людей была ночь и они спали.

«Все обстояло бы по-другому,— подумал он,— если б нас оставили на Земле, где мы изо дня в день не варились бы в одном котле, а общались бы с широким кругом людей. Там мы не ели бы себя поедом; общение с другими людьми заглушило бы в нас комплекс вины.

Но контакты с теми, кто непричастен к этой работе, неизбежно дали бы повод для всякого рода слухов, привели бы к утечке информации, а в нашем деле это недопустимо».

Ведь если бы население Земли узнало, что они создают, точнее, пытаются создать, это вызвало бы такую бурю протеста, что, возможно, пришлось бы отказаться от осуществления замысла.

Даже здесь, подумал Лодж, даже здесь кое-кого гложут сомнения и страх.

Человеческое существо должно ходить на двух ногах, иметь две руки, пару глаз, пару ушей, один нос, один рот, не быть чрезмерно волосатым. И оно должно именно ходить, а не прыгать, ползать или катиться.

Искажение человеческого облика, говорят они, надругательство над человеческим достоинством; каким бы могуществом ни обладал Человек, в своей самонадеянности он замахнулся на то, что ему не по плечу.

Раздался стук в дверь. Лодж обернулся.

— Войдите,— громко сказал он.

Дверь открылась. На пороге стояла доктор Сьюзен Лоуренс, флегматичная, бесцветная, аляповато одетая женщина с квадратным лицом, выражавшим твердость характера и упрямство.

Она увидела его не сразу и, стоя на пороге, вертела головой по сторонам, пытаясь отыскать его в полутьме комнаты.

— Идите сюда, Сью,— позвал он.

Она прикрыла дверь, пересекла комнату и, остановившись рядом с ним, молча уставилась на пейзаж за окном.

Наконец она заговорила:

— Он ничем не был болен, Бэйярд. У него не обнаружено никаких признаков заболевания. Хотела бы я знать...

Она умолкла, и Лодж почти физически ощутил, как беспросветно мрачны ее мысли.

— Достаточно скверно,— произнесла она,— когда человек умирает от точно диагностированного заболевания. И все же не так страшно терять людей после того, как сделаешь все возможное, чтобы их спасти. Но Генри нельзя было помочь. Он скончался мгновенно. Он был мертв еще до того, как ударился об стол.

— Вы обследовали его?

Она кивнула:

— Я поместила его в анализатор. У меня на руках три катушки пленок с записью результатов обследования. Я их просмотрю... попозже. Но могу поклясться, что он был совершенно здоров.

Сью крепко сжала его руку своими короткими толстыми пальцами.

— Он не захотел больше жить,— проговорила она.— Ему стало страшно. Он решил, что близок к какому-то открытию, и его охватил смертельный ужас перед тем, что он может открыть.

— Мы должны все это выяснить, Сью.

— А для чего? — спросила она.— Для того чтобы научиться создавать людей, способных жить на планетах, условия на которых непригодны для существования Человека в его естественном облике? Чтобы научиться вкладывать разум и душу Человека в тело чудовища, которое изведется от ненависти к самому себе?..

— Оно не будет себя ненавидеть,— возразил Лодж.— Ваша точка зрения основана на антропоморфизме. Никакое живое существо никогда не кажется самому себе уродливым, потому что

оно, не размышляя, принимает себя таким, какое оно есть. Чем мы можем доказать, что Человек доволен собой больше, чем насекомое или жаба?

— К чему все это? — не унималась она.— Нам же не нужны те планеты. Сейчас планет у нас навалом — куда больше, чем мы в состоянии колонизировать. Одних только планет земного типа хватит на несколько столетий. Хорошо, если удастся их, я уж не говорю — освоить полностью, хотя бы заселить людьми в ближайшие пятьсот лет.

— Мы не имеем права рисковать,— сказал Лодж.— Пока у нас еще есть время, мы должны сделать все, чтобы стать хозяевами положения. Подобных проблем не возникало, когда мы жили только на Земле, где чувствовали себя в относительной безопасности. Но обстоятельства изменились. Мы проникли в космос, стали летать к звездам. Где-то в глубинах Вселенной есть другие цивилизации, другие мыслящие существа. Иначе и быть не может. И когда-нибудь мы с ними встретимся. На этот случай нам необходимо укрепить свои позиции.

— И для укрепления наших позиций мы будем основывать колонии человеко-чудовищ. Я понимаю, Бэйярд, все хитроумие этого плана. Признаю, что мы сумеем сконструировать особые тела, мышцы, кости, нервные волокна, органы коммуникации с учетом специфики условий на тех планетах, где нормальное человеческое существо не проживет и минуты. Допустим, мы обладаем высокоразвитым интеллектом и прекрасно знаем свое дело, но этого ведь недостаточно, чтобы вдохнуть в такие тела жизнь. Жизнь — это нечто большее, чем просто коллоид из комбинации определенных элементов. Нечто совершенно иное, непостижимое, скрытое от нас за семью печатями.

— А мы все-таки дерзнем,— сказал Лодж.

— Первоклассных специалистов вы превратите в душевнобольных,— взволнованно продолжала она.— Кое-кого из них вы убьете — не руками, конечно, а своим упорством. Вы будете держать их взаперти годами, а чтобы они протянули подольше, одурманите их этим Спектаклем. Но тайну сотворения жизни вы не раскроете, ибо это вне человеческих возможностей.

Она задыхалась от ярости.

— Хотите пари? — рассмеявшись, спросил он.

Она стремительно повернулась к нему лицом.

— Бывают моменты,— произнесла она,— когда я жалею, что принесла присягу. Крупица цианистого калия...

Он взял ее за руку и подвел к письменному столу.

— Давайте выпьем,— предложил он.— Убить меня вы всегда успеете.

3

К обеду они переоделись.

Так было заведено. Они всегда переодевались к обеду.

Это, как Спектакль, входило в постепенно сложившийся ритуал, который они строго соблюдали, чтобы не сойти с ума, не забыть, что они цивилизованные люди, а не только беспощадные охотники за знаниями, пытающиеся решить проблему, которую любой из них с радостью предпочел бы не решать.

Они отложили в сторону скальпели и прочие инструменты, зачехлили микроскопы; они аккуратно расставили по местам пробирки с культурами, убрали в шкафы сосуды с физиологическим раствором, в котором хранились препараты. Они сняли передники, вышли из лабораторий и закрыли за собой двери. И на несколько часов забыли — или постарались забыть,— кто они и над чем работают.

Они переоделись к обеду и собрались в так называемой гостиной, где для них были приготовлены коктейли, а потом перешли в столовую, делая вид, что они самые обыкновенные человеческие существа, ни более... и ни менее.

На столе — посуда из изысканного фарфора и тончайшего стекла, цветы, горящие свечи. Они начали с легкой закуски, за которой последовали разнообразные блюда, подававшиеся в строгой очередности специально запрограммированными роботами с безупречными манерами; на десерт были сыр, фрукты и коньяк, а для любителей — еще и сигары.

Сидя во главе стола, Лодж перебегал взглядом с одного обедавшего на другого и в какой-то момент встретился глазами с Сью Лоуренс, и его заинтересовало, в самом ли деле она так сердито насупилась или ее лицо казалось угрюмым из-за переменчивой игры теней и света.

Они беседовали, как беседовали за каждым обеденным столом,— пустая светская болтовня беззаботных, легкомысленных

людей. То был час, когда они глушили в себе чувство вины, смывали с души ее кровавые следы.

Лодж про себя отметил, что сегодня они не в силах выбросить из сознания то, что произошло днем, потому что говорили они о Генри Грифисе и его внезапной смерти, а на их напряженных лицах застыло выражение деланного спокойствия. Генри был человеком своеобразным, его обуревали слишком сильные страсти, и никто из них так до конца и не понял его. Но они были о нем высокого мнения, и хотя роботы постарались расставить приборы с таким расчетом, чтобы его отсутствие за столом прошло незамеченным, всех ни на минуту не покидало острое ощущение утраты.

— Мы отправим Генри домой? — спросил Лоджа Честер Сиффорд.

Лодж кивнул:

— Попросим один из патрульных кораблей забрать его и доставить на Землю. Здесь же состоится только краткая панихида.

— А кто выступит с речью?

— Скорей всего, Крейвен. Он сблизился с Генри больше, чем остальные. Я уже говорил с ним. Он скажет в его память несколько слов.

— У Генри остались на Земле родственники? Он ведь не любил о себе распространяться.

— Какие-то племянники и племянницы. А может, еще брат или сестра. Вот, пожалуй, и все.

Тут подал голос Хью Мэйтленд:

— Как я понимаю, Спектакль мы не прервем.

— Верно,— подтвердил Лодж.— Так советует Кент, и я с ним согласен. Уж Кент-то знает, что для нас лучше.

— Да, это по его части. Он в своем деле собаку съел,— вставил Сиффорд.

— Безусловно,— сказал Мэйтленд.— Обычно психологи держатся особняком. Строят из себя этакую воплощенную совесть. А у Кента другая система.

— Он ведет себя как священник,— заявил Сиффорд.— Самый натуральный священник, черт его побери!

Слева от Лоджа сидела Элен Грей, и он видел, что она ни с кем не разговаривает, вперив неподвижный взгляд в вазу с розами, которая сегодня украшала центр стола.

Ей нелегко, подумал Лодж. Ведь она первая увидела мертвого Генри и, считая, что он заснул, потрясла его за плечо, чтобы разбудить.

На противоположном конце стола, рядом с Форестером, сидела Элис Пейдж. В этот вечер на нее напала не свойственная ей болтливость; она была женщиной несколько странной, замкнутой, а в ее неброской красоте было что-то неуловимо печальное. Сейчас она придвинулась к Форестеру и возбужденно что-то доказывала ему, понизив голос, чтобы не услышали остальные, а Форестер терпеливо внимал ей, скрывая под маской спокойствия тревогу.

«Они расстроены,— подумал Лодж,— причем гораздо глубже, чем я предполагал. Расстроены, взбудоражены и в любой момент могут потерять самоконтроль».

Смерть Генри потрясла их гораздо сильней, чем ему казалось.

Пусть Генри и не отличался личным обаянием, он все же был одним из членов их маленькой группы. «Одним из них,— подумал Лодж.— А почему не одним из нас?» Но так сложилось с самого начала: не в пример Форестеру, самое большое достижение которого заключалось в том, что он сумел стать одним из них, Лодж должен был избегать панибратства, проявлять сдержанность, соблюдая при общении с ними едва заметную дистанцию холодного отчуждения — единственное в этих условиях средство поддержать авторитет власти и предотвратить возможное неповиновение, а это для его работы было весьма важно.

— Генри был близок к какому-то открытию,— произнес Сиффорд.

— Я уже слышал это от Сью.

— Он умер в тот момент, когда записывал что-то в блокнот,— продолжал Сиффорд.— А вдруг это...

— Мы просмотрим его записи,— пообещал Лодж.— Все вместе. Завтра или послезавтра.

Мэйтленд покачал головой:

— Нам никогда не сделать это открытие, Бэйярд. Мы пользуемся не той методикой, работаем не в том направлении. Нам необходимо подойти к этой проблеме по-новому.

— А как? — взвился Сиффорд.

— Не знаю,— сказал Мэйтленд.— Если б я знал...

— Джентльмены,— вмешался Лодж.

— Виноват,— извинился Сиффорд.— У меня что-то пошаливают нервы.

Лодж вспомнил, как Сьюзен Лоуренс, стоя рядом с ним у окна и глядя на безжизненную унылую поверхность кувыркавшегося в пространстве обломка скалы, на котором они ютились, произнесла: «Он не захотел больше жить. Он боялся жить».

Что она имела в виду? То, что Генри Грифис умер от страха? Что он умер, потому что боялся жить?

Возможно ли, чтобы психосоматический синдром послужил причиной смерти?

4

Когда они перешли в театральный зал, атмосфера не разрядилась, хотя они, проявляя незаурядную силу воли, вроде бы держались легко и свободно. Они разговаривали о пустяках и притворялись, будто их ничто не тревожит, а Мэйтленд даже сделал попытку пошутить, но его шутка пришлась не к месту и в корчах испустила дух, раздавленная фальшивым хохотом, которым на нее отреагировали остальные.

Кент ошибся, подумал Лодж, чувствуя, как его захлестывает ужас. В этой затее — смертельный заряд психологической взрывчатки. Достаточно незначительного толчка — и начнется цепная реакция, которая может привести к распаду их группы. А если группа распадется, перестанет существовать как единое целое, пойдут прахом все труды, на которые было потрачено столько лет: долгие годы обучения, месяцы, понадобившиеся для выработки привычки к совместной работе, не говоря уже о постоянной, ни на миг не прекращавшейся борьбе за то, чтобы они пребывали в хорошем настроении и не перегрызли друг другу глотки. Исчезнет сплачивающая их вера в коллектив, которая за эти месяцы постепенно пришла на смену индивидуализму; сломается отлично налаженный механизм спокойного сотрудничества и согласованности действий; обесценится значительная часть уже проделанной ими работы, ибо никакие другие ученые, пусть самые что ни на есть квалифицированные, не смогут с ходу принять атмосферу своих предшественников, даже если в их распоряжении будут все материалы с результатами исследований, проведенных теми, кто работал до них.

Одну из стен помещения занимал вогнутый экран, перед которым тянулись узкие, ярко освещенные подмостки.

А за экраном, скрытые от глаз, причудливо переплетались трубки, стояли генераторы, находились звуковоспроизводящее устройство и компьютеры — чудо техники, воплощающее мысли и волю людей в зримые, движущиеся образы, которые сейчас возникнут на экране и заживут своей жизнью. Марионетки, подумал Лодж, но марионетки, созданные человеческой мыслью и обладающие странной, пугающей человечностью, которой всегда недостает вырезанным из дерева фигуркам.

Когда-то Человек творил только руками, раскалывал и обтесывал куски кремня, делал луки, стрелы, предметы обихода; позже он изобрел машины, ставшие как бы придатками его рук, и эти машины начали выпускать изделия, создавать которые вручную было невозможно; теперь же Человек творил не руками и не машинами, а мыслью, хотя ему и приходилось пользоваться разнообразной сложной аппаратурой, с помощью которой материализовалась деятельность его мозга.

Наступит день, подумал Лодж, когда единственным созидателем станет человеческая мысль — без посредничества рук и машин.

Экран замерцал, и на нем появилось дерево, потом еще одно дерево, скамья, пруд с утками; на втором плане какая-то статуя, а вдалеке, полускрытые ветвями деревьев, проступили неясные контуры высоченных городских зданий.

Как раз на этой сцене они вчера вечером прервали представление. Персонажи Спектакля решили устроить пикник в городском парке, пикник, который почти наверняка просуществует считанные мгновения, пока кому-нибудь не взбредет в голову превратить его во что-то другое.

Но, быть может, сегодня пикник останется пикником, с надеждой подумал Лодж, и они доведут эту сцену до конца, будут разыгрывать Спектакль с прохладцей, без обычного азарта, обуздают свою фантазию. Именно сегодня недопустимы никакие неожиданные повороты действия, никакие потрясения, ведь для того чтобы помочь персонажу выбраться из лабиринта нелепейших ситуаций, которые возникают при внезапном изменении сюжета, необходимо значительное умственное напряжение, а это может в такой обстановке привести к тяжелым психическим нарушениям.

Так получилось, что сегодня будет одним персонажем меньше, и многое зависит от того, какой из них будет отсутствовать.

Пока что сцена пустовала, напоминая тщательно выписанный маслом пейзаж в блеклых тонах с изображением весеннего парка.

Почему они не начинают? Чего ждут?

Они ведь позаботились оформить сцену. Так чего же они ждут?

Кто-то из зрителей надумал ветер — послышался шелест ветвей, и поверхность прудика подернулась рябью.

Лодж создал в воображении образ своего персонажа и вывел его на экран, сконцентрировав мысли на его неуклюжей походке, соломинке, торчащей изо рта, на заросшем курчавыми волосами затылке.

Должен же кто-нибудь начать. Не важно кто...

Деревенский Щеголь засуетился и бросился назад, исчезнув с экрана. Через секунду он появился снова, неся большую плетеную корзину с крышкой.

— А про корзину-то я и забыл,— сообщил он с глуповатой застенчивостью сельского жителя.

В темноте зала кто-то хихикнул.

Слава богу! Кажется, все идет нормально. Ну выходите же, кто там еще остался!

На экране появился Нищий Философ — в высшей степени респектабельный мужчина без единой положительной черточки в характере; его импозантная внешность, гордая осанка сенатора, пестрый жилет и длинные седые локоны были ширмой, за которой скрывался попрошайка, бездельник и редкостный враль.

— Друг мой,— произнес он.— Мой добрый друг.

— Никакой я те не друг,— заявил Деревенский Щеголь.— Вот отдашь мне триста долларов, тогда поглядим.

Да выходите же наконец, кто там еще остался!

Появились Красивая Стерва и Приличный Молодой Человек, которого с минуты на минуту должно было постичь ужасное разочарование.

Деревенский Щеголь, присев на корточки посреди лужайки и открыв корзину, начал извлекать из нее еду: окорок, индейку, сыр, блюдо фруктового желе, банку маринованной сельди, термос.

Красивая Стерва кокетливо сделала ему глазки и заиграла бедрами. Деревенский Щеголь вспыхнул и, быстро пригнув голову, спрятал лицо.

Кент крикнул из зрительного зала:

— Так держать! Сгуби его!

Все расхохотались.

Это обязательно должно войти в привычную колею. Все образуется.

Если зрители начнут перебрасываться шутками с действующими лицами Спектакля, дело непременно пойдет на лад.

— А это ты недурственно придумал, лапуня,— отозвалась Красивая Стерва.— Заметано.

Она направилась к Щеголю.

Щеголь, все еще не поднимая головы, продолжал вынимать из корзины всевозможную снедь — в таком количестве, что она едва ли уместилась бы в десяти подобных корзинах.

Круги копченой колбасы, горы шницелей, холмы конфет... И под конец он вытащил из корзины бриллиантовое ожерелье.

Красивая Стерва, взвизгнув от восторга, коршуном набросилась на ожерелье.

Между тем Нищий Философ оторвал от индейки ножку и то откусывал от нее куски, то размахивал ею в воздухе, чтобы усилить впечатление от высокопарных цветистых фраз, которые неудержимым потоком лились из его уст.

— Друзья мои,— ораторствовал он, уписывая индейку.— Друзья мои, как это уместно и естественно... Я повторяю, сэр, как это уместно и естественно, когда задушевные друзья встречаются в такой поистине дивный весенний день, чтобы в обществе друг друга насладиться общением с ликующей природой, найдя для своей встречи даже в самом сердце этого бессердечного города столь уединенный и тихий уголок...

Дай ему волю — и он мог бы тянуть резину до бесконечности. Но сейчас, учитывая напряженность обстановки, необходимо было любым способом остановить это словоблудие.

Кто-то выпустил в пруд миниатюрного, но весьма резвого кита, своими повадками больше напоминавшего дельфина; этот кит то и дело выпрыгивал из воды, описывая в воздухе изящную дугу, и, распугав плавающих на пруду уток, ненадолго скрывался в воде.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, на экран выползло Инопланетное Чудовище и спряталось за дерево. Сразу было видно, что это не к добру.

— Берегитесь! — крикнул кто-то из зрителей, но актеры и ухом не повели. Иногда они проявляли невероятную тупость.

На экран под руку с Усатым Злодеем вышла Беззащитная Сиротка (и это тоже не предвещало ничего хорошего), а следом за ними шествовал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Где же наша Прелестная Девушка? — спросил Усатый Злодей.— Все вроде уже в сборе, только ее и не хватает.

— Еще заявится,— сказал Деревенский Щеголь.— Давеча видал я, как она на углу в салуне джин хлестала...

Философ прервал свою витиеватую речь на полуфразе, индюшачья ножка замерла в воздухе. Его серебристые волосы эффектно стали дыбом, и он круто повернулся к Деревенскому Щеголю.

— Вы хам, сэр! — возгласил он.— Сказать такое может только самый последний хам!

— А мне все едино,— заявил Щеголь.— Мели себе что хошь, ведь правда-то моя, а не твоя.

— Отвяжись от него,— заверещала Красивая Стерва, лаская пальцами бриллиантовое ожерелье.— Не смей обзывать моего дружка хамом.

— Полноте, К. С.,— вмешался Приличный Молодой Человек.— Советую вам держаться от них подальше.

— Заткни пасть! — быстро обернувшись к нему, отрезала она.— Ты, лицемерное трепло. Не тебе меня учить. По-твоему, я недостойна, чтобы меня моим законным именем называли? Хватит с меня одних инициалов, так? Шут гороховый, шантажист хрипатый! А ну отваливай, да поживей!

Философ не спеша выступил вперед, нагнулся и взмахнул рукой. Полуобъеденная индюшачья ножка заехала Щеголю в челюсть.

Схватив жареного гуся, Щеголь медленно поднялся во весь рост.

— Ах вот ты как...— процедил он.

И запустил в Философа гусем. Гусь ударился о пестрый жилет, забрызгав его жиром.

О господи, подумал Лодж. Теперь наверняка быть беде! Почему Философ так странно повел себя? Почему они хотя бы сегодня, один-единственный раз, не смогли удержаться от того, чтобы не превратить простой дружеский пикник черт знает во что? Почему тот, кто создал Философа и руководит всеми его поступками, заставил его замахнуться этой индюшачьей ножкой?

И почему он, Бэйярд Лодж, внушил Щеголю, чтобы тот швырнул гуся?

И уже задавая себе этот вопрос, Лодж похолодел, а когда в его сознании оформился ответ, у него возникло чувство, будто чья-то рука сдавила ему внутренности.

Он понял, что вообще этого не делал.

Он не заставлял Щеголя бросаться гусем. И хотя в тот момент, когда Щеголь получил пощечину, в нем вспыхнули возмущение и злоба, он мысленно не приказал своему персонажу нанести ответный удар.

Он уже не так внимательно следил за действием: сознание его раздвоилось, и половина мыслей, одна другую опровергая, была поглощена поисками объяснения того, что сейчас произошло.

Фокусы аппаратуры. Это она заставила Щеголя швырнуть гуся — ведь сложнейшие механизмы, установленные за экраном, не хуже человека знали, какую реакцию может вызвать удар в лицо. Машина сработала автоматически, не дожидаясь, пока получит соответствующий мысленный приказ... по-видимому, не сомневаясь, каково будет его содержание.

Это же естественно, доказывала одна часть его сознания другой, что машине известно, как реагирует человек на тот или иной раздражитель, и еще более естественно, что, зная это, она срабатывает автоматически.

Философ, ударив Щеголя, осторожно отступил назад и вытянулся по стойке «смирно», держа «на караул» обгрызенную и замусоленную индюшачью ножку.

Красивая Стерва захлопала в ладоши и воскликнула:

— Теперь вы должны драться на дуэли!

— Вы попали в самую точку, мисс,— сказал Философ, не меняя позы.— Для этого-то я его и ударил.

Капли жира медленно стекали с его нарядного жилета, но по выражению его лица и осанке никто бы не усомнился в том, что сам он считает себя одетым безупречно.

— Надо было бросить перчатку,— назидательным тоном сказал Приличный Молодой Человек.

— У меня нет перчаток, сэр,— честно признался Философ в том, что было очевидно каждому.

— Но ведь это ужасно неприлично,— гнул свое Приличный Молодой Человек.

Усатый Злодей откинул полы пиджака и из задних карманов брюк вытащил два пистолета.

— Я их всегда ношу с собой,— с плотоядной ухмылкой сообщил он.— На такой вот случай.

«Мы должны как-то разрядить обстановку,— подумал Лодж.— Необходимо умерить их агрессивность. Нельзя допустить, чтобы они распалились еще больше».

И он вложил в уста Щеголя следующую реплику:

— Я те скажу вот что. Не по душе мне это баловство с огнестрельным оружием. Ненароком кого и подстрелить можно.

— От дуэли тебе не отвертеться,— заявил кровожадный Злодей, держа оба пистолета в одной руке, а другой теребя усы.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю,— вмешался Приличный Молодой Человек.— Как лицу, которому было нанесено оскорбление...

Красивая Стерва перестала хлопать в ладоши.

— А ты не лезь не в свое дело! — завизжала она.— Мозгляк несчастный, маменькин сынок. Да ты просто не хочешь, чтобы они дрались.

Злодей отвесил поклон.

— Право выбора оружия принадлежит Щеголю,— объявил он.

— Вот смехотура! — прочирикал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.— До чего же все люди забавные!

Из-за дерева выглянула голова Инопланетного Чудовища.

— Оставь их в покое,— проревело оно своим противным акцентом.— Если им захотелось подраться, пусть дерутся.— Засунув в пасть кончик хвоста, оно запросто свернулось в колесо и покатилось. С бешеной скоростью оно промчалось вокруг пруда, не переставая бубнить: — Пусть дерутся, пусть дерутся, пусть дерутся...— И снова быстро спряталось за дерево.

— А мне-то казалось, что это пикник,— жалобно проговорила Беззащитная Сиротка.

«Мы все так считали»,— подумал Лодж. Хотя еще до начала представления можно было голову дать на отсечение, что пикник долго не продержится.

— Будьте добры, выберите оружие,— с преувеличенной любезностью обратился Злодей к Щеголю.— Пистолеты, ножи, мечи, боевые топоры...

Что-нибудь смешное, подумал Лодж. Нужно предложить что-нибудь смешное и несуразное.

И он заставил Щеголя произнести:

— Вилы. На расстоянии трех шагов.

На экран, мурлыкая застольную песню, выпорхнула Прелестная Девушка. Судя по ее возбужденному виду, она уже успела прилично нагрузиться.

Но, увидев Философа, с жилета которого стекал гусиный жир, Злодея, сжимавшего в каждой руке по пистолету, и Красивую Стерву, позванивавшую бриллиантовым ожерельем, она остановилась как вкопанная и спросила:

— Что здесь происходит?

Нищий Философ наконец расстался со стойкой «смирно» и с самодовольной улыбкой удовлетворенно потер руки.

— Какая приятная, душевная обстановка! — радостно воскликнул он, источая братскую любовь к окружающим.— Наконец-то мы, все девять, в сборе...

Сидевшая в зрительном зале Элис Пейдж вскочила с места, схватилась руками за голову, сжала ладонями виски и, зажмурившись, истерически вскрикнула...

5

На экране было не восемь персонажей, а девять.

Персонаж Генри Грифиса участвовал в представлении наравне с остальными.

— Вы сошли с ума, Бэйярд,— сказал Форестер.— Если человек умер, значит, он мертв. Не берусь судить, полностью ли прекращается со смертью его существование, но если, умерев, человек все-таки продолжает существовать, то уже на другом уровне, в другой плоскости, в другом состоянии, в другом измерении. Пусть теологи или там спиритуалисты пользуются какой угодно терминологией, ответ на этот вопрос у всех один.

Лодж кивнул в знак согласия:

— Я хватался за соломинки. Перебирал все возможные варианты. Я знаю, что Генри умер. Я знаю, что мертвые не оживают. И тем не менее вы должны согласиться, что это есте-

ственно, если при таких обстоятельствах в голову лезут самые невероятные мысли. Нелегко нам до конца избавиться от суеверий — очень уж они живучи.

— Если мы сейчас пустим дело на самотек, неминуем взрыв,— сказал Форестер.— Ведь к тому моменту, когда это произошло, они уже находились в состоянии крайнего нервного напряжения: тут и сомнения в целесообразности и возможности решения проблемы, над которой они давно и безуспешно бьются, и разного рода конфликты и неурядицы, неизбежные в условиях, когда девять человек на протяжении долгих месяцев живут и работают бок о бок, да плюс ко всему еще невроз типа клаустрофобии*. И все это день ото дня нарастало и обострялось. Я наблюдал этот разрушительный процесс, затаив дыхание.

— Предположим, что среди них нашелся какой-то шутник, который подменил Генри,— проговорил Лодж.— Что вы на это скажете? Вдруг кто-то из них управлял не только своим персонажем, но и персонажем Генри, а?

— Человек не способен управлять более чем одним персонажем,— возразил Форестер.

— Но кто-то же выпустил в пруд кита.

— Правильно. Однако этот кит быстро исчез. Подпрыгнул разок-другой — и его не стало. Тому, кто его создал, было не под силу продержать его на экране подольше.

— Декорации и реквизит мы придумываем сообща. Почему же кто-нибудь из нас не может незаметно для других уклониться от оформления Спектакля и сконцентрировать все свои мысли на двух персонажах?

На лице Форестера отразилось сомнение.

— Пожалуй, в принципе такое возможно. Но тогда второй персонаж почти обязательно получился бы дефектным. А вы заметили хоть малейшую странность в каком-нибудь из персонажей?

— Не знаю насчет странности,— ответил Лодж,— но Инопланетное Чудовище пряталось...

— Это не персонаж Генри.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Генри был человеком не того склада, чтобы сделать своим персонажем Инопланетное Чудовище.

* Болезненный страх находиться в закрытом помещении.

— Хорошо, допустим. Какой же тогда персонаж принадлежит ему?

Форестер раздраженно хлопнул ладонью по подлокотнику кресла:

— Ведь я уже говорил вам, Бэйярд, что не знаю, кто из них стоит за тем или иным действующим лицом Спектакля. Я пытался каждому подобрать под пару определенный персонаж, но безуспешно.

— Если б мы знали, насколько легче было бы решить эту загадку. В особенности...

— В особенности если б нам было известно, какой из персонажей принадлежал Генри,— докончил Форестер.

Он встал с кресла и зашагал по кабинету.

— Ваше предположение относительно какого-то шутника, который якобы вывел на экран персонаж Генри, имеет одно слабое место,— сказал он.— Ну посудите сами, откуда этот мифический шутник мог знать, какой ему нужно создать персонаж.

— Прелестная Девушка! — вскричал Лодж.

— Что?

— Прелестная Девушка. Она ведь появилась на экране последней. Неужели не помните? Усатый Злодей спросил, где она, а Деревенский Щеголь ответил, что видел ее в салуне...

— Господи! — выдохнул Форестер.— А Нищий Философ поспешил объявить, что все наконец в сборе. Причем с явной издевкой! Будто хотел над нами поглумиться!

— Вы считаете, что это работа того, кто стоит за Философом? Если так, то он — тот самый предполагаемый шутник. Он и вывел на экран девятого члена труппы — Прелестную Девушку. Но если на экране собралось восемь действующих лиц, ясно, что отсутствующее — девятое — и есть персонаж Генри.

— Либо это и вправду чья-то проделка,— сказал Форестер,— либо персонажи по не известной нам причине стали в какой-то степени чувствовать и мыслить самостоятельно, частично ожили.

Лодж нахмурился.

— Такая версия не для меня, Кент. Персонажи — это образы, которые мы создаем в своем воображении, проверяем, насколько они соответствуют своему назначению, оцениваем, а если они нас не устраивают, вытесняем их из сознания — и их как не бывало. Они полностью зависят от нас. Их личности неотделимы от наших. Они не более чем плоды нашей фантазии.

— Вы не совсем правильно поняли меня,— возразил Форестер.— Я имел в виду машину. Она вбирает в себя наши мысли и из этого сырья создает зримые образы. Трансформирует игру воображения в кажущуюся реальность...

— А память?..

— Думаю, что такая машина вполне может обладать памятью,— сказал Форестер.— Видит бог, она собрана из предостаточного количества разнообразной точной аппаратуры, чтобы быть почти универсальной. Ее роль в создании Спектакля значительней, чем наша; большая часть работы лежит на ней, а не на нас. В конце концов, мы ведь все те же простые смертные, какими были всегда. Только что интеллект у нас выше, чем у наших предков. Мы строим для себя механические придатки, которые расширяют наши возможности. Вроде этой машины.

— Не знаю, что вам на это сказать,— произнес Лодж.— Право, не знаю. Я устал от этого переливания из пустого в порожнее. От бесконечных рассуждений и домыслов.

Но про себя подумал, что на самом-то деле ему есть что сказать. Он знал, что машина способна действовать самостоятельно,— заставила же она Щеголя запустить индюшкой в Философа. А впрочем, то была чисто автоматическая реакция, и это ровно ничего не значит.

Или он ошибается?

— Машина могла выпустить на экран Генри,— убежденно заявил Форестер.— Могла заставить Философа над нами поиздеваться.

— Но с какой целью? — спросил Лодж, уже зная наперед, почему машина, обладай она самостоятельностью, поступила бы именно так, и у него по телу забегали мурашки.

— Чтобы дать нам понять,— ответил Форестер,— что она тоже чувствует и мыслит.

— Никогда б она на это не решилась,— возразил Лодж.— Если бы у нее появилось такое качество, она держала бы его в тайне. В этом ее единственная защита. Мы ведь можем ее уничтожить. И, скорей всего, так бы и сделали, если бы нам показалось, что она ожила. Мы бы ее демонтировали, разобрали на составные части, разрушили.

Оба умолкли, и в наступившей тишине Лодж почувствовал, что все вокруг пронизано ужасом, но ужасом необычным. В нем слились смятение мыслей и чувств, внезапная смерть одного из

них, лишний персонаж на экране, жизнь под постоянным надзором, безысходное одиночество...

— У меня больше голова не варит,— произнес он.— Поговорим завтра. Утро вечера мудренее.

— Хорошо,— согласился Форестер.

— Хотите чего-нибудь выпить?

Форестер отрицательно покачал головой.

«Ему тоже больше невмоготу разговаривать,— подумал Лодж.— Он рад поскорей уйти.

Как раненое животное. Мы все, как раненые животные, расползаемся по своим углам, чтобы остаться в одиночестве; нас тошнит друг от друга, для нас отрава — постоянно видеть за обеденным столом и встречать в коридорах одни и те же лица, смотреть на одни и те же рты, повторяющие одни и те же бессмысленные фразы, так что теперь, столкнувшись с обладателем какого-нибудь определенного рта, уже знаешь заранее, что он скажет».

— Спокойной ночи, Бэйярд.

— Спокойной ночи, Кент. Крепкого вам сна.

— Увидимся завтра.

— Разумеется.

Дверь тихо закрылась.

Спокойной ночи. Крепко спите.
Укусит клоп — его давите.

6

После завтрака все они собрались в гостиной, и Лодж, переводя взгляд с одного лица на другое, понял, что под их внешним спокойствием скрывается непередаваемый ужас; он почувствовал, как беззвучным криком исходят их души, одетые в непроницаемую броню выдержки и железной дисциплины.

Кент Форестер не спеша старательно прикурил от зажигалки и заговорил небрежным будничным тоном, словно бы между прочим, но Лодж, наблюдая за ним, отлично сознавал, чего стоило Кенту такое самообладание.

— Нельзя допустить, чтобы это вконец разъело нас изнутри,— произнес Форестер.— Мы должны выговориться, поделиться друг с другом своими переживаниями.

— Иными словами — подыскать разумное объяснение тому, что произошло? — спросил Сиффорд.

— Я сказал «выговориться». Это тот случай, когда самообман исключается.

— Вчера на экране было девять персонажей,— произнес Крейвен.

— И кит,— добавил Форестер.

— Вы считаете, что один из...

— Не знаю. Если это проделал кто-то из нас, пусть он или она честно признается. Ведь мы способны понять и оценить шутку.

— Если это шутка, то шутка отвратительная,— заметил Крейвен.

— Это уже другой вопрос,— сказал Форестер.

— Если бы я узнал, что это просто мистификация, у меня бы камень с души упал,— проговорил Мэйтленд.

— То-то и оно,— подхватил Форестер.— Именно это я и желал бы выяснить.

— У кого-нибудь из вас есть что сказать? — немного погодя спросил он.

Ни один из присутствующих не проронил ни слова.

Молчание затянулось.

— Никто не признается, Кент,— сказал Лодж.

— Предположим, что этот горе-шутник хочет сохранить инкогнито,— проговорил Форестер.— Желание вполне понятное при таких обстоятельствах. Тогда, может быть, стоит раздать всем по листку бумаги?

— Раздайте,— проворчал Сиффорд.

Форестер вытащил из кармана сложенные пополам листы бумаги и, аккуратно разорвав на одинаковые кусочки, раздал присутствующим.

— Если вчерашнее происшествие произошло по вине одного из вас, ради всего святого, дайте нам знать,— взмолился Лодж.

Листки вернулись к Форестеру. На некоторых было написано «нет», на других — «какие уж там шутки», а на одном — «я тут ни при чем».

Форестер сложил листки в пачку.

— Что ж, значит, эта идея себя не оправдала,— произнес он.— Впрочем, должен признаться, что я не возлагал на нее особых надежд.

Крейвен тяжело поднялся со стула.

— Нам всем не дает покоя одна мысль,— проговорил он.— Так почему же не высказать ее вслух?

Он умолк и с вызовом посмотрел на остальных, словно давая понять, что им не удастся его остановить.

— Генри здесь недолюбливали,— сказал он.— Не вздумайте это отрицать. Человек он был жесткий, трудный. Трудный во всех отношениях — такие не пользуются расположением окружающих. Я сблизился с ним больше, чем остальные члены нашей группы. И я охотно согласился сказать несколько слов в его память на сегодняшней панихиде, потому что, несмотря на трудность своего характера, Генри был достоин уважения. Он обладал такой твердой волей и упорством, какие редко встретишь даже у подобных личностей. Но на душе у него было неспокойно, его мучили сомнения, о которых никто из нас не догадывался. Иногда в наших с ним кратких беседах его прорывало и он говорил со мной откровенно — по-настоящему откровенно, как никогда не говорил ни с кем из вас.

Генри стоял на пороге какого-то открытия. Его охватил панический страх. И он умер.

А ведь он был совершенно здоров.

Крейвен взглянул на Сью Лоуренс.

— Может, я ошибаюсь, Сьюзен? — спросил он.— Скажите, был он чем-нибудь болен?

— Нет, он был здоров,— ответила доктор Сьюзен Лоуренс.— Он не должен был умереть.

Крейвен повернулся к Лоджу:

— Он недавно беседовал с вами, правильно?

— Дня два назад,— сказал Лодж.— На вид он казался таким же, как всегда.

— О чем он говорил с вами?

— Да, собственно, ни о чем особенном. О делах второстепенной важности.

— О делах второстепенной важности? — язвительно переспросил Крейвен.

— Ну ладно. Если вам угодно, извольте, я могу уточнить. Он говорил о том, что не хочет продолжать свои исследования. Назвал нашу работу дьявольским наваждением. Именно так он выразился: «Дьявольское наваждение».— Лодж обвел взглядом сидевших в комнате людей.

— Он говорил с вами настойчивей, чем прежде?

— Мне не с чем сравнивать,— ответил Лодж.— Дело в том, что на эту тему он беседовал со мной впервые. Пожалуй, из всех, кто здесь работает, один он никогда прежде ни при каких обстоятельствах в разговоре со мной не затрагивал этого вопроса.

— И вы уговорили его продолжить работу?

— Мы обсудили его точку зрения.

— Вы его убили!

— Возможно,— сказал Лодж.— Возможно, я убиваю вас всех. Или же каждый из нас убивает себя сам. Почем я знаю? — Он повернулся к доктору Лоуренс: — Сью, может человек умереть от психосоматического заболевания, вызванного страхом?

— По клинике заболевания нет,— ответила Сьюзен Лоуренс.— А если исходить из практики, то боюсь, что придется ответить утвердительно.

— Он попал в ловушку,— заявил Крейвен.

— Вместе со всем человечеством,— в сердцах обрезал его Лодж.— Если вам не терпится размять свой указательный палец, направьте его по очереди на каждого из нас. На все человеческое общество.

— По-моему, это не имеет отношения к тому, что нас сейчас интересует,— вмешался Форестер.

— Напротив,— возразил Крейвен.— И я объясню почему. Из всех людей я последним поверил бы в существование призраков...

Элис Пейдж вскочила на ноги.

— Замолчите! — крикнула она.— Замолчите! Замолчите!

— Успокойтесь, мисс Пейдж,— попросил Крейвен.

— Но вы же сказали...

— Я говорю о том, что, если допустить такую возможность, здесь у нас сложилась именно та ситуация, в которой у духа, покинувшего тело, был бы повод и, я бы даже сказал, право посетить место, где его тело постигла смерть.

— Садитесь, Крейвен! — приказал Лодж.

Крейвен в нерешительности помедлил и сел, злобно буркнув что-то себе под нос.

— Если вы видите какой-то смысл в дальнейшем обсуждении этого вопроса,— произнес Лодж,— настоятельно прошу оставить в покое мистику.

— Мне кажется, здесь нечего обсуждать,— сказал Мэйтленд.— Как ученые, посвятившие себя поискам первопричины возникновения жизни, мы должны понимать, что смерть есть абсолютный конец всех жизненных явлений.

— Вы отлично знаете, что это еще нужно доказать,— возразил Сиффорд.

Тут вмешался Форестер.

— Давайте-ка оставим эту тему,— решительно сказал он.— Мы можем вернуться к ней позже. А сейчас поговорим о другом.— И торопливо добавил: — Нам нужно выяснить кое-что еще. Скажите, кто-нибудь из вас знает, какой персонаж принадлежал Генри?

Молчание.

— Речь идет не о том, чтобы установить тождество каждого из участников Спектакля с определенным персонажем,— пояснил Форестер.— Но методом исключения...

— Хорошо,— сказал Сиффорд.— Раздайте еще раз ваши листки.

Форестер вытащил из кармана оставшуюся бумагу и снова принялся рвать ее на небольшие кусочки.

— К черту эти ваши липовые бумажки! — взорвался Крейвен.— Меня на такой крючок не поймаешь.

Форестер поднял взгляд с приготовленных листков на Крейвена:

— Крючок?

— А то нет,— вызывающим тоном ответил Крейвен.— Если уж говорить начистоту, разве вы все время не пытаетесь дознаться, кому какой принадлежит персонаж?

— Я этого не отрицаю,— заявил Форестер.— Я нарушил бы свой долг, если бы не пытался установить, кто из вас стоит за тем или иным персонажем.

— Меня удивляет, как тщательно мы это скрываем,— заговорил Лодж.— В нормальной обстановке подобное явление не имело бы значения, но здесь мы живем и работаем в очень сложных условиях. Мне думается, что, если бы каждый из нас перестал делать из этого тайну, всем нам стало бы намного легче существовать. Что до меня, то я охотно назову свой персонаж. Готов быть первым — вы только дайте команду.— Он замолчал и выжидательно посмотрел на остальных.

Команды не последовало.

Все они глядели на него в упор, и лица их были бесстрастны — они не выражали ни злобы, ни страха, ничего вообще.

Лодж пожал плечами, сбросив с них бремя неудачи.

— Ладно, оставим это,— произнес он, обращаясь к Крейвену.— Так о чем вы говорили?

— Я хотел сказать, что написать на листке бумаги имя персонажа — это все равно, что встать и произнести его вслух. Форестеру знаком почерк каждого из нас. Ему ничего не стоит опознать автора любой записки.

— У меня этого и в мыслях не было,— запротестовал Форестер.— Честное слово. Но в общем-то Крейвен прав.

— Что же вы предлагаете? — спросил Лодж.

— Списки типа избирательных бюллетеней для тайного голосования,— сказал Крейвен.— Нужно составить списки имен персонажей.

— А вы не боитесь, что мы сумеем опознать каждого по крестику, поставленному против имени его персонажа?

Крейвен взглянул на Лоджа.

— Раз уж вы об этом упомянули, значит, нужно учесть и такую возможность,— невозмутимо произнес он.

— Внизу, в лаборатории, есть набор штемпелей,— устало сказал Форестер.— Для пометки образчиков препаратов. Среди них наверняка найдется штемпель с крестиком.

— Это вас устраивает? — спросил Лодж Крейвена.

Крейвен кивнул.

Лодж медленно поднялся со стула.

— Я схожу за штемпелем,— сказал он.— А в мое отсутствие вы можете подготовить списки.

Вот дети, подумал он. Настоящие дети — все как один. Настороженные, недоверчивые, эгоистичные, перепуганные насмерть, точно затравленные животные. Загнанные в тот угол, где стена страха смыкается со стеной комплекса вины; жертвы, попавшие в западню сомнений и неуверенности в себе.

Он спустился по металлическим ступенькам в помещение, отведенное для лабораторий, и пока он шел, стук его каблуков эхом отдавался в тех невидимых углах, где притаились страх и муки совести.

«Если б не внезапная смерть Генри,— подумал он,— все бы обошлось. И мы с грехом пополам все-таки довели бы работу до конца». Но он знал, что шансов на это было крайне мало.

Ведь если б не умер Генри, обязательно нашелся бы какой-нибудь другой повод для взрыва. Они для этого созрели, более чем созрели. Уже несколько недель самое незначительное происшествие в любой момент могло поджечь фитиль.

Он нашел штемпель, пропитанную краской подушечку и тяжелыми шагами стал взбираться по лестнице.

На столе лежали списки персонажей. Кто-то принес коробку из-под обуви и прорезал в ее крышке щель, сделав из нее некое подобие урны для голосования.

— Мы все сядем в этой половине комнаты,— сказал Форестер.— А потом будем по очереди вставать и голосовать.

И хотя при слове «голосовать» все недоуменно переглянулись, Форестер сделал вид, будто этого не заметил.

Лодж положил штемпель и подушечку с краской на стол, пересек комнату и сел на свой стул.

— Кто начнет? — спросил Форестер.

Никто не шелохнулся.

Их пугает даже это, подумал Лодж.

Первым вызвался Мэйтленд.

В гробовом молчании они по очереди подходили к столу, ставили на списках метки, складывали листки и опускали их в коробку. Пока один не возвращался, следующий не трогался с места.

Когда с этим было покончено, Форестер направился к столу, взял в руки коробку и, поворачивая ее то так, то эдак, с силой потряс, перемешивая находящиеся внутри листки, чтобы по порядку, в котором они вначале лежали, нельзя было догадаться, кому каждый из них принадлежит.

— Мне нужны двое для контроля,— сказал Форестер.

Он окинул взглядом присутствующих.

— Крейвен,— позвал он.— Сью.

Они встали и подошли к нему.

Форестер открыл коробку, вынул один листок, развернул его, прочел и отдал доктору Лоуренс, а та передала его Крейвену.

— Беззащитная Сиротка.

— Деревенский Щеголь.

— Инопланетное Чудовище.

— Красивая Стерва.

— Прелестная Девушка.

«Тут что-то не так,— подумал Лодж.— Только этот персонаж мог принадлежать Генри. Ведь Прелестная Девушка появилась на экране последней! Она же была девятой».

Форестер продолжал разворачивать листки, произнося вслух имена отмеченных крестиком персонажей.

— Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Приличный Молодой Человек.

Остались неназванными два персонажа. Только два. Нищий Философ и Усатый Злодей.

«Попробую угадать,— подумал Лодж.— Заключу пари с самим собой. Пари за то, который из них персонаж Генри. Это Усатый Злодей».

Форестер развернул последний листок и прочел:

— Усатый Злодей.

«А пари-то я проиграл»,— мелькнуло у Лоджа. Он услышал, как остальные со свистом втянули в себя воздух, с ужасом осознав, что значил результат этого голосования.

Персонажем Генри оказалось главное действующее лицо вчерашнего представления, самое деятельное и самое энергичное — Философ.

7

Записи в блокноте Генри были предельно сжатыми, почерк неразборчив. Символы и уравнения поражали четкостью написания, но у букв был какой-то своеобразный, дерзкий наклон; лаконичность фраз граничила с грубостью, хотя трудно было представить, кого он хотел оскорбить — разве что самого себя.

Мэйтленд захлопнул блокнот, оттолкнул его, и тот скользнул на середину стола.

— Ну вот, теперь мы знаем,— произнес он.

Они сидели с бледными, искаженными страхом лицами, как будто вконец расстроенный и подавленный Мэйтленд был тем самым призраком, на которого вчера намекнул Крейвен.

— С меня хватит! — взорвался Сиффорд.— Я больше не желаю...

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Лодж.

Сиффорд не ответил. Он сидел, положив перед собой руки на стол, и то с силой сжимал кулаки, то распрямлял пальцы и так

их вытягивал, словно усилием воли пытался противоестественно вывернуть их и пригнуть к тыльной стороне кистей.

— Генри был душевнобольным,— отрывисто сказала Сьюзен Лоуренс.— Только душевнобольной мог выдвинуть такую бредовую идею.

— От вас как от врача едва ли можно было ждать другую реакцию,— заметил Мэйтленд.

— Я работаю во имя жизни,— заявила Сьюзен Лоуренс.— Я уважаю жизнь, и пока организм жив, я до последнего мгновения всеми средствами оберегаю его и поддерживаю. Я испытываю глубокое сострадание ко всему живому.

— А мы разве относимся к этому иначе?

— Я только хочу сказать, что, для того чтобы по-настоящему понять, какое это чудо — жизнь, нужно себя полностью посвятить ей и всем своим существом проникнуться ее могуществом, величием и красотой.

— Но, Сьюзен...

— И я знаю...— поспешно продолжала она, не давая ему возразить,— я твердо знаю, что жизнь — это не распад и разложение материи, не ее одряхление, не болезнь. Признать жизнь проявлением крайнего истощения материи, последней ступенью деградации мертвой природы равносильно утверждению, что норма существования Вселенной — это застой, отсутствие эволюции, разумной жизни и цели.

— Тут возникает путаница из-за семантики,— заметил Форестер.— Мы, живые существа, пользуемся определенными терминами, вкладывая в них свой специфический смысл, и мы не можем сопоставить их с терминами, имеющими единый смысл для всей Вселенной, даже если б мы их знали.

— А мы их, естественно, не знаем,— сказала Элен Грей.— Возможно, что в ваших соображениях есть зерно истины, особенно если выводы, к которым пришел Генри, соответствуют действительному положению вещей.

— Мы тщательно изучим записи Генри,— угрюмо сказал Лодж.— Мы шаг за шагом проследим весь ход его мыслей. Я лично считаю его идею ошибочной, но мы не можем так вот сразу отмести ее — кто знает, а вдруг он все-таки прав.

— Это вы к тому, что, даже если он окажется прав, наша работа не будет приостановлена?! — так и заклокотал Сиффорд.—

Что для достижения поставленной перед нами цели вы собираетесь использовать даже такое унижающее Человека открытие?

— Разумеется,— сказал Лодж.— Если жизнь в самом деле является симптомом заболевания и старческого одряхления материи, что ж, пусть так, с этим ничего не поделаешь. Как справедливо заметили Кент и Элен, смысл наших терминов очень специфичен и зависит от категорий, которыми мы мыслим. Почему нельзя допустить, что для Вселенной смерть — это... это для нас жизнь? Если Генри прав, он открыл то, что существовало всегда, испокон веков.

— Вы не понимаете, что говорите! — вскричал Сиффорд.

— Ошибаетесь! — рявкнул Лодж.— У вас просто сдали нервы. У вас и кое у кого из остальных. И у меня тоже, вероятно. Или же у нас у всех. Нами завладел и правит страх; у вас это страх перед порученной вам работой, у меня — страх перед тем, что она не будет выполнена. Мы загнаны в тупик, мы расшибаем мозги о каменные стены своей совести и нравственных норм. Будь вы сейчас на Земле, вы не стали бы так пережевывать эту идею. Возможно, вы поначалу слегка поперхнулись бы, но докажи вам, что предположение Генри правильно, вы б его благополучно проглотили и продолжили бы поиски первопричины того заболевания и распада материи, которое мы зовем жизнью. А само открытие вы просто приняли бы к сведению, оно всего лишь расширило бы ваши знания, и только. Но, находясь здесь, вы бьетесь головой об стену и вопите от ужаса.

— Бэйярд! — вскричал Форестер.— Остановитесь! Вы не смеете...

— Смею,— огрызнулся Лодж.— И не остановлюсь. Меня тошнит от их хныканья и стенаний. Я устал от этих избалованных, распущенных фанатиков, которые довели себя до состояния фанатического исступления, заботливо вскармливая в себе надуманные, беспочвенные страхи. Чтобы справиться с нашей задачей, нужны мужчины и женщины, обладающие острым умом и твердой волей. Для такой работы требуется огромная смелость и высокоразвитый интеллект.

У Крейвена от ярости побелели губы.

— Но мы уже работали! — выкрикнул он.— Даже тогда, когда против этого восставали все наши чувства, даже тогда, когда наше представление о порядочности, этике, наш рассудок и религиозный инстинкт призывали нас бросить эту работу, мы

все-таки ее продолжали. И не обольщайтесь, что нас удерживали ваши сладкоречивые проповеди, шуточки, ободряющее похлопывание по плечу. Не обольщайтесь, что нас вдохновляло ваше фиглярство.

Форестер стукнул кулаком по столу.

— Прекратите этот спор! — потребовал он.— Перейдем к делу.

Крейвен, еще бледный от гнева, откинулся на спинку стула. Сиффорд продолжал сжимать и разжимать кулаки.

— В записях Генри сформулирован его вывод,— сказал Форестер.— Хотя вряд ли это можно считать выводом. Лучше назовем его заключение гипотезой. Как же, по-вашему, с ней быть? Не обратить на нее внимания, отмахнуться от нее или же все-таки проверить, насколько его предположение правильно?

— Я считаю, что его нужно проверить,— заявил Крейвен.— Эту гипотезу выдвинул Генри. А Генри умер и не может выступить в защиту своей идеи. Наш долг — взять на себя проверку правильности его предположения: он заслужил это.

— Если подобная гипотеза вообще поддается проверке,— заметил Мэйтленд.— Мне лично кажется, что это скорей относится к философии, чем к области конкретных наук.

— Философия идет рука об руку со всеми конкретными науками,— сказала Элис Пейдж.— Нельзя отказаться от проверки гипотезы Генри только потому, что она на первый взгляд представляется очень сложной.

— При чем тут сложность,— возразил Мэйтленд.— Я хотел сказать... А, к чему все эти рассуждения, давайте лучше займемся ее проверкой.

— Согласен,— сказал Сиффорд. Он быстро повернулся к Лоджу.— Но если проверка даст положительные результаты или хоть какие-нибудь доказательства в пользу правильности этой гипотезы, если мы не сумеем ее полностью опровергнуть, я немедленно прекращаю работу. Предупреждаю вас совершенно официально.

— Это ваше право, Сиффорд. Можете пользоваться им в любое угодное вам время.

— Возможно, что будет одинаково трудно доказать как правильность этой идеи, так и ее ошибочность,— произнесла Элен Грей.

Лодж поймал на себе взгляд Сьюзен Лоуренс — она мрачно улыбалась, и на ее лице было написано невольное восхищение

с оттенком цинизма, словно она в этот момент говорила ему: «Вот вы и снова добились своего. Я не думала, что на сей раз вам это удастся. Право, не думала. Но, как видите, ошиблась. Однако вы не вечно будете обводить нас вокруг пальца. Придет время...»

— Хотите пари? — шепотом спросил он ее.

— На цианистый калий,— ответила она.

Лодж рассмеялся, хотя знал, что она права — права даже больше, чем ей кажется. Ибо это время уже пришло, и спецгруппа № 3 под кодовым названием «Жизнь» фактически перестала существовать. Вызов, который им бросил Генри Грифис своими записями в блокноте, подстегнул их, задел за живое, и они будут работать дальше, будут, как прежде, добросовестно исполнять свои рабочие обязанности. Но их творческий пыл угас безвозвратно, потому что в души их слишком глубоко въелись страх и предубеждение, а мысли их спутались в такой клубок, что они почти полностью утратили способность к здравому восприятию действительности.

Если Генри Грифис стремился сорвать выполнение программы, подумал Лодж, он с успехом достиг своей цели. Мертвому, ему удалось это куда лучше, чем если бы он занимался этим живой. Лоджу вдруг показалось, будто он слышит неприятный жесткий смешок Генри, и он в недоумении пожал плечами, потому что у Генри начисто отсутствовало чувство юмора.

Несмотря на то что он оказался Нищим Философом, крайне трудно было отождествить его с таким персонажем — старым изолгавшимся хвастуном с изысканными манерами и высокопарной речью. Ведь сам Генри никогда не лгал и не бахвалился, манеры его отнюдь не отличались изяществом, и он не обладал даром красноречия. Он был неловок, молчалив, а когда ему нужно было что-нибудь сказать, говорил отрывисто, ворчливо.

Ну и пасквилянт, подумал Лодж. Неужели он все-таки был совсем другим, чем казался? Что, если он с помощью своего персонажа — Философа — высмеивал их, издевался над ними, а они этого даже не подозревали?

Лодж потряс головой, мысленно споря с самим собой.

Если предположить, что Философ издевался над ними, то делал он это очень тонко, так тонко, что ни один из них этого не почувствовал, так искусно, что это никого не задело.

Но самое страшное заключалось не в том, что Генри мог исподтишка делать из них посмешище. Внушало ужас другое — то, что Философ появился на экране вторым. Он вышел вслед за Деревенским Щеголем и, пока длилось представление, все время был в центре внимания, со смаком поедая индюшачью ножку и дирижируя ею в такт своей выспренней речи, которой он поливал слушателей, как автоматной очередью. Да, Философ вообще был самым значительным и активным действующим лицом всего Спектакля!

Значит, ни один из них не мог экспромтом создать его и выпустить на экран.

А это снимало подозрение по крайней мере с четырех участников вчерашнего представления.

И могло означать: либо то, что среди них присутствовал призрак; либо то, что машина, обладая памятью, сама создала персонаж Генри; либо то, что они — все восемь — стали жертвой массовой галлюцинации.

Однако ни одно из трех предположений не выдерживало никакой критики. И вообще все, что здесь происходило, казалось абсолютно необъяснимым.

Представьте группу высококвалифицированных ученых, воспитанных в духе материалистического подхода к действительности, скептицизма и нетерпимости ко всему, что отдает душком мистицизма; ученых, нацеленных на изучение фактов, и только фактов. Что может привести к распаду такого коллектива? Не клаустрофобия, развившаяся в результате длительной изоляции на этом астероиде. Не постоянные угрызения совести, причина которых — в неспособности вырваться из плена прочно укоренившихся этических норм. Не атавистический страх перед призраками. Все это было бы слишком просто.

Тут действовал какой-то другой фактор. Другой неизвестный фактор, мысль о котором еще никому не приходила в голову, подобно тому как никто пока не задумывался о новом подходе к решению поставленной перед ними задачи. Том самом новом подходе, о котором упомянул за обедом Мэйтленд, сказав, что для проникновения в тайну первопричины жизненных явлений им следовало бы подступиться к этой проблеме с какой-то другой стороны. «Мы на ложном пути,— сказал тогда Мэйтленд.— Нам необходимо найти новый подход». И Мэйтленд, несомненно, имел в виду, что для их исследований более не годятся ста-

рые методы, цель которых — поиск, накопление и анализ фактического материала; что научное мышление в течение длительного периода времени работало в одной-единственной, теперь уже порядком истертой колее устаревших категорий и не ведало иных путей к познанию...

Спектакль! — вдруг осенило его. Может, этим фактором был Спектакль? Что, если игра в Спектакль, которая, по замыслу, должна была сплотить членов группы и помочь им сохранить здравый рассудок, по какой-то непонятной пока причине превратилась в обоюдоострый меч?

Они начали вставать из-за стола, чтобы разойтись по своим комнатам и переодеться к обеду. А после обеда — опять Спектакль.

Привычка, подумал Лодж. Даже сейчас, когда все полетело к чертям, они оставались рабами привычки.

Они переоденутся к обеду; они будут играть в Спектакле. А завтра утром они спустятся в лаборатории и снова примутся за работу, но их труд будет непродуктивным, потому что цель, достижению которой они отдали все свои профессиональные знания, перестала для них существовать, испепеленная страхом, раздирающими душу противоречиями, смертью одного из них, призраками.

Кто-то тронул его за локоть, и Лодж увидел, что рядом стоит Форестер.

— Ну что, Кент?

— Как себя чувствуете?

— Нормально,— ответил Лодж и, немного помолчав, произнес: — Вы, безусловно, понимаете, что это конец.

— Мы еще поборемся,— заявил Форестер.

Лодж покачал головой:

— Разве что вы, вы ведь моложе меня. А на меня не рассчитывайте — я сгорел вместе с остальными.

8

Представление началось с того, на чем оно прервалось накануне: все персонажи на экране, появляется Прелестная Девушка, а Нищий Философ, самодовольно потирая руки, произносит:

— Что за душевная обстановка! Наконец-то мы все в сборе.

Прелестная Девушка (не очень твердо держась на ногах):

— Послушайте, Философ, я сама знаю, что опоздала, и незачем это подчеркивать, да еще в такой странной форме! Само собой разумеется, что мы здесь собрались всей компанией. А я... Ну, меня задержали крайне важные обстоятельства.

Деревенский Щеголь (в сторону, с крестьянской хитрецой):

— «Том Коллинз»* и игральный автомат.

Инопланетное Чудовище (высунув голову из-за дерева):

— Тск хрлстлги вглатер, тск...

А ведь с представлением что-то неладно, вдруг подумал Лодж. В нем явно был какой-то дефект, неправильность, нечто до ужаса чужое и непривычное; такое, от чего пробирает дрожь, даже если это новое чуждое качество не поддается определению.

Неладное творилось с Философом, причем беспокоило вовсе не его присутствие на экране, а что-то совершенно другое, необъяснимое. Странно измененными казались Прелестная Девушка, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва и все, все остальные.

Резко переменился Деревенский Щеголь, а уж он-то, Бэйярд Лодж, знал Деревенского Щеголя как облупленного — знал каждую извилину его мозга, его мысли, мечты, тайные желания, его грубоватое тщеславие, нахальную манеру посмеиваться над окружающими, жгучее чувство неполноценности, которое побуждало его во имя самоутверждения заниматься восхвалением собственной персоны.

Словом, он знал его, как каждый из зрителей должен был знать свой персонаж, воспринимал его как что-то более значимое, чем образ, созданный в воображении; знал его лучше, чем любого другого человека, чем самого близкого друга. Ибо они были связаны теми единственными в своем роде узами, которые связывают творца с его творением.

А в этот вечер Деревенский Щеголь заметно отдалился от него, словно бы обрезал невидимые веревочки, с помощью которых им управляли, обрел некую самостоятельность, и в этой самостоятельности уже пробивались первые ростки полной независимости.

* Название прохладительного напитка, в состав которого входит джин.

До Лоджа донеслись слова Философа:

— Но я никак не мог обойти молчанием тот факт, что мы здесь собрались в полном составе. Ведь один из нас умер...

В зрительном зале — ни шумного вздоха, ни шороха, никто даже не вздрогнул, но чувствовалось, как все напряглись, словно туго натянутые скрипичные струны.

— Мы — это совесть,— произнес Усатый Злодей.— Отраженная совесть, принявшая наш облик и играющая наши роли...

— Совесть человечества,— сказал Деревенский Щеголь.

Лодж невольно привстал.

«Я ведь не велел ему произносить эту фразу! Он сделал это по собственному почину, без моего приказа. У меня просто возникла такая мысль, вот и все. Боже милостивый, я же только подумал об этом, только подумал!»

Теперь-то он знал причину необычности сегодняшнего представления. Наконец он понял, в чем странность персонажей.

Они были не на экране! Они стояли на сцене, на узких подмостках перед экраном!

Они. Уже не спроецированные на экран воображаемые образы, а существа из плоти и крови. Созданные мыслью марионетки, которые внезапно ожили.

Он похолодел, похолодел и замер, вдруг со всей ясностью осознав, что одной лишь силой мысли — силой мысли в сочетании с таинственными и безграничными возможностями электроники — Человек сотворил жизнь!

Новый подход, сказал тогда Мэйтленд.

О господи! Новый подход!

Они потерпели неудачу в работе и одержали поразительную победу, играя в часы досуга, и отныне отпадет необходимость в особых группах ученых, ведущих исследования в той мрачной области, где живое незаметно переходит в мертвое, а мертвое — в живое. Ведь для того чтобы создать человеко-чудовище, достаточно будет сесть перед экраном и вымыслить его — кость за костью, волос за волосом, его мозг, внутренности, особые свойства организма и все прочее. Так появятся на свет миллионы чудовищ для заселения тех планет. И эти монстры будут людьми, потому что их по заранее разработанным проектам сотворят их братья по разуму, человеческие существа.

Близится минута, когда персонажи спустятся со сцены в зал и смешаются со зрителями. Как же поведут себя их творцы?

Обезумеют от ужаса, дико завопят, впадут в буйное помешательство?

Что он, Лодж, скажет Деревенскому Щеголю?

Что он вообще может сказать ему?

И — а это куда важней — о чем заговорит с ним сам Щеголь?

Лодж не в силах был шевельнуться, не мог вымолвить ни слова или хотя бы криком предостеречь остальных. Он сидел как каменный в ожидании того момента, когда они с подмостков спустятся в зал.

ПОДАРОК

Он нашел эту вещь на ежевичной поляне, когда искал коров. Среди высоких тополевых стволов спустились сумерки, и он не мог разглядеть хорошенько, что это такое, да ему некогда было рассматривать, так как дядя Эб очень сердился, что две телки пропали; и если он не поторопится найти их, то дядя Эб опять возьмет ремень и накажет его. А ему и так придется остаться без ужина, потому что он забыл сходить к роднику за водой; и тетя Эм ворчала на него весь день за то, что он не наловчился полоть огород.

— Я никогда в жизни не видывала такого никчемного мальчишки,— визгливо начинала она и повторяла, что уж если они с дядей Эбом взяли его из приюта, то она вправе ожидать от него благодарности. Но никакой благодарности он не чувствует, а зато причиняет столько неприятностей, сколько может, и он лентяй, и она откровенно заявляет, что не знает, что из него получится.

Он нашел телок в дальнем углу пастбища, у рощи, и погнал их домой. Он брел позади них, снова думая о том, чтобы убежать, но знал, что не убежит,— некуда. «Правда,— говорил он себе,— в любом другом месте ему будет лучше, чем у тети Эм и дяди Эба, которые совсем не были ему родственниками — просто люди, на которых он работал».

Дядя Эб только кончил доить, когда он вошел в сарай, гоня обеих телок; и конечно, сердился на него за то, что телки не пришли вместе с остальными коровами.

— Ну вот что,— сказал дядя Эб,— ты, наверное, решил, что я должен доить и за себя, и за тебя, и все потому, что ты не

© Перевод З. Бобырь.

считал коров, как я тебе велел, и не видел, все ли на месте. Я тебя проучу: садись и дои этих телок.

И Джонни взял треногую табуретку и ведро и стал доить телок: а телок доить трудно, и одна из них, рыжая, брыкнула и ударила Джонни в живот, а все молоко вылилось из ведра.

Дядя Эб, видя это, снял ремень, висевший за дверью, и хлестнул Джонни несколько раз, чтобы научить его быть поосторожнее и показать ему, что молоко стоит денег; и на этом дойка закончилась.

Они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал насчет мальчишек, от которых больше хлопот, чем пользы. А тетя Эм встретила их на пороге и сказала, чтобы Джонни вымыл ноги, перед тем как ложиться спать: она вовсе не хочет, чтобы он пачкал ее красивые, чистые простыни.

— Тетя Эм,— сказал он,— я ужасно хочу есть.

— Неужто? — возразила она, поджимая губы.— Если бы ты немножко проголодался, то не стал бы забывать всего на свете.

— Только кусочек хлеба,— попросил Джонни.— Без масла, безо всего. Просто кусочек хлеба.

— Молодой человек,— сказал дядя Эб,— ты слышал, что сказала твоя тетя? Вымой ноги, и марш ложиться.

— И смотри, вымой хорошенько,— прибавила тетя Эм.

Он вымыл ноги и лег. Уже в постели он вспомнил о том, что видел на ежевичной поляне, и вспомнил также, что не сказал об этом ни слова, так как дядя Эб и тетя Эм все время бранились и не дали ему случая рассказать.

И он тут же решил, что не скажет им ничего, не то они отнимут это у него, как всегда. А если не отнимут, то испортят так, что ему станет совсем неинтересно и неприятно.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, был старый перочинный ножик с обломанным лезвием. Ножик нужно было бы заменить новым, но он знал, что не должен просить об этом. Однажды он попросил, и дядя Эб и тетя Эм целыми днями потом твердили ему, что он неблагодарное существо, что они взяли его с улицы, а ему этого мало, и он еще хочет швырять деньги на перочинные ножи. Джонни очень удивился, услышав, что они взяли его с улицы, так как, насколько он помнил, он никогда не бывал ни на какой улице — никогда.

Лежа в постели, глядя в окно на звезды, он задумался о том, что видел на ежевичной поляне, и не мог вспомнить об этом

ясно, так как не успел рассмотреть. Но в этой находке было что-то странное, и чем больше он думал, тем больше ему хотелось побежать на ту поляну.

«Завтра, как только мне удастся,— подумал он,— я разгляжу». Потом он понял, что завтра ему не вырваться, потому что тетя Эм с утра заберет его полоть огород и не будет спускать с него глаз, так что ускользнуть он не сможет.

Он лежал и думал об этом, и ему стало ясно как день, что если он хочет посмотреть, то должен пойти туда сейчас, ночью. По храпу он понял, что дядя Эб и тетя Эм уснули; тогда он выскользнул из постели, поскорее надел рубашку и штаны и осторожно прокрался по лестнице вниз, стараясь не попадать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он взобрался на стул, чтобы дотянуться до ящика со спичками на верхушке печи. Он захватил пригоршню спичек, но, подумав, вернул все, кроме полудюжины, так как боялся, что тетя Эм заметит, если он возьмет слишком много.

Он вышел. Трава была холодная, мокрая от росы, и он закатал штаны повыше, чтобы не вымочить их внизу, и тогда пустился через пастбище.

В роще были страшные колдовские места, но он не очень боялся, хотя нельзя идти ночью по лесу и не бояться вовсе.

Наконец он достиг ежевичной поляны и остановился, размышляя, как перебраться через нее в темноте, не изорвав одежды и не исколов себе босых ног. И он задумался над тем, здесь ли еще это что-то, и тотчас же узнал, что оно здесь, ибо почувствовал идущую от него дружественность, словно оно говорило, что оно здесь и что его не нужно бояться.

Он был слегка встревожен, так как не привык к дружескому отношению. Его единственным другом был Бенни Смит, его сверстник, и он встречался с Бенни только в школе, да и то не всегда, потому что Бенни часто болел и целыми неделями оставался дома; а так как Бенни жил на другом конце школьного округа, то на каникулах они совсем не виделись.

Тем временем глаза Джонни привыкли к темноте на ежевичной поляне, и ему показалось, что он различает темные очертания чего-то, лежащего здесь; и он пытался понять, каким образом может ощущать дружественность, так как был уверен, что это только предмет, вроде фургона или силосорезки, а совсем не что-нибудь живое. Если бы он подумал, что оно живое, то испугался бы по-настоящему.

Оно продолжало давать ему ощущение дружественности.

Он протянул руки и начал раздвигать кусты, чтобы пробраться поближе и рассмотреть. Если удастся подойти ближе, подумал он, то он сможет зажечь спичку и посмотреть яснее.

— Стой,— сказала дружественность, и он остановился, хотя совсем не знал, слышал ли это слово.— Не смотри на нас и не подходи слишком близко,— сказала дружественность, и Джонни тихонько зашептал в ответ; он совсем не смотрел.

— Хорошо,— сказал он,— я не буду смотреть.— И подумал, что это, наверно, такая игра, как в прятки у них в школе.

— Когда мы подружимся совсем, тогда сможем смотреть друг на друга, и все будет хорошо, потому что мы будем знать, какие мы внутри, а какие мы снаружи — это не будет важно.

И Джонни подумал, что они должны быть очень страшными, если не хотят, чтобы он видел их; и они ответили:

— Мы покажемся страшными тебе, ты покажешься страшным нам.

— Тогда, может быть,— сказал Джонни,— это и хорошо, что я не вижу в темноте.

— Ты не видишь в темноте? — спросили они, и Джонни сказал, что не видит, и наступило молчание, хотя Джонни слышал, как они удивляются тому, что он не умеет видеть в темноте. Потом они спросили, что он умеет делать, но он так и не смог понять их, и в конце концов они, должно быть, подумали, что он не умеет делать ничего.— Ты боишься,— сказали они ему.— Нас не надо бояться.

И Джонни объяснил, что не боится их, какими бы они ни были, ведь они отнеслись к нему дружески; но он боится того, что станется, если дядя Эб и тетя Эм узнают, что он украдкой ушел из дома. Тогда они стали расспрашивать его о дяде Эбе и тете Эм, и Джонни попытался объяснить, но они не понимали и, кажется, думали, что он говорит о правительстве,— было ясно, что они не понимают его. Наконец очень вежливо, чтобы они не обиделись, мальчик объявил, что ему пора уйти.

Так как он пробыл здесь гораздо больше, чем собирался, Джонни пришлось бежать всю дорогу домой. Вернувшись, он благополучно юркнул в постель, и все было хорошо. Но утром тетя Эм нашла спички у него в кармане и прочла ему нотацию

об опасности сжечь амбар. Дабы подчеркнуть свои слова, она стегала его розгой по ногам, да так сильно, что он подпрыгивал и кричал, как ни старался стерпеть.

Весь день он работал на прополке огорода, а перед самыми сумерками пошел загонять коров.

Ему не пришлось делать крюк, чтобы попасть к ежевичной поляне,— коровы были именно в той стороне, но он, если бы они пошли в другую сторону, все равно завернул бы сюда, ибо целый день вспоминал о дружественности, которую ощутил там.

На этот раз было еще светло, сумерки только начинались, и он увидел, что его находка была вовсе не живая, а походила на глыбу металла, вроде двух сложенных вместе тарелок, с острым пояском вокруг, совершенно как у тарелок, сложенных вместе донышками наружу. И этот металл казался старым, словно лежал здесь уже давно, и был весь в ямках, как часть машины, долго пролежавшая под открытым небом.

Странный предмет проложил себе довольно длинную дорогу сквозь чащу ежевики и врезался в землю, пропахав метров двадцать, и, проследив его путь, Джонни увидел, что обломана верхушка высокого тополя.

Они заговорили опять, как и тогда, ночью, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни не понял бы этого последнего слова, никогда не встречавшегося ему в учебниках.

Разговор начался так:

— Теперь ты можешь взглянуть на нас, но немного. Не смотри пристально. Взгляни и отвернись. Постепенно ты привыкнешь к нам.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Вот здесь,— ответили они.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

— Здесь, внутри,— ответили они.

— Тогда я не могу вас увидеть,— сказал Джонни.— Я не могу видеть сквозь металл.

— Он не может видеть сквозь металл,— сказал один из них.

— Не может видеть, когда звезда зашла,— сказал другой.

— Значит, он не может увидеть нас,— сказали оба.

— Вы можете выйти,— предложил Джонни.

— Не можем,— ответили они.— Мы умрем, если выйдем.

— Значит, я не могу даже увидеть вас?

— Ты не можешь даже увидеть нас, Джонни.

И он почувствовал себя страшно одиноким, потому что никогда не увидит этих своих друзей.

— Мы не поняли, кто ты такой,— сказали они.— Расскажи нам о себе.

И потому что они были такие ласковые и дружелюбные, он рассказал им, кто он; и как он был сиротой, и как его взяли дядя Эб и тетя Эм, которые совсем не были ему родными. Он не говорил о том, как дядя Эб и тетя Эм плохо обращаются с ним, как бьют его, бранят и отсылают спать без ужина. Его друзья поняли это так же, как и то, что он говорил им, и теперь они посылали ему больше чем дружеское, товарищеское чувство. Теперь это было сострадание и нечто, означавшее у них материнскую любовь.

— Это еще ребенок,— сказали они друг другу.

И они словно вышли к нему, обняли и крепко прижали к себе. Джонни упал на колени, сам того не замечая, и протягивал руки к тому, что лежало среди поломанных кустов, и звал их, словно это было чем-то, что он мог схватить и удержать,— утешением, которого он никогда не видел, которого жаждал и которое нашел наконец. Его сердце кричало и молило о том, что он не мог высказать словами. И они ответили ему:

— Нет, Джонни, мы не покинем тебя. Мы не можем тебя покинуть, Джонни.

— Вы обещаете? — спросил Джонни.

— Нам незачем обещать, Джонни. Наши машины сломаны, и мы не можем их исправить. Один из нас умирает, другой скоро умрет.— Джонни стоял на коленях, и слова медленно доходили до его сознания. Он начинал понимать сказанное, и это было больше, чем он мог вынести: найти двоих друзей, когда они близки к смерти.

— Джонни,— сказали они ему.

— Да,— отозвался Джонни, стараясь не плакать.

— Хочешь поменяться с нами?

— Поменяться?

— Скрепить нашу дружбу. Ты дашь нам что-нибудь, и мы дадим тебе что-нибудь.

— Но,— начал Джонни,— у меня ничего нет...

Но тут он вспомнил: у него есть ножик — неважный ножик со сломанным лезвием, но больше у него ничего не было.

— Прекрасно,— сказали они.— Это как раз то, что нужно. Положи его на землю, поближе к машине.

Он достал ножик из кармана и положил у самой машины. И тогда что-то произошло, так быстро, что он не успел увидеть,— но как бы то ни было, ножик исчез, а вместо него лежало что-то другое.

— Спасибо, Джонни,— сказали они.— Хорошо, что ты поменялся с нами.

Он протянул руку и взял то, что они дали ему, и даже в темноте оно загорелось скрытым огнем. Он пошевелил его на ладони и увидел, что это что-то вроде многогранного кристалла и что сияние идет изнутри, а грани сверкают множеством разноцветных бликов. Только теперь, увидев, как ярко светится этот кристалл, он понял, как долго пробыл здесь. Поняв это, он вскочил и побежал, не успев даже попрощаться.

Было уже слишком темно, чтобы искать коров, и он надеялся, что они пошли домой сами и что он сможет догнать их и прийти вместе с ними. Он скажет дяде Эбу, что две телки ушли за ограду и ему пришлось искать их и загонять обратно. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Дыхание у него прерывалось, и сердце билось так, что он весь вздрагивал, и страх вцепился ему в плечи — страх перед своим ужасным проступком, перед этим последним непростительным проступком после всех прочих, после того как он не пошел к ручью за водой, после двух телок, упущенных вчера вечером, после спичек в кармане.

Он не нагнал коров, идущих домой без него, а нашел их в коровнике, увидев, что они уже выдоены, и понял, что пробыл на поляне слишком долго и что ему будет гораздо хуже, чем он думал.

Он направился к дому, весь дрожа от страха. В кухне был свет, дядя и тетя ждали его. Он вошел в кухню — они сидели у стола, глядя на него, ожидая его, и лица у них в свете лампы были суровыми и жесткими, как могильные плиты.

Дядя Эб встал — огромный, почти до потолка, и видно было, как мускулы вздуваются у него на руках, на которых рукава засучены по локоть.

Он потянулся к Джонни. Тот хотел увернуться, но руки сомкнулись у него на затылке, обхватили шею, подняли и затрясли.

— Я тебя научу,— говорил дядя Эб свирепо сквозь стиснутые зубы.— Я тебя научу... Я тебя научу...

Что-то упало на пол и покатилось в угол, оставляя за собой огненный след.

Дядя Эб перестал трясти его, подержал в воздухе, потом бросил на пол.

— Это выпало у тебя из кармана,— сказал он.— Что это такое?

Джонни отшатнулся, покачивая головой.

Он не скажет им, что это такое. Не скажет никогда. Пусть дядя Эб делает с ним что угодно, но он не скажет. Пусть даже они убьют его.

Дядя Эб шагнул к кристаллу, наклонился и поднял его. Он вернулся к столу, положил на него кристалл и наклонился, разглядывая его разноцветные сверкания.

Тетя Эм подалась вперед на стуле, чтобы тоже взглянуть.

— Что это? — произнесла она.

Они склонились над кристаллом, пристально разглядывая его. Глаза у них блестели и светились, тела напряглись, дыхание стало шумным и хриплым. Случись сейчас светопреставление, они не заметили бы его.

Потом они выпрямились и обернулись к Джонни, не замечая кристалла, словно он больше не интересовал их, словно у него была своя задача, которую он выполнил и больше не был нужен. В них было что-то странное, нет, не странное — необычное.

— Ты, наверное, голоден,— обратилась к Джонни тетя Эм.— Я приготовлю тебе поужинать. Хочешь яичницы?

Джонни проглотил слюну и кивнул.

Дядя Эб снова сел, не обращая на кристалл никакого внимания.

— Знаешь,— сказал он,— я видел как-то в городе перочинный ножик, как раз такой, какой тебе нужен.

Джонни почти не слышал его. Он стоял замерев и прислушивался к потоку любви и нежности, заливавшему весь дом.

КИМОН

Он был единственным пассажиром, направлявшимся на Кимон, и на борту космического корабля уже за одно это все носились с ним, как со знаменитостью.

Для того чтобы доставить его к месту назначения, кораблю пришлось сделать крюк в два световых года. Селдону Бишопу казалось, что деньги, которые он заплатил за проезд еще на Земле, не возмещали ущерба и вполовину.

Но капитан не роптал. Он сказал Бишопу, что считает делом чести доставить пассажира на Кимон.

Бизнесмены, летевшие на том же корабле, домогались его общества, платили за выпивку и доверительно рассказывали о перспективах торговли с новооткрытыми солнечными системами. Но несмотря на все эти доверительные разговоры, смотрели они на Бишопа с плохо скрываемой завистью и повторяли: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес».

То один, то другой бизнесмен толковал с Бишопом наедине и после первой же рюмки предлагал миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Миллиарды... а пока у него в кармане не было и двадцати кредиток, и он с ужасом думал о том, что ему тоже придется угощать других. Он не был уверен, что на свои кредитки сможет угостить всю компанию.

Представительные матроны брали его на свое попечение и осыпали материнскими ласками; женщины помоложе, завлекая его, осыпали ласками отнюдь не материнскими. И куда бы он ни направился, позади говорили вполголоса:

© Перевод Д. Жукова.

— На Кимон! Милочка, вы знаете, что значит отправиться на Кимон? Для этого нужна положительно сказочная квалификация, надо готовиться годы и годы, а экзамен выдерживает один из тысячи.

И так было всю дорогу до самого Кимона.

Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, краем, где кончается радуга. Мало кто не мечтал о поездке туда, многие стремились осуществить свои мечты на деле, но среди тех, кто пытался добиться своего, преуспевали лишь очень немногие.

Немногим более ста лет назад до Кимона добрался (было бы неправильно говорить, что его открыли или что с ним вступили в контакт) неисправный космический корабль с Земли, который сел на планету и подняться с нее уже не мог.

До сих пор никто так и не узнал, что же там, в сущности, произошло, но в конце концов экипаж разломал свой корабль, поселился на Кимоне, а родные получили письма, в которых члены экипажа извещали их, что возвращаться не собираются.

Совершенно естественно, что между Кимоном и Землей никакого почтового сообщения быть не могло, но письма доставлялись самым фантастическим, хотя и, впрочем, самым логичным способом. И возможно, этот способ убедительнее всего показал земным властям, что Кимон именно таков, каким он изображался в письмах... Письма были свернуты в трубку и помещены в своеобразный футляр, напоминавший футляр пневматической почты. Он был доставлен прямо на стол руководителя мирового почтового ведомства. Не на стол какого-нибудь подчиненного, а на стол самого главного начальника. Футляр появился, пока начальник ходил обедать, и, как было установлено тщательным расследованием, на стол его никто не клал.

Тем временем чиновники почтового ведомства, по-прежнему убежденные, что стали жертвами какой-то мистификации, отправили письма адресатам со специальными курьерами, которые обычно добывали себе хлеб насущный службой в Бюро расследований.

Адресаты все как один утверждали, что письма подлинные, так как в большинстве случаев узнавали знакомый почерк. И кроме того, в каждом письме содержались подробности, знакомые

только адресатам, и это было еще одним доказательством, что письма настоящие.

Затем каждый адресат написал ответное письмо, их поместили в футляр, в котором прибыли письма с Кимона, а сам футляр положили на стол руководителя почтового ведомства, на то самое место, где его в свое время нашли.

С футляра не сводили глаз, и некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг он исчез, а как исчез — никто не заметил; футляра просто не стало, и все.

Через неделю-другую перед самым концом рабочего дня футляр появился снова. Руководитель почтового ведомства был увлечен работой и не обращал внимания на то, что происходит вокруг. И вдруг снова увидел футляр. И снова в нем были письма, но на сей раз конверты раздувались от сотенных кредиток, которые потерпевшие крушение космонавты посылали в подарок своим родственникам, хотя тут же следует отметить, что сами космонавты, по-видимому, не считали себя потерпевшими крушение.

В письмах они извещали о получении ответов, посланных с Земли, и сообщали некоторые сведения о планете Кимон и ее обитателях. Во всех письмах подробно объяснялось, как космонавты достали сотенные кредитки на чужой планете. Бумажные деньги, говорилось в письмах, были фальшивыми, сделанными по образцу тех, что были у космонавтов в карманах, но когда земные финансовые эксперты и служащие Бюро расследований взглянули на банкноты, то отличить их от настоящих денег они не смогли. Но руководители Кимона, говорилось в письмах, не хотят, чтобы их считали фальшивомонетчиками. И чтобы валюта не обесценилась, кимонцы в самое ближайшее время сделают взнос в земной банк материалами, которые по своей ценности не только эквивалентны посланным деньгам, но и, если потребуется, покроют дальнейший выпуск денег.

В письмах пояснялось, что денег как таковых на Кимоне нет, но поскольку Кимон хочет дать работу людям с Земли, то пришлось изыскать способ оплаты их труда, и если земной банк и все организации, имеющие отношение к финансам, согласны...

Правление банка долго колебалось и толковало о всяких глубоких финансовых соображениях и экономических принципах, но все эти разговоры ни к чему не привели, потому что через несколько дней, во время перерыва, рядом со столом председателя правления банка появились несколько тонн тщательно упакованного урана и два мешка алмазов.

Теперь Земле ничего не оставалось делать, как принять существование Кимона за чистую монету и считать, что земляне, севшие на Кимон, возвращаться не собираются.

В письмах говорилось, что кимонцы — это гуманоиды, что они обладают парапсихическими способностями и создали культуру, которая намного обогнала культуру Земли и любой другой планеты Галактики, открытой к этому времени.

Земля подремонтировала один из космических кораблей, собрала корпус самых красноречивых дипломатов, надавала им кучу дорогих подарков и отправила все это на Кимон. Но уже через несколько минут после приземления дипломатов вышибли с планеты самым недипломатическим образом. По-видимому, Кимон не имел никакого желания связываться с второразрядной варварской планетой. Дипломатам дали понять, что, когда Кимон пожелает установить дипломатические отношения с Землей, об этом будет объявлено особо. На Кимон же допускались люди, которые не только обладали определенной квалификацией, но и ярко проявили себя в научной деятельности.

С тех пор ничего не изменилось.

На Кимон нельзя было поехать просто по желанию. К этому надо было готовиться.

Прежде всего требовалось пройти специальное испытание умственных способностей, которое не выдерживали девяносто девять процентов. Выдержав испытание, надо было посвятить годы и годы изнурительному учению, а потом опять держать письменный экзамен, и вновь происходил отсев. Едва ли один из тысячи выдерживал все экзамены.

Год за годом мужчины и женщины Земли пробивались на Кимон, селились там, процветали и писали письма домой. Ни один из уехавших не вернулся. Попавшему на Кимон, видимо, и в голову не приходило вернуться на Землю.

И все же за столько лет сведений о Кимоне, его обитателях и культуре стало не намного больше. Эти сведения черпались только из писем, доставлявшихся со скрупулезной точностью каждую неделю на стол руководителя почтового ведомства. В них писали о таких заработках, которые на Земле и не снились, о великолепных возможностях разбогатеть, о кимонской культуре и о самих кимонцах, но все это так, вообще,— ни од-

ной подробности о той же культуре, деловой жизни или о чем бы то ни было другом письма не сообщали.

И возможно, адресаты не слишком жалели об отсутствии конкретных сведений потому, что почти в каждом письме приходила пачка денег, новеньких и хрустящих, подкрепленных тоннами урана, мешками алмазов и штабелями слитков золота, которые время от времени появлялись у стола председателя правления банка.

Со временем у каждой семьи на Земле появилось честолюбивое желание послать хотя бы одного своего члена на Кимон, так как пребывание родственника там означало в конце концов, что здесь все его близкие будут иметь гарантированный и приличный доход на всю жизнь.

Естественно, о Кимоне рассказывали легенды. Конечно, в основном это были выдумки. В письмах опровергались слухи о том, что улицы там вымощены золотыми брусками, что кимонские девицы носят платья, усеянные бриллиантами.

Но те, чье воображение не ограничивалось золотыми улицами и бриллиантовыми платьями, прекрасно понимали, что по сравнению с возможностями, которые открываются на Кимоне, золото и бриллианты — это чепуха. Земной культуре до кимонской было далеко, люди там приобрели или развили в себе естественным путем парапсихические способности. На Кимоне можно было научиться тому, что произвело бы революцию в галактической промышленности и средствах сообщения, а кимонская философия направила бы человечество по новому и лучшему (и более прибыльному?) пути.

И рождались все новые и новые легенды, которые каждый толковал в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления.

Руководители Земли оказывали всяческую поддержку тем, кто хотел отправиться на Кимон, потому что руководители, как и все прочие, понимали, какие в этом таятся возможности для революции в промышленности и эволюции человеческой мысли. Но так как со стороны Кимона приглашения признать его дипломатически не следовало, они выжидали, строили планы и делали все, чтобы на Кимон поехало как можно больше людей. Но людей достойнейших, так как даже самый дремучий бюрократ понимал, что на Кимоне Земля должна быть представлена в лучшем виде.

Но почему кимонцы разрешали приезжать людям с Земли? Это было неразрешимой загадкой. По-видимому, Земля была единственной планетой Галактики, получившей разрешение присылать своих людей. Конечно, и земляне, и кимонцы были гуманоидами, но это оставляло вопрос открытым, потому что они не были единственными гуманоидами в Галактике. Ради собственного утешения земляне считали, что исключительное гостеприимство кимонцев объясняется некоторым взаимопониманием, одинаковым мировоззрением, некоторым сходством эволюционного развития (конечно, при небольшом отставании Земли).

Как бы там ни было, Кимон был галактическим Эльдорадо, страной несбыточных грез, местом, куда надо стремиться и где надо жить, краем, где кончается радуга.

Селдон Бишоп оказался в местности, напоминавшей земной парк. Тут его высадила быстроходная космическая шлюпка, ибо космодромов на Кимоне не было, как не было многого другого.

Он стоял среди своих чемоданов и смотрел вслед шлюпке, направлявшейся в космос к орбите лайнера.

Когда шлюпка исчезла из виду, он сел на чемодан и стал ждать.

Местность чем-то напоминала земной парк, но на этом сходство ограничивалось. Деревья были слишком тонкими, цветы — чересчур яркими, трава — немного не такого цвета, как на Земле. Птицы, если это были птицы, напоминали ящериц, оперение у них было непривычной расцветки и вообще не такое, как у земных птиц. Ветерок донес запахи, не похожие на запахи Земли. Чужие запахи, чужие цвета...

Сидя на чемодане посреди парка, Бишоп старался вызвать у себя ощущение радости оттого, что он наконец на Кимоне. Но он не чувствовал ничего, кроме удовлетворения, что ему удалось сохранить свои двадцать кредиток в целости и сохранности.

Ему потребуется немного наличных денег, чтобы продержаться, пока он найдет работу. Но и тянуть с этим нельзя. Конечно, брать первую попавшуюся работу тоже не стоит, надо поискать немного и найти наиболее подходящую. А для этого потребуется время.

Он пожалел, что не оставил побольше денег про запас. Но это значило бы, что он приехал бы сюда не с такими хорошими чемоданами и костюмы пришлось бы шить не у портного, а покупать готовые...

Он говорил себе, что важно с самого начала произвести хорошее впечатление, и чем больше думал сейчас, тем меньше сожалел, что истратил почти все деньги, чтобы произвести хорошее впечатление.

Может быть, следовало взять у Морли взаймы. Морли ему ни в чем не отказал бы, а он потом расплатился бы, как только найдется работа. Но просить было противно, ибо, как он теперь понимал, это значило бы уронить достоинство, которое он чувствовал особенно сильно с тех пор, как его избрали для поездки на Кимон. Все, даже Морли, смотрели с почтением на человека, прорвавшегося на Кимон, и тут уж никак нельзя было просить о деньгах и прочих одолжениях.

Бишоп вспомнил свое последнее посещение Морли. Теперь он уже понимал, что, хотя Морли и его друг, в этом последнем визите был какой-то оттенок тех дипломатических обязанностей, которые Морли приходилось выполнять по долгу службы.

На дипломатическом поприще Морли пошел далеко и пойдет еще дальше. Руководители департамента говорили, что в Девятнадцатом секторе политики и экономики по манере говорить и вести себя, по умению ориентироваться он выделяется среди всех молодых людей. У него были подстриженные усы, и бросалось в глаза, что он тщательно ухаживает за ними. Волосы его всегда были в порядке, а ходил он пружинисто, как пантера.

Они сидели на квартире у Морли, на душе было приятно и легко. Вдруг Морли встал и начал ходить из угла в угол, как пантера.

— Мы дружим с незапамятных времен,— сказал Морли.— Мы побывали вместе не в одной переделке.

И оба улыбнулись, вспомнив переделки, в которых они побывали.

— Когда я услышал, что вы едете на Кимон,— продолжал Морли,— я, естественно, обрадовался. Я рад любому вашему успеху. Но я обрадовался еще и по другой причине. Я сказал себе: «Вот наконец человек, который может сделать то, что нам надо».

— А что вам надо? — произнес Бишоп таким тоном, будто спрашивал Морли, хочет ли тот выпить шотландского виски или чего-либо другого. Правда, такого вопроса он никогда бы не задал, так как было известно, что все молодые люди из ведомства иностранных дел — ревностные поклонники шотландского виски. Во всяком случае, задал он этот вопрос непринужденно, хотя чувствовал, что вся непринужденность разговора рассеивается как дым.

В воздухе стала витать тень плаща и кинжала. Бишоп вдруг ощутил бремя официальной ответственности, и на мгновение сердца его коснулся холодок страха.

— У этой планеты должен быть какой-нибудь секрет,— сказал Морли,— для кимонцев никто из нас, ни одна из других планет не существует. Нет такой планеты, которая бы получила дипломатическое признание. На Кимоне нет ни одного представителя какого бы то ни было другого народа. По-видимому, они и не торгуют ни с кем, и все же они должны торговать, потому что ни одна планета, ни одна культура не может существовать совершенно самостоятельно. Наверно, с кем-то у них все-таки дипломатические отношения есть. Должны быть какие-нибудь причины... кроме того, что мы по сравнению с ними отсталый народ... почему они не хотят признавать Землю. Ведь даже во времена варварства многие правительства и народы признавали те страны, которые были гораздо ниже в культурном отношении.

— Вы хотите, чтобы я узнал все это?

— Нет,— сказал Морли.— Мы хотим подобрать ключ. И это все. Мы ищем ключ, какой-нибудь намек, который помог бы нам разобраться в обстановке. Хотя бы воткнуть клинышек, вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. А уж все остальное мы сделаем сами.

— А другие? — спросил Бишоп.— Тысячи других поехали туда. Не один же я получил право поехать на Кимон?

— Вот уже более пятидесяти лет,— ответил Морли,— наш сектор дает такие же напутствия и всем другим.

— И вам ничего не сообщили?

— Ничего,— сказал Морли,— или почти ничего. Или ничего такого, что могло бы послужить нашим целям.

— Они не могли...

— Они не могли ничего поделать, потому что, прибыв на Кимон, они совершенно забывали о Земле... нет, не забывали, это не совсем так. Но они уже были неверны Земле. Кимон действовал на них ослепляюще.

— Вы так думаете?

— Не знаю,— сказал Морли.— Но у нас нет другого объяснения. Вся беда в том, что говорили мы с ними только раз. Ни один из них не вернулся. Конечно, мы можем писать им письма. Мы можем напоминать им... намеками. Но прямо спрашивать не можем.

— Цензура?

— Нет. Телепатия. Кимонцы узнали бы все, если бы мы попытались что-нибудь внушить своим. А мы не можем рисковать всей проделанной нами работой.

— Но я уеду с такими мыслями...

— Вы забудете их,— сказал Морли.— У вас впереди несколько недель, за которые вы можете забыть их... запрятать в глубины своего сознания. Но не совсем... не совсем.

— Понятно,— сказал Бишоп.

— Поймите меня правильно. В этом нет ничего зловещего. Вам не следует упорно доискиваться всего. Может быть, все обстоит очень просто. Может быть, просто мы не так причесываемся. Есть какая-то причина... наверное, очень маленькая.

Морли быстро переменил тему разговора, налил по бокалу виски, сел и стал вспоминать школьные годы, знакомых девочек и загородные поездки.

В общем, это был приятный вечер.

Но прошло несколько недель, и Бишоп почти забыл обо всем. А теперь он сидел на своих чемоданах посредине парка и ждал, когда появится встречающий кимонец. Он знал, как будет выглядеть кимонец, и не собирался удивляться.

И все же он удивился.

Туземец был двухметрового роста. Сложенный как античный бог, он был совсем-совсем человеком.

Только что Бишоп сидел один на поляне в парке, и вдруг рядом оказался туземец.

Бишоп вскочил.

— Мы рады вам,— сказал кимонец.— Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Голос и произношение туземца были такими же совершенными и красивыми, как и его скульптурное тело.

— Спасибо,— сказал Бишоп и тут же почувствовал, как неловко он это произнес, каким запинающимся и глуховатым был его голос по сравнению с голосом туземца. Взглянув на кимонца, он невольно сравнил себя с ним. Какой у него, наверно, взъерошенный, мятый, нездоровый вид.

Бишоп полез в карман за бумагами. Негнущимися, неловкими пальцами он с трудом откопал их («откопал», иначе не скажешь).

Кимонец взял документы, скользнул по ним глазами (именно «скользнул») и сказал:

— Мистер Селдон Бишоп. Рад познакомиться с вами. У вас очень хорошая квалификация. Экзаменационные оценки, как я вижу, великолепные. Хорошие рекомендации. И, как я вижу, вы спешили к нам. Очень рад, что вы приехали.

— Но...— возразил было Бишоп. И тут же замолчал, крепко стиснув зубы. Не говорить же кимонцу, что тот только скользнул глазами по документам, а не прочел их. Содержание документов было, по-видимому, известно этому человеку.

— Как доехали, мистер Бишоп?

— Благодарю вас, путешествие было прекрасным,— сказал Бишоп и вдруг преисполнился гордости за то, что отвечает так легко и непринужденно.

— Ваш багаж,— сказал туземец,— говорит о вашем великолепном вкусе.

— Спасибо, я...

И тут Бишоп разозлился. Какое право имеет этот кимонец снисходительно отзываться о его чемоданах!

Но туземец сделал вид, что ничего не заметил.

— Не желаете ли вы отправиться в гостиницу?

— Как вам будет угодно,— очень сухо сказал насторожившийся Бишоп.

— Позвольте мне...

На мгновение сознание Бишопа затуманилось, все поплыло перед глазами, и вот он уже стоит не на полянке в парке, а в небольшой нише, выходящей в вестибюль гостиницы, а рядом аккуратно сложены чемоданы.

Он не успел насладиться своим триумфом там, на полянке, ожидая туземца, глядя вслед удалявшейся шлюпке. И здесь все существо его охватила буйная, пьянящая радость. Комок подкатил к горлу. Бишопу стало трудно дышать.

Это Кимон! Наконец-то он на Кимоне! После стольких лет учения он здесь, в этом сказочном месте... Вот чему он отдал многие годы жизни!

«Высокая квалификация» — так говорили люди друг другу вполголоса... высокая квалификация, жестокие экзамены, которые сдает один из тысячи.

Он стоял в нише, и ему не хотелось выходить, пока не пройдет волнение. Он должен пережить свою радость, свой триумф наедине с собой. Надо ли давать волю этому чувству? Во всяком случае, показывать его не стоит. Все личное надо запрятывать поглубже.

На Земле он был единственным из тысячи, а здесь он ничем не отличается от тех, кто прибыл раньше его. Наверно, он не может быть с ними даже на равной ноге, потому что они уже в курсе дела, а ему еще предстоит учиться.

Вот они, в вестибюле... счастливчики, прибывшие в сказочную страну раньше его... «блестящее общество», о котором он мечтал все эти утомительные годы, общество, к которому он теперь будет принадлежать.. люди Земли, признанные годными для поездки на Кимон.

Приехать сюда могли только лучшие... только лучшие, самые умные, самые сообразительные. Земле не хотелось ударить в грязь лицом, иначе как бы Земля могла убедить Кимон в том, что она родственная планета?

Сначала люди в вестибюле казались всего лишь толпой, неким блестящим, но безликим сборищем. Однако когда Бишоп стал присматриваться, толпа распалась на индивидуальности, на мужчин и женщин, которых ему вскоре предстояло узнать.

Бишоп заметил портье только тогда, когда тот оказался рядом. Портье (наверно, портье) был более высоким и красивым, чем туземец, встретивший его на поляне.

— Добрый вечер, сэр,— сказал портье.— Добро пожаловать в «Риц».

Бишоп вздрогнул:

— «Риц»? Ах да, я забыл... Это и есть отель «Риц».

— Мы рады, что вы остановились у нас,— сказал портье.— Мы надеемся, что вы у нас пробудете долго.

— Конечно,— сказал Бишоп.— Я тоже надеюсь.

— Нас известили,— сказал портье,— что вы прибываете, мистер Бишоп. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас номер. Хочется думать, что он вас устроит.

— Я уверен, что устроит,— сказал Бишоп.

Будто на Кимоне что-нибудь может не устроить!

— Может быть, вам захочется переодеться,— сказал портье.— До обеда еще есть время.

— О конечно,— сказал Бишоп.— Мне очень хочется...

И тут же пожалел, что сказал это.

— Вещи вам доставят в номер. Регистрироваться не надо. Это уже сделано. Позвольте проводить вас, сэр.

Номер ему понравился. Целых три комнаты. Сидя в кресле, Бишоп думал о том, что теперь ему и вовек не расплатиться.

Вспомнив о своих несчастных двадцати кредитках, Бишоп запаниковал. Придется подыскать работу раньше, чем он предполагал, потому что с двадцатью кредитками далеко не уедешь... хотя, наверно, в долг ему поверят.

Но он тотчас оставил мысль просить денег взаймы, так как это значило бы признаться, что у него нет с собой наличных. До сих пор все шло хорошо. Он прибыл сюда на лайнере, а не на борту потрепанного грузового судна; его багаж (что сказал этот туземец?) подобран со вкусом; его гардероб такой, что комар носа не подточит; не кинется же он занимать деньги только потому, что его смутила роскошь номера.

Он прохаживался по комнате. Ковра на полу не было, но сам пол был мягким и пружинистым. На нем оставались следы, которые почти немедленно сглаживались.

Бишоп выглянул в окно. Наступил вечер, и все вокруг подернулось голубовато-серой дымкой. Вдаль уходила холмистая местность, и не было на ней ничего, абсолютно ничего. Ни дорог, ни огоньков, которые бы говорили о другом жилье.

Он подумал, что ничего не видно только с этой стороны дома. А на другой стороне, наверно, есть улицы, дороги, дома, магазины.

Бишоп обернулся и снова стал осматривать комнату. Мебель похожа на земную. Подчеркнуто спокойные и элегантные линии... Красивый мраморный камин, полки с книгами... Блеск старого полированного дерева... Бесподобные картины на стенах... Большой шкаф, почти целиком закрывающий одну из стен комнаты.

Бишоп старался определить, для чего же нужен этот шкаф. Красивая вещь, вид у нее древний, и полировка... Нет, это не

лак, шкаф отполирован прикосновениями человеческих рук и временем.

Он направился к шкафу.

— Хотите выпить, сэр? — спросил шкаф.

— Не прочь,— ответил Бишоп и тотчас стал как вкопанный, сообразив, что шкаф заговорил с ним, а он ответил.

В шкафу откинулась дверца, а за ней стоял стакан.

— Музыку? — спросил шкаф.

— Если вас не затруднит,— сказал Бишоп.

— Какого типа?

— Типа? А, понимаю. Что-нибудь веселое, но и чуть-чуть грустное. Как синие сумерки, разливающиеся над Парижем. Кто это сказал? Один из древних писателей. Фицджеральд. Вероятнее всего, Фицджеральд.

Музыка говорила о том, как синие сумерки крались над городом на далекой Земле, и лил теплый апрельский дождь, и доносился издалека девичий смех, и блестела мостовая под косым дождем.

— Может быть, вам нужно что-нибудь еще, сэр? — спросил шкаф.

— Пока ничего.

— Хорошо, сэр. До обеда у вас остался час, вы успеете переодеться.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу пробуя напиток. У него был какой-то незнакомый привкус.

В спальне Бишоп пощупал постель, она была достаточно мягкой. Посмотрел на туалетный столик и большое зеркало, а потом заглянул в ванную, оборудованную автоматическими приборами для бритья и массажа, не говоря уже о ванне, душе, машине для физкультурных упражнений и ряде других устройств, назначения которых он не смог определить.

В третьей комнате было почти пусто. В центре ее стояло кресло с широкими плоскими подлокотниками, и на каждом из них виднелись ряды кнопок.

Бишоп осторожно приблизился к креслу. Что же это? Что за ловушка? Хотя это глупо. Никаких ловушек на Кимоне не может быть. Кимон — страна великих возможностей, здесь человек может разбогатеть и жить в роскоши, набраться ума и культуры, выше которой до сих пор в Галактике не найдено.

Он наклонился к широким подлокотникам кресла и увидел, что на каждой кнопке была надпись. Бишоп читал: «Исто-

рия», «Поэзия», «Драма», «Скульптура», «Астрономия», «Философия», «Физика», «Религии» — и многое другое. Значения некоторых надписей он не понимал.

Бишоп оглядел пустую комнату и впервые заметил, что в ней нет окон. Видимо, это был своеобразный театр или учебная аудитория. Садишься в кресло, нажимаешь какую-нибудь кнопку и...

Но времени на это не было. Шкаф сказал, что до обеда оставался час. Сколько-то уже прошло, а он еще не переоделся.

Чемоданы были в спальне. Бишоп достал костюм. Пиджак оказался измятым.

Он держал пиджак и смотрел на него. Может, повесить — и пиджак отвисится. Может... Но Бишоп знал, что за это время пиджак не отвисится. Музыка прекратилась, и шкаф спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Можете ли вы погладить пиджак?

— Конечно, сэр, могу.

— За сколько?

— За пять минут,— сказал шкаф.— Дайте мне и брюки.

Зазвонил звонок, и Бишоп открыл дверь. За дверью стоял человек.

— Добрый вечер,— сказал человек и представился: — Монтэгю. Но все зовут меня Монти.

— Входите, пожалуйста, Монти.

Монти вошел и оглядел комнату.

— Хорошо у вас,— сказал он.

Бишоп кивнул:

— Я ни о чем и не заикался. Они сами мне все дали.

— Умницы эти кимонцы,— сказал Монти.— Большие умницы.

— Меня зовут Селдон Бишоп.

— Только что приехали? — спросил Монти.

— Примерно час назад.

— И полны благоговения перед этим замечательным Кимоном?

— Я ничего не знаю о нем,— сказал Бишоп.— Кроме того, конечно, что говорилось в учебном курсе.

— Я знаю,— косо взглянув на него, проговорил Монти.— Скажите по-дружески... вас тревожат какие-нибудь опасения?

Бишоп улыбнулся, он не знал, как ему быть.

— Чем вы собираетесь здесь заняться? — спросил Монти.

— Деловой администрацией.

— Ну, тогда на вас, наверно, нечего рассчитывать. Вы этим не заинтересуетесь.

— Чем?

— Футболом. Или бейсболом. Или крикетом. Или атлетикой.

— У меня никогда не было на это времени.

— Очень жаль,— сказал Монти.— Вы сложены как спортсмен.

— Не хотят ли джентльмены выпить? — спросил шкаф.

— Будьте любезны,— сказал Бишоп.

— Идите переодевайтесь,— сказал Монти.— А я посижу и подожду.

— Пожалуйста, возьмите ваши пиджак и брюки,— сказал шкаф.

Дверца открылась, и за ней лежали вычищенные и выутюженные пиджак и брюки.

— Я не знал,— сказал Бишоп,— что вы здесь занимаетесь спортом.

— Нет, мы не занимаемся,— сказал Монти.— Это деловое предприятие.

— Деловое предприятие?

— Конечно. Мы хотим дать кимонцам возможность заключать пари. Может быть, они увлекутся этим. Хотя бы на время. Вообще-то они держать пари не могут...

— Я не понимаю, почему не могут...

— Сейчас объясню. У них совсем нет спортивных игр. Они не могли бы играть. Телепатия. Они знали бы на три хода вперед, что собираются делать их соперники. Телекинез. Они могли бы передвигать мяч или что бы там ни было, не притрагиваясь к нему пальцем. Они...

— Кажется, я понимаю,— сказал Бишоп.

— Но мы все-таки собираемся создать несколько команд и устроить показательные состязания. По возможности подогреть интерес к ним. Кимонцы повалят толпами. Будут платить за вход. Делать ставки. Мы, конечно, будем держать тотализатор и загребем комиссионные. Пока это будет продолжаться, мы неплохо заработаем.

— Конечно, но ведь это ненадолго.

Монти пристально посмотрел на Бишопа.

— Быстро вы все поняли,— сказал он.— Далеко пойдете.

— Джентльмены, напитки готовы,— сказал шкаф.

Бишоп взял стаканы и протянул один из них гостю.

— Пожалуй, я вас подключу,— сказал Монти.— Может быть, вы тоже подработаете. Тут больших знаний не требуется.

— Валяйте подключайте,— согласился Бишоп.

— Денег у вас не много,— сказал Монти.

— Как вы узнали об этом?

— Вы боитесь, что не сможете расплатиться за номер.

— Телепатия? — спросил Бишоп.

— Вы попали в самую точку,— сказал Монти.— Только я владею телепатией самую малость. С кимонцами нам нечего тягаться. Никогда мы не будем такими. Но время от времени что-то до тебя доходит... какое-то ощущение проникает в мозг. Если ты пробыл здесь достаточно долго...

— А я думал, что никто не заметит.

— Многие заметят, Бишоп. Но пусть это вас не беспокоит. Мы все друзья. Сплотились против общего врага, можно сказать. Если вам надо призанять денег...

— Пока нет,— сказал Бишоп.— Если понадобится, я вам скажу.

— Мне или кому-нибудь другому. Мы все друзья. Нам надо быть друзьями.

— Спасибо.

— Не стоит. А теперь одевайтесь. Я подожду. Мы пойдем вместе. Все хотят познакомиться с вами. Приезжает не так уж много людей. Все хотят знать, как там Земля.

— Как?..

— Земля, конечно, на месте. Как она поживает? Что там нового?

Бишоп только теперь рассмотрел гостиницу как следует. До этого он лишь мельком бросил взгляд на вестибюль, пока стоял со своими чемоданами в нише. Портье слишком быстро провел его в номер.

Но теперь он увидел эту овеществленную чудесным образом сказочную страну с ее фонтанами и неведомо откуда доносящейся музыкой, с тончайшей паутинкой радуг, выгнувшихся арками и крестовыми сводами, с мерцающими стеклянными колоннами, в которых отражался и множился весь вестибюль та-

ким образом, что создавалось впечатление, будто помещению этому нет ни конца ни края... и в то же время всегда можно было отыскать укромный уголок, чтобы посидеть с друзьями.

Иллюзия и вещественность, красота и ощущение домашнего покоя... Бишоп подумал, что здесь всякому придется по душе, что здесь всякий найдет все, что пожелает. Будто волшебством человек отгораживался от мира с его несовершенствами и проникался чувством довольства и собственного достоинства только от одного сознания, что он находится в таком месте.

На Земле такого места не было и быть не могло, и Бишоп подозревал, что в этом здании воплощена не только человеческая архитектурная сноровка...

— Впечатляет? — спросил Монти.— Я всегда наблюдаю за выражением лиц новичков, когда они входят сюда.

— А потом первое впечатление стирается?

Монти покачал головой:

— Друг мой, впечатление не тускнеет, хотя уже и не так ошеломляет, как в первый раз.

Бишоп пообедал в столовой, в которой все было старомодным и торжественным. Официанты-кимонцы были готовы услужить в любую минуту, рекомендовать блюдо или вино.

К столу подходили, здоровались, расспрашивали о Земле, и каждый старался делать это непринужденно, но по выражению глаз можно было судить, что скрывалось за этой непринужденностью.

— Они стараются, чтобы вы чувствовали себя как дома,— сказал Монти.— Они рады новичкам.

Бишоп чувствовал себя как дома... в жизни у него не было более приятного чувства. Он не ожидал, что освоится так быстро, и был немного удивлен этим.

Порадовался он и тому, что с него не потребовали денег за обед, а просто попросили подписать счет. Все казалось прекрасным, потому что такой обед унес бы большую часть двадцати кредиток, которые гнездились в его кармане.

После обеда Монти куда-то исчез, а Бишоп пошел в бар, взгромоздился на высокий стул и потягивал напиток, который рекомендовал ему буфетчик-кимонец.

Невесть откуда появилась девушка. Она взлетела на высокий табурет рядом с Бишопом и спросила:

— Что вы пьете, дружок?

— Не знаю,— ответил Бишоп и показал на буфетчика.— Попросите его приготовить вам такой же.

Буфетчик взялся за бутылки и шейкер.

— Вы, наверно, новенький,— сказала девушка.

— Вот именно, новенький.

— Здесь не так уж плохо, то есть неплохо, если не думаешь.

— Я не буду думать,— пообещал Бишоп.— Я не буду думать ни о чем.

— Вы привыкнете,— сказала девушка.— Немного погодя вы будете не прочь поразвлечь их. Вы подумаете: «Какого черта! Пусть смеются, если им хочется, а мне пока неплохо». Но придет день...

— О чем вы говорите? — спросил Бишоп.— Вот ваш стакан. Окунайте мордашку и...

— Придет день, когда мы устареем, когда мы больше не будем развлекать их. Мы больше не сможем выдумывать новые трюки. Возьмите, например, мои картины...

— Послушайте,— сказал Бишоп,— я ничего не могу понять.

— Навестите меня через неделю,— сказала девушка.— Меня зовут Максайн. Просто спросите, где Максайн. Через неделю мы поговорим. Пока!

Она соскочила со стула и вдруг исчезла.

К своему стакану она не притронулась.

Он пошел наверх, в свой номер, и долго стоял у окна, глядя на невыразительный пейзаж, пока не услышал голос шкафа:

— Почему бы, сэр, вам не попробовать окунуться в другую жизнь?

Бишоп тотчас обернулся:

— Вы хотите сказать...

— Пройдите в третью комнату,— сказал шкаф.— Это вас развлечет.

— Окунуться в другую жизнь?

— Совершенно верно. Выбирайте и переноситесь куда хотите.

Это было похоже на приключения Алисы в Стране чудес.

— Не беспокойтесь,— добавил шкаф.— Это безопасно. Вы можете вернуться в любое время.

— Спасибо,— сказал Бишоп.

Он пошел в третью комнату, сел в кресло и стал изучать кнопки. История? Можно и историю. Бишоп немного знал

ее. Он интересовался историей, прослушал несколько курсов и прочел много литературы.

Он нажал кнопку с надписью «История». Стена перед креслом осветилась, и на ней появилось лицо — красивое бронзовое лицо кимонца.

А бывают ли среди них некрасивые? Бишоп ни разу не видел ни уродов, ни калек.

— Вам какую историю, сэр? — спросил кимонец с экрана.

— Какую?

— Галактическую, кимонскую, земную? Почти любое место.

— Земную, пожалуйста,— сказал Бишоп.

— Подробности?

— Англия, четырнадцотое октября тысяча шестьдесят шестого года. Сенлак*.

Он уже не сидел в кресле в четырех голых стенах комнаты, а стоял на склоне холма в солнечный осенний день, и кругом в голубоватой дымке высились деревья с золотой и красной листвой и кричали люди.

Бишоп стоял как вкопанный на траве, покрывавшей склон. Трава уже перезрела и увяла на солнце... а дальше, внизу, на равнине, он увидел неровную линию всадников. Солнце играло на их шлемах и щитах, трепетали на ветру знамена с изображениями леопардов.

Это было 14 октября, в субботу. На холме стояло, укрывшись за стеной сомкнутых щитов, Гарольдово воинство, и, прежде чем солнце село, в бой были введены новые силы, решившие, каким курсом пойдет история страны.

Тэйллефер, подумал Бишоп. Тэйллефер помчится впереди войска Вильгельма, распевая «Песнь о Роланде» и крутя мечом так, что будет виден только огненный круг.

Нормандцы пошли в атаку, но впереди не было никакого Тэйллефера. Никто не крутил мечом, никто не распевал. Слышались только хриплые вопли людей, мчавшихся навстречу смерти.

Всадники мчались прямо на Бишопа. Он повернулся и бросился бежать. Но не успел, и они наскакали на него. Он увидел, как блестят отшлифованные копыта лошадей и жестокая сталь

* 14 октября 1066 года на реке Сенлак близ Гастингса произошло сражение между войсками англосаксонского короля Гарольда и нормандского герцога Вильгельма.

подков, он увидел мерцающие острия копий, болтающиеся ножны, красные, зеленые и желтые пятна плащей, тусклые доспехи, разинутые рты людей, и вот они уже над ним. И промчались они сквозь него и над ним, словно его здесь и не было.

А выше на склоне холма раздавались хриплые крики «Ут! Ут!» — и слышался пронзительный лязг стали. Вокруг поднялись тучи пыли, а где-то слева кричала издыхающая лошадь. Из пыли показался человек и побежал вниз по склону. Он споткнулся, падал, поднимался, снова бежал, и Бишоп видел, как лила кровь сквозь искореженные доспехи, струилась по металлу и окропляла мертвую сухую траву.

Снова появились лошади. На некоторых уже не было всадников. Они мчались, вытянув шеи, с пеной на губах. Поводья развевались на ветру. Один из всадников обмяк и свалился с седла, но нога его запуталась в стремени, и лошадь поволокла его по земле.

«Выпустите меня отсюда! — беззвучно кричал Бишоп.— Как мне отсюда выбраться! Выпустите!»

Его выпустили. Он был снова в комнате с четырьмя голыми стенами и единственным креслом.

Он сидел не шевелясь и думал. «Не было никакого Тэйллефера. Никто не ехал, не пел, не крутил мечом. Сказание о Тэйллефере — всего лишь выдумка какого-нибудь переписчика, который додумал историю по прошествии времени».

Но люди умирали. Израненные, они бежали, шатаясь, вниз по склону и умирали. Они падали с лошадей. Их затаптывали насмерть.

Бишоп встал, руки его дрожали. Он нетвердо зашагал в другую комнату.

— Вы будете спать, сэр? — спросил шкаф.

— Наверно,— сказал Бишоп.

— Прекрасно, сэр. Я запру дверь и погашу свет.

— Вы очень любезны.

— Обычное дело, сэр,— сказал шкаф.— Не угодно ли вам чего?

— Совершенно ничего,— сказал Бишоп.— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— сказал шкаф.

Утром Бишоп пошел в агентство по найму, которое оказалось в одном из углов вестибюля.

Там была только высокая, белокурая, сложенная как статуэтка девушка-кимонка, грациозности движений которой поза-

видовала бы любая земная красавица. Женщина, подумал Бишоп, явившаяся из какого-то классического греческого мифа, белокурая богиня во плоти. На ней не было ниспадающих свободными складками греческих одежд, но они пошли бы ей. По правде сказать, одежды на ней почти не было, и красота ее от этого только выигрывала.

— Вы новичок,— сказала она.

Бишоп кивнул.

— Я знаю о вас,— сказала она, бросив на него всего один взгляд.— Селдон Бишоп, двадцать девять земных лет.

— Да, мадам.

Она внушала раболепные чувства.

— Ваша специальность — деловая администрация.

Он уныло кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бишоп, и мы обо всем поговорим с вами.

Он сидел и думал: «Хорошо ли для красивой девушки быть такой рослой и крепкой? Или такой компетентной?»

— Вы хотели бы взяться за какую-нибудь работу,— сказала девушка.

— Была у меня такая мысль.

— Вы специализировались на бизнесе. Боюсь, что в этой области у нас не слишком много вакантных мест.

— Для начала я не рассчитываю на многое,— сказал ей Бишоп с приличествующей, как ему казалось, скромностью и реальной оценкой обстановки.— Я готов заняться любым делом, пока не докажу, на что способен.

— Вам придется начать с самых низов. И целые годы набираться опыта. Дело не только в навыках, но в мировоззрении, в философии.

— Мне все...

Он заколебался. Он хотел сказать, что ему все равно. Но ему не все равно. Ему совсем не все равно.

— Я потратил на учебу многие годы,— сказал он.— Я знаю...

— Кимонский бизнес?

— Разве здесь все по-иному?

— Наверно, вы в совершенстве изучили систему заключения контрактов.

— Конечно.

— На всем Кимоне не заключается ни одного контракта.

— Но...

— В контрактах нет необходимости.

— Здесь все держится на честности?

— На честности и кое на чем еще.

— На чем же?

— Вы не поймете.

— Попробуйте объяснить мне.

— Бесполезно, мистер Бишоп. Для вас это были бы понятия совершенно новые. Они связаны с поведением. С мотивами действий. На Земле побудительная причина деятельности — выгода...

— А разве здесь это роли не играет?

— Очень маленькую роль.

— Каковы же другие побудительные причины?

— Например, культурное самоусовершенствование. Можете вы представить себе, что стремление к самоусовершенствованию является таким же мощным стимулом, как и выгода?

Бишоп ответил откровенно.

— Нет, не могу,— сказал он.

— А это стимул более мощный, чем выгода. Но это еще не все. Вот деньги... Денег у нас нет. Они по рукам не ходят.

— Но деньги есть. Кредитки.

— Это сделано только для того, чтобы было удобно людям с Земли,— сказала она.— Деньги, как свидетельство богатства, понадобились нам, чтобы привлекать на работу ваших людей и оплачивать их труд... и я бы сказала, что мы оплачиваем его очень хорошо. Для этого мы сделали все, что полагается у вас. Деньги, которые мы создали, имеют силу во всей Галактике. Они обеспечены вкладами в земные банки и являются для вас законным платежным средством. Но на самом Кимоне денег в обращении нет.

— Ничего не могу понять,— выдавил из себя Бишоп.

— Конечно, не можете,— сказала девушка.— Для вас это нечто совершенно новое. Ваша культура зиждется на том, что полезность и богатство каждой личности должны иметь как бы свое физическое воплощение. Здесь мы в этом не нуждаемся. Здесь у каждой личности своя простая бухгалтерия — это он способен сделать, а это он должен делать. Он сам обо всем знает. И это всегда известно его друзьям — или партнерам по бизнесу, если хотите.

— Тогда это не бизнес,— сказал Бишоп.— Не бизнес, как я понимаю его.

— Вы совершенно правы.

— Но меня готовили для бизнеса. Я потратил...

— Годы и годы на учение. Но на земные методы ведения дел, а не на кимонские.

— Но здесь есть бизнесмены. Сотни.

— Есть ли? — спросила она с улыбкой. Она улыбалась не с превосходством, не насмешливо... просто улыбалась.— В первую очередь,— продолжала она,— вам необходимо общение с кимонцами. Осмотритесь. Вам надо дать возможность оценить наш взгляд на вещи и узнать, как и что мы делаем.

— Вот это по мне,— сказал Бишоп.— Что же мне делать?

— Иногда люди с Земли нанимаются компаньонами.

— Не думаю, чтобы это мне подошло. Наверно, надо сидеть с детишками, или читать старушкам книги, или...

— Вы умеете играть на каком-нибудь инструменте или петь?

Бишоп покачал головой.

— Писать маслом? Рисовать? Танцевать?

Ни того, ни другого, ни третьего делать он не мог.

— Может быть, вы занимаетесь боксом? — спрашивала девушка.— Иногда он вызывает интерес, если не слишком жесток.

— Вы говорите о призовой борьбе?

— Думаю, вы можете это назвать и так.

— Нет, боксом я не занимаюсь.

— Тогда у вас остается не слишком большой выбор,— сказала девушка, беря со стола какие-то бумаги.

— Может быть, я могу работать на транспорте? — спросил он.

— Транспортировка — личное дело каждого.

Конечно, она права, подумал он. Телекинез дает возможность транспортировать себя или что бы то ни было... без помощи механических средств.

— Связь,— сказал он слабым голосом.— Наверно, и с ней дело обстоит так же?

Она кивнула.

Телепатия, подумал он.

— Вы знакомы с транспортом и связью?

— С их земными разновидностями,— ответил Бишоп.— Думаю, здесь мои знания не пригодятся.

— Нет,— согласилась она.— Хотя мы могли бы устроить вам лекционное турне. Наши помогли бы вам подготовить материал.

Бишоп покачал головой:

— Я не умею выступать перед публикой.

Девушка встала.

— Я наведу справки,— сказала она.— Заходите. Мы найдем что-нибудь подходящее для вас.

Бишоп поблагодарил ее и вышел в вестибюль.

Он пошел гулять.

Гостиница стояла на равнине, а вокруг было пусто. Ни других зданий. Ни дорог. Ничего.

Здание гостиницы было громадное, богато украшенное и одинокое, словно перенесенное сюда невесть откуда. Оно застыло на фоне неба, и кругом не было никаких зданий, с которыми оно гармонировало бы и которые скрадывали бы его. У него был такой вид, будто кто-то в спешке свалил его здесь и так оставил.

Бишоп направился через поле к каким-то деревьям, которые, по-видимому, росли на берегу речки, и удивился, почему нет ни тропинок, ни дорог, но вдруг сообразил, почему их нет.

Он подумал о годах, которые убил на зубрежку способов ведения бизнеса, и вспомнил о толстенной книге выдержек из писем, которые писались домой с Кимона и содержали намеки на успешный бизнес, на ответственные должности.

И ему пришло в голову, что во всех выдержках из писем было нечто общее — на все сделки и должности только намекали, но никто и никогда не писал определенно, чем занимается.

«Зачем они это делали? — спрашивал себя Бишоп.— Почему они дурачили нас?»

Хотя, конечно, он еще многого не знает. Он не пробыл на Кимоне и целого дня. «Я наведу справки,— сказала белокурая гречанка,— мы найдем что-нибудь подходящее для вас».

Он пересек поле и там, где выстроились деревья, нашел речку. Это была равнинная речка — широкий поток прозрачной воды медленно струился меж поросших травой берегов. Он лег на живот и глядел на речку. Где-то в глубине ее блеснула рыба.

Бишоп снял ботинки и стал болтать ногами в воде. Они знают о нас все, думал он. Они знают все о нашей культуре и жизни. Они знают о знаменах с изображениями леопардов и о том, как выглядел Сенлак в субботу 14 октября 1066 года, о войске Гарольда, стоявшем на вершине холма, и о войске Вильгельма, сосредоточившемся в долине. Они знают, что движет нами,

и они разрешают нам приезжать сюда, потому что им это для чего-то нужно.

Что сказала девушка, которая появилась невесть откуда на стуле, а потом исчезла, так и не притронувшись к своему стакану? «Вы будете служить развлечением,— сказала она.— Но вы привыкнете к этому. Если вы не будете думать обо всем слишком много, вы привыкнете».

«Навестите меня через неделю,— сказала она еще.— Через неделю мы поговорим».

Они знают нас, но с какой стороны?

Возможно, Сенлак — это инсценировка, но во всем, что он увидел, была какая-то странная тусклая реальность, и он всеми фибрами души своей чувствовал, что зрелище это подлинное, что все так и было. Что не было никакого Тэйллефера, что, когда человек умирал, его кишки волочились по траве, что англичане кричали: «Ут! Ут!»

Озябший Бишоп сидел в одиночестве и думал, как кимонцы делают это. Как они дают возможность человеку нажать кнопку и оказаться вместе с давно умершими, увидеть смерть людей, прах которых давно смешался с землей?

Способа узнать, как они это делают, конечно, не было. И догадки бесполезны.

Морли Рид сказал, что техническая информация революционизирует весь облик земной экономики.

Он вспомнил, как Морли ходил из угла в угол и повторял: «Мы должны узнать. Мы должны узнать».

И способ узнать... есть. Великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды и осушил их пучками травы. Он надел ботинки и пошел к гостинице.

Белокурая богиня все еще сидела за своим столом в бюро по найму.

— Я согласен приглядывать за детишками,— сказал Бишоп.

Она была очень, почти по-детски удивлена, но в следующее же мгновение лицо ее снова стало бесстрастным, как у богини.

— Да, мистер Бишоп.

— Я все обдумал,— сказал он.— Я согласен на любую работу.

В ту ночь Бишоп долго лежал в постели и не мог уснуть. Он думал о себе, о своем положении и пришел к заключению, что все обстоит не так уж плохо.

Работа, по-видимому, найдется. Сами кимонцы этого хотят. И даже если это не та работа, которую хочется получить, начало по крайней мере будет положено. С этого опорного пункта человек может подняться выше... умный человек, конечно. А все мужчины и женщины, все земляне на Кимоне, безусловно, умны. Если бы они не были умны, они не попали бы сюда, чтобы начать новую жизнь. Все они, по-видимому, преуспевают.

В тот вечер он не видел ни Монти, ни Максайн, но поговорил с другими, и все они казались довольными своей долей... или по крайней мере делали вид, что довольны. Бишоп говорил себе, что если бы все были разочарованы, то довольного вида у них не было бы, потому что земляне больше всего любят тихо плакаться друг другу в жилетку. Ничего подобного он не заметил. Никто не жаловался.

Ему говорили о том, что организуются спортивные команды, и некоторые собеседники возлагали на это очень большие надежды как на источник дохода.

Он разговаривал с человеком по имени Томас, который был специалистом-садоводом и работал в крупных кимонских поместьях. Тот больше часа рассказывал о выращивании экзотических цветов. Коротышка Вильямс, сидевший рядом с Бишопом в баре, с восторгом говорил о том, что ему поручено написать книгу баллад на основе кимонской истории. Некий Джексон работал над статуей по заказу одной местной семьи.

Бишоп подумал, что если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь на Кимоне становится приятной.

Взять хотя бы номер, который он получил. Красивая обстановка — дома на такую он рассчитывать бы не мог. Послушный шкаф-робот делает коктейли и бутерброды, гладит одежду, выключает свет и запирает дверь, предупреждает любое, даже невысказанное желание. А комната — комната с четырьмя голыми стенами и единственным креслом, снабженным кнопками? Там, в этой комнате, можно получить знания, найти забаву и приключения. Он сделал дурной выбор, попросив показать для начала битву при Гастингсе. Но есть другие места, другие времена, другие, более приятные и менее кровавые, события, при которых он может присутствовать.

Он присутствовал... не только смотрел. Он действительно шел вверх по склону холма. Он пытался выскочить из-под

копыт мчащихся лошадей, хотя в этом не было необходимости. Ты вроде бы был и там и не там, находился в самой гуще и вместе с тем с интересом наблюдал из безопасного места.

А есть немало событий, которые стоило бы увидеть. Можно пережить всю историю человечества, с времен доисторических до позавчерашнего дня, и не только историю человечества, а еще и кимонскую, и галактическую. Прогуляться с Шекспиром. Плыть с Колумбом.

«Когда-нибудь,— подумал Бишоп,— я прогуляюсь с Шекспиром. Когда-нибудь я поплыву с Колумбом».

Он видел подлинные события. Правда, она чувствуется.

Все размышления Бишопа свелись к тому, что какими бы странными ни были условия, жить в них все-таки можно.

А условия были странными потому, что это чужая сторона, культура и технология которой неизмеримо выше земных достижений. Здесь не было необходимости в искусственной связи и механических средствах транспортировки. Здесь не было необходимости в контрактах, потому что это исключено телепатией.

Надо только приспособиться. Надо научиться жить по-кимонски и не лезть со своим уставом в чужой монастырь. Он добровольно приехал на чужую планету. Ему позволили остаться, и поэтому он должен приспособиться.

— Вам неспокойно, сэр,— сказал из другой комнаты шкаф.

— Нет. Я просто думаю.

— Я могу вам дать снотворное. Очень мягкое и приятное снотворное.

— Только не снотворное,— сказал Бишоп.

— Тогда, быть может,— предложил шкаф,— вы позволите мне спеть вам колыбельную?

— Будьте любезны,— согласился Бишоп.— Мне нужна именно колыбельная.

Шкаф запел колыбельную, и вскоре Бишоп уснул.

Кимонская богиня в агентстве по найму сказала ему на следующее утро, что работа для него найдена.

— Новая семья,— сказала она.

Бишоп не знал, радоваться ли ему, что семья новая. Возможно, было бы лучше, если бы он попал в старую семью.

— У них никогда не было человека с Земли,— пояснила девушка.— Вы будете получать сто кредиток в день.

— Сто...

— Вы будете работать только в дневное время,— продолжала она.— Я буду телепортировать вас каждое утро туда, а по вечерам они будут телепортировать вас обратно.

— Сто кредиток! — запинаясь, сказал Бишоп.— Что я должен делать?

— Будете компаньоном,— ответила богиня.— Но не надо беспокоиться. Мы проследим, чтобы с вами обращались хорошо...

— Хорошо обращались?

— Не заставляли вас слишком много работать или...

— Мисс,— сказал Бишоп,— да за сотню бумажек в день я...

Она не дала ему договорить:

— Вы согласны на эту работу?

— С радостью,— сказал Бишоп.

— Позвольте мне...

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

...Бишоп стоял в нише, а перед ним было узкое, заросшее лесом ущелье с водопадом, и со своего места он ощущал, как тянет прохладой от падающей воды. Крутом росли папоротники и деревья, громадные деревья, похожие на узловатые дубы, которые обычно встречаются на иллюстрациях к историям о короле Артуре и Робин Гуде.

По берегу речки и вверх по склону бежала тропинка. Ветерок доносил музыку и запах духов.

По тропинке шла девушка. Это была кимонка, но не такая высокая, как другие, которых он уже видел, и у нее был не такой величественный, олимпийский вид.

Затаив дыхание, он следил за ее приближением и на мгновение забыл, что она кимонка, и думал о ней только как о хорошенькой девушке, которая идет по лесной тропинке. Она была красива, она была прелестна.

Девушка увидела его и захлопала в ладоши.

— Вы, наверно, он,— сказала она.

Бишоп вышел из ниши.

— Мы вас ждали,— продолжала она.— Мы надеялись, что вас не задержат и пошлют тотчас же.

— Меня зовут Селдон Бишоп, и мне сказали...

— Конечно, это вы и есть,— сказала девушка.— Вам даже не надо представляться. Это у вас на уме.

Она обвела рукой вокруг головы.

— Как вам понравился наш дом? — спросила она.

— Дом?

— Я, конечно, говорю глупости. Это всего лишь жилая комната. Спальни наши наверху, в горах. Но мы переменили здесь все только вчера. Все так много поработали. Я очень надеюсь, что вам понравится. Смотрите, здесь все как на вашей планете. Мы хотели, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это дом? — снова спросил он.

Она взяла его за руку.

— Вы какой-то расстроенный,— сказала она.— Вы еще не начали понимать.

Бишоп покачал головой:

— Я прибыл только вчера.

— Но вам здесь нравится?

— Конечно нравится,— сказал Бишоп.— Здесь все словно из какой-нибудь старой легенды о короле Артуре. Так и ждешь, что из лесу выедет верхом Ланселот или выйдет королева Джиневра...

— Вы знаете эти легенды?

— Конечно знаю. Я то и дело перечитываю Теннисона.

— И вы их нам расскажете.

Он в замешательстве посмотрел на нее:

— Вы хотите послушать их?

— Конечно хотим. А для чего же вы здесь?

«Вот оно. А для чего же я здесь?!»

— Вы хотите, чтобы я начал сейчас же?

— Не сейчас,— сказала она.— Вы еще должны познакомиться с другими. Меня зовут Элейн. Конечно, это не точно. Меня зовут по-другому, но Элейн ближе к тому, что вы привыкли произносить.

— Я могу попробовать произнести ваше настоящее имя. Я способен к языкам.

— Элейн — вполне сносное имя,— беспечно сказала девушка.— Пойдемте.

Он пошел следом за ней по тропинке.

И тут он увидел, что это действительно дом — деревья были колоннами, поддерживавшими искусственное небо, которое все же не казалось слишком искусственным, а проходы между деревьями оканчивались большими окнами, смотревшими на пустошь.

Но трава и цветы, мох и папоротники были настоящими, и Бишоп не удивился бы, если бы и деревья оказались настоящими.

— Не все ли равно, настоящие они или нет,— сказала Элейн.— Их не отличишь.

Они поднялись вверх по склону и оказались в парке, где трава была подстрижена так коротко и казалась такой бархатистой, что Бишоп на мгновение подумал, что это не настоящая трава.

— Настоящая,— сказала ему Элейн.

— Вы узнаёте все, что я ни подумаю.

— Все.

— Значит, я не должен думать.

— О, мы хотим, чтобы вы думали,— сказала Элейн.— Это входит в ваши обязанности.

— Вы меня наняли и ради этого?

— Совершенно верно,— подтвердила девушка.

Посреди парка стояло что-то вроде пагоды — ажурное здание, созданное, казалось, из света и тени, а не из грубой материи. Возле него Бишоп увидел шесть человек. Они смеялись и болтали. Голоса их были похожи на музыку — радостную и в то же время серьезную музыку.

— Вот они! — воскликнула Элейн.— Пойдемте.

Она побежала, и бег ее был похож на полет. У Бишопа перехватило дыхание при виде изящества и грациозности ее движений.

Он побежал следом, но совсем не грациозно. Он чувствовал, что бежит тяжело. Это был какой-то галоп, неуклюжий бег вприпрыжку по сравнению с бегом Элейн.

Он подумал, что бежит как собака. Как щенок-переросток, который пытается не отстать и бежит, переваливаясь с ноги на ногу, свесив язык и тяжело дыша.

Он попытался бежать более грациозно и не думать.

«Я не должен думать. Я не должен думать совсем. Они все узнают. Они будут смеяться надо мной».

Они смеялись именно над ним. Он чувствовал их смех — молчаливое снисходительное веселье.

Она подбежала к группе и подождала его.

— Быстрей! — крикнула она, и, хотя голос у нее был добрый, Бишоп чувствовал, что она забавляется.

Он спешил. Он тяжело скакал. Он почти задохнулся. Его взмокшее тело было очень неуклюжим.

— Вот кого нам прислали,— сказала Элейн.— Он знает легенды, связанные с такими местами, как это.

Она представила Бишопу присутствующих:

— Это Пол. Там Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мэри.

— Вы понимаете,— сказал Джим,— что это не наши имена...

— Лучшее, что я могла придумать, чтобы было похоже,— добавила Элейн.

— И чтобы вы могли произнести их,— сказала Джейн.

— Если бы вы только знали...— сказал Бишоп и вдруг замолчал.

Вот чего они хотят. Они хотят, чтобы он протестовал и проявил неудовольствие. Они хотят, чтобы ему было неловко.

«Не думать. Стараться не думать. Они узнают все».

— Сядем,— сказала Бетти.— Бишоп будет рассказывать нам легенды.

— Быть может,— обратился к нему Джим,— вы опишете нам жизнь на Земле? Мне было бы очень интересно послушать.

— Я знаю, что у вас есть игра, называющаяся шахматами,— сказал Джордж.— Мы, конечно, играть не можем. Вы знаете почему. Но мне было бы интересно поговорить с вами о технике и философии игры в шахматы.

— Не все сразу,— сказала Элейн.— Сначала он будет рассказывать нам легенды.

Все уселись на траву в кружок и взглянули на Бишопа.

— Я не совсем понимаю, с чего я должен начать,— сказал он.

— Но это же ясно,— откликнулась Бетти.— Начните с самого начала.

— Хорошо,— сказал Бишоп.

Он глубоко вздохнул:

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали...

— Именуемый...— сказал Джим.

— Вы читали эти легенды?

— Это слово у вас на уме.

— Это древнее слово, архаичное. В некоторых вариантах легенд...

— Когда-нибудь мне будет очень интересно обсудить с вами происхождение этого слова,— сказал Джим.

— Продолжайте рассказывать,— добавила Элейн.

Бишоп снова глубоко вздохнул.

— Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали Артур. Женой его была королева Джиневра, а Ланселот был его самым верным рыцарем...

Пишущую машинку Бишоп нашел в письменном столе, стоявшем в гостиной. Он сел за стол, чтобы написать письмо.

«Дорогой Морли»,— начал он.

А что писать? Что он благополучно прибыл и получил работу? Что за работу платят сто кредиток в день — в десять раз больше того, что человек его положения может заработать на любой земной работе?

Бишоп снова склонился над машинкой.

«Прежде всего хочу сообщить, что я благополучно доехал и уже устроился на работу. Работа, может быть, не слишком хорошая, но я получаю сотню в день. На Земле я столько не зарабатывал бы».

Он встал и начал ходить. Следует сказать гораздо больше. Нельзя ограничиваться одним абзацем. Бишоп даже вспотел. Ну что он напишет?

Он снова сел за машинку.

«Для того чтобы скорее познакомиться с местными условиями и обычаями, я поступил на работу, которая даст мне возможность тесно общаться с кимонцами. Я нахожу, что это прекрасные люди, но иногда не совсем понимаю их. Я не сомневаюсь, что вскоре буду понимать их и по-настоящему полюблю».

Он отодвинулся вместе со стулом назад и стал читать то, что написал.

Да, это похоже на любое из тысячи писем, которые он читал.

Бишоп представил себе тысячи других людей, которые садились писать свое первое письмо с Кимона и судорожно придумывали сказочки, безобидную полуправду, бальзам, способный принести облегчение уязвленной гордости.

«Работа моя состоит в том, что я развлекаю и веселю одну семью. Я рассказываю им легенды и позволяю смеяться надо мной. Я делаю это, так как не хочу признаться себе в том, что сказка о Кимоне — это ловушка для дураков и что я попал в нее...»

Нет, так писать не годится. И так тоже:

«Но несмотря ни на что, я держусь. Пока я получаю сотню в день, пусть их смеются, сколько им угодно. Я остаюсь здесь и сорву большой куш, что бы...»

Дома он был единственным из тысячи. Дома о нем говорили вполголоса, потому что он добился своего.

Бизнесмены на борту корабля говорили ему: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес» — и предлагали миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Бишоп вспомнил, как Морли ходил из угла в угол. Он сказал, что надо вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. Найти способ разобраться в кимонцах. Найти способ понимать их. Узнать самую малость... тут уж не до большого. Узнать самую малость. Пусть это окажется чем угодно, но только бы увидеть что-нибудь еще, кроме бесстрастного лика Кимона, обращенного к землянам.

Письмо надо как-нибудь кончить. Нельзя оставлять его так. Он снова сел за машинку.

«Позже я напишу тебе более подробно. Сейчас я очень тороплюсь».

Бишоп нахмурился. Но что бы он ни написал, все будет вранье. Это не хуже десятка других отговорок: «Спешу на заседание... У меня свидание с клиентом... Надо срочно просмотреть бумаги...» Все это вранье.

Бишоп написал: «*Часто думаю о тебе. Напиши мне, когда сможешь*».

Морли напишет ему. Восторженное письмо, письмо, слегка окрашенное завистью, письмо человека, который хотел бы поехать на Кимон, но не может.

Нельзя говорить правду, когда всякий отдал бы правую руку, чтобы поехать на Кимон.

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим из негодяев Галактики.

А письма из дому? И гордые, и завистливые, и дышащие счастьем оттого, что тебе живется хорошо,— все это только дополнительные цепи, которые приковывают к Кимону и кимонской лжи.

— Нельзя ли чего-нибудь выпить? — спросил у шкафа Бишоп.

— Пожалуйста, сэр,— сказал шкаф.— Сейчас будет, сэр.

— Налейте побольше и покрепче.

— Да, сэр. Побольше и покрепче...

Бишоп встретил ее в баре.

— Это опять вы,— сказала она таким тоном, будто они встречались очень часто.

Он сел на табурет рядом с ней.

— Неделя почти кончилась,— напомнил Бишоп.

Максайн кивнула:

— Мы наблюдали за вами. Вы держитесь хорошо.

— Вы обещали что-то сказать мне.

— Забудьте это,— сказала девушка.— Что говорить... Вы мне показались умным, но не совсем зрелым человеком. Мне стало жаль вас.

— Скажите,— спросил Бишоп,— почему на Земле ничего не известно? Я, конечно, тоже писал письма. Но не признался в том, что происходит со мной. И вы не писали о своем состоянии. Никто из окружающих не писал. Но кто-то же из людей за все эти годы...

— Все мы одинаковы,— сказала Максайн.— Как горошины в стручке. Мы все тут, как на подбор, упрямы, тщеславны, трусливы. Мы прошли огонь, воду и медные трубы, чтобы попасть сюда. Мы оттерли других. И они уже никогда не оправятся от этого. Неужели вы не понимаете? У них тоже есть гордость, и она попрана. Но с чем можно было бы сравнить их радость, если бы они узнали всю правду! Именно об этом и думаем все мы, когда садимся писать письма. Мы думаем, как будут надрываться от смеха тысячи наших конкурентов. Мы прячемся за чужие спины, стараемся сжаться, чтобы никто не заметил нас...

Она сжала кулачок и постучала себя по груди.

— Вот вам и ответ,— продолжала она.— Вот почему мы никогда не пишем правду. Вот почему мы не возвращаемся.

— Но это продолжается многие годы. Почти сотню лет. За это время кто-нибудь да должен был проговориться...

— И потерять все это? — спросила Максайн.— Потерять легкий заработок? Быть исключенным из братства пропащих душ?

Потерять надежду? Не забывайте этого. Мы всегда надеемся, что Кимон раскроет свои секреты.

— А он их раскроет?

— Не знаю. Но на вашем месте я бы на это не надеялась.

— Но ведь такая жизнь не для достойных...

— Не говорите этого. Какие же мы достойные люди! Мы трусливы и слабы, все мы!

— Но жизнь, которую...

— Вы хотите сказать, что здесь нам хорошо живется? У нас нет прочного положения. А дети? Немногие из нас имеют детей. Детям не так плохо, как нам, потому что они ничего иного и не знают. Ребенок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным.

— Мы не рабы,— сказал Бишоп.

— Конечно нет,— согласилась Максайн.— Мы можем уехать отсюда, когда захотим. Нам достаточно подойти к местному жителю и сказать: «Я хочу обратно на Землю». Вот и все. Любой из них может отослать вас обратно... точно так, как они отправляют письма, точно так, как они доставляют вас к месту работы или в вашу комнату.

— Но никто еще не возвратился.

— Конечно никто,— подтвердила Максайн.— Запомните, что я вам сказала. Не думайте. Только так можно жить. Никогда не думайте. И вам будет хорошо. Вы будете жить спокойно, легко.

— Верно,— сказал Бишоп,— только так можно жить.

Она искоса посмотрела на него:

— Вы начинаете понимать, в чем тут дело.

Они заказали еще по одному коктейлю.

В углу какая-то компания пела хором. Неподалеку ссорилась парочка.

— Тут слишком шумно,— сказала Максайн.— Не хотите ли посмотреть мои картины?

— Ваши картины?

— То, чем я зарабатываю себе на жизнь. Они довольно плохи, но в этом никто не разбирается.

— Я бы посмотрел.

— Тогда хватайтесь за меня и держитесь.

— Хватайтесь...

— Мысленно. Не руками, конечно. К чему пользоваться лифтом?

Бишоп удивленно смотрел на нее.

— Учитесь,— сказала Максайн.— В совершенстве вы этим не овладеете никогда, но двум-трем трюкам научитесь.

— А что мне делать?

— Просто расслабьтесь,— сказала Максайн.— Умственно, конечно. Постарайтесь быть поближе ко мне. Не пытайтесь помогать. Вы не сможете.

Он расслабился и постарался быть поближе к ней, сомневаясь, правильно ли он все делает.

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

Они стояли в другой комнате.

— Я сделала глупость,— сказала Максайн.— Когда-нибудь я ошибусь и засяду в стене или где-нибудь еще.

Бишоп вздохнул, огляделся и присвистнул.

— Как здесь хорошо,— сказал он.

Вдалеке едва виднелись стены. На западе возвышались снежные горы, на востоке текла река, берега которой поросли густым лесом. Прямо из пола росли цветы и кусты. В комнате были синеватые сумерки, а где-то вдалеке играл оркестр.

Послышался голос шкафа:

— Что угодно, мадам?

— Коктейли,— сказала Максайн.— Не слишком крепкие. Мы уже раздавили бутылочку.

— Не слишком крепкие,— повторил шкаф.— Сию минуту, мадам.

— Иллюзия,— сказала Максайн.— Все тут иллюзия. Но прекрасная иллюзия. Хотите попасть на пляж? Он ждет вас. Стоит только подумать о нем. Или на Северный полюс. Или в пустыню. Или в старый замок. Все это будет как по мановению волшебного жезла.

— За ваши картины, должно быть, хорошо платят,— предположил Бишоп.

— Не за картины. За мою раздражительность. Начинайте с этого. Впадите в черную меланхолию. Начните подумывать о самоубийстве. Тогда все у вас будет наверняка. Вас быстренько вознесут в номер получше. Сделают все, лишь бы вы были довольны.

— Вы хотите сказать, что кимонцы сами переместили вас сюда.

— Конечно. Вы еще новичок, и потому у вас не такой номер.

— Мне мой номер нравится,— сказал Бишоп.

Коктейли были готовы.

— Садитесь,— сказала Максайн.— Хотите луну?

Появилась луна.

— Хотите две или три? — продолжала она.— Но это уже будет слишком. С одной луной совсем как на Земле. Так вроде бы уютней.

— Но ведь должен быть предел,— сказал Бишоп.— Не могут же они улучшать наше положение до бесконечности. Должно прийти время, когда даже кимонцам нельзя уже будет придумать ничего нового и неизведанного.

— На вашу жизнь хватит. Все вы, новички, одинаковы. Вы недооцениваете кимонцев. В вашем представлении они люди, земные люди, которые знают чуточку больше нас. Но они совсем другие. Ни в чем не похожие на нас. Только вид у них человеческий. Они снисходят до общения с нами.

— Но для чего им нужно общаться с нами?

— Вот об этом,— сказала Максайн,— мы никогда не спрашиваем. От этого можно с ума сойти.

Бишоп рассказал своим кимонцам об обычае людей устраивать пикники. Эта мысль им никогда не приходила в голову, и они ухватились за нее с детской радостью.

Они выбрали для пикника уголок в горах, прорезанных глубокими ущельями, поросшими деревьями и цветами. Тут же была горная речка с водой, прозрачной, как стекло, и холодной, как лед.

Они устраивали различные игры и боролись. Они плавали, загорали и слушали рассказы Бишопа, усаживаясь в кружок, отпуская язвительные замечания, перебивая, споря.

Но Бишоп посмеивался над ними, не открыто, конечно, так как он знал, что они не хотят оскорбить его, а просто забавляются.

Еще несколько недель назад он обижался, сердился и чувствовал себя униженным, но постепенно привык... заставил себя привыкнуть. Если им нужен клоун, пожалуйста, он будет клоуном. Если уж ему суждено быть придворным шутом, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, то он должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело.

Временами в их поведении была какая-то злобность, какая-то жестокость, но долго это не продолжалось. С ними можно было ладить, если только знать, как это делать.

К вечеру они разложили костер и, усевшись вокруг него, разговаривали, шутили, смеялись, оставив наконец Бишопа в покое. Элейн и Бетти были чем-то встревожены. Джим посмеивался над их тревогой.

— Ни один зверь к костру не подойдет,— сказал он.

— А тут есть звери? — спросил Бишоп.

— Немного есть,— ответил Джим.— Кое-какие еще остались.

Бишоп лежал, глядя на огонь, прислушиваясь к разговору, радуясь, что его оставили в покое. Наверно, такое же ощущение бывает у собаки, подумал он. У щенка, который прячется в угол от детишек, не дающих ему покоя.

Он смотрел на огонь и вспоминал, как когда-то с друзьями совершал вылазки за город, как они раскладывали костер и лежали вокруг него, глядя на небо, на старое знакомое небо Земли.

А здесь другой костер. И пикник. Но костер и пикник — земные, потому что люди Кимона не имели представления о пикниках. Они не знают и о многом другом. Народные обычаи Земли им не знакомы.

В тот вечер Морли советовал ему присматриваться к мелочам. Может быть, они дадут ответ...

Кимонцам нравятся картины Максайн, потому что они примитивны. Это примитив, но не лучшего сорта. А может быть, до знакомства с людьми Земли кимонцы тоже не знали, что могут быть такие картины?

В конце концов, есть ли в броне, покрывающей кимонцев, какие-нибудь щели? Пикники, картины и многое другое, за что они ценят пришельцев с Земли... Может быть, это щели?

Наверно, это зацепка, которую ищет Морли.

Бишоп лежал и думал, забыв, что думать не следует, так как кимонцы читают мысли.

Голоса их затихли, и наступила торжественная ночная тишина. Скоро, подумал Бишоп, мы вернемся — они домой, а я в гостиницу. Далеко ли она? Может быть, до нее полмира. И все же я окажусь там в одно мгновение. Надо бы подложить в костер дров.

Он встал и вдруг заметил, что остался один.

Бишопа охватил страх. Они ушли и оставили его одного. Они забыли о нем. Но этого не может быть. Они просто ти-

хонько скрылись в темноте. Наверно, шутят. Хотят напугать его. Завели разговор о зверях, а потом спрятались, пока он лежа дремал у костра. Теперь наблюдают из темноты, наслаждаясь его мыслями, которые говорят им, что он испугался.

Он нашел ветки и подбросил их в костер. Они загорелись и вспыхнули. Бишопа охватило безразличие, но он почувствовал, что инстинктивно ежится.

Сейчас он впервые понял, насколько чужд ему Кимон. Планета не казалась чужой прежде, за исключением тех нескольких минут, когда он ждал в парке после того, как его высадила шлюпка. Но даже тогда она не была очень чужой, ибо он знал, что его встретят, что кто-то непременно позаботится о нем.

В том-то все и дело, подумал он. Кто-то должен позаботиться обо мне. О нас заботятся... хорошо. Прямо-таки окружают заботой. Нас приютили, нас опекают, нас балуют... да-да, именно балуют. А почему? Сейчас им надоест эта игра, и они вернутся в круг света. Наверно, я должен полностью отработать получаемые деньги. Наверно, я должен изображать испуганного человека и звать их. Наверно, я должен вглядываться в темноту и делать вид, что боюсь зверей, о которых они говорили. Они говорили об этом, конечно, не слишком много. Они очень умны для этого, слишком умны. Упомянули вскользь, что есть звери, и переменили тему разговора. Не подчеркивали, не пугали. Ничего лишнего не было сказано. Просто высказали предположение, что есть звери, которых надо бояться.

Бишоп сидел и ждал. Теперь он уже меньше боялся, так как осмыслил причину страха. «Я сижу у костра на Земле»,— твердил он себе. Только то была не Земля. Только то была чужая планета.

Зашелестели кусты.

Они идут, подумал Бишоп. Они сообразили, что ничего у них не вышло. Они возвращаются.

Снова зашелестели кусты, покатился задетый кем-то камешек.

Бишоп не шевелился.

Им не запугать меня. Им не запугать...

Почувствовав чье-то дыхание на своей шее, он судорожно вскочил и отпрыгнул. Потом он споткнулся и упал, чуть было не попав в костер. Снова вскочив, он обежал костер, чтобы спрятаться за ним от существа, дышавшего ему в шею.

Бишоп припал к земле и увидел, как в раскрытой пасти блеснули зубы. Зверь поднял голову и закрыл пасть. Бишоп услышал лязг зубов и что-то вроде короткого хриплого стона, вырвавшегося из могучей глотки.

В голову ему пришла дикая мысль. Это совсем не зверь. Над ним просто продолжают шутить. Если они могут построить дом, напоминающий английский лес, всего на день-два, а потом заставить его исчезнуть, когда в нем уже нет необходимости, то для них, безусловно, секундное дело придумать и создать зверя.

Зверь бесшумно шел к Бишопу, а тот думал: «Животные боятся огня. Все животные боятся огня. Он не подойдет ко мне, если я стану поближе к огню».

Он наклонился и поднял сук.

Животные боятся огня. Но этот зверь не боялся. Он бесшумно огибал костер. Он вытянул шею и понюхал воздух. Зверь совсем не спешил, так как был уверен, что человек никуда не денется. Бишопа прошиб пот.

Зверь, огибая костер, стремительно приближался. Бишоп снова отпрыгнул за костер. Зверь остановился, посмотрел на него, затем прижался мордой к земле и выгнул спину. Хищник бил хвостом и рычал.

Теперь уже Бишоп похолодел от страха. Может быть, это зверь. Может быть, это не шутка, а настоящий зверь.

Бишоп подбежал к костру вплотную. Он весь напрягся, готовый бежать, отскочить, драться, если придется. Но он знал, что со зверем ему не сладить. И все же, если дело дойдет до схватки, он будет биться.

Зверь прыгнул.

Бишоп побежал. Но тут же поскользнулся, упал и покатился в костер.

Протянулась чья-то рука, выхватила Бишопа из огня и положила на землю. Послышался сердитый крик.

Вселенная раскололась и вновь соединилась. Бишоп лежал на полу. С трудом он поднялся на ноги. Рука была обожжена и болела. Одежда тлела, и он стал гасить ее здоровой рукой.

Послышался голос:

— Простите, сэр. Этого нельзя было допускать.

Человек, сказавший это, был высок, гораздо выше всех кимонцев, которых Бишоп видел прежде. Он был трехметрового роста, наверное. Нет, не трехметрового... Совсем не трехметро-

вого... Он был, по-видимому, не выше высокого человека с Земли. Но он стоял так, что казался очень высоким. И осанка его и голос — все вместе создавало впечатление, что человек очень высок...

Бишоп подумал, что впервые видит кимонца не первой молодости. У него были седые виски и лицо в морщинах, похожих на морщины старых охотников и моряков, которым приходится щуриться, всматриваясь вдаль.

Когда Бишоп осмотрелся, то при виде комнаты, в которой они с кимонцем стояли, у него перехватило дыхание. Описать ее словами было бы невозможно... он не только видел ее, он ощущал ее всеми чувствами, которыми был наделен. В ней был целый мир, вся вселенная, все, что он когда-либо видел, все его мечты... Казалось, она бесконечно продолжается во времени и пространстве, но вместе с тем это была жилая комната, не лишенная комфорта и уюта.

И все же, когда Бишоп снова поглядел вокруг, он почувствовал простоту, которую не заметил сразу. Жизни претит вычурность. Казалось, что комната и люди, которые жили в ее стенах,— это единое целое. Казалось, что комната изо всех сил старается быть не комнатой, а частью жизни, и настолько в этом преуспевает, что становится незаметной.

— Я был против с самого начала,— сказал кимонец.— Теперь я убедился, что был прав. Но дети хотели, чтобы вы...

— Дети?

— Конечно. Я отец Элейн.

Однако он не произнес слова «Элейн». Он назвал другое имя, имя, которое, как говорила Элейн, не мог бы произнести ни один человек с Земли.

— Как ваша рука? — спросил кимонец.

— Ничего,— ответил Бишоп.— Небольшой ожог.

У него было такое ощущение, словно произносил эти слова не он, а кто-то другой, стоявший рядом.

Он не мог бы шевельнуться, даже если бы ему заплатили миллион.

— Надо будет вам помочь,— сказал кимонец.— Побеседуем позже...

— Прошу вас, сэр, об одном,— сказал человек, говоривший за Бишопа.— Отправьте меня в гостиницу.

Он почувствовал, как сразу понял его собеседник, испытывавший к нему сострадание и жалость.

— Конечно,— сказал высокий кимонец.— С вашего позволения, сэр...

Однажды дети захотели иметь собачку — маленького игривого щенка. Их отец сказал, что собачки он им не приобретет, так как с собаками они обращаться не умеют. Но они так просили его, что он наконец притащил домой собаку, прелестного щенка, маленький пушистый шарик с четырьмя нетвердо ступающими лапками.

Дети обращались с ним не так уж плохо. Они были жестоки, как все дети. Они тискали и трепали его; они дергали его за уши и за хвост; они дразнили его. Но щенок не терял жизнерадостности. Он любил играть и, что бы с ним ни делали, льнул к детям. Ему, несомненно, очень льстило общение с умным человеческим родом, родом, который настолько опередил собак по культуре и уму, что сравнивать даже смешно.

Но однажды дети отправились на пикник и к вечеру так устали, что, уходя, забыли щенка.

В этом не было ничего плохого. Дети ведь забывчивы, что с ними ни делай, а щенок — это всего-навсего собака...

— Вы сегодня вернулись очень поздно, сэр,— сказал шкаф.

— Да,— угрюмо откликнулся Бишоп.

— Вы поранились, сэр. Я чувствую.

— Мне обожгло руку.

Одна из дверец шкафа открылась.

— Положите руку сюда,— сказал шкаф.— Я залечу ее в один миг.

Бишоп сунул руку в отделение шкафа. Он почувствовал какие-то осторожные прикосновения.

— Ожог несерьезный, сэр,— сказал шкаф,— но, я думаю, болезненный.

«Мы игрушки,— подумал Бишоп.— Гостиница — это домик для кукол... или собачья конура. Это нескладная хижина, подобная тем, какие сооружаются на Земле ребятишками из старых ящиков, дощечек. По сравнению с комнатой кимонца это просто лачуга, хотя, впрочем, лачуга роскошная. Для людей с Земли она годится, вполне годится, но это все же лачуга. А кто

же мы? Кто мы? Баловни детишек. Кимонские щенята. Импортные щенята».

— Простите, сэр,— сказал шкаф.— Вы не щенята.

— Что?

— Еще раз прошу прощения, сэр. Мне не следовало этого говорить... но мне не хотелось бы, чтобы вы думали...

— Если мы не комнатные собачки, то кто же мы?

— Извините, сэр. Я сказал это невольно, уверяю вас. Мне не следовало бы...

— Вы ничего не делаете без расчета,— с горечью сказал Бишоп.— Вы и все они. Потому что вы один из них. Вы сказали это только потому, что так хотели они.

— Я уверяю вас, что вы ошибаетесь.

— Естественно, вы все будете отрицать,— сказал Бишоп.— Продолжайте выполнять свои обязанности. Вы еще не сказали всего, что вам велено сообщить мне. Продолжайте.

— Для меня не важно, что вы думаете,— сказал шкаф.— Но если бы вы думали о себе как о товарищах по детским играм...

— Час от часу не легче,— сказал Бишоп.

— То это было бы бесконечно лучше,— продолжал шкаф,— чем думать о себе как о щенках.

— И на какую же мысль они хотят меня натолкнуть?

— Им все равно,— сказал шкаф.— Все зависит от вас самих. Я высказываю только предположение, сэр.

Хорошо, значит, это только предположение. Хорошо, значит, они товарищи по детским играм, а не домашние собачки.

Дети Кимона приглашают поиграть грязных, оборванных, сопливых пострелов с улицы. Наверно, это лучше, чем быть импортной собачкой.

Но даже в таком случае все придумали дети Кимона. Это они создали правила для тех, кто хотел поехать на Кимон, это они построили гостиницу, обслуживали ее, давали людям с Земли роскошные номера, это они придумали так называемые должности, это они организовали печатание кредиток.

И если это так, то, значит, не только люди Земли, но и ее правители вели переговоры или пытались вести переговоры всего лишь с детьми народа другой планеты. Вот в чем существенная разница между людьми с Земли и кимонцами.

А может быть, он не прав?

Может быть, вообразив себя комнатной собачкой и ожесточившись, он в своих размышлениях пошел не по тому пути? Может быть, он и в самом деле был товарищем по детским играм, взрослым человеком с Земли, низведенным до уровня ребенка... и притом глупого ребенка? Может быть, не стоило думать о себе как о комнатной собачке, а следовательно, и приходить к мысли, что это дети Кимона организовали иммиграцию людей с Земли?

А если не дети приглашают в дом уличных мальчишек, а если инициатива проявлена взрослыми Кимона, то что это? Школьная программа? Какая-то фаза постепенного обучения? Или своего рода летний лагерь, куда приглашают способных, но живущих в плохих условиях землян? Или просто это безопасный способ занять и развлечь кимонских ребятишек?

«Мы должны были догадаться об этом давным-давно,— сказал себе Бишоп.— Но даже если бы кому-нибудь из нас и пришла в голову мысль, что мы комнатные собачки или товарищи по детским играм, то мы прогнали бы ее, потому что слишком самолюбивы».

— Пожалуйста, сэр,— сказал шкаф.— Рука почти как новенькая. Завтра вы сможете сами одеться.

Бишоп молча стоял перед шкафом. Рука его безвольно повисла.

Не спрашивая его, шкаф приготовил коктейль.

— Я сделал порцию побольше и покрепче,— сказал шкаф.— Думаю, вам это необходимо.

— Спасибо,— поблагодарил Бишоп.

Он взял стакан, но не стал пить, а продолжал думать: что-то тут не так. Мы слишком самолюбивы.

— Что-нибудь не так, сэр?

— Все в порядке,— сказал Бишоп.

— Но вы пейте.

— Потом выпью.

Нормандцы сели на коней в субботний полдень. Кони гарцевали, знамена с изображением леопардов развевались на ветру, флажки на копьях трепетали, постукивали ножны мечей. Нормандцы бросились в атаку, но, как говорит история, были отбиты. Все это совершенно правильно, потому что только вечером стена саксов была прорвана, и последнее сражение вокруг знамени с драконом разыгралось уже почти в темноте.

Но не было никакого Тэйллефера, который ехал впереди, крутил мечом и пел.

Тут история ошиблась.

Века два спустя какой-нибудь писец позабавился тем, что вставил в прозаическую историю романтический рассказ о Тэйллефере. Он написал это, протестуя против заточения в четырех голых стенах, против спартанской пищи, против нудной работы, так как на дворе была весна и ему хотелось отправиться погулять в поле или в лес, а не сидеть взаперти, сгорбившись над чернильницей.

Вот так же и мы, подумал Бишоп. В наших письмах домой мы скрываем правду. И мы делаем это ради себя. Мы щадим свою гордость.

— Вот,— сказал Бишоп шкафу,— выпейте это за меня.

Он поставил стакан, к которому так и не притронулся, на шкаф.

Шкаф от удивления булькнул.

— Я не пью,— сказал он.

— Тогда слейте в бутылку.

— Я не могу этого сделать,— в ужасе сказал шкаф.— Это же смесь.

— Тогда разделите ее на составные части.

— Не могу,— взмолился шкаф.— Не хотите же вы...

Раздался шелест, и посередине комнаты появилась Максайн. Она улыбнулась Бишопу.

— Что происходит? — спросила она.

Шкаф обратился к ней:

— Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составные части. Он же знает, что я не могу этого сделать.

— Ну и ну,— сказала Максайн.— А я думала, что вы умеете все.

— Этого сделать я не могу,— сухо сказал шкаф.— Почему бы вам не взять коктейль?

— Хорошая мысль,— согласилась девушка. Она подошла к шкафу и взяла стакан.— Что с вами? — спросила она Бишопа.

— Я просто не хочу пить. Разве человек не имеет права...

— Имеет,— сказала Максайн.— Конечно имеет. А что у вас с рукой?

— Ожог.

— Вы уже достаточно взрослый, чтобы не баловаться с огнем.

— А вы достаточно взрослая, чтобы не врываться в комнату таким образом. Когда-нибудь вы соберете себя точно в том месте, где будет стоять другой человек.

Максайн захихикала.

— Вот это будет смешно,— сказала она.— Представьте себе, вы и я...

— Это была бы каша.

— Предложите мне сесть,— сказала Максайн.— Давайте будем общительными и вежливыми.

— Конечно садитесь.

Она села на кушетку.

— Меня интересует самотелепортация,— сказал Бишоп.— Я спрашивал вас, как это делается, но вы мне не ответили.

— Это просто само пришло ко мне.

— Не может быть, чтобы телепортировали вы сами. Люди не обладают парапсихическими...

— Когда-нибудь вы взорветесь. Слишком уж кипите.

Бишоп сел рядом с Максайн.

— Да, я киплю,— сказал он.— Но...

— Что еще?

— А вы когда-нибудь задумывались над тем, как это у вас получается? Пытались ли вы перемещать что-нибудь еще... не только себя?

— Нет.

— Почему?

— Послушайте. Я заскочила, чтобы выпить с вами и немного забыться, а не заниматься техническими разговорами. Я ничего не знаю и не понимаю. Мы многого не понимаем.

Максайн взглянула на Бишопа, и в ее глазах мелькнул испуг.

— Вы притворяетесь, что вам не страшно? — продолжала она.— Давайте перестанем притворяться. Давайте признаемся, что...

Она поднесла стакан к губам, и вдруг он выскользнул из руки.

— Ах!

Стакан повис в воздухе над самым полом. Затем он поднялся. Максайн протянула руку и схватила его. Но тут он снова выскользнул из ее дрожавшей руки. На этот раз упал на пол и разбился.

— Повторите все снова,— сказал Бишоп.

— Это со мной впервые. Я не знаю, как это случилось. Я просто не хотела, чтобы он разбился, и...

— А во второй раз?

— Вы дурак,— возмутилась Максайн.— Я говорю вам, что я ничего не делала. Я не разыгрывала вас. Я не знаю, как это получилось.

— Но получилось же. Это начало.

— Начало?

— Вы не дали стакану упасть на пол. Вы телепортировали его обратно в руку.

— Послушайте,— мрачно сказала она,— перестаньте обманывать себя. За нами все время следят. Кимонцы иногда устраивают такие трюки. Ради шутки.

Она рассмеялась и встала, но смех ее был неестественный.

— Вы не пользуетесь случаем,— сказал Бишоп.— Вы ужасно боитесь, что над вами будут смеяться. Надо быть мудрой.

— Спасибо за коктейль,— сказала она.

— Но, Максайн...

— Навестите меня как-нибудь.

— Максайн! Погодите!

Но она уже исчезла.

Надо забыть о самолюбии. Надо проанализировать факты, думал Бишоп. У кимонцев более высокая культура, чем у нас. Другими словами, они ушли дальше по дороге эволюции, чем мы ушли от обезьяны. А как людям Земли достичь этого?

Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия — она подсказывает, как лучше использовать ум, который есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со Вселенной.

И если кимонцы все понимают, если они добились своего, разобравшись во всем, то нельзя представить себе, чтобы они брали к себе на службу других разумных существ в качестве щенков. Или даже в качестве товарищей по детским играм. Но это могло бы быть в том случае, если бы игра приносила пользу не их детям, а детям Земли. Они осознавали бы, какой ущерб наносит подобная практика, и пошли бы на нее только в том случае, если бы в конце концов из всего этого вышел толк.

Бишоп сидел, думал, и собственные мысли казались ему логичными, потому что даже в истории его родной планеты бывали периоды, когда переход на новую, высшую ступень развития требовал издержек.

И еще.

В своем развитии люди не скоро обретут парапсихические способности, так как они могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и интеллектуально не подготовлено к обращению с ними. Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому что это не игра для подростков. В сравнении с кимонцами люди могут считать себя лишь детьми.

С этим было трудно согласиться. Это не укладывалось в голове. Но согласиться было необходимо. Необходимо.

— Уже поздно, сэр,— сказал шкаф.— Вы, по-видимому, устали.

— Вы хотите, чтобы я лег спать.

— Я только предположил, что вы устали, сэр.

— Ладно,— сказал Бишоп.

Он встал и пошел в спальню, улыбаясь про себя. Послали спать... как ребенка. И он пошел.

Не сказал: «Я лягу, когда мне будет надо». Не цеплялся за свое достоинство взрослого. Не капризничал, не стучал ногами, не вопил.

Пошел спать... как ребенок, которому велено идти в постель.

Может быть, так и надо делать. Может быть, это ответ на все вопросы. Может быть, это единственный ответ.

Бишоп обернулся:

— Шкаф!

— Что вам угодно, сэр?

— Ничего. То есть от вас мне ничего не надо. Спасибо за то, что подлечили руку.

— Ну и хорошо,— сказал шкаф.— Спокойной ночи!

Может быть, это и есть ответ. Вести себя как ребенок. А как поступает ребенок? Он идет спать, когда ему велят. Он слушается взрослых. Он ходит в школу. Он... Погодите!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж.

Он понимает, что ему надо многому научиться, прежде чем он займет свое место в мире взрослых.

«Но я ходил в школу,— подумал Бишоп.— Я ходил в школу долгие годы. Я усердно учился и выдержал экзамен, на котором провалились тысячи других. Я был подготовлен к поездке на Кимон».

Однако будь ты на Земле хоть доктором, по прибытии на Кимон ты становишься всего лишь «выпускником» детского сада.

Монти немного овладел телепатией. И другие тоже. Максайн может телепортировать себя, и она не дала стакану разбиться об пол. Наверно, и другие на это способны.

А они только еще постигают азы.

Телепатия и умение не дать стакану разбиться — это еще далеко не все. Парапсихическое могущество — это далеко не единственное достижение культуры Кимона.

«Может быть, мы готовы,— думал Бишоп.— Может быть, мы уже почти вышли из подросткового возраста. Может быть, мы уже почти готовы к восприятию культуры взрослых. А иначе почему бы кимонцы пустили к себе из всей Галактики только нас?»

У Бишопа голова пошла кругом.

На Земле один из тысячи выдерживает экзамен, дающий право поехать на Кимон. Может быть, на Кимоне одного из тысячи находят достойным приобщения к культуре Кимона.

Но прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты еще ребенок. С капризами тебя никуда не пустят. Надо отбросить ложное самолюбие, которым ты, как щитом, закрываешься от культуры, требующей твоего понимания.

«Эх, Морли, наверно, я получил ответ,— сказал про себя Бишоп,— ответ, которого ты ждешь на Земле. Но я не могу сообщить тебе его. Его нельзя передать другому. Его должен найти каждый сам для себя.

Жаль, что Земля не подготовлена к тому, чтобы найти этот ответ. Такого не проходят в школах Земли.

Армии и пушки не смогут взять штурмом цитадель кимонской культуры, потому что воевать с народом, обладающим парапсихическими способностями, просто невозможно.

Только мудрое терпение поможет разгадать тайны планеты. А земляне — люди нетерпеливые, не мирные. Здесь все по-другому. Здесь надо стать другим.

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать. И дать обещание, что буду усердно учиться. Может быть, нас для того и привозят сюда, чтобы один из тысячи имел возможность сообразить это. Может быть, кимонцы наблюдают за нами, надеясь, что сообразит не только один из тысячи. Может быть, им больше хочется передать свои знания, чем нам учиться. Потому что они одиноки в Галактике, в которой нет существ, подобных им.

Неужели все живущие в гостинице потерпели неудачу? Неужели они никогда не пытались догадаться, в чем дело, или пытались, но безуспешно?

А другие по одному из каждой тысячи, где они?»

Бишоп терялся в догадках.

Но может быть, все это предположения? Мечты? Завтра утром он проснется и узнает, что ошибался. Он спустится в бар, выпьет с Максайн или Монти и будет смеяться над тем, о чем мечтает сейчас.

Школа. Но это была бы не школа, по крайней мере она была бы совсем не похожа на те школы, в которых он когда-то учился.

Хорошо бы...

— Ложитесь-ка спать, сэр,— сказал шкаф.

— Наверно, надо ложиться,— согласился Бишоп.— День был тяжелый и долгий.

— Вы захотите встать пораньше,— заметил шкаф,— чтобы не опоздать в школу.

СОСЕД

Места у нас в Енотовой долине — краше не сыщешь. Но не стану отрицать, что лежит она в стороне от больших дорог и не сулит легкого богатства: фермы здесь мелкие, да и земли не слишком плодородные. Пахать можно только в низинах, а склоны холмов годны разве что для пастьбы, и ведут к ним пыльные проселки, непроходимые в иное время года.

Понятное дело, старожилам вроде Берта Смита, Джинго Гарриса или меня самого выбирать не приходится: мы в этих краях выросли и давно распрощались с надеждой разбогатеть. По правде говоря, мы чувствуем себя не в своей тарелке, едва высунемся за пределы долины. Но попадаются порой и другие, слабохарактерные: чуть приехали, года не прожили — и уже разочаровались, снялись и улепетнули. Так что по соседству у нас непременно найдется ферма, а то и две на продажу.

Люди мы простые и бесхитростные. Ворочаемся себе в одиночку в грязи, не помышляя ни о сложных машинах, ни о племенном скоте, а впрочем, что ж тут особенного: обыкновенные фермеры, каких немало в любом конце Соединенных Штатов. И раз уж мы живем обособленно и кое-кто по многу лет, то, пожалуй, можно сказать, что мы теперь стали как бы одной семьей. Хотя из этого вовсе не следует, что мы чураемся посторонних,— просто живем мы вместе так давно, что научились понимать и любить друг друга и принимать вещи такими, каковы они есть.

Мы, конечно, слушаем радио — музыку и последние известия, а некоторые даже выписывают газеты, но, боюсь, по натуре мы все-таки бирюки — уж очень трудно расшевелить нас

© Перевод О. Битова.

какими-нибудь мировыми событиями. Все наши интересы — здесь, в долине, и нам, если говорить откровенно, недосуг беспокоиться о том, что творится за тридевять земель. Чего доброго, вы решите, что мы к тому же еще и консерваторы: голосуем мы обычно за республиканцев, даже не утруждая себя вопросом «почему», и сколько ни ищите, не найдется среди нас такого, у кого хватило бы времени отвечать на адресованные фермерам правительственные анкеты и тому подобную дребедень.

И всегда, сколько я себя помню, в долине у нас все шло хорошо. Я сейчас не про землю, я про людей говорю. Нам всегда везло на соседей. Новички появляются что ни год, а вот поди ж ты: ни одного подонка среди них не попалось, а это для нас куда как важно.

Но, признаться, мы всякий раз тревожимся, когда кто-нибудь из нетерпеливых снимается с места и уезжает, и гадаем промеж себя, что за люди купят или арендуют опустевшую ферму.

Ферма, где жил когда-то старый Льюис, была заброшена так давно, что все постройки обветшали и порушились, а поля заросли травой. Правда, года три или четыре подряд ее арендовал зубодер из Гопкинс-Корнерс. Держал там кой-какую скотину, а сам наведывался только по субботам. А мы в своем кругу все думали, захочет ли там еще кто-нибудь пахать, но в конце концов даже думать перестали: ферма пришла в такое запустение, что мы решили — охотников на нее больше не сыщется. И вот однажды я заглянул в Гопкинс-Корнерс к тамошнему банкиру, представлявшему интересы владельцев, и заявил, что если зубодер не станет продлевать аренду, то я, пожалуй, не против. Но банкир ответил, что хозяева фермы, проживающие где-то в Чикаго, желали бы не сдавать ее, а продать совсем. Хотя лично он ни на что подобное не надеется: кто же ее в таком виде купит!

Однако смотрим — весной на ферме объявились новые люди. А спустя какой-то срок узнаем, что ее все-таки продали и нового владельца зовут Хит, Реджинальд Хит. И Берт Смит сказал мне:

— Реджинальд, подумать только! Ну и имечко у нового фермера!..

Больше он, правда, ничего не сказал. А Джинго Гаррис, возвращаясь как-то из города, увидел, что Хит вышел во двор, и завернул к нему на часок. Сами знаете, такое меж добрыми

соседями водится, и Хит вроде обрадовался, что Джинго завернул к нему, только тот все равно нашел, что новичок мало похож на фермера.

— Иностранец он, вот кто,— втолковывал мне Джинго.— С лица весь темный. Вроде как испанец или из какой другой южной страны. И откуда он только выкопал имя Реджинальд! Имя английское, а он никакой не англичанин...

Позже мы услышали, что Хит и не испанец даже, а откуда-то с самого края света. Но англичане, испанцы или кто там еще, а только он и его домашние показали себя работягами всем на зависть. Их было всего-то трое: он, жена да дочка лет четырнадцати, зато все трое трудились от темна до темна — умело, старательно, ни к кому попусту не приставая. И мы стали их за это уважать, хотя наши дорожки пересекались не так уж часто. Не то чтобы мы того не хотели или они нас отваживали. Просто в таких общинах, как наша, новых соседей признают не сразу, а постепенно: они вроде как должны сами врасти в нашу жизнь.

У Хита был старый-престарый, латаный-перелатаный трактор, весь подвязанный проволочками, а уж тарахтел этот трактор — не приведи бог! Но едва земля подсохла достаточно, чтобы пахать, сосед принялся поднимать поля, совсем заросшие за долгие годы. Я частенько диву давался — уж не пашет ли он всю ночь напролет, потому что не раз слышал тарахтенье и тогда, когда уже собирался ко сну. Хоть это было не так поздно, как, может, покажется горожанину: мы здесь, в долине, ложимся рано, зато и встаем ни свет ни заря.

И вот как-то вечером пришлось мне выйти из дому в поисках двух пропавших телок — из тех неуемных, кому любой забор нипочем. Только представьте себе: время позднее, человек пришел с работы усталый, да еще и дождик моросит, и на дворе темно — хоть глаз выколи, а тут выясняется, что эти две телки опять куда-то запропастились, и хочешь не хочешь, а надо подниматься и идти их искать. И на какие только хитрости я с ними ни пускался, а все без толку. Если уж телка пошла выкидывать номера, то хоть тресни, а ничего с ней не поделаешь.

Засветил я фонарь и отправился на поиски. Промучился часа два, а телки как сквозь землю провалились. Я было совсем отчаялся и решил возвращаться домой, как вдруг понял, что нахожусь чуть выше западной межи прежнего Льюисова поля.

Теперь, чтобы попасть домой, мне короче всего было идти вдоль поля, а значит, можно и подождать чуток, пока трактор воротится с дальнего конца борозды, и заодно спросить Хита, не видал ли он этих чертовых телок.

Ночь выдалась темная, звезды попрятались за облаками, в верхушках деревьев шумел ветер, и в воздухе пахло дождем. Я еще сказал себе, что, наверное, Хит решил поработать сегодня лишний часок, чтобы закончить вспашку до дождя. Хотя нет, я уже тогда подумал, что он, пожалуй, усердствует через край. Он и так успел обогнать с пахотой всех остальных в долине.

Ну вот, спустился я с крутого склона и перешел ручеек, благо знал, где мелко. Но пока я искал это мелкое место, трактор сделал полную ходку и ушел. Я поискал глазами, не мелькнет ли где свет от фар, но ничего не разглядел и рассудил, что света, должно быть, не видать за деревьями.

Потом я добрался до поля, пролез меж жердями ограды и зашагал через борозды трактору наперерез. Было слышно, как он повернул в конце поля и затарахтел обратно в мою сторону. Но странно: шум я слышал явственно, а света по-прежнему не было и в помине.

Я нашел последнюю свежую борозду и встал, поджидая,— и не то чтобы сразу встревожился, но все же подивился, как это Хит умудряется держать борозду, не зажигая огней. Помнится, я еще подумал тогда, что, может, у него глаза, как у кошки, и он умеет видеть в темноте. Теперь-то, когда вспоминаю про это, мне и самому смешно становится: с чего я, в самом деле, взял, что у Хита глаза, как у кошки,— но тогда мне было не до смеха.

Трактор тарахтел все сильнее, все ближе с каждой секундой — и вдруг как выскочит из темноты прямо на меня! Я испугался, как бы не попасть под колеса, и отпрыгнул ярда на два, если не на три. Да что там испугался — душа в пятки ушла, а только мог бы и не прыгать: стой я столбом, я тоже не оказался бы на дороге.

Трактор прошел мимо, и тогда я замахал фонарем и крикнул Хиту, чтобы притормозил. Но когда я махал фонарем, то поневоле осветил кабину — и обнаружил, что она пуста.

Сотня разных предположений пронеслась у меня в голове, но запала одна ужасная мысль: не иначе как Хит сверзился с трактора и лежит где-нибудь в поле, истекая кровью.

Я помчался вдогонку за трактором, чтоб успеть заглушить его прежде, чем он сойдет с борозды и врежется в дерево или еще куда-нибудь, да только чуточку припоздал и он достиг поворота раньше меня. И что бы вы думали — пошел на поворот сам собой, и так точно, словно вокруг был ясный день и за рулем сидел тракторист.

Вскочив на заднюю тягу, я уцепился за сиденье и кое-как влез наверх. Потом протянул руку и взялся за рычаг газа, хотел было заглушить двигатель, но, едва рука коснулась рычага, передумал. Трактор уже завершил поворот и сам собой пошел по новой борозде — но дело было не только в этом.

Возьмите вы любой старый трактор, который чихает, кашляет и гремит на ходу, угрожая развалиться на части, и полезайте в кабину — да у вас зубы тут же сведет от вибрации! Этот трактор тоже чихал и кашлял честь по чести, а никакой вибрации не возникало. Он катился вперед плавно, как дорогой лимузин, и лишь слегка подрагивал, когда колеса наезжали на бугор или попадали в рытвину.

Так я и стоял, одной рукой придерживая свой фонарь, а другой сжимая рычаг газа — и не предпринимая больше ничего. А когда доехал до места, где трактор нацелился на новый разворот, то просто спрыгнул на землю и отправился домой. Искать соседа, лежащего бездыханным на поле, я не стал, потому что понял: Хита на поле не было и нет.

Мне бы сразу задаться вопросом, как же это все получается, только я не позволил себе тогда мучиться в поисках ответа. Должно быть, поначалу я был слишком ошарашен. Можно волноваться сколько влезет обо всяких пустяках, если они идут не так, как надо, но когда напорешься на что-то по-настоящему большое и непонятное, вроде этого трактора без тракториста, лучше уж сразу, без долгих слов, поднять руки вверх: все равно тебе с твоим умишком с такой загадкой не совладать, на это нет ни единого шанса из тысячи. Пройдет какое-то время — ты и вовсе позабудешь про встречу с загадкой. Раз ее нельзя решить, остается только выкинуть ее из головы.

Я вернулся домой и еще постоял немного на дворе, прислушиваясь. Ветер разошелся не на шутку, и снова стал накрапывать дождь, но как только ветер чуть-чуть стихал, до меня по-прежнему доносилось тарахтенье трактора.

Когда я вошел в дом, Элен с ребятами уже крепко спали, так что я не мог никому ничего рассказать. А на следующий день,

обдумав все хорошенько, и подавно не стал ничего рассказывать. Как сам теперь понимаю, главным образом потому, что мне все равно никто бы не поверил и я только навлек бы на себя кучу насмешек — уж соседи не упустили бы случая проехаться насчет автоматических тракторов.

Хит закончил пахоту, а затем и сев гораздо раньше всех остальных в долине. Всходы появились дружно, погода выдалась как по заказу. Правда, в июне вдруг зачастили дожди и никак не удавалось прополоть кукурузу — разве выйдешь в поле, когда земля вся насквозь сырая! Мы слонялись по своим усадьбам, подправляли заборы, занимались разной другой ерундой, поносили погоду и бессильно смотрели, как зарастают сорняками непрополотые поля.

То есть слонялись все, кроме Хита. У него кукуруза была как на выставке — сорняки разве что в лупу и углядишь. Джинго не утерпел, завернул к нему и полюбопытствовал, как это у него получается, а Хит только усмехнулся в ответ тихой такой, беззлобной усмешечкой и заговорил о другом.

Наконец подошло время яблочных пирогов — яблоки хоть и были еще зеленые, но на пироги в самый раз,— а надо сказать, во всей долине никто не печет их лучше, чем Элен. Она у меня что ни год берет за свои выпечки призы на окружной ярмарке и очень этим гордится.

И вот как-то раз напекла она пирогов, завернула их в полотенце и отправилась к Хитам. У нас в долине так заведено — женщины частенько отправляются к соседям в гости со своей стряпней. Каждая со своим фирменным блюдом — такую они завели особенную, но в общем-то безобидную манеру хвастовства.

Вышло все как нельзя лучше, словно она с Хитами век была знакома. Даже домой припоздала, и мне пришлось самому собирать к ужину, а то ребятня уже крик подняла: «Мы голодные! Дадут нам когда-нибудь поесть?» — и всякое такое. Тут только она и заявилась.

Разговоров у нее теперь было — не остановишь. И про то, как Хиты обновили дом: кто бы мог подумать, что можно так прибраться в такой развалюхе, и про то, какой они завели огород. Особенно про огород. Большой огород, рассказывала Элен, и прекрасно ухоженный, а главное — полный овощей, каких она в жизни не видела. Уж такие диковинные, рассказывала Элен, совсем не похожи на наши.

Мы поговорили про эти овощи еще чуть-чуть: наверное, мол, Хиты привезли семена оттуда, откуда сами приехали. Хотя, насколько мне известно, овощи есть овощи, где бы вы ни жили. Огородники выращивают одно и то же что в Испании, что в Аргентине, что в Тимбукту. То же самое, что и мы здесь. Да и вообще меня начали одолевать сомнения насчет новых соседей — кто они и откуда взялись.

Но на серьезные раздумья у меня тогда не хватило времени, даром что по округе уже поползли разные слухи. Подошел сенокос, потом поспел ячмень, и работы было по горло. Травы поднялись хорошо, и ячмень не подкачал, зато с видами на кукурузу, похоже, предстояло проститься. Началась засуха. Так уж оно случается, как нарочно: слишком много дождей в июне, слишком мало в августе.

Мы грустили, глядя на посевы, и вздыхали, глядя на небо, и с надеждой встречали любое облачко, только проку ни от одного из них не дождались. Бывают годы, когда Бог словно отворачивается от фермеров.

И тут в одно прекрасное утро заявляется ко мне Джинго Гаррис — и ну болтать о том о сем. Переминается с ноги на ногу, а от меня ни на шаг. Я себе работаю — чиню изношенную сноповязалку. Хоть и не похоже было, что она мне в этом году понадобится, а починить все равно не мешало.

— Джинго,— спросил я наконец, дав ему помаяться часок или чуть побольше,— признавайся, что у тебя на уме?

Тут-то он мне и выложил:

— А у Хита ночью выпал дождь.

— Как так? — откликнулся я.— Ни у кого другого дождя не было.

— Ты прав,— подтвердил Джинго.— Ни у кого не было, только у него одного...

А вышло так: возвращался он от Берта Смита, куда ходил одолжить бечевки для снопов, и решил махнуть напрямик через северное кукурузное поле Хита. Пролез сквозь ограду, глядь — а поле-то мокрое, как после сильного дождя.

«Ночью он, что ли, прошел?» — спросил себя Джинго. Подумал, что тут что-то не так, но, в конце концов, дождь мог пролиться и узкой полосой поперек долины, хоть обычно дожди движутся у нас снизу вверх или сверху вниз, а уж никак не поперек. Но когда Джинго, пройдя поле краем, перелез через

ограду на другой стороне, то увидел, что там тоже не было никакого дождя. Тогда он повернул и обошел все поле вокруг — и что бы вы думали? — дождь выпал лишь на самом поле и больше нигде. На поле — пожалуйста, а за оградой — ни-ни.

Обогнув все поле по меже, он присел на моток бечевки и стал гадать, что бы это значило. Но сколько ни гадай, тут все равно не было ни малейшего смысла, да что там — в такую минуту собственным глазам не поверишь.

Джинго у нас человек дотошный. Прежде чем делать выводы, он любит взвесить все «за» и «против» и вообще узнать все, что можно узнать. Он не стал пороть горячку, а отправился на другой участок, где Хит высеял кукурузу. Этот участок — на западной стороне долины, но и там тоже прошел дождь. То есть на самом участке прошел, а вокруг и не подумал.

— Ну и что ты на это скажешь? — спросил Джинго, и я ответил: не знаю, мол, что и сказать. Чуть было не сболтнул ему про трактор без тракториста, да вовремя удержался. Сами посудите: что за выгода переполошить всю округу? Но только Джинго за ворота, я завел свою колымагу — и к Хиту, попросить на день-другой копалку для лунок. Нет, конечно, копать лунки я и в мыслях не держал, но должен же найтись какой-то предлог, чтобы наведаться к соседу без приглашения...

Говоря по правде, мне так и не привелось спросить про эту копалку. Когда я приехал к Хитам, я про нее и не вспомнил.

Хит сидел на крыльце, на ступеньках, и вроде бы очень обрадовался, завидев меня. Подошел прямо к машине, протянул мне руку и сказал:

— Рад тебя видеть, Кэлвин.

Сказал таким тоном, что я сразу почувствовал его дружеское расположение и свою значительность, что ли. Ведь он назвал меня Кэлвин, а все в долине зовут меня попросту — Кэл. Если честно, я не очень-то уверен, что кто-нибудь, кроме Хита, помнит мое полное имя.

— Пойдем, покажу тебе, что мы тут понаделали,— пригласил он.— Подлатали кое-что слегка...

«Подлатали» — явно не то слово. Все на ферме блестело и сверкало. Ну совсем как на тех фермах в Пенсильвании или Коннектикуте, про которые пишут в журналах. Раньше дом и все надворные постройки были старые, облезлые, того и гляди рухнут. А теперь они выглядели солидно, прочно, так и лосни-

лись от свежей краски. Разумеется, они не стали новыми, но приобрели такой вид, будто за ними всегда ухаживали на совесть и красили каждый год. Заборы были выправлены и выкрашены, сорняки выполоты, а безобразные кучи мусора расчищены или сожжены. Хит ухитрился даже собрать со всей фермы лом — бросовые ржавые железки — и рассортировать их.

— Работы была пропасть,— похвалился он,— но дело того стоило. Я привык к порядку. Люблю, чтоб везде была чистота...

Так-то оно, может, и так, но ведь он успел все это меньше чем за полгода! Приехал к нам в начале марта, а сейчас еще август не кончился, и за это время он не только засеял несколько сотен акров и выполнил на них все работы, но и обновил ферму. Ей-ей, говорил я себе, такого не бывает. Одному человеку такое просто не под силу, даже с помощью жены и дочки, даже если вкалывать двадцать четыре часа в сутки, не прерываясь ни на обед, ни на ужин. Разве что он научился растягивать время, чтобы каждый час стал равен трем или четырем.

Я плелся за Хитом, а сам все думал про то, как бы тоже научиться растягивать время, и мне чертовски нравилось думать про это — а согласитесь, не часто случается, что глупые мимолетные мыслишки доставляют удовольствие. Ну, во-первых, думалось мне, с такими-то талантами можно любой день растянуть настолько, чтобы переделать всю работу, какая только найдется. А во-вторых, если время можно растягивать, то, верно, можно его и сжимать, и тогда визит к зубному врачу, например, пролетит в одно мгновение.

Хит повел меня в огород — и точно, Элен не соврала. Были там, конечно, и обыкновенные овощи — капуста, помидоры, кабачки и все остальные, какие есть в любом огороде,— но в придачу к ним было столько же других, каких я до того не видывал. Хит говорил мне, как они называются, и тогда эти названия были мне в диковинку. Теперь-то странно и предположить, что они были нам в диковинку. Теперь эти овощи растут у каждого фермера в долине, и нам сдается, что они росли здесь всегда.

Мы ходили по огороду, а Хит выдергивал и срывал свои диковинные овощи и складывал их в корзинку, которую таскал с собой.

— Постепенно ты их все перепробуешь,— говорил он.— Одни тебе сперва, наверное, придутся не по вкусу, зато другие по-

нравятся сразу. Вот эту штуку едят в сыром виде, нарезав ломтиками, как помидор. А эту лучше сварить, хотя можно и запечь...

Мне хотелось спросить, где он раскопал эти овощи и откуда они родом, только он не давал мне и рта раскрыть: все говорил и говорил про то, как их готовить и какие можно держать всю зиму, а какие консервировать. А потом он дал мне погрызть какой-то корешок сырым, и вкус у корешка оказался отменный.

Мы дошли до самого конца огорода и повернули назад, и тут из-за угла дома выбежала жена Хита. Меня она, видимо, сначала не заметила или позабыла обо мне, потому что назвала мужа не Реджинальд и не Реджи, а каким-то другим, совсем иностранным именем. Я даже и пытаться не стану вспоминать, все равно не смогу — я и тогда-то не сумел бы повторить это имя, хоть оно и прозвучало всего секунду назад. Оно было просто ни на что не похоже.

Тут женщина заметила меня, перешла на шаг и перевела дыхание, а потом сказала, что сию минуту услышала по телефону ужасную новость: младшая дочка Берта Смита, Энн, очень тяжко больна.

— Они позвонили доктору,— сказала она,— а он уехал по вызовам и теперь нипочем не успеет вовремя. Понимаешь, Реджинальд, симптомы напоминают...

И она произнесла еще одно слово, какого я никогда не слышал и, наверное, больше не услышу.

Я смотрел на Хита — и, клянусь, лицо у него побелело, даром что кожа была с оливковым оттенком.

— Скорее! — крикнул он, и — хвать меня за руку.

Мы побежали — он к своей древней, видавшей виды машине, я следом. Корзинку с овощами Хит швырнул на заднее сиденье, а сам прыгнул за руль. Я уселся рядом и хотел закрыть дверцу, только она не закрывалась. Замок отщелкивался, хоть плачь, и пришлось придерживать дверцу, чтоб не гремела.

Машина выскочила за ворота, словно ее кто наскипидарил, а уж шума она издавала столько, что впору оглохнуть. Как я ни тянул дверцу к себе, она упорно лязгала, и крылья дребезжали, и вообще я различал все шумы, какие можно ждать от древнего драндулета, и еще какие-то совершенно непонятные.

Меня опять подмывало задать соседу вопрос — теперь о том, что он собирается предпринять,— но никак не удавалось найти

нужные слова. А если бы и удалось, то сомневаюсь, расслышал ли бы он мой вопрос за грохотом и дребезжаньем машины. Так что оставалось лишь цепляться за сиденье, а другой рукой пытаться удержать дверцу. И признаюсь, мне вдруг стало сдаваться, что машина громыхает сильнее, чем должна бы. В точности как старый расхлябанный трактор Хита — тот тоже тарахтит сильнее, чем положено любому трактору. Ну разве может издавать столько шума машина, обладающая таким ходом? Как на тракторе, так и здесь я не ощущал никакой вибрации от мотора, и, несмотря на грохот и лязг, мчались мы дай боже. Я уже упоминал, что дороги у нас в долине — далеко не сахар, и все же ручаюсь, что временами Хит выжимал не меньше семидесяти миль в час. При такой скорости мы должны были бы, говоря по чести, вылететь в кювет на первом же крутом повороте, а машина вроде бы только приседала и крепче вжималась в дорогу, и нас ни разу даже не занесло.

Мы затормозили перед домом Берта. Хит выскочил из машины и бросился бегом по дорожке, я за ним.

Эми Смит вышла нам навстречу, и было заметно, что она недавно плакала, а вообще-то она сильно удивилась при виде нас.

Какой-то миг мы стояли на крылечке молча, потом Хит заговорил — и странная вещь: на нем были обтрепанные джинсы и ковбойка в пятнах пота, вместо шляпы — колтун нечесаных волос, и тем не менее мне вдруг почудилось, что он одет в дорогой костюм и, приподняв шляпу, отвешивает Эми поклон.

— Мне передали,— сказал он,— что ваша девочка заболела. Не могу ли я ей помочь?

Уж не знаю, почудилось ли Эми то же, что и мне, только она отворила дверь и посторонилась, чтобы мы прошли.

— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас, мадам,— ответил Хит и вошел в комнату.

Я остался с Эми, она повернулась ко мне, и на глаза у нее опять набежали слезы.

— Знаешь, Кэл, ей очень-очень плохо,— сказала она.

Я печально кивнул. Чары рассеялись, здравый смысл начал возвращаться ко мне, и я поразился безумию фермера, возомнившего, будто он может помочь маленькой девочке, которой очень-очень плохо. И своему безумию тоже: почему я застрял на крыльце и даже не вошел в комнату вслед за ним?

Но тут Хит снова вышел на порог и тихонько прикрыл за собой дверь.

— Она заснула,— обратился он к Эми.— Теперь все будет в порядке.

И, не прибавив больше ни слова, зашагал прочь. Я поколебался, глядя на Эми и не представляя себе, что предпринять. Потом до меня дошло, что я не в силах ничего предпринять. И я решил уйти вместе с Хитом.

Обратно мы ехали с умеренной скоростью, но машина все равно бренчала и громыхала, как прежде.

— А бегает вполне прилично,— крикнул я, стараясь перекрыть грохот.

Он слегка улыбнулся и крикнул в ответ:

— Два дня вожусь — день езжу...

Когда мы добрались до фермы Хита, я вылез из его машины и пересел в свою.

— Погоди, ты забыл овощи,— бросил он мне вдогонку.

Пришлось вернуться за овощами.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Тогда я поглядел ему прямо в глаза и сказал:

— Знаешь, было бы очень здорово, если бы нам сейчас дождаться дождя. Для нас это было бы просто спасение. Один хороший дождь — и кукуруза уцелеет...

— Заходи еще,— пригласил он.— Очень рад был потолковать с тобой.

И в ту же ночь над всей долиной прошел дождь, хороший проливной дождь, и кукуруза уцелела.

А маленькая Энн выздоровела.

Доктор, когда он наконец доехал до фермы Берта, объявил, что кризис миновал и дело идет на поправку. Какая-то вирусная инфекция, сообщил он. Столько их теперь развелось! Не то что в старые добрые времена, когда люди еще не баловались со всякими чудотворными снадобьями и вирусы не наловчились поминутно перерождаться. Раньше врачи по крайней мере знали, от чего они лечат, а теперь сплошь и рядом — черта с два...

Неизвестно, говорили ли Берт и Эми доктору про Хита, только, по-моему, вряд ли. С какой стати признаваться, что вашего ребенка вылечил сосед? Не дай бог, сыщется какой-нибудь умник, который выдвинет против Хита обвинение в незаконной медицинской практике, хотя такое обвинение всегда чер-

товски трудно доказать. Но разговорчики по долине поползли все равно. Мне, например, рассказывали по секрету, что Хит, до того как осесть у нас, был известнейшим врачом в Вене. Разумеется, я ни во что подобное не верю. Да, наверное, и тот, кто придумал эту версию, сам в нее не верил, но так уж у нас в провинции ведется, ничего не попишешь.

На время эти россказни взбудоражили всю долину, а потом все улеглось. И само собой получилось, что Хиты стали для нас своими, словно жили рядом испокон веков. Берт взял за правило беседовать с Хитом на разные темы, а женщины принялись что ни день вызывать миссис Хит к телефону, чтоб она могла вставить словечко в круговой разговор, каким вечно заняты провода у нас в долине: чешут языки с утра до ночи, так что, если приспичило вызвать кого-нибудь по делу, сначала надо еще отогнать от аппарата этих балаболок. Осенью мы позвали Хита охотиться на енотов, а кое-кто из молодых парней стал помаленьку приударять за его дочкой. Все пошло так, как если бы Хиты и вправду были здесь старожилами.

Я уже говорил — нам всегда везло на соседей.

А когда все хорошо, то и время течет незаметно, и в конце концов его вообще перестаешь ощущать. Именно так и случилось у нас в долине. Год шел за годом, а мы не обращали на них внимания. На хорошее никогда не обращаешь внимания, принимаешь его как нечто само собой разумеющееся. Нужно, чтобы настали другие, скверные времена — вот тогда оглянешься и поймешь, что раньше-то все было хорошо на удивление.

Но вот однажды, примерно год назад или, может, чуть больше, только-только я покончил с утренней дойкой, откуда ни возьмись у ворот — машина с нью-йоркским номером. В наших краях дальний номер встретишь нечасто, так я на первых порах подумал, что кто-то заблудился и притормозил спросить дорогу. Смотрю — на переднем сиденье мужчина и женщина, а сзади трое детишек и пес, и машина новехонькая, блестит, как на картинке.

Я как раз нес молоко из коровника, и когда хозяин выбрался из-за баранки, поставил ведра наземь и подождал, пока он подойдет.

Он был моложавый, с виду интеллигентный и держал себя как полагается. Сказал, что его фамилия Рикард и что он газетчик из Нью-Йорка, что сейчас он в отпуске, а к нам в долину завернул по пути на запад с целью кое-что уточнить.

Насколько мне помнится, газеты до сих пор никогда не проявляли к нам интереса. Так я ему и ответил. И еще добавил: у нас, мол, никогда и не случалось ничего такого, о чем стоило бы сообщить в газете.

— Да нет, я не ищу скандалов,— заверил меня Рикард,— если вы этого испугались, то зря. Просто меня занимает статистика.

Признаться, со мной частенько бывает, что я соображаю туже, чем следовало бы. Человек я по природе, пожалуй, неторопливый, но тут, едва он произнес «статистика», я сразу почувствовал, что дело табак.

— Я недавно работал над статьями о положении фермеров,— пояснил Рикард,— и в поисках материала копался в правительственных статистических сводках. Ну и скучища — в жизни, кажется, так не уставал...

— И что же? — спросил я, а у самого сердце оборвалось.

— А то, что я узнал занятные вещи об этой вашей долине,— продолжал он.— Сначала я чуть было не проморгал самого главного. Прошел мимо цифр и, в общем-то, не понял их смысла. Потом все-таки вернулся вспять, перепроверил цифры и взглянул на них новыми глазами. Никаких подробностей в сводке, разумеется, нет, просто намек на что-то непонятное. Пришлось покопаться еще и выяснить кое-какие факты.

Я попробовал отшутиться, только он мне не позволил.

— Начнем с погоды,— сказал он.— Вы отдаете себе отчет, что на протяжении последних десяти лет у вас стояла идеальная погода?

— Да, погода была что надо,— согласился я.

— А ведь раньше было не так. Я проверял.

— Ваша правда,— опять согласился я.— За последнее время погода улучшилась.

— И урожаи у вас десять лет подряд самые высокие во всем штате.

— Высеваем кондиционные семена. Используем лучшие агротехнические приемы.

Он усмехнулся:

— Ну это вы бросьте. Агротехника у вас не менялась по меньшей мере четверть века.

Спору нет, тут он меня припер к стенке.

— Два года назад весь штат пострадал от нашествия ратных червей,— продолжал он.— Весь штат, кроме вас. Вас и эта напасть обошла стороной.

— Нам повезло. Помню, в тот год мы сами удивлялись, как нам повезло.

— Я заглянул в медицинскую статистику,— не унимался он.— Та же история. Десять лет подряд. Никаких болезней — ни кори, ни ветрянки, ни воспаления легких. Вообще ничего. За десять лет один-единственный случай смерти, и то по причине весьма преклонного возраста.

— Дедушка Паркс,— отозвался я.— Ему вот-вот стукнуло бы девяносто. Почтенный был старикан.

— Сами видите,— сказал Рикард.

Спорить не приходилось. У него в руках были точные данные. Мы не сознавали толком своей удачи, а он проследил все до истоков — и поймал нас с поличным.

— Ну и чего же вы от меня хотите? — спросил я.

— Хочу, чтобы вы рассказали мне про одного из ваших соседей.

— Я не сплетничаю про соседей. Если вас интересует кто-то из них, почему бы вам не обратиться к нему самому?

— Я и собирался, да не застал его дома. На ферме, что ниже по дороге, мне сказали, будто он уехал в город. Укатил со всей семьей.

— Реджинальд Хит,— сказал я. Играть дальше в молчанку было бессмысленно: Рикард и без меня был достаточно осведомлен.

— Он самый. Я беседовал кое с кем в городе. И оказалось, что он ни разу не ремонтировал ни одну из своих машин: ни трактор, ни прицепные орудия, ни автомобиль. Так и пользуется ими с тех самых пор, как поселился на ферме. А ведь они и тогда были уже не новыми.

— Ухаживает за ними на совесть,— ответил я.— Сам латает, сам смазывает.

— Еще одно обстоятельство. С самого своего приезда сюда он не купил ни капли бензина.

Все остальное я, конечно, знал и без Рикарда, хоть никогда не давал себе труда задуматься над этим. А вот про бензин даже не догадывался. Видно, я не сумел скрыть удивления, потому что приезжий усмехнулся.

— Чего вы хотите? — повторил я.

— Чтобы вы рассказали мне, что вам известно.

— Поговорите с Хитом. Ничем не могу быть вам полезен.

И в тот же миг, как я произнес эти слова, пришло облегчение. Должно быть, я инстинктивно верил, что Хит выкрутится: уж он-то сообразит, как тут поступить.

Но после завтрака я нипочем не мог взяться за работу. Я собирался подрезать деревья в саду — я и так откладывал это дело чуть не два года, и дольше оно терпеть не могло. А вместо подрезки я принялся размышлять о том, почему это Хит не покупает бензина, и вспомнил ту ночь, когда встретил трактор без тракториста. И еще мне вспомнилось, как необычайно ровно движутся трактор и машина Хита, невзирая на немыслимый шум, какой они издают.

В общем, отложил я ножницы и припустил прямиком через поля. Я же знал, что Хит со всем семейством подался в город,— впрочем, не думаю, что сумел бы остановиться, даже будь они дома. Нет, я все равно не усидел бы на месте. Потому что наконец-то понял, что этот самый трактор не давал мне покоя целых десять лет. Пришла пора разобраться, что к чему.

Трактор стоял на месте, в гараже, и я вдруг забеспокоился: а как залезть к нему в нутро? Но задача оказалась легче легкого. Я снял захваты и приподнял капот. И увидел, в сущности, то, что и ожидал увидеть, хотя, по правде сказать, не представлял толком, что именно откроется мне под капотом.

Там лежал брусок блестящего металла, чем-то напоминающий, пожалуй, куб из тяжелого стекла. Брусок был не слишком велик, но выглядел массивно, и поднять его было бы, наверное, очень не просто.

Видны были и отверстия от болтов, которыми прежде крепился обычный двигатель внутреннего сгорания, а чтобы установить новый движок, поперек рамы была наварена прочная металлическая полоса. Поверх блестящего куба громоздился еще какой-то аппаратик. Я не стал тратить время и разбираться, как именно он работает, однако приметил, что он соединен с выхлопной трубой, и понял, что эта штука служит для маскировки. Знаете, как на ярмарочных аттракционах переделывают электрические вагончики под древние локомотивы, чтоб они пыхтели и выбрасывали клубы пара? Вот и это устройство было того же рода. Оно выбрасывало колечки дыма и тарахтело, как положено трактору.

Оставалось только диву даваться: если Хит придумал движок, работающий лучше, чем двигатель внутреннего сгорания, зачем же пускаться во все тяжкие, чтобы скрыть от людей свое изобретение? Да если бы у меня вдруг родилась такая идея, уж я бы своего не упустил! Нашел бы кого-то, кто согласился бы меня финансировать, наладил бы производство таких движков и в два счета разбогател бы до одури. Что мешало Хиту поступить точно так же? Да ничто не мешало. А вместо этого он маскирует свой трактор, чтобы тот выглядел и тарахтел, как самый обыкновенный, и машину свою нарочно заставляет шуметь и греметь, чтобы никто не заметил мотора нового типа. Только он, честно говоря, перестарался. И машина и трактор у него гремят куда больше, чем надо. И самую существенную промашку он сделал, что не покупал бензина. На месте Хита я бы непременно покупал горючее, как простые смертные, а потом сливал бы его на помойку или сжигал...

Мне уже стало казаться, что Хит и вправду все время что-то скрывает, намеренно держится в тени. Словно он действительно сбежал из какой-то другой страны — или откуда-нибудь еще.

Я опустил капот и застегнул захваты, а выйдя из гаража, старательно прикрыл за собой ворота.

Вернувшись домой, я снова принялся за подрезку, а между делом обдумывал то, что увидел. И вдруг до меня дошло, что помаленьку я думал об этом с того самого вечера, как встретил трактор без тракториста. Правда, думал я урывками, не стараясь сосредоточиться, и потому ни до чего особенного не додумывался. А теперь додумался, и, если начистоту, мне бы обмереть от страха.

Но я не обмер. Реджинальд Хит был мой сосед — и хороший сосед. Мы вместе ходили на охоту и на рыбалку и помогали друг другу в пору сенокоса и молотьбы, и мне он нравился, по крайней мере, ничуть не меньше, чем многие другие. Да, конечно, он немного отличался от остальных, у него были странный трактор и странная машина, он вроде бы даже умел растягивать время — и с тех пор, как он поселился у нас в долине, нам везло на погоду и болезни обходили нас стороной. Все точно, но чего тут бояться? Если хорошенько знаешь человека, бояться нечего.

Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, как года два-три назад я однажды заехал к Хитам летним вечером. Было жарко,

и вся семья вынесла стулья на лужайку — там казалось чуть-чуть прохладнее. Мне тоже предложили стул, и мы сидели и болтали ни о чем, вернее, обо всем, что приходило в голову.

Луна еще не взошла, зато звезд высыпало видимо-невидимо, и такие они были в тот вечер красивые, просто как никогда. Я показал Хиту на звезды и от нечего делать выложил ему все, что знал из астрономии.

— Они так далеко,— говорил я,— так далеко, что свет от них идет до нас годами. И каждая — солнце, совсем как наше. А многие даже больше, чем наше солнце...

На этом мои познания о звездах заканчивались.

Хит задумчиво кивнул.

— Есть одна звездочка,— сказал он,— на которую я часто поглядываю. Вон та, голубая. Ну вроде как голубая, видишь? Видишь, как она мерцает? Словно подмигивает нам с тобой. Славная звездочка, дружелюбная...

Я сделал вид, будто понимаю, о какой звездочке речь, хотя на самом деле ничуть не был в этом уверен: их была на небе тьма-тьмущая, и почти все мерцали.

Тут мы заговорили о чем-то еще и забыли про звезды. По крайней мере, я начисто забыл.

После ужина ко мне заявился Берт Смит и рассказал, что Рикард наведывался к нему и задавал всякие каверзные вопросы и к Джинго тоже наведывался, а теперь намерен встретиться с Хитом, как только тот вернется из города. Берт от всего этого слегка расстроился, и я постарался его утешить.

— Горожане всегда нервничают по пустякам,— высказался я.— Не стоит беспокоиться.

Сам я если и беспокоился, то не слишком — чувствовал, что Хит как-нибудь осилит такую задачу. Даже если Рикард и тиснет статейку в нью-йоркских газетах, нам от этого особой беды не будет. Енотовая долина от Нью-Йорка куда как далеко.

Я, признаться, считал, что больше мы Рикарда не увидим и не услышим. Только никогда я так жестоко не ошибался.

Около полуночи я проснулся оттого, что Элен трясла меня за плечо.

— Там кто-то стучится. Пойди узнай, что ему надо.

Пришлось натянуть штаны и надеть туфли, зажечь лампу и спуститься вниз. Пока я одевался, в дверь стукнули еще два-три раза, но, как только я зажег свет, утихомирились.

Я подошел к двери и отомкнул засов. На крыльце стоял Рикард, и держался он теперь отнюдь не так самоуверенно, как поутру.

— Извините, что разбудил,— сказал он,— но я, кажется, заблудился.

— Тут нельзя заблудиться! — отвечал я.— В долине одна-единственная дорога. Одним концом она упирается в шоссе номер шестьдесят, другим — в шоссе номер восемьдесят пять. Езжайте по дороге, и она выведет вас на то или другое шоссе.

— Но я еду уже четыре часа,— сказал он,— и не могу найти ни того шоссе, ни другого!

— Послушайте,— отвечал я,— все, что от вас требуется,— это ехать прямо в любую сторону. Здесь просто некуда свернуть. Четверть часа — и вы на шоссе...

Я не скрывал своего раздражения — уж очень все это глупо звучало. И кроме того, я не люблю, когда меня среди ночи вытаскивают из постели.

— Поверьте, я действительно заблудился! — воскликнул он с отчаянием. Пожалуй, он даже был на грани паники.— Жена перепугана до смерти, дети просто падают с ног...

— Ладно,— отвечал я,— дайте только надеть рубаху и завязать шнурки. Так и быть, провожу вас.

Он сказал, что предпочитает попасть на шоссе номер шестьдесят. Я вывел свою колымагу из гаража и велел ему ехать за мной. Может, я и был раздражен, но все-таки рассудил, что надо ему помочь. Он нам взбаламутил всю долину, и чем скорее он уберется восвояси, тем лучше.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем я начал догадываться, что дело и впрямь нечисто. Полчаса — это вдвое дольше, чем требуется, чтобы выбраться на шоссе. Но дорога выглядела, как обычно, и вообще кругом не было ничего подозрительного — если не смотреть на часы. Я поехал дальше. И через сорок пять минут очутился у порога собственного дома.

Как это получилось, я и сам не мог взять в толк, хоть убей. Я вылез из-за баранки и подошел к машине Рикарда.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — спросил он.

— Мы, похоже, нечаянно повернули назад,— отвечал я.

Жена Рикарда, казалось, вот-вот забьется в истерике.

— Что происходит? — повторяла она пронзительным, визгливым голосом.— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

— Попробуем еще раз,— предложил я.— Поедем медленнее, чтобы не сделать снова ту же ошибку.

Я поехал медленнее. На этот раз мне потребовался час — и тем не менее я вернулся к воротам собственной фермы. Потом мы попытались выехать на шоссе номер восемьдесят пять — и через сорок минут были там же, откуда тронулись в путь.

— Сдаюсь,— сказал я Рикардам.— Вылезайте и заходите в дом. Сейчас сообразим, где вам постелить. Вы переночуете, а с рассветом, глядишь, и дорога отыщется...

Я сварил кофе и нашел разной снеди для сандвичей, а Элен тем временем приготовила постели на пятерых.

— Пес пусть ночует на кухне,— распорядилась она.

Я достал картонный ящик из-под яблок и уложил в него подстилку.

Пес был жесткошерстный фокстерьер, чистенький, маленький и очень забавный, а дети — такие же славные, как любые другие дети. Миссис Рикард, правда, опять было сорвалась на истерику, но Элен заставила ее выпить кофе, а я просто не позволил продолжать разговор о том, почему им не выбраться из долины.

— При дневном свете,— уверял я их,— от ваших страхов и следа не останется...

И действительно, после завтрака гости совершенно успокоились и как будто уже не сомневались в том, что сумеют отыскать шоссе номер шестьдесят. Они уехали без провожатых — и через час вернулись. Тогда я снова сел в машину и двинулся впереди них и не стыжусь признаться, что по спине у меня бегали мурашки.

Я внимательно следил за дорогой и внезапно понял, что мы едем не к шоссе, а от шоссе обратно в долину. Я, конечно, тут же затормозил, мы развернулись и покатили в правильную сторону. Но минут через десять поняли, что нас опять развернуло. Сделали еще одну попытку — теперь мы буквально ползли, пытаясь заметить ту точку, где нас разворачивает. Напрасный труд — мы ничегошеньки не заметили.

Когда мы вернулись на ферму, я позвонил Берту и Джинго и попросил их подъехать ко мне. Они, в свою очередь, пробовали вызволить Рикарда, сначала порознь, потом оба вместе, но добились не большего, чем я. Тогда я попытался выбраться сам, без журналиста, следующего за мной по пятам, и — что

бы вы думали? — выбрался без всяких приключений. Смотался на шоссе номер шестьдесят и обратно за полчаса. Я решил, что лед сломан, и сделал новую попытку вывести машину Рикарда, но не тут-то было...

К полудню мы установили все с полной точностью. Любой из старожилов мог преспокойно выехать из долины — любой, только не Рикард.

Элен уложила миссис Рикард в постель и дала ей успокоительного, а я отправился к Хиту. Он обрадовался мне и выслушал меня, но вот ведь незадача: пока я говорил, мне все вспоминалась догадка, что он умеет растягивать и сжимать время. Когда я закончил, он помолчал минутку, словно взвешивал, верное ли решение принял.

— Странная это история, Кэлвин,— сказал он наконец.— Вроде бы и несправедливо, что Рикарды заперты в нашей долине помимо собственной воли. А если разобраться, для нас самих это удача. Рикард собирался написать про нас в газетах, и, если бы он исполнил свое намерение, мы сразу оказались бы в центре внимания. Сюда набежала бы куча народу — другие газетчики, чиновники, умники из университетов и просто любопытные. Они исковеркали бы всю нашу жизнь, а то еще стали бы предлагать нам за наши фермы большие деньги — много больше того, что они стоят на самом деле,— и погубили бы нашу долину. Не знаю, как тебе, а мне долина нравится как она есть. Она напоминает мне... ну, в общем, дорогое для меня место.

— Рикард может передать свою статью по телефону,— возразил я,— или переслать почтой. К чему задерживать его здесь, если статью все равно напечатают?

— Думаю, что не напечатают,— ответил он.— Да нет, я совершенно уверен, что он не станет ни передавать статью по телефону, ни посылать по почте.

Я ехал к Хиту, чтобы, если понадобится, замолвить за Рикарда словечко, но поразмыслил хорошенько над тем, что услышал, и не стал ничего говорить.

В самом деле, если существует некий принцип или некая сила, которые поддерживают жителей долины в добром здравии, гарантируют им хорошую погоду и вообще облегчают жизнь, то, разумеется, все остальные на белом свете ничего не пожалеют, лишь бы заполучить такое чудо в свое распоряжение.

Пусть это эгоизм, но я не верю, что подобный принцип или силу можно распределить так, чтобы хватило на всех. И если кому-то суждено использовать эту силу в своих интересах, то лучше уж пусть она останется на веки вечные здесь, в долине, где проявила себя впервые.

И еще одно: если мир услышит, что мы владеем такой силой либо принципом и не можем или не хотим ими поделиться, все затаят на нас злобу, да что там злобу, просто возненавидят нас, как лютых врагов.

Вернувшись домой, я поговорил с Рикардом и даже не пытался скрыть от него правду. Он вскипел и хотел было тут же двинуться к Хиту выяснять отношения, но я ему отсоветовал. Ведь у него не будет никаких доказательств, и он окажется в идиотском положении: Хит, вероятно, станет вести себя так, словно вообще не понимает, о чем речь. Рикард сначала ерепенился, спорил, но в конце концов согласился, что я прав.

Заезжее семейство прожило у меня на ферме дней пять, и от случая к случаю мы с Рикардом делали пробные выезды, просто чтобы попытать счастья, но все было по-прежнему. Убедившись в этом, мы снова позвали Берта и Джинго и держали военный совет. К тому времени миссис Рикард немного оправилась от потрясения, дети вошли во вкус жизни на вольном воздухе, а что касается пса, тот определенно поставил себе целью загнать и облаять каждого кролика, сколько бы их ни нашлось в долине.

— Чуть повыше на склоне есть бывшая ферма Чендлера,— додумался Джинго.— Там давненько никто не живет, но она в приличном состоянии. Можно кое-что подновить, и будет очень удобно.

— Но я не хочу оставаться здесь! — запротестовал Рикард.— Не могу же я в самом деле переселиться сюда!

— Кто сказал «переселиться»? — вмешался Берт.— Вам просто надо немного переждать. Придет день, обстоятельства переменятся, и вы свободно уедете куда захотите.

— Но моя работа!..— воскликнул Рикард.

И тут слово взяла миссис Рикард. Нетрудно было догадаться, что происходящее нравится ей ничуть не больше, чем мужу, но в ней внезапно проснулся тот практический здравый смысл, каким подчас отличаются женщины. Она усвоила, что им суждено на время оставаться в долине, и постаралась выискать в таком повороте событий свои преимущества.

— А книга, которой ты вечно угрожал разродиться? — сказала она.— Вот тебе самый подходящий случай...

Это и решило дело.

Рикард послонялся еще немного, вроде бы собираясь с духом, хотя, право же, все было ясно и так. Потом он начал поговаривать о том, как хорошо у нас в долине: мир, тишина и никакой суеты, здесь, мол, только книги и писать...

Соседи сообща подновили ферму Чендлера, а Рикард позвонил в свою газету и под каким-то предлогом попросил отпуск. Еще он послал письмо в свой банк, чтоб ему перевели его сбережения, и засел за книгу.

Очевидно, ни в телефонных разговорах, ни в письмах он не позволил себе и намека на истинную причину, почему остался в долине,— и то сказать, это было бы попросту глупо. Так или иначе, никто не поднял вокруг его исчезновения ни малейшего шума.

А долина вернулась к обычным повседневным заботам, и после всех треволнений это было куда как приятно. Соседи делали за Рикардов все покупки, привозили им из города крупы, сахар и всякую всячину, а иногда глава семьи садился в машину и предпринимал очередную попытку выбраться на шоссе.

Но обычно он сидел за столом и писал и год спустя успешно продал свою первую книгу. Вы, возможно, даже читали ее — она называется «Прислушайтесь к тишине». Принесла ему немалые денежки. Правда, его нью-йоркские издатели чуть не рехнулись — никак не могли взять в толк, отчего он упорно отказывается высунуть нос из долины. Отказывается от лекционных турне, отвергает приглашения на званые вечера и обеды, короче, не принимает никаких почестей, вроде бы положенных автору нашумевшей книги.

И вообще успех не вскружил ему голову. К той поре, как книгу напечатали, Рикарда у нас знали и любили все от мала до велика. И он жаловал всех, кроме, пожалуй, Хита. С Хитом он держался подчеркнуто холодно. Что ни день он подолгу бродил по округе — уверял, что ради моциона, но мне сдается, что именно во время прогулок он сочинил бóльшую часть своей книги. А то остановится у ограды и заведет с хозяином разговор о жизни — так с ним, собственно, все в долине и познакомились. Охотнее всего он рассуждал о тех временах, когда сумеет наконец вырваться из заточения, и мы, случалось, тоже

подумывали, что, не ровен час, Рикарды нас и вправду покинут. Думали мы об этом с горечью, потому что из них получились хорошие соседи. Наверное, в нашей долине действительно есть что-то особенное, раз она заставляет людей поворачиваться к другим лучшей своей стороной. Я уже говорил — нам спокон века не попадались скверные соседи, а многие ли сегодня могут похвастаться тем же?

Как-то раз, по пути из города, заглянул я на минутку к Хиту поболтать, и пока мы с ним стояли, на дороге показался Рикард. По нему было сразу видно, что никуда он особенно не торопится, а просто гуляет. Он тоже остановился, мы потолковали на разные темы, а потом он возьми да и скажи:

— А знаете, мы решили никуда отсюда не уезжать.

— Ну что ж, прекрасно,— отозвался Хит.

— Вчера вечером,— продолжал Рикард,— мы с Грейс стали, как обычно, обсуждать, что будем делать, когда уедем отсюда. И вдруг запнулись, переглянулись и поняли, что вовсе не хотим никуда уезжать. Здесь такой покой, и ребятишкам здешняя школа нравится гораздо больше, чем в городе, и люди вокруг такие славные, что об отъезде и думать противно...

— Рад слышать это от вас,— отозвался Хит.— Только зря вы, право, сидите здесь неотлучно, надо бы и встряхнуться. Свозите жену и детишек в город, в кино...

Вот и вся недолга. Легко и просто.

Жизнь течет у нас по-прежнему хорошо, быть может, даже лучше, чем прежде. В долине все здоровы. Обыкновенный насморк и тот теперь, кажется, обходит нас стороной. Когда нам нужен дождь, идет дождь, а когда нужно солнце, то, естественно, светит солнце. Мы не разбогатели — разве разбогатеешь, когда Вашингтон то и дело вмешивается в фермерские дела,— но живем мы, грех пожаловаться, сносно. Рикард работает над своей второй книгой, а я время от времени выхожу вечерами на крыльцо и пытаюсь отыскать на небе ту звездочку, которую Хит показывал мне однажды много лет назад.

И все-таки мы не в силах полностью избежать огласки. Вчера вечером слушал я по радио своего любимого комментатора, а он вдруг ни с того ни с сего решил потешить публику на наш счет.

«Да полно, есть ли на свете эта Енотовая долина? — спросил он, и за его вопросом явно слышался ехидный смешок.—

Если да, правительству не мешало бы в этом удостовериться. Географические карты настаивают, что такая долина есть на самом деле, статистика утверждает, что там идеальный климат и нет ни болезней, ни неурожаев — прямо-таки молочные реки и кисельные берега. И окрестные жители уверены, что долина существует, но, едва кто-нибудь из официальных лиц решит расследовать факты на месте, она исчезает, ее не удается найти. Пытались звонить по номерам, которые числятся за обитателями долины,— телефонные звонки не проходят. Пытались писать — письма возвращаются к отправителям под тем или иным предлогом, изобретенным в недрах почтового ведомства. А если те, кто ведет расследование, выжидают в соседних торговых центрах, люди из Енотовой долины отсиживаются дома и не делают покупок. Допустим на минуту, что статистика не врет; тогда властям, право же, не грешно бы изучить факторы, отличающие эту долину, и распространить их воздействие на все другие районы. Пока что мы не знаем даже, доходят ли до долины наши передачи, способны ли радиоволны проникнуть туда, куда не проникают ни письма, ни звонки, ни должностные лица. Но если да, если есть на свете Енотовая долина и кто-нибудь из ее обитателей слушает нас сейчас, быть может, он не откажется подать голос?..»

Комментатор еще раз хмыкнул и перешел к свежим сплетням про Хрущева.

Я выключил радио и сидел, покачиваясь в кресле, а сам все думал о том, почему же это иногда ни один из нас по три-четыре дня подряд не может добраться до города, а в другие дни телефоны вдруг смолкают разом без всякой на то причины. Честно сказать, мы не раз обсуждали такие случаи между собой и советовались, не поговорить ли нам про это с Хитом, но каждый раз решали, что лучше не надо. Он наверняка соображает, что делает, и нам остается только надеяться на его здравый смысл.

Наше положение причиняет нам, конечно, известные неудобства, зато имеет и свои преимущества. Вот уже добрых лет десять у нас в долине не бывало ни зазывал, навязывающих подписку на дешевенькие журнальчики, ни страховых агентов.

После ленча я вернулся в контору, устроился поудобней, закинув ноги на стол, и принялся усердно думать над тем, как отвадить пса, который растаскивал мусор у меня из бака.

Вот уже несколько месяцев как я воевал с этой животиной и был готов прибегнуть к крайним мерам.

Я загородил мусорный бак бетонными плитами так, чтобы пес не мог его опрокинуть. Но кобель был здоровый: поднявшись на задние лапы, он вставал на бак и легко выгребал из него мусор. Я уже подумывал: не поставить ли небольшой лисий капкан, чтобы, когда пес сунет морду в бак, ему прищемило нос? Однако если так сделать, то как пить дать в какой-нибудь четверг утром забуду убрать капкан, и вместо собаки в него попадет мусорщик.

Я даже, хотя и не всерьез, подумывал провести к баку электропроводку, чтобы пса стукнуло разок током. Но, во-первых, я не знал, как эта проводка подводится, а потом если и соображу, то десять шансов против одного, что бедняга не только испугается, он будет просто убит током, а убивать пса мне не хотелось.

Понимаете ли, я люблю всех собак. Это, конечно, не значит, что я должен любить их всех без разбора, не так ли? И если бы вам пришлось каждое утро вновь собирать мусор, то вы бы разозлились на этого остолопа не меньше моего.

Пока я размышлял над тем, нельзя ли в какой-нибудь особо аппетитный кусок выброшенных продуктов подсыпать чего-нибудь такого, от чего пес заболел бы, но не умер, зазвонил телефон.

© Перевод Н. Колпакова.

Звонил Пит Скиннер из Экорн-риджа.

— Вы не могли бы сейчас приехать ко мне? — спросил он.

— Мог бы,— ответил я.— Что у вас хорошего?

— Яма на сороковом участке.

— Выгребная?

— Нет. Похоже, что кто-то ее выкопал и всю землю увез.

— Кто бы это мог сделать, Пит?

— Откуда я знаю? Но это еще не все. Возле ямы оставлена куча песка.

— А вы же прекрасно знаете,— заметил Пит,— что на участке нет песчаной почвы. Все, что есть у меня, так это чернозем.

— Хорошо, сейчас приеду,— сказал я и повесил трубку.

Мне, как окружному агенту по развитию сельского хозяйства, приходится выслушивать много всяких вздорных звонков, но этот превзошел все остальные. Чума у свиней, кукурузная совка, черви на плодовых деревьях, рекордные удои молока — все они относились к моей компетенции. Но яма на сороковом участке?! Извините!

Но мне все-таки сдается, что раз Пит позвонил именно нам в контору, а не кому-нибудь другому, то это следует принять как комплимент. Когда ты работаешь окружным агентом пятнадцать лет, то многие фермеры начинают верить в тебя и часть их, подобно Питу, считает, что ты можешь разрешить любое затруднение. А я, признаться, страсть как люблю похвалу, не в пример другим. Чего я не люблю, так это головную боль, которая приходит вместе со всеми затруднениями.

И я поехал к Скиннеру.

Его жена сказала, что он на сороковом участке, так что я направился туда и застал кроме Пита еще несколько соседей. Все они разглядывали яму и высказывали массу глупых предположений. Мне никогда до этого не доводилось видеть более озабоченной толпы людей.

Яма — почти идеальный конус — была диаметром не менее семи футов, а в глубину — почти десять и совсем не походила на яму, которую копали лопатой и киркой: ее стенки были срезаны гладко, как фрезой, однако земля не была примята, как это обязательно случилось бы, будь для этого использована какая-нибудь машина.

Рядом с ямой лежала куча песка. Глядя на нее, я подумал, что если весь этот песок сгрести в яму, то он заполнил бы ее тютелька в тютельку.

Песок был самый белый из всех, какие мне только доводилось видеть: не просто чистый, а абсолютно стерильный — словно его промывали по крупинке.

Я постоял немного, уставившись с другими на яму и кучу песка, страстно желая, чтобы меня осенила какая-нибудь блестящая идея. Но увы, ничего интересного в голову не приходило. Вот яма, а вот песок. Верхний пахотный слой земли был мокрым, и на нем обязательно были бы видны следы колес или чего другого, если бы эти следы были. Но в том-то и дело, что их не было.

Я сказал Питу, что ему, быть может, лучше огородить все вокруг колючей проволокой: вдруг шериф или еще кто-то из штата или университета захочет взглянуть на эту штуку. Пит сказал, что мысль хорошая и он это сделает немедля.

Я вернулся на ферму Пита и попросил миссис Скиннер дать мне пару банок. Одну из них я наполнил песком, а другую с большими предосторожностями, так чтобы стенки ямы не осыпались, набил почвой из ямы.

Тем временем Пит с двумя соседями нагрузил фургон столбами, мотками колючей проволоки и привез их к яме. Я помог разгрузить фургон, а затем поехал назад в контору.

Там меня уже ожидали три человека. Я передал своей секретарше Милли банки и попросил ее послать их немедленно в почвоведческую лабораторию сельскохозяйственного колледжа штата, после чего занялся приемом граждан.

Было уже далеко за полдень, когда в мой кабинет вошла Милли.

— Вам звонил банкир Стивенс и просил заехать к нему по пути к дому.

— Что от меня нужно этому жирному борову? — спросил я.— Он же не фермер, а денег я у него не занимал.

— У него с цветами случилось что-то страшное,— сказала мне секретарша.— Он прямо убит горем.

По дороге домой я завернул к Стивенсу. Банкир уже ждал меня на улице. Вид у него был ужасный. Он повел меня за дом к большому цветнику, представлявшему печальное зрелище. В саду не осталось ни одного живого цветка. Все они погибли и, увядшие, валялись на грядках.

— Отчего это могло произойти, Джо? — спросил Стивенс так, что его слова и тон, какими они были сказаны, вызвали во мне жалость.

В конце концов, эти цветы многое значили в его жизни. Он выращивал их из особых семян, все время нянчился с ними, и они у него были высший сорт.

— Возможно, их опрыскали каким-то химикатом,— заметил я.

Обойдя кругом сад, я пристально осмотрел увядшие цветы, но нигде не заметил следов ожогов, обычно оставляемых химикатами.

Затем я увидел маленькие ямки — сперва только две, а затем, осмотрев все вокруг, еще целую дюжину.

Ямки диаметром в дюйм виднелись по всему саду, словно кто-то взял черенок лопаты и понатыкал дыр по всему участку. Опустившись на колени, я увидел, что ямки имели коническую форму: так образуются лунки, когда из грядок выдергивают растения с толстыми корешками.

— Вы что, недавно пропалывали сорняки? — спросил я Стивенса.

— Да, но не такие крупные,— отвечал банкир.— Вы, Джо, знаете, сколько сил и труда я вкладывал в эти цветы: поливал и разрыхлял землю, опрыскивал, вносил точно установленное количество минеральных удобрений в почву...

Я, слушая вполуха и не мешая ему выговориться, тем временем подобрал комочек земли и растер его пальцами. Это была совершенно высушенная земля, она рассыпалась от малейшего прикосновения.

— Вы давно поливали эту грядку? — спросил я.

— Вчера вечером,— ответил Стивенс.

— А когда вы увидели, что ваши цветы погибли?

— Сегодня утром. Вчера вечером они были в хорошем состоянии, а сегодня...— И его глаза быстро заморгали от слез.

Я попросил у него стеклянную банку и наполнил ее почвой.

— Пошлем в лабораторию и посмотрим, что с ней случилось,— сказал я Стивенсу и, распрощавшись, ушел.

По дороге домой я увидел, как свора собак окружила что-то у ограды перед моим домом — собаки, как известно, любят гонять кошек. Я припарковал машину, взял черенок от старой мотыги и вышел на улицу спасти кота, которого собаки, видимо, загнали под изгородь.

При виде меня собаки разбежались, и я стал искать бедного кота под забором. Но там никого не оказалось, так что мое любопытство усилилось, и мне захотелось понять, на кого же тогда собаки накинулись. Итак, я продолжал поиски.

И нашел!

Оно лежало на земле под самыми нижними ветками живой изгороди, словно сползло туда в поисках укрытия.

Я протянул руку и вытащил его наружу: какой-то сорняк футов пять длиной, с очень странной корневой системой: восемь корней, каждый диаметром с дюйм у основания. Корни не перевивались, как обычно у растений, а были похожи на отростки по четыре в ряд на каждой стороне растения. Я осмотрел их внимательно и увидел, что корни не были отломаны, а имели тупые прочные кончики. Стебель у растения внизу был толщиной в кулак. От него отходили четыре крупные ветки, покрытые толстыми прочными мясистыми листьями, однако концы ветвей с фут длиной были голыми. На верхушке имелось несколько мясистых завязей стручков. Самый крупный был похож на небольшой кофейник.

Сидя на корточках, я разглядывал растение, но чем больше смотрел, тем сильнее недоумевал. Мне, как окружному агенту по сельскому хозяйству, следует хоть немного знать ботанику, но это растение ни на что из виденного мною прежде не было похоже.

Я перетащил его через лужайку к сараю с инструментами и бросил там, решив заняться им посерьезней завтра утром. Затем направился домой, чтобы организовать ужин: поджарить бифштекс и приготовить тарелку зеленого салата.

Поужинав и вымыв посуду, я заглянул в справочник по ботанике: нет ли там каких-либо сведений, которые могли бы помочь определить, что это за растение я нашел?

Однако в справочнике ничего такого не оказалось. Перед тем как лечь в кровать, я взял карманный фонарик и вышел во двор, чтобы заглянуть в сарай, возможно рассчитывая, что сорняк окажется каким-то другим, чем я его помню.

Открыв дверь сарая, я осветил фонариком то место, где бросил растение, но его там не оказалось. В одном из дальних углов послышался шелест листьев, и я направил луч света туда.

Мой сорняк переполз в угол и старался подняться — его ствол, прижавшись к стене сарая, изогнулся так, как человек изгибает спину, когда хочет подняться.

Стоя с раскрытым ртом и глядя, как сорняк старается выпрямиться и встать, я в первый момент оцепенел от ужаса, а затем кинулся в угол сарая и схватил топор.

Если бы тому удалось подняться, я, вероятно, изрубил бы его на куски. Но пока я стоял с топором в руке, я понял, что растение не может встать. И меня ничуть не удивило, когда оно свалилось на пол.

То, что я дальше сделал, было столь же неразумно и выполнено помимо моей воли, как инстинктивное хватание за топор.

Я отыскал старую ванну и наполнил ее водой. Затем подобрал с пола растение, почувствовав при этом, как оно начало извиваться, словно червь, и сунул его корнями в воду. Потом перетащил ванну к стене сарая так, чтобы сорняк мог, держась за стенку, стоять прямо.

Вернувшись в дом, я перерыл два чулана, пока нашел кварцевую лампу, которую купил несколько лет назад, чтобы подлечить свой артрит плечевого сустава. Установив лампу, я направил свет на растение и, набрав полную пригоршню земли, высыпал ее в ванну. Вот и все, что я мог, по своим расчетам, сделать: дал растению воду, питание, искусственный свет. Я боялся, что если придумаю еще что-нибудь, то могу навредить, ибо понятия не имею, в каких условиях оно привыкло расти.

Но, кажется, все было правильно. Растение сразу же ожило, и, пока я суетился, похожий на кофейник стручок на его верхушке поворачивался туда-сюда, следя за каждым моим шагом.

Некоторое время я наблюдал за ним, потом передвинул немного подальше кварцевую лампу, чтобы она не обожгла ему листья, и вернулся в дом.

Вот тут-то я действительно перепугался не на шутку. Я, грешным делом, испугался еще в сарае, но сейчас был просто потрясен. Перебирая в памяти все заново, я начал понимать более четко, какого рода создание нашел под изгородью. Помнится, я еще не был готов к тому, чтобы сказать об этом вслух, но, по всей вероятности, мой гость был разумным существом с другой планеты.

Каким образом он сюда попал, думалось мне, и не он ли понаделал ямок на цветочных клумбах у банкира Стивенса, и не связано ли все это с ямой на сороковом участке Пита Скиннера?

Я посидел немного в раздумье, ибо не пойдешь ведь так просто шнырять по чужому саду в полночь.

Но должен же я все выяснить!

Темным переулком я прошел на зады усадьбы Стивенса и полез в сад. Прикрыв фонарик шляпой, я еще раз осмотрел

лунки на заглубленных цветочных грядках. Меня не слишком удивило, что ямки встречаются группами по восемь штук: четыре на каждой стороне — точно такие же лунки оставило бы растение, находившееся в моем сарае, если его корнями воткнуть в землю.

Вернулся я к себе как раз вовремя, чтобы застать расшвыривающего мусор пса за работой. Он засунул голову прямо в бак, и мне удалось незаметно подкрасться. Учуяв меня, он попытался выпрыгнуть из бака, но еще больше застрял в нем. Прежде чем ему удалось высвободиться, я наградил его таким пинком в одно наиболее подходящее место, что, получив соответствующее ускорение, пес, надо полагать, установил новый мировой рекорд скорости среди собак.

Я подошел к сараю и открыл дверь. Ванна, полная мутной воды, оставалась на месте, кварцевая лампа горела по-прежнему, но само растение исчезло. Я оглядел сарай, но нигде его не увидел. Тогда я выдернул из розетки шнур и направился к дому.

Сказать по правде, я почувствовал облегчение оттого, что мой гость ушел. Но когда я завернул за угол дома, то увидел, что это не так — растение стояло в оконном цветочном ящике, и листья герани, которую я выращивал всю весну, безжалостно свисали по краям ящика.

Я стоял и смотрел на растение, и у меня было такое ощущение, будто оно также смотрит на меня. И тут я подумал, что ему пришлось не только пройти от сарая до дома, а потом взобраться в цветочный ящик на окне, но надо было еще открыть запертую дверь сарая и запереть ее снова.

Растение стояло твердо и прямо и, как видно, находилось в полном здравии. В цветочном ящике у окна оно выглядело столь же нелепо, как если бы кто-то вырастил там кукурузу, хотя растение ничем не напоминало кукурузный стебель.

Взяв ведро воды и вылив его в цветочный ящик, я вдруг почувствовал, как кто-то хлопнул меня по затылку, и поднял глаза — надо мною склонилось растеньице и одобрительно хлопало меня одной из веток, мягкий лист на конце которой вытянулся так, что стал похож на кисть руки.

Я зашел в дом и свалился на кровать. Размышляя над случившимся, я главным образом думал о том, что если растение станет мне очень досаждать или окажется опасным, то все, что

нужно сделать, так это смешать сильную дозу какого-нибудь минерального удобрения, мышьяка или чего-то столь же смертельного и напоить его этой дрянью.

Хотите верьте, хотите нет, но я уснул спокойно.

На следующее утро после завтрака я вышел во двор, чтобы посмотреть на растеньице и, может быть, запереть его на весь день в гараже, где замки получше, но ни на подоконнике, ни в каком другом месте его не оказалось. А поскольку день был субботний, когда в город наезжают фермеры, многие из которых наверняка решат заглянуть ко мне в контору, то я поспешил на работу.

Весь день я занимался делами и не имел ни минуты свободного времени, чтобы подумать или поволноваться, но когда занялся упаковкой образцов почвы из сада банкира Стивенса, чтобы послать их на анализ в лабораторию, то мне подумалось: а не следует ли известить кого-нибудь в Вашингтоне о моем растении, но не знал, с кем там связаться и в какое министерство обратиться.

Вернувшись домой, я нашел растение на огороде, где оно стояло на маленькой грядке редиса. Хотя несколько листьев завяли, в остальном все вокруг было в полном порядке. Я бросил добрый взгляд на растение, и оно помахало мне парой своих веток — нет, не думайте, то не ветер их пошевелил, ибо никакого ветра не было,— затем кивнуло своим кофейным стручком, как бы давая понять, что узнало меня.

После ужина я обшарил изгородь перед домом и нашел еще два таких растения, но оба были мертвы. Поскольку мой ближайший сосед ушел в кино, то я осмотрел также и его участок и нашел еще четыре растения в одном из укромных уголков под кустами, куда они заползли, чтобы спокойно умереть.

Я все понял: семь этих растений выбрали цветочные грядки банкира Стивенса себе на завтрак, но минеральные удобрения, которые он применял, погубили их всех, кроме одного. Этот единственный оставшийся в живых пришелец как-то добрался до моего участка.

Я спрашивал себя, почему редис, герань на окне, цветы в саду Стивенса среагировали таким вот образом. Быть может, эти растения-пришельцы вырабатывают какой-то яд, который впрыскивают затем в почву, чтобы другие травы и деревья не могли расти там, где поселились они. Такое предположение

не лишено оснований. Ведь есть же на Земле деревья и травы, которые проделывают точно такую же операцию различными способами. Или, возможно, пришельцы высасывают из почвы всю влагу и питательные вещества, так что другим ничего не остается и они погибают от голода?

Если они прибыли с другой планеты, то должны были прилететь на каком-то корабле. Так что яма на сороковом участке у Пита образовалась там, где пришельцы приземлились, чтобы возобновить запас пищи, оставив рядом с ямой равное количество отходов.

А эти семь, как они очутились здесь? Бросили корабль, спасаясь от опасности, как моряки, терпящие бедствие?

Корабль, наверное, поискал пропавших членов экипажа и, не найдя их, улетел. Если это так, тогда мое растение — единственный оставшийся на Земле пришелец. Но, может быть, корабль все еще продолжает поиски?

Я сильно устал, размышляя над всеми этими вопросами, и завалился пораньше спать, однако долго еще лежал без сна, беспокойно ворочаясь. Но в тот самый момент, когда на меня напал сон, услышал, как у мусорного бака опять завозился пес. Думаете, после того, что случилось с ним накануне, он решил избегать мой двор? Не на того напали! Он как ни в чем не бывало гремел и стучал по баку, стараясь опрокинуть его и выпотрошить.

Схватив с кухонной плиты кастрюлю с ручкой, я открыл заднюю дверь и бросил кастрюлей в него, но промахнулся на добрых три метра. Это меня так раздосадовало, что я даже не захотел пойти и подобрать кастрюлю. Я просто вернулся и снова лег спать.

Прошло порядочно времени, когда меня внезапно поднял с постели визг смертельно перепуганной собаки. Я вскочил на ноги и бросился к окну.

В свете луны пес мчался по садовой дорожке так, словно за ним гнались черти. Следом на всех парусах летело растеньице-гость. Оно схватило одной веткой бедного пса за хвост, а оставшимися тремя наддавало ему жару.

Они выскочили на улицу и скрылись из виду, но долго еще в окрестностях раздавался собачий визг. Спустя некоторое время я увидел, как растение ступило на усыпанную гравием дорожку сада и зашагало, словно большое насекомое, на своих восьми корнях.

Свернув с дорожки, растеньице пристроилось возле куста сирени и, как видно, расположилось на ночь. Если во всем происходящем и нет ничего хорошего, решил я, то по крайней мере мусорный бак теперь будет вне опасности — если пес еще раз попробует вернуться, мой гость всегда готов задать ему трепку.

Долго я лежал с открытыми глазами, силясь понять, как это растение догадалось, что я не хочу, чтобы пес рылся у меня в баке с мусором. Вероятно, оно видело — если это надлежащее слово,— как я гнал разбойника со двора.

Я уснул с приятным чувством, что наконец-то мы с растением начали понимать друг друга.

На следующий день было воскресенье, и я занялся оранжереей, чтобы привести ее в порядок и посадить туда пришельца, который пока что отыскал для себя на огороде солнечное местечко и притворился большим, особенно неприглядным сорняком, который я поленился раньше выполоть.

Во время работы ко мне подошел сосед, чтобы дать бесплатный совет, а потом долго стоял и мялся, и по всему было видно: ему хочется еще что-то сказать мне, но он не решается.

— Странное дело,— наконец выпалил он,— но моя Дженни клянется, что видела, как какое-то небольшое деревце расхаживает у тебя по двору. Мой мальчишка также видел его и говорит, что оно гналось за ним.— Сосед, смущенно хихикнув, закончил: — Дети есть дети, как ты понимаешь.

— Да, конечно,— подтвердил я.

Постояв еще немного и дав мне пару каких-то советов, сосед ушел к себе.

Меня встревожили его слова. Если растение в самом деле гоняется за детьми, то хлопот не оберешься.

Весь день напролет я работал в оранжерее, но нужно было так много сделать, ибо ею не пользовались почти десять лет, что к вечеру я устал до чертиков.

Поужинав, я вышел на заднее крыльцо и уселся на ступеньки посмотреть на звезды. Тишь да гладь стояла вокруг.

Не прошло и четверти часа, как до меня донесся шелест листьев. Я оглянулся и увидел растеньице, которое вышло из сада на своих кореньях и подошло ко мне. Оно как будто опустилось со мной на ступеньки, и мы сидели вдвоем и смотрели на звезды.

Немного погодя растеньице протянуло одну из своих веток и взяло меня под руку своим похожим на ладонь листом.

Я слегка вздрогнул, но оно коснулось меня столь деликатно, что я остался спокойно сидеть, решив, что если уж нам приходится жить вдвоем, то незачем избегать друг друга.

Спустя некоторое время я начал постепенно ощущать, как на меня накатываются волны благодарности, словно растеньице хотело мне сказать «спасибо».

Слова, сами понимаете, не произносились. Растеньице, кроме как шелестеть листьями, других звуков издавать не могло, однако я понял, что существует какая-то система общения без помощи слов, а чувствами — глубокими, чистыми, крайне искренними.

Наконец такое беспрерывное излияние благодарности стало несколько смущать меня.

— Ну хватит, хватит,— сказал я, стараясь положить конец этому.— Вы бы то же самое сделали для меня.

Каким-то образом растение, должно быть, почувствовало, что его признательность понята и воспринята, так как чувство благодарности немного ослабло и вместо него возобладало другое — ощущение мира и спокойствия.

Растеньице поднялось и пошло прочь, но я окликнул его:

— Эй, погоди минутку!

Оно, видимо, поняло и вернулось. Я взял его за ветку и повел вдоль границ своего участка, стараясь как можно усердней внушить, чтобы оно не выходило за изгородь.

К концу этой передачи мыслей я был весь мокрый от чрезмерного напряжения. Но в конце концов растение сказало нечто вроде «о'кей!». Тогда я нарисовал в уме картину, как оно гонялось за мальчишкой, и мысленно пригрозил пальцем. Растение согласилось. Затем я попробовал сказать ему, чтобы оно не ходило средь бела дня по двору, когда люди могут увидеть. Не знаю, то ли это наставление было труднее понять, то ли я уже устал, но мы оба выдохлись до конца, прежде чем растеньице показало, что поняло меня. Лежа в кровати, я долго размышлял над проблемой общения. По-видимому, это была не телепатия, но что-то также основанное на мысленных образах и эмоциях. Я уснул, радуясь мысли, что мой дом и сад станут школой для инопланетянина.

На следующий день мне позвонили из почвоведческой лаборатории сельскохозяйственного колледжа.

— Что это за дрянь вы нам прислали? — спросил незнакомый голос.

— Образцы почвы,— ответил я слегка обескураженно.— А чем они вам не нравятся?

— С образцом номер один — полный порядок. Это обычная для округа Бартон почва. А вот образец номер два — песок, причем не простой, а в смеси с блестками золота, серебра и меди. Все частицы, разумеется, очень мелкие. Но если у какого-то фермера в вашем округе такого песка целая шахта, то он может считать себя миллионером.

— Ну, у него этого песка самое большее пять вагонеток.

— А где он его взял?

Глубоко вздохнув, я рассказал все, что мне было известно о происшествии на сороковом участке Пита.

Ученый-почвовед сказал, что они сейчас приедут к нам, но, прежде чем он повесил трубку, я спросил его насчет третьего образца с участка банкира Стивенса.

— Что он выращивал на этой земле? — спросили меня на другом конце провода озадаченно.— Насколько мы понимаем, она абсолютно истощена. Скажите ему, пусть прежде чем что-нибудь сеять на ней, внесет как можно больше органических удобрений и все необходимое, чтобы земля вновь стала плодородной.

Почвовед приехал на участок Пита вместе с тремя другими учеными из колледжа. Чуть позже, на неделе, после того как газеты под крупными заголовками протрубили на всю страну об этом инциденте, прикатила парочка господ из Вашингтона. Однако они, как видно, ничего не могли понять из случившегося, так что в конце концов отчалили обратно. Газеты еще немного пожевали эту тему, но вскоре бросили ее.

За это время масса любопытных посетили ферму Пита, чтобы собственными глазами посмотреть на яму и песок. Они растащили больше половины кучи и довели Пита до бешенства.

— Я решил засыпать эту яму — и дело с концом,— заявил он мне, что и сделал немедленно.

Тем временем в моем доме положение все более улучшалось. Растеньице, кажется, поняло мое предупреждение не выходить со двора, вело себя как и подобает растению днем и оставило детей в покое: пусть играют себе на здоровье на моем дворе, если это им так нравится. Но самым прекрасным было то, что пес, совершавший набеги на бак с мусором, больше ни разу не показался.

Много раз, пока продолжался ажиотаж вокруг ямы у Пита, мне страсть как хотелось рассказать кому-нибудь из ученых о моем госте, но каждый раз я откладывал, потому что мы с ним мало продвинулись по части преодоления языкового барьера. Правда, в других отношениях мы ладили отлично.

Я предоставил как-то раз пришельцу возможность посмотреть, как разбирается, а затем вновь собирается электромотор, но был не слишком уверен, что он понял что-либо. Я пытался объяснить ему, что такое механическая сила, и показал, как мотор эту силу производит; попробовал рассказать немного об электричестве, электронах и протонах, однако быстро запутался, так как сам очень мало что смыслил во всем этом. Сказать по совести, я не думаю, чтобы растеньице поняло хоть что-либо по части электрических двигателей.

Зато с автомобильным мотором мы добились успеха. Затратив целое воскресенье, мы его разобрали на части, а затем снова собрали. Следя за моими действиями, растеньице, кажется, заинтересовалось мотором всерьез.

День был жарким, а дверь в гараже нам пришлось держать на запоре, и я грешным делом предпочел бы потратить воскресенье на рыбалку, а не на разборку грязного, в мазуте, двигателя. Десятки раз я задавал себе вопрос: «Стоит ли вообще заниматься этим делом и нет ли каких-то более легких методов ознакомления моего гостя с фактами нашей земной жизни?»

Я так устал за воскресенье, что в понедельник утром не расслышал будильника и проснулся на час позже, чем нужно. Быстро натянув на себя рубашку и штаны, я кинулся к гаражу — дверь оказалась открытой, а внутри находилось растеньице. Оно разбросало по всему полу части двигателя и продолжало, радо-радехонько, трудиться над моей автомашиной. Я чуть было не набросился на него с топором, но вовремя сдержался. Заперев дверь гаража, я пошел на работу пешком.

Весь день меня мучил вопрос, каким образом пришелец попал в гараж. Может, он проник туда вечером заранее, когда я отвлекся, или же он умеет открывать замки отмычкой. Я также спрашивал себя, в каком состоянии окажется машина к моему приходу, и уже ясно представлял, как работаю в гараже допоздна, собирая ее.

Я ушел с работы на час пораньше, решив, что если уж мне нужно возиться с машиной, то лучше начать поскорей.

Придя домой, я увидел, что мотор собран, а пришелец стоит в огороде, изображая собой сорняк. Значит, он умеет открывать замки — ведь я, уходя на работу, гараж запер.

Держа пари с самим собой, что мотор не заведется, я включил зажигание. Однако двигатель заработал вполне нормально. Я проехал по улице, чтобы проверить машину,— она оказалась в полном порядке.

Для следующего занятия я постарался найти что-нибудь попроще. Я достал столярный инструмент, показал его моему гостю и дал возможность посмотреть, как я буду делать птичью клетку. Не то чтоб мне очень нужна была такая клетка — в доме их имелось достаточно,— но я предполагал, что так мне будет легче и проще показать, как мы работаем по дереву.

Растение внимательно следило за мной, но, мне показалось, было чем-то недовольно. Положив руку на ветку, я спросил, в чем дело, но в ответ получил угрюмое молчание.

Я был озадачен. Почему растеньице проявило самый живой интерес при разборке мотора, а тут, когда я стал делать птичью клетку, опечалилось? Я не мог догадаться до тех пор, пока несколько дней спустя мой гость не застал меня за срезанием цветов для моей вазы в столовой.

И тогда он ударил меня.

Растение есть растение, а цветы тоже являются растениями. Да и доски тоже когда-то были растениями. Я стоял в саду с подрагивающим в руке букетом, а пришелец смотрел на меня, и я подумал о всех тех потрясениях, которые его ожидают, когда он получше узнает нас: как мы вырубаем леса, выращиваем растения на корм и одежду, выжимаем из них соки и извлекаем лекарства. Как я понял, растеньице во всем напоминало человека, который попал на другую планету и увидел там, как некоторая форма жизни выращивает людей себе на корм.

Растеньице, казалось, не разозлилось и не убежало от меня в ужасе. Оно просто опечалилось, а когда оно печалилось, то становилось самым печальным существом, какое вы только можете себе представить. По сравнению с ним пропойца с похмелья выглядит наверняка веселей.

Если мы когда-нибудь доживем до такого момента, когда действительно сможем разговаривать друг с другом (я имею в виду беседы о таких вещах, как мораль, этика, философия), я тогда узнаю, какие чувства испытывает мой гость к нашей по-

требляющей растения цивилизации. Он наверняка пытался рассказать мне об этом, но я не сумел понять многое из того, на что он намекал.

Как-то раз вечером мы сидели на ступеньках крыльца и глядели на звезды. Еще раньше пришелец показал мне свою родную планету, а может быть, одну из планет, которую он посетил,— не знаю. Все, что я уловил тогда, состояло из каких-то смутных образов. Одно место казалось горячим и красным, другое — холодным и голубым. Было еще одно, третье. Окрашенное во все цвета радуги, оно вызывало в душе спокойное, чуть радостное чувство, словно там веял нежный, прохладный ветерок, журчали фонтаны и в легком сумраке пели птицы.

Мы уже долго сидели на крыльце, когда вдруг мой гость положил свою ветку на мое плечо и мысленно показал какое-то растеньице. Должно быть, ему приходилось делать значительные усилия, чтобы дать мне его визуальное изображение, ибо картина была четкой и ясной. Растеньице было тощим и поникшим и выглядело, если такое возможно, еще более печальным и грустным, чем мое, когда оно впадало в печаль. Я проникся жалостью, и тогда мой гость начал думать о доброте, а когда он думает о таких вещах, как доброта и печаль, благодарность и счастье, то прямо изливается ими.

Пришелец вызвал во мне столько возвышенных, благородных мыслей, что я боялся, что меня разорвет на части.

И пока я сидел на крыльце, размышляя об этом, то мысленно увидел, как бедное растеньице начало понемногу оживать и расти, а потом расцвело и превратилось в самый красивый цветок, который мне только доводилось когда-либо видеть. Семена созрели, и растеньице рассыпало их. Мгновенно из семян проросли совсем маленькие растеньица, тоже полные жизни.

Несколько дней я ходил сам не свой под впечатлением виденного, спрашивая себя, уж не схожу ли с ума. Я пробовал избавиться от этого наваждения, но не мог — картина навела меня на одну идею, и единственный способ, каким я мог избавиться от нее,— это проверить ее правильность на практике.

Возле сарая с инструментом росла желтая роза — самая печальная и жалкая из всех роз в городе. Зачем она год за годом цеплялась за жизнь, я не мог понять. Она росла там, когда я еще был мальчишкой. Единственная причина, почему ее давным-давно не выбросили, заключалась в том, что никому не нужен был тот клочок земли, на котором она росла.

Я решил, что если какое-то растение нуждается в моральной помощи, так это желтая роза.

Итак, я тайком, чтобы пришелец меня не заметил, пробрался к сараю и встал перед розой. Я начал думать о ней добрые мысли, хотя одному богу известно, как трудно думать доброжелательно о таком жалком кустике. Я чувствовал себя дураком и надеялся, что никто из моих соседей не увидит моих упражнений, но продолжал свое. Кажется, на первый раз я достиг немногого, но раз за разом возвращался к розе. Примерно через неделю я дошел до того, что в самом деле полюбил этот цветок.

А еще через четыре дня заметил на ней некоторые перемены. К концу второй недели роза из тощего жалкого кустика превратилась в цветок, который любой любитель роз был бы горд иметь в своем саду. Роза сбросила все изъеденные червями листья и выпустила новые, которые казались такими блестящими, словно их навощили. Затем появились крупные цветочные почки, и вскоре куст весь засиял в желтом ореоле.

Однако я не совсем поверил первому опыту. Где-то в глубине души я подозревал, что пришелец видел мои упражнения и слегка помог мне, и я решил проверить свою теорию еще раз там, где мой гость не мог помешать.

В нашей конторе Милли вот уже два года старалась вырастить африканскую фиалку и к описываемому мною моменту уже готова была признать свое поражение. Я часто отпускал шутки насчет этой фиалки, так что иногда моя секретарша даже дулась на меня. Подобно желтой розе, это было несчастнейшее из растений. Его поедали насекомые. Милли часто забывала его полить, цветок не раз роняли на пол, а посетители использовали горшок в качестве пепельницы.

Я, естественно, не мог дать фиалке такой интенсивный курс лечения, как розе, но взял за правило ежедневно оставаться на несколько минут возле окна и думать о ней по-доброму. Через пару недель фиалка стала выпрямляться и крепнуть, а к концу месяца расцвела впервые за свою жизнь.

Тем временем курс обучения пришельца продолжался.

Вначале он отказывался входить в дом, но в конце концов достаточно поверил мне, чтобы войти в комнаты. Однако он не любил проводить много времени в закрытом помещении, так как дом был чересчур переполнен напоминанием о том, что

наша цивилизация — цивилизация, потребляющая растения. Мебель, одежда, крупы, бумага, даже сам дом — все было сделано из растений. Я достал старую кадку, наполнил ее землей и поставил в углу столовой, но я не помню, чтобы он хоть раз воспользовался ею.

Хотя тогда я и мысли не допускал об этом, но понимал, что все, что мы с пришельцем делаем,— все обречено на провал. Сумел бы кто-то сделать лучше или нет — не знаю. Думаю, что сумел бы. Но лично я не знал, с кем и как начать разговор об этом, так как боялся, что меня высмеют. Ужасно, как мы, люди, боимся показаться смешными.

Кроме того, надо было считаться и с гостем. Что бы он подумал, если бы я вдруг отдал его кому-то? Я не раз подбивал себя на то, чтобы предпринять какие-то конкретные шаги, но тут из сада выходило растеньице, усаживалось рядом со мной на ступеньки, и мы начинали беседу — ни о чем, по сути, конкретном, а о счастье и горе, о братстве и воле, и моя решимость постепенно улетучивалась.

С тех пор я часто думаю, насколько мы с ним, наверное, походим на двух затерявшихся детей — незнакомых, выросших в разных странах,— которым очень хотелось бы поиграть вместе, но ни один не понимал ни правил игры другого, ни языка.

Знаю, знаю! Вы скажете, что надо было начинать с математики. Вы показываете инопланетянину, что дважды два — четыре. Затем рисуете Солнечную систему и показываете на чертеже Солнце, а затем тычете пальцем на светило в небе и на пол. Таким образом даете ему знать, что вам известно о Солнечной системе, о космосе, о звездах и так далее. Затем вы вручаете ему карандаш и бумагу, чтобы он нарисовал звездную карту родного неба, свою солнечную систему и ту планету, откуда он прилетел.

Но что, если он не знает математики? Что, если выражение «два плюс два равно четырем» для него ничего ровным счетом не означает? Что, если он не умеет чертить или видеть, слышать, чувствовать и думать так, как это делаем мы?

Чтобы иметь дело с пришельцами из другого мира, надо иметь какую-то первооснову.

Но может быть, математика не есть такая первооснова?

Чертежи также?

В этом случае надо искать что-то другое.

Ведь должны же быть какие-то определенные, всеобщие, универсальные первоосновы.

Думаю, что я знаю, каковы они.

Если уж ничему другому, то этому растеньице научило меня.

Счастье — вот первооснова. И горе — первооснова. И благодарность, возможно, в чуть меньшей степени. И доброта. И вероятно, ненависть — хотя мы с моим гостем никогда не имели с ней дела.

Быть может, братство.

Но доброта, счастье и братство — инструменты, не очень удобные в обращении, когда хотят добиться понимания по какому-то конкретному вопросу, хотя в мире растений это может быть не так.

Приближалась осень, и я начал подумывать, как устроиться с моим гостем на зиму. Разумеется, я мог бы его держать в доме, но он не любил бывать в закрытом помещении.

Как-то вечером мы сидели вдвоем на ступеньках заднего крыльца, слушая первых сверчков за сезон.

Корабль спустился бесшумно. Я заметил его только тогда, когда он оказался на уровне деревьев. Он опустился вниз и приземлился как раз между моим домом и сараем.

Я слегка вздрогнул, но не испугался и, кажется, не очень удивился. Где-то в глубине души я все время интересовался: неужели товарищи и собратья растеньица так и не разыщут его в конце концов?

Корабль весь светился мерцающим светом. Из него вышли три растеньица, но странная вещь — ни дверей, ни люков не было, и растеньица как бы вышли из него сквозь стены, и они снова закрылись за ними.

Мое растеньице взяло меня за руку и потянуло слегка за собой, показывая, что хочет войти вместе со мной на корабль. Чтобы успокоить меня, оно начало изливать на меня мирные успокаивающие мысли. И все время, пока это продолжалось, я слушал разговор между моим растеньицем и тремя вновь прибывшими, но улавливал только какие-то неясные обрывки их беседы, едва ли осознавая, что ведется разговор, и, уж конечно, не понимая, о чем они говорят.

Потом мое растеньице встало рядом со мной, а трое сошедших с корабля подошли поближе. Они по очереди брали меня

за руку и некоторое время смотрели на меня, благодаря за помощь и желая счастья.

То же самое сказало мое растеньице, а затем они вчетвером направились к кораблю и скрылись в нем.

Я стоял и смотрел, как корабль медленно уходит в ночь, до тех пор пока он не исчез из виду. И чувства благодарности и счастья постепенно меркли во мне, уступая чувству одиночества и печали. Я понял, что где-то там, наверху, есть большой корабль-матка, что в нем много других растеньиц, одно из которых жило со мной почти полгода, тогда как другие шесть его товарищей умерли под забором по соседству.

Я понял также, что это корабль-матка вычерпала плодородную землю с участка Пита Скиннера.

Наконец я перестал смотреть на небо. За сараем я увидел красоту желтой розы в цвету и опять подумал о первоосновах общения живых существ.

Я хотел знать, уж не используются ли счастье и доброта, а быть может, даже такие чувства, о которых мы, люди, еще не знаем, в мире растений так, как мы используем науки?

Ведь расцвел же розовый куст, когда я стал думать по-доброму о нем. А африканская фиалка? Разве она не обрела новую жизнь в человеческой доброте?

Вам это может показаться удивительной несуразицей, но такой феномен не так уж нов или неизвестен. Есть люди, которые умеют получить с грядки или сада все, что захотят. О таких говорят, что у них дома живет зеленый помощник — мальчик с пальчик.

И может быть, наличие зеленого помощника, мальчика с пальчик, зависит не столько от умения или трудов, вкладываемых в растения, сколько от доброты и интереса, проявляемых к ним человеком?

В течение многих веков растительная жизнь на нашей планете воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Все было легко и просто. В целом растениям уделялось мало любви. Их сажали или сеяли. Они росли. В должное время с них снимали урожай.

Иногда я спра́шивал себя:

«А что, когда голод сожмет нашу перенаселенную планету в своих тисках, разве тогда не появится крайняя нужда в раскрытии секрета садоводческого искусства, тайны зеленого мальчика с пальчик?

Если доброта и любовь могут побудить растения производить в несколько раз больше обычной нормы, то неужели мы не возьмем доброту в качестве орудия, с помощью которого можно спасти Землю от голода?

Во сколько раз больше можно получить зерна, если фермер полюбит, скажем, выращиваемую пшеницу?»

Конечно, такой простой принцип вряд ли получит одобрение.

Во всяком случае, он не сработает, не сработает в потребляющем растения обществе.

Ибо как можно сохранить у растения убеждение, что вы его любите и испытываете к нему добрые чувства, когда из года в год доказываете, что ваш единственный интерес к нему сводится к тому, чтобы или съесть его, или сделать из него одежду, срубить на дрова.

Я прошел за сарай и встал возле желтой розы, стараясь найти ответ. Роза разволновалась подобно красивой женщине, которая знает, что ею восхищаются, однако никаких чувств от нее не исходило.

Благодарность и счастье исчезли, растворились. И ничего не осталось, кроме чувства тоски и одиночества.

Вот собачьи дети эти растительные пришельцы — растравили человека так, что он теперь не может спокойно съесть кашу на завтрак!

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА

Ничего в доме нельзя человеку держать. Вечно все теряется, вечно все пропадает, а ты ищешь, перерываешь все вверх дном, на всех орешь, всех расспрашиваешь, подозреваешь.

И так в каждой семье.

Но запомните одно: не старайтесь выяснять, куда пропадают вещи, кто бы это мог взять их. И думать не думайте заниматься расследованием. Себе дороже станет!

Вот послушайте, какой случай был со мной.

Шел я с работы и купил по дороге лист почтовых марок — хотел разослать чеки, оплатить месячные счета. Но только я сел заполнять чеки, как ввалились супруги Мардж и Льюис Шоу. Льюиса я недолюбливаю, да и он меня едва выносит. Но Мардж с Элен добрые подруги; они заболтались, и чета Шоу проторчала у нас весь вечер.

Льюис рассказывал мне, чем он занимается в своей исследовательской лаборатории. Я пытался заговорить о другом, но он все долбил одно и то же. Думает, наверно, что раз сам увлекается, то и другие должны интересоваться его работой. А я в электронике ничего не смыслю, микромодуль от микроскопа не отличу.

Унылый был вечер, и что хуже всего, мне и заикнуться об этом было нельзя. Элен тотчас бы на меня набросилась, стала бы говорить, что я бирюк.

И вот на следующий день я пошел после обеда в свой кабинет заполнять чеки и, разумеется, обнаружил, что марки пропали.

Я оставил марки на письменном столе, но теперь на столе не было ничего, кроме кубика: хотя юный Билл не интересовался

© Перевод Д. Жукова.

кубиками уже несколько лет, они время от времени все еще оказывались в самых неподходящих местах.

Я окинул взглядом комнату, потом подумал, что марки, вероятно, сдуло со стола, и, став на четвереньки, обшарил весь пол. Марок нигде не было.

Я пошел в гостиную, где, уютно устроившись в кресле, Элен смотрела телевизор.

— Не видела я их, Джо,— сказала она.— Посмотри у себя на столе.

Именно такого ответа я и ожидал.

— Может, Билл знает,— предположил я.

— Его сегодня почти целый день дома не было. Когда появится, спросишь.

— А где он болтается?

— Занят коммерцией. Меняет тот новый пояс, который мы ему купили, на пару шпор.

— Не вижу в этом ничего дурного. Когда я был мальчишкой...

— Дело не только в поясе,— сказала Элен.— Он меняет все подряд. И хуже всего то, что он никогда не остается в проигрыше.

— Смышленый парнишка.

— Если ты будешь так относиться к этому, Джо...

— Мое отношение тут ни при чем,— сказал я.— Такие отношения существуют во всем деловом мире. Когда Билл вырастет...

— Вырастет и... попадет в тюрьму. Если бы ты видел его за этим занятием, ты бы тоже сказал, что ему прямая дорога в арестанты.

— Ладно, поговорю с ним.

Я вернулся в кабинет, потому что атмосфера в гостиной была не такой дружественной, как хотелось бы, и потом, мне надо было послать чеки независимо от того, нашел я марки или не нашел.

Я вынул из ящика пачку счетов, чековую книжку и авторучку. Потом протянул руку, чтобы переложить кубик и освободить место для работы. Но как только он оказался у меня в руке, я понял, что это не детский кубик.

Вес и размеры у этого предмета были, как у кубика, и на ощупь он напоминал пластик, разве что такого гладкого пластика я никогда не встречал. Он был сухой и в то же время как маслом смазанный.

Я положил его на стол и придвинул поближе лампу. Но ничего особенного не увидел. Кубик как кубик.

Вертя его в руке, я старался определить, что это такое. И вдруг увидел на одной из его сторон небольшое продолговатое углубление — совсем маленькое, почти царапину.

Я присмотрелся и увидел, что углубление выточено и на дне его бледная красная полоска. Могу поклясться, что эта полоска мерцала. Я поднес предмет поближе к глазам, но мерцание прекратилось. То ли краска вдруг обесцветилась, то ли мне все померещилось, но уже через несколько секунд я не был уверен, что там была какая-то полоска.

Я подумал, что эту штуку где-то нашел или выменял Билл. Мальчик как галка — все в дом тащит, но в этом нет ничего дурного, как нет ничего дурного в его коллекции, что бы там ни говорила Элен. Это прекрасные деловые задатки.

Я отложил кубик в сторону и занялся чеками. На следующий день во время перерыва на ленч я снова купил марки. Но целый день я то и дело начинал размышлять над тем, куда могли деться вчерашние.

Я совсем не думал о скользком на ощупь кубике. Возможно, я бы вовсе забыл о нем, если б, вернувшись домой, не обнаружил, что у меня пропала ручка.

Я пошел в кабинет за ручкой и увидел ее на столе, на том самом месте, где оставил вчера вечером. Я не помнил, оставлял я ручку на столе или нет, но, увидев ее, тотчас вспомнил, что забыл положить ее обратно в ящик.

Я взял ручку. И оказалось, что это вовсе не ручка. На вид предмет был похож на пробковый цилиндрик, но для пробки он был слишком тяжелый. Мне вдруг показалось, что это складная удочка, только поменьше и потяжелее.

Представив себе, что это складная удочка, я сделал движение, будто забрасываю ее, и вдруг и в самом деле неизвестный предмет оказался складной удочкой. Она, видимо, была сложена, а затем выдвинулась как настоящая удочка. Но странное дело, видны были только первые фута четыре, а все остальное растаяло в воздухе.

Я инстинктивно дернул удочку вверх и на себя, чтобы высвободить конец, попавший бог знает куда. Удочка было подалась, а потом я вдруг почувствовал, что на конце ее повис какой-то груз. Точно я подсек рыбу, но только рыба эта не билась.

Затем так же быстро это ощущение исчезло. Груз как бы мгновенно сорвался с удочки, она сложилась, и в руке у меня снова был предмет, похожий на авторучку.

Я осторожно положил его на стол, твердо решив не делать больше никаких взмахов, и только тут заметил, что рука у меня дрожит.

Я сел, тараща глаза на предмет, похожий на пропавшую ручку, и на другой предмет, похожий на детский кубик.

И вот тут-то уголком глаза я увидел посередине стола маленькое белое пятнышко.

Оно было на том самом месте, где сначала лежала мнимая ручка, да и кубик вчера вечером я нашел, пожалуй, именно там. Оно было цвета слоновой кости и имело в диаметре примерно четверть дюйма.

Я ожесточенно потер его большим пальцем, но пятно не стиралось. Я закрыл глаза, чтобы дать возможность пятну исчезнуть, и, тотчас открыв их, с удивлением убедился, что пятно на месте.

Я склонился над столом и стал рассматривать его. У меня было такое впечатление, будто в дерево тщательно вделали пластинку слоновой кости. Я не мог обнаружить никакого зазора между деревом и пятном.

Прежде его там не было; в этом я был совершенно уверен. Если бы оно было, я непременно заметил бы. Более того, его заметила бы Элен, потому что она чистюля, нигде у нее и пылинки нет. Да и где это слыхано, чтобы продавали столы, инкрустированные одной-единственной пластинкой слоновой кости?

Нигде не купишь и вещи, которая похожа на ручку, но превращается в складную удочку, причем тонкий конец ее исчезает и подцепляет что-то невидимое,— ручку, которая в следующий раз, возможно, не потеряет то, что подцепила, а выволочет на свет божий.

Из гостиной послышался голос Элен:

— Джо!

— Да! Что тебе?

— Ты поговорил с Биллом?

— С Биллом? О чем?

— О его коммерции.

— Нет. Забыл как-то.

— Смотри поговори. Он опять взялся за свое. Выторговал у Джимми новый велосипед. Всучил ему всякий хлам. Я заставила его вернуть велосипед.

— Я поговорю с ним,— снова пообещал я.

Но, как помню, тогда мне было не до этики поведения моего сына.

Ничего в доме нельзя держать. Вечно теряешь то одно, то другое. Точно знаешь, куда положил вещь, уверен, что она на месте, а хватишься — ее уже нет.

И всюду так — вещи теряются, и потом их вовек не сыщешь.

Но другие вещи на их месте не появляются... по крайней мере я сроду о таком не слыхал.

Впрочем, бывали, наверно, случаи, когда человек находил другие вещи, брал их, рассматривал, удивлялся, что это такое, а потом зашвыривал куда-нибудь в угол и забывал.

Может быть, склады утиля в самых разных уголках мира забиты всякими неземными кубиками и сумасшедшими удочками.

Я встал и пошел в гостиную, где Элен настраивала телевизор.

Наверно, она заметила, что я расстроен, и потому спросила:

— Что еще случилось?

— Не могу найти ручку.

Она рассмеялась:

— Прости, Джо, но ты невыносим. Вечно все теряешь.

Ночью, когда Элен уже заснула, я лежал и все думал о пятне на столе. Пятно, казалось, говорило: «Коли ты коммерсант, клади прямо сюда, что у тебя есть, и мы произведем обмен».

И тут мне в голову пришла мысль: а что будет, если кто-нибудь сдвинет стол?

Долго я лежал, стараясь успокоиться, уговорить себя, что все это чепуха и бред.

Но отделаться от этой мысли я уже не мог.

Наконец я встал и потихоньку, словно вор, а не хозяин дома, выскользнув из спальни, пошел в кабинет.

Закрыв дверь, я включил настольную лампу и поскорее бросился смотреть, не исчезло ли пятно.

Оно было на месте.

Выдвинув ящик стола, я поискал там карандаш, но вместо карандаша под руку мне попался один из цветных мелков Билла. Я стал на колени и тщательно очертил на полу ножки стола,

чтобы потом поставить его точно на место, если кто-нибудь его сдвинет.

Затем я как бы машинально положил мелок точно на пятно.

Утром, перед уходом на работу, я заглянул в кабинет: мелок все еще лежал на месте. У меня немного отлегло от сердца, мне удалось убедить себя, что все это игра воображения.

Но вечером, после обеда, я снова пошел в кабинет и обнаружил, что мелок пропал.

На его месте лежало какое-то треугольное устройство с чем-то вроде линз на каждом углу, а посередине треугольника к каркасу из какого-то металла крепилась штука, явно напоминавшая присоску.

Я еще рассматривал ее, когда в кабинет вошла Элен.

— Мы с Мардж идем в кино,— сказала она.— Почему бы тебе не пойти и не выпить с Льюисом пива?

— С этим чванливым болваном?

— Что ты имеешь против Льюиса?

— Ничего, наверно.

Мне было не до супружеских ссор.

— Что это у тебя? — спросила Элен.

— Не знаю. Вот нашел.

— Ты прямо как Билл, всякую дрянь стал в дом тащить. Любому из вас только волю дай, весь дом замусорите.

Я смотрел на треугольник, и, сколько ни думал о нем, в голову приходило одно: это, наверно, очки. Удерживаются они на лице, по-видимому, при помощи той присоски, что посередине,— странный способ носить очки, но если подумать, такое предположение не лишено основания. Но в таком случае это значит, что у владельца очков три глаза, расположенных на лице треугольником.

Элен ушла, а я все сидел и думал. И думал я о том, что, хоть я и недолюбливаю Льюиса, без его помощи мне не обойтись.

И вот, положив мнимую ручку и треугольные очки в ящик стола, а фальшивый кубик в карман, я отправился в дом напротив.

У Льюиса на кухонном столе была расстелена кипа синек, и он тотчас принялся мне что-то объяснять. Я изо всех сил делал вид, что разбираюсь в чертежах. На самом деле я не смыслил в них ни уха ни рыла.

Наконец мне удалось ввернуть словечко; я вытащил из кармана кубик, положил его на стол и спросил:

— Что это?

Я думал, он тут же скажет, что это детский кубик. Но он этого не сказал. Видимо, что-то подсказало ему, что это не простой кубик. Вот что значит техническое образование.

Льюис взял кубик и повертел его в руке.

— Из чего это сделано? — взволнованно спросил он.

Я пожал плечами:

— Я не знаю, что это, из чего это,— ничего не знаю. Вот нашел просто.

— Ничего подобного я сроду не видел.— Он заметил углубление на одной из сторон кубика, и я понял, что он клюнул.— Позвольте мне взять это с собой в лабораторию. Постараемся разобраться.

Я, разумеется, знал, что ему надо. Если кубик — какое-нибудь техническое новшество, он хотел воспользоваться случаем... но это меня нисколько не беспокоило. У меня было предчувствие, что слишком больших открытий он не сделает.

Мы выпили еще по нескольку стаканов пива, и я пошел домой. Там я разыскал пару старых очков и положил их на стол как раз на пятно.

Я слушал последние известия, когда вошла Элен. Она обрадовалась тому, что я провел вечер с Льюисом, и сказала, что мне следовало бы сойтись с ним поближе, а уж там он, может быть, мне понравится. Она сказала, что раз они с Мардж такие близкие подруги, то просто стыдно, что мы с Льюисом не дружим.

— Может, подружимся,— сказал я и на этом прекратил разговор.

На следующий день Льюис пришел ко мне на работу.

— Где вы взяли эту штуку? — спросил он.

— Нашел,— сказал я.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление, что это?

— Никакого,— весело сказал я.— Потому-то я и дал ее вам.

— Ее приводит в действие какая-то энергия, и она предназначена для измерения. Выемка на одной из сторон служит для считывания показаний. Индикатором, видимо, является интенсивность цвета. Во всяком случае, цветная полоска в выемке все время меняется. Не сильно, но все же это можно заметить.

— Теперь надо выяснить, что она измеряет.

— Джо, вы не знаете, где нам достать еще одну такую штуку?

— Не знаю.

— Видите ли, в чем дело,— сказал он.— Нам хотелось бы покопаться в ней, чтобы понять, как она действует, но вскрыть ее мы никак не можем. Наверно, ее можно взломать, но мы боимся. Вдруг испортим? Или она взорвется? Если бы у нас была еще одна...

— Простите, Льюис, но я не знаю, где взять другую.

На этом разговор и кончился.

В тот вечер я шел домой, думая о Льюисе и улыбаясь про себя. Малый завяз в этом деле по самые уши. Он теперь спать не будет спокойно, пока не узнает, что это за штука. И наверно, на недельку оставит меня в покое.

Я прошел в кабинет. Очки все еще лежали на столе. Я постоял немного, раздумывая, в чем же тут дело. Потом заметил, что стекла имеют розовый оттенок.

Взяв очки, я обнаружил, что стекла заменены на другие — того же сорта, что и в треугольных очках, которые я нашел вчера вечером.

Тут в кабинет вошла Элен, и не успела она еще рта открыть, как я догадался, что она ждала меня.

— Джо Адамс, что все это значит? — громко спросила она.

— Ничего,— ответил я.

— Мардж говорит, что ты совсем расстроил Льюиса.

— Не много же надо, чтобы его расстроить.

— Что-то происходит,— не отставала Элен,— я и хочу знать, что именно.

Я знал, что мне не уйти от ответа.

— Я занимаюсь коммерцией.

— Меняешься! И это после того, что я тебе рассказала о Билле!

— Но это совсем другое дело.

— Коммерция есть коммерция.

Билл вошел в парадное, но, видимо, услышав, как мать сказала «коммерция», выскочил обратно. Я крикнул ему, чтобы он вернулся.

— Садитесь оба и слушайте, что я вам скажу,— приказал я.— Задавать вопросы, высказывать предположения и устраивать мне головомойку будете, когда я закончу.

Мы все трое сели, и заседание семейного совета началось.

Убедить Элен мне удалось не сразу: пришлось показать пятно на столе, треугольные очки и собственные очки, которые были присланы мне обратно, после того как в них вставили розовые стекла. В конце концов она была готова признать, что кое-что действительно происходит. Но это не помешало ей дать мне нагоняй за то, что я обвел на полу ножки стола.

Ни ей, ни Биллу ручки-удочки я не показал, потому что боялся. Помашут ею, а потом кто знает, что случится...

Билл, разумеется, весь загорелся. Коммерция — это по его части.

Я предупредил, чтобы они не говорили никому ни слова. Билл не сказал бы, потому что его хлебом не корми, а дай поиграть во всякие секреты, шифры и прочее. Но Элен чуть свет побежала бы к Мардж и выложила ей все по секрету — здесь уж что ни делай, что ни говори, ничего не поможет.

Билл тотчас захотел надеть очки с розовыми стеклами, чтобы посмотреть, отличаются ли они от обычных. Но я ему не позволил. Я и сам хотел надеть эти очки, но, по правде сказать, боялся.

Когда Элен пошла на кухню хлопотать насчет обеда, мы с Биллом занялись стратегией. Для своих десяти лет Билл — человек очень здравомыслящий. Мы порешили, что для ведения своих коммерческих дел нам следует разработать какую-нибудь систему, ибо, как указал Билл, заглазный обмен — предприятие рискованное. Надо как-то сообщить тому малому, что он может получить за свои вещи.

Но для того чтобы прийти к взаимопониманию при торговле с кем бы то ни было, надлежало наладить какую-нибудь систему общения. А как общаться с тем, о ком вы ничего не знаете, кроме того что у него, возможно, три глаза?

И тут Билл подал великолепную идею. Он сказал, что нам нужно сделать одно — послать каталог. Если собираешься с кем-нибудь торговать, то, само собой понятно, в первую очередь необходимо сообщить, что ты можешь предложить.

Учитывая особые обстоятельства, нужен был каталог иллюстрированный. Впрочем, даже он мог оказаться бесполезным, так как не было никакой уверенности, что Коммерсант, скрывающийся где-то по ту сторону моего письменного стола, поймет, что означает та или иная картинка. Может быть, он вообще понятия не имеет о картинках. Может, он и видит по-другому...

не в физическом смысле, хотя и это возможно, а придерживаясь другой точки зрения, руководствуясь чуждым нам мировоззрением.

Но поскольку иного пути не было, мы засели за разработку каталога. Билл считал, что нам надо нарисовать его, но ни он, ни я художественными способностями не отличались. Я предложил вырезать иллюстрации из журналов. Но эта мыслишка тоже была не фонтан, потому что на рекламных картинках товары обычно изображаются приукрашенными, художники заботятся только о том, чтобы привлечь внимание.

И снова Билл подал великолепную идею:

— Ты знаешь тот детский словарь, который мне подарила тетя Этель? Почему бы не послать его? В нем много картинок и почти ничего не написано. И это очень важно. Может, они там читать и не любят.

Мы отправились в комнату Билла и в поисках словаря стали перерывать весь тот хлам, который у него накопился. Нам попался старый букварь, по которому Билл когда-то учился читать, и мы решили, что он еще лучше словаря. В букваре были хорошие, простые картинки, а текста почти никакого не было. Вы знаете, о какого рода книжке я говорю — там стоит буква А и нарисован арбуз, буква Б и барабан и так далее.

Мы отнесли букварь в кабинет и положили его на стол, прикрыв им пятно, а сами пошли обедать.

Наутро книга исчезла, и это было немного странно. До сих пор все исчезало только во второй половине дня.

Примерно после полудня мне позвонил Льюис.

— Я иду к вам, Джо. Есть у вас поблизости какой-нибудь бар, где бы мы могли потолковать с глазу на глаз?

Я сказал, что такой бар есть всего в квартале от меня и что мы встретимся там.

Быстренько справившись с делами, я вышел из конторы, рассчитывая прийти в бар пораньше и перехватить рюмочку еще до прихода Льюиса.

Не знаю, как Льюис успел, но он меня опередил и уже сидел в угловой кабине. По-видимому, он мчался так, что нарушил все правила уличного движения.

Он уже заказал две рюмки и сидел с заговорщическим видом. Он все еще не мог отдышаться от спешки.

— Мардж рассказала мне все,— молвил он.

— Я так и думал.

— На этом можно заработать кучу денег, Джо!

— И об этом я тоже подумал. Так что я хочу предложить вам десять процентов...

— Да нет же, вы послушайте,— запротестовал Льюис.— Одному вам такое дело не потянуть. Я и пальцем не пошевельну меньше чем за пятьдесят процентов.

— Я принимаю вас в дело,— сказал я,— потому что вы мой сосед. Я в этом техническом бизнесе ни черта не понимаю. У меня есть кое-что, в чем я не разбираюсь, и мне нужна помощь, чтобы выяснить, что это, но я в любое время могу обратиться к кому-нибудь другому...

Мы пришли к соглашению рюмки через три: он получал 35 процентов, я — 65.

— Теперь, когда все утряслось,— сказал я,— может, вы мне скажете, что вы там разузнали?

— Разузнал?

— О том кубике, что я вам дал. Вы бы не стали мчаться сюда, заказывать заранее выпивку и ждать, если бы что-нибудь не разузнали.

— Видите ли, в сущности...

— Погодите-ка минутку,— перебил я его.— Мы запишем это в контракте: в случае неспособности представить полный и подробный анализ...

— Что это еще за контракт?

— Мы заключим контракт, за нарушение которого любой из нас может судебным порядком обобрать другого до нитки.

Чертовски неприятно начинать с этого деловое предприятие, но с таким скользким типом, как Льюис, иначе было нельзя.

И тогда он мне сказал, что разузнал.

— Это прибор для измерения эмоций. Я знаю, что термин этот нескладный, но лучшего придумать не могу.

— А что он делает?

— Он говорит, счастливы вы или грустны и как сильно ненавидите кого-нибудь.

— М-да,— разочарованно замычал я.— А на кой мне такая штуковина? Мне не нужен прибор, который говорит, что я злюсь или радуюсь.

Льюис до того взбеленился, что даже стал красноречив:

— Разве вы не понимаете, какое значение приобретает этот инструмент для психиатров? Он будет говорить о пациентах та-

кое, что они сами никогда не отважились бы рассказать. Его можно использовать в психиатрических клиниках, им можно замерять реакцию людей при посещении зрелищ, в политике, при введении новых законов... где угодно.

— Хватит трепаться! Пускаем в продажу!

— Но все дело в том...

— В чем?

— В том, что производить эти приборы мы не сможем,— с отчаянием в голосе сказал он.— У нас нет нужного сырья, и мы не знаем, как их делать. Придется вам выменивать их.

— Я не могу. То есть могу, но не сразу. Сперва мне надо дать понять тем Коммерсантам, что я хочу получить от них, а затем узнать, что они хотят взамен.

— Какие-нибудь другие вещи у вас есть?

— Есть несколько.

— Отдайте-ка их лучше мне.

— Некоторые из них могут оказаться опасными. В общем, все это принадлежит мне. Я дам вам, что захочу и когда захочу...

Мы снова поспорили.

Прения кончились тем, что мы отправились к адвокату. Мы составили контракт, который был, наверно, одним из любопытнейших курьезов в истории юриспруденции.

Адвокат, несомненно, подумал — и до сих пор думает,— что мы оба сумасшедшие, но теперь это беспокоит меня меньше всего.

В контракте говорилось, что мне надлежит вручать Льюису для определения технической и товарной ценности по крайней мере девяносто процентов предметов, источник получения которых контролирую я один, и что в дальнейшем вышеуказанный источник остается на вечные времена исключительно под моим контролем. Остальные 10 процентов могут без всяких оговорок не передаваться для обследования, причем первая договаривающаяся сторона принимает единоличное решение в отношении определения тех предметов, которые войдут в вышеупомянутые 10 процентов.

Что же касается 90 процентов предметов, передаваемых второй договаривающейся стороне, то эта последняя обязана подвергать их тщательному анализу — представлять отчеты в письменном виде и давать такие дополнительные объяснения, которые понадобятся для полного понимания со стороны первой

договаривающейся стороны, в срок, не превышающий трех месяцев со дня получения предметов, по истечении какового предметы возвращаются в единоличное владение первой договаривающейся стороны. Вышеупомянутый срок изучения и определения может быть продлен на любое время лишь по заключении соответствующего соглашения между сторонами, изложенного в письменном виде.

В случае если вторая договаривающаяся сторона скроет от первой договаривающейся стороны какие-либо открытия, связанные с предметами, о которых идет речь в данном соглашении, то такое сокрытие является достаточным основанием для возбуждения дела о возмещении убытков. В случае если будет определено, что некоторые предметы можно пустить в производство, таковые могут производиться в соответствии с условиями пунктов A, B и C раздела II данного соглашения.

Условия продажи вышеупомянутых предметов должны быть оговорены и включены в качестве составной части данного соглашения. Любые доходы от вышеупомянутой продажи делятся следующим образом: 65 процентов — первой договаривающейся стороне (мне — это я на случай, если вы уже запутались, что немудрено) и 35 процентов — второй договаривающейся стороне (Льюису); издержки делятся соответственно.

Разумеется, там было еще много всяких подробностей, но суть дела уже ясна.

Глоток мы друг другу не перегрызли и из конторы адвоката отправились ко мне домой, где застали и Мардж. Льюис пошел со мной, чтобы взглянуть на пятно на письменном столе.

По-видимому, Коммерсант получил букварь и был в состоянии разобраться, для чего его послали, так как на столе лежала картинка, вырванная из книги. Правда, я сказал бы, что ее не вырвали, а скорее... выжгли из книги.

На картинке была буква «З» и рядом зебра.

Льюис с тревогой уставился на нее.

— Ну и задали нам задачу.

— Да-а,— согласился я.— Не знаю, сколько она стоит, но, видно, недешево.

— Подумайте сами — расходы на экспедицию, сафари, клетки, перевоз по морю и железной дороге, корм, сторожа. Как вы думаете, нельзя ли заинтересовать его чем-нибудь другим?

— Я не знаю как. Заказ дан.

В кабинет забрел Билл и поинтересовался, что происходит. Когда я с унылым видом сказал ему, в чем дело, он радостно воскликнул:

— О, если тебе хочется обменять плохой складной нож, ты его сбываешь тому, кто не знает, как выглядит хороший. В этом весь фокус коммерции, папа!

Льюис ничего не понял, а я сообразил сразу.

— Правильно! Он не знает, что зебра животное, он не знает даже, каких она размеров!

— Конечно,— уверенно сказал Билл.— Он видел ее только на картинке.

Было уже пять часов, но мы все трое бросились в магазины. Билл нашел дешевый браслет с брелоком-зеброй, которая была размером с рисунок в книге. Когда речь идет о всякой такой мелочи, мой сынишка точно знает, где что продают и что сколько стоит. Я подумал было сделать его на всякий пожарный случай младшим партнером и дать ему примерно десятипроцентную долю в прибылях (разумеется, из 35 процентов Льюиса), но я был уверен, что Льюис не согласится. Вместо этого я решил платить Биллу жалованье один доллар в неделю, но выплату вышеупомянутой суммы начать тотчас после того, как дело станет приносить прибыль.

Итак, с зеброй все было в порядке... при условии, что Коммерсант удовлетворится маленькой безделушкой. Я подумал, хорошо еще, что нам не пришлось добывать зефир, который тоже на «З».

С остальными буквами алфавита дело пошло легче, но я не мог не терзаться сомнениями все то время, пока пришлось ждать. Все каталоги, которые можно было послать, плохи, но хуже букваря ничего нет. Однако пока Коммерсант не познакомился со всем первым списком, другой посылать не стоило, так как я боялся, что он запутается.

Поэтому я послал ему яблоко, мяч, маленькую куклу вместо девочки, игрушечную кошку и игрушечную собаку и так далее, а потом по ночам все думал, что же Коммерсант будет делать со всем этим добром. Я представлял себе, как он пытается догадаться о назначении резиновой куклы или кошки.

Я отдал Льюису и те и другие очки, но попридержал ручку-удочку, так как все еще боялся ее. Льюис передал прибор для измерения эмоций одному психиатру, чтобы тот провел своего рода полевые испытания на больных.

Зная, что мы с Льюисом стали как бы компаньонами, Мардж и Элен были теперь неразлучны. Элен не уставала твердить, как она рада, что я наконец понял, какой надежный человек Льюис. Наверно, Мардж говорила то же самое Льюису.

Билла прямо распирало — так ему хотелось похвастаться. Но он был великим маленьким бизнесменом и держал рот на замке. Разумеется, о жалованье я ему сказал.

Льюис всецело стоял за то, чтобы мы сделали попытку расспросить Коммерсанта о приборе для измерения эмоций. Он заказал заводскому чертежнику рисунок прибора и хотел, чтобы я отослал его, показав тем самым, что мы интересуемся прибором.

Но я сказал ему, чтобы он не форсировал событий. Может, сделка с прибором для измерения эмоций и окажется выгодной, но до принятия окончательного решения нам не следует ожидать присылки образцов всех товаров, которые может предложить Коммерсант.

Убедившись, по-видимому, в том, что с ним сотрудничают, Коммерсант теперь торговал не в определенный час, а держал лавочку открытой круглые сутки. Посмотрев список товаров по букварю, он прислал обратно чистые страницы из книги с очень грубо сделанными рисунками — казалось, он рисовал их крошащимся углем. Льюис изготовил серию картинок, чтобы показать, как пользоваться карандашом, и, отослав их Коммерсанту вместе с пачкой бумаги и сотней отточенных карандашей, мы принялись ждать.

Мы ждали неделю и уже стали выходить из себя, когда вся пачка бумаги вернулась обратно: каждый листок был с обеих сторон покрыт самыми различными рисунками. Для того чтобы Коммерсанту не было скучно, мы послали каталог товаров, которые можно заказать по почте, а сами уселись разгадывать рисунки.

Назначение всех вещей без исключения было совершенно непонятно... даже Льюису. Он всматривался в рисунки, потом вскакивал, метался по комнате, рвал на себе волосы, дергал себя за уши. Затем снова принимался рассматривать рисунки.

Для меня это была комедия — и только.

Наконец мы порешили, что на время затею с каталогами надо оставить, и принялись класть на письменный стол все, что попадалось под руку,— ножницы, тарелки, перочинные ножи,

клей, сигары, скрепки, ластики, ложки. Я знаю, что мы действовали не по-научному, но у нас не было времени придерживаться какой-либо системы. Потом при случае мы выработали бы более разумную программу, а пока не хотели дать Коммерсанту времени опомниться.

И Коммерсант принялся бомбардировать нас вещами в ответ. Мы сидели часами и отправляли товар ему, а он нам, и у нас на полу образовалась куча самого невероятного хлама.

Мы установили кинокамеру и извели уйму пленки на то, чтобы заснять пятно на столе, где происходил обмен. Мы потратили массу времени, просматривая пленку, замедляя чередование кадров и совсем останавливая проектор, но это ничего нам не дало. Когда вещь исчезала или появлялась, то она просто исчезала или появлялась. В одном кадре она была, в другом кадре ее уже не было.

Льюис отложил всю другую работу, и вся его лаборатория только и делала, что занималась разгадкой приборов, которые мы получили. С большинством из них мы так и не справились. Наверно, они для чего-то служили, но этого нам узнать не удалось.

Был там такой флакон с духами, например. Это мы его так называли. Но мы догадывались, что духи в нем не самое главное, что так называемый флакон имеет совсем иное назначение.

Льюис и его ребята, которые изучали флакон в своей лаборатории и старались разобраться что к чему, нечаянно включили его. Они работали три дня, причем последние два — в масках, чтобы выключить его.

Когда запах стал невыносим и люди стали звонить в полицию, мы отнесли это устройство в поле и закопали. За несколько дней вся растительность в округе завяла. До самого конца лета ребята с агрономического факультета университета носились всюду как угорелые, стараясь выяснить причину.

Была там штука — часы, наверно, какие-нибудь,— впрочем, с таким же успехом она могла оказаться чем угодно. Если это часы, то у Коммерсанта такая система отсчета времени, что от нее впору с ума сойти.

Была там и еще одна вещица: укажешь на что-нибудь пальцем и нажмешь на определенное место (не на кнопку, не на какое-нибудь механическое устройство, а просто на определенную точку) — и тотчас в пейзаже появится большое пустое место. Перестанешь нажимать — пейзаж снова станет, как был. Мы засунули эту вещицу в дальний угол лабораторного сейфа и привесили к ней большую красную бирку с надписью: «Опасно! Не трогать!»

Но с большинством предметов мы просто вытягивали пустой номер. А предметы все поступали и поступали. Я забил ими гараж и начал уже сваливать кучей в подвале. Некоторые меня пугали, и я их из кучи изымал.

Тем временем Льюис мучился с прибором для определения эмоций.

— Он работает,— говорил Льюис.— Психиатр, которому я давал его, в восторге. Но, по-видимому, пустить его в продажу будет почти невозможно.

— Если он работает,— возразил я, передавая ему банку с пивом,— то его должны покупать.

— Покупали бы в любой другой области, кроме медицины. Прежде чем пускать что-либо в продажу, надо представить чертежи, теоретические обоснования, результаты испытаний и тому подобное. А мы не можем этого сделать. Мы не знаем, как он работает. Не знаем принципа действия. А пока мы этого не узнаем, ни одна почтенная фирма, торгующая медицинскими приборами, не пустит его в продажу, ни один порядочный медицинский журнал не станет его рекламировать, ни один врач-практик не будет его применять.

— Значит, на него надеяться нечего,— сказал я довольно уныло, потому что это была единственная вещь, применение которой нам было известно.

Льюис кивнул, выпил пива и стал мрачнее обычного.

Я теперь вспоминаю с улыбкой, как мы нашли устройство, которое принесло нам богатство. В сущности, это не Льюис, а Элен нашла его.

Элен — хорошая хозяйка. Она вечно возится с пылесосом и тряпкой и моет рамы и подоконники с таким остервенением, что нам приходится красить их каждый год.

Однажды вечером мы сидели в гостиной и смотрели телевизор.

— Джо, ты вытирал пыль в кабинете? — спросила Элен.

— Пыль в кабинете? С чего бы это?

— Видишь ли, кто-то вытер. Может, это Билл?

— Билла никакими силами не заставишь взять тряпку в руки.

— Тогда я ничего не понимаю, Джо,— сказала она.— Я пошла вытирать пыль, а там совершенно чисто. Все блестит.

По телевизору показывали что-то очень забавное, и я не обратил тогда на слова Элен никакого внимания.

Но на следующий день я вспомнил об этом и уже не мог выкинуть из головы. Я бы ни за что не стал вытирать пыль в кабинете, а Билл и подавно, и все же кто-то сделал это, раз Элен говорит, что там было чисто.

В тот же вечер я вышел с ведром на улицу, наложил в него пыли и принес в дом.

Элен перехватила меня в дверях.

— Ты что это делаешь?

— Экспериментирую,— сказал я.

— Экспериментируй в гараже.

— Это невозможно,— возразил я.— Я должен выяснить, кто вытер пыль в кабинете.

Я знал, что если мой номер не удастся, то меня притянут к ответу, потому что Элен пошла следом и стала в дверях, приготовившись обрушиться на меня.

На столе лежало много предметов, полученных от Коммерсанта, а в углу валялось еще больше. Я убрал все со стола, и тут вошел Билл.

— Что ты делаешь, папа? — спросил он.

— Твой отец сошел с ума,— спокойно объяснила Элен.

Я взял горсть пыли и посыпал ею стол.

Через мгновение она исчезла. На столе не было ни пятнышка.

— Билл,— сказал я,— отнеси-ка один из этих приборов в гараж.

— Который?

— Любой.

Он унес один из приборов, а я сыпанул еще горсть пыли, и она тоже исчезла.

Билл вернулся, и я послал его с другим прибором.

Это продолжалось довольно долго, и Билл уже начал выражать недовольство. Но наконец я посыпал стол пылью, и она не исчезла.

— Билл,— сказал я,— ты помнишь, какую штуку ты выносил последней?

— Конечно.

— Ну, тогда иди и принеси ее обратно.

Он принес ее — и только появился на пороге кабинета, как пыль исчезла.

— Вот оно,— сказал я.

— О чем ты? — спросила Элен.

Я показал на устройство, которое держал Билл.

— Об этом. Выбрось свой пылесос. Сожги тряпки. Закинь куда-нибудь швабру. Достаточно одной такой штуки в доме и...

Она бросилась ко мне в объятия:

— О Джо!

И мы с ней сплясали джигу.

Затем я сел и стал ругать себя на все корки за то, что связался с Льюисом. Я подумал: а нельзя ли теперь как-нибудь разорвать контракт, раз уж я нашел что-то без его помощи? Но я помнил все эти пункты, которые мы понаписали. Да и что толку — Элен уже побежала в дом напротив рассказать все Мардж.

Я позвонил Льюису, и он мигом примчался.

Мы начали полевые испытания.

В гостиной не было ни пятнышка, потому что Билл прошел через нее с прибором, да и гараж, где прибор оставался ненадолго, тоже был как вылизанный. Хоть мы и не проверяли, но я представляю себе, что на полосе, параллельной дорожке, по которой Билл нес прибор от гаража до двери дома, не осталось ни пылинки.

Мы отнесли прибор вниз и вычистили подвал. Пробрались на задний двор к соседу, где, как мы знали, было много цементной пыли,— и тотчас вся цементная пыль исчезла. Остались одни комочки, но комочки, я полагаю, пылью считать нельзя.

Этого только нам и надо было.

Вернувшись домой, я стал открывать бутылку шотландского виски, которую до того хранил, а Льюис примостился за кухонным столом и нарисовал прибор.

Мы выпили, потом пошли в кабинет и положили рисунок на стол. Рисунок исчез, а мы ждали. Через несколько минут появился еще один прибор. Мы подождали еще, но ничего не случилось.

— Надо втолковать ему, что нам надо много приборов,— сказал я.

— Мы никак не сможем это сделать,— сказал Льюис.— Мы не знаем его математических символов, а он не знает наших, и

верного способа научить его тоже нет. Он не знает ни одного слова нашего языка, а мы — его.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

Льюис сел и нарисовал поперек листа ряд приборов, а позади набросал верхушки множества других, так что казалось, будто приборов сотни.

Мы послали листок.

Пришло пятнадцать приборов — ровно столько, сколько было нарисовано в первом ряду.

Коммерсант явно не имел никакого представления о перспективе. Черточки, которыми Льюис обозначил другие приборы, стоящие за первым рядом, для него ничего не значили.

Мы вернулись в кухню и выпили еще.

— Нам нужны тысячи этих штук,— сказал Льюис, хватаясь руками за голову.— Не сидеть же мне здесь целыми сутками, рисуя их.

— Возможно, придется посидеть,— со злорадством сказал я.

— Но ведь должен быть другой выход.

— Почему бы не нарисовать целую кучу их, а потом не заготовить копии на мимеографе? — предложил я.— Копии можно посылать ему пачками.

Не хотелось мне говорить это, так как я уже увлекся мыслью, что засажу Льюиса куда-нибудь в уголок и он будет приговорен к пожизненному заключению и рисованию одного и того же снова и снова.

— Может быть, что-нибудь из этого и получится,— сказал возмутительно обрадовавшийся Льюис.— И так просто...

— Скажите лучше — дельно,— отрезал я.— Если бы это было просто, вы бы сами придумали.

— Меня такие частности не интересуют.

— А надо бы!..

Мы успокоились только тогда, когда прикончили бутылку.

На следующий день мы купили мимеограф, и Льюис нарисовал трафарет с двадцатью пятью приборами. Мы отпечатали сотню листов и положили их на стол.

Все вышло, как было задумано, и несколько часов мы занимались тем, что убирали со стола приборы, хлынувшие потоком.

По правде говоря, у нас из головы не шла мысль о том, что захочет получить Коммерсант в обмен на свои пылесосы. Но

в ту минуту мы были взволнованы и совсем забыли, что это коммерческая сделка, а не дар.

На следующий день вернулись обратно все мимеографические листки, и на обороте каждого Коммерсант нарисовал по двадцать пять зебр-брелоков.

И тут мы оказались перед необходимостью срочно достать две с половиной тысячи этих дурацких зебр.

Я бросился в магазин, где был куплен браслет с таким брелоком, но у них в запасе было всего штук двадцать. В магазине сказали, что, наверно, не смогут заказать еще одну партию. Производство, сказали, прекращено.

Название компании, которая выпускала их, было отштамповано на внутренней стороне браслета, и, едва добравшись до дому, я заказал междугородный разговор.

В конце концов я добрался до заведующего производством.

— Вы знаете браслеты, которые выпускаются у вас?

— Мы выпускаем миллионы браслетов. О каком вы говорите?

— О том, что с зеброй.

Он задумался на мгновение.

— Да, выпускали такой. Совсем недавно. Больше не выпускаем. В нашем деле...

— Мне нужно по меньшей мере две с половиной тысячи штук.

— Две с половиной тысячи браслетов?

— Нет, только зебр.

— Слушайте, вы не шутите?

— Не шучу, мистер,— сказал я.— Мне нужны зебры. Я заплачу за них.

— На складе нет ни одной.

— Вы могли бы их изготовить?

— Две с половиной тысячи не сможем. Слишком мало для специального заказа. Тысяч пятьдесят — это еще разговор.

— Ладно,— сказал я.— Сколько будет стоить пятьдесят тысяч?

Он назвал сумму, и мы немного поторговались, но я был не в состоянии долго торговаться. В конце концов мы сошлись на цене, которая, по-моему, была слишком высока, если учесть, что весь браслет с зеброй и прочими висюльками в розничной торговле стоил всего тридцать центов.

— И не закрывайте заказа,— сказал я.— Может потребоваться новая партия зебр.

— Ладно,— сказал он.— Погодите... позвольте задать вопрос: а для чего вам пятьдесят тысяч зебр?

— Не позволю,— сказал я и повесил трубку.

Наверно, он подумал, что у меня шариков не хватает, но мне было наплевать на то, что он думает.

До прибытия пятидесяти тысяч зебр прошло десять дней, и покоя мне не было ни минуты. А потом, когда они прибыли, надо было найти помещение, потому что, к вашему сведению, пятьдесят тысяч зебр, даже если они брелоки к браслетам, занимают много места.

Но прежде всего я взял две с половиной тысячи и послал их через стол.

За десять дней, прошедших со времени получения пылесосов, мы ничего не посылали, а Коммерсант ничем не выражал своего нетерпения. Я бы нисколько не удивился, если б он, например, прислал нам свой эквивалент — бомбы, для того чтобы выразить свое разочарование по поводу медленной доставки заказанных им зебр. Мне часто приходило в голову: а что он думает по поводу задержки, не подозревает ли нас в том, что мы его обманули?

Все это время я без конца курил и грыз ногти, а Льюис, как мне казалось, был озабочен не меньше моего, выискивая возможности сбыта пылесосов.

Когда я упомянул об этом, он смущенно посмотрел на меня.

— Видите ли, Джо, меня очень тревожит одна вещь.

— Нам теперь беспокоиться не о чем,— сказал я,— кроме сбыта пылесосов.

— Но ведь пыль должна же куда-нибудь деваться,— раздраженно проговорил он.

— Пыль?

— Да, пыль, которую собирают эти штуки. Помните, как исчезла целая куча цемента? И я хочу знать, куда она делась. В приборе цемент поместиться не мог. В него не войдет даже недельная залежь пыли из дома средних размеров. Куда все это девается — вот что меня тревожит.

— А мне все равно куда. Лишь бы девалась.

— Деляческий подход,— сказал он презрительно.

Узнав, что Льюис палец о палец не ударил, чтобы обеспечить сбыт, я взялся за дело сам.

Но передо мной встали те же препятствия, что и при попытке наладить сбор приборов, измеряющих эмоции.

Пылесос не был запатентован и не имел фабричной марки. На нем не было красивой таблички с именем фабриканта. И я ничего не мог сказать, когда меня спрашивали, как он работает.

Один оптовик согласился взять партию за такую мизерную цену, что я рассмеялся ему в лицо.

В тот вечер мы с Льюисом сидели за столом на кухне и пили пиво. Настроение у нас было не слишком лучезарное. Я предчувствовал тьму неприятностей со сбытом пылесосов. Льюис, по-видимому, все еще тревожился о том, куда девается пыль.

Он разобрал пылесос и узнал только одно: внутри действует какое-то слабое силовое поле... Слабое-то оно слабое, а все электрические цепи в лаборатории и все их чудесные измерительные приборы словно с ума посходили. Льюис сразу сообразил, к чему идет дело, и побыстрее захлопнул крышку пылесоса, так что все обошлось. Оказывается, кожух пылесоса экранировал силовое поле.

— Пыль, по-видимому, вышвыривается в другое измерение,— сказал Льюис; всем своим видом он напомнил мне гончую, потерявшую след енота.

— А может, и нет. Может, она возносится вверх в виде пыльного облака, вроде тех, что виднеются далеко в космосе.

Льюис покачал головой.

— Не хотите ли вы сказать,— продолжал я,— что Коммерсант такой дурак, что продал нам прибор, который швыряет ему пыль в лицо.

— Вы ничего не поняли. Коммерсант действует из другого измерения. Иначе и быть не может. Но если есть два измерения — его и наше,— то, возможно, есть и другие. Коммерсант, по-видимому, пользовался этими пылесосами сам — не для той цели, для которой собираемся использовать их мы, но, наверно, он тоже отделывается от чего-то ненужного. А следовательно, то, от чего он отделывается, выбрасывается не в его измерение, а в другое.

Мы выпили еще пива, и я стал ломать себе голову над этим делом с разными измерениями. И никак не мог сообразить, что к чему. Наверно, Льюис был прав, когда говорил, что у меня деловой подход. Разве можно поверить в другое измерение,

если его нельзя увидеть, потрогать и даже представить себе? Я на такое не способен.

Поэтому я снова заговорил о сбыте пылесосов, и в тот же вечер мы порешили, что нам остается только торговать ими вразнос. Мы даже установили цену — двенадцать долларов пятьдесят центов. Зебры нам обходились по четыре цента каждая, своим коммивояжерам мы собирались платить десять процентов комиссионных, и от продажи каждого пылесоса нам оставалось 11 долларов 21 цент чистой прибыли.

Я поместил в газете объявление о найме коммивояжеров, и на следующий день явились несколько человек. Мы отправили их в пробный рейс.

Пылесосы расхватывали, как горячие пирожки, и мы поняли, что наше дело выгорело!

Я ушел с работы и занялся торговлей, а Льюис вернулся в лабораторию и принялся за гору того хлама, который мы получили от Коммерсанта.

Когда проводишь массовую распродажу, хлопот бывает полон рот. Надо распределять районы между коммивояжерами, получать разрешения в торговой инспекции, брать на поруки своих людей, если их сажают в кутузку за нарушение какого-нибудь постановления, принятого властями забытой богом деревеньки. Вы себе не представляете, сколько тут всяких беспокойств.

Но месяца через два дела пошли в гору. Мы наладили торговлю в своем штате и стали создавать отделения в других штатах. Я заказал дополнительно пятьдесят тысяч зебр и пообещал заказать еще. На моем письменном столе кипела работа. В конце концов я дошел до того, что нанял трех человек, которые работали посменно круглые сутки, и платил им большие деньги, чтоб держали язык за зубами. Восемь часов мы посылали зебр, затем восемь часов убирали со стола пылесосы, следующие восемь часов снова клали на стол зебр...

Если Коммерсанту и было тошно от того, что происходило, он этого не показывал. Его, видно, вполне устраивал такой обмен.

Соседи сперва сгорали от любопытства и нервничали, но потом привыкли. Если бы я мог переехать в какое-нибудь другое

место, я бы так и сделал, потому что дом был теперь больше похож на учреждение и семейной жизни у нас, в сущности, не стало. Но поскольку нам не хотелось терять наш бизнес, мы вынуждены были сидеть на месте, так как контакт с Коммерсантом мог осуществляться только здесь.

Деньги текли к нам рекой, и все финансы я передал в ведение Элен и Мардж. Сборщики подоходного налога задали нам жару за то, что мы не указывали производственных расходов, но так как мы не собирались спорить и платили, что положено, они ничего не могли поделать.

Льюис в своей лаборатории вымотал себя так, что превратился в щепку, но не нашел ничего такого, что бы мы могли использовать.

И по-прежнему время от времени тревожился о том, куда же девается вся пыль. И наверно, впервые в жизни он оказался прав.

Однажды, года через два после того, как мы начали продавать пылесосы, я возвращался из банка, где улаживал всякие финансовые дела, которые Элен с Мардж запутали до невозможности. Только я свернул на дорожку, ведущую к дому, как из него вылетела Элен. Она была покрыта пылью, все лицо в грязных полосах, сроду не видал такой замарашки.

— Сделай что-нибудь, Джо! — закричала она.

— С чем?

— С пылью! Она валит в дом!

— Откуда?

— Отовсюду!

Тут я увидел, что Элен растворила все окна и из них столбом валит пыль. Я выскочил из машины и посмотрел, что делается на улице. Во всех домах квартала окна были открыты, и из них клубами валила пыль, всюду сновали злые, визжащие женщины.

— Где Билл? — спросил я.

— За домом.

Завернув за угол, я крикнул Билла, и он тут же примчался.

Из дома напротив пришла Мардж. Она рассвирепела от этой пыли еще почище Элен.

— Садитесь в машину,— сказал я.

— Куда мы поедем? — спросила Мардж.

— За Льюисом.

Наверно, по моему тону они поняли, что я шутить не намерен, и забились в машину. Я повел ее на полной скорости.

Дома, заводы, магазины, купившие у нас пылесосы, извергали столько пыли, что не видно было ни черта.

Чтобы добраться до кабинета Льюиса, мне пришлось проложить себе путь через двухфутовый слой пыли, лежавший на полу лаборатории. Прикрыв нос платком, я едва спасся от удушья.

В машине мы вытерли лица и отхаркали пыль, забившую глотки. Только тут я увидел, что Льюис втрое бледнее обычного, впрочем, по правде сказать, он всегда был бледной немочью.

— Это все натворили существа из того, третьего, измерения,— испуганно проговорил он.— Из того места, куда мы отправляли всю пыль. Им чертовски надоело, что она валится на них. Они сообразили, что надо делать, и теперь качают ее обратно.

— Успокойтесь. Может, это вовсе и не из-за наших пылесосов.

— Я проверил, Джо. Из-за наших. Пыль валит во всех тех местах, где есть наши пылесосы. И ниоткуда больше.

— Значит, нам остается только отправить ее обратно.

Льюис покачал головой.

— Не выйдет. Пылесос работает теперь только в одну сторону — от них к нам.— Он закашлялся и посмотрел на меня безумными глазами.— Подумайте только! Два миллиона этих приборов собирали пыль в двух миллионах домов, магазинов, заводов... некоторые из них функционировали целых два года! Джо, как нам теперь быть?

— Спрячемся где-нибудь, пока это все не... гм, не развеется.

Имея мерзкую склонность к сутяжничеству, он, верно, тогда еще предвидел, что на нас обрушатся бесчисленные судебные иски. Лично я больше боялся, что разъяренные женщины устроят над нами самосуд.

Но теперь это в прошлом. Мы прятались, пока люди немного не успокоились и не стали требовать своих денег обратно через суд. У нас было много денег, и мы смогли заплатить большинству из них. С нас еще должны взыскать несколько сот тысяч. Но мы можем расплатиться довольно быстро, если нападем на что-нибудь столь же доходное, как сбыт пылесосов.

Льюис упорно трудится над этим, но ему пока не везет. Да и Коммерсант наш исчез. Как только мы осмелились вернуться домой, я тотчас отправился в кабинет и взглянул на стол. Пятно исчезло. Я пытался класть всякие предметы на то место, где оно прежде было, но ничего из этого не получилось.

Что спугнуло Коммерсанта? Много бы я отдал, чтобы знать. Впрочем, кое-какие коммерческие перспективы у нас есть.

Возьмите, например, розовые очки, которые мы называем очками счастья. Наденьте их — и будете рады-радешеньки. Почти всякий человек на земле хотел бы иметь такие, чтобы на время забывать о заботах. С таким бизнесом мы бы, наверно, разорили всех торговцев спиртным.

Беда только в том, что мы не знаем, как их делать, а Коммерсант исчез. Теперь мы не можем добывать их.

Но одно меня продолжает тревожить. Я понимаю, беспокоиться не стоит, но все равно это дело никак не идет из головы.

Ну что сделал этот Коммерсант с тремя миллионами зебр, которые мы послали ему?

ДУРАК В ПОХОД СОБРАЛСЯ

Долгое время я был деревенским дурачком, но теперь я уже не дурак, хотя меня до сих пор обзывают болваном, а то и почище.

Я теперь гений! Но об этом я никому не скажу. Ни за что. Если узнают, станут остерегаться.

Никто не догадывается и не догадается. Я все так же шаркаю ногами, мой взгляд все так же пуст, и речь бессвязна, как и прежде. Порой нелегко бывает помнить, что надо непременно шаркать, смотреть бессмысленным взглядом и бормотать чепуху, а иногда, наоборот, с большим трудом удерживаешься, чтобы не переиграть. Главное — не вызвать подозрений!

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

За завтраком я сказал маме, что собираюсь порыбачить, и она не возражала. Она знает, что я люблю ловить рыбу. Когда я рыбачу, со мной не случается никаких неприятностей.

— Сходи, Джим,— сказала она.— Хорошо бы отведать рыбки.

— Я знаю, где ее ловить,— сказал я.— В яме, что сразу за домом Алфа Адамса.

— Сынок, не затевай ты ссоры с Алфом,— предупредила меня мама.— Если ты невзлюбил его...

— Он надул меня. Заставил работать больше, чем положено, а сам ничего не заплатил мне за это. Да еще смеется.

Не надо было мне говорить этого. Мама очень расстраивается, когда слышит, что надо мной смеются.

— Ну и пусть, не обращай внимания,— ласково сказала она.— Вспомни, что говорил проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

— Я помню, что он сказал, но все равно не люблю, когда надо мной смеются. Я не позволю смеяться надо мной.

© Перевод Д. Жукова.

— Ладно,— с грустью согласилась мама.— Не позволяй.

Я доедал завтрак и думал о том, что проповедник Мартин мастак говорить о смирении и покорности. Но я-то знаю, что он за человек, знаю и про его дела с органисткой Дженни Смит.

После завтрака я пошел в сарай за удочкой, а Баунс прибежал помогать мне. После мамы Баунс мой лучший друг. Конечно, он не умеет разговаривать со мной... по-настоящему, но он и не смеется надо мной.

Копая червей, я спросил его, не хочет ли он отправиться со мной на рыбалку. Я видел, что ему очень хочется, и пошел в дом напротив предупредить миссис Лоусон, что Баунс пойдет со мной: Баунс ведь принадлежал ей, хотя почти все время проводил со мной.

Так мы и пошли: я с удочкой впереди, а Баунс следом, словно я был важной персоной. Но Баунс все равно гордился тем, что нас видят вместе.

Путь наш лежал мимо банка, и через большое окно я увидел банкира Пэттона, сидевшего за письменным столом. Вот у кого был важный вид! Да он и в самом деле был самой важной персоной в Мэплтоне. Я убавил шаг, чтобы вволю насладиться своей ненавистью к нему.

Мы с мамой не жили бы в этой старой развалюхе, где живем сейчас, если бы после смерти папы банкир Пэттон не лишил нас права выкупа закладной на наш дом.

Мы миновали усадьбу Алфа Адамса, у которого была лучшая ферма в городе, и о нем я тоже подумал с ненавистью, но не с такой, как о банкире Пэттоне. Адамс мне насолил поменьше — заставил работать больше положенного и не заплатил за это.

Алф был рослый хвастливый человек и, кажется, неплохой фермер. Во всяком случае, ферма приносила доход. У него был большой новый коровник, и только он мог решиться выкрасить коровник не в красный цвет, как красят все коровники, а в белый с красной полосой. Ну разве бывают коровники в полоску?

Сразу за домом Алфа мы с Баунсом свернули с дороги и пошли через луг к речке, туда, где яма...

На другом конце луга вместе с остальным стадом пасся бык-медалист, принадлежавший Алфу. Увидев нас, он пошел в нашу сторону — не потому, что был зол и собирался напасть на нас, а просто для порядка, на случай, если кто-нибудь вздумает сразиться с ним. Я не боялся его, потому что подружился с ним в

то лето, когда работал у Алфа. Я, бывало, баловал его, чесал за ушами. Алф сказал, что я сумасшедший дурак, когда-нибудь бык прикончит меня.

— Никогда не доверяй быку,— говорил Алф.

Подойдя поближе и узнав, кто перед ним, бык решил, что мы ничего дурного ему не сделаем, и вернулся к стаду.

Мы подошли к яме, и я стал удить, а Баунс поскакал вверх по речке на разведку. Я вытащил несколько рыб, но не очень больших. Клев был плохой, и мне стало не интересно. Я люблю ловить рыбу, когда хорошо ловится.

Тогда я стал фантазировать. А что, если взять какое-нибудь маленькое поле... скажем, в сто квадратных футов... и хорошенько рассмотреть эту землю — сколько в ней можно найти разных растений!.. Я посмотрел на землю рядом с тем местом, где сидел, и увидел... обыкновенную луговую траву, несколько одуванчиков, листья щавеля, две фиалки и еще не распустившийся лютик.

Но что это? Вглядываясь в одуванчик, я вдруг заметил, что вижу весь цветок, а не только ту его часть, что растет над землей!

Не знаю, стал ли я видеть сквозь землю в то самое мгновение, когда засмотрелся на одуванчик, или немного раньше. Но так или иначе, я увидел, как уходит в землю стержневой корень одуванчика, как от него отходят маленькие мохнатые корешки, увидел, где сидят вообще все корни, как они берут воду и минеральные соли из земли, как откладываются запасы питательных веществ в корне и как одуванчик при помощи солнца делает их годными для усвоения. Странное дело, я ведь никогда не знал ничего этого прежде!

Я посмотрел на другие растения и увидел их точно так же — целиком. И я подумал: может, с моими глазами что-то случилось и теперь я буду видеть не только поверхность вещи, но и то, что у нее внутри? Тогда я попробовал увидеть все как прежде, и у меня это получилось. Потом мне снова захотелось увидеть корень одуванчика, и я увидел.

Я сидел и думал: почему никогда раньше я не мог так видеть, а теперь могу? Тем временем мне захотелось узнать, что делается на дне ямы... И мне стало видно все как на ладони. Я мог теперь заглядывать в любой омут, где прячутся такие рыбины, каких в нашей речке еще никто не ловил.

Я ясно увидел, что возле моего крючка нет ни одной рыбешки, и стал передвигать его, пока он не очутился перед самым

носом большущей рыбины. Но рыба, казалось, не замечала червяка. Может, она была сыта и просто лежала, шевеля плавниками и жабрами.

Я подвел крючок так близко, что он задел рыбу по носу, но она и на это не обратила ни малейшего внимания.

Тогда я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не смогу объяснить. Просто я решил, что знаю, как выкинуть эту штуку. Заставил, значит, я рыбу проголодаться, и она накинулась на наживку, как Баунс на кость.

Рыба утянула поплавок под воду, я подсек ее и выдернул из воды. Сняв рыбину с крючка, я продернул сквозь ее жабры и рот веревку, на которой уже было нанизано штук пять рыбешек, пойманных раньше.

Потом я выбрал еще одну большую рыбину, подвел к ней крючок и заставил ее проголодаться.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Оставалась разная мелочь, но возиться с ней мне было уже ни к чему. На веревке почти не было места, и, когда я взял ее и пошел, конец связки волочился по земле. Мне пришлось перекинуть ее через плечо, и от рыбы рубашка сразу же стала мокрой.

Я позвал Баунса, и мы двинулись в город.

Всякий, кто попадался мне навстречу, останавливался и расспрашивал, где я поймал рыбу, на что ловил, осталась ли там еще рыба, или я вытащил всю. Когда я говорил, что выловил всю, люди хохотали до упаду.

Только было собрался я свернуть с главной улицы к дому, как из парикмахерской вышел банкир Пэттон. От него чудесно пахло всеми одеколонами, которыми парикмахер Джейк опрыскивает своих клиентов.

Увидев меня с рыбой, банкир остановился. Он посмотрел на меня, на рыбу и потер свои жирные руки. Потом заговорил со мной как с маленьким:

— А ну, Джимми, говори, где ты взял всю эту рыбу?

Он сказал это таким тоном, будто рыба не моя или будто я ловил ее каким-нибудь запрещенным способом.

— В яме за домом Алфа,— ответил я.

И вдруг само собой получилось так, что я увидел его внутренности — точно так же, как корни одуванчика под землей. Желудок, кишки и еще что-то, наверное печень, а надо всем этим

в какой-то рыхло-розовой массе — пульсирующий ком, в котором я узнал сердце.

Я вытянул вперед руки... не руки, конечно, потому что в одной руке я держал удочку, а в другой рыбу, но у меня было такое ощущение, будто я протянул их, схватил его сердце и сильно сжал.

Банкир открыл рот, охнул и обмяк, как будто из него ушла вся сила, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы он не свалился прямо на меня.

Он упал и больше не вставал.

Из своей парикмахерской выбежал Джейк.

— Что с ним? — спросил он меня.

— Взял и упал,— ответил я.

Джейк посмотрел на банкира:

— Это сердечный приступ. Уж я-то знаю. Бегу за доктором.

Он побежал по улице к дому врача Мейсона, а со всех сторон стали сбегаться люди.

Я узнал Бена с сыроварни, Майка из клуба и двух фермеров, приехавших за покупками.

Выбравшись из толпы, я пошел домой. Мама увидела рыбу и обрадовалась.

— Вот вкусно-то будет! — сказала она.— Как тебе удалось наловить так много, Джим?

— Клев был хороший,— пробормотал я.

— Так не теряй же времени, начинай чистить. Немного мы съедим сейчас, несколько штук я отнесу проповеднику Мартину, а остальное посолю и положу в погреб. Там она продержится еще не один день.

Тут прибежала миссис Лоусон, что живет напротив, и рассказала маме о том, что случилось с банкиром Пэттоном.

— Он как раз разговаривал с Джимом,— заметила она.

— Почему же ты молчал, Джим? — спросила меня мама.

— Не успел сказать,— ответил я.— Я показывал тебе рыбу.

Мама и миссис Лоусон заговорили, перебивая друг друга, о банкире, а я пошел в сарай чистить рыбу. Баунс сидел со мной рядом и наблюдал. Я готов поклясться, что он был доволен не меньше меня. Будто и в самом деле помогал мне ловить рыбу.

— Хороший выдался денек, Баунс,— сказал я, и Баунс согласился со мной. Он вспомнил, как носился вдоль речки и дразнил лягушку, вспомнил, как приятно пахнет земля, если ее хорошенько обнюхать.

Я вовсе не хочу убедить вас, что Баунс заговорил со мной. Но у него был такой вид, будто он и в самом деле умеет говорить.

Люди все смеются надо мной, отпускают шуточки и стараются поддеть меня, потому что я деревенский дурачок. Но когда-нибудь этот дурачок покажет им всем! Они бы до смерти испугались, если бы с ними, например, заговорила собака. Просто я подумал, как было бы хорошо, если бы Баунс заговорил и мне не надо было бы угадывать, что он хотел сказать. Ничего удивительного я в этом не увидел бы, потому что всегда считал, что Баунс смышленый пес, и стоит ему только захотеть, как он начнет говорить.

Так мы и болтали с Баунсом, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая, миссис Лоусон уже ушла домой, а мама на кухне готовила сковородку для рыбы.

— Джим, ты...— сказала она и запнулась.— Джим, ты ведь никакого отношения не имеешь к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты не толкнул е , не ударил?

— Даже пальцем до него не дотронулся,— сказал я, и это была сущая правда. Я и в самом деле не коснулся его рукой.

Днем я работал на огороде. Мама иногда помогает кому-нибудь по хозяйству и зарабатывает немного, но если бы не огород, нам бы на это не прожить! Прежде зарабатывал и я, но после ссоры с Алфом, из-за того что он не заплатил мне, она не разрешает мне работать. Она говорит, что я и так ей помогаю, копаясь в огороде и добывая время от времени немного рыбы.

В огороде я нашел еще одно применение моему новому умению видеть. В капусте были черви — я их всех видел сквозь капустные листья и давил, как раздавил сердце банкира Пэттона. Обнаружив белесые пятнышки на кустах помидоров, я решил, что это какой-то вредитель. Они были такие маленькие, что сначала я их не заметил. Поэтому я их увеличил своим новым зрением, внимательно разглядел и заставил исчезнуть. Я не давил их, как червей, а просто сделал так, чтобы они пропали.

Интересно работать на огороде, когда можешь заглядывать в землю и видеть, как прорастают семена пастернака и редиса, убивать вредителей, узнавать, хороша ли земля и все ли в порядке.

На обед мы ели рыбу, на ужин — тоже рыбу. А после ужина я пошел прогуляться.

Сам не знаю, как я очутился у дома банкира Пэттона и, проходя мимо, почувствовал, что в доме этом горе.

Не входя в дом, я позволил горю войти в меня. Наверно, стоя снаружи, я мог бы совершенно легко увидеть сквозь стены, что делается в любом доме нашей деревни, но тогда я этого еще не знал. Я почувствовал горе в доме Пэттона только потому, что оно было глубокое и сильное.

Старшая дочь банкира была у себя в комнате наверху, и я почувствовал, что она плачет. Вторая дочь сидела с матерью в гостиной. Ни та ни другая не плакали, но у обеих был убитый вид. В доме были еще какие-то люди, но они не очень-то печалились. Вероятно, соседи пришли посидеть.

Мне стало жаль всех троих и захотелось помочь им. Ведь не их вина, что банкир Пэттон был таким плохим человеком.

И вдруг мне показалось, что я могу им помочь, и я начал с той дочери, что сидела наверху в своей комнате. Я мысленно приблизился к ней и стал внушать ей светлые мысли. Начало было не из легких, но очень скоро я освоился, и утешить ее не составило большого труда. Потом я утешил двух других и, довольный, пошел дальше.

Я прислушивался к тем домам, мимо которых проходил. Почти везде жили счастливые или, во всяком случае, довольные люди, хотя попались и несколько печальных. Машинально я задумывался о них и давал им счастье. Я вовсе не думал, что мне надо делать добро каким-то определенным людям. По правде говоря, я даже не помню, какие дома сделал счастливыми. Просто я подумал, что раз я могу делать это, надо делать.

Когда я вернулся, мама еще не ложилась, ждала меня. Она была немного встревожена: она всегда тревожится, когда я надолго исчезаю.

Я пошел в свою комнату, лег в постель, но долго не мог заснуть: все думал, как могло случиться, что я оказался способным на все эти штуки, и как неожиданно проявились эти способности. Наконец я заснул.

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу и увидел, что Баунс ждет меня. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился пойти с ним. Раз теперь мы можем разговаривать, вдвоем нам ловить кроликов будет сподручнее. Взобравшись на пень, или на груду камней, или даже на дерево, я высматриваю кролика и кричу Баунсу, куда он бежит, а Баунс мчится ему наперерез.

Мы пошли по дороге, ведущей к дому Алфа, потом свернули на луг и направились к поляне на склоне холма, что на той стороне речки.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся и снова подумал о том, как ненавижу Алфа. И вдруг мне пришла в голову мысль. Я не знал, смогу ли осуществить ее, но мне она понравилась. Я решил попробовать.

Я перевел взгляд на коровник Алфа, мысленно прошел сквозь стены и очутился посреди сеновала. Кругом было сено, но, как вы помните, сам я в это время стоял на лугу рядом с Баунсом, с которым мы пошли гонять кроликов.

Мне хотелось бы объяснить, что я сделал потом и как я это сделал, да только мне самому не понятно, откуда у меня взялось все это... Словом, знание химических реакций или как их там называют... Что-то сделалось с сеном, что-то с кислородом, и в сеновале зажегся огонь. Увидев, что огонь занялся хорошо, я убрался оттуда и снова очутился рядом с Баунсом. Потом мы перешли речку и стали подниматься по склону холма.

Я все оглядывался, думая, что огонь не разгорится, как вдруг из-под крыши сеновала потянулась тоненькая струйка дыма.

К тому времени мы уже вышли на поляну, я сел на пень и увидел, что огонь разгорелся вовсю и теперь уже ничто не может спасти коровник. С шумом рвалось пламя, густой столб дыма подымался на небо.

Возвращаясь домой, я зашел в лавку. Алф был там, но для человека, у которого только что сгорел коровник, у него был слишком довольный вид.

Очень скоро я понял, почему он такой довольный.

— Я застраховал коровник,— сказал он хозяину магазина Берту Джонсу,— застраховал до последнего гвоздика. Коровник был слишком велик, мне такой не нужен. Когда я строил его, то рассчитывал, что стадо будет побольше.

Берт хихикнул:

— Нагрел ты руки на пожаре, Алф!

— Такого везения у меня еще не бывало. Я построю новый коровник, да еще деньжата останутся.

Мне было досадно, что все так вышло, но я не терял надежды расквитаться с Алфом.

После полдника я пошел на луг Алфа и отыскал быка. Он обрадовался мне, хотя и рыл землю копытом и громко ревел — хотел себя показать. По дороге я все думал, смогу ли разговари-

вать с быком так, как разговаривал с Баунсом. Я боялся, что ничего не получится: ведь Баунс намного смышленее быка.

И конечно же, я оказался прав. Втолковать что-либо быку было ужасно трудно.

Зря я стал чесать у него за ушами — он закрыл глаза и почти заснул. Я чувствовал, что это ему приятно. Тогда я растормошил быка, ткнул кулаком в бок. Он расшевелился и даже пробормотал что-то в ответ. Очень эти быки неразговорчивы.

Но я был уверен, что он понял меня как следует,— он вдруг так рассвирепел и разбушевался, что меня даже страх взял, не перестарался ли я. Я едва успел добежать до забора и перемахнуть через него. Домчавшись до забора, бык снова стал рыть землю копытами и так заревел, что меня как ветром сдуло.

Я вернулся домой очень довольный собой. Я ничуть бы не удивился, если бы услышал в тот же вечер, что Алфа покалечил его собственный бык. Что ж, так Алфу и надо: разве приятно, когда у тебя зажиливают заработок!

Когда кто-то принес известие о том, что случилось, я как раз был в клубе. Кто-то вспомнил, как Алф всегда говорил, что ни одному быку нельзя доверять. Еще кто-то добавил, что Алф часто говорил, будто только я могу управляться с его быком, и он все время опасался, как бы бык не убил меня.

Меня тоже спросили, что я думаю о случившемся. Но я притворился, будто двух слов связать не могу, и все смеялись надо мной, но мне было все равно. Я знал то, чего не знали они. Воображаю, как удивились бы они, узнав правду!

Но они ее, конечно, не узнают.

Не такой уж я простак.

Придя домой, я достал блокнот с карандашом и стал писать имена всех моих врагов, всех, кто хоть раз посмеялся надо мной, навредил мне или плохо говорил обо мне.

Список получился довольно длинный. Он включал почти всех в деревне.

Я подумал и решил, что, может быть, не стоит убивать всех. Я бы, конечно, сделал это запросто. Но, думая об Алфе и банкире Пэттоне, я понял, что от гибели людей, которых ненавидишь, радости мало. И еще мне было ясно как день, что, поубивав всех, можно остаться совсем одному.

Я перечитал список. Два имени у меня вызвали сомнение, и я вычеркнул их, потом еще и еще... Просмотрев список еще

раз, я все-таки подумал, что все оставшиеся в нем люди плохие. Я решил, что если не уничтожу их, то что-нибудь сделаю с ними, потому что нельзя позволить им оставаться плохими.

Долго я думал о дурном и хорошем, вспоминал, что слышал об этом от проповедника Мартина. А он большой мастак на всякие такие разговоры. И я решил в конце концов, что с ненавистью к врагам мне надо кончать. Лучше платить добром на зло.

Утром я так торопился, что буквально проглотил завтрак. Мама спросила, куда я собираюсь, и я ответил, что хочу прогуляться.

Сперва я пошел к дому приходского священника и уселся за церковной оградой. Вскоре из дому вышел проповедник Мартин. Он стал прохаживаться взад и вперед по своему, как он говорил, саду и делал вид, будто погружен в благочестивые размышления. Правду сказать, мне всегда казалось, что он делает это для того, чтобы произвести впечатление на наших старушек.

Очень легко я соединился с его разумом, и так тесно, что мне показалось, будто не он, а я сам прохаживаюсь по саду. И, скажу я вам, странное это было ощущение: я ведь превосходно знал, что сижу за оградой.

Благочестивых размышлений у проповедника Мартина в голове и в помине не было. Он, оказывается, обдумывал доводы, которые собирался привести на приходском совете, чтобы ему повысили жалованье. Он мысленно осыпал проклятиями некоторых членов совета за их скупость, и я согласился с ним, потому что они и в самом деле скряги.

Я заставил его подумать о том, что прихожане верят ему и видят в нем своего духовного наставника. Я заставил его вспомнить о том, как в молодые годы, только что окончив семинарию, он считал, что жизнь — сплошное подвижничество. Я внушил ему мысль, что он предал все то, во что верил тогда, и довел его до такой степени самоуничижения, что он чуть не разрыдался. Тогда я заставил его прийти к выводу, что спастись можно, лишь покаявшись и начав другую, праведную, жизнь.

Решив, что неплохо поработал над проповедником, я пошел дальше. Но я знал, что время от времени мне придется еще проверять проповедника Мартина.

Я зашел в лавку, сел и понаблюдал, как Берт Джонс подметает пол. Пока мы с ним разговаривали, я пробрался к нему

в разум и напомнил ему, что он сплошь и рядом платит фермерам за яйца меньше положенного. Заставил я его вспомнить и о привычке приписывать лишнее в счетах, которые он посылает покупателям, берущим в кредит, и о жульничестве с подоходным налогом. При мысли о подоходном налоге он перепугался, а я продолжал обработку, пока не почувствовал, что он почти решил возместить убытки всем, кого обманывал. На этом я ушел из лавки, уверенный, что могу вернуться в любое время и сделать из Берта честного человека.

В парикмахерской я понаблюдал за Джейком, который кого-то подстригал. Меня не очень интересовал человек, которого стриг Джейк: он жил милях в пяти от нас, а я решил пока обрабатывать жителей только нашей деревни.

Когда я уходил, Джейк уже горько раскаивался в том, что увлекается азартными играми в клубе. Он был готов во всем чистосердечно признаться жене.

Я направился в клуб. Майк сидел в углу и читал в утренней газете отчет о бейсболе. Я взял вчерашнюю газету и сделал вид, что тоже читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать. За это ему, конечно, здорово достанется. Я знал, что стоит мне выйти за дверь, как он помчится в подвал и спустит весь запас самогона в канализацию, а немного погодя, когда я еще поработаю над ним, прикроет азартные игры в задней комнате клуба.

На сыроварне, куда я пошел, у меня не было возможности поработать над Беном. Фермеры везли молоко, и Бен был слишком занят, чтобы я мог по-настоящему пробраться к нему в голову. Но я все-таки заставил его подумать о том, что случится, если парикмахер Джейк когда-нибудь застанет его со своей женой. И я знал, что, как только мы останемся с ним одни, я его обработаю как миленького: он ведь очень труслив.

Так вот все и шло.

Это была тяжелая работа, и порой мне хотелось бросить ее. Тогда я напоминал себе, что это мой долг, ведь недаром мне дана такая власть. Значит, надо сделать все, что от меня зависит. Кроме того, я должен применять ее не в своих эгоистических интересах, а только на благо других людей.

Кажется, я обработал в нашей деревне всех до единого.

С тех пор как Берт исправился, он стал самым счастливым человеком на свете. Его не тревожит даже потеря покупателей,

которые обиделись на него, узнав, что он обжуливал их. Он рассказал им все, когда возвращал деньги. Я не знаю, как поживает Бен: он исчез сразу же после того, как Джейк стрелял в него. Все в один голос говорят, что Бен перестарался, попросив у Джейка прощения за то, что крутил с его женой. Впрочем, жена Джейка тоже исчезла. Говорят, она ушла с Беном.

По правде говоря, я очень доволен тем, как все получилось. Все стали честные, не жульничают, не пьянствуют, не играют в азартные игры. Мэплтон, наверное, стал самой праведной деревней в Соединенных Штатах.

Я думаю, все это вышло потому, что начал я с искоренения собственных дурных мыслей, и, вместо того чтобы поубивать всех, кого ненавидел, я превратил их в хороших людей.

Когда вечерами я хожу по улице, меня удивляет одно: почему это у людей все меньше становится светлых мыслей? Порой приходится трудиться весь вечер, чтобы развеселить их. Казалось бы, честные люди должны быть счастливыми. Ведь, по-моему, теперь они не плохие, а хорошие, теперь они не убивают время на легкомысленные развлечения, а заняты разумными, серьезными делами.

Только о себе вот немного беспокоюсь. Я сделал много добра, но, наверно, руководствовался эгоистическими побуждениями. Хотел искупить убийство Алфа и банкира Пэттона. Кроме того, я делал добро не людям вообще, а тем, кого знаю лично. Наверно, это неправильно. Почему я должен помогать только знакомым?

Я провел ночь в раздумьях, и теперь мне все стало ясно.

Приняв решение, я чувствую себя одновременно и могучим и робким. Я знаю, что призван творить добро, и меня ничто не остановит. Я знаю, что деревня была всего лишь пробным камнем: здесь я познал, на что способен. И теперь я намерен осчастливить все человечество.

Мама уже давно копит деньги на приличные похороны.

Я знаю, где она их прячет.

Этого мне хватит, чтобы добраться до ООН. Там я развернусь вовсю!

«СДЕЛАЙ САМ»

Гордон Найт сидел как на иголках: ему хотелось, чтобы поскорее закончился пятичасовой рабочий день и можно было помчаться домой. Именно сегодня он должен был получить комплект, заказанный компании «Сделай сам», и ему не терпелось приступить к сборке.

Его нетерпение объяснялось не только давнишним желанием иметь собаку (хотя это играло существенную роль), но и тем, что это было совершенно новое дело. Ему никогда не приходилось управляться с комплектом «Сделай сам», в котором содержались бы биологические компоненты, и поэтому он волновался. Хотя, конечно, собака будет создаваться биологическим путем лишь до определенной степени и большая часть компонентов войдет в комплект, а на долю человека останется только сборка... Все же в этом была какая-то новизна, и ему хотелось поскорее приступить к работе.

Он так упорно думал о собаке, что даже слегка рассердился, когда Рэндол Стюарт, то и дело бегавший пить воду, остановился на обратном пути у его стола и стал подробно докладывать о своих успехах на поприще домашнего зубоврачевания.

— Это легко,— сказал Стюарт.— Совсем просто, если следовать инструкции. Поглядите, вот... вчера вечером я сделал это сам.

Он присел на корточки возле стола Найта и открыл рот, что было силы оттянув нижнюю челюсть пальцами.

— О-о... десь,— говорил он, тыкая дрожащим пальцем в зуб, о котором шла речь.

© Перевод Д. Жукова.

— Сам запломбировал,— захлопнув рот, самодовольно объявил Стюарт.— Наладил целую систему зеркал, чтобы было видно, что там творится. Зеркала прислали в комплекте, я только следовал инструкции.

Он запустил палец глубоко в рот и нежно погладил дело рук своих.

— На самом себе проделывать это немного неудобно. А вот на ком-нибудь другом все получится просто.

Он с надеждой посмотрел на Найта.

Найт на эту удочку не попался, и Стюарт перестал его соблазнять.

— Потом я собираюсь снимать камень. Надо только подкопаться под десну. Для этого есть специальный крючок. Зачем платить дантистам, когда можно самому позаботиться о собственных зубах.

— Пожалуй, это нетрудно,— согласился Найт.

— Дело верное,— сказал Стюарт.— Надо лишь придерживаться инструкции. Чего только не сделаешь, если будешь следовать инструкциям.

Найт задумался. Что верно, то верно. Если следовать инструкциям, можно сделать что угодно — только надо не торопиться, а сесть и не спеша, досконально все изучить.

Ведь построил же он дом, и мебель сделал, и всю домашнюю технику смонтировал. И все в свободное время... хотя, видит Бог, когда работаешь пятнадцать часов в неделю, свободного времени имеешь не так уж много.

Как хорошо, что, купив землю, он построил этот дом. Все тогда покупали так называемые имения, и Грейс это так втемяшилось, что ему ничего не оставалось, как тоже купить участок.

Платить и плотникам, и каменщикам, и водопроводчикам он был не в состоянии. Но, строя дом своими руками, он истратил сущие пустяки. Правда, на это ушло десять лет, но зато какое это было удовольствие!

Он сидел и думал, как интересно было строиться и как он гордится своей работой. Нет, сэр, сказал он себе, на его месте никто бы не построил лучшего дома.

Хотя, признаться, в том, что он сделал, не было ничего необычного. Большинство его знакомых тоже сами строили себе дома, или делали к ним пристройки, или перестраивали...

Он часто подумывал, что неплохо бы снова приняться за дело и построить еще один дом, так, интереса ради. Но это было бы глупо, потому что дом у него уже есть, а новый продать невозможно, если бы даже он и построил его. Кто станет покупать дом, когда так интересно строить самому?

Да и в старом доме еще немало работы. Надо пристроить новые комнаты... они не очень нужны, конечно, но с ними будет удобнее. И крышу починить. И летний домик соорудить. И участок до сих пор не приведен в порядок. Одно время он подумывал спланировать и разбить живописный парк: поработав несколько лет в свободное время, можно принарядить участок.

Найт и его сосед Энсон Ли часто разговаривали о том, что они могли бы сделать со своими участками, если бы у них было время. Но Ли, конечно, никогда ничего не сделает. Он юрист, но, кажется, и юриспруденцией занимается не очень усердно. У него большой кабинет, битком набитый юридической литературой, и в свое время он любил пространно поговорить об этих книгах, хотя, по-видимому, никогда их не раскрывал. Обычно он заводил такой разговор, основательно нагрузившись, а это случалось довольно часто, так как он считал себя мыслителем и твердо верил, что спиртное помогает думать.

Когда Стюарт вернулся к своему столу, до конца рабочего дня оставалось все еще больше часа. Найт украдкой достал из портфеля свежий номер журнала «Сделай сам» и начал перелистывать его, краем глаза посматривая по сторонам, чтобы быстро спрятать журнал, если кто-нибудь обратит внимание на то, что он бездельничает.

Он уже читал все статьи раньше и теперь просматривал рекламу. Жаль, подумал он, что у человека не хватит времени переделать такую уйму дел.

Например:

подобрать себе очки (инструменты для шлифовки и проверки линз включаются в комплект);

удалить самому себе гланды (полные инструкции и необходимые инструменты);

превратить пустующую комнату в персональную больничную палату (какой смысл покидать дом во время болезни — именно тогда-то вы больше всего нуждаетесь в утешении и спокойствии);

сделать собственные лекарства (начать с выращивания пятидесяти лекарственных растений; имеются подробные инструкции, как ухаживать за ними и обрабатывать урожай);

вырастить своей жене шубку (пара норок, одна тонна лошадиного мяса, скорняжные инструменты);

сшить себе костюм и пальто (пятьдесят ярдов шерстяной материи и приклад);

собрать телевизор;

переплести книги;

построить собственную электростанцию (пусть на вас работает ветер);

собрать собственного робота (мастер на все руки, умен, послушен, не требует отпуска и платы за сверхурочную работу, находится при деле все двадцать четыре часа в сутки, никогда не устает, не нуждается ни в отдыхе, ни в сне, выполняет любую работу).

Найт подумал, что это стоящее дело. Если завести такого робота, то помощь от него будет великая. Можно достать всякие приспособления к нему. Робот, как говорится в рекламе, может менять как перчатки приспособления для различных видов работ.

Если бы у него был робот, он бы его посылал каждое утро в огород собирать кукурузу, фасоль, горох, помидоры и другие овощи, а потом складывать их на задней веранде дома. Наверно, тогда огород давал бы гораздо больше, потому что робот никогда не сорвет недозрелого помидора и не даст перезреть кукурузе.

Есть всякие приспособления: и для уборки дома, и для разгребания снега, и для покраски... В общем, почти для любой работы. Купить полный набор приспособлений, потом составить рабочую программу и целиком положиться на робота — так можно свалить с плеч дела по дому, потому что робот заботился бы обо всем.

Остановка только за одним. Стоит комплект частей робота почти десять тысяч долларов, да набор приспособлений обойдется не меньше.

Найт закрыл журнал и положил его в портфель.

Посмотрев на часы, он увидел, что до конца рабочего дня осталось минут пятнадцать. За работу приниматься не стоило, и Найт продолжал бездельничать и думать о том, как он вернется домой и найдет там комплект, который уже ждет его.

Он всегда хотел иметь собаку, но Грейс не разрешала. Собаки грязны, говорила она, они треплют ковры, у них блохи, они линяют, оставляют всюду шерсть, и, кроме того, от них... дурно пахнет.

Ну, против искусственной собаки она возражать не станет. От такой собаки не будет дурно пахнуть, есть гарантия, что ни линять, ни заводить блох она не будет, потому что блохи подохли бы с голоду на полумеханической, полубиологической собаке.

Он надеялся, что собака его не разочарует, так как на всякий случай тщательно изучил литературу по этому вопросу. Собака ходила бы с ним на прогулки, носила бы поноску и гоняла дичь. А что еще можно от нее требовать? Для полноты картины она будет приветствовать каждый столб и дерево, но фирма гарантирует, что никаких пятен после этого не остается.

Когда он подлетал к дому, комплект уже лежал у двери сарая, но сначала Найт его не заметил. Потом, увидев комплект, он еще на лету стал рассматривать его и так вытянул шею, что чуть не врезался в изгородь. К счастью, ему удалось посадить летательный аппарат точно на усыпанную гравием площадку, и еще не перестали вращаться винты, как он уже бросился к сараю.

Да, это комплект. К верху упаковочной клети был прикреплен конверт с накладной. Но комплект оказался более громоздким и тяжелым, чем ожидал Найт. Он подумал, а не прислали ли ему по ошибке какую-нибудь большую собаку — не ту, что он заказывал.

Он попытался поднять клеть, но не осилил и пошел обратно в дом, чтобы притащить из подвала тележку.

Завернув за угол, он остановился на секунду и осмотрел свой участок. Тут можно многое сделать, подумал он, было бы только время и деньги на покупку оборудования. Можно было бы превратить участок в большой сад. Надо попросить планировщика сделать проект... впрочем, если купить книги по планировке садов и посидеть над ними несколько вечеров, можно, по-видимому, все сделать самому.

На северном конце участка было озерцо, и сад, как ему казалось, следовало разбить именно там. Сейчас земля вокруг озера сырая, настоящее болото. На ветру колышутся заросли бурьяна и камыша. Но если выкопать дренажные канавки, по-

садить культурные растения, продолжить дорожки и перекинуть через канавки живописные мостики, то все будет выглядеть прелестно.

Найт перевел взгляд на дом Энсона Ли, стоящий за озерцом на холме. Как только собака будет собрана, он прогуляется с ней туда. Собака, наверно, понравится Ли. Иногда Найт чувствовал, что Ли не совсем одобряет то, что он делает. Например, то, что он помог Грейс сделать печь для обжига и сушки. Им тогда несколько раз удавалось выманить Ли из дому и отправить на поиски нужных сортов глины.

— Для чего вам нужно делать эти горшки? — спросил он.— К чему все эти хлопоты? Купите их, это обойдется в десять раз дешевле.

Ли отнесся без должного уважения к объяснениям Грейс, которая утверждала, что собирается делать не простые горшки. Керамика, говорила она,— признанный вид искусства. Она так увлеклась этим и добилась таких успехов (некоторые ее работы были действительно хороши), что Найт счел возможным прекратить работу над моделью железной дороги и пристроить к уже разросшемуся дому еще одно помещение — для хранения, сушки и выставки керамики.

Года два назад, когда Найт построил мастерскую для Грейс, Ли не сказал ни слова. Ей надоело заниматься керамикой, и она переключилась на живопись. Однако Найт чувствовал: Ли молчал только потому, что был убежден в бесплодности дальнейших споров.

Но собаку Ли должен одобрить. Найт гордился своей дружбой с Ли. Это превосходный человек... хоть и не идет в ногу со временем. Все поглощены какими-нибудь делами, а Ли живет полегоньку, занятый своей трубкой и книгами, кстати, не имеющими никакого отношения к юриспруденции.

Даже дети теперь интересуются более серьезными вещами. Играя, они учатся.

Мэри, до того как она вышла замуж, интересовалась агрономией. Ее оранжерея стояла у подножия холма, и Найт жалел, что не мог продолжить ее работу. Всего несколько месяцев назад он демонтировал ее гидропонные баки.

Джон, естественно, занялся ракетами. Много лет он с товарищами усеивал окрестности своими экспериментальными моделями. Самая последняя и большая, но не законченная до

сих пор возвышается над домом. Найт говорил себе, что он когда-нибудь возьмет и закончит то, что начал делать сынишка. В университете Джон теперь увлекается тем же, но круг его интересов, по-видимому, стал гораздо шире. Найт подумал, что у него хороший сын. Да, сэр, очень хороший сын.

Найт направился по скату в подвал за тележкой. Как всегда, несколько секунд он постоял, оглядывая свои владения — здесь поистине было все, что интересовало его в жизни. Вон там, в углу, мастерская. А тут модель железной дороги, над которой он временами работал. За ней — фотолаборатория. Он вспомнил, как в подвале не хватило места для лаборатории и он был вынужден пробить часть стены. Повозиться пришлось гораздо больше, чем он думал.

Захватив тележку, Найт пошел к сараю, погрузил комплект и отвез в подвал. Потом он взял ломик и стал вскрывать упаковочную клеть. Он работал неторопливо и сноровисто: ему приходилось распаковывать немало комплектов, и он знал, как управляться с ними.

Когда он вынул детали, им овладело смутное беспокойство. Они были странной формы и больших размеров.

Прерывисто дыша от усилий и волнения, он стал снимать обертки. Уже со второй детали он понял, что ему прислали не собаку. Сняв обертку с пятой детали, он уже определенно знал, что это такое.

Это робот... и, насколько он мог судить, лучшая, самая дорогая модель!

Он присел на угол упаковочной клети, достал платок и вытер лоб. Наконец он вскрыл конверт с накладной.

«Мистеру Гордону Найту,— говорилось в ней.— Один комплект собаки, оплачено полностью».

С точки зрения компании «Сделай сам, инкорпорейтед» он получил собаку. И за нее заплачено... полностью, как написано в накладной.

Он встал, потом снова сел и посмотрел на детали робота.

Никто никогда ни о чем не догадается. Придет время переучета, и компания обнаружит у себя лишнюю собаку. Одного робота будет не хватать, но попробуй разберись, в чем тут дело, если целые вагоны комплектов собак и тысячи проданных роботов уже укатили во все стороны.

Гордон Найт ни разу в жизни не совершал сознательно ни одного бесчестного поступка. Но теперь он принял бесчестное

решение и знал, что поступает нечестно, и не мог ничего сказать в свое оправдание. Быть может, хуже всего было то, что он обманывал даже самого себя.

Сначала он решил, что отошлет этого робота назад, но так как он всегда мечтал собрать робота, то сперва соберет его, потом разберет, снова запакует и отправит компании. Он не будет включать его, просто соберет...

И в то же время он знал, что лжет самому себе; он понимал, что мало-помалу, шаг за шагом придет к бесчестному поступку. Он знал, что делает так потому, что совершить откровенный обман у него не хватает наглости.

В тот вечер он сидел и, внимательно читая инструкцию, рассматривал каждую деталь. Именно так и следовало управляться с комплектами «Сделай сам». Надо было не спеша, пункт за пунктом разобраться во всем и только потом приступить к сборке. Найт по опыту знал, что торопливость здесь ни к чему. Кроме того, ему, быть может, уже никогда не попадет в руки еще один робот.

На службе начались четырехдневные каникулы, и Найт энергично принялся за дело, вкладывая в него всю душу. Он имел слабое представление о биологии, и ему пришлось заглянуть в учебник органической химии, чтобы познакомиться с некоторыми процессами. Дело продвигалось туго. Давно уже он не брался за органическую химию и теперь обнаружил, что растерял даже начатки знаний.

На второй день перед сном он выудил из учебника достаточно сведений, чтобы собрать робота.

Его немного расстроила Грейс, которая увидела, чем он занимается, и стала немедленно придумывать для робота дела по хозяйству. Чтобы отделаться от нее, он надавал ей всяких обещаний и на следующий день приступил к сборке.

Он легко смонтировал робота не только потому, что ловко работал инструментами, но еще и потому, что с фанатичным рвением следовал первому принципу обращения с комплектами «Сделай сам» — сначала получи полное представление о предстоящей работе.

Во-первых, он уверил себя, что, собрав робота, он тотчас же приступит к его разборке. Но когда робот был сделан, Найту захотелось посмотреть, как он действует. Что за смысл убить

так много времени и не убедиться в том, что все сделано как следует? Найт щелкнул тумблером, приводящим робота в действие, и привинтил последнюю пластинку.

Робот ожил и посмотрел на Найта.

Потом он сказал:

— Я робот. Меня зовут Альбертом. Что надо сделать?

— Спокойно, Альберт,— торопливо сказал Найт.— Присядьте и отдохните, мы поговорим.

— Я не нуждаюсь в отдыхе,— произнес робот.

— Хорошо, тогда просто стойте на месте. Я, конечно, не могу оставить вас у себя. Но раз уж вы включены, мне бы хотелось посмотреть, что вы умеете делать. Надо поработать по хозяйству и в саду, подровнять газон, и потом, я думал о планировке участка.— Он замолчал и хлопнул себя по лбу.— Приспособления! Как мне достать приспособления!

— Ничего,— произнес Альберт.— Не беспокойтесь. Только скажите, что надо делать.

И Найт сказал ему, что надо делать. Напоследок он смущенно дал задание спланировать и разбить сад.

— Сотня акров — это большой участок, а вы не можете тратить на эту работу все время. Грейс хочет, чтобы вы работали по дому и, кроме того, в огороде и на газоне...

— Я скажу вам, что делать,— проговорил Альберт.— Я составлю список материалов, которые надо заказать, а все остальное предоставьте мне. У вас хорошо оборудованная мастерская.

— Вы хотите сказать, что сами сделаете себе приспособления?

— Не беспокойтесь,— сказал ему Альберт.— Где карандаш и бумага?

Найт принес ему карандаш и бумагу, и робот составил список материалов (сталь различных марок, алюминиевые заготовки различных размеров, медная проволока и многое другое).

— Вот! — сказал Альберт, протягивая Найту бумагу.— Это будет стоить не больше тысячи долларов и даст нам возможность работать. Поскорее закажите все, и мы начнем.

Найт сделал заказ, а Альберт принялся рыскать и быстро собирать в кучу железный лом, валявшийся повсюду.

— Все пойдет в дело,— сказал он.

Альберт выбрал несколько кусков стали, включил кузнечный горн и стал работать. Найт понаблюдал за ним немного и пошел обедать.

— Альберт — чудо,— сказал он Грейс.— Он сам делает себе приспособления.

— Ты ему сказал, что я просила сделать?

— Конечно. Но сперва ему надо сделать приспособления.

— Я хочу, чтобы он поддерживал в доме чистоту,— сказала Грейс,— потом надо сделать новые портьеры, покрасить кухню и починить все эти текущие водопроводные краны, к которым ты так и не удосужился приложить руку.

— Да, дорогая.

— И мне хотелось бы, чтобы он выучился готовить.

— Я его не спрашивал, но мне кажется, он сможет это сделать.

— Он мне окажет великую помощь,— сказала Грейс.— Подумать только, я смогу теперь тратить на живопись все свое время.

Благодаря многолетней практике Найт точно знал, как ему вести себя в этой фазе разговора. Он как бы раздвоился. Одна его часть сидела, слушала и время от времени что-то отвечала, а другая продолжала думать о более важных делах.

Ночью он несколько раз просыпался и слышал, как в мастерской стучит Альберт. Он каждый раз изумлялся этому, но потом вспоминал, что робот работает круглые сутки, изо дня в день. Найт лежал, глядя на темный потолок, и поздравлял себя с приобретением робота. Но конечно, это только временно... Он отошлет Альберта обратно через несколько дней. А сперва позабавится с ним немного. Ну что тут плохого?

На следующий день Найт спустился в подвал и предложил роботу свою помощь, но Альберт вежливо отклонил ее. Найт постоял немного, потом отошел от робота и попытался возбудить в себе интерес к модели локомотива, которую начал делать два года назад, да все откладывал ради чего-то другого. Но ему почему-то не работалось, он сел и стал думать, что же с ним такое происходит. Может быть, ему нужно новое увлечение? Он мечтал заняться кукольным театром, теперь на это хватит времени.

Найт достал каталоги и журналы «Сделай сам» и начал листать их, но проявил интерес, и то умеренный, только к стрельбе из лука, альпинизму и постройке лодок. Ко всему остальному он остался холоден. Казалось, ничто не могло вдохновить его сегодня.

Тогда он отправился навестить Энсона Ли.

Ли лежал в гамаке, покуривал трубку и читал Пруста; под рукой на земле стоял кувшин.

Ли отложил книгу и указал на другой гамак, висевший поблизости.

— Залезайте и давайте отдыхать.

Найт устроился в гамаке, чувствуя себя довольно глупо.

— Поглядите на небо,— сказал Ли.— Вы когда-нибудь видели такое голубое небо?

— Я в этом ничего не понимаю,— ответил Найт.— В метеорологии не разбираюсь.

— В птицах вы тоже не разбираетесь?

— Когда-то я был членом клуба наблюдателей за птицами.

— И так трудились, что года не прошло, как вы устали и ушли из клуба. Наблюдение за птицами вы превратили в гонку на выносливость. Каждый старался увидеть больше птиц, чем другой. Вы сделали из этого соревнование. И наверно, вели журнал наблюдений.

— Ну и вел. Что в этом плохого?

— Ничего,— сказал Ли,— если бы вы не делали все с какой-то мрачной непреклонностью.

— Мрачной непреклонностью? С чего вы взяли?

— Таков уж ваш образ жизни. Теперь все так живут. Кроме меня, конечно. Посмотрите на ту малиновку, что сидит на яблоне. Мы с ней дружим. Вот уже шесть лет, как мы знакомы. Об этой птичке я мог бы написать целую книгу... и если бы малиновка могла читать, она одобрила бы ее. Но я, конечно, писать не буду. Стоит начать писать, и я уже не смогу наблюдать за малиновкой.

— Вы можете писать зимой, когда малиновки улетают.

Он наклонился, взял кувшин и протянул его Найту.

— Крепкий сидр,— пояснил он.— Сам сделал. И не потому, что прочел инструкцию или выдумал себе любимую привычку, а просто я люблю сидр, но по-настоящему делать его теперь никто не может. Чтобы он имел нужный вкус, надо оставлять в некоторых яблоках червей.

При упоминании о червях Найт выплюнул сидр, который он еще не успел проглотить, и вернул кувшин. Ли воспринял это добродушно.

— Первая работа за много лет, которую я сделал добросовестно.— Поставив кувшин на грудь, он тихо раскачивался в

гамаке.— Всякий раз, когда у меня начинается рабочий зуд, я смотрю через озеро на вас и решаю не работать. Сколько комнат вы добавили к своему дому, с тех пор как его построили?

— Восемь,— гордо сказал ему Найт.

— Господи! Подумать только... восемь комнат!

— Это нетрудно,— запротестовал Найт,— надо только приноровиться. Право, это даже интересно.

— Сотни две лет назад люди не пристраивали по восемь комнат к своим домам. И вообще они сами себе не строили домов. И не увлекались сразу десятком любимых дел. У них не было на это времени.

— Теперь все просто. Надо только купить комплект «Сделай сам».

— Это самообман,— сказал Ли.— Очень просто делать вид, что занимаешься чем-то стóящим, а на самом деле вы растрачиваете себя по пустякам. Как вы думаете, почему компания «Сделай сам» так разбогатела? Потому что люди нуждались в ее услугах?

— Делать самому дешевле. Зачем платить за вещь, когда ее можно сделать самому?

— Может быть, и это одна из причин. Может быть, сначала это было причиной. Но какими экономическими соображениями обоснована постройка дополнительных восьми комнат? Кому нужны эти восемь комнат? Я сомневаюсь даже, что первопричиной было желание сэкономить деньги. У людей слишком много свободного времени, которое надо на что-то убить, вот они и придумывают себе увлечения. Люди работают не потому, что им нужны все эти вещи, которые они делают, а потому, что это позволяет им заполнить пустоту своего существования, возникшую в результате укороченного рабочего дня. Им нужно чем-то заниматься во время вынужденного отдыха. Что же касается меня, то я знаю, чем мне заниматься.

Он поднял кувшин и предложил Найту выпить. На этот раз Найт отказался...

Они лежали в гамаках, поглядывая на голубое небо, и наблюдали за малиновкой. Найт сказал, что для горожан есть специальные комплекты «Сделай сам», с помощью которых они могут мастерить роботов-птиц. В смехе Ли звучала жалость к горожанам, и Найт смущенно умолк.

Когда Найт вернулся домой, какой-то робот подстригал траву возле частокола. У него было четыре руки с четырьмя парами ножниц, и работу он делал ловко и споро.

— Вы не Альберт, нет? — спросил Найт, пытаясь догадаться, как этот странный робот мог забрести к нему на участок.

— Нет,— сказал робот, продолжая подстригать траву.— Я Авраам. Меня сделал Альберт.

— Сделал?

— Альберт произвел меня, чтобы я работал. Не думаете же вы, что Альберт будет работать сам?

— А кто его знает,— сказал Найт.

— Если вы хотите поговорить со мной, двигайтесь рядом. Мне надо работать.

— А где сейчас Альберт?

— В подвале. Он производит Альфреда.

— Альфреда? Еще одного робота?

— Конечно. Для этого Альберт и существует.

Найт почувствовал слабость в ногах и прислонился к столбу.

Сначала был один робот, а теперь их два, и Альберт в подвале делает третьего. Так вот почему Альберт хотел, чтобы он сделал заказ на сталь и другие материалы... но заказ еще не доставлен, он, должно быть, сделал этого робота... этого Авраама... из собранного лома!

Найт поспешил в подвал, где у горна работал Альберт. Еще один робот был частично собран, и повсюду лежали готовые детали.

Угол подвала напоминал какой-то металлический кошмар.

— Альберт!

Альберт обернулся.

— Что здесь происходит?

— Я воспроизвожусь,— вежливо ответил Альберт.

— Но...

— В меня вмонтирован материнский инстинкт. Я не знаю, почему меня назвали Альбертом. Мне надо было дать женское имя.

— Но вам не следовало делать других роботов!

— Погодите, перестаньте волноваться. Вам нужны роботы, не так ли?

— Ну... пожалуй.

— Вот я их и делаю. Я сделаю все, что вам надо.

Он снова принялся за работу.

Робот, который делает других роботов... да это же целое богатство! Робот обходится в кругленькую сумму... в десять тысяч долларов, а Альберт сделал одного и мастерит другого. Двадцать тысяч долларов!

Возможно, Альберт способен делать больше двух роботов в день. Он работает на металлическом ломе, а когда придут новые материалы, он, по-видимому, ускорит производство.

Но даже если он будет делать по два робота в день... Это значит, что в месяц он будет производить роботов на полмиллиона долларов! На шесть миллионов в год!

Найт с ужасом вдруг сообразил, что здесь что-то не так. Роботы не должны производить себе подобных. А если и существовал такой робот, то компания «Сделай сам» не выпустила бы его из рук.

И все же положение таково, что робот, даже не принадлежащий ему, делает других роботов с головокружительной быстротой.

Найт подумал, что, наверно, на производство роботов требуется официальное разрешение. Прежде он никогда не интересовался этим вопросом, но такое соображение показалось ему резонным. К тому же робот был не просто машиной, а имитацией живого человека. Найту пришло в голову, что должны существовать какие-нибудь правила и положения, правительственный надзор, и он представил себе, правда довольно смутно, сколько же законов он, возможно, сейчас нарушает.

Он посмотрел на Альберта, который по-прежнему работал; Найт был уверен, что робот не поймет его тревог.

Тогда он поднялся наверх и пошел в комнату для игр и развлечений, которую он пристроил несколько лет назад и с тех пор ни разу не использовал по назначению, хотя она была полностью оборудована столами для пинг-понга и бильярда, сооруженными по рецептам «Сделай сам». В ненужной комнате для игр и развлечений был ненужный бар. Найт нашел в нем бутылку виски. После пятой или шестой рюмки жизнь предстала перед ним в розовом свете.

Он взял бумагу и карандаш и попытался подсчитать прибыльность нового дела. И сколько он ни считал, все выходило, что он богатеет быстрее, чем любой другой человек когда бы то ни было.

Однако он понимал, что могут возникнуть трудности, если продавать роботов, не имея соответствующих средств производства, официального разрешения, поскольку таковое требовалось, и еще многого, о чем он не знал.

Но какие бы неприятности ему ни грозили, он не особенно приходил в уныние, принимая во внимание, что в течение года он станет мультимиллионером. Он бодро приложился к бутылке и напился впервые за двадцать лет.

Прилетев на следующий день с работы домой, он увидел, что газон подстрижен так, как его никогда не подстригали. Цветочные грядки были прополоты, а огород вскопан. Частокол только что покрасили. Два робота, снабженные телескопическими ногами вместо лестниц, красили дом.

Внутри дома не было ни пятнышка, и он услышал, как Грейс что-то весело напевает в своей мастерской. В комнате для шитья робот (со швейной машинкой, привинченной к груди) делал портьеры.

— А вы кто? — спросил Найт.

— Вы должны знать меня,— сказал робот.— Вы разговаривали со мной вчера. Я Авраам — старший сын Альберта.

Найт вышел из комнаты.

В кухне еще один робот хлопотливо готовил обед.

— Я Адельберт,— сказал он Найту.

Найт вышел на крыльцо. Роботы начали красить фасад дома и перебирались к боковой стороне.

Найт сел в плетеное кресло и снова задумался.

Некоторое время он не будет уходить с работы, чтобы не вызывать подозрений, но и оставаться долго нельзя. Вскоре ему придется полностью посвятить себя продаже роботов и другим делам. По-видимому, ему нужно побольше бездельничать, чтобы его уволили с работы. Но, подумав, он пришел к заключению, что делать уж меньше того, что он делает на службе, просто невозможно. Работа проходит через столько рук и машин, что в конце концов каким-то образом оказывается выполненной.

Ему придется придумать какую-нибудь правдоподобную историю о наследстве или найти другой предлог для ухода. Секунду он тешил себя мыслью, что скажет правду, но тотчас решил, что правда звучала бы слишком фантастично... во всяком случае, правду говорить не стоит, пока он немного не разберется в своем положении.

Найт встал с кресла и пошел в подвал. Сталь и другие материалы, которые он заказывал, были доставлены. Их аккуратно сложили в углу.

Найт стал лениво собирать упаковочный материал, который оставался на полу, с тех пор как он распаковал Альберта. В куче мягкой стружки он нашел маленькую синюю табличку, которая, как он помнил, была прикреплена к ящичку с мозгом робота.

Он поднял ее и прочел. На ней стоял номер Х-190.

«Х» означает экспериментальную модель! И тут он понял все.

«Сделай сам, инкорпорейтед» создала Альберта и, упаковав, отправила на склад, потому что компания вряд ли позволила бы себе выбросить на рынок такой товар. Этим она сама себе обеспечила бы финансовый крах. Продай она десяток Альбертов, и года через два рынок пресытился бы роботами.

И стоили бы они не десять тысяч. Их продавали бы почти по себестоимости. Так как их производил бы не человек, цена на них неизбежно упала бы.

— Альберт,— сказал Найт.

— Что? — рассеянно откликнулся робот.

— Взгляните на это.

Альберт подошел и взял табличку, которую протянул ему Найт.

— А... это! — сказал он.

— Могут быть неприятности.

— Никаких неприятностей не будет, хозяин,— заверил Альберт.— Меня не опознают.

— Не опознают?

— Я сточил номера и изменил отделку. Никто не сможет доказать, что я — это я.

— Но почему вы это сделали?

— Чтобы на меня не предъявили претензий и не взяли обратно. Меня сделали, потом испугались и изолировали. Но я попал сюда.

— Кто-то ошибся,— сказал Найт.— Наверно, во время отгрузки. Вас прислали вместо собаки, которую я заказал.

— Вы меня не испугались. Вы собрали меня и позволили работать. Я остаюсь с вами, хозяин.

— И все же мы можем попасть в беду, если не будем осторожны.

— Никто ничего не сможет доказать,— настаивал Альберт.— Я поклянусь, что это вы сделали меня. Я не дам забрать меня обратно. Второй раз мне улизнуть не позволят. Меня превратят в лом.

— Если вы сделаете слишком много роботов...

— Вам нужно много роботов, чтобы переделать всю работу. Думаю, для начала понадобится штук пятьдесят.

— Пятьдесят!..

— Конечно. На это уйдет примерно месяц. Теперь, когда у меня есть заказанные вами материалы, я могу ускорить производство. Кстати, вот счет за материалы.

Он извлек из углубления, служившего ему карманом, полоску бумаги и вручил ее Найту.

Увидев сумму, Найт заметно побледнел. Она вдвое превышала его расчеты... но, конечно, суммы, вырученной от продажи хотя бы одного робота, хватит с избытком.

Альберт похлопал Найта увесистой рукой по спине.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я позабочусь обо всем.

Стая роботов, вооруженных специальными приспособлениями, приступила к работе на участке. Заросшая, неухоженная земля обретала другой вид. Озерцо было вычищено и углублено. Проложены дорожки. Построены мостки. На склоне холма устроены террасы. Разбиты большие цветочные клумбы. Деревья выкопаны и пересажены так, что радовали глаз. Пущены в ход старые печи для обжига — кирпичи пошли на дорожки и стены. Сделаны модели парусных кораблей — поставленные на якоря, они очень украсили озеро. Построены пагода и минарет, а вокруг них посажены вишневые деревья.

Найт поговорил с Энсоном Ли. Тот с видом прожженного стряпчего сказал, что разберется в ситуации.

— Вы, возможно, стоите на грани нарушения закона,— добавил он.— Но как близко вы подошли к этой грани, я могу сказать, только посмотрев соответствующие статьи.

Однако ничего не случилось.

Работа продолжалась.

Ли по-прежнему лежал в гамаке и, прижимая к себе кувшин с сидром, с изумлением наблюдал за тем, что творилось на участке соседа.

Потом пришел налоговый инспектор.

— С тех пор как я был здесь в последний раз, у вас стало лучше,— сказал чиновник.— К сожалению, я вынужден увеличить сумму налога.

Он что-то записал в книжку, которую держал на колене.

— Слышал о ваших роботах,— продолжал он.— Это движимое имущество. Оно облагается. Сколько их у вас?

— Примерно несколько десятков,— уклончиво ответил Найт.

Чиновник сел попрямее и принялся считать тех роботов, что были на виду, тыча в сторону каждого карандашом.

— Слишком уж быстро они передвигаются,— пожаловался он.— Не ручаюсь за точность, но штук тридцать восемь я насчитал. Правильно?

— Не думаю,— ответил Найт, сам не знавший, сколько их, но уверенный, что их будет больше, если чиновник посидит еще немного.

— Каждый из них стоит десять тысяч долларов. Амортизация, стоимость содержания и так далее... оценим каждого в пять тысяч. Все вместе... сейчас подсчитаем, они стоят сто девяносто тысяч долларов.

— Нет, вы послушайте,— запротестовал Найт,— нельзя же...

— Я к вам подошел по-хорошему,— заявил чиновник.— По правилам я должен скинуть на амортизацию всего одну треть.

Он ждал, что Найт будет спорить, но тот уже сообразил, что лучше помолчать. Чем дольше этот человек будет оставаться здесь, тем больше шансов, что сумма налога возрастет.

Когда чиновник скрылся из виду, Найт пошел в подвал, чтобы поговорить с Альбертом.

— Я воздерживался, пока приводили в порядок участок,— сказал Найт.— Кажется, я больше воздерживаться не могу. Нам придется продать несколько роботов.

— Продать? — в ужасе повторил Альберт.

— Мне нужны деньги. Только что здесь был налоговый инспектор.

— Хозяин, роботов продавать нельзя!

— Почему нельзя?

— Потому что это моя семья. Роботы — мои сыновья. Судите по их именам.

— Это смешно, Альберт.

— Все их имена начинаются с А, как и мое имя. Они все, что у меня есть, хозяин. Я тяжко трудился, чтобы сделать их.

Между мной и моими мальчиками существуют такие же узы, как между вами и вашим сыном. Я не могу позволить продать их.

— Но, Альберт, мне нужны деньги.

Альберт похлопал его по плечу.

— Не беспокойтесь, хозяин. Я все устрою.

Найт только махнул рукой. Во всяком случае, налог на движимое имущество надо платить еще через несколько месяцев, и за это время он, безусловно, что-нибудь придумает. Но времени терять не следует, в течение двух месяцев деньги нужно достать. Это стало очевидным на другой же день, когда Найт получил приглашение явиться в Департамент государственных сборов.

Всю ночь он думал, не лучше ли совсем скрыться. Он пытался сообразить, как это человек может исчезнуть, и чем больше он думал, тем яснее сознавал, что в век досье, проверок по отпечаткам пальцев и прочих ухищрений для опознания личности надолго не скроешься.

Чиновник Департамента государственных сборов был вежлив, но непреклонен.

— Нам сообщили, мистер Найт, что за последние несколько месяцев у вас наблюдается значительное увеличение капитала.

— Увеличение капитала,— сказал Найт, вытирая пот со лба.— Никакого увеличения капитала у меня нет.

— Мистер Найт,— заметил по-прежнему вежливый, но непреклонный чиновник,— я говорю о пятидесяти двух роботах.

— Роботах? Пятидесяти двух?

— По нашим подсчетам. Вы считаете, что мы ошиблись?

— О нет,— торопливо согласился Найт.— Раз вы говорите, что их пятьдесят два, то я вам верю.

— Насколько мне известно, розничная цена каждого — десять тысяч долларов.

Найт уныло кивнул.

Чиновник с карандашом в руке занялся подсчетами.

— Пятьдесят два раза по десять тысяч — это будет пятьсот двадцать тысяч. Облагается только пятьдесят процентов прироста капитала, или двести шестьдесят тысяч долларов. Следовательно, вам надо уплатить примерно сто тридцать тысяч долларов.

Его взгляд встретился с тусклым взглядом Найта.

— К пятнадцатому числу следующего месяца,— сказал чиновник,— ждем от вас декларации о доходах. Тогда же вы заплатите половину суммы налога, остальное можете выплатить по частям.

— И это все, что вы хотели от меня?

— Все,— неуместно радуясь, сказал чиновник.— Есть еще одно дело, но оно не входит в мою компетенцию, и я упоминаю о нем только для того, чтобы предупредить вас, если вы еще не думали об этом. Кроме федерального налога, вам надо будет уплатить налог штата, хотя, конечно, он не так велик.

— Спасибо, что напомнили,— сказал Найт, поднимаясь.

У двери чиновник остановил его.

— Мистер Найт, то, о чем я спрошу вас, тоже не входит в мою компетенцию... Мы навели справки о вас и узнали, что вы получаете десять тысяч долларов в год. Это уж мое личное любопытство, но скажите, пожалуйста, как вы, получая десять тысяч в год, вдруг сумели нажить еще полмиллиона?

— Этому я и сам удивляюсь,— ответил Найт.

— Мы заботимся, естественно, только о том, чтобы вы уплатили налог, но вами может заинтересоваться какое-нибудь другое правительственное учреждение. На вашем месте, мистер Найт, я бы постарался придумать хорошее объяснение.

Найт вышел, прежде чем чиновник дал ему еще один хороший совет. У него и без того было достаточно причин для беспокойства.

Летя домой, Найт решил, что, хочет того Альберт или нет, ему придется продать определенное число роботов. Дома он тотчас спустится в подвал и скажет об этом Альберту.

Но когда он прибыл, Альберт уже ждал его на посадочной площадке.

— Здесь был представитель «Сделай сам»...

— Не продолжайте,— простонал Найт.— Я знаю, что вы хотите сказать.

— Я все устроил,— с фальшивым воодушевлением продолжал Альберт.— Я сказал ему, что меня сделали вы. Я позволил ему осмотреть меня и всех роботов. Он не мог найти клейма компании ни на ком из нас.

— Конечно не мог. Свои вы сточили, а на других не ставили.

— Ему не к чему было прицепиться, но он считает, что доказательства найдутся. И сказал, что подаст в суд.

— Если он этого не сделает, то будет единственным человеком, который не щелкнет нас по носу. Налоговый инспектор

только что сказал мне, что я должен правительству сто тридцать тысяч.

— А, деньги,— сияя, молвил Альберт.— Я все устроил.

— Вы знаете, где мы можем достать денег?

— Конечно. Пойдемте со мной, увидите.

Он повел Найта в подвал и показал на два свертка, перевязанных проволокой.

— Деньги,— сказал Альберт.

— В этих свертках настоящие деньги? Долларовые бумажки? Не театральный реквизит и не сигарные купоны?

— Долларовых бумажек здесь нет. Главным образом десятки и двадцатки. Несколько пятидесятидолларовых банкнотов. Мы долларовыми ассигнациями не занимались. Слишком много возни, чтобы сделать их приличное количество.

— Вы хотите сказать... Альберт, вы сделали эти деньги?

— Вы сказали, что вам нужны деньги. Ну, мы взяли несколько банкнотов, сделали анализ краски, выяснили состав и структуру бумаги и изготовили клише. Не люблю быть нескромным, но они действительно сделаны превосходно.

— Фальшивомонетчик! — завопил Найт.— Сколько денег в этих свертках?

— Не знаю. Мы их делали, пока не решили, что хватит. Если их недостаточно, мы всегда можем сделать еще.

Найт знал, что объяснять что-либо бесполезно, но мужественно приступил к этому делу:

— Правительство хочет получить с меня деньги, которых у меня нет, Альберт. Ко мне может прицепиться и Министерство юстиции. Компания «Сделай сам», скорее всего, подаст на меня в суд. У меня достаточно неприятностей. И я не хочу, чтобы мне предъявили обвинение в подделке денег. Возьмите эти деньги и сожгите их,— приказал Найт.— А когда вы сожжете деньги, вылейте краску, искрошите клише и ударьте несколько раз кувалдой по печатному станку, который вы соорудили. И никогда не говорите об этом ни слова кому бы то ни было... кому бы то ни было, вы понимаете?

— Вы попали в беду, хозяин. И мы просто хотели вам помочь.

— Я знаю это и ценю. Но сделайте так, как я сказал.

— Ладно, хозяин, если вы этого хотите.

— Альберт!

— Да, хозяин.

Найт хотел было сказать: «Послушайте, Альберт, нам придется продать робота, хоть он и член вашей семьи, хоть вы и сделали его».

Но он не мог сказать этого, и не только потому, что Альберт делал все возможное, чтобы помочь ему. И он сказал:

— Спасибо, Альберт. Жаль, что ничего не вышло.

Потом он пошел наверх и наблюдал, как роботы жгут пачки денег. И один Бог знает, сколько фальшивых миллионов превратилось в дым.

В тот же вечер, сидя на газоне, Найт размышлял, правильно ли поступил он, приказав сжечь фальшивые деньги. Альберт сказал, что их нельзя отличить от настоящих денег, и, по-видимому, это было правдой, потому что когда шайка Альберта берется за дело, она делает его так, что комар носа не подточит. Но это было бы нарушением закона, а он до сих пор не делал ничего по-настоящему незаконного... хотя он и распаковал и собрал Альберта, не купив его, что было по меньшей мере неэтично.

Найт думал о будущем. Оно не было светлым. Дней через двадцать придется подать декларацию о доходах. Придется платить огромный налог на движимое имущество и уладить дело с налогом штата. И, более чем очевидно, компания «Сделай сам» возбудит против него дело в суде.

Однако есть способ обойти все неприятности. Он может отослать Альберта и других роботов компании «Сделай сам», и тогда она не будет иметь оснований для предъявления иска, а сборщикам налогов он объяснит, что произошла большая ошибка.

Но это не выход из положения по двум причинам.

Во-первых, Альберт не захочет вернуться. Найт не имел никакого представления, что может сделать Альберт в подобной ситуации, но он не захочет вернуться, так как боится, что его превратят в груду металлического лома.

И во-вторых, Найту не хотелось отказываться от роботов без боя. Он узнал их и полюбил. Более того, это вопрос принципа.

Так он и сидел, придавленный неприятностями, запутавшийся маленький клерк, который никогда звезд с неба не хватал, а катился по социальной и экономической колее, прорезанной кем-то другим.

«Боже мой,— думал он,— пришел опаснейший час моей жизни. Что хотели, то и делали со мной, меня запугивали, и мне больше невтерпеж. Я покажу им, что так поступать с Гордоном Найтом и его роботами нельзя».

Он был доволен своим настроением, и ему понравилась сама мысль о Гордоне Найте и его роботах, хотя он так и не решил, как выпутаться из неприятностей. А просить помощи Альберта он боялся. Идеи Альберта, по крайней мере те, которые он высказывал до сих пор, скорее приведут в тюрьму, чем к беспечной жизни.

Утром, выйдя из дому, Найт увидел шерифа, который, низко надвинув шляпу, прислонился к забору. Коротая время, он дремал.

— Доброе утро, Горди,— сказал шериф.— Я вас жду.

— Доброе утро, шериф.

— Терпеть не могу этого, Горди, но работа есть работа. Я принес вам одну бумагу.

— Я ее ожидал,— покорно сказал Найт.

Он взял бумагу, протянутую шерифом.

— Красивый у вас участок,— заметил шериф.

— От этого-то и все заботы,— сознался Найт.

— Я думаю...

— Вся красота не стоит этих забот.

Когда шериф ушел, Найт развернул бумагу и без удивления прочел, что компания «Сделай сам» предъявила иск, требуя возвращения робота Альберта, а также всех прочих роботов.

Он положил бумагу в карман и вдоль озера по новехонькой, выложенной кирпичом дорожке, через бесполезные, но радующие глаз мостки, мимо пагоды и террас на склоне холма пошел к дому Энсона Ли.

Ли был на кухне, жарил яичницу с ветчиной. Он разбил еще два яйца, нарезал побольше ветчины и достал тарелку с чашкой для Найта.

— А я все думал, чего это вы так долго не показываетесь,— сказал он.— Надеюсь, вас не подведут под статью, требующую смертной казни.

Найт рассказал ему все, и Ли, стерев яичный желток с губ, не слишком его обнадежил.

— Вам придется составить декларацию о своем имуществе, даже если вы не в состоянии заплатить налог,— сказал он.—

Формально вы не нарушили закона, и все, что они могут сделать,— это попытаться получить с вас причитающиеся деньги. Очевидно, на ваше жалованье будет наложен арест. Но так как жалованье не превышает законного минимума, то арест будет наложен на ваш банковский счет.

— Мой банковский счет исчерпан,— сказал Найт.

— Дома трогать нельзя. По крайней мере, пока вашего имущества отнять не могут, и поэтому сначала больших неприятностей не будет. Другое дело — налог на движимое имущество, но срок его уплаты истечет только весной будущего года. Я бы сказал, что больше всего вам надо остерегаться иска компании «Сделай сам», если вы, конечно, не захотите решить дело миром. Думаю, она откажется от иска, если вы вернете роботов. Как юрист, должен сказать вам, что ваше дело проигрышное.

— Альберт засвидетельствует, что это я сделал его,— со слабой надеждой предположил Найт.

— Альберт не может выступать в качестве свидетеля,— сказал Ли.— Он робот, и его слово для суда ничего не значит. Да, кроме того, суд никогда не поверит, что вы можете сделать такое механическое чудовище, как Альберт.

— Я хорошо умею мастерить,— запротестовал Найт.

— А что вы знаете об электронике? Насколько вы компетентны как биолог? Изложите хоть вкратце теорию роботики.

Найт признал себя побежденным.

— Наверно, вы правы.

— Может быть, лучше вернуть роботов?

— Но я не могу! Разве вы не понимаете? Компании «Сделай сам» Альберт нужен не для того, чтобы пустить его в дело. Она превратит его в лом, сожжет чертежи, и может пройти еще тысяча лет, прежде чем будет вновь открыт принцип его действия. Я не знаю, принесет ли этот принцип пользу или будет людям во вред, но то же самое можно сказать о любом изобретении. Я против того, чтобы Альберта превратили в лом.

— Я понимаю вас,— сказал Ли,— и поддерживаю вашу точку зрения. Но должен предупредить, что я не очень хороший адвокат. У меня слишком маленькая практика.

— Но я больше не знаю никого, кто бы взялся за это дело без гонорара.

Ли посмотрел на него с сожалением:

— О гонораре речь пойдет в последнюю очередь. А вот судебные издержки стоит принять во внимание.

— Может быть, переговорить с Альбертом? Я расскажу, как обстоит дело, и он позволит продать несколько роботов, чтобы хоть временно избавить меня от беды.

Ли покачал головой:

— Я уже думал об этом. Вы должны иметь разрешение на продажу роботов, но для того, чтобы получить разрешение, придется представить доказательства, что вы их владелец. Придется доказать, что вы либо купили, либо произвели их, а у вас нет разрешения на их производство. А чтобы получить такое разрешение, вы должны иметь чертежи вашей модели, не говоря уже о чертежах и спецификации завода, документах, касающихся использования рабочей силы, и прочих деталях.

— Значит, я у них в руках?

— Я никогда не видел человека,— заявил Ли,— который бы умудрился стать поперек дороги такому числу людей.

В кухню постучали.

— Войдите! — крикнул Ли.

Дверь открылась, и вошел Альберт. Он остановился и стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

— Абнер сообщил мне, что видел, как шериф вам что-то вручил,— сказал он Найту,— и вы тотчас пошли сюда. Я забеспокоился. Это связано с компанией «Сделай сам»?

Найт кивнул:

— Мистер Ли будет защищать нас в суде, Альберт.

— Я сделаю все, что смогу,— сказал Ли,— но мне кажется, что это бесполезно.

— Мы, роботы, хотим помочь вам. В конце концов, борьба ведется и в наших интересах.

Ли пожал плечами:

— Пользы от вас будет немного.

— Я все обдумал,— сказал Альберт.— Работая, я всю ночь думал и думал. И я сделал робота-юриста.

— Робота-юриста!

— Да, робота с бóльшим объемом памяти, чем у остальных, и мощным решающим устройством, которое руководствуется законами формальной логики. Ведь право основано на логике, не так ли?

— Наверно,— ответил Ли.— Во всяком случае, должно основываться.

— Я могу сделать много роботов-юристов.

— Ничего из этого не выйдет,— со вздохом сказал Ли.— Чтобы выступать в суде, надо иметь право заниматься адвокатской практикой. А чтобы получить право заниматься практикой, надо иметь юридическое образование, выдержать экзамен; и хотя еще не было соответствующего прецедента, я подозреваю, что кандидатом в адвокаты должен быть человек.

— Давайте не торопиться,— сказал Найт.— Роботы Альберта не могут заниматься адвокатурой. Но разве нельзя использовать их в качестве клерков или помощников? Они могли бы оказать большую помощь при подготовке к процессу.

— Наверно, это можно сделать,— задумчиво произнес Ли.— Прежде такого не бывало, но нет закона, который утверждал бы, что этого сделать нельзя.

— Им нужно только прочесть книги,— сказал Альберт.— Они тратят примерно десять секунд на страницу. Все, что они прочтут, будет накапливаться в ячейках памяти.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Найт.— Роботы будут знать только право. Они будут существовать для этого. До мозга костей они...

— Но смогут ли они применить свои знания? — спросил Ли.— Смогут ли они использовать их при решении какой-либо проблемы?

— Сделать несколько десятков роботов,— сказал Найт.— Дать возможность каждому из них стать знатоком какого-либо раздела права.

— Я бы снабдил их телепатическими способностями,— сказал Альберт.— Они бы работали все вместе, как один робот.

— Принцип взаимодействия? — вскричал Найт.— Каждый из них будет немедленно получать любую информацию, которая имеется у других.

Ли потер подбородок кулаком, глаза его заблестели.

— Стоит попробовать. Если это произойдет, то для юриспруденции, пожалуй, наступят черные дни.— Он взглянул на Альберта.— У меня есть книги, горы книг. Я потратил на них кучу денег и никогда ими не пользовался. Я могу достать все книги, которые вам понадобятся. Ладно, беритесь за дело.

На всякий случай Альберт сделал десятка три роботов-юристов.

Роботы заполнили кабинет Ли, прочли все книги, которые у него были, и потребовали еще. Они глотали книги по дого-

ворному праву, описания случаев правонарушения, не связанных с нарушением контракта, но дающих основания предъявлять иски, тома свидетельских показаний и судебные отчеты. Они вобрали в себя все, что было известно о недвижимом и движимом имуществе, о государственном устройстве и правилах судебной процедуры. Они запомнили труды авторитетных служителей Немезиды, собрание римских законов, изданное при императоре Юстиниане, и все другие тома, смертельно скучные и увесистые, как надгробные плиты.

Грейс нервничала. Она заявила, что не будет жить с человеком, который хочет, чтобы его имя попало в газеты. Это заявление было довольно нелепым. Вниманием публики завладел новый скандал, связанный со снабжением космической станции, и сообщение, что компания «Сделай сам» обвинила некоего Гордона Найта в присвоении какого-то робота, прошло почти незамеченным.

Ли спустился с холма и поговорил с Грейс. Альберт поднялся из подвала и тоже поговорил с ней. Наконец совместными усилиями ее утихомирили и уговорили вернуться к живописи. Теперь она писала морские пейзажи.

А в кабинете Ли трудились роботы.

— Я надеюсь, они кое-чего наберутся,— сказал Ли.— Подумать только, не надо будет перерывать источники и охотиться за цитатами, под рукой окажется любая статья и любой прецедент!

От волнения он раскачивался в гамаке.

— Господи! А как можно излагать дело!

Он нагнулся, поднял кувшин и протянул его Найту:

— Вино из одуванчиков. Есть в нем и немного сока лопуха. Слишком уж хлопотно выбирать ненужную траву, когда нарвешь большую охапку.

Найт фыркнул. По вкусу было похоже, что вино сделано из одних лопухов.

— Двойная выгода,— пояснил Ли.— Одуванчики надо вырывать, чтобы не портили газон. И раз уж их вырвешь, можно найти им полезное применение.

Он хлебнул вина и поставил кувшин под гамак.

— Они там теперь беседуют,— сказал Ли, ткнув большим пальцем в сторону дома.— Не произнося ни слова, договариваются обо всем. Я чувствую себя не в своей тарелке.— Он взглянул на небо, нахмурился.— Словно я человек, который нужен только для представительства.

— Я вздохну с облегчением, когда все это кончится,— сказал Найт,— независимо от исхода.

— Я тоже,— согласился Ли.

Суд начался без всякой шумихи. Слушалось обычное очередное дело.

Громадные заголовки в газетах появились только после того, как Ли и Найт вошли в зал суда в сопровождении взвода роботов.

В зале поднялась шумиха. Адвокаты компании «Сделай сам» широко раскрыли рты и повскакали с мест. Судья неистово застучал молотком.

— Мистер Ли,— завопил он,— что это значит?

— Это, ваша честь,— спокойно ответил Ли,— мои помощники.

— Но они же роботы!

— Совершенно верно, ваша честь.

— Они не имеют права принимать участия в судебной процедуре.

— Прошу прощения, ваша честь, но им не надо принимать участия. Я здесь единственный представитель ответчика. Мой клиент,— сказал он, взглянув на мощный отряд юридических талантов, представлявших компанию «Сделай сам»,— бедный человек, ваша честь. Я надеюсь, суд не откажет мне в праве воспользоваться той помощью, которую мне удалось организовать.

— Но это противоречит правилам, сэр.

— Прошу прощения, ваша честь, но я осмелюсь указать на то, что мы живем в век механизации. Почти все отрасли промышленности и бизнеса опираются в своей работе на вычислительную технику, которая справляется с делом быстрее и лучше, чем люди. Все наше общество держится на способности машин выполнять физическую и черновую работу, которую прежде приходилось делать людям.

— Тенденция опираться на умные машины и широко использовать их,— продолжал Ли,— проявляется в любой области человеческой деятельности. И это приносит великую пользу человеческому роду. Даже в такой области, как фармацевтическая промышленность, где при составлении лекарств не может быть допущено ни малейшей ошибки, машины, ваша честь, работа-

ют надежно. И если, ваша честь, такие машины принято использовать для производства лекарств, то есть в промышленности, где доверие общественности можно отнести к активам компаний, то согласитесь, что суд, где правосудие — безусловно такое же деликатное дело, как и производство лекарств,— отправляется...

— Погодите, мистер Ли,— перебил его судья.— Уж не пытаетесь ли вы доказать мне, что использование... э... машин может способствовать лучшему отправлению правосудия?

— Правосудие, ваша честь,— ответил Ли,— стремится к установлению порядка в отношениях между людьми. Оно основывается на логике и здравом смысле. Надо ли указывать на то, что именно умные машины явятся воплощением логики и здравого смысла? Машина не наследует человеческих эмоций, на нее не будут влиять предрассудки и предубеждения. Ее будут интересовать только последовательность определенных фактов и законы.

— Я не прошу,— продолжал он,— чтобы за моими помощниками-роботами было признано какое-либо официальное положение. Я не хочу, чтобы они принимали участие в процедуре, связанной с делом, которое рассматривает данный суд. Но я прошу — и, полагаю, вполне законно,— чтобы меня не лишали той помощи, которую они могут оказать. Истец в этом деле имеет десяток адвокатов, хороших и способных людей. Я один против многих. Я сделаю все, что в моих силах. Но ввиду неравенства сил я прошу суд не ставить меня в еще более невыгодное положение.

Ли сел.

— Это все, что вы хотели сказать, мистер Ли? — спросил судья.— Вы уверены, что ничего не добавите к сказанному, прежде чем я вынесу свое решение?

— Только одно,— сказал Ли.— Если ваша честь может указать мне на какой-нибудь пункт в судебных положениях, запрещающий мне использовать робота...

— Это смешно, сэр. Конечно, такого пункта нет. Никто и никогда не думал, что возникнет такое непредвиденное обстоятельство. Поэтому, естественно, не было причины предусматривать в уложениях подобное запрещение.

— Может быть, есть ссылка, которая подразумевает нечто подобное?

Судья схватил молоток и сильно ударил по столу.

— Суд находится в затруднении. Решение будет объявлено завтра утром.

На следующее утро адвокаты компании «Сделай сам» попытались помочь судье. Поскольку, сказали они, упомянутые роботы относятся к предметам, установление принадлежности которых явилось причиной тяжбы, то использование их в суде ответчиком было бы неправильным. Они указали, что такое действие было бы равносильно попытке принудить истца способствовать выступлению против собственных интересов.

Судья с серьезным видом кивал, но тотчас выступил Ли.

— Чтобы этот аргумент стал обоснованным, ваша честь, надо прежде всего доказать, что роботы действительно принадлежат истцу. Это, собственно, и является предметом данной тяжбы. Возникает впечатление, ваша честь, что джентльмены, сидящие напротив, впрягают лошадь мордой к телеге.

Его честь со вздохом сказал:

— Суд сожалеет о том, что ему приходится выносить решение, хорошо зная, что оно положит начало спору, беспристрастного разрешения которого следует ожидать еще очень не скоро. Но за отсутствием конкретного запрета использовать... э... роботов в занятиях правом суд постановляет, что защите разрешается пользоваться их услугами.

Он остановил взгляд на Ли.

— Но суд также хочет предупредить защитника, чтобы он следил за своим поведением. Если, сэр, вы хоть в малом нарушите то, что я считаю правилами поведения в суде, я немедленно удалю вас и ваши машины из зала заседания.

— Спасибо, ваша честь,— сказал Ли.— Я буду очень осторожен.

— Теперь истец может изложить дело.

Поднялся главный защитник компании «Сделай сам». Он сказал, что ответчик, некий Гордон Найт, заказал компании один комплект механобиологической собаки на сумму двести пятьдесят долларов. Но из-за ошибки при погрузке ответчику послали не комплект собаки, а робота по имени Альберт.

— Ваша честь,— перебил его Ли,— я должен заметить в этой связи, что погрузка комплекта производилась человеком и это было причиной ошибки. Если бы компания «Сделай сам» применяла машины, такой ошибки не могло бы случиться.

Судья ударил молотком.

— Мистер Ли, вы не новичок в суде. Вы знаете, что нарушили порядок.— Он кивнул адвокату компании: — Продолжайте, пожалуйста.

Адвокат компании сказал, что робот Альберт не обыкновенный робот. Это экспериментальная модель, созданная компанией «Сделай сам». После испытания ее способностей модель была упакована и отложена. Никто не собирался ее продавать. Он не представляет себе, как она могла быть отослана покупателю. Компания провела расследование, но не нашла ответа. То, что модель была послана, очевидно само по себе.

Он объяснил, что розничная цена обыкновенного робота равна десяти тысячам долларов. Альберт стоит гораздо больше... определить его стоимость поистине невозможно.

По получении робота покупатель, Гордон Найт, должен был немедленно известить компанию и организовать возврат покупки. Но вместо этого он оставил робота у себя и обманным путем использовал его в корыстных целях.

Компания просит суд обязать ответчика вернуть не только робота Альберта, но и продукты его труда, а именно неизвестное число роботов, которых произвел Альберт.

Адвокат сел.

— Ваша честь,— сказал в свою очередь Ли,— мы согласны со всем, что сказал здесь истец. Он точно изложил суть дела, и я поздравляю его с превосходной речью.

— Следует ли мне понимать, сэр,— спросил судья,— что ваше высказывание равносильно признанию вины? Вы, наверно, собираетесь положиться полностью на милость суда?

— Ни в коем случае, ваша честь.

— Признаться,— сказал судья,— я не в состоянии следить за ходом ваших рассуждений. Если вы признаете обвинения, выдвинутые против вашего клиента, то я не понимаю, как я могу вынести какое-либо постановление не в пользу истца?

— Ваша честь, мы готовы показать, что истец, никем не обманутый, сам имеет намерение обмануть всех. Мы готовы доказать, что, приняв решение скрыть от общественности изобретение Альберта, компания «Сделай сам» в действительности лишила людей всего мира возможности сделать следующий логичный шаг по пути прогресса. Она скрыла от людей, так сказать, этот продукт всеобщего развития техники.

— Ваша честь,— продолжал он.— Мы убеждены, что сможем доказать нарушение компанией некоторых положений, созданных для того, чтобы поставить вне закона монополию, и готовы спорить, что ответчик не только не совершил чего-либо предосудительного против общества, а, наоборот, оказал обществу большую услугу. Более того, ваша честь, мы намереваемся представить доказательства, которые будут свидетельствовать о том, что роботы в целом лишены некоторых неотъемлемых прав...

— Мистер Ли,— предостерегающе сказал судья,— робот всего лишь машина.

— Мы докажем, ваша честь,— сказал Ли,— что робот нечто гораздо большее, чем просто машина. Мы действительно готовы представить доказательства, которые, по нашему глубокому убеждению, покажут, что во всем, кроме обмена веществ, робот является копией человека и что даже его обмен веществ до некоторой степени аналогичен обмену веществ человека.

— Мистер Ли, вы ушли далеко в сторону. Рассматривается вопрос о том, присвоил ли незаконно ваш клиент собственность компании «Сделай сам». Тяжбу следует ограничить только разрешением этого вопроса.

— Так я и делаю,— сказал Ли.— Но при этом намереваюсь доказать, что Альберт не был собственностью и не мог быть украден или продан. Я намереваюсь доказать, что мой клиент не украл его, а освободил. И если мне и приходится уходить далеко в сторону, чтобы доказать некоторые основные положения, то я прошу суд простить меня за то, что я испытываю его терпение.

— Вы с самого начала испытываете терпение суда,— сказал судья.— Но суд справедлив, и у вас есть право доказать то, что вы утверждаете. Вы простите мне, если я скажу, что ваши доводы немного притянуты за уши.

— Ваша честь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вывести вас из этого заблуждения.

— В таком случае все в порядке,— сказал судья.— Приступим к делу.

Процесс продолжался шесть недель, и страна жила им. О нем кричали огромные заголовки статей на первых страницах газет. Им кормились радио и телевидение. Сосед спорил с соседом, обычными стали споры на улицах, в семье, в клубах, в конторах. Редакции газет захлестывали письма читателей.

Состоялись митинги, на которых ораторы выражали свое негодование, считая нелепым ставить знак равенства между человеком и роботом, создавались организации, выступавшие за освобождение роботов. В психиатрических лечебницах резко снизилось число Наполеонов и Гитлеров, вместо которых появились неуклюже вышагивающие пациенты, выдающие себя за роботов.

Вмешалось министерство финансов. В силу экономических причин оно просило суд объявить раз и навсегда, что роботы являются имуществом. Оно указывало, что если роботы не будут облагаться как собственность, то различные государственные учреждения недосчитаются многих статей дохода.

Суд выносил определения.

Роботы обладают свободой воли. Это было легко доказать. Робот может выполнить порученное дело, действуя правильно, сообразуясь с непредвиденными факторами. Способность роботов судить здраво во многих случаях, как было доказано, стоит выше здравомыслия человеческого.

Роботы обладают способностью рассуждать. Это было вне всякого сомнения.

Роботы могут размножаться. Это было трудно доказать. Все, что делает Альберт, как утверждали представители компании «Сделай сам», является работой, для которой он был сконструирован. А вот Ли доказывал, что он размножается. Он делает это сознательно. Он любит роботов и считает их членами своей семьи. Он даже дает им имена в свою честь — имя каждого начинается с «А».

Истец доказывал, что роботы не религиозны. Ли утверждал, что это не относится к делу. Многие люди являются агностиками и атеистами и тем не менее считаются людьми.

У роботов нет эмоций. Ли возражал, что это не совсем верно. Альберт любит своих сыновей. Роботы верны и обладают чувством справедливости. Если у них и нет некоторых эмоций, то, может быть, это к лучшему. Они, например, не способны ненавидеть. Или быть алчными. Ли потратил почти час, рассказывая суду мрачную историю человеческой ненависти и алчности. Еще час он клеймил рабство, в которое обращали разумных существ.

Газеты публиковали его речи. Адвокаты истца корчились от возмущения. Судья гневался. Процесс продолжался.

— Мистер Ли,— спрашивал судья,— к чему все это?

— Ваша честь,— отвечал ему Ли,— я просто делаю все возможное, чтобы обосновать нашу точку зрения. В действиях, в которых обвиняется мой клиент, нет ничего противозаконного. Я просто пытаюсь доказать, что робот не является имуществом и, следовательно, не может быть украден... Я...

— Ладно,— сказал судья.— Ладно. Продолжайте, мистер Ли.

Адвокаты компании «Сделай сам» щеголяли цитатами, доказывая свою точку зрения. Ли отвечал им градом цитат, разбивая их в пух и прах. Невразумительный язык юридических сочинений расцвел пышным цветом, давно забытые постановления и решения становились предметом спора, обсасывались и кромсались.

По мере того как шел процесс, становилось ясно одно: Энсон Ли, неизвестный адвокат, на которого навалилась куча талантливейших юристов, выходил победителем. В его распоряжении были все относящиеся к делу тексты законов, цитаты, точные ссылки на источники, описания прецедентов, все факты и логика.

Вернее, они были у роботов. Они бешено скрипели перьями и вручали ему свои заметки. К концу каждого дня пол вокруг стола защитника покрывали вороха бумаги.

Процесс закончился. Последний свидетель дал показания. Последний адвокат сказал свое слово.

Ли и роботы остались в городе, чтобы дождаться решения суда, а Найт улетел домой.

Он облегченно вздохнул, узнав, что все кончилось и вышло не так плохо, как он ожидал. По крайней мере его не выставили на посмешище как дурака и вора. Ли отстоял его достоинство, но спас ли юрист его шкуру — было еще не известно.

Еще в воздухе Найт увидел свой дом и с удивлением отметил, что он изменился. Его окружало кольцо высоких столбов. А на газоне стояло более десятка каких-то механических чудовищ, напоминавших ракетные установки.

Найт направил летательный аппарат вниз и стал планировать, высунувшись, чтобы лучше видеть.

Столбы были высотой футов в двенадцать. Они поддерживали толстую проволоку, ограждая дом густой стальной сеткой. Механические чудовища на газоне изготовились к бою. Все ракеты нацелились на Найта. При взгляде на них у него екнуло сердце.

Он осторожно пошел на посадку и перевел дыхание лишь тогда, когда колеса коснулись посадочной площадки. Как только он вылез из кабины, из-за угла дома ему навстречу поспешил Альберт.

— Что здесь происходит? — спросил он робота.

— Приняты меры на случай чрезвычайного положения,— сказал Альберт.— Вот и все, хозяин. Мы готовы к любым неожиданностям.

— Каким еще неожиданностям?

— О, например, если толпа решится на самосуд.

— Или если суд примет неблагоприятное для нас решение?

— И это тоже, хозяин.

— Не будете же вы воевать со всем миром?

— Мы не хотим возвращаться,— сказал Альберт.— Ни я, ни мои дети больше не достанемся компании «Сделай сам».

— Сражаться до последней капли крови! — воскликнул Найт.

— Сражаться до последней капли крови! — сердито сказал Альберт.— А мы, роботы, воюем отчаянно.

— И эти стрелялки, расположившиеся вокруг дома...

— Наши оборонительные силы, хозяин. Ракеты попадают в любую цель. Снабженные телескопическими глазами, вычислительными и сенсорными устройствами, они, после того как их выпустят, благодаря остаточной способности к мышлению сами знают, что им делать. Если уж они сядут на хвост, увиливать от них бесполезно. Стой и жди.

Найт поднял бровь.

— Вы должны отказаться от этой мысли, Альберт. Вас уничтожат в течение часа. Одна бомба...

— Лучше умереть, хозяин, чем сдаться.

Найт понял, что спорить бесполезно.

Он подумал, что, в конце концов, роботы поступают чисто по-человечески. То, что сказал Альберт, произносилось не раз в истории человечества.

— У меня есть новости,— сказал Альберт.— Вы будете довольны. У меня теперь дочери.

— Дочери? С материнским инстинктом?

— Шесть дочерей,— гордо сказал Альберт.— Алиса, Ангелина, Агнесса, Агата, Альберта и Абигайль. Я не повторил ошибки компании «Сделай сам». Я дал им женские имена.

— И все они размножаются?

— Вы бы только посмотрели на этих девочек! Всемером мы работаем непрестанно: у нас кончились материалы, так что я накупил много всего в долг. Надеюсь, вы не возражаете.

— Альберт,— сказал Найт,— неужели вы не понимаете, что я разорен! Уничтожен! У меня нет ни цента! Вы меня сделали банкротом!

— Наоборот, хозяин, мы прославили вас. Ваше имя красуется на первых страницах газет, вас показывают по телевизору.

Найт отошел от Альберта и, споткнувшись на ступеньках лестницы, поднялся в дом. Он увидел робота с пылесосом вместо руки, чистившего ковер. Он увидел робота с кисточками вместо пальцев, аккуратно красившего двери и оконные рамы. Он увидел робота со скребками, чистившего кирпичи в камине.

Грейс что-то напевала в своей мастерской.

Найт подошел к мастерской и заглянул в нее.

— О, это ты,— сказала Грейс.— Когда ты вернулся, дорогой? Я освобожусь примерно через час. Я работаю над морским пейзажем, и у меня никак не получается вода. Мне не хочется бросать работу. Боюсь, что мне изменяет чувство цвета.

Найт пошел в гостиную и сел на стул. Поблизости не было ни одного робота.

— Пива,— сказал он, ожидая, что будет дальше.

С кухни галопом примчался робот — робот с бочкой вместо живота, с краником внизу бочки, с рядом блестящих медных кружек на груди.

Он налил кружку. Пиво было холодное и приятное на вкус.

Найт сидел и пил пиво и вдруг в окно увидел, что оборонительные силы Альберта вновь заняли боевые позиции.

Хорошенькое дело! Если суд примет решение не в его пользу и представители компании «Сделай сам» явятся за своим имуществом, начнется самая фантастическая гражданская война в истории человечества — от него останется мокрое место. Он попытался представить себе, какие обвинения предъявят ему, если эта война начнется. Вооруженное восстание, сопротивление при аресте, подстрекательство к мятежу... найдут, в чем обвинить... если, конечно, он останется в живых.

Он повернулся к телевизору и наклонился вперед.

Прыщеватый комментатор взбивал обычную журналистскую мыльную пену:

— «...деловая жизнь фактически замерла. Многие промышленники боятся, что их сопротивление будет недолгим, если

Найт выиграет дело. Им придется потратить много денег на доказательство в суде, что автоматические устройства на их предприятиях являются не роботами, а машинами. Нет сомнения, что большая часть автоматического оборудования предприятий состоит из машин, но управляют производством в основном умные системы типа роботов. Если эти системы начнут рассматриваться как роботы, то против промышленников будут возбуждены дела по возмещению убытков, а может быть, и уголовные дела за незаконное лишение свободы...

В Вашингтоне продолжаются консультации. Министерство финансов обеспокоено тем, что снизится поступление налогов. Но перед правительством стоят еще более серьезные проблемы. Например, вопрос гражданства. Если дело решится в пользу Найта, будет ли это значить, что всех роботов надо автоматически объявить гражданами?

У политических деятелей тоже свои заботы. Стоя перед лицом новой категории избирателей, все они думают о том, как завоевать голоса роботов».

Найт выключил телевизор и уселся поудобнее, чтобы выпить еще пива.

— Хорошее пиво? — спросил пивной робот.

— Отличное,— ответил Найт.

Шли дни. Напряженность нарастала.

Ли и роботов-юристов охраняла полиция. В отдельных районах роботы собрались в группы и бежали в горы, боясь самосуда толпы. В некоторых отраслях промышленности автоматические системы объявили забастовку, требуя права вести переговоры. В нескольких штатах губернаторы привели в боевую готовность полицию. Новая постановка «Гражданин Робот» на Бродвее была освистана критиками, но публика раскупила билеты на год вперед.

Приближался решающий день.

Найт сидел у телевизора и ждал, когда появится судья. Он слышал, как позади шумели собравшиеся роботы. В мастерской что-то весело напевала Грейс. Найт спросил себя, как долго Грейс еще собирается заниматься живописью. Это увлечение продолжается дольше других, и дня два назад он поговорил с Альбертом о строительстве картинной галереи для ее полотен, чтобы они не загромождали дом.

На экране появился судья. Найт подумал, что он выглядит как человек, который не верил в призраков и вдруг увидел их.

— Мне никогда не приходилось принимать такое трудное решение,— устало сказал судья,— потому что, следуя букве закона, я могу гибельно воздействовать на его дух. После долгих дней изучения законов и обстоятельств данного дела я выношу решение в пользу ответчика, Гордона Найта.

— Но, принимая такое решение,— продолжал судья,— я создаю прецедент, имеющий далеко идущие последствия. Роботы не являются имуществом и не могут облагаться в качестве такового. В таком случае они должны быть людьми, а это значит, что они могут пользоваться всеми правами и привилегиями и вместе с тем нести ответственность и выполнять обязанности, как люди. Я не могу принять другое решение. Однако это не укладывается в моем сознании. Это случилось впервые за все годы моей работы, и я все еще надеюсь, что вышестоящие судебные инстанции окажутся более мудрыми, чем я, и сочтут необходимым пересмотреть мое решение!

Найт встал и вышел в сад, раскинувшийся на сотню акров. Красоту сада несколько портило двенадцатифутовое заграждение.

Процесс кончился очень хорошо. С Найта сняли обвинение, ему не надо платить налоги, а Альберт и другие роботы стали вольными птицами и могли делать что им заблагорассудится.

Он нашел каменную скамью, присел на нее и стал глядеть на озеро. Сад его был прекрасен — именно таким он мечтал видеть его... даже более прекрасен, чем ему грезилось,— с дорожками и мостками, цветочными клумбами и моделями кораблей, которые раскачивались ветерком на подернутой рябью воде.

Он сидел и смотрел. Сад был прекрасен, но он почувствовал, что не гордится им, что не испытывает никакого удовлетворения.

Он снял руки с колен и, сжав пальцы, словно держал инструмент, посмотрел на них. Но в руках ничего не было. И он понял, почему равнодушен к саду и не испытывает никакого удовлетворения.

Модель железной дороги. Стрельба из лука. Механо-биологическая собака. Изготовление керамики. Восемь комнат, пристроенных к дому.

Сможет ли он когда-нибудь утешиться моделью железной дороги или любительским изготовлением керамики? Если и сможет, разрешат ли ему это сделать?

Он медленно встал и пошел к дому. Там он почувствовал себя бесполезным и ненужным.

Наконец он решил отправиться в подвал.

Альберт обнял его.

— Мы победили, хозяин! Я знал, что мы победим!

Он отодвинул от себя Найта и положил ему руки на плечи.

— Мы никогда не уйдем от вас, хозяин. Мы останемся и будем работать на вас. Вы никогда ни в чем не будете нуждаться. Это сделаем для вас мы!

— Альберт...

— Все в порядке, хозяин. Вам ни о чем не надо беспокоиться. Мы разрешим проблему с деньгами. Мы наделаем много юристов-роботов и будем получать большие гонорары.

— Но неужели вы не понимаете...

— Но в первую очередь,— продолжал Альберт,— мы собираемся добиться постановления суда, обеспечивающего наши права. Ведь мы сделаны из стали, стекла, меди и тому подобного, верно? И мы не можем позволить людям зря расходовать материалы, из которых мы сделаны, а также энергию, поддерживающую нашу жизнь. Уверяю вас, хозяин, мы не проиграем!

Устало присев на скат, Найт увидел вывеску, которую только что намалевал Альберт. Красивыми золотыми буквами, обведенными для четкости черной краской, на ней было написано:

ЭНСОН, АЛЬБЕРТ, АБНЕР,
АНГУС И К°
АДВОКАТЫ

— А потом, хозяин,— сказал Альберт,— мы приберем к рукам компанию «Сделай сам». Она уже не в состоянии выдержать конкуренцию. У нас есть великолепная идея, хозяин. Мы будем делать роботов. Но не слишком много. Мы не собираемся подводить вас, людей, поэтому мы будем производить комплекты «Сделай сам». Только их будут собирать заранее, чтобы избавить вас от труда. Как вы думаете, для начала хватит?

— Вполне,— прошептал Найт.

— У нас все продумано, хозяин. До конца жизни вам не надо будет беспокоиться ни о чем.

— Да,— сказал Найт,— ни о чем.

ПРОЕКТ «МАСТОДОНТ»

1

— Мистер Хадсон из... гм-м... Мастодонии,— объявил начальник протокольного отдела.

Министр иностранных дел протянул руку:

— Рад познакомиться, мистер Хадсон. Как я понимаю, вы уже заходили к нам несколько раз.

— Вы правы,— ответил Хадсон.— Мне с трудом удалось убедить ваших людей в том, что я говорю с ними серьезно.

— И вы действительно говорите серьезно, мистер Хадсон?

— Поверьте, сэр, я не шучу.

— Так значит, Мастодония,— сказал министр, постукивая пальцем по лежащему на столе документу.— Прошу прощения, но я никогда не слышал о такой стране.

— Это новое государство,— объяснил Хадсон,— образованное на вполне законных основаниях. У нас есть конституция, свод законов, демократическая форма правления и должным образом избранные должностные лица. Мы свободные, миролюбивые люди, и в нашем распоряжении имеется огромное количество природных богатств, которые...

— Пожалуйста, сэр,— перебил его министр,— скажите просто, где находится ваша страна.

— В некотором смысле мы ваши ближайшие соседи.

— Ну это уж слишком! — раздраженно воскликнул начальник протокольного отдела.

— Вовсе нет,— возразил Хадсон.— Если вы уделите мне минуту вашего времени, господин министр, я приведу вам веские доказательства.

© Перевод С. Трофимова.

Он стряхнул со своего рукава пальцы начальника протокольного отдела и, подойдя ближе, поставил на стол портфель, который принес с собой.

— Хорошо, мистер Хадсон. Начинайте,— сказал министр.— Но я думаю, нам будет удобнее продолжать беседу, если мы устроимся в этих креслах.

— Я вижу, вы получили мои верительные грамоты. Здесь указаны наши предложе...

— Я получил документ, подписанный неким Уэсли Адамсом.

— Это наш первый президент,— пояснил Хадсон.— Наш Джордж Вашингтон, так сказать.

— Какова цель вашего визита, мистер Хадсон?

— Нам бы хотелось установить дипломатические отношения. На наш взгляд, это было бы выгодно обеим сторонам. В конце концов, у нас однотипная с вашей республика и мы имеем аналогичные вашим цели и политику. Нам бы хотелось заключить торговые соглашения, и мы были бы признательны за помощь по четвертому пункту.

Министр улыбнулся.

— Естественно. Кто бы этого не хотел?

— Мы готовы предложить кое-что взамен,— решительно заявил Хадсон.— И в первую очередь мы можем предложить вам надежное убежище.

— Убежище?

— Мне кажется, в нынешних условиях межнациональных конфликтов такое предложение достойно внимания,— напомнил Хадсон.

Министр превратился в глыбу льда.

— Сожалею, но меня ждут важные дела.

Начальник протокольного отдела крепко сжал руку Хадсона.

— Вам пора уходить.

Генерал Лесли Бауэрс позвонил в государственный департамент и попросил соединить его с министром.

— Мне не хотелось тебя беспокоить, Герб,— сказал он,— но я выясняю один вопрос и надеюсь на твою помощь.

— Буду рад помочь, если это в моих силах.

— Вокруг Пентагона вертелся какой-то парень, набивался на встречу со мной и говорил всем, что я единственный, с кем он согласен иметь дело,— да ты и сам знаешь, как это бывает.

— Да уж, знаю.

— Его фамилия то ли Хастон, то ли Хадсон,— во всяком случае что-то похожее.

— Он был у нас примерно час назад,— сказал министр.— Какой-то ненормальный.

— И этот человек уже ушел?

— Да. И я не думаю, что он когда-нибудь вернется.

— Он не сказал, где его можно найти?

— Нет, я не помню, чтобы он такое говорил.

— Ну и как тебе этот парень? Я имею в виду, какое впечатление он на тебя произвел?

— Я же сказал — он чокнутый.

— Вот и мне так кажется. Он сделал одному нашему полковнику такое предложение, что я теперь себе места не нахожу. Сам понимаешь, есть дела, от которых никто не откажется,— особенно в нашем «департаменте грязных трюков». И даже если он чокнутый, в наше время лучше подстраховаться.

— Он предлагал нам убежище,— с негодованием сказал министр.— Ты можешь себе такое представить!

— Мне кажется, он обходит всех по очереди,— задумчиво произнес генерал.— Он уже был в Комиссии по атомной энергии и рассказал им байку, будто знает о местонахождении огромных запасов урановой руды. И Комиссия, как мне сказали, отправила его к вам в министерство.

— К нам такие приходят все время. Обычно мы без труда избавляемся от них. А этому Хадсону, в отличие от других, просто повезло — он добился встречи со мной.

— Он рассказал полковнику о своем плане, который бы позволил нам размещать секретные базы везде, где бы мы ни захотели, даже на территории потенциального врага. Я знаю, его слова звучат безумно.

— Забудь об этом, Лес.

— Возможно, ты и прав,— сказал генерал,— но эта идея не дает мне покоя. Ты только представь лица парней за «железным занавесом».

Бросая на всех заговорщицкие взгляды, испуганный мелкий чиновник принес портфель в ФБР.

— Я нашел его в баре. Я хожу туда много лет,— рассказал он человеку, которому поручили с ним разобраться.— Я нашел портфель в кабинке и даже видел человека, который оставил его там. Позже я пытался найти того мужчину, но мне это не удалось.

— А откуда вы знаете, что портфель принадлежит ему?

— Мне так показалось. Я зашел в кабинку сразу после его ухода. Там было довольно темно, и прошло какое-то время, прежде чем я заметил эту вещь. Понимаете, каждый день я сижу в одной и той же кабинке. Как только Джо меня видит, он приносит мой обычный заказ и...

— Итак, вы видели, что этот человек вышел из кабинки, которую держат для вас?

— Да, верно.

— Потом вы заметили портфель?

— Да, сэр.

— И вы пытались найти этого человека, поскольку решили, что портфель принадлежит ему?

— Именно так я и сделал.

— Но к тому времени, как вы начали разыскивать его, он уже исчез.

— Да, так оно и было.

— Тогда скажите, почему вы принесли портфель сюда? Почему вы не оставили его у владельца бара, чтобы тот мужчина, вернувшись, мог забрать потерянную вещь?

— Я и хотел так поступить, сэр. Но я пропустил одну рюмочку, потом вторую, и меня все время интересовало, что находится в этом портфеле. Поэтому в конце концов я заглянул в него и...

— И то, что вы увидели, заставило вас принести его к нам.

— Да. Я увидел...

— Не надо рассказывать мне, что вы там увидели. Назовите вашу фамилию и адрес. Я попрошу вас никому не рассказывать об этом. Вы должны понять: мы очень благодарны вам за вашу бдительность, но нам бы хотелось надеяться на ваше молчание.

— Буду нем, как рыба,— заверил его мелкий чиновник, раздуваясь от важности.

Из ФБР позвонили доктору Амброзу Эмберли — смитсоновскому эксперту по палеонтологии*.

— Доктор, у нас появился материал, и нам бы хотелось, чтобы вы на него взглянули. Несколько любительских фильмов.

* Смитсоновский комплекс научно-исследовательских институтов в Вашингтоне.

— С огромным удовольствием. Приеду к вам, как только освобожусь. В конце недели вас устроит?

— Это срочно, доктор. Такой чертовщины вы еще не видели — огромные лохматые слоны, тигры с клыками до самой шеи и бобр величиной с медведя.

— Какая-то фальшивка,— с отвращением произнес Эмберли.— Скорее всего хитроумная аппаратура или ракурс композиции.

— Мы сначала так и думали, но потом оказалось, что дело не в ракурсе и не в аппаратуре. Это настоящие съемки с натуры.

— Немедленно еду к вам,— сказал палеонтолог и повесил трубку.

Ехидная газетная заметка в нахальном и самодовольном разделе светской хроники начиналась с заголовка:

«В Пентагоне у всех глаза навыкате. Еще одна тайна, взволновавшая военную верхушку».

2

Президент Уэсли Адамс и министр иностранных дел Джон Купер угрюмо сидели под деревом в столице Мастодонии и ждали возвращения посла по чрезвычайным поручениям.

— Я предупреждал тебя, Уэс, мы затеяли безумное дело,— сказал Купер, который под разными псевдонимами руководил министерствами торговли и финансов, а также вооруженными силами страны.— Что, если Чак не вернется? Они могут бросить его за решетку, да и мало ли что может случиться с временным модулем и вертолетом. Нам надо было лететь всем вместе.

— Нет, мы должны были остаться,— ответил Адамс.— Не тебе рассказывать, что произойдет с лагерем и припасами, если нас не окажется поблизости и никто не будет их охранять.

— Пока нас беспокоит только этот старый мастодонт. Но если он объявится снова, я возьму черпак на длинной ручке и вмажу ему прямо по грудине.

— Он — не единственная проблема,— возразил президент,— и ты это знаешь. Мы не можем уйти и бросить страну, которую создали сами. Нам надо удержать наши владения. Мы водрузили здесь наш флаг и заявили свои права, но этого недоста-

точно. Нам придется доказывать факт наличия поселения, как того требуют старые законы о присвоении земельных участков.

— Да, без поселения нам не обойтись,— проворчал министр Купер,— особенно если с временным модулем или вертолетом что-нибудь случится.

— Как ты думаешь, они сделают это, Джонни?

— Кто «они»?

— Соединенные Штаты. Ты думаешь, они признают нас?

— Если они узнают, кто мы такие, то, конечно, нет.

— Вот этого я и боюсь.

— Но Чак их уговорит. Он даже кота уговорит вылезти из шкуры.

— Иногда мне кажется, что мы действуем неверно. Я согласен, у Чака дальновидные планы, и лучшего тут не придумаешь. Но, может быть, нам лучше просто цапнуть хорошую наживку и убраться домой. Мы могли бы брать с охотничьих партий по десять тысяч за человека или заключить с кинокомпанией договор об аренде.

— Если нас признают суверенным государством, мы все это сделаем, но тогда у нас будут законные основания и полное прикрытие,— ответил Купер.— После подписания совместного договора о ненападении нас никто не посмеет обидеть, потому что мы всегда сможем пожаловаться Дядюшке Сэму.

— Все, что ты говоришь, верно,— согласился Адамс,— но возникает множество проблем. Не так просто поехать в Вашингтон и добиться признания. Они потребуют сведений и о нас самих, и о численности населения. Представь себе их реакцию, если Чак сообщит, что нас всего трое.

Купер покачал головой.

— Он так не скажет, Уэс. Он увернется от вопросов или заморочит им голову какими-нибудь дипломатическими отговорками. И потом, как мы можем быть уверены, что нас только трое? Вспомни, нам достался целый континент.

— Ты прекрасно знаешь, Джонни, что в этот период в Северной Америке людей не существовало. Любой ученый подтвердит, что первые миграции из Азии начались тридцать тысяч лет назад. Поэтому, кроме нас, здесь никого нет.

— Тогда нам надо действовать по-другому,— задумчиво произнес Купер.— Если мы впишем в декларацию весь мир, а не один континент, наша популяция будет весьма представительной.

— Это не выдержит никакой критики. Даже сейчас мы требуем большего, чем позволяют прецеденты. Прежние первопроходцы предъявляли права на водоразделы. Они находили реку и заявляли претензии на все ручьи и орошаемые земли в округе. Они не пытались присвоить себе целый континент.

— Эти парни никогда не знали размеров своих приобретений,— ответил Купер.— А мы знаем. Взгляд из будущего дает нам преимущество.

Он прислонился к дереву и залюбовался страной, которая раскинулась перед ним. Какой простор, подумал он, рассматривая холмистые кряжи, покрытые обширными лугами и небольшими рощами. Чуть ниже, на добрые десять миль тянулась долина реки, поросшая лесом. И везде, куда ни посмотри, паслись стада мастодонтов, гигантских бизонов и диких лошадей, и лишь изредка, то тут, то там, на глаза попадались представители менее стадной фауны.

В четверти мили от них, у самого края рощи топтался Старина Бастер — беспокойный мастодонт-одиночка, которого, видимо, изгнал из стада более молодой соперник. Его голова печально склонилась вниз, хобот бесцельно раскачивался и извивался, пока он медленно и лениво переминался на месте с ноги на ногу.

Старик совсем заскучал, сказал себе Купер. Вот почему он вертится около них, как бездомный пес. Но он слишком велик и неуклюж, чтобы быть ручным, скорее всего, не подарок.

Послеобеденное солнце приятно пригревало, и Куперу казалось, что он еще никогда не дышал таким свежим и чистым воздухом. Короче, это был чудесный край, страна золотой осени, идеальное место для воскресных пикников и автотуристов.

На флагштоке у палатки лениво развевался национальный флаг Мастодонии — зеленое поле и красный, стоящий на задних ногах мастодонт.

— Знаешь, Джонни, что меня тревожит больше всего? — спросил Адамс.— Если мы будем основывать наши притязания на предшествующих примерах истории, таких ведь может и не оказаться. Прежние первопроходцы создавали колонии для своих стран и королей, но они никогда не заявляли на них личные права.

— Просто сам принцип изменился,— успокоил его Купер.— В те дни никто о себе не думал. Каждый находился под покро-

вительством кого-нибудь еще. К тому же твоих первопроходцев финансировали и субсидировали их правительства, они действовали на основании королевских хартий и патентов. У нас же все по-другому. У нас частное предпринимательство. Ты придумал временной модуль и собрал его. Мы трое скинулись и купили вертолет. Все расходы оплачены из наших собственных карманов. Мы ни от кого не получили ни цента. Поэтому все, что мы нашли, принадлежит только нам.

— Надеюсь, что ты прав,— с сомнением произнес Адамс.

Старина Бастер осторожно двинулся в направлении лагеря. Адамс поднял винтовку, которая лежала у него на коленях.

— Подожди,— остановил его Купер.— Может быть, он просто пугает нас. Жаль, если ему потом придется ставить пластырь; он такой приятный старикан.

Но Адамс не опускал винтовку.

— Еще три шага,— заявил он,— и моему терпению придет конец.

Внезапно воздух над ними огласился ревом. Они вскочили на ноги.

— Это Чак! — закричал Купер.— Он вернулся!

Вертолет сделал разворот над лагерем и быстро опустился на землю.

Старина Бастер взревел от ужаса и вскоре превратился в маленькое пятнышко на покрытом травой склоне горы далеко внизу.

3

Чтобы отпугнуть животных, они зажгли вокруг лагеря ночные костры.

— Эта заготовка дров меня в могилу сведет,— устало произнес Адамс.

— Надо установить частокол,— сказал Купер.— Хватит валять дурака. Если однажды ночью — с кострами или без костров — сюда нагрянет стадо мастодонтов, они могут задеть вертолет, и тогда нам всем крышка. Не пройдет и пяти секунд, как мы превратимся в Робинзонов Крузо периода плейстоцена.

— Но если нашим надеждам на признание суверенитета не суждено сбыться, давайте свернем наше предприятие, и делу конец,— предложил Адамс.

— Проблема в том, что наши последние деньги ушли на цепочную пилу для заготовки дров и поездку Чака в Вашингтон,— ответил Купер.— Чтобы возвести частокол, потребуется трактор. Мы надорвемся, если будем таскать бревна вручную.

— Может быть, поймаем несколько лошадей, которые бегают вокруг?

— Ты когда-нибудь объезжал лошадь?

— Нет, чего не пробовал, того не пробовал.

— Вот и я тоже. А ты, Чак?

— Только не я,— прямолинейно ответил бывший чрезвычайный посол.

Купер присел на корточки около походного костра и покрутил вертел с тремя куропатками и полдюжиной перепелов. Огромный горшок с кофе распространял аромат, от которого трепетали ноздри. В рефлекторе подсыхало печенье.

— Мы здесь уже шесть недель,— сказал он,— а все еще живем в палатке и готовим еду на открытом огне. Не пора ли засучить рукава и что-нибудь сделать?

— Сначала нужен частокол,— сказал Адамс,— но для этого необходим трактор.

— Мы можем использовать вертолет.

— Ты даже готов рисковать? Запомни, это наш обратный билет. Если с ним что-нибудь случится...

— Ты прав, я не подумал,— согласился Купер.

— Вот бы где сейчас пригодилась помощь по четвертому пункту,— вздохнул Адамс.

— Они меня вышвырнули вон,— сказал Хадсон.— Везде, куда бы я ни заходил, мне рано или поздно давали пинка. Такое впечатление, что в этом и заключается их работа.

— Да, мы сделали все, что могли,— сказал Адамс.

— А дело закончилось тем,— добавил Хадсон,— что я вернулся с пустыми руками, потеряв все наши фильмы, и теперь снова придется тратить время на съемку новых лент. Хотя мне бы не хотелось подпускать к себе другого саблезубика так близко, как в прошлый раз, когда я держал кинокамеру.

— Ты мог бы и не волноваться,— возразил Адамс.— Джонни стоял прямо за тобой и целился в него из винтовки.

— Да, и чуть мне голову не отстрелил, когда зверюга бросилась на нас.

— Я же остановил ее. Скажешь, нет? — возмутился Купер.

— Остановил, когда ее башка была уже на моих коленях.

— Может быть, нам не заниматься больше съемками,— предложил Адамс.

— Нет, мы будем их продолжать,— сказал Купер.— Представь, сколько спортсменов с радостью отстегнет по десять тысяч баксов за две недели охоты в наших краях. Но перед тем как собрать денежки, мы должны показать им фильмы. И та сцена с саблезубым тигром могла бы обеспечить успех.

— Если только не отпугнет их,— проворчал Хадсон.— На последних кадрах ничего не видно, кроме его разинутой пасти.— Экс-посол Хадсон выглядел несчастным.— Не нравится мне эта затея. Как только мы привезем сюда кого-нибудь, расползутся слухи. И если кто-то проболтается, на нас устроят засаду. Всегда найдутся парни — а может быть, даже страны,— которым захочется на законных основаниях или с помощью насилия заполучить секрет технологии. Вот чего я испугался больше всего, когда потерял наши фильмы. Кто-то найдет их, и люди могут задуматься, что все это значит. Я тешу себя надеждой, что фильмы посчитают подделкой и выследить нас не удастся.

— Мы можем брать с охотников клятву, чтобы они держали все в секрете,— сказал Купер.

— Но какой спортсмен удержится, чтобы не выставить напоказ голову саблезубого тигра или рекордный по величине кусок слоновой кости? И это касается каждого, к кому бы мы ни обратились. Любой университет отвалит немалые деньги, чтобы отправить сюда партию ученых. Любая кинокомпания выжмет из себя кучу наличных, чтобы отснять здесь приключенческий фильм о пещерных людях. Но если мы запретим им говорить о своих находках и показывать свои сюжеты, они пошлют нас ко всем чертям. Вот если бы мы получили признание как независимая страна,— продолжал Хадсон,— мы бы могли вести дела по всем направлениям. Мы бы сами создавали законы и предписания, чтобы влиять на ход событий. Мы могли бы завести сюда поселенцев и организовать торговлю. Мы бы начали разработку природных богатств, и все было бы законно и открыто. Мы могли бы говорить о себе, о своей стране и о том, что можем предложить.

— Что толку теперь облизываться,— сказал Адамс.— Многое можно сделать и сейчас. На холмах у реки растет женьшень. Каждый из нас может накопать в день до дюжины фунтов. На одних корнях мы имели бы кучу денег.

— Корни женьшеня — это мелочь,— возразил Купер.— Нам нужны настоящие деньги.

— А если ставить капканы? — не унимался Адамс.— Тут полным-полно бобров.

— Ты хорошо рассмотрел этих бобров? Они же размером со святого Бернарда.

— Ну так и хорошо. Подумай, сколько ты получишь с одной шкуры.

— Ни один торгаш не поверит, что это бобер. Тебя тут же начнут подозревать в мошенничестве. Есть лишь несколько стран, где разрешено ловить бобров. Чтобы поставлять шкуры — даже если тебе удастся уговорить кого-то купить их,— ты должен приобрести лицензии в каждой из этих стран.

— На том мастодонте целые горы слоновой кости,— сказал Купер.— А если мы отправимся на север, то найдем там мамонтов, у которых бивни еще больше...

— И тут же попадем в тюрьму за контрабанду слоновой кости?

Они сидели, смотрели на огонь и молчали, не зная, что сказать.

Жалобный стон гигантской кошки, вышедшей на охоту, донесся с верховьев реки.

4

Хадсон лежал в спальном мешке, рассматривая небо. Оно волновало его. Там не было знакомых созвездий, не было ни одной звезды, которую он мог бы уверенно назвать. И этот звездный хоровод, думал он, больше, чем что бы то ни было, наводил на мысль об огромной бездне лет, которая пролегла между древней страной и той землей, на которой он был — или, вернее, должен был быть — рожден.

Сто пятьдесят тысяч лет, как говорит Адамс, плюс минус десять тысяч — точнее не узнаешь. Хотя это наверняка сделают позже. Изучат позиции звезд в этом времени и сравнят их с картой звездного неба двадцатого века. Но пока любые цифры оставались не более чем предположением.

Машина времени — это не та штука, калибровку и эксплуатационные качества которой можно проверить. Ее вообще нель-

зя никак проверить. Ему вспомнилось, что в первый раз, решив ее испытать, они даже не были уверены, что она работает. Да и как об этом скажешь наперед? Когда она начинала работать, вы тут же понимали, что она работает. Но если она была неисправна, об этом можно было узнать только после испытания.

Конечно, Адамс ни секунды не сомневался. А как же иначе — он полностью доверял тем полуматематическим, полуфилософским концепциям, которые разработал сам и которые всегда оставались непостижимой загадкой для Хадсона и Купера.

Впрочем, так было всегда, даже в детстве. Уэс придумывал затеи, а осуществлять их приходилось ему и Джонни. И еще в те дни в своих играх они путешествовали во времени. На заднем дворе Куперов они собрали свою первую машину времени, и в ход пошла невообразимая коллекция ненужного хлама — деревянный ящик, пустой пятигаллонный бак из-под краски, сломанная кофеварка, связка выброшенных медных трубок, треснувшее рулевое колесо и прочая рухлядь. Он вспоминал, как они «возвращались» в страну индейцев-до-прихода-белых, путешествовали во времени мамонтов и динозавров, устраивая потрясающие битвы и «кровавую резню».

Но в реальности все оказалось по-другому, и приходилось не только палить из ружья в причудливых животных, которые встречались на пути.

Они могли бы догадаться об этом, поскольку не раз говорили на подобные темы.

Ему вспоминались их споры в университете и тот парень, который обычно помалкивал в углу,— студент юридического факультета по фамилии Притчард.

И вот как-то, промолчав большую часть времени, этот Притчард заговорил:

— Если бы вы, парни, путешествовали во времени, вам бы пришлось столкнуться с очень неприятным сюрпризом. Я не говорю о климате, топографии и фауне. Я имею в виду экономику и политику.

Они тогда посмеялись над ним, вспоминал Хадсон, и все на этом кончилось. А чуть позже разговор, как всегда, перешел на женщин.

Интересно, где теперь этот молчун? Однажды, пообещал себе Хадсон, я разыщу его и расскажу, как он был прав.

Да, мы ошиблись, думал он. Сколько путей вело к успеху, сколько дорог, но мы оказались слишком уверенными и жадными — мы жаждали триумфа и славы, вот почему теперь так нелегко успокоиться.

Поймав удачу за хвост, они могли добиться помощи в любом крупном индустриальном концерне, в любом общеобразовательном фонде и правительственном учреждении. Как первооткрыватели истории они могли получить любую поддержку и субсидии. А обретя покровительство и деньги, они бы развернулись по-настоящему. Им не пришлось бы довольствоваться своими жалкими грошами, которых только и хватило на один потрепанный вертолет и один временной модуль. У них было бы несколько машин, и по крайней мере одна из них стояла бы в двадцатом веке как спасительный модуль на случай чрезвычайных обстоятельств.

Но эти варианты означали сделку, и, возможно, очень жестокую сделку. Пришлось бы делиться с теми, чье участие измерялось лишь вложенным капиталом. А какими деньгами оценишь двадцать лет мечты и великой идеи, преданность этой великой идее, годы работы, годы разочарований и почти фанатичное самопожертвование?

В любом случае, думал Хадсон, им удалось рассчитать почти все. Возможностей для промахов было множество, но они сделали их сравнительно мало. Все, что им недоставало, в конечном счете появилось.

Взять хотя бы вертолет. Он оказался самым удобным средством для путешествий во времени. Чтобы избежать смещений и оседания пластов, которые происходили в течение геологических периодов, вам необходимо подняться в воздух. Вертолет поднимает вас вверх, предохраняет от столкновений с различными объектами на земле и дает возможность выбрать нужное место для посадки. Путешествуя без него — даже если вам повезет с поверхностью земли,— вы можете материализоваться в сердцевине какого-нибудь огромного дерева, оказаться в болоте или гуще стада испуганных и свирепых зверей. Самолет бы тоже подошел, но, попав в этот мир, вы бы не всегда могли приземлиться — вернее, не были бы уверены, что это получится. А вертолет может опуститься почти в любом месте.

И конечно, им повезло с временем, в которое они попали, хотя никто из них точно не знал, как велика эта удача. Уэс

считал, что он не всегда работал вслепую, как это могло показаться. Он настроил модуль на прыжки в пятьдесят тысяч лет. Как он тогда им честно сказал, для более точной калибровки потребовалась бы долгая и напряженная работа.

При калибровке в пятьдесят тысяч лет расчет оказался простым. Один прыжок (если настройка оказалась верной) мог бы доставить их в конец ледникового периода Висконсиса, два прыжка — в его начало. Третий должен был забросить их в конец сангамонского межледникового периода, что, видимо, и произошло — плюс минус десять тысяч лет.

Они попали в удачное время с довольно стабильным климатом, когда не было ни холодно, ни жарко, флора выглядела почти современной и они чувствовали себя как дома. Фауна плейстоцена и нашей эпохи частично перекрывала друг друга, но внешность животных несколько отличалась от вида их собратьев в двадцатом веке. Реки текли по знакомым руслам, холмы и утесы во многом остались теми же. В этом уголке Земли по крайней мере за сто пятьдесят тысяч лет почти ничего не изменилось.

Какими удивительными были мечты их юности, думал Хадсон. И не так часто встретишь трех парней, чьи юношеские грезы в конце концов исполнились. Но им повезло, и они оказались здесь.

У костра дежурил Джонни, следующим на очереди был Хадсон, а перед этим лучше выспаться. Он закрыл глаза, потом приоткрыл их, чтобы бросить прощальный взгляд на незнакомые звезды, и увидел серебряный свет, окрасивший восточный горизонт. Вскоре взойдет луна, и это неплохо. Всегда веселее на дежурстве, когда над головой сияет луна.

Неимоверный шум, перечеркнув безмолвие ночи, выбросил Хадсона из сна и, продирая до мозга костей, вытянул его в одну дрожащую струну. Даже воздух, казалось, оцепенел от бешеного крика. Хадсон сел, ничего не понимая, и только потом, до удивления вяло и медленно, его мозг проанализировал шум и выделил два разных слившихся звука — ужасное рычание тигра и сводящий с ума рев мастодонта.

Луна поднялась, заливая местность призрачным светом. Он увидел Купера, который стоял за кругом ночных огней и, вскинув винтовку, всматривался в ночь. Адамс, тихо бормоча ругательства, выполз из спального мешка. Центральный костер превратился в груду мерцающих углей, но дозорные огни ярко пылали, и вертолет внутри круга переливался отблесками пламени.

— Это Бастер! — со злостью крикнул Адамс.— Я узнал бы его рев где угодно. С тех пор как мы появились здесь, он только и делал, что визжал да разгуливал вокруг. Но ему, видно, не повезло, и он нарвался на саблезубого тигра.

Хадсон расстегнул спальный мешок, схватил винтовку и вскочил. Ни слова не говоря, он бросился за Адамсом туда, где стоял Джонни.

Купер остановил их жестом:

— Только не вспугните их. Я никогда не видел ничего подобного.

Адамс поднял винтовку.

Купер ударил ладонью по стволу.

— Ты что, сдурел?! — вскричал он.— Хочешь, чтобы они бросились на нас?

В двухстах ярдах стоял мастодонт, в его спину вцепился визжащий саблезубый тигр. Огромный слон поднялся на дыбы и с грохотом опустился, пытаясь сбросить кошку. Ее массивное тело взлетело в воздух. Слон продолжал брыкаться, но сверкающие клыки тигра вновь и вновь впивались в спину великана.

И тогда мастодонт повалился на голову, перекатился через спину и поднялся. Огромная кошка спрыгнула на землю. Они постепенно приближались к лагерю.

На какое-то время оба зверя замерли, рассматривая друг друга. Потом тигр атаковал, молнией промелькнув в лунном свете. Бастер увернулся. Кошка врезалась в могучее плечо, яростно вцепилась в него когтями и, не удержавшись, соскользнула вниз. Мастодонт бросился вперед и, полоснув противника бивнями, затопал ногами. Кошка, получив скользящий удар одним из бивней, взвыла и, прыгнув вверх, распласталась на голове Бастера.

Доведенный до бешенства болью и страхом, ослепленный старый мастодонт побежал — побежал прямо на лагерь. На бегу он обхватил кошку хоботом, оторвал от себя и, приподняв, отбросил прочь.

— Берегись! — закричал Купер и выстрелил.

На какой-то миг в глазах Хадсона застыла неподвижная картина, напоминающая кадр, вырезанный из фантастического

приключенческого фильма,— разъяренный мастодонт и подброшенный в воздух тигр. Звуки слились в один ужасный гвалт надвигавшейся катастрофы.

Затем видение превратилось в неясное дрожащее пятно. Хадсон ощутил тупой удар в плечо и понял, что выстрелил, хотя звука выстрела не услышал. Над ним почти навис огромный мастодонт, сминающий все на своем пути, как мощная и безжалостная машина слепого разрушения.

Он бросился в сторону, и гигант пронесся мимо. Хадсон мельком заметил, что саблезубый тигр рухнул на землю внутри круга дозорных огней.

Он снова поднял винтовку и нажал на курок, целясь в бугорок за ухом Бастера. Мастодонт пошатнулся, но удержался на ногах и продолжал свой стремительный бег. Он наступил на один из костров и помчался дальше, разбросав угли и пылающие головешки.

А тут раздался глухой удар и визгливый скрежет металла.

— О нет! — закричал Хадсон.

Пробежав несколько метров, они остановились внутри круга огней.

Вертолет лежал на боку, накренившись под сумасшедшим углом. Одна лопасть винта была смята. Прямо на вертолете, словно споткнувшись о него во время безумного бега, лежал мастодонт.

Кто-то подполз к ним, прижимаясь к земле. В свете костров мелькнула раскрытая слюнявая пасть. Животное волочило задние ноги, спина его была сломана.

Спокойно и без лишних слов Адамс всадил пулю в голову саблезубого тигра.

5

Генерал Лесли Бауэрс поднялся с кресла и зашагал по залу заседаний. Потом остановился и грохнул кулаком по столу.

— Вы не сделаете этого! — закричал он.— Вам не удастся погубить проект. Я знаю, насколько он важен. И мы не можем отказаться от него!

— Но прошло десять лет, генерал,— напомнил военный министр.— Если бы они решили вернуться, то к этому времени давно бы уже объявились.

Генерал остановился, собираясь дать отпор. За кого его принимает этот штатский выскочка! Как он смеет говорить таким тоном с боевым офицером!

— Мы знаем ваше мнение, генерал,— сказал председатель Объединенного комитета начальников штабов.— И, думаю, каждый из нас понимает, как близок вам вопрос. Вы по-прежнему во всем обвиняете себя, хотя для этого нет никаких оснований. В конце концов, ничего уже не исправишь.

— Сэр,— сказал генерал,— я уверен, нет дыма без огня. Я знал это с самого начала, когда все остальные лишь таращили глаза. С тех пор мы обнаружили факты, которых вполне достаточно для подтверждения моих догадок. Возьмем, к примеру, нашу троицу. Тогда мы о них почти ничего не знали — зато сколько известно теперь! Я изучил их жизнь от рождения до самого момента исчезновения. И могу добавить для тех, кто по-прежнему думает, что это мистификация: мы искали их несколько лет, но не нашли и намека на их последующее существование. Мне довелось беседовать с людьми, которые их знали. Я изучил учебные характеристики и армейские личные дела. И пришел к выводу: если бы кто и мог сделать такое, то только эти трое парней. Адамс был их мозгом, двое других выполняли то, что придумывал он. Купер обладал бульдожьей хваткой, он не давал им сбиться с пути, а Хадсон обкатывал вопрос с разных точек зрения. И они знали свое дело, джентльмены! — воскликнул генерал.— Они жили этим. То, что Хадсон предпринял в Вашингтоне, является реальным доказательством их подготовки. Они со школьных лет просчитывали варианты действий. А несколько лет назад я говорил с адвокатом из Нью-Йорка по фамилии Притчард. Он рассказал мне, что еще в университете они обсуждали экономические и политические проблемы, с которыми могли столкнуться в случае удачного завершения своей работы. Мы можем считать Уэсли Адамса одним из самых одаренных молодых ученых. Это доказывают характеристики университета и армейские рапорта. После армии он владел по крайней мере дюжиной профессий, но они его не интересовали. И я могу сказать, почему они его не интересовали. У него было нечто большее — то, над чем он работал. А когда он и двое его друзей отправились...

— Вы считаете,— вмешался военный министр,— что он работал над темпоральными...

— Он работал над машиной времени! — рявкнул генерал.— Я этих ваших темпоральных штучек не понимаю, и меня вполне устраивает обычная «машина времени».

— Успокойтесь, генерал,— сказал председатель ОКНШ*.— Нет никакой необходимости кричать.

Генерал кивнул.

— Прошу прощения, сэр. Я столько работал над этим. Я посвятил проекту десять последних лет. Вы правы, мне действительно хочется исправить ошибку, которая была допущена десятилетие назад. Я мог бы побеседовать с Хадсоном. Но я был занят и, конечно же, был занят не тем. Чрезмерная занятость стала обычным состоянием всех должностных лиц, и в этом отношении я признаю свою ошибку. Но теперь, когда вы настаиваете на закрытии проекта...

— Он влетает нам в копеечку,— напомнил военный министр.

— И у нас нет никаких доказательств,— добавил председатель ОКНШ.

— Не понимаю, что вам еще надо,— огрызнулся генерал.— Если когда-то и жил человек, покоривший время, то это был Уэсли Адамс. Мы нашли, где он работал. Мы нашли его мастерскую и переговорили с соседями, которые рассказывали нам о таких странных делах, происходящих там, что...

— Но десять лет, генерал! — воскликнул военный министр.

— Хадсон приходил сюда, предлагая нам величайшее открытие в истории человечества, и мы выгнали его. Неужели после этого вы ожидаете, что они приползут к нашим ногам?

— Вы хотите сказать, что они обратились к кому-то еще?

— Они на это не пойдут. Эти парни знают, что означает то, на что они наткнулись. И они не предадут свою страну.

— А как вы объясните нелепое предложение Хадсона? — подал голос представитель министерства иностранных дел.

— Они пытались подстраховаться! — закричал генерал.— Что бы вы сами стали делать, открыв девственную планету с нетронутыми природными богатствами? Неужели бы бросились к нам, протягивая целый мир зажравшимся чиновникам, которые слишком «заняты», чтобы ознакомиться...

— Генерал!

— Да, сэр,— устало произнес генерал.— Мне бы хотелось, джентльмены, указать вам на необычайно точное совпадение

* ОКНШ — Объединенный комитет начальников штабов.

деталей. Это в первую очередь касается пленок, попавших в наши руки. Мы имеем заключение дюжины компетентных палеонтологов, которые утверждают, что столь идеальная подделка невозможна. Но, даже допустив обратное, мы бы нашли такие тонкости, фальсифицировать которые никто бы не догадался, потому что о них почти никому не известно. Кто, например, мог догадаться, что на ушах саблезубого тигра были кисточки, как у рыси? Кто знает, что кожа молодого мастодонта черного цвета? А дислокация! — продолжал генерал.— Я напомню, если вы забыли, что мастерскую Адамса мы нашли только благодаря этим фильмам. Сравнив кадры с реальной местностью, мы получили такие данные, что даже сомневаться не пришлось,— нам оставалось лишь отправиться на старую заброшенную ферму, где работали Адамс и его друзья. Неужели вы не понимаете, как все совпадает?

— Я полагаю,— ехидно заявил представитель министерства иностранных дел,— вы сейчас начнете объяснять нам, почему они выбрали это заброшенное место.

— Думали, уели меня, да? — спросил генерал.— Но я вам отвечу. У меня есть для вас хороший ответ. Юго-западная часть Висконсина является геологическим курьезом. Ее обошли ледники всех геологических периодов. Нам неизвестно, почему так происходило, но какой бы ни была причина, ледники обходили эту территорию по сторонам и двигались к югу, оставляя нетронутым этот островок в океане льда. И еще одна деталь,— воодушевленно продолжал генерал.— За исключением триасового периода, этот район Висконсина всегда оставался сухим. Он и несколько других областей оставались единственными территориями Северной Америки, которые никогда не побывали под водой. Я думаю, нет нужды говорить о преимуществах такого места, где начинающий путешественник во времени, рискуя угодить почти в любую эру, находит под ногами сухую почву.

Слово взял советник по экономике:

— Мы исследовали этот вопрос весьма обстоятельно, и, хотя не нам судить о том, возможны или нет путешествия во времени, мне бы хотелось высказать несколько замечаний.

— Прошу вас,— сказал председатель ОКНШ.

— Мы заметили одно несоответствие. Откровенно говоря, нас в этом деле заинтересовала перспектива приобретения абсолютно новой планеты, ресурсы которой можно было бы эксплуатировать в более широких масштабах, чем это делалось в

прошлом. Но возникает мысль: а что, если каждая планета имеет лишь определенный запас природных богатств? И если мы, забравшись в прошлое, начнем их добывать, не повлияет ли это на остаток тех ресурсов, которые мы разрабатываем в настоящее время? Не будем ли мы таким хитрым образом таскать добро из собственных карманов?

— Это утверждение неверно по своей сути,— сказал председатель Комиссии по атомной энергии.— На самом деле все как раз наоборот. Мы знаем, что в определенные геологические периоды прошлого в земле имелось гораздо больше урана, чем в наши дни. Попав в достаточно далекое прошлое, вы бы поняли, что уран превратился в свинец. В юго-западной части Висконсина залегают свинцовые жилы — вот почему Хадсон утверждал, что ему известно расположение залежей урановой руды, а мы думали, что это бред сумасшедшего. Если бы мы оказались поумнее — давайте говорить начистоту,— если бы мы были поумнее и, узнав о путешествиях во времени, тут же сцапали бы его, то ничего подобного не произошло бы.

— Утверждение советника неверно и в отношениях лесов,— дополнил его председатель ОКНШ.— Я уже не говорю о пастбищах и сельскохозяйственных культурах.

Советник по экономике слегка покраснел.

— Есть еще одно возражение,— сказал он.— Если мы вернемся в прошлое и колонизируем земли, которые там найдем, вы представляете, что произойдет, когда эта — давайте назовем ее ретроактивной,— когда эта ретроактивная цивилизация достигнет начала нашего исторического периода? Каков будет результат столкновения культур? Изменится ли наша история? И будут ли происходящие изменения позитивными? А все...

— Все это вздор! — закричал генерал.— Вздор, как и вся трепотня об использовании ресурсов. Что бы мы ни делали в прошлом — вернее, что бы мы ни хотели сделать,— давным-давно уже сделано. Я ночами не спал, размышляя над этим, мистер. И поверьте, я дал вам единственный верный ответ. Но сейчас перед нами стоит вопрос, который требует безотлагательного решения. Откажемся мы от всего этого или будем продолжать наблюдения за фермой в Висконсине, ожидая их возвращения? Будем ли мы продолжать самостоятельный поиск процессов, формул или методов, благодаря которым Адамс путешествует во времени?

— Пока наши исследования ни к чему не привели, генерал,— сказал известный физик, скромно сидевший в конце стола.— Если бы не ваша уверенность и не доказательства, которые убеждают нас, что Адамсу это удалось, я бы отрицал возможность путешествий во времени. Пока у нас нет ни одного варианта, который мог бы обещать какую-то надежду. Все, чем мы занимались до этого времени, лучше всего описывается словами «мышиная возня». Но если Адамс провернул такой трюк, значит, это действительно возможно. И значит, должно быть несколько способов достижения подобного эффекта. Поэтому мы настаиваем на дальнейших изысканиях.

— Никто не пытается обвинять вас в неудачах,— заверил физика председатель.— Мы знаем, что вы работаете на пределе сил и возможностей. И если Адамс сделал это — я подчеркиваю, если он действительно сделал это,— то метод должен отличаться простотой. Скорее всего, он наткнулся на него в той сфере наук, куда никто другой и заглянуть бы не подумал.

— Вы еще раз напомнили нам,— сказал генерал,— что исследовательские программы с самого начала рассматривались лишь как авантюра. Поэтому возвращение этих парней было и остается нашей единственной надеждой.

— Если бы Адамс запатентовал свой метод, мы бы сейчас не ломали себе головы,— заявил председатель министерства иностранных дел.

Генерал яростно завопил:

— Чтобы потом его со всеми деталями и подробностями изложили в отчетах патентной службы и каждый желающий мог бы не только ознакомиться с ним, но и повторить?!

— Нам остается только Бога благодарить за то, что он его не запатентовал,— подвел итог председатель.

6

Вертолет уже не годился для полетов, но временной модуль оказался целым.

Хотя это еще не означало, что он будет работать.

Они обсудили вопрос о местонахождении лагеря. Сдвинуть тушу Старины Бастера им было не по силам, и они решили найти другое место. Поэтому на рассвете они ушли, оставив старого мастодонта лежать на разбитом вертолете.

Они знали, что через день или два его кости будут обглоданы и очищены стервятниками, дикими котами, волками, лисами и мелкими хищниками.

Вытащить временной модуль из вертолета оказалось непросто, но в конце концов им это удалось, и теперь, сидя у костра, Адамс покачивал его на коленях.

— Хуже всего, что я не могу его проверить,— жаловался он.— Это просто невозможно. Включаешь его, и он или работает, или не работает. Поэтому пока не попробуешь, не узнаешь.

— Тут мы тебе ничем помочь не можем,— ответил Купер.— Но возникает вопрос: как нам использовать его без нашей железной птицы?

— Нам необходимо подняться в воздух,— сказал Адамс.— Иначе при возвращении в двадцатый век мы рискуем оказаться в шести футах под землей.

— Какое-то чувство подсказывает мне, что местность здесь выше, чем в нашем будущем,— сказал Хадсон.— Эти холмы стоят здесь с времен юрского периода. Скорее всего, они были тогда значительно выше, но ветер и время уменьшили их размеры. Выветривание будет продолжаться и впредь. Значит, мы здесь находимся на большей высоте, чем в двадцатом веке,— пусть не намного, но выше.

— Кто-нибудь из вас отмечал показания высотомера? — спросил Купер.

— Думаю, нет,— признался Адамс.

— В любом случае его показания ничего не дают,— заявил Хадсон.— Он просто показывает высоту — а мы, если помните, летели,— но нужно еще учитывать воздушные ямы, относительную плотность воздуха и прочие штуки.

Хадсон заметил, что Купер сник.

— А как вам такое предложение? — воодушевился Адамс.— Мы построим платформу высотой в двенадцать футов — это обезопасит нас от геологических подвижек. Но сооружение должно быть сравнительно небольшим, чтобы остаться в зоне действия силового поля.

— И что произойдет, если мы случайно сделаем ее на два фута выше? — спросил Хадсон.

— Падение с четырнадцати футов не смертельно — разве что откровенно не повезет.

— Но можно здорово разбиться.

— Да, и даже сломать несколько костей. Так ты останешься здесь или рискнешь сломать ногу?

— Если ты так ставишь вопрос, я согласен. Платформа, говоришь. А из чего платформа?

— Из бревен. Деревьев хватает. Мы просто пойдем и повалим несколько стволов.

— Ствол в двенадцать футов высотой весит немало. Как мы перенесем такое большое бревно на холм?

— Потащим по земле.

— Ты хочешь сказать, попытаемся.

Адамс на минуту задумался, и его осенила идея:

— Нам надо сделать тележку.

— Из чего? — спросил Купер.

— Тогда давайте применять катки. Нарежем небольшие бревна и покатим стволы по ним.

— Это хорошо на горизонтальной плоскости,— возразил Хадсон,— но совершенно не годится для подъема стволов на холм. Твои бревна укатятся да еще прибьют кого-нибудь из нас.

— В любом случае опоры должны быть длиннее двенадцати футов,— вставил Купер.— Нам придется вкапывать их в ямы, и это потребует дополнительной длины.

— А почему бы нам не применить принцип треножника? — предложил Хадсон.— Свяжем три ствола за макушки и поднимем их. Что-то вроде буровой вышки или ворота для подъема тяжестей. Но все равно опоры должны быть длиннее двенадцати футов. Я думаю, пятнадцати-шестнадцати футов будет достаточно. А как поднять три шестнадцатифутовых бревна? Нам понадобятся блок и такелажные снасти.

— Есть еще одна проблема,— сказал Купер.— Часть этих бревен может оказаться за пределами эффективного действия силового поля. Часть их должна — я надеюсь, все же должна — сдвинуться во времени, а другая часть останется здесь. Это вызовет наклон.

— Путешествуя на стволах, мы столкнемся еще с одной неприятностью,— добавил Хадсон.— Мне не хотелось попасть в другое время с кучей бревен, которые будут падать на меня.

— Не стоит печалиться об этом,— сказал Адамс.— Может быть, еще и модуль не работает.

7

Генерал уединился в своем кабинете и сидел, опустив голову на руки. Какие придурки, думал он, тупоголовые, бездарные придурки! Почему они не могли этого понять?

С тех пор как пятнадцать лет назад Лесли Бауэрс стал руководителем проекта «Мастодонт», он думал о нем ночью и днем, перебирая в уме любую возможность, словно она была реальным фактом. Причем его волновали не только военные перспективы, хотя, как боевой офицер, он, естественно, думал о них в первую очередь.

Взять хотя бы скрытые базы, расположенные прямо в опорных пунктах потенциального врага — в тех же местах, но отдаленные по времени веками. Их будут разделять столетия и расстояние, которое можно преодолеть в долю секунды.

Он видел это как наяву — материализация флотилий, быстрый сокрушительный удар, затем мгновенный отход в цитадели прошлого. Огромные разрушения — и ни одного потерянного корабля, ни одного убитого солдата.

Кроме того, имея такие базы, даже не нужно наносить удар. Стоит лишь намекнуть врагу об их существовании, как провокаций уже можно не опасаться.

Если же враг нападет первым, мы бы получили лучшее в мире бомбоубежище. Мы бы эвакуировали население не в другие города, а в другое время. У нас появилось бы надежное и абсолютное убежище против любого оружия — ядерного, термоядерного, бактериологического и того, что еще создавалось в лабораториях.

И если придут плохие времена — которые, как никогда, близки в нашей ситуации,— у нас было бы место, куда можно увести целую страну, оставив врагу пустые разрушенные города и отравленные радиоактивной пылью земли.

Убежище — именно его пятнадцать лет назад предлагал Хадсон бывшему министру иностранных дел, но зазнавшийся идиот посчитал это оскорблением и выгнал Хадсона прочь.

И если даже до войны не дойдет, следует помнить о жизненном пространстве и огромных возможностях — не самой последней из которых будет возможность мирно жить на девственной планете, где можно отбросить старую вражду и дать дорогу новым помыслам.

Интересно, где сейчас эти трое парней, ушедших в глубь времени. Неужели погибли? Их могли затоптать мастодонты. Или на их след вышла стая тигров? А вдруг они убиты вероломными дикарями? Хотя нет, он забыл, в ту пору люди сюда еще не пришли. А если они заблудились во времени и не могут вернуться? И теперь до конца своих дней обречены существовать в чужом времени? Или, может быть, они просто питают к людям своей эпохи глубокое отвращение? Впрочем, он бы не винил их за это.

А может быть — пусть это и звучит немного фантастично,— они тайно набирают колонистов, прямо сейчас, и не на ферме в Висконсине, которая находится под наблюдением, а в каком-то другом неведомом месте, реально создавая страну, которую они провозгласили.

Если они не вернутся в скором будущем, проект «Мастодонт» будет закрыт окончательно. Исследовательская программа застопорилась, и только резкий поворот событий мог предотвратить ликвидацию поста в Висконсине.

— Но если они посмеют снять наблюдение,— сказал генерал,— я знаю, что надо делать.— Он встал и зашагал по комнате.— Ей-богу, я им еще покажу!

8

Чтобы построить пирамиду, потребовалось десять дней тяжелого, изнурительного труда. Они таскали камни от ручья, который находился в полумиле от лагеря, и постепенно небольшая куча превратилась в полукруглый холм высотой в двенадцать футов. Для этого потребовалось много камней и много терпения, потому что чем выше становилась пирамида, тем больше приходилось расширять ее основание.

Но они ее построили.

Хадсон сел у костра и поднес к догоравшим углям покрытые волдырями руки.

И все же это лучше, думал он, чем таскать тяжелые бревна, да и опасности почти никакой.

Допустим, мы наберем в ладонь горсть песка. Что-то просыплется между пальцами, но большая часть останется в ладони. Вот в этом и заключался принцип пирамиды из камней. Когда — и если — машина времени заработает, большая часть камней пройдет сквозь время.

Те камни, что останутся здесь, осыпятся на землю, и от них не будет никакого вреда — то есть не будет наклонов и деформаций, которые могут помешать работе силового поля.

А если временной модуль неисправен?

Или если он все же заработает?

С какой стороны ни посмотри, подумал Хадсон, это станет гибелью нашей мечты.

Даже если они вернутся в двадцатый век, средства не позволят им продолжать дело. Фильмы утеряны, замены им нет, и нет никаких доказательств, что они побывали за гранью истории — почти на заре человечества.

Хотя не так важно, насколько вам удается проникать во время. Час или тысячелетия — большой разницы нет. Если можно унестись на час, значит, можно передвигаться и сквозь миллионы лет. А если вы совершили прыжок на миллионы лет назад, то можете вернуться к первому мгновению вечности, к первому проблеску времени в безмерном океане пустоты и небытия — вернуться к первородному мигу, когда ничего еще не было создано и не было планов и мыслей, когда вся безбрежность Вселенной, подобно чистой грифельной доске, ожидала первых штрихов, начертанных мелом неизбежности.

На покупку нового вертолета потребуется тридцать тысяч долларов, а у них не хватало денег даже на трактор, который был нужен для возведения частокола.

Занять негде и не у кого. Не пойдешь же в банк и не скажешь, что тридцать тысяч вам нужны для полета в поздний каменный век.

Хотя по-прежнему можно обратиться в какое-нибудь промышленное предприятие, или университет, или даже к правительству. Если объяснить, в чем дело, деньги польются рекой — но они согласятся платить только после того, как наложат лапу на всю прибыль. И конечно, заказывать музыку будут они, думал Хадсон, потому что это их деньги, а нам останутся только горький пот и кровоточащие раны.

— Меня по-прежнему тревожит один вопрос,— сказал Купер, нарушая молчание.— Мы здорово поработали, возводя пирамиду, и, конечно, обезопасили себя от попадания в сарай, дом и другие сооружения...

— Только не говори мне о ветряной мельнице! — вскричал Хадсон.

— Хорошо, не буду. Я убежден, что высоты хватит. Но мне подумалось, что мы можем оказаться прямо над тем забором из колючей проволоки, который находится в южной части сада.

— Если хочешь, давай передвинем пирамиду шагов на двадцать в сторону.

Купер застонал.

— Нет, лучше я рискну усесться на забор.

Адамс встал и бережно поднял временной модуль.

— Ладно, парни, пошли. Пора уходить.

Они осторожно взобрались на пирамиду, едва уместившись на ее вершине.

Прижимая модуль к груди, Адамс сделал последние приготовления.

— Придвиньтесь ко мне,— сказал он,— и немного согните колени. Возможно, придется падать.

— Ладно, поехали,— сказал Купер.— Жми на клавишу.

Адамс нажал на кнопку.

Но ничего не случилось.

Модуль не работал.

9

Не скрывая тревоги и страха, директор ЦРУ закончил свой доклад.

— Вы уверены в достоверности вашей информации? — спросил президент.

— Господин президент,— сказал директор ЦРУ,— я отвечаю за каждое свое слово.

Президент вопросительно взглянул на двух других людей, которые находились в кабинете.

— Все вышесказанное соответствует данным, которые находятся в нашем распоряжении, сэр,— доложил председатель ОКНШ.

— Но это невероятно! — воскликнул президент.

— Они боятся! — вскричал директор ЦРУ.— Они не спят по ночам. Они убедили себя, что мы вот-вот сможем путешествовать во времени. Их попытки сделать что-нибудь подобное закончились ничем, но они уверены, что мы близки к успеху. Наши враги понимают, что, если нам удастся покорить время, их конец неизбежен, поэтому они решили нанести послед-

ний удар — сейчас или никогда. Но три года назад мы полностью отказались от проекта «Мастодонт». Прошло десять лет с тех пор, как мы приостановили исследования. Двадцать пять лет назад этот Хадсон...

— Какая разница, сэр? Они убеждены, что мы прикрыли проект только для отвода глаз, а сами втайне продолжаем работу. Это вполне соответствует их собственной стратегии...

Президент поднял карандаш и начал что-то машинально рисовать в блокноте.

— Как звали того старого генерала,— спросил он,— который закатил целый скандал, когда мы отказались от проекта? Помню, я был тогда в сенате. Он так и вился вокруг меня.

— Бауэрс, сэр,— напомнил председатель ОКНШ.

— Да, верно. Что с ним стало?

— Ушел в отставку.

— Жаль, хотя, думаю, теперь это не имеет значения.— Он нарисовал что-то еще и наконец сказал: — Джентльмены, похоже, вы правы. Сколько времени, вы говорите, у нас осталось?

— Максимум девяносто дней. В худшем случае — дней тридцать.

Президент взглянул на председателя ОКНШ.

— Мы готовы, как никогда,— доложил председатель.— Думаю, мы справимся с ними. Конечно, есть некоторые...

— Знаю,— сказал президент.

— Может быть, припугнуть их? — предложил министр иностранных дел, переходя на шепот.— Я знаю, это их не остановит, но по крайней мере мы выгадаем какое-то время.

— Вы хотите дать им понять, что у нас есть машина времени?

Министр кивнул.

— Нам это не удастся,— устало возразил директор ЦРУ.— Если бы мы ее действительно имели, тогда бы не было проблем. По своим каналам они бы тут же узнали, что она у нас есть, и превратились бы в добрых воспитанных соседей.

— Но ее у нас нет,— мрачно подытожил президент.

10

Поздним вечером, вскинув на плечи оленя, подвешенного к шесту, двое охотников повернули домой. При дыхании с их губ срывался пар, было очень холодно, и они уже не помнили, сколько дней кряду с неба падал снег.

— Меня тревожит Уэс,— тяжело дыша, сказал Купер.— Он принимает это слишком близко к сердцу. Мы должны присматривать за ним.

— Давай передохнем,— задыхаясь, предложил Хадсон.

Они остановились и опустили оленя на землю.

— Он во всем винит только себя,— продолжал Купер, смахивая пот со лба.— Причем совершенно напрасно. Каждый из нас знал, на что шел.

— Он злится на себя и сам понимает это, но злость помогает ему не сдаваться. Пока он ковыряется в своей штуковине, с ним будет все в порядке.

— Ему не удастся починить модуль, Чак.

— Знаю, что не удастся. И он тоже это знает. У него нет ни инструментов, ни материалов. Вернись мы обратно в мастерскую, он еще мог бы что-то сделать, но здесь все его попытки обречены на провал.

— Да, ему нелегко.

— Всем нам нелегко.

— Да, но не нам пришла в голову внезапная идея, из-за которой два старых приятеля оказались в безвыходном положении на самых, можно сказать, задворках времени. И он не может выбросить это из головы, сколько бы мы ни говорили, что все хорошо, что мы вообще об этом не думаем.

— Да, такое трудно принять, Джонни.

— Но что с нами будет, Чак?

— Мы построим себе жилье, заготовим еды. Боеприпасы оставим для большой дичи, чтобы на каждую пулю иметь горы мяса, а мелких животных будем ловить в капканы.

— Мне интересно, что с нами будет, когда не останется ни муки, ни других припасов. У нас и так их не слишком много. Мы всегда думали, что в любой момент можно будет привезти еще.

— Перейдем на мясо,— успокоил его Хадсон.— Мы можем добывать бизонов миллионами. Простые индейцы питались только ими. Весной мы накопаем всяких корешков, летом будем собирать ягоды. А осень нам подарит урожай орехов — полдюжины разных сортов.

— Как бы ни экономили боеприпасы, они все равно когда-нибудь кончатся.

— Сделаем лук и стрелы, рогатки и копья.

— Здесь водятся такие зверюги, которых копьем не испугаешь.

— А мы их не будем трогать. Если надо — спрячемся, если негде прятаться — убежим. Без оружия мы перестанем быть владыками мироздания — особенно в этих местах. И чтобы выжить, нам придется признать этот факт.

— А если кто-нибудь из нас заболеет, сломает ногу или...

— Мы сделаем все, что будет в наших силах. Никто вечно не живет.

И снова разговор вращался вокруг той проблемы, которая тревожила каждого из них, подумал Хадсон, и о которой они предпочитали помалкивать.

Да, они выживут, если позаботятся о пище, убежище и одежде. Они могут прожить долгие годы, потому что в такой плодородной и щедрой стране человек легко мог найти себе пропитание.

Но их угнетало отсутствие цели — в этом и состояла та ужасная проблема, о которой они боялись говорить. Им нужен был смысл, ради которого стоило жить в мире без общества.

Человек, потерпевший крушение на необитаемом острове, всегда живет надеждой, а у них надежды не оставалось. Робинзона Крузо отделяли от его собратьев-людей какие-то несколько тысяч миль — их же отделяет сто пятьдесят тысяч лет.

Уэсу Адамсу повезло чуть больше. На восстановление машины времени оставался один шанс из тысячи, и, даже зная об этом, он упорно добивался своего, лелея пусть крошечную, но все же надежду.

И нам не надо присматривать за ним, думал Хадсон. Присматривать придется тогда, когда он признает свое бессилие и откажется от попыток починить машину.

Что касается его и Купера, им некогда сходить с ума — они построили хижину, запаслись на зиму дровами и вот теперь занимались охотой.

Но однажды они закончат все свои дела, и тогда к ним нагрянет тоска.

— Ты готов идти? — спросил Купер.

— Да, конечно. Уже отдохнул,— ответил Хадсон.

Они взвалили шест на плечи и снова отправились в путь.

Многие ночи Хадсон провел без сна, размышляя над этой проблемой, но все его думы исчезали в бездне безысходности.

Они могли бы написать естественную историю плейстоцена, снабдив ее фотографиями и рисунками, но все это не имеет смысла, потому что ни одному ученому будущего не удастся прочитать ее.

Они могли бы построить мемориал — огромную пирамиду, которая пронесет через пятнадцать сотен веков их весть, высеченную голыми руками на маске вечности. Но в их историческом времени таких пирамид не существовало, а значит, взявшись за строительство, они бы с самого начала знали, что их творению суждено превратиться в прах.

В конце концов, они могли бы отправиться на поиски людей этой эпохи и, пройдя пешком четыре тысячи миль по диким местам до Берингова пролива, выбраться на азиатский континент. Отыскав пещерных сородичей, они оказали бы им неоценимую помощь на пути их великого становления. Но они никогда не сделают этого, а даже если и сделают, пещерные люди найдут какой-нибудь повод, чтобы убить их, да еще и съесть.

Они вышли из рощи; в сотне ярдов от них показалась хижина. Она прислонилась к склону горы чуть выше ручья, откуда открывался изумительный вид на луга, простиравшиеся до самого синевато-серого горизонта. Из трубы поднимался дымок, и они увидели, что дверь открыта.

— Зря Уэс так ее оставляет,— заворчал Купер.— Того и гляди, медведь залезет.

— Эй, Уэс! — закричал Хадсон.

Но Адамса нигде не было видно.

В хижине на столе они заметили белый лист бумаги. Хадсон схватил записку и поднес ее к глазам. Купер читал, заглядывая через его плечо.

«Дорогие друзья, я не хочу еще раз пробуждать ваши надежды и вновь разочаровывать вас. К тому же, мне кажется, у меня могут возникнуть проблемы. Но я хочу попытать счастья. Если ничего не получится, я вернусь и сожгу записку, а вам не скажу ни слова. Если же вы найдете мое послание на столе, то знайте, машина заработала и я вернусь, чтобы забрать вас.

Уэс».

Хадсон смял записку в руке.

— Парень сошел с ума!

— Да, похоже, заработался,— сказал Купер.— Ему, наверное, показалось...

Догадка настигла их одновременно, и они метнулись к двери. Обогнув угол хижины, они остановились как вкопанные, изумленно глядя на гребень горы, возвышавшийся над ними.

Пирамида из камней, которую они построили два месяца назад, исчезла!

11

Страшный грохот заставил Лесли Бауэрса — генерала в отставке — подскочить на кровати. Старые мышцы напряглись, седые усы ощетинились.

Несмотря на возраст, генерал оставался человеком действия. Он сбросил покрывало, опустил ноги на пол и схватил стоявший у стены дробовик.

Бормоча проклятия, он на ощупь вышел из темной спальни, пробежал через столовую и ворвался на кухню. Нащупав у двери приборный щиток, он щелкнул тумблером, который включал прожектора. Едва не сорвав дверь с петель, он выскочил на крыльцо и застыл там, переминаясь голыми ногами по доскам настила,— ночная пижама развевалась на ветру, дробовик был грозно нацелен в ночь.

— А это еще откуда? — проревел он.

На том месте, где он оставил свою машину, возвышалась огромная куча камней. Из-под булыжников выглядывало смятое крыло, а чуть дальше виднелась перекошенная фара.

Какой-то человек осторожно съезжал по осыпавшимся камням. Ему пришлось сделать крюк, чтобы увернуться от загнутого вверх крыла машины.

Генерал взвел курок и попытался успокоиться.

Незнакомец достиг основания кучи и повернулся к Бауэрсу. Генерал заметил, что мужчина прижимает к груди какой-то предмет.

— Эй, мистер! — крикнул старик.— Вас может спасти только очень внятное объяснение. Там стояла совершенно новая машина. К тому же, с тех пор как у меня начали ныть зубы, мне впервые удалось заснуть.

Человек просто стоял и смотрел на него.

— Ты что, оглох, что ли? — закричал генерал.

Незнакомец медленно подошел к нему и остановился у крыльца.

— Меня зовут Уэсли Адамс,— сказал он.— Я...

— Уэсли Адамс! — взвыл генерал.— Боже мой, парень, где ты был все эти годы?

— Знаете, я, конечно, не думаю, что вы поверите мне, но дело в том...

— Да мы ждем тебя! Двадцать долгих лет! Вернее, я тебя жду. Все остальные идиоты махнули на это дело рукой. А я ждал тебя, Адамс. Мне пришлось поселиться здесь, потому что три года назад они приказали снять охрану.

Адамс с трудом сглотнул.

— Прошу извинить меня за машину. Понимаете, это никак...

И он вдруг заметил, что генерал ласково улыбается ему.

— Я верил в тебя,— произнес старик. Он махнул ружьем, приглашая гостя в дом.— Заходи. Мне надо срочно позвонить.

Адамс, спотыкаясь, начал подниматься по лестнице.

— Давай, шевелись! — прикрикнул генерал, но голос его дрожал от волнения.— Бегом! Хочешь, чтобы я простудился?

Войдя в дом, он включил свет, бросил дробовик на кухонный стол и подбежал к телефону.

— Соедините меня с Белым домом в Вашингтоне,— сказал он.— Да, я сказал, с Белым домом... Президента? Конечно, его — с кем же мне еще разговаривать... Да, все верно. Он не рассердится на мой звонок.

— Сэр,— осторожно позвал Адамс.

Генерал поднял голову.

— Что, Адамс? Проходи, садись.

— Вы сказали, двадцать пять лет?

— Да, я так сказал. Что вы там делали все это время?

Адамс схватился руками за стол и тяжело оперся о него.

— Но этого не может...

— Да! — прокричал генерал оператору.— Да, я жду.

Он прижал ладонь к микрофону и вопросительно взглянул на Адамса:

— Я полагаю, ты выставишь те же требования, что и раньше?

— Требования?

— Ну да. Признание. Помощь по четвертому пункту. Договор об обороне.

— Наверное, да,— ответил Адамс.

— Ты застал этих олухов на бочке с порохом,— радостно сказал ему генерал,— и можешь просить все, что хочешь. Ты заслужил это после всех своих трудов и того хамства тупоголовых идиотов, через которое тебе пришлось пройти, хотя, знаешь, особенно губу не раскатывай.

12

Редактор вечернего выпуска читал сводку новостей прямо с телетайпной ленты.

— Ну и ну, кто бы только мог подумать! — воскликнул он.— Мы только что признали Мастодонию.

Он взглянул на ответственного за выпуск.

— Где, черт возьми, она находится, эта Мастодония?

Ответственный за выпуск пожал плечами:

— Не спрашивай меня. В этом заведении мозгами должен работать ты.

— Ладно, к утру достанешь мне карту,— приказал редактор.

13

Их полосатый котенок — молодой саблезубый тигр — игриво ударил Купера могучей лапой.

Купер таким же игривым жестом нанес ответный удар по его ребрам.

Кошка зарычала.

— Ах, ты мне еще зубы показываешь! — закричал Купер.— Мы тебя выкормили, воспитали, и вот твоя благодарность. Сделаешь так еще раз, и я дам тебе в челюсть.

Тигренок блаженно растянулся на полу и начал умываться.

— Однажды этому коту не хватит мяса, и он слопает тебя,— предупредил Хадсон.

— Он нежен, как голубка,— заверил его Купер.— Мухи не обидит. Только одно меня и успокаивает: никто не осмелится потревожить нас, пока вокруг бегает это чудовище. Самый лучший сторожевой пес на свете. Надо же кому-то охранять наши запасы. Когда Уэс вернется, мы станем миллионерами. У нас и меха, и женьшень, и слоновая кость.

— Если он действительно вернется.

— Он обязательно вернется. Можешь не волноваться.

— Но прошло уже пять лет,— возразил Хадсон.

— Он вернется. Что-то там случилось, вот и все. Наверное, он уже работает над этим. Он мог сбить регулятор времени, когда чинил модуль, или тот уже был неисправен, после того как Бастер врезался в вертолет. А чтобы исправить дефект, нужно время. Я не сомневаюсь, что он вернется. Я только одного понять не могу: почему он ушел один и оставил нас здесь?

— Я уже объяснял тебе,— сказал Хадсон.— Он боялся, что модуль не заработает.

— Но разве этого надо было бояться? Мы бы ему и слова не сказали.

— Ты прав. Ни слова, ни насмешки.

— Тогда чего же он боялся? — спросил Купер.

— Уэс боялся, что, узнав о его новой неудаче, мы бы дали ему понять, какой безнадежной и безумной была его затея. И он знал, что когда-нибудь мы могли бы убедить его в этом, уничтожив последнюю надежду его жизни. А он хотел сохранить ее, Джонни. Он хотел сохранить ее даже тогда, когда надеяться будет не на что.

— Теперь это неважно,— сказал Купер.— Нам надо думать только о том, что он вернется за нами. А я это сердцем чувствую.

Но Хадсон знал, что был и другой вариант, который мог напрочь перечеркнуть весь смысл их существования.

«О господи,— подумал он,— не дай мне стать свидетелем этого!»

— Уэс уже работает над этим — прямо сейчас,— уверенно говорил Купер.

14

И он действительно работал. Но не один — ему помогали тысячи других доведенных до отчаяния людей, которые знали, что времени в обрез, и которых тревожила не только судьба двух человек, затерянных во времени, но и угроза войны, нависшая над их страной. Они работали, чтобы обрести мир, о котором мечтали,— тот самый мир, к которому человечество стремилось многие века.

Но для использования машины времени им был нужен нулевой уровень — такой же нулевой уровень, по которому артиллеристы устанавливают батареи орудий,— только тогда каждая машина времени могла бы доставлять пассажиров в один и тот же миг прошлого, только тогда их действие распространялось бы на один и тот же период с точностью до секунды.

И вновь возникла проблема управления и калибровки, из-за которой нулевой модуль был настроен на прыжки через пятьдесят тысяч лет — плюс минус десять тысяч.

Проект «Мастодонт» наконец-то заработал.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

1

Полученное письмо словно громом поразило Эмби Уилсона, и он вдруг услышал, как рушится вся его жизнь. Письмо было официальное, его имя и звание выделялись — они были, по-видимому, отпечатаны на свежей машинописной ленте. В письме говорилось следующее:

«Доктору Амброузу Уилсону
Исторический факультет

С сожалением должен уведомить Вас, что Совет попечителей, собравшись сегодня утром, принял решение по окончании семестра закрыть Университет. Это решение вызвано отсутствием средств и катастрофическим сокращением числа студентов. Вы, разумеется, уже осведомлены о сложившейся ситуации, однако...»

Письмо на этом не заканчивалось, но Эмби не стал читать дальше. Он заранее знал, какой набор банальностей содержит оно, и ничего нового не ждал.

Рано или поздно это должно было случиться.

Чудовищные трудности давно донимали попечителей. Университет был практически пуст. А ведь когда-то тут звенела жизнь и пульсировали знания. Теперь он превратился в университет-призрак.

Впрочем, и сам город стал призраком.

«А я сам — разве я не стал призраком?» — подумал Эмби.

И он признался себе — признался в том, о чем и мысли бы не допустил день или даже час назад: вот уже тридцать лет, а то и больше жил он в призрачном, нереальном мире, всеми си-

© Перевод Б. Клюевой.

лами цепляясь за единственно известный ему старый, смутный образ жизни. И чтобы ощущать хоть какую-то почву под ногами, он лишь изредка позволял себе думать о том мире, который простирался за стенами города.

И на то были веские причины, подумал он, веские и основательные. Все, что находилось за городской чертой, не имело никакого отношения к его собственному, здешнему миру. Кочевой народец — абсолютно чуждые ему люди со своей неокультурой, культурой упадка — наполовину из провинциализмов, наполовину из старых народных поверий.

В такой культуре нет места такому человеку, как я, думал он. Здесь, в университете, я поддерживал слабый огонек старых знаний и старых традиций; теперь свет погас, отныне старые знания и старые традиции канут в Лету.

Как историк он не мог согласиться с подобным отношением к этим ценностям: история — истина и поиски истины. Скрывать, приукрашивать или пренебрегать каким бы то ни было событием — пусть даже самым отвратительным — не дело историка.

И вот теперь сама история взяла его в плен и поставила перед выбором: либо идти и оказаться лицом к лицу с *тем* миром, либо остаться, спрятаться от него. Третьего не дано.

Эмби брезгливо, словно какое-то мертвое существо, приподнял двумя пальцами письмо и долго смотрел сквозь него на солнце. Затем осторожно бросил его в корзинку. Потом, взяв старую фетровую шляпу, напялил ее на голову.

2

Подходя к дому, он увидел на ступеньках своего крыльца какое-то пугало. Заметив приближающегося доктора, пугало подобрало конечности и встало.

— Привет, док,— произнесло оно.

— Добрый вечер, Джейк,— поздоровался Эмби.

— Я совсем уж было собрался на рыбалку,— сообщил Джейк.

Эмби не спеша опустился на ступеньку и покачал головой:

— Только не сегодня, не до этого мне. Университет закрыли.

Джейк сел рядом с ним и уставился в пустоту по ту сторону улицы.

— Мне кажется, док, для вас это не такая уж большая неожиданность.

— Я ждал этого,— согласился Эмби.— Кроме отпрысков *пузырей,* занятий никто уже не посещает. Все новые ходят в свои университеты, если, конечно, то, куда они ходят, можно так назвать. Сказать по правде, Джейк, представить себе не могу, что за знания могут дать им эти школы.

— Но вы хоть обеспечены, насколько мне известно,— сказал Джейк успокаивающе.— Все эти годы вы работали и, наверно, смогли кое-что отложить. А вот мы всегда перебивались с хлеба на воду, и так оно, видать, и дальше будет.

— Да не так уж много у меня денег,— сказал Эмби,— но, в общем-то, не пропаду как-нибудь. Не так уж долго осталось — ведь мне почти семьдесят.

— Было время, когда мужчина в шестьдесят пять лет по закону мог выйти на пенсию,— сказал Джейк.— Но эти новые расправились с законами, как и со всем прочим, правда.

Он поднял с земли коротенькую сухую веточку и стал рассеянно ковырять ею в траве.

— Всю жизнь я мечтал — вот скоплю деньжонок и куплю себе трейлер. Без трейлера нынче делать нечего. Теперь, когда времена изменились, без него никуда. Помню, когда я был еще маленький, всякий, у кого был свой дом, мог спокойно доживать свои дни. А ноне и дом не в цене. Ноне нужен трейлер.

Он с трудом распрямил конечности, встал — ветер развевал его лохмотья,— посмотрел на продолжавшего сидеть Эмби.

— Как насчет рыбалки, док? Может, передумали?

— Я чувствую себя совсем разбитым,— ответил Эмби.

— Теперь, раз вы не работаете,— сказал Джейк,— у нас с вами будет куча времени, поохотимся. В округе полно белок, и крольчата скоро подрастут до нужных кондиций. А осенью нас должны порадовать и еноты. Теперь, раз уж вы больше не работаете, я буду делиться с вами шкурками...

— Стоит ли делить шкуру неубитого медведя? — заметил Эмби.

Джейк засунул большие пальцы рук за пояс и сплюнул на землю.

— Можно будет и по лесам побродить — не все ли равно, как убить время? Кто привык быть мужиком в доме, украдет, а деньжат заработает. Правда, теперь уж не резон рыскать по брошенным домам в поисках добычи, только время зря потратишь. Кругом все порушено и рушится дальше, так что не знаешь, где какая ловушка тебя поджидает, стоит войти в дом. Разве

угадаешь, что там рухнет на тебя, а то, глядишь, и пол из-под ног уйдет.— Он поправил подтяжки.— Помните, как мы с вами нашли коробку, полную всяких драгоценностей?

Эмби кивнул:

— Помню. Вам их почти хватило бы на трейлер.

— Правда ведь? Хуже не придумаешь, чем пустить на ветер порядочную таки сумму. Купил я тогда ружье, патроны к нему, кое-какую одежонку для домашних — видит бог, как мы в ней тогда нуждались! — и кучу жратвы. Я и опомниться не успел, как у меня осталось с гулькин нос, нечего было и думать о трейлере. Прежде, бывало, можно было купить в кредит. Всего и заплатил бы каких-нибудь десять процентов. Теперь об этом и думать нечего. Не осталось даже банков. И контор, где давали взаймы. Помните, док, сколько их в городе было?

— Все изменилось,— сказал Эмби.— Когда я оглядываюсь назад, все мне кажется неправдоподобным.

И тем не менее все так и было.

Прекратили свое существование города; фермы превратились в корпорации, а люди больше не жили в своих домах — в них оставались жить только *пузыри* и бродяги.

И такие, как я, подумал Эмби.

3

Это была сумасшедшая идея — по всей видимости, свидетельство старческого слабоумия. Человек в шестьдесят восемь лет, профессор с устоявшимися привычками, не пустился бы в столь дикую авантюру, даже если бы весь мир рушился у него под ногами.

Он пытался не думать об этом, но не мог справиться с собой. Пока он готовил себе ужин, ел, мыл посуду, мысль об этом не покидала его.

Покончив с посудой, он взял кухонную лампу и направился в гостиную. Лампу он поставил на стол рядом с другой лампой, зажег и ее. Когда человеку для чтения нужны две лампы, подумал он, это значит, что со зрением у него дела плохи. Но, с другой стороны, керосиновые лампы дают слабый свет, не то что электрические.

Он достал с полки книгу и принялся за чтение, но не мог читать, не мог сосредоточиться. В конце концов он оставил это занятие.

Взяв одну из ламп, он подошел с ней к камину и поднял так, чтобы свет падал на висевший над ним портрет. А пока поднимал лампу, загадал, улыбнется ли она ему сегодня; он был почти уверен, что улыбнется, потому что всегда, когда он так нуждался в ее улыбке, она с готовностью нежно улыбалась ему.

И все же полной уверенности не было, но вот он увидел — улыбается — и остался стоять, вглядываясь в ее лицо, улыбку.

В последнее время он довольно часто разговаривал с ней, потому что помнил, с каким вниманием она всегда выслушивала его, рассказывал ли он о своих неприятностях или о победах — хотя, по правде говоря, побед у него было не так уж много.

Но сегодня он не мог говорить — она бы его не поняла. Мир, в котором он жил после ее ухода, перевернулся вверх тормашками, ей никогда не понять этого. Если он станет рассказывать ей о нем, она расстроится, встревожится, а он не мог, не смел допустить ничего подобного.

Ты думаешь, сказал он себе с укором, что самое лучшее — все оставить без перемен. Тебе есть где спрятаться. Есть возможность провести остаток дней своих в тепле и безопасности. И он точно знал, что именно такое решение его больше всего устроило бы.

Но занудный голос в мозгу настаивал: ты потерял свою работу и не жалеешь об этом. Ты закрыл на это глаза. Ты потерпел поражение, потому что смотрел только назад. Настоящий историк не вправе жить только прошлым. Он должен пользоваться знанием о прошлом для понимания настоящего; и он должен одинаково хорошо знать и прошлое и настоящее, чтобы видеть, в каком направлении идет развитие, куда устремляется будущее.

Но я вовсе не хочу знать будущее, противился упрямый доктор Амброуз Уилсон.

Но занудливый голос настаивал: единственное, что достойно познания, это будущее.

Он молча стоял, держа лампу над головой и пристально вглядываясь в портрет, будто в ожидании, что она заговорит или подаст какой-нибудь знак.

Никаких знаков не последовало. Да и не могло их быть, он знал. В конце концов, это был всего лишь портрет женщины, умершей тридцать лет назад. Неразрывная близость, давнишние, горькие воспоминания, улыбка на губах — все это было

в его сердце и памяти, а не на куске холста, на который умная кисть нанесла мазки, сохранившие на долгие годы блистательную иллюзию любимого лица.

Он опустил лампу и вернулся в свое кресло.

Как много нужно сказать, и некому, хотя, если, как к старому другу, обратиться к дому, он, может, и выслушает. Он был другом, подумал он. В нем стало одиноко только тогда, когда ушла она, но вне его стен станет еще более одиноко, потому что дом был частью ее.

Ему было спокойно в этом старомодном доме, покойно в этом покинутом людьми городе с его пустыми жилищами, одичавшем городе, где бегали белки и кролики, городе многоцветном и полном ароматов — ведь наступило время цветения одичавших лилий и уцелевших нарциссов, городе, полном бродяг, что предавались своим забавам в кустах на многочисленных лужайках и охотились в полуразрушенных строениях за остатками имущества, годного на продажу.

Сомнительные теории, думал он, согласно которым культуру можно создать, это просто рабское следование привычкам, характерное для любого общества.

Впервые распад культуры начался лет сорок назад. Нельзя сказать, что он произошел одномоментно, обвально, рухнуло не все сразу, но согласно историческим меркам это не было постепенным процессом, скорее это был внезапный скачок.

Барабанным боем прогрохотал по земле страх; насколько он помнил, это произошло в Год Кризиса, и каждый человек тогда ложился в постель, напряженно прислушиваясь, не летит ли бомба, хотя отлично понимал, что, как ни прислушивайся, все равно не услышишь ее приближения.

Страх — вот что послужило началом всего этого, думал он. А когда и каким будет конец?

Скорчившись, сидел он в своем кресле, старик, затерявшийся между прошлым и будущим, и ежился от мысли о темном вандализме, господствовавшем там, за пределами его города.

4

— Что за красавец, док! — восклицал Джейк и опять шел осматривать его со всех сторон.— Право же, сэр,— похлопывая металлический бок, повторял он,— подлинный красавец! Не

думаю, чтобы я когда-нибудь видел что-либо красивее этого трейлера, клянусь Богом! А сколько я перевидал их на своем веку!

— Теперь мы можем всласть попутешествовать на нем,— согласился Эмби.— Единственное, чего нам будет недоставать, это хороших дорог. Полагаю, они теперь совсем не такие, какими были раньше. Эти *новые* урезали дорожные налоги, и теперь у правительства не хватает денег на то, чтобы прилично содержать их.

— Приспособимся скоро,— доверительно сказал Джейк.— Нужно только глядеть по сторонам. И вскорости мы найдем стан, где нас примут. Готов поклясться, нам непременно попадется такой, в котором мы сгодимся.

Он обошел трейлер и стер пыль с его полированного бока рукавом своей драной рубахи.

— Док, с тех пор как вы сказали нам, мы глаз не могли сомкнуть. Мерт, так она просто поверить не может и все спрашивает меня: «И чего это док решил взять нас с собой? Мы же ему никакие не близкие, всего только соседи».

— Староват я путешествовать в одиночку,— сказал Эмби.— Мне нужно, чтобы кто-нибудь был рядом, помогал вести машину, да и во всех прочих делах. А вы все это время только о том и мечтали, как бы отсюда выбраться.

— Что правда, то правда,— согласился Джейк.— Лучше не скажешь, док. Я так этого хотел, что ощущал прямо на вкус, и, смотрю я, всем нам того же хочется. Вы только взгляните, как идут дела в доме, как все пакуется, что не надо — выбрасывается. Мерт прямо вне себя. Док, говорю вам, не суйтесь в дом, пока Мерт не успокоится хоть немного.

— Да мне и самому нужно было бы кое-что упаковать,— сказал Эмби.— Не очень много, я ведь почти все оставлю.

Но он не сдвинулся с места — не хотелось ему смотреть на все это.

Покинуть свой дом тяжело, хотя уже сама мысль об этом устарела: нет больше домов. «Дом» — слово из прошлой эры. «Дом» — ностальгическое слово-рудимент для стариков вроде него, чтобы они пережевывали его в своих туманных воспоминаниях; это символ застойной культуры, которая сгинула во имя выживания Человека. Остаться, пустить корни и быть погребенным под ворохом барахла — не только физического, но и

интеллектуального, традиционного,— значило умереть. Вечное передвижение и неустойчивость, путешествия натощак, на полуголодном пайке, отсутствие лишней обузы — вот цена свободы и жизни.

Круг замкнулся, подумал Эмби. Мы вернулись на круги своя. От кочевой жизни — к городу и теперь опять — к кочевьям.

Джейк подошел и сел рядом.

— Скажите, док, скажите честно: зачем вы это делаете? Я-то, конечно, рад, иначе бы мне ни в жизнь не вырваться из этой крысиной норы. Но моя башка никак не может взять в толк, вы-то какого черта сматываете удочки? Не такой уж вы молодой, док, да и...

— Понятно,— сказал Эмби,— но, может, как раз в этом причина. Не так много осталось мне жить, и за оставшееся время я хочу сделать как можно больше.

— Вам хорошо живется, док, вам ничто в мире не грозит. Теперь, когда вы в отпуске, вы ж на все можете плевать и наслаждаться за милую душу.

— Мне нужно разобраться.

— Разобраться в чем?

— Не знаю, может, просто в том, что происходит.

Они тихо сидели, поглядывая на трейлер во всем его блестящем великолепии. Издалека слышалось позвякивание кастрюль и банок. Мерт продолжала упаковывать вещи.

5

В первый вечер они остановились у покинутого становища, расположенного через дорогу от бездействующей фабрики.

Стан занимал большое пространство и казался покинутым совсем недавно — трейлеры укатили всего день или два назад. Оставались еще свежие следы от колес на пыльной дороге, обрывки бумаги шевелил ветер, на земле под водопроводными кранами темнели мокрые пятна.

Джейк и Эмби присели в тени трейлера и смотрели на безмолвные корпуса через дорогу.

— Чудно́,— сказал Джейк,— и почему фабрика не работает? Судя по всему, она выпускает продукты питания. Вроде даже — завтраки. А может, елки зеленые, ее закрыли, потому что нет рынка сбыта?

— Может быть,— отозвался Эмби.— Впрочем, рынок для хлебных продуктов должен оставаться, ну хоть какой-то, чтобы поддерживать работу фабрики, пусть не на полную мощь.

— А не было ли тут каких-нибудь беспорядков?

— Не похоже,— сказал Эмби.— Такое впечатление — просто поднялись и поехали.

— А вон на холме большой дом. Вон, смотрите, там, наверху.

— Да, вижу,— сказал Эмби.

— Не *пузырь* ли там живет?

— Вполне вероятно.

— Хотелось бы мне побыть *пузырем*. Сидишь себе и поглядываешь, как денежки сами валятся тебе в карман. А другие пусть вкалывают на тебя. Получаешь все, чего твоя душенька пожелает. И ни в чем не нуждаешься.

— А мне кажется,— сказал Эмби,— что у *пузырей* теперь свои проблемы.

— Мне бы их проблемы, елки-моталки. Я прямо слюнками истекаю по их, черт бы их побрал, проблемам, хоть бы год или два пожить по-ихнему.— Он сплюнул на землю и выпрямился.— Пойти, что ли, да посмотреть, не попадется ли мне кролик или белочка. Не хотите со мной?

Эмби покачал головой:

— Я немного устал.

— Может, и не попадется ничего. Так близко к стану — небось, все вычистили под метелку.

— Вот отдохну немножко,— сказал Эмби,— и через некоторое время пойду прогуляюсь.

6

Дом на холме был действительно домом *пузыря*. От него так и несло богатством. Он был большой, высокий и широченный, очень ухоженный, окруженный газонами в цветах и кустарнике.

Эмби присел на низенькую каменную изгородь возле газона и посмотрел назад, на тропинку, по которой шел. Там, внизу, виднелись фабрика и покинутая стоянка — большое вытоптанное пространство и на нем — только один его трейлер. Далеко за горизонт уходила белая под летним солнцем дорога, она была совершенно пустынна — ни машины, ни грузовика, ни трей-

лера — ничего и никого на ней не было. Все стало совсем другим, подумал он. Было время, эта дорога буквально кишела машинами.

Да, это был совершенно иной, не знакомый ему мир. Эмби пренебрегал этим миром более тридцати лет, и за эти тридцать лет он стал чужим для него. Он сам добровольно отгородился — и вот потерял этот мир теперь, когда он пытался вновь обрести его, этот мир удивлял, а порой пугал его.

Сзади раздался голос:

— Добрый вечер, сэр.

Эмби повернулся и увидел человека среднего — или чуть старше — возраста, в костюме из твида, с трубкой во рту. Почти в традициях Старой Англии, подумал Эмби. Похож на деревенского помещика.

— Добрый вечер,— отозвался Эмби.— Надеюсь, я не нарушил границ.

— Нет-нет. Я видел, как вы припарковались внизу; очень вам рад.

— Мой партнер пошел поохотиться, а я вот сюда — прогуляться.

— А вы что, меняете?

— Меняем?

— Ну да, в смысле — меняете стоянку. Все только этим и занимаются... Правда, теперь пореже.

— Вы имеете в виду, что меняют один стан на другой?

— Вот именно. Сам процесс расселения, я о нем. Разочаруются в одном — снимаются с места и ищут другое.

— Пожалуй,— сказал Эмби,— настало время, когда эти перетряски должны прекратиться. Теперь каждый человек должен найти свое место.

Пузырь кивнул:

— Вполне возможно. Я не слишком хорошо разбираюсь в этом.

— Да и я тоже,— откликнулся Эмби.— Мы только что выехали из города. Прикрыли мой университет, поэтому я купил трейлер. Мои ближайшие соседи составили мне компанию. Сегодня наш первый день.

— Мне частенько приходит в голову мысль,— сказал ему собеседник,— что было бы весьма приятно совершить небольшое путешествие. Когда я был еще мальчиком, мы не раз отправлялись в длительные поездки на машине и посещали разные города, но сейчас их, кажется, не так уж много осталось. Обычно в городах можно было остановиться на ночь в так называемых мотелях. И чуть ли не через каждую милю было где поесть, заправиться на бензоколонке. А теперь поесть или купить горючее можно только в каком-нибудь стане; но, поверьте, немало таких, где вам ничего не продадут.

— Но мы путешествуем не ради удовольствия. Мы намерены поселиться в каком-нибудь стане.

Пузырь подозрительно посмотрел на него и сказал:

— Глядя на вас, я бы никогда не подумал...

— Вы не одобряете мое намерение?

— Не обращайте внимания,— сказал *пузырь.*— В данный момент я порядком зол на них. Вчера они вдруг взяли и укатили от меня. Закрыли фабрику. Оставили меня здесь сидеть.

Он поднялся на горку и сел рядом с Эмби.

— Понимаете, они хотели отнять у меня все,— начал он свой рассказ, умостившись поудобнее.— У меня с ними был контракт, по нему они и нанялись работать на фабрике. Закупали сырье, сами распоряжались работами и поддерживали порядок. Они определяли производственную политику и выход продукции. Мне даже на посещение фабрики приходилось испрашивать их дозволения. Но и этого им показалось мало. Знаете, что они задумали?

Эмби покачал головой.

— Они задумали овладеть рынком сбыта. А ведь это было последнее, что еще оставалось у меня, и это последнее они решили у меня отнять. Им нужно было окончательно от меня отделаться. Платить мне проценты от прибыли и ничего больше.

— Да-а,— протянул Эмби,— не больно-то это справедливо.

— А когда я отказался подписывать новый контракт, они собрались и уехали.

— Забастовали?

— Пожалуй, другого слова и не подберешь. И весьма эффективно.

— И что вы теперь будете делать?

— Ждать, когда прибудут другие. Через некоторое время появятся. Увидят бездействующую фабрику и, если они народ рабочий, поднимутся сюда, ко мне, поговорить. Может, и сойдемся. Но даже если не получится с этими, появится еще ка-

кой-нибудь стан. Эти станы только тем и заняты, что носятся туда-сюда. Или стан, или стая.

— Стая?

— Это, знаете ли, вроде пчелиного роя. Когда в стане оказывается слишком много людей... слишком много для выполнения работ по контракту, который они подписали... вот тут происходит раскол и кучкование. Обычно молодежь пускается в новую жизнь стаями. С ними легче иметь дело, чем с сезонниками. Сезонники — это чаще всего всем недовольные радикалы, ни с кем ладить не умеют, а молодежь рвется начать свое дело, хоть какое.

— Все это очень интересно,— сказал Эмби,— но что будет с теми, кто уехал от вас? На какие деньги они позволили себе смотаться?

— Они при бабках,— сказал *пузырь,*— работали здесь почти двадцать лет. Сорвали капиталец — хватит корову придушить.

— Подумать только! — воскликнул Эмби.

Сколько же вокруг такого, о чем я и понятия не имею, подумал он. Не только манера мыслить, привычки, но даже их терминология во многом непонятна.

В прежние времена было совсем другое дело: каждый день газеты — и новое выражение или новая идея становились достоянием публики молниеносно; все сколько-нибудь значительные события на другой же день лежали перед вами, отпечатанные черным по белому. Но не стало ни газет, ни телевидения. Оставалось еще, конечно, радио, но оно не столь мощное средство информации, чтобы удовлетворить человека, да и, кроме того, что это было за радио, горе одно, он его никогда и не слушал.

Не было газет, не было телевидения, не было и многого другого. Не было мебели, потому что в трейлере не нужна никакая мебель: все необходимое уже встроено в него. Не было ковров и занавесей. Мало было предметов роскоши, потому что в трейлере негде их хранить. Не было костюмов для приемов и официальных костюмов — кому они нужны в трейлерном стане, кто будет их надевать, да и не было места для дорогого гардероба, а жизнь в тесном ежедневном общении отбивает охоту от всяких формальностей. В трейлерном стане вся одежда, без всякого сомнения, скатится до единственно приемлемой — спортивной.

Не было банков, страховых компаний, кредитных контор. Государственная социальная защита приказала долго жить. Не стало нужды ни в банках, ни в кредитных компаниях, все это заменили профсоюзные фонды — наследие прежних профсоюзов. Профсоюзные фонды здоровья и благосостояния заняли место государственного социального страхования, медицинского страхования и государственных фондов гражданского благосостояния. И наконец, также заимствованная у тред-юнионов идея военного фонда превратила каждый трейлерный стан в самостоятельное, самообеспеченное объединение.

Все шло нормально, потому что у резидента стана мало было денег на посторонние траты. Прежние погоня за развлечениями, потребность в дорогой одежде, расходы на домашнюю утварь — все это кануло в вечность: обстоятельства принуждали к бережливости.

Теперь даже налоги не платили — что о них говорить! Прекратили свое существование правительства штатов, муниципалитеты. Осталось только федеральное правительство, но и оно почти не контролировало ситуацию — это можно было предвидеть уже тогда, сорок лет назад. Жителям оставалось платить только пустячный налог на оборону и чуть более весомый налог на дороги, причем *новые* громко и страстно выступали даже против него.

— Все изменилось,— сказал *пузырь,*— профсоюзы совершенно отбились от рук.

— Но из всего сохранившегося только они могли как-то гарантировать жизнь людям,— возразил ему Эмби.— Только в них еще сохранялась какая-то логика, что-то надежное, на что могли опереться массы. И, естественно, профсоюзы с их идеологией заменили правительство.

— Правительству следовало бы поступить иначе,— сказал *пузырь.*

— Может быть, оно и поступило бы иначе, но все мы были слишком напуганы. Это все страх наделал; если бы мы не испугались до такой степени, все было бы в порядке.

Пузырь возразил:

— Если бы мы не испугались, нас, может быть, разнесло бы ко всем чертям.

— Вполне вероятно,— согласился Эмби.— Я помню, как это случилось. Вышел указ о децентрализации, и, как я теперь

догадываюсь, промышленники были осведомлены лучше нас, они поднялись и рассеялись по всей стране без всяких возражений. Может, они точно знали, что правительство не обманывает, у них на руках могли быть документы, известные узкому кругу лиц. Хотя, насколько я помню, и общественное сознание склонялось к весьма мрачным прогнозам.

— Я тогда был подростком,— сказал *пузырь,*— но помню кое-что. Имущество потеряло всякую цену. Даже за самую мизерную плату ничего из городского имущества нельзя было продать. Рабочие не могли оставаться в городах, потому что их рабочие места уехали — уехали из городов в деревни. Децентрализация охватила большую часть страны. Крупные предприятия раскололись на мелкие, некоторые из них — на множество небольших ассоциаций.

Эмби кивнул:

— Таким образом, не оставили ни одной достаточно крупной цели для бомбы. Для уничтожения промышленности теперь им пришлось бы заплатить слишком дорогую цену. Там, где прежде хватило бы одной бомбы, сейчас понадобилось бы не меньше сотни.

— Черт его знает,— сказал *пузырь,* все еще не соглашаясь с концепцией доктора.— Думается мне, что правительство могло бы иначе распорядиться своей властью и не дать событиям развиваться таким путем.

— Полагаю, у правительства тогда проблем было выше головы...

— Согласен, было. Но прежде оно по самые уши увязло в делах строительства, причем в строительстве самых разнообразных дешевых домов.

— Но их главной заботой оставались промышленники, правительство старалось помочь им в создании новых предприятий. А в это время трейлеры решили жилищную проблему.

— Скорее всего,— согласился наконец *пузырь,*— так все и было.

И, конечно, именно так все и было.

Рабочие вынуждены были последовать за своими рабочими местами — или остаться, чтобы умереть с голоду. Лишенные возможности продать свои городские дома, на которые уже почти через сутки не было никакого спроса, они согласились на жизнь

в трейлерах; и вскоре возле каждого небольшого промышленного предприятия вырос трейлерный лагерь.

Чем дальше, тем, по-видимому, больше нравилась им жизнь в трейлерах, хотя не исключено, что они просто боялись строить дома при мысли, что все может повториться,— не строили даже те немногие, кто мог позволить себе это, но большинство и не имело на это средств. А может быть, они во всем разочаровались и им все опротивело. Но жизнь в трейлерах распространялась все шире, стабилизировалась, и даже те люди, которых децентрализация коснулась лишь боком, потихоньку присоединились к жителям трейлерных станов, пока наконец большинство поселков и городов не опустело.

Культ вещей был отринут. Снова возникла кочевая жизнь.

Первым сыграл свою роль страх, а затем свобода, свобода от имущества, свобода встать и ехать без оглядки, а также — профсоюзы.

Трейлеры покончили с гигантскими профсоюзными организациями. Профсоюзные боссы и бизнесмены, которым в свое время удавалось держать под своим контролем крупные профсоюзные организации, оказались совершенно беспомощными перед сотнями разбросанных единиц, на которые раскололись большие местные союзы. Но в каждом отдельно взятом стане местный профсоюз приобрел новую власть и значение. Он способствовал сплочению людей в крепкое единое сообщество. Он стал близок каждой семье, потому что удовлетворял ее интересы. Профсоюзное движение, если говорить с точки зрения простых людей и их интересов, обеспечивало существование трейлерных станов и их кочевой жизни.

— Я еще много чего могу рассказать о них,— сказал *пузырь.*— Они представляли собой весьма активную группу. Вели дела на фабрике куда лучше, чем я, всегда знали о дефиците и совершенствовали технологию. За двадцать лет, что работали здесь, они, по сути дела, перестроили производство полностью. Именно на это они и напирали при переговорах. Я объяснял им, что они делали это для себя же, тут они и взъелись и уехали все как один.

Он постучал трубкой об изгородь, выбивая из нее табак.

— Знаете ли,— продолжал он,— не очень уверен, но думаю, что, по всей видимости, у новых бандюг, которые прибудут сюда со дня на день, переделка всех этих наспех состряпанных

сооружений, оставшихся от только что отбывших бродяг, займет не больше месяца. Вся моя надежда только на то, что они примутся за это не так скоро и не раздолбают все мое заведение.

Он рассеянно погладил свою трубку.

— Нет, поверьте, я хотел бы понять этих людей — просто для себя, раз уж ничего другого я не могу. Ведь стан-то был хороший, в основном здравомыслящий. Они были старательные работники, и, вплоть до последних дней, с ними было легко ладить. Большинство из них жили вполне нормально, но было в них что-то, чего я не могу взять в толк. Что-то вроде суеверия, и оно все возрастало. Они разработали огромный регистр запретов и, черт бы их побрал, как бы заклинали, заручались чьей-то поддержкой. Вы, конечно, скажете, что и мы не без греха — скрещиваем, например, пальцы рук, или плюем через левое плечо, или еще там что-то,— но мы ведь сами посмеиваемся над этим. У нас это скорее от нежелания расставаться с какими-то символами, связывающими нас с нашим прошлым. Но готов поклясться, эти дикари всерьез верили во все это, они этим жили.

— Сказанное вами,— отозвался Эмби,— лишний раз подтверждает мою мысль о том, что культура деградировала и стала эквивалентной культуре древних кочевников и, вероятнее всего, упала даже глубже, чем я думал. Почвой для этого стала жизнь изолированными, небольшими племенами. В более интегрированной среде нет места подобным суевериям, их убивает ирония; но в отгороженных клочках земли они глубоко пускают корни и произрастают...

— Хуже всего обстоят дела с фермерскими станами,— сказал *пузырь*.— Они танцуют мумбу-джумбу, чтобы вызвать дождь, колдуют ради хорошего урожая и делают много еще всякой всячины.

Эмби кивнул:

— Логично. В самой земле и в зерне уже заложена какая-то тайна, они продолжают мистицизм. Вспомните, какое обилие мифологических сюжетов, связанных с земледелием, возникло еще в доисторические времена — обряды в честь урожайного года, лунный календарь посевов и множество других фетишей.

Он сидел на каменной изгороди и смотрел вдаль; казалось, он вернулся в темные глубины начала человечества и слышит шаги огрубевших ног, ритуальное пение, вопли терзаемой жертвы.

7

На следующий день, выехав на вершину холма, они увидели фермерский стан. Он располагался на опушке небольшой рощицы, немного в стороне высились элеваторы, а вокруг стана, на разбежавшихся во всех направлениях равнинах лежали в золоте и зелени необозримые поля.

— Вот место, где бы я с пребольшим удовольствием поселился,— сказал Джейк.— Тут и детей растить хорошо, и, как я погляжу, работенка не на убой. У них тут почти все работы механизированы, разъезжай себе на тракторе, или на комбайне, или на сеновязалке, или на чем-нибудь еще. Прекрасная, здоровая жизнь — полно солнца и свежего воздуха и к тому же страну посмотреть можно. Соберем урожай и всей оравой, прихватив скарб, тронемся в путь. И отправимся или на юго-запад за салатами и за другими овощами, или даже прямо на юг, на берег океана, за фруктами. А как по-вашему, док, на юге есть зимние фермы, вы не знаете?

— Нет, не знаю,— ответил Эмби.

Он сидел рядом с Джейком и наблюдал, как тот правит машиной. Лучше Джейка, решил он про себя, никто с машиной не управится, с ним чувствуешь себя в полной безопасности и совершенно спокойно. Он никогда не гонит, не рискует и хорошо понимает машину.

На заднем сиденье дети устроили «кучу-малу», и Джейк обернулся к ним:

— Эй, вы, малышня, если вы сейчас же не успокоитесь, я прямо здесь останавливаю авто и начинаю всех по очереди пороть. Вы, чертенята, отлично ведь знаете, что, будь здесь ваша мама, не стали бы устраивать весь этот базар. Она бы надрала вам уши и заставила сидеть смирно.

Дети, не обращая на него внимания, продолжали свою возню.

— Я вот думаю,— обратился Джейк к Эмби, считая, по-видимому, что его отцовский долг выполнен,— что это самый ловкий ход в вашей жизни. Только, может, вам стоило бы пораньше так сходить. Все говорит за то, что такому образованному человеку, как вы, нечего беспокоиться, для него всегда найдется местечко, в любом стане. Похоже, у них не так уж много образованных людей, а образование, я всегда это говорил, образование — это все. Сам-то я не получил никакого об-

разования, может, поэтому и остался бедняком. Пока мы жили там, в городе, я больше всего терпеть не мог, что мои дети бегают по улице и ничему не учатся. Мы уж с Мерт из кожи вон лезли, чтобы помочь им, но что мы могли им дать, кроме нашего алфавита,— какие из нас учителя.

— Вполне возможно, что в станах есть свои школы,— предположил Эмби.— Я, правда, никогда ничего о них не слышал, но знаю, что у них есть что-то вроде университетов, а прежде чем идти в колледж, необходимо хотя бы получить начальное образование. Я склонен думать, что станы зиждутся на хороших общественных программах. Стан — это что-то вроде деревни на колесах, и, скорее всего, в них соблюдаются те же порядки: там должны быть и школы, и больницы, и церкви, и все, что сопутствует жизни в городах и деревнях, хотя на всем этом, как мне представляется, лежит отпечаток тред-юнионизма. Культура — вещь странная, Джейк, но обычно в основных своих чертах и по своим результатам она почти везде одинакова. Различия в культурах примерно такие же, как различия в подходах к решению одинаковых проблем.

— Клянусь,— сказал Джейк,— сидеть и слушать ваши рассуждения для меня большое удовольствие! И особенно потому, что вы не только произносите все эти умные слова, но, похоже, знаете, что они означают.

Тут он свернул на грунтовую дорогу, которая вела к стану. Он до предела сбавил скорость, но они подскакивали на каждом ухабе.

— Посмотрите-ка,— сказал Джейк,— хорошенькое дело! Вон, видите, белье висит на веревках, цветочки в ящиках в окнах трейлеров и этот низенький забор из кольев — совсем как раньше у нас были загончики. Я ничуть не удивлюсь, если здешние поселенцы окажутся такими же людьми, как и мы.

Они добрались до лагеря и, свернув с дороги, поставили машину в ряду других трейлеров. Вокруг тут же столпились ребятишки — стояли и наблюдали за ними. Женщина вышла и остановилась на пороге своего трейлера, оперлась на косяк и смотрела на них. К детям присоединились собаки, уселись рядом с ними и стали выкусывать у себя блох.

Джейк вылез из машины.

— Здорово, ребята,— сказал он.

Те в ответ застенчиво захихикали.

С заднего сиденья трейлера соскочили дети Джейка и встали рядом с отцом.

Выкарабкалась из трейлера и Мерт. Она обмахивалась куском картона.

— Ну и ну! — провозгласила она.

Все замерли в ожидании.

Наконец откуда-то появился старик. Ребятишки посторонились, пропуская его. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Чем могу служить, приезжий?

— Мы просто осматриваемся,— сказал Джейк.

— Смотрите что хотите.

Он взглянул на оставшегося в машине Эмби.

— Здравствуйте, старина.

— Здравствуйте,— откликнулся Эмби.

— Что, старина, что-нибудь особенное присматриваете?

— Можно сказать, мы ищем работу; мы надеемся, что в каком-нибудь стане нас примут.

Старик покачал головой:

— У нас полно людей. Впрочем, поговорите с агентом по труду, ему лучше знать.

Он повернулся к ребятам и крикнул:

— А ну, сорванцы, пойдите найдите Фреда!

Они моментально бросились врассыпную, как вспугнутые куропатки.

— Теперь мало наезжает таких, как вы,— сказал старик.— Несколько лет назад валом валили в поисках хоть чего-нибудь. По большей части из небольших городков, а многие — и из РФ.

Он заметил недоумение на лице Эмби.

— Это означало «разоренные фермеры»,— объяснил старик.— Ну это которые не справились с хозяйством, все бросили, таких было много. Самые чокнутые. Дерутся как бешеные. Приходили в расчете стать с нами на равных, думали, им это позволят. Считали, правительство сделало их поденщиками, и, по-моему, так оно и есть. И поденщиками оно сделало не только их, но и многих из нас. Нельзя же было все так разбазаривать, и при этом никто ведь не понес наказания. А по тому, как шли дела, нечего было и думать, что правительство продержится долго, да еще со всеми его программами. Нужно было попроще.

Эмби кивнул в знак согласия.

— Невозможно содержать непомерно раздутую бюрократию в системе, где господствуют доисторические технологии кочевников.

— Совершенно с вами согласен,— в свою очередь согласился старик с Эмби.— Что касается фермеров, то и тут было все так же. Мелкие земельные участки и их хозяева были обречены. Фермер-одиночка на таком участочке не мог развивать дело. Сельское хозяйство шло к созданию корпораций еще до того, как завершился процесс децентрализации в промышленности. Непосильно вести сельское хозяйство без машин, а с другой стороны, какой смысл покупать технику для обработки нескольких акров хозяину фермы?

Он подошел к трейлеру и погладил крыло сучковатой рукой.

— Хорошая машина.

— Она у меня уже давно,— сказал Эмби.— Всегда ухаживаю за ней.

Старик просиял.

— Вот и мы тут придерживаемся того же правила. Каждый должен заботливо относиться ко всему, что у нас есть. Теперь не те времена, когда можно было пропить какую-нибудь вещь, или испортить, или потерять, а потом за ближайшим углом купить себе новую. В этом отношении у нас неплохой народ. Молодежь тратит почти все свое свободное время на возню с машинами. Вы бы посмотрели, что они понаделали с некоторыми из них — прямо очеловечили.

Он встал возле открытого окошка трейлера и прислонился к дверце.

— Ей-богу, хороший у нас стан,— сказал старик.— С какой стороны ни взгляни. У нас самые ухоженные зерновые; а как мы землицу обрабатываем, вы бы знали. И наш *пузырь,* владелец этих мест, высокого мнения о нас. Вот уже двадцать лет как мы каждую весну возвращаемся сюда. Если кто другой попробует занять наше место, *пузырь* и разговаривать с ними не станет. Он всегда ждет нас. Вряд ли найдется много еще таких станов. Но уж как наступит зима, нас не удержишь — отправляемся путешествовать, куда глаза глядят. И можем вернуться в любой город, где мы уже побывали зимой, если захотим, и ничего нам не может помешать.

Он внимательно посмотрел на Эмби.

— А вы, случаем, не знаете ли, как вызывать дождь?

— Несколько лет назад я что-то читал о работах на эту тему,— сказал Эмби.— Это, кажется, называлось «засеивать тучи». Но я забыл, что при этом применяли. Скорее всего, серебро. Еще какие-то реактивы...

— Понятия не имею ни о каком «засеивании»,— сказал старик,— да и насчет того, применяют они какие-нибудь реактивы или нет... Ясное дело,— добавил он, опасаясь, что его не так поймут,— у нас тут имеются самые прекрасные спецы по дождю, их целый кагал, но в фермерском деле никогда не помешает иметь в запасе одного-двух специалистов.— Он взглянул на небо.— Сейчас-то нам дождь ни к чему, зачем тратить силы на то, чего не нужно. Вот кабы вы появились здесь в пору, когда в дождях большая нужда, тогда вы увидели бы парней за работой. Когда они начинают танцевать, от них глаз не оторвать, все на них оглядываются.

— Я так много читал о навагос... или нет, о моки,— сказал Эмби.

Но старика не интересовали ни навагос, ни моки.

— А какая у нас бригада овощеводов! — продолжал он свой рассказ.— Не хочу хвастать, но, ей-богу, лучше наших не найти...

Его прервала орущая во всю глотку стайка ребятишек, что неслась со всех ног. Он оглянулся.

— Вот и Фред.

Легкой походкой Фред приближался к ним. Это был крупный мужчина с непокрытой головой, со спутанными черными волосами, густыми бровями и с полным ртом белых зубов.

— Привет, люди,— сказал он.— Чем могу быть полезен?

Джейк рассказал.

Фред в замешательстве почесал в волосах и смущенно помолчал.

— Да у нас полным-полна коробочка, к тому ж мы вот-вот уедем. И не соображу, на что нам еще одна семья. Если только у вас есть в загашнике что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Я хороший механик,— объяснил ему Джейк,— могу водить любую машину.

— Водителей у нас хватает. А как насчет ремонта? Может, смыслите по сварочному делу? Или токарному?

— Я... да нет.

— Нам приходится самим ремонтировать машины, содержать их в постоянной готовности. Бывает, сами запасные части дела-

ем, чтобы заменить старые, изношенные. У нас нет времени ждать, когда нам доставят их с завода, так что мы все тут на все руки мастера. Что там вождение машины — каждый умеет водить машину. Даже женщины и дети.

— А еще вот док,— сказал Джейк,— образованный человек. Был профессором в университете, пока тот не прикрыли. Не подойдет ли он вам?

Фред оживился:

— Да что вы говорите! По агрономии...

— История,— сказал Эмби.— Я знаю только историю, ничего больше.

— Это, видите ли, не то...— Фред был разочарован.— Нам нужен специалист по сельскому хозяйству. На отдельных участках мы проводим эксперименты, но слишком мало знаем. В результате ни на одном из них ничего не получается. Идея состоит в том, чтобы вырастить лучшие сорта семян. Только успех эксперимента поможет нам в торговле — вся наша ставка на качественные семена. У каждого стана свой собственный сорт семян, и чем выше качество семян, тем меньше вы зависите от вашего *пузыря*. Мы выращиваем хорошие дурхамы, но теперь мы принялись за кукурузу. Если бы нам удалось вывести, скажем, такой сорт, который вызревает на декаду раньше...

— Весьма интересно,— сказал Эмби.— Но, к сожалению, я бессилен вам помочь. Никакого представления не имею.

— А я бы работал во всю мочь,— сказал Джейк,— если бы только вы позволили мне остаться. Я же двужильный, другого такого во всем вашем стане не сыскать.

— Прошу прощения,— сказал в ответ агент,— у нас лентяев не водится, все старательные. Если вам нужно пристанище, вам лучше всего обратиться к путешественникам. Они, возможно, примут вас. А такие старые станы, как наш, обычно не берут новичков, разве что они обладают какими-то необыкновенными способностями.

— Ладно,— сказал Джейк,— пусть будет по-вашему.

Он открыл дверцу и влез в машину. Дети нырнули на заднее сиденье. Вскарабкалась в трейлер и Мерт.

— Спасибо,— сказал Джейк агенту.— Извините, что отняли у вас столько времени.

Он развернул машину и поехал к шоссе. Долго молчал, наконец заговорил:

— Что это за штука такая — агроном? — спросил он.

8

И дальше, где бы они ни останавливались, все происходило примерно в том же духе.

— Не кибернетик ли вы? Нет? Жаль-жаль. Нам, конечно, подошел бы кто-нибудь из этих парней-кибернетиков.

— Сожалеем, но нам нужен химик. Колдуем тут, производим топливо. А знаний никаких, кроме того, до чего сами докопаемся. В один прекрасный день наши ребята взорвут к чертовой бабушке весь наш стан.

— Если бы вы были лекарем. Лекарь нам нужен.

— Вы знакомы с электроникой? Нет? Очень жаль.

— Историк... Боюсь, историк нам ни к чему.

— Вы случайно не доктор? У нас доктор уже совсем старенький.

— Нам бы инженера по ракетам. Есть у нас тут идейки... Нам бы парня, разбирающегося в ракетах.

— История? Не-а. На кой она нам?

Но есть все же польза и в истории, говорил Эмби.

— Я знаю,— сказал он,— есть ей применение. Прежде она всегда служила орудием. Не могла же она вдруг потерять свое значение, даже в нынешнем невежественном обществе.

Он забирался в свой спальный мешок и смотрел на небо.

Дома теперь уже осень, думал он. Падают листья, и стоит его город, захватывающе прекрасный в своем осеннем наряде.

А здесь, на самом юге материка, все еще было лето, и странное, летаргическое чувство навевала темно-зеленая листва и густая синь неба — будто зелень и синева отпечатались на земле и останутся такими навеки, на земле, которой противопоказаны какие-либо изменения и матрица ее существования отлита навсегда, без всякой надежды на перемены.

На фоне неба темной глыбой возвышался трейлер; внутри трейлера закончили свои стенания Джейк и Мерт, и стало слышно журчание ручья, протекавшего немного в стороне от их стоянки. Угасал костер, пока не стал похож на розу в белом пепле кострища, а где-то на опушке леса вдруг запела птаха, наверно, пересмешник, хотя песня не была такой прелестной, как он ожидал услышать.

И так всегда, подумал он. Наши фантазии никогда полностью не совпадают с действительностью, с тем, что есть на самом деле. Чаще всего в жизни все гораздо менее красиво и

более прозаично, чем в воображении человека; но порой вдруг, в самом неожиданном месте, возникает перед тобой такое, что пригвоздит тебя к месту и затем определит всю твою дальнейшую судьбу.

Побывав в двух-трех станах, доктор убедился, что все они на один манер — на солидный американский манер, деловой и прагматичный; были в них и свои странности, но они переставали быть странностями, как только он постигал их истоки.

Вот, например, еженедельные военные сборы с их обычными военными играми; в них каждый рядовой должен пройти все ступеньки маневров и со всей серьезностью отработать свою долю, без всяких там увертoк и шуточек решить военную задачу, а в это время женщины и дети, как стая перепелок, разбегаются в поисках укромного места, чтобы спрятаться от воображаемого врага.

А дело все заключалось в том, что без этих сборов федеральное правительство не получило бы даже свой пустячный налог на оборону. А так у него всегда есть предлог держать под рукой на случай чрезвычайной мобилизации граждан-солдат, готовых биться в страшной тотальной войне, как какие-нибудь фронтьеры или дикие индейцы, и разорвать на части любого неприятеля, посмевшего высадиться на берегах его родного континента. Федеральное правительство содержало военно-воздушные силы, производило оружие, поддерживало военные исследования и осуществляло общее руководство и планирование. Люди, все до одного, составляли постоянную армию, готовую в любой момент к мобилизации, вымуштрованную до степени пальца на взведенном курке, и притом армия эта ни гроша не стоила федеральному правительству.

Увидев все эти военные игры и муштру, Эмби понял, что такое положение дел приведет в замешательство любого потенциального врага. Это было что-то новое в военной науке. Представьте себе страну, в которой нет ничего, что могло бы представлять достойную цель для бомбардировки, не осталось городов, которые можно было бы брать приступом и удерживать в своих руках, нет предприятий, подлежащих полному разрушению, и при этом каждый житель мужского пола в возрасте от 17 до 70 лет — готовый к бою солдат.

Так он лежал, размышляя о предметах, удивительно знакомых и незнакомых.

К примеру, народные обычаи, бытовавшие в пределах каждого стана. Они образовались из легенд, суеверий, магии, школьных знаний, местного культа героев и всяких других, обязательных для полного завершения картины общественной жизни глупостей. Он понимал, что эти обычаи были частью неистовой, фанатичной верности своему родному стану, ставшей определяющей во взаимоотношениях его обитателей друг с другом. А за пределами этого господствовало фантастическое соперничество между различными станами, которое трудно было порой понять: оно проявлялось и в мелком хвастовстве добытой рыбешкой, и в тупом отказе лидеров стана делиться какими бы то ни было секретами и знаниями со своими соседями. Понять это было бы совсем невозможно, если не учитывать старых американских традиций, представлявших собой душу и тело американского бизнеса.

Странная ситуация, думал доктор Амброуз Уилсон, лежа в своем спальном мешке в самой глубинке теплой, южной ночи, странная ситуация, но вполне объяснимая, если на нее посмотреть с определенной точки зрения.

Все ему понятно, кроме маленькой закавыки, с которой он никак не мог справиться. Это было скорее подспудное чувство, чем что-то реальное, чувство, что за всей этой неразберихой кочевой жизни лежит новый фактор, жизненно важный, его можно ощутить, но трудно найти ему определение.

Он лежал и раздумывал над этим новым, жизненно важным фактором, пытаясь проанализировать свои впечатления и найти ключ к разгадке. Но не было ничего реального, ничего, чтобы протянуть руку и пощупать, ничего, чему можно было бы дать название. Это была как бы солома без единого зерна, дым без огня, это было что-то новое, вероятно, в той же степени объяснимое, как и все другое, нужно только посмотреть с определенной точки зрения. Но где эта «точка зрения»?

Они пересекли огромные пространства, следуя по берегу великой реки с севера на юг, и видели много станов: зерноводческие с их многочисленными акрами хлебных и кукурузных полей; промышленные с дымящими трубами и грохотом машин; транспортные с множеством грузовиков и с фантастическими по масштабам перевозками грузов; станы по производству молочных продуктов со стадами коров и маслобойными и сырными заводами; станы по разведению кур; по производству грузо-

вого транспорта для фермеров; станы углекопов; станы по ремонту дорог, по лесоразработкам и так далее. И то тут, то там встречались им такие же бродяги, путешественники, летяги, как они.

Но куда бы они ни пришли, везде их ждал один ответ: «Очень жаль, но...», и кучки ребятишек, и чешущихся собак, и агенты по труду, сообщавшие, что для них в стане ничего нет.

В некоторых станах их встречали более благожелательно, кое-где они останавливались на день, а то и на неделю, отдыхали, приводили в порядок машину, расправляя затекшие ноги, встречались с разными людьми.

В таких случаях Эмби ходил по стану и, усаживаясь на солнышке или в тени — в зависимости от обстоятельств,— заводил разговоры, и иногда ему начинало казаться, что он постиг этих людей. Но вслед за этим всегда появлялось ощущение неуловимой странности, смутной непохожести, будто кто-то, кого он не мог видеть, сидя в кругу собеседников, уставился на него испытующим взглядом, и тогда он остро осознавал, что между ним и этими людьми лежит пропасть в сорок лет забытья.

Он ловил их радиопередачи и слышал едва различимые голоса из других станов, иногда близких, иногда с другого конца континента,— все это выглядело пародией на любительские репортажи 1960-х годов, словом, радиосеть на деревенском уровне. Транслировалась в основном болтовня, но был в ней порой и вполне официальный смысл — официальные заявления, содержащие требование тонны сыра или грузовика сена, или просьбу заменить какие-либо сломавшиеся части машины, или подтверждение долга одного стана другому после какой-либо сделки или за какой-то продукт, чаще всего разные станы хитрили между собой и платили по большей части обещаниями за обещания же. И все-таки было в этой их болтовне что-то специфическое, свойственное только этой фантастической культуре, которая в течение одной ночи вышла из предместий и превратилась в культуру кочевников.

И во всем присутствовала магия, странная, легкая магия, которая не причиняла людям вреда, служила только им на пользу. Ему казалось, что после продолжительного бегства из материального мира домовые и феи вернулись восвояси. Появились новые, причудливые обряды — они пришли из прошлого; вновь возникли амулеты и заклинания; возрождалась древняя,

простая вера, забытая в самом недавнем нашем вчера, простая, детская вера в надежность мира. И, по-видимому, за всем этим скрывается что-то хорошее, подумал он.

Но самое удивительное было в том, что древняя магия и старые верования совершенно естественно сочетались с современными технологиями: кибернетика шагала нога в ногу с амулетами, танцы во имя пролития дождя сочетались с агрономическими науками.

Пытаясь найти объяснение всему этому, он рассматривал проблему с разных сторон, и в целом, и по частям, пытался отойти от стереотипов и вписать модель в определенную историческую эпоху; но чаще всего, когда, казалось, объяснение найдено и модель вписалась в достаточно разумную историческую схему, обнаруживалось в конце концов, что вся его работа не более чем поверхностный взгляд на проблему.

По-прежнему оставались за гранью понимания эти смутные ощущения и жизненно важный фактор.

Тем временем они продолжали свое путешествие под постоянный аккомпанемент всеобщего «Очень жаль, но...» Он знал, что Джейк терзается и имеет на это полное право. Ночь за ночью, лежа в своем мешке, он слышал, как Джейк и Мерт, считая, что он и дети спят, разговаривали друг с другом. И как он ни старался из приличия лечь подальше и хотя бы не слышать каждое сказанное ими слово, по тону их стенаний он догадывался, о чем они толкуют.

Какой стыд, думал он. Как сильно надеялся Джейк, как глубоко он верил. Страшно наблюдать день за днем, как человек теряет веру, как она постепенно покидает его, словно вытекает из раны по капле его кровь.

Устраиваясь поудобнее, он покрутился в своем спальном мешке и закрыл глаза от звездного света. Он чувствовал, как сон, подобно древнему утешителю, успокаивает его; и в смутное мгновение, когда реальность ускользает, но еще не совсем покинула твое сознание, он опять увидел прекрасный портрет-идеал, который висел над камином, и свет от лампы падал на него.

Когда он проснулся, трейлера на месте не было.

Сначала он ничего не подумал: ему было тепло и уютно, свежий ветерок овевал его лицо, радостно заливались птицы на каждом дереве и кусте, журчал ручей по галечному руслу.

Он лежал и думал, что хорошо жить на этом свете, и смутно представлял себе, чем одарит его новый день, и был благодарен тому, что ему нечего бояться.

А потом он заметил, что трейлера-то нет; еще какое-то мгновение он оставался спокоен, не постигая случившегося, пока гадкой пощечиной по лицу не дошел до него смысл происходящего.

Его охватила паника, но быстро отпустила — холодный ужас одиночества, заброшенности сменился взрывом гнева. Он обнаружил внутри спального мешка свою одежду, вылез из него и сел одеться. Он попытался восстановить картину того, что здесь произошло.

Стан находился глубоко в низине, возле шоссе, и он вспомнил, как они подкладывали под колеса трейлера камни, чтобы он не скатился вниз по склону. Скорее всего, Джейк вынул камни, отпустил тормоза и, не заводя мотор, скатился по склону до того места, откуда звук мотора уже не был слышен.

Он поднялся и тупо побрел вперед. Вот и те камни, которые они подкладывали под колеса, а вот и следы на росе.

Вскоре он обнаружил и еще кое-что: прислоненное к сосне стояло ружье двадцать второго калибра — вещь, которой Джейк гордился больше всего на свете, и, кроме того, старый, чем-то набитый рюкзак.

Он присел у дерева и развязал его. Там находились два коробка спичек, десять коробок боеприпасов, его запасной костюм, еда, тарелки, кастрюли, сковородки и старый плащ.

Он склонился над всем этим хозяйством, разбросанным на земле, и почувствовал, как на глазах закипают слезы. Конечно, это было предательство, но и не совсем предательство — ведь они не забыли о нем. Украли, бросили его с самыми низкими побуждениями, но Джейк оставил ему свое ружье, а оно было как бы его правой рукой.

Их стенания, которые он не раз слышал,— не планировали ли они уже тогда в их ночных разговорах все это? Но что изменилось бы, если б он расслышал слова, а не тон их бесед, что, если бы он подкрался, подслушал и разоблачил их планы — что бы предпринял он тогда?

Он снова уложил рюкзак и потащил его и ружье к спальному мешку. Будет тяжело, но потихоньку-полегоньку он возьмет и понесет все с собой. В конце концов, утешал он себя, дела

обстоят не так уж плохо: у него остался бумажник и в нем немного денег. Без особого сочувствия он подивился, на что Джейк, оставшийся без копейки в кармане, будет приобретать бензин и еду.

И ему показалось, что он слышит, как Джейк занудливо говорит: «Это все док. Это из-за него никто не хочет брать нас. Им стоило только взглянуть на него, и они уже понимали, что недалек день, когда он сядет им на шею. А на что им такие, которые через год-два будут бременем для них?»

Или немного иначе, так, например: «Говорю тебе, Мерт, это все из-за дока. Он им вешает лапшу на уши и тем только отпугивает их. Они же соображают, что он не их поля ягода. Ишь нос задирает! Ну а мы... Мы самые обыкновенные люди. Они бы нас вмиг приняли, если бы не доктор».

Или так: «Вот мы, нам любая работа нипочем, а док — специалист. Ничего мы не добьемся, если не отделаемся от дока».

Эмби покачал головой. Смешно, подумал он, на что только не пойдет, отчаявшись, человек. Благодарность и честь и даже дружба — все это лишь хилые преграды на пути отчаяния.

«А я? — спросил он себя.— Что теперь буду делать я?»

Не сразу, конечно, но пришла ему на ум мысль о возвращении домой. Но это было невозможно: на севере примерно через месяц выпадет снег, и никаких его сил не хватит, чтобы пробиться сквозь него. Если уж идти домой, то надо дождаться весны.

А пока оставалось только одно — продолжать свой путь на юг, но не так быстро. Было в его положении и свое преимущество. Теперь он был предоставлен самому себе, и у него появилось гораздо больше времени на раздумья. А в данной ситуации есть о чем поразмыслить, ибо было в ней много поразительного. Он знал, что где-то есть ключ к пониманию того жизненно важного фактора, который он постоянно ощущал в каждом стане, есть ответ на загадку. Стоит ему разобраться в этом явлении, и тогда можно будет сесть и писать историю, и таким образом он выполнит свое назначение.

Он положил ружье и рюкзак на спальный мешок, а сам спустился на дорогу. Остановившись посреди нее, он посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Дорога была длинной и безлюдной, таким же безлюдным и одиноким будет и его путешествие. У него никогда не было детей, а в последнее время — и друзей. Джейк, подумалось ему, был самым близким челове-

ком; но Джейка нет, теперь не только пространство, не только пыльная дорога пролегли между ними, но и его поступок.

Он расправил плечи, изображая уверенность и мужество, которых на самом деле не было, и снова поднялся на стоянку, чтобы подобрать спальный мешок, ружье и рюкзак.

9

Месяцем позже он набрел на стоянку водителей грузовика. Случилось это под вечер; он подыскивал местечко, где бы переночевать, когда на перекрестке двух дорог заметил припаркованный там грузовик с прицепом.

У только что разложенного костра хлопотал мужчина, осторожно подкладывая в костер небольшие ветки. Второй открывал банки с едой. Из леса вышел третий, с ведром, по-видимому, принес воды из ближайшего ручья.

Мужчина у костра заметил Эмби и встал.

— Привет, незнакомец,— произнес он.— Ищете место для ночлега?

Эмби кивнул и подошел к костру. Он сбросил с плеч рюкзак и спальный мешок и бросил их на землю.

— Был бы очень вам признателен...

— Очень рады вам,— сказал мужчина. Он снова склонился над огнем, продолжая подкармливать его.— Обычно мы не останавливаемся на ночевку. Остановимся ненадолго, только чтобы приготовить поесть, а потом пускаемся в путь. У нас в машине есть койка, так что пока один ведет машину, другой спит. Теперь даже Том наловчился водить машину.— Он кивнул на парня, принесшего воду.— Том вообще-то не водитель. Он был профессор в университете, теперь — в отпуске, без сохранения содержания.

Том усмехнулся, взглянув через костер на Эмби.

— В годовом.

— Я тоже в отпуске,— сказал Эмби,— только в перманентном.

— Вот уж сегодня проведем ночь как ночь,— продолжал первый собеседник.— Не люблю спать под шум мотора. Да и нагреваться он стал чего-то. Надо его раскурочить.

— Раскурочить? Прямо здесь?

— Почему бы нет? Чем плохое место?

— Но...

Водитель хихикнул.

— Да мы его в один миг разделаем. Вон Джим, мой помощник, он такелажник. Он его извлечет, перетащит сюда, к костру, и мы тут с ним быстренько разберемся.

Эмби присел возле костра.

— Меня зовут Эмби Уилсон,— сказал он.— Я просто путешествую.

— Вы издалека?

— Из самой Миннесоты.

— Пройти пешком такой кусок — дело нелегкое, особенно для ваших лет.

— Часть пути я проехал на машине.

— Что, машина сломалась?

— Мой партнер сбежал вместе с нею.

— Ну, такие вещи я называю мерзким, низким обманом,— рассудительно заметил водитель.

— Да нет, Джейк не хотел причинить мне зла, он просто впал в панику.

— И вы пытаетесь его выследить?

— Какой смысл? Да и при всем моем желании я не смог бы его найти.

— Могли бы нанять фиксатора.

— Фиксатора? Что это такое?

— Отец, ты что, с луны свалился? — удивился водитель.

И Эмби ничего не оставалось, как принять за должное удивление водителя.

— Фиксатор — это телепат,— объяснил Том.— Особый вид телепата. Он почти всегда может проследить мысли и по ним обнаружить человека. Что-то вроде человека-ищейки. Работа тяжелая, и их не так уж много, но мы надеемся, что со временем их станет больше и они будут совершенствоваться.

Так фиксатор — это телепат!

Вот тебе и на! Никак не ожидал.

«Особый вид телепата», то есть предполагается, что есть и другие виды телепатов.

Эмби сидел сгорбившись у костра и внимательно вглядывался в лица своих соседей — не появится ли у кого-либо из них усмешка на губах. Нет, никто не усмехнулся, они продолжали вести себя так, как будто телепаты — вещь самая обыкновенная.

Подумать только, неужели здесь, встретив этих людей, за несколько минут знакомства с ними он впервые раскрыл смысл

всего этого головоломного фольклора и магии, о которых он часами раздумывал вот уже сколько дней!

«Фиксатор» — это телепат, значит, «такелажник» — это телекинетик, а «лесник-зеленый» запросто может оказаться тем, кто обладает прирожденным даром любить и понимать все живое на Земле.

Может быть, это и есть тот самый «жизненно важный фактор», который он ищет, та «странность», которую он ощущает в каждом стане; и не в этом ли состоит логика действий тех, кто танцами вызывает дождь и выделывает все эти штучки-дрючки, которые он рассматривал как всего лишь побочные явления, свойственные изолированным социальным группам?

Он крепко зажал руки между колен, чтобы они не дрожали. «Мой бог! — думал он.— Если это так, то как многое становится понятным! Если это тот ответ, который я ищу, то это непревзойденная культура!»

Том прервал ход его мыслей:

— Вы сказали, что вы в отпуске, как и я. Только в перманентном. Вы тоже учитель?

— Был,— сказал Эмби.— Но университет закрыли. Это был один из старейших университетов, но кончились деньги, и почти не осталось студентов.

— Вы пытались найти работу еще где-нибудь?

— Я пошел бы в любую школу. Но, кажется, я никому не нужен.

— В школах не хватает людей, они бы уцепились за вас.

— Вы имеете в виду эти трейлерные университеты?

— Да, именно их.

— Вы не очень-то высокого мнения о них? — недовольным тоном спросил водитель.

— Я о них просто ничего не знаю.

— Они не хуже любой другой школы, это я вам говорю,— заявил водитель.— И никто не смеет говорить о них плохо.

Эмби наклонился к огню — в голове его все смешалось: надежда, и страхи, и множество всевозможных вопросов.

— Вы тут о фиксаторе говорили,— сказал он.— Вы говорили, что фиксатор — это один из видов телепата. А как же другие... они что, обладают другими способностями?

— Обладают некоторые,— сказал Том.— Похоже, что в наши дни появилось много разных талантов совершенно особого свой-

ства. В наших университетах мы многих из них выявляем и пытаемся даже соответственно воспитывать их, но увы... Да и сами подумайте, как вы или я можем воспитать телепата? С какой стороны к этому подойти? Все, что мы можем, это создавать благоприятные условия для них, чтобы подобный талант имел все необходимое для развития.

Эмби смущенно покачал головой:

— И все-таки не могу понять. У нас ведь раньше никогда их не было — откуда же они взялись теперь?

— А может, они и были до Процесса децентрализации, но немного. Должны были быть, хотя бы в скрытом состоянии, они просто ждали своего часа. А подходящий момент наступил только теперь. Возможно, их убивала конкуренция. Или эти способности гибли под воздействием уравнительной системы образования. Некоторые из тех, кто был телепатом, скрывали свои способности из страха показаться не такими, как все, а тогда, при той культуре, подобная непохожесть рождала неприязненное любопытство. И из чувства страха люди подавляли в себе эти способности, пока они не исчезали окончательно. Но были среди телепатов и такие, кто втайне использовал свои способности к собственной же выгоде. Представьте себе, какие возможности открываются перед адвокатом, или политиком, или торговцем, обладай он телепатией?

— И вы в это верите?

— Не всегда. Но существует вероятность...

— Люди стали куда умнее теперь,— сказал водитель.

— Нет, Рей, дело не в этом. Люди остаются такими же. Были, конечно, и раньше талантливые люди, но, думаю, им не удавалось проявлять свои способности так часто, как сейчас. Мы освободились от очень многих запретов и условностей. Когда мы покинули свои дома и вместе с ними очень многое из того, что казалось нам необходимым, вместе со всем этим мы сбросили с себя и груз зависти. Оставили в прошлом и многие комплексы. И никто теперь не дышит нам в затылок. Мы теперь не заботимся о том, чтобы в чем-то не отстать от соседа, потому что сосед стал теперь другом, а не мерилом социального и экономического положения. Теперь у нас нет необходимости уложить двадцать восемь часов в двадцать четыре. Считайте, мы дали себе волю развиваться без всяких ограничений, чего не могли себе позволить раньше.

Джим, помощник водителя, повесил над костром на кованый прут котелок с кофе и принялся резать мясо.

— Сегодня у нас свиные отбивные,— сказал Рей.— Утром мы проезжали фермерский стан, а на дороге оказалась эта свинья. Я ничего не мог поделать...

— Да ты едва машину не разбил, чтобы только заполучить ее.

— Ну, это уж грязная клевета,— возразил Рей.— Я сделал все, чтобы объехать ее.

Джим продолжал резать мясо, бросая куски его на большую сковороду.

— Если вам нужна работа учителя,— сказал Том,— от вас немногое требуется; зайдите в один из университетов. Их тут сейчас пруд пруди. Большинство из них небольшие.

— Но как мне их найти?

— Поспрашивайте в округе. Их тут много околачивается. Надоедает в одном месте, они перебираются на новое. И вам повезло. Они сейчас сюда перекочевали, на юг. Весной они обычно направляются на север, а осенью — на юг.

Шофер присел на корточки и стал свертывать сигаретку. Он поднес к губам кусочек бумаги с насыпанным табаком, облизнул краешек, склеил и придал форму сигареты. Он сунул ее в рот, и она свободно свисала у него с губы, пока он выуживал в костре веточку, чтобы прикурить.

— Вот что я вам скажу,— обратился он к Эмби,— почему бы вам не поехать с нами? Места хватит для всех. Наверняка по пути нам попадется целая куча университетов. Вы заглянете туда. А если надумаете, то давайте поедем вместе до самого побережья. И Том едет с нами на побережье, надеется навестить своих дальних родственников.

Том кивнул:

— Верно. Может, поедем с нами?

— Теперь совсем не то, что в прежние времена,— сказал Рей.— Мой старик тоже был шофером. Тогда все носились как сумасшедшие. И ни за что, бывало, не остановятся и не посочувствуют, если что. Едут себе — и никакого внимания.

— Да и все мы были не лучше,— сказал Эмби.

— Теперь нам легче,— сказал шофер.— Не надо спешить, и жизнь стала веселее, и никому нет никакого дела, приедем мы на день раньше или позже.

Джим поставил сковородку с отбивными на угли.

— Да, машину теперь вести куда проще,— сказал Рей,— особенно если у тебя есть помощник-такелажник. Если он у тебя есть, никаких проблем с погрузкой и выгрузкой. И в грязи застрять не страшно — он тебя запросто вытащит. А Джим у меня такой такелажник — в жизни другого такого не встречал.

Джим продолжал жарить котлеты.

Шофер выплюнул сигарету в направлении костра, она приземлилась на сковородку, прямо посреди котлет. Почти в тот же миг она поднялась со сковородки, описала в воздухе дугу и упала на угли.

Джим сказал:

— Рей, ты эти штуки брось. Думай все-таки, что делаешь. Ты истощишь мои способности, если будешь вот так заставлять подбирать за собой всякую дрянь.

Водитель снова обратился к Эмби:

— Ну так как, присоединяетесь? Посмотрите страну.

Эмби покачал головой:

— Надо подумать над вашим предложением.

Но он лицемерил. Не было никакой возможности думать над таким предложением.

Он знал заранее, что не поедет.

10

Он стоял у погасшего костра на перекрестке, прощально махал им рукой и смотрел, как в тумане раннего утра исчезает трейлер с прицепом.

Потом он наклонился, поднял рюкзак и спальный мешок и перебросил их через плечо.

Странное возбуждение охватило его — странное и счастливое. Как хорошо было снова ощутить его после стольких месяцев никчемной жизни! Как хорошо было осознавать, что у тебя опять есть дело!

Он остановился, оглядел место стоянки — неподвижный пепел костра, охапку неиспользованных дров и большое пятно на земле — пятно от машинного масла, которое вылилось из мотора и постепенно просочилось в почву.

Если бы он своими глазами не видел, он бы никогда не поверил, что такое возможно: Джим, когда отвернул гайки, поднял мотор, вынул из машины и перенес его к костру, ни разу

не прикоснувшись к нему руками. А потом он наблюдал, как неподатливые, с сорванной резьбой гайки медленно и неохотно повернулись без всякого инструмента, поднялись над отверстиями, а затем спокойно встали в ряд.

Однажды — как ему показалось давным-давно — он беседовал с *пузырем,* и тот рассказал ему, как эффективно вели дела фабрики его работники, и жаловался при этом, что они настолько усовершенствовали технологии и механизмы на фабрике, что, по его словам, представителям другого стана понадобится по крайней мере месяц, чтобы разобраться в устройстве.

Эффективно! Бог ты мой, конечно, они работали эффективно! Но, пытался теперь дознаться он, какими новыми, наполовину разгаданными методами смогли они так усовершенствовать фабрику?

А по всей стране, подумал он, сколько задействовано новых принципов и методов? Но люди в станах не считали их чем-то новым, способным многое изменить, на них смотрели просто как на профессиональные тайны, для них это было преимуществом в торговле, гарантией выживания стана. И сколько таких талантов по всей стране, прикидывал он, какое применение находит все это разнообразие талантов?

Новая культура, думал он, она непобедима тогда, когда осознает свою мощь, ее следует освободить от присущего ей провинциализма, освободить от суеверных наслоений новые силы. А это было самым трудным в его замысле, он понимал это: мистика служила им для того, чтобы закрыть глаза на собственное невежество и как-то объяснить непонятные явления. И, наверно, будет очень нелегко заменить мистику сознанием того, что в настоящий момент ограниченность знаний, недостаточное понимание происходящего приводит нас к простому принятию того, что есть, взывает к нашему терпению, пока станет возможным понимание всех этих явлений.

Он вернулся к дереву, где оставил ружье, и взял его. Он радостно поднял его над собой и поразился, насколько естественно легло оно в ладонь, как будто было частью его самого, продолжением его руки.

Что-то подобное, по-видимому, и происходило с этими людьми и с их способностями. Они настолько привыкли к своим фантастическим возможностям, что воспринимали их как нечто будничное, совершенно не осознавая всего величия их.

Господи, что же это за чудо! Стоит развить их таланты, и через какие-нибудь сто лет не понадобится теперешнее косноязычное радио, его заменят телепаты, вся страна будет окутана сетью коммуникаций, не подвластной ни разрушениям, ни состояниям атмосферы,— умная, гуманная система связи, без всяких ограничений, неизбежных в электронных системах.

Исчезнут и грузовики с появлением телепортеров, которые легко, быстро и спокойно, без всяких проволочек и задержек будут переправлять суда от одного побережья к другому и в любые точки Земли, и опять же ни погода, ни состояние дорог не будут служить им помехой.

И это совсем немногое из великолепных картин, подсказанных ему воображением. Что тут говорить обо всех остальных — отчасти уже известных, отчасти подразумеваемых и отчасти пока невыполнимых?

Он вышел на дорогу и остановился в задумчивости. Куда двинулся тот стан, где их спрашивали, нет ли среди них инженера по ракетам? И где-то рядом с ним был тот, в котором интересовались химиком, потому что ребята что-то там химичили над горючим, а взрослые боялись от этого взлететь на воздух. И еще его мучила мысль, где бы ему достать такелажника. А еще бы лучше — хорошего, на все руки телепата.

Не такие уж грандиозные планы, признался он себе. Но для начала хватит.

— Подарите мне десять лет,— проговорил он.— Я прошу всего десять лет.

Но даже если у него оставалось всего два года, он должен был начать. Ведь если он хотя бы начнет, потом найдется кто-нибудь, кто продолжит его дело. Кому-то нужно начать. И именно он подходит для этой роли как человек, обладающий объективным взглядом на этот неокочевой мир в свете исторического прошлого. И ведь таких, как я, сохранилось не так уж много, подумал он.

Ему предстоит нелегкая работенка, он это знал, но считал, что дело свое знает хорошо.

И он пошел по дороге, весело насвистывая.

Вроде и дело не такое уж большое, но если удастся осуществить его, это будет сенсация. Стоит только сделать это, и каждый стан будет шпионить, интриговать, обманывать и пускаться во все тяжкие, чтобы овладеть тайной.

А пока, насколько он понимал, ему самому придется заняться чем-то вроде этого, чтобы хоть немного просветить их, чтобы они в конце концов поняли, какой силой владеют, нужно заставить их задуматься над тем, как использовать их необычайные возможности, что произросли на почве социума.

Но все же — где тот стан, в котором нуждались в инженере по ракетам?

Где-то возле этой вот дороги, дороги пыльной, наводившей на него когда-то уныние, но не теперь.

Нужно пройти какую-то часть этой дороги. Не так уж далеко — каких-нибудь сто или двести миль. А может, и больше?

Он шагал вперед, пытаясь вспомнить. Но не просто было это сделать. Столько дней промелькнуло и столько станов. Дорожные ориентиры, подумал он, я всегда хорошо запоминал дорожные ориентиры. Но кругом их было слишком много.

11

Он все продолжал свой путь, останавливаясь во встречных станах, и на свой вопрос везде получал один и тот же ответ:

— Ракеты? Да нет, на кой они? Какому дураку нужны нынче ракеты?

И у него стали уже возникать сомнения — а был ли вообще такой стан, в котором проявили заинтересованность в инженере по ракетам? Действительно, какому дураку нужны нынче ракеты? Какая от них польза?

Его вопрос уже опережал его — то ли благодаря телепатии, то ли радио, то ли слухам,— но скоро он стал легендой. И он вдруг увидел, что его уже ждут, как будто предупрежденные, и встречали его везде одним и тем же приветствием, которое уже звучало как шутка:

— Не вы ли тот джентльмен, который ищет ракету?

Но именно это шутливое приветствие и легенда о нем сделали его своим среди них; однако, превратившись в одного из них, он оставался и сторонним наблюдателем: он видел величие, которого они не замечали, величие, сознание которого он должен был — *должен был!* — пробудить в них. Но ни слова, ни проповеди не способны были оживить в них это чувство.

Вечерами он, бывало, сидел с ними за общими беседами, спал с ними в трейлерах, если ему находилось место, помогал

им по мелочам и слушал их побасенки. И сам рассказывал их. И при этом все чаще возникало в нем ощущение чего-то неординарного, чуждого, но теперь, когда он немного разобрался в природе этого явления, не тревожился больше, а иногда даже, оглядев кружок собеседников, вычислял того, кто возбуждал в нем это ощущение.

По ночам, лежа в постели, он много думал надо всем этим, и в конечном счете кое-что прояснилось для него.

Человек, даже, может быть, пещерный, всегда обладал этими способностями, но тогда, как и теперь, Человек не понимал своей силы и не развивал этого качества в себе. Он предпочел совсем другой путь прогресса — не разум совершенствовал он, а свои руки, и построил удивительную, потрясающую культуру — культуру машин. Своими руками и самоотверженным трудом он построил огромные, сложные машины, которые могли делать то, что сам мог бы делать всего лишь усилием собственного разума, догадайся он в свое время сделать правильный выбор. Но он предпочел упрятать способности разума за делами рук своих, за изобретениями, а потом, пытаясь определить свой менталитет, насмешками дискриминировал тот самый желанный дар, которого искал.

То, что в конце концов произошло, рассуждал Эмби, вовсе не причуда какая-то в развитии человечества, появление этого было так же неизбежно и необходимо, как появление солнца. Это было всего лишь возвращение на тропу, по которой и надлежало Человеку идти по мере своего развития. Заблуждавшееся на протяжении многих веков человечество снова оказалось на верном пути. И даже если бы никакой децентрализации не произошло и прежняя культура оставалась бы незыблемой, рано или поздно это случилось бы, потому что в самой технологии есть такой пунктик, на котором она обязательно должна была прекратить свое существование. Машины все увеличивались в объемах, все усложнялись. Наступала сверхусложненность, которая была обречена на гибель как в машинах, так и в жизни.

Децентрализация ускорила процесс примерно на тысячу лет, но вся ее заслуга только в этом и состояла.

Но и здесь опять Человек изобрел умные — пошлые — слова, чтобы приглушить блеск того, чего он не мог постичь. Телекинетиков обозвали такелажниками, телепатов — фиксаторами, или болтунами, способность передвигать пространство на не-

большой промежуток в будущее нарекли вторым видением, а того, кто это делает,— водилой. А ведь существовало множество всяких других способностей — неопознанных, едва угадываемых,— они все вместе, без разбору шли под маркой «магия». Но не в названиях дело. Банальное, упрощенное слово служило в конечном счете не хуже, чем научная терминология, и даже могло бы служить более легкому восприятию явления. Но на сей раз самое главное заключалось в том, чтобы люди не отказались от вновь обретенных талантов, не утратили их. Нужно, обязательно нужно, чтобы случилось что-то такое, что повергло бы людей в шок и заставило бы их правильно оценить свой дар.

Так он шел от стана к стану, и не было нужды задавать свой вопрос, потому что вопрос опережал его самого.

Шел он по дороге, живая легенда, и тут услышал другую легенду — о человеке, который, переезжая из стана в стан, везде своим лекарством излечивал людей.

Вначале он отнесся к этому, как к очередной побасенке, но все чаще и чаще слышал легенду и наконец набрел на стан, где лекарь был за неделю до него. В этот вечер, сидя у костра, он услышал удивительные истории.

— Вот, к примеру,— рассказывала ему одна старуха,— миссис Купер, она страдала много лет. Все время болела. Целыми днями валялась в постели. Желудок уже ничего не принимал. А потом выпила бутылку этого снадобья, и все как рукой сняло. Посмотрели бы вы на нее — веселая, как птичка.

Старик по другую сторону костра согласно кивнул.

— Я страдал ревматизмом,— сказал он.— Казалось, никогда от него не избавлюсь. Слабость в ногах денно и нощно. Наш доктор уже ничего не мог поделать. Выпил я эту бутылочку и...

Он встал и в подтверждение сказанного ловко станцевал джигу.

И не только в этом — в двадцати других станах он слышал подобные рассказы о тех, кто вставал с одра и начинал ходить; болезни отступали, на другой же день прекращались боли.

Ну вот и еще один из них, сказал себе Эмби. Еще один маг. Человек, у которого даже в кончиках пальцев заложено искусство врачевания. И нет им конца, подумал он.

И наконец он повстречал того лекаря.

Как-то в сумерки, в послеобеденный час, когда посуда уже убрана и люди располагаются вокруг костра и начинают свои

разговоры, он подошел к стану и никого в нем не обнаружил. Возле трейлеров не было ни души, только одна-две собаки вылизывали консервные банки; улочки, образованные трейлерами, были настолько пустынны, что в ответ на каждый звук раздавалось эхо.

Он стоял в центре стана и думал, не закричать ли, чтобы как-то привлечь к себе внимание, но остерегся. Внимательно осмотрелся вокруг — так внимательно, что ни малейшее движение не осталось бы незамеченным. И тут увидел свет в южном конце стана.

С особой осторожностью он двинулся по направлению к свету и, еще не достигнув его, услышал говор толпы. На мгновение он остановился, сомневаясь, стоит ли идти дальше, но все же медленно пошел.

Наконец за станом, на опушке рощи, он увидел людей. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и смотрели на одинокий трейлер перед собой. Сцену освещали с полдюжины воткнутых в землю осветительных патронов.

На ступеньках лесенки, что вела в трейлер, стоял человек, его голос едва долетал до Эмби, но как ни тих и неразборчив был этот голос, что-то в нем показалось очень знакомым. Оставаясь на месте, Эмби вспомнил вдруг свое детство и маленький городок, о котором он не вспоминал уже давным-давно, и звуки банджо, и беготню по улицам. Как же было весело, подумал он, и сколько было всяких разговоров. Он вспомнил, как старая леди Эдамс клялась на своем амулете, который некогда приобрела на выставке, а теперь терпеливо ждала, когда в город опять приедут с выставкой, чтобы приобрести там еще амулет. Но выставка так и не приехала.

Он стал пробираться сквозь толпу поближе к трейлеру, какая-то женщина повернулась к нему и прошептала истово: «Это он!» — как если бы это был сам Всевышний. И снова вся обратилась в слух.

К этому времени оратор на ступеньках трейлера достиг апогея. Голос его не был громким, но увлекал, были в нем и спокойствие и пафос одновременно, но при этом еще и человечность и властность.

— Друзья мои,— говорил он,— я простой человек, не больше того. И не хочу, чтобы вы принимали меня за кого-нибудь другого. Не хочу и обманывать вас, говоря, что я что-то там

особенное, потому что ничего подобного нет. Я даже говорить-то не умею правильно. И грамматики я не знаю. Впрочем, наверно, и среди вас есть немало таких, кто слаб в правописании, и мне кажется, многие поймут меня, так что все в порядке. Я мог бы спуститься к вам, в толпу, и разговаривать с каждым из вас по отдельности, но вы услышите лучше, если я буду говорить с вами отсюда, со ступенек. Не от желания важничать перед вами — не поэтому я взобрался сюда, повыше. Я не ставлю себя выше вас.

Ну вот, я сказал вам, что не собираюсь дурить вас. Я скорее вырву свой язык и брошу его на съедение свиньям, если скажу хоть одно слово лжи. Так что я не собираюсь превозносить до небес свое лекарство. Я просто начну с вами дела честь честью. Должен сказать вам, что я даже не врач. Никогда не учился медицине. И не понимаю в ней ничего. Я так думаю: я всего лишь посыльный — значит, тот, кто приносит новое.

С этим лекарством связана целая история, и, если вы еще не собираетесь расходиться, я расскажу ее вам. Началось все очень давно, и кое во что сейчас даже трудно поверить, но мне хотелось бы, чтобы вы поверили, потому что тут каждое слово — правда. Прежде всего я должен рассказать вам о своей старенькой бабушке. Много лет прошло с тех пор, как она умерла, царство ей небесное. И не знаю я женщины лучше и добрее, чем она; помню, был я тогда совсем пацаном...

Эмби отошел в сторонку и улегся прямо на землю.

«Какой наглец! — подумал он.— И сколько нахальства!»

Когда все кончилось, когда все бутылки до последней были распроданы, когда люди вернулись в стан, а владелец лекарства собирал с земли осветительные патроны, Эмби встал и подошел к нему.

— Здравствуй, Джейк,— сказал он.

12

— Ах, док, должен вам признаться,— сказал Джейк,— что я был просто прижат к стенке. Ничто нам не светило. Не было денег на горючее, не было еды, а просить милостыню не так уж приятно. И в этом отчаянном положении я начал думать. И решил, что, если человек всю свою жизнь был честен, это не значит, что таким он должен оставаться вечно. Но и в бесчестье я никак не мог найти свою выгоду, не мог придумать, как оно поможет нам прожить — разве что воровством, но это опасно. Хотя я уже готов был на самое худшее.

— Верю,— сказал Эмби.

— О док,— взмолился Джейк,— и что вы все дуетесь? Какой вам смысл злиться? Мы раскаялись уже в тот момент, когда уехали от вас; мы хотели почти сразу повернуть назад и вернулись бы, да я побоялся. И все-таки — все ведь обернулось к лучшему.

Он слегка покрутил баранку, чтобы объехать камень на дороге.

— Так-то вот, сэр,— продолжал он.— В жизни все получается совсем не так, как думаешь. Только покажется тебе, что все, ты тонешь, как тебя подхватывает какая-то волна. Остановились мы как-то вот у этой реки половить рыбки, а детишки нашли мусорную кучу и давай в ней рыться — ну, вы же знаете, как это бывает. И нашли целую кучу бутылок — четыре или пять дюжин,— и все совершенно одинаковые. Я представил себе человека, который волочил их с трудом на помойку. Я сидел, смотрел на бутылки — других дел у меня тогда не было — и соображал, смогу ли я пустить их в прибыльное дельце или они просто займут место в трейлере, и я зря поволоку их с собой. И тут будто что-то кольнуло меня. Все они были грязные, а некоторые — с отбитым горлышком, но мы взяли и перемыли их, отполировали и...

— Скажи мне, что ты налил в бутылки?

— Ладно уж, док, вам я скажу все как есть; я не помню, чем я пользовался в первой партии.

— Насколько я могу судить, к лекарствам ваша смесь никакого отношения не имела.

— Док, да у меня нет никакого представления о том, из чего делаются лекарства. Единственное, чего я опасался, это чтобы в бутылки не попало ничего такого, от чего люди могли бы умереть или серьезно заболеть. Но требовалось, чтобы оно было горьким, иначе они решат, что снадобье так себе, неважное. Мерт, она сначала так волновалась, а сейчас ничего, привыкла. Особенно с тех пор, как люди стали заявлять, что снадобье им помогает, хотя, сказать по совести, никак не могу понять, почему, елки зеленые, оно им помогает. Док, ради всего святого, скажите, как эта гадость может им помочь?

— Она им и не помогает.

— Но люди твердят, что помогает. Вот была тут одна старушонка...

— Это связано с верой,— сказал Эмби.— Они живут в мире магии и готовы поверить во что угодно. Они просто жаждут чуда.

— Так вы считаете, что это у них в голове?

— Все, до последней капли. Они не имеют никакого представления о том, что такое ложь, обман, иначе у тебя никогда ничего не вышло бы, они принимают на веру все твои слова. Они пьют твое снадобье и при этом так глубоко верят в то, что оно поможет, что оно действительно им помогает. Им никогда не забивали мозги мощными рекламными воззваниями, по крайней мере до известного возраста. Они не знают, что такое мошенничество, вранье или угроза. Поэтому они так легко верят всему.

— Да, пожалуй, так оно и есть,— согласился Джейк.— Я рад, что узнал об этом, а то что-то не давало мне покоя.

На заднем сиденье дети устроили очередную потасовку, Джейк прикрикнул на них, но они продолжали свою возню. Все было совсем так же, как в прошлые времена.

Эмби удобно откинулся на спинку сиденья, наблюдая за всем, что мелькало за окнами трейлера.

— Ты точно помнишь, где находится этот стан?

— Прямо вижу его перед собой, будто это было только вчера. Помню, как смешно эти парни говорили, что им нужен инженер по ракетам. И зачем он им?

Он сбоку посмотрел на Эмби.

— И что за охота на вас напала непременно найти именно тот стан?

— Есть идея,— ответил Эмби.

— А знаете, док, у меня тоже есть идея: почему бы нам, раз уж мы снова вместе, не составить одну команду. Вы с вашей седой головой и умением так много и складно говорить...

— Об этом забудь,— сказал Эмби.

— И чего плохого вы в этом углядели? — удивился Джейк.— Мы устроили такое шоу! Ведь именно с этого все и началось и привлекло их ко мне. У них ведь теперь жизнь совсем не та, что была раньше,— ни тебе телевизора, ни кино, ни бейсбольных сражений, ничего такого нет. Не слишком-то развлечешься в

нынешнее время, и даже просто послушать нас они обязательно придут.

Эмби ничего не ответил.

Это хорошо, что мы опять вместе, думал он. Следовало бы рассердиться на Джейка, но он не мог сердиться. Они все так искренне обрадовались, увидев его,— даже дети и Мерт — и так старались загладить свою вину.

А случись им снова оказаться в подобной ситуации, и Джейк решит, что им выгоднее уехать от него, они так же точно бросят его. Но сейчас ему было хорошо с ними, и они ехали туда, куда ему было нужно. Он был доволен. Сколько еще времени промаялся бы он в поисках нужного стана, не подвернись ему Джейк с трейлером, подумал он. Да и вообще весьма сомнительно, что он сам смог бы отыскать его.

— А знаете,— продолжал разговор Джейк,— я тут надумал: почему бы мне в конгресс не податься? Мой лекарский опыт дал мне немалую практику публичных выступлений, и я придумал уловку, на которой я бы хорошо сыграл,— запретить дорожный налог. Ничто другое так не раздражает наш народ, как эти налоги.

— Тебя не примут в конгресс,— сказал Эмби.— У тебя нет постоянного местожительства. Ты даже не принадлежишь ни к какому стану.

— Вот об этих вещах я как-то не подумал. Может, если я немного поживу в одном из станов...

— Да нельзя запретить подорожный налог, если хочешь, чтобы дороги содержались в порядке.

— Наверное, вы правы, док, но ведь это позор — так докучать людям этим дорожным налогом. Они ужасно раздражены.

Он взглянул на часы.

— Если ничего не случится,— сказал он,— будем в вашем стане завтра к вечеру.

13

— Она не заработает,— заявили они.

Но он и раньше знал, что они так скажут.

— Она не заработает, если вы не скооперируетесь,— сказал Эмби.— Чтобы задействовать ее, нужно горючее.

— У нас есть горючее.

— Оно не годится,— возразил Эмби.— Оно негодное... А вот в соседнем стане получают горючее...

— Вы хотите, чтобы мы с протянутой рукой...

— Зачем же с протянутой рукой? У вас есть кое-что; у них тоже есть кое-что. Почему бы вам не наладить торговлю?

Они переваривали услышанное, сидя вокруг костра под старым дубом, что рос посреди стана. Он наблюдал за процессом переваривания, за их грубыми, озабоченными лицами, морщинистыми лицами янки девятнадцатого века, за их сжатыми между колен руками с глубоко въевшейся в них грязью и машинным маслом.

Их окружали трейлеры с прицепами, сушившееся на веревках белье, женские и детские лица, выглядывавшие из окон и дверей, на удивление молчаливые: проходил очень важный совет, и они знали свое место.

А за трейлерами возвышались корпуса завода сельскохозяйственных машин.

— Должен вам сказать, мистер,— начал агент по труду,— эти ракеты не более как наше хобби. Было такое дело: ребята нашли где-то книги о них, заинтересовались. А через некоторое время весь стан читал их и загорелся идеей. Но это для нас все равно что бейсбол или соревнования по стрельбе. Не такие уж мы одержимые. Дело это для нас вроде забавы.

— А если бы вы смогли пользоваться этими ракетами?

— Никаких предубеждений против использования ракет у нас нет и не было, но сначала нужно серьезно это обдумать.

— Вам понадобится несколько такелажников.

— У нас есть такелажники, у нас их много. Мы можем поднимать все что угодно. С их помощью мы снизили себестоимость продукции и теперь можем платить им столько, сколько они пожелают. Они работают у нас в основном в сборочном цехе.

Поднялся один из тех, кто помоложе.

— Есть один вопросик в связи с этим. Такелажник может поднять самого себя?

— А почему бы нет?

— Предположим, вы берете кусок трубы. Без всяких усилий вы поднимаете трубу. Но попробуйте встаньте на нее — тогда можете пыжиться сколько влезет, но с места ее не сдвинете.

— Такелажник может поднять себя, точно вам говорю,— сказал агент по труду.— У нас есть один парень в сборочном, так он летает на тех деталях, с которыми работает. Заявляет, что так у него быстрее получается.

— Ну так вот,— сказал Эмби,— посадите вашего такелажника в трейлер — как вы думаете, сможет он его поднять?

Агент по труду кивнул.

— Запросто.

— И управлять им? И приземлиться, не взорвавшись?

— Конечно.

— Но все равно — далеко-то он не уедет. Скажите-ка, какое расстояние он может преодолеть?

— Ну, миль так пять... или десять. Это только выглядит, что ему все это нипочем, а на самом деле это для него большой труд.

— Но если снабдить трейлер ракетным двигателем, тогда такелажнику останется только поддерживать его на весу. Под силу это ему?

— Ну, точно я не скажу,— ответил агент по труду,— но, пожалуй, это для него не такой уж большой труд. Он хоть целый день может держать его в подвешенном состоянии.

— А если что-нибудь случится — например, загорится ракета,— он сможет посадить трейлер на землю невредимым?

— И посадит.

— Тогда чего ж это мы зря время теряем?

— Мистер, к чему вы ведете?

— К летающим станам,— сказал Эмби.— Неужели вы все еще ничего не поняли? Предположим, вы захотели перебраться на другое место или просто отправиться на отдых. Тут весь стан поднимается в воздух, и почти в тот же миг вы оказываетесь на месте.

Агент по труду потер подбородок.

— Может, так и будет,— допустил он.— Скорее всего, получится. Но чего ради нам суетиться? Если мы задумаем куда-нибудь поехать, мы соберемся и поедем. А торопиться нам некуда.

— И в самом деле,— подтвердил кто-то из присутствующих,— нам-то чего ради во все это влезать?

— Ну, хотя бы из-за дорожного налога,— сказал Эмби.— Если вы не будете пользоваться дорогами, то и дорожный налог вам не придется платить.

В наступившей тишине он оглядел всех и понял, что он их достал.

ВАН ГОГ КОСМОСА

Планета была столь незначительной и находилась в такой космической глуши, что не имела названия, а только кодовое обозначение и номер, которые определяли ее местонахождение. У деревни же название было, но ни один человек при всем старании не мог произнести его правильно.

Перелет с Земли на эту планету стоил немалых денег. Вернее, не «перелет», а обычное полтирование. Однако, чтобы получить информацию, необходимую для уточнения координат этого полтирования, следовало изрядно раскошелиться: та планета находилась настолько далеко от Земли, что компьютеру нужно было произвести расчеты по высшему разряду — с точностью до одной десятимиллионной. В противном случае вы могли материализоваться эдак в миллионе миль от пункта назначения, в неизведанных глубинах космоса; или же, если вы все-таки оказывались неподалеку от намеченной планеты, материализация могла произойти в тысяче миль над ее поверхностью либо, что еще хуже, под поверхностью, на глубине в двести-триста миль. И то и другое было, естественно, крайне неудобно, а вернее — неизбежно приводило к гибели.

Ни у кого во всей Вселенной, за исключением Энсона Лэтропа, не возникало желания посетить эту планету. А Лэтроп должен был побывать на ней, потому что именно там ушел из жизни Рибен Клэй.

Итак, он отвалил солидную пачку купюр за то, чтобы ему помогли постичь нравы и обычаи аборигенов и обучили их языку, и еще мешок банкнотов за вычисление параметров своего

© Перевод С. Васильевой.

полтирования на эту планету, а также обратного — для возвращения оттуда на Землю.

Он появился там около полудня, но материализовался не в самой деревне — для этого было недостаточно даже расчета с точностью до одной десятимиллионной,— а, как выяснилось позже, не более чем в двадцати милях от нее и футах в двенадцати над поверхностью планеты.

Он поднялся на ноги, стряхнул с одежды пыль и мысленно поблагодарил свой рюкзак, который уберег его от ушибов при падении.

Поверхность планеты, во всяком случае та ее часть, которая представилась его взору, выглядела довольно-таки уныло. Стоял пасмурный день, и окружавший Лэтропа ландшафт был настолько бесцветным, что трудно было различить границу между линией горизонта и небом. Вокруг него простиралась равнина без единого дерева или холма — только кое-где виднелись чахлые заросли какого-то кустарника.

Он упал неподалеку от тропинки и решил, что ему повезло, поскольку из той информации, которой его напичкали на Земле, следовало, что на этой планете не было никаких дорог, да и протоптанные дорожки попадались весьма редко.

Он подтянул ремни рюкзака, покрепче укрепил его и зашагал по этой тропинке. Пройдя около мили, он увидел изъеденный непогодой столб с указательным знаком, и хотя Лэтроп не был до конца уверен, что разобрался в нацарапанных на дощечке символах, из надписи вроде бы следовало, что он идет не в ту сторону. И он повернул назад, надеясь, что правильно понял текст на дорожном знаке.

Уже смеркалось, когда он добрался до деревни,— он прошел в полном одиночестве много миль, не встретив ни души, если не считать какого-то странного свирепого на вид животного, которое, словно ошеломленное появлением незнакомца, поднялось на задние лапы и издало резкий свистящий звук.

Да и в самой деревне он увидел немногим больше.

Как Лэтроп представлял, эта деревня более всего напоминала обиталище стаи степных собак — такие поселения этих животных встречаются на его родной планете, Земле, в западной части Северной Америки.

На окраине деревни он заметил участки возделанной почвы, на них росли какие-то незнакомые ему растения; на некоторых

делянках в сгущающихся сумерках копошились маленькие, похожие на гномов фигурки. Когда он окликнул их, они лишь взглянули на него и снова принялись за работу.

Он пошел по единственной в деревне улице, которая была чуть пошире хорошо утоптанной тропы, пытаясь угадать, почему перед лазом в каждую нору, которые тянулись по обе стороны улицы, возвышались холмики земли, извлеченной в процессе рытья. Все эти холмики выглядели почти одинаково, а лазы в норы практически ничем не отличались друг от друга.

То там, то здесь перед этими норами играли крошечные гномики — Лэтроп предположил, что это дети, а когда приблизился к ним, они быстро юркнули в темные лазы и больше не показывались.

Он прошел всю улицу до конца и остановился. Невдалеке перед ним возвышался холм побольше, на котором стояло нечто вроде грубого обелиска, похожего на обрубок копья, точно указующий перст нацеленного в небо.

Это его несколько удивило, ибо в полученной им на Земле информации не упоминались ни памятники, ни какие бы то ни было культовые сооружения. Однако он сообразил, что в сведениях о такой планете наверняка есть пробелы: не так уж много известно о ней и ее жителях.

Однако почему не допустить, что у этих гномов есть своя религия? На других планетах то и дело прослеживались зачатки верований. В ряде случаев они зарождались на самой планете, а иногда это были пережитки культов, привнесенных извне — с Земли или с каких-нибудь планет других солнечных систем, где некогда процветали могущественные религии.

Он повернулся и зашагал по улице назад. Посреди деревни он остановился. Никто не вышел ему навстречу, и он сел на тропу и стал ждать. Из рюкзака он вытащил пакет с завтраком, поел, напился воды из термоса, который прихватил с Земли, и задумался над тем, почему Рибен Клэй решил провести последние дни своей жизни в таком унылом месте.

Этот вопрос возник у него не потому, что в этой планете он усмотрел какое-то несоответствие с личностью Клэя. Напротив. Все здесь выглядело предельно скромно, а Клэй был человеком скромным, замкнутым; когда-то его даже прозвали Ван Гогом Космоса. Он жил больше своей внутренней жизнью, чем жизнью Вселенной. Он не искал ни славы, ни оваций, хотя мог

претендовать и на то и на другое. Порой даже казалось, что он бежит от них. Всю свою жизнь он производил впечатление человека, который пытается от всех скрыться. Человека, который от чего-то убегает, или, наоборот, за чем-то гонится, человека ищущего, которому никак не удается завладеть тем, что он пытается найти. Лэтроп покачал головой: трудно определить, кем на самом деле был Клэй — охотником или преследуемой добычей. Если добычей, то чего он боялся, от чего бежал? А если охотником, то за кем гнался, что искал?

Лэтроп услышал какое-то тихое шарканье и, повернув голову, увидел, что по тропе к нему идет одно из гномоподобных существ. Он понял, что это старик. Поседевший волосяной покров на его теле казался серым, а когда он подошел ближе, Лэтроп разглядел и другие признаки старости: слезящиеся глаза, морщинистую кожу, поникшие кустики бровей, скрюченные пальцы рук.

Существо остановилось перед Лэтропом и заговорило, и тот понял его.

— Да будут зорки ваши глаза, сэр. (Не «сэр», конечно, а самый близкий по смыслу перевод этого слова.)

— Да будет острым ваш слух,— отозвался Лэтроп.

— Крепкого вам сна.

— Приятного вам аппетита,— продолжал Лэтроп.

Когда наконец все добрые пожелания были исчерпаны, гном внимательно оглядел Лэтропа и произнес:

— Вы похожи на того, другого.

— На Клэя,— уточнил Лэтроп.

— Только вы моложе,— сказал гном.

— Моложе,— согласился Лэтроп.— Но не намного.

— Верно,— вежливо согласился гном, словно желая доставить этим собеседнику удовольствие.— И вы не больной.

— Да, я здоров,— сказал Лэтроп.

— Клэй был больной. Клэй... (Не «умер». Слово скорей переводилось, как «прекратился» или «иссяк», но смысл его был ясен.)

— Я знаю. Я пришел, чтобы поговорить о нем.

— Он жил с нами,— произнес гном.— Мы были рядом с ним, когда он... (Умер?)

А давно ли это произошло? Как спросить «давно ли»? Лэтроп вдруг смешался, осознав, что в языке этих гномов не было слов,

подходивших по смыслу для обозначения продолжительности отрезка времени. Глаголы в нем, конечно, употреблялись в настоящем, прошедшем и будущем времени, но не было ни одного слова для измерения протяженности времени или пространства.

— Вы...— (Не было слов, переводимых, как «похоронить» и «могила».) — Вы закопали его в землю? — спросил Лэтроп.

Он почувствовал, что этот вопрос привел гнома в ужас.

— Мы... его.

Съели его? — мучительно соображал Лэтроп. На Земле, да и на некоторых других планетах жили в древности племена, которые поедали своих усопших, воздавая тем самым покойникам высшую почесть.

Но это не было слово «съели».

Тогда что же они сделали с Клэем? Сожгли? Повесили? Куда-то забросили?

Нет. Ни то, ни другое, ни третье.

— Мы... Клэя,— настойчиво повторил гном.— Он так хотел. Мы любили его. Мы не могли сделать для него меньше, чем он просил.

Лэтроп с благодарностью поклонился.

— Этим вы оказали честь и мне тоже.

Гном вроде бы несколько успокоился.

— Клэй был безвредный,— произнес он.

«Безвредный» — не совсем точный перевод. Быть может, «мягкий». «Не жесткий». Да еще «слегка чокнутый». Естественно, что из-за психологической несовместимости, недопонимания любой пришелец не может не показаться аборигенам «слегка чокнутым».

Словно прочтя его мысли, гном проговорил:

— Мы не понимали его. У него были какие-то вещи, и он называл их «кистекраски». Он делал ими полоски.

Полоски?

Кистекраски? Ну конечно же — кисти и краски.

Полоски? И это понятно — ведь местные жители видели все в одном цвете. Для них живопись Клэя, вероятно, была лишь совокупностью «полосок».

— Он их делал здесь, у вас?

— Да. Здесь.

— Интересно! А можно мне взглянуть на эти полоски?

— Можно,— сказал гном.— Пойдемте со мной, и вы их увидите.

Они перешли улицу и приблизились к лазу в одну из нор. Согнувшись, Лэтроп стал спускаться вслед за гномом по узкому туннелю. Когда они прошли футов десять-двенадцать, туннель расширился, и они очутились в комнате — некоем подобии вырытой в земле пещеры.

В этой пещере было относительно светло. Но свет был неяркий, слабый — его испускали небольшие кучки какого-то вещества, разложенного по грубой работы глиняным мискам, которые стояли на земле.

Это гнилушки, подумал Лэтроп. Фосфоресцирующее гнилое дерево.

— Вот,— сказал гном.

Картина была прислонена к одной из стен комнаты-пещеры, чужеродное яркое пятно в этом странном месте. Обычную картину при слабом свете, испускаемом гнилушками, рассмотреть было бы трудновато, но эти мазки, оставленные кистью на холсте, казалось, светились сами по себе, и создавалось впечатление, будто этот красочный прямоугольник — окно в какой-то иной мир, находящийся вне сумрака едва освещенной гнилушками пещеры.

Когда Лэтроп вгляделся в вертикально стоящее полотно, ему показалось, почудилось, что свечение красок усилилось и картина постепенно как бы прояснилась и стала видна незаконченность мазков. Да это же не свечение, подумал Лэтроп. Это сияние.

Тут было все — высокое мастерство живописца, искусное сочетание сдержанности и недосказанности, деликатная манера письма и пронзительная яркость цветовой гаммы. И что-то еще — ощущение радости, но не торжествующей, а тихой.

— Он не закончил эту работу,— произнес Лэтроп.— Ему не хватило... (Не было слова, чтобы перевести слово «время».) Он (иссяк?), не успев ее закончить.

— Иссякли его кистекраски. Он сидел тут и смотрел на свои полоски.

Так вот в чем причина! Вот почему картина не закончена. У Клэя не осталось красок, а где и как мог он пополнить свой запас? Да и времени на поиски, наверно, уже не было.

И Рибен Клэй сидел в этой пещере и смотрел на свое последнее творение, зная, что больше ничего не напишет, и понимая, что нет никакой надежды закончить это великолепное полотно. Впрочем, сам Клэй, скорее всего, не считал эту картину великолепной. Для него создаваемые им живописные полотна всегда были лишь способом самовыражения. С их помощью он выплескивал наружу то, что таилось в глубине его души и ждало воплощения в произведении искусства, которое увидит Вселенная,— так Клэй общался со своими братьями по духу.

— Отдохните,— сказал гном.— Вы устали.

— Спасибо.

И Лэтроп сел напротив картины на плотно утрамбованный земляной пол, прислонившись спиной к стене.

— Вы его знали? — спросил гном.

Лэтроп отрицательно покачал головой.

— Но вы же пришли сюда, чтобы с ним повидаться.

— Я искал того, кто бы мне о нем рассказал.

Каким образом можно объяснить этому гномику, что именно так заинтересовало его в личности Клэя, почему он шел по его следу, когда вся Вселенная уже предала его забвению? Как можно растолковать это таким вот аборигенам, видевшим все в одном цвете и наверняка не имевшим никакого представления о том, что такое живопись,— разве им объяснишь, каким великим художником был Клэй? Разве расскажешь о совершенстве техники его письма, удивительном чувстве цвета, почти сверхъестественной способности к проникновению в суть окружавшего его предметного мира? О способности к познанию истины и воплощению ее в своих живописных произведениях — причем не какого-нибудь одного ее аспекта, а целиком, во всех ее ипостасях, в присущей ей цветовой гамме; о способности передать смысл и настроение изображаемого с такой точностью, что достаточно было взглянуть на его творение, чтобы все понять.

Быть может, поэтому-то я и искал его, подумал Лэтроп. Быть может, поэтому я потратил двадцать земных лет и кучу денег, чтобы побольше узнать о нем. Монография, которую я когда-нибудь напишу, будет лишь слабой попыткой осмыслить цель моих поисков, логическим обоснованием моего труда. Но главные усилия я вложил в поиски истины. Да, это окончательный ответ — я пытался познать ту истину, которая открылась ему и

которую он отобразил в своих творениях. Ведь и я некогда тоже к этому стремился.

— Колдовство,— сказал гном, глядя на картину.

— В некотором роде,— согласился Лэтроп.

Возможно, именно поэтому они так тепло отнеслись к Клэю, надеясь, что его умение колдовать в какой-то мере распространится и на них, принесет удачу. Но, скорее всего, они не приняли его безоглядно, ибо Клэй не был тем простодушным, духовно однозначным человеком, которого могли бы полюбить такие примитивные существа.

Вероятно, кончилось тем, что они стали относиться к нему как к своему соплеменнику, быть может, и не помышляя взимать с него плату за жилье и пищу. Не исключено, он немного работал с ними в поле и занимался каким-нибудь несложным ремеслом. Но в сущности Клэй был здесь лишь гостем, ибо ни один инопланетянин не сумел бы приспособиться к такой отсталой экономике и культуре.

Они оказали ему помощь в последние дни его жизни, ухаживали за ним умирающим, а когда он скончался, из уважения к нему воздали его телу какие-то особые почести.

Что же означало то слово? Лэтроп не мог его припомнить. Обучение, которое он прошел на Земле, оставляло желать лучшего: скудный словарный запас, пробелы в информации, то и дело ставившие его в тупик, что естественно, раз уж он оказался на подобной планете.

До него вдруг дошло, что гном ждет, чтобы он объяснил ему суть этого колдовства, причем объяснил лучше, чем сам Клэй. А может, Клэй и не пытался им что-либо объяснить, ибо вполне вероятно, что они его ни о чем не спрашивали.

А гном все ждал, надеясь, что Лэтроп растолкует ему особенность этого колдовства. Ждал молча, ибо не осмеливался спросить его напрямую. Ведь не принято выспрашивать инопланетян, как именно они колдуют.

— Это... (в его бедном словарном запасе не было слова, означавшего «картина»)... это место, которое видел Клэй. Он захотел показать его, оживить, рассказать вам и мне, что он там увидел... Ему хотелось, чтобы мы тоже это увидели.

— Колдовство,— еще раз произнес гном.

Лэтроп отказался от дальнейших объяснений. Это было бесполезно. Ведь для такого аборигена творчество Клэя — не более

чем колдовство. Пусть уж для него это останется колдовством. Колдовством, да и только.

На этом полотне Клэй изобразил долину, по которой в тени стройных, строгих деревьев, почти слышимо журча, протекал ручей, и все это купалось в каком-то необычном свете — но не солнечном, что лился на долину сверху. И нигде ни одного живого существа, что было характерно для творений Клэя, ибо как пейзажист он не писал ни людей, ни каких-либо иных существ инопланетного происхождения.

Счастливый уголок, подумал Лэтроп, но в этом счастье чувствуется какая-то торжественность, даже суровость. Словно он создан для того, чтобы бегать и смеяться, но бегать не слишком быстро, а смеяться вполголоса. Этот пейзаж вызывал какое-то безотчетное благоговение.

— Клэй видел много мест,— сказал Лэтроп гному.— И показал их на... (опять нет слов, чтобы сказать на языке аборигена «холст», «доска» или «полотно»)... на этой равнине. Он побывал на множестве разных планет и постарался своими полосками показать на таких вот равнинах их... (нет слова «настроение»)... как они выглядят.

И снова гном произнес:

— Колдовство. Клэй был могущественным колдуном.

Он прошел к дальней стене комнаты и поворошил в примитивной глиняной печи торфяные брикеты.

— Вы голодный,— сказал он.

— Я недавно поел.

— Вы должны поесть и с нами. Сейчас придут остальные. Уже слишком темно для работы в поле.

— Хорошо, я поем с вами,— согласился Лэтроп, ибо ему следовало разделить с ними трапезу. Для того чтобы его миссия увенчалась успехом, он должен сблизиться с ними. Быть может, не настолько, как Клэй, но по крайней мере стать для них менее чужим, чем сейчас. Как бы ни была отвратительна их пища, он обязан отведать ее вместе с ними.

Но может статься, их еда не так уж противна на вкус. Наверняка они питаются кореньями и овощами, ведь у них есть огороды. А возможно, и маринованными или подсоленными насекомыми, да еще каким-нибудь возбуждающим, подобно алкоголю, варевом, которое он должен есть (или пить) с некоторой осторожностью.

Так что, хочет он того или нет, он должен делить с ними трапезу и ночлег и относиться к ним столь же дружелюбно и тактично, как и Клэй.

Ведь они могут многое поведать ему, рассказать то, узнать о чем он уже не надеялся: как прожил Рибен Клэй свои последние дни. А вдруг ему еще удастся получить ключ к разгадке тех «потерянных лет», которые Клэй провел неведомо где, исчезнув из его поля зрения?

Лэтроп спокойно сидел, вспоминая, как след Клэя оборвался на самом краю Галактики в немногих световых годах от планетки, на которую он только что явился. Год за годом он шел по его следу от звезды к звезде, собирая о нем сведения, беседуя с теми, кого тот встречал на своем пути, пытаясь выяснить, где находятся его живописные полотна. И вдруг этот след оборвался. Клэй покинул одну определенную планету, и никто не знал, куда он оттуда направился. Лэтроп потратил немало времени, чтобы обнаружить хоть намек на то, где мог находиться Клэй, и уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг узнал, что Клэй объявился на этой планете и вскоре умер. Но в полученной им информации Лэтроп нашел веские доказательства того, что Клэй прибыл сюда вовсе не с той планеты, где оборвался его след, а провел несколько лет в каком-то другом месте. Так что в его жизнеописании, которому посвятил себя Лэтроп, все еще оставался пробел — пробел из «потерянных лет», а сколько их было, этих лет, определить он не мог.

Кто знает, ведь не исключено, что именно здесь ему удастся найти ключ к разгадке того, где провел Клэй эти годы.

«Однако,— подумал Лэтроп,— это будет лишь конец нити, которая, возможно, приведет меня к разгадке. Не более. На точные сведения рассчитывать не приходится, ибо эти крошечные существа не имеют представления о том, что такое время и пространство».

Скорее всего, разгадка тайны кроется в самом живописном полотне, стоящем в этой пещере. Вполне вероятно, что на нем изображен уголок никому не ведомой планеты, которую посетил Клэй перед тем, как отправиться сюда умирать. Но если это так, решил Лэтроп, тогда плохи дела — ведь можно потратить три жизни, а то и больше, прочесывая планету за плане-

той в тщетной надежде найти и узнать место, которое Клэй изобразил на этом холсте.

Он наблюдал, как гном бесшумно возится у плиты: единственным звуком, который улавливал его слух, было завывание ветра в трубе и у входа в туннель, что привел их в эту пещеру. Ветер, торфянистая, поросшая какой-то невысокой травой равнина да скученные в деревушке землянки — вот и все, что здесь есть, на самом краю Галактики, на ободе огромного колеса из множества солнц. А что, собственно, мы знаем, подумал он, об этом шарике материи, точно заброшенном в глубины космоса могучей рукой какого-то игрока в гольф? Мы не знаем, когда он зародился, для чего существует и когда перестал существовать. Мы подобны слепцам, которые ищут во мраке нечто реально осязаемое, и то немногое, что нам удается отыскать, мы познаем не лучше, чем слепой — вещи в своей комнате, определяя свойства предметов на ощупь. Ибо, в сущности, мы так же слепы, как он,— мы все, все наделенные разумом существа, населяющие Галактику. И несмотря на свою вводящую в заблуждение слепоту, мы самонадеянные выскочки, ибо прежде чем попытаться проникнуть в тайны Галактики, нам следует познать самих себя.

Мы ведь еще не разобрались в себе, даже приблизительно не представляем, для чего существуем. Мы придумывали всякие теории, чтобы объяснить смысл своего бытия,— теории материалистические, используя при этом чисто логические выкладки, которые были отнюдь не так уж часты. И мы лгали себе — пожалуй, это главное, в чем мы преуспели. Мы смеялись над тем, чего не понимали, подменяя этим смехом знания, пользуясь им как щитом, чтобы прикрыть свое невежество, пользуясь им как наркотиком, чтобы заглушить в себе чувство страха. Некогда мы искали утешения в мистицизме, отчаянно сражаясь против каких бы то ни было его объяснений, ибо мистицизм давал нам утешение, пока оставался мистицизмом, то есть чем-то необъяснимым. Было время, когда мы уверовали в Бога и боролись за то, чтобы наша вера не подкрепилась вескими доказательствами, ибо в нашем искаженном мышлении укоренилось представление, будто вера куда сильнее, чем реально существующие факты.

А разве стали мы лучше, размышлял Лэтроп, изгнав из сознания веру и мистицизм, поспешив рассовать по тайникам

древние верования и религии под приглушенный смех Галактики, которая верит в логику и все надежды возлагает лишь на реальность предметного мира. Мы ведь только на шаг, думал он, не более чем на шаг приблизились к истинной логике и познанию объективной реальности, возведя в культ поклонение этому фетишу. Быть может, в далеком будущем наступит день, когда мы познаем иную реальность, сохраним к ней логический подход и вновь обретем душевный покой, который утратили, когда потеряли веру в божественное начало.

Гном принялся за приготовление еды, и от его стряпни в пещере распространился приятный запах. Почти земной. Быть может, это блюдо окажется не таким уж противным на вкус, чего поначалу боялся Лэтроп.

— Вы такой, как Клэй? — спросил гном.

— Стараюсь быть таким же — он мне очень нравился.

— Нет-нет, вы меня не поняли. Вы делаете то же, что и он? Такие же полоски?

Лэтроп отрицательно покачал головой:

— Сейчас я ничего не делаю. Я... (как сказать на их языке, что он ушел от дел?)... я закончил свою работу и теперь играю в одну игру.— (Он сказал «играю» и «игру» за неимением других слов.)

— Играете?

— Я больше не работаю. Делаю что хочу. Вот сейчас мне хочется узнать, как жил Клэй, и я... (нет слова «писать»)... я рассказываю о его жизни полосками, но не такими, какие делал он. Совсем, совсем другими.

Садясь на пол, Лэтроп поставил рядом свой рюкзак. Теперь он поднял его себе на колени, открыл и вынул из него блокнот и карандаш.

— Я делаю вот такие полоски,— сказал он.

Гном подошел к нему и стал рядом.

Лэтроп написал на листке блокнота:

«Я был ученым-футурологом. С помощью логики на основе фактического материала я пытался заглянуть в будущее человечества. Я искал истину».

— Вот такие полоски,— произнес он.— Я их сделал очень много, чтобы рассказать о жизни Клэя.

— Колдовство,— снова сказал гном.

В этом блокноте было записано все, что он узнал о Клэе. Все, кроме того, где и как он провел эти таинственные «потерянные годы». Страницы, заполненные информацией, которую нужно было систематизировать и облечь в форму связного повествования. Заметки, рассказывающие о странной жизни странного человека, который путешествовал в космосе от звезды к звезде, изображая на своих полотнах одну планету за другой и разбрасывая эти пейзажи по всей Галактике. Человека, скитавшегося словно бы в поисках чего-то иного, чем ландшафты, которые возникали перед его взором на этих планетах, чего-то нового, что он мечтал написать. Точно эти его пейзажи были всего лишь данью преходящему капризу, не более чем причудой и удобным способом заработать деньги, которые нужны были ему на пропитание и для того, чтобы оплатить очередное полтирование. За эти деньги он посещал по желанию любые солнечные системы. Он никогда не оставлял себе свои картины, продавая их все до единой, а иногда просто бросал их, перемещаясь на другую планету.

Но это не потому, что его пейзажи были плохи. Они были изумительны. Они с почетом экспонировались в картинных галереях (или помещениях сходного назначения) на многих планетах.

Клэй нигде надолго не задерживался. Он всегда спешил. Словно какая-то определенная цель, некий замысел гнали его от одной звезды к другой.

И его метание, его погоня за чем-то неведомым в результате привели к тому, что он кончил свои дни в этой пещере, годившейся лишь на то, чтобы укрыться в ней от ветра и дождя.

— А для чего? — спросил гном.— Для чего нужно делать полоски о жизни Клэя?

— Для чего? — переспросил Лэтроп.— Для чего это нужно? (И мысленно добавил: «Сам не знаю!»)

Но ответ на то, почему Клэй так стремительно перемещался с планеты на планету и почему он, Лэтроп, мчался по его следам, возможно, где-то совсем близко, стоит только протянуть руку. Наконец после долгих поисков он, возможно, получит ответ именно здесь.

Для чего вы делаете эти полоски?

А что на это ответить?

Что ответил на такой вопрос сам Клэй? Они же наверняка и его спрашивали об этом. Не о том, как он их делает, ибо если речь идет о колдовстве, подобный вопрос задавать не положено. Но для чего — об этом спросить можно. Не о таинстве самого колдовства, а о цели, которую преследует своими действиями колдун.

— Для того, чтобы мы узнали,— произнес Лэтроп, подбирая слова,— чтобы все мы — и вы, и я, и жители других планет — узнали, каким существом (человеком?) был Клэй.

— Он был... (добрый?). Он был нам близок. Мы любили его. Это все, что нам нужно знать о нем.

— Все, что нужно знать вам,— возразил Лэтроп.— Но этого недостаточно для других.

Хотя, вероятно, не многие прочтут его монографию, когда она будет написана. Жалкая горстка мыслящих существ потратит на это время, если вообще захочет ее читать.

Теперь наконец я понял то, подумал он, что знал всегда, но не хотел признавать это даже в глубине души: я собираю материал о Клэе не для других, а для себя. И делаю это не потому, чтобы заполнить свободное время, отработав свое и уйдя от дел, а по какой-то более важной причине, испытывая неодолимую тягу к такой деятельности. Из-за некоего еще не известного фактора, а может быть, желания (которого у меня прежде не было) удовлетворить эту пока не осознанную мною потребность. Чтобы достичь цели, смысл которой поразит меня, если я когда-либо вникну в него.

Гном вернулся к печи и снова взялся за свою стряпню, а Лэтроп продолжал сидеть на земляном полу, прислонившись спиной к стене пещеры. Теперь только он почувствовал, насколько устал. У него сегодня был трудный день. Само по себе полтирование не требовало особых усилий, его процесс субъективно казался легким, однако человека он выматывал. Вдобавок, чтобы добраться до этой деревни, Лэтроп прошел пешком миль двадцать.

Полтирование могло бы быть легким, но таковым не было, поскольку работа над усовершенствованием его процесса некогда была приостановлена из-за каких-то ошибочных представлений, а избавились от них только тогда, когда удалось покончить с некоторыми суевериями и надуманными предубеждениями, которыми человек прикрывал свое невежество. Так уж пове-

лось — если люди не понимали сути какого-либо явления, они относили его к категории суеверий и не пытались объяснить с научной точки зрения. Род человеческий мог с легкостью пренебречь такой глупостью, как суеверие, но не мог, не чувствуя за собой вины, отмахнуться от очевидных фактов.

Из туннеля донеслось шарканье, и в пещеру вошли четыре гнома. Они несли грубо сделанные орудия для полевых работ, которые прислонили к стене, а сами выстроились в ряд и молча уставились на сидевшего на полу человека.

Старый гном произнес:

— Это еще один такой, как Клэй. Он будет жить с нами.

Все четверо подошли к Лэтропу и стали полукругом, обратив к нему лица. Один из них спросил стоявшего у плиты гнома:

— Он поживет с нами и... (умрет?)

— Этот, кажется, пока не... (умирает?),— возразил другой.

Похоже, они заранее предвкушали его смерть.

— Я не собираюсь здесь умирать,— поежившись, заявил Лэтроп.

— Мы бы тогда... вас,— произнес еще один из четверки, повторив то слово, которое обозначало, что они сделали с Клэем, когда тот скончался, причем таким заискивающим тоном, словно предлагал человеку взятку за то, чтобы он остался с ними и умер.

— Но, может, он не захочет,— предположил другой гном.— Клэй сам сказал, чтобы мы так сделали. А этот может не захотеть.

От слов, произнесенных гномами, от их выжидающих взглядов в пещере повеяло ужасом, и у Лэтропа побежали по спине мурашки.

Старый гном прошел в дальний угол пещеры и взял там какой-то мешок. Вернувшись, он поставил этот мешок перед Лэтропом и потянул за шнур, которым была затянута горловина. Остальные с благоговением наблюдали за его действиями. Было ясно, что для них это — событие огромной важности, и если б можно было вообразить почти невероятное — что эти приземистые неуклюжие существа способны торжественно приосаниться,— то сейчас они выглядели так, будто всецело прониклись величием происходящего на их глазах действа.

Старый гном наконец распутал шнурок, перевернул мешок и, схватив его за основание, вывалил содержимое на земляной

пол. В образовавшейся куче Лэтроп разглядел кисти, множество пустых тюбиков от масляных красок (почти из всех краска была полностью выдавлена), потрепанный бумажник и еще какой-то предмет. Старый гном поднял его с пола и протянул землянину.

Лэтроп взял его в руку, внимательно осмотрел и вдруг понял, что они сделали с Клэем, понял, ни на миг не усомнившись в том, что за великие последние почести ему отдали гномы, когда он скончался.

В горле у Лэтропа что-то заклокотало — но не хохот над забавным открытием, ибо в этом не было ничего смешного. Он хохотал над превратным восприятием ценностей, над противоречием концепций, над головоломкой, которую преподнесли ему гномы, решив воздать Клэю именно такие последние почести. И еще над своим внезапным прозрением.

Сейчас он даже мог себе мысленно все представить: как они день за днем носили землю, чтобы насыпать холм, который он видел сегодня в поле за деревней; трудились в поте лица, зная, что их друг, неизвестно откуда прибывший к ним, вот-вот умрет; как они обошли всю планету в поисках дерева — ведь на ней в основном рос чахлый кустарник — и в конце концов нашли его и принесли сюда на своих согбенных спинах, ибо не ведали, что такое колесо; как они маялись, когда деревянными гвоздями соединяли куски дерева, старательно проколупав для этих гвоздей отверстия, поскольку не были знакомы с плотницким ремеслом.

И все это они делали из любви к Клэю, и весь их каторжный труд, все потраченное ими на это время ничего не значили по сравнению с красотой и величием того, что они совершили с такой любовью.

Он взглянул на распятие и, казалось, наконец понял, в чем заключалась странность личности Клэя и причина его бесконечных поисков, безумных лихорадочных метаний из одной солнечной системы в другую; отчасти это даже объясняло, откуда взялся его блестящий талант с такой ясностью выражать истину, едва проглядывавшую сквозь многие другие, о которых повествовала его кисть.

Ибо Клэй наверняка был одним из немногих, доживших до этого времени членов благородной древней секты землян; одним из тех представителей рода человеческого, ныне логически мыслящего и изучающего лишь доступные чувственному восприя-

тию явления окружающего его мира, одним из тех, кто некогда был привержен мистицизму и вере. Впрочем, видно, Клэю одной веры было недостаточно, так же как духовные потребности его, Энсона Лэтропа, порой не удовлетворяла реальность предметного мира. И тем не менее ему и в голову не приходило, что порывы Клэя объяснить настолько просто,— ведь все защищают свою веру от издевательских ухмылок вселенской Логики.

А скорее всего, ни вера, ни реальность не могут существовать порознь; должно быть, они взаимосвязаны и воздействуют друг на друга.

Впрочем, сказал себе Лэтроп, мне лично вера не нужна. Работая, я долгие годы изучал факты и объяснял их суть, исходя из законов логики,— это все, что человеку нужно. Если у него возникает иная потребность, то ее стимулирует какой-то другой, пока еще не изученный фактор. У нас нет нужды возвращаться к вере.

Очистите объективную реальность от веры в Бога и поклонения идолам — и вы получите нечто полезное для жизни. Подобно тому как давным-давно Человек, очистив от насмешек такое явление, как полтергейст, открыл механизм и принцип полтирования и стал перемещаться из одной солнечной системы в другую с той же легкостью, как в древности, гуляя по улице, доходил до полюбившегося ему бара.

Однако Клэй, несомненно, относился к этому иначе: приемля лишь то, что реально существует, он не мог бы писать такие поразительные пейзажи, если б свет, который согревал его душу, не исходил от веры и он во имя веры всецело не посвятил себя творчеству,— вот почему его картины так зачаровывали.

И именно вера побудила его в поисках неведомо чего скитаться по всем планетам Галактики.

Лэтроп взглянул на картину и увидел, сколько в ней благородной простоты, нежности, счастья и как ощутимо прекрасен заливавший пейзаж свет.

Именно такой свет, думал Лэтроп, правда, выписанный не столь совершенно, я видел на иллюстрациях старинных книг, которые изучал, проходя на Земле курс сравнительного анализа древних религий. Он вспомнил преподавателя, посвятившего несколько учебных часов толкованию символики света.

Он выронил из руки распятие и поднял с пола три-четыре пустых тюбика из-под краски.

Клэй не завершил работу над этой картиной, сказал при встрече Лэтропу гном, потому что у него кончились краски. И верно, тюбики были плоскими и сплющенными до самых крышечек — можно было даже разглядеть отпечатки пальцев, которые выдавливали из них последние драгоценные капли.

Он метался по Галактике, подумал Лэтроп, но я его все-таки догнал.

Даже после того, как он умер, я нашел его, внюхиваясь, точно ищейка, в остывающий след, который он оставил меж звезд. И я шел по этому следу, ибо я любил его — не человека по имени Клэй (я ведь не знал — да и откуда мне было знать? — каким он был человеком),— я следовал за ним потому, что почувствовал в его произведениях то, на что не обратили внимания искусствоведы. То, что нашло отклик в моей душе. Быть может, во мне пробудилась та самая древняя, ныне утраченная вера. Простая, наивная вера, еще в незапамятные времена задушенная элементарной логикой.

Но теперь-то я понял Клэя, сказал себе Лэтроп. Понял с помощью миниатюрного распятия, символики его последнего произведения и грубой реальности холма, что высится на этой нищей планете в поле за деревней.

И он понял, почему Клэй выбрал такую нищую, убогую планету.

Потому что в этой нищете, как в самой вере, есть смирение, которым никогда не отличалась логика.

Лэтроп мог с закрытыми глазами все представить себе как наяву: и мрачные облака в пасмурном небе, и унылую пустошь, и торфянистую равнину без конца и без края, и белую фигуру на кресте, и толпу низкорослых существ у подножия холма, на века отмеченных действом, смысл которого они не понимали, но которое вершилось благодаря их необычайно доброму отношению к тому, чья вера растрогала их сердца.

— Клэй когда-нибудь говорил вам, где он побывал перед тем, как появился здесь? — спросил гномов Лэтроп.— Откуда он пришел сюда?

Они отрицательно покачали головами.

— Нет, не говорил,— ответили они.

Он был там, подумал Лэтроп, где растут такие деревья, которые он изобразил на этом полотне. Там, где все преисполнено покоем, нежностью и чувством собственного достоинства. И где светло.

Человек очистил от шелухи суеверий такое явление, как полтергейст, и обнаружил под ней рациональное зерно — принцип полтирования. То же самое Человек проделал с левитацией, телепатией и многими другими парапсихологическими явлениями, но он никогда не пытался очистить от такой шелухи веру, чтобы найти под ней это самое рациональное зерно. Ибо веры самой по себе достаточно, она не терпит реальности. Какой же она представлялась тем, кто верил в Бога, таким разным по своей психологической структуре да еще говорившим на разных языках? Счастливая загробная жизнь, рай, ад, небеса, дарованное немногим свыше блаженство? Что из всего порождено фантазией верующих, а что, быть может, существует в действительности? Этого не знает ни одно мыслящее существо, если только оно не живет одной только верой, а сейчас никто, за немногим исключением, так не живет.

А не может ли оказаться, что на последнем столь значительном пути, по которому течет жизнь Галактики и где она набирается знаний, есть какой-то другой принцип, более важный, чем объективная реальность и вера,— принцип, пока еще никем не познанный, и осмыслят его лишь спустя тысячелетия. Не наткнулся ли Клэй, чей интеллект намного опередил свое время, а разум не подчинялся всеобщему процессу эволюции, на этот принцип, и кто, благодаря такой личностной особенности, получил о нем некоторое представление?

Вера потерпела поражение, ослепленная сиянием своей славы. А может, и объективно существующий предметный мир погубят резкие лучи испускаемого им света?

И разве человек, используя куда более мощное орудие — свою проницательность, отказавшись как от веры, так и от исследования объективно существующих явлений,— разве не может он, обойдясь без поисков, найти искомое и с успехом достичь конечной цели, к которой сознательно или бессознательно стремится все живое с той поры, как у обитателей мириада планет Галактики появились первые проблески разума?

Лэтроп нашел тюбик из-под белой масляной краски, отвинтил крышечку и выдавил капельку белой субстанции. Зажав

тюбик в одной руке, другой он поднял с пола кисть и бережно перенес на нее эту драгоценную каплю.

Он отбросил в сторону пустой тюбик, подошел к стоящей у стены картине, присел на корточки и в полумраке слабо освещенной пещеры стал пристально вглядываться в нее, стараясь найти точку, откуда льется на пейзаж этот удивительный свет.

Он обнаружил ее в левом верхнем углу картины, над горизонтом, хотя не был до конца уверен, что она находится именно там.

Лэтроп протянул к этому месту руку с кистью, но сразу же отвел ее.

Да, должно быть, свет льется отсюда. Человек, видно, стоял под этими могучими деревьями, обернувшись лицом к его источнику.

А теперь действуй осторожно, говорил он себе. Очень, очень осторожно, ибо это не более чем символ. Лишь намек на цветовое пятно. Один вертикальный штрих и другой, покороче, горизонтальный, под прямым углом к первому, ближе к его верхнему концу.

Он держал кисть неловко, как человек, впервые взявший ее в руку.

Кисть коснулась холста, но он вновь отвел ее в сторону.

«Что за глупость,— подумал Лэтроп.— С ума я схожу, что ли?» У него ничего не получалось. Он не умел писать маслом, но знал, что даже легчайшее прикосновение кисти к холсту может оставить грубый неверный след, который все осквернит.

Кисть выпала из его разжавшихся пальцев и покатилась по полу.

«Я попытался»,— мысленно сказал он Клэю.

Содержание

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ 5
Перевод с английского О. Битова

ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ 37
Перевод с английского Н. Евдокимовой

МИРАЖ 55
Перевод с английского О. Битова

РАЗВЕДКА 81
Перевод с английского Норы Галь

«ВТОРОЕ ДЕТСТВО» 101
Перевод с английского Т. Гордеевой

СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МИСТЕР ДЖЕЙМС 119
Перевод с английского А. Горбунова

ВЕТЕР ЧУЖОГО МИРА 136
Перевод с английского А. Корженевского

УЧТИВОСТЬ 153
Перевод с английского А. Филонова

ИЗГОРОДЬ 176
Перевод с английского В. Баканова

ИСТИНА 186
Перевод с английского К. Королева

ЭВОЛЮЦИЯ НАОБОРОТ 201
Перевод с английского О. Битова

СВАЛКА 230
Перевод с английского О. Битова

ДЕТСКИЙ САД 271
Перевод с английского Д. Жукова

ПОКОЛЕНИЕ, ДОСТИГШЕЕ ЦЕЛИ 317
Перевод с английского А. Иорданского

БЕСПОКОЙСТВО 359
Перевод с английского В. Мидянина

ТЕАТР ТЕНЕЙ 376
Перевод с английского С. Васильевой

ПОДАРОК 418
Перевод с английского З. Бобырь

КИМОН 426
Перевод с английского Д. Жукова

СОСЕД 476
Перевод с английского О. Битова

ЗЕЛЕНЫЙ МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК 501
Перевод с английского Н. Колпакова

ПЫЛЬНАЯ ЗЕБРА 521
Перевод с английского Д. Жукова

ДУРАК В ПОХОД СОБРАЛСЯ 548
Перевод с английского Д. Жукова

«СДЕЛАЙ САМ» 560
Перевод с английского Д. Жукова

ПРОЕКТ «МАСТОДОНТ» 599
Перевод с английского С. Трофимова

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ 635
Перевод с английского Б. Клюевой

ВАН ГОГ КОСМОСА 682
Перевод с английского С. Васильевой